

99 $\frac{16}{132}$ 31)

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXI

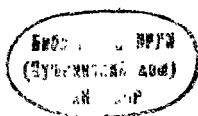
„ С Л О В О
О П О Л К У И Г О Р Е В Е “
И П А М Я Т Н И К И
Д Р Е В Н Е Р У С С К О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1976

Редколлегия:

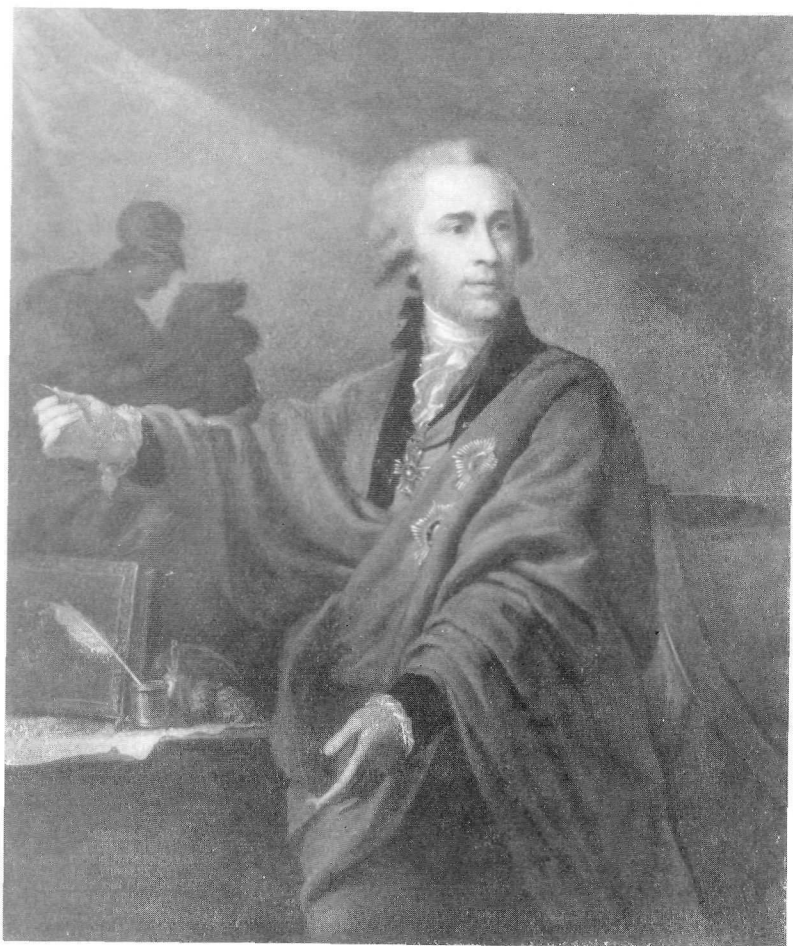
Л. А. ДМИТРИЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ (ответственный редактор),
М. А. САЛМИНА

С $\frac{70202-547}{042(02)-76}$ 303-76

© Издательство «Наука», 1976

Алексей Иванович Мусин-Пушкин.
Портрет маслом Ж.-Б. Лампи. 1794 г.
Государственный Эрмитаж.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. А. ДМИТРИЕВ

175-летие первого издания «Слова о полку Игореве»

(Некоторые итоги и задачи изучения «Слова»)

В 1975 г. исполнилось 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». Выход в свет в 1800 г. этой книги — событие большого значения: с этого времени «Слово о полку Игореве» стало неотъемлемой частью всего дальнейшего процесса развития русской литературы и культуры. Не менее важна эта дата и для русской науки. С 1800 г. и до наших дней этот памятник словесного творчества XII в. привлекает к себе внимание исследователей. В истории изучения его отразился процесс познания литературы Древней Руси вообще, проявились все достижения литературоведения, лингвистики, исторических наук за 175 лет. На работах по «Слову о полку Игореве» можно проиллюстрировать смену одних литературоведческих и исторических школ и направлений другими, показать расширение и углубление наших представлений о литературе и искусстве Древней Руси, о исторических событиях того времени, о политической и экономической обстановке XII в., об условиях жизни и быта эпохи и т. п. Вместе с тем неизменный интерес к «Слову», стремление понять и объяснить его идейно-политическую направленность, раскрыть содержание исторических реалий, понять особенности жанровой природы, составить точное представление о времени создания его, вникнуть в особенности языкового строя произведения не только раскрывают сущность этого памятника XII столетия, но и расширяют наши познания в истории, литературе, культуре, языке Древней Руси. Именно поэтому, как и каждое великое творение человеческого гения, «Слово» никогда не перестанет интересовать исследователей, и каждый новый этап в изучении памятника является очередным шагом в постижении его смысла и поэтического значения.

Юбилейные даты, связанные со «Словом о полку Игореве», в какой-то мере являются рубежами в истории изучения памятника, в его современной поэтической жизни. Таким, наиболее близким к нам рубежом в истории этого произведения был 1950 год, когда широко отмечалось 150-летие первого издания.

В самом юбилейном 1950 г. вышел в свет ряд трудов по «Слову». Прежде всего это сборник исследований и статей под редакцией В. П. Адриановой-Перетц.¹ В статьях сборника рассматривались вопросы идейной направленности произведения, особенности поэтики, жанровая структура, язык, комментировались отдельные места, освещалась история поэтической жизни «Слова» в XIX—XX вв. В том же 1950 г. вышло издание «Слова о полку Игореве» в академической серии «Литературные памят-

¹ Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

ники», подготовленное Д. С. Лихачевым.² Публикация древнерусского текста в прочтении издателя, воспроизведение текста первого издания и текста Екатеринбургской копии, два научных перевода на современный русский язык (ритмический и объяснительный), удачный подбор наиболее значительных поэтических переложений и переводов «Слова» XIX в. и нашего времени (В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, И. Козлова, И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого, Н. А. Заболоцкого), обширные археографический, исторический и географический комментарий, несколько специальных статей³ определили значение книги. До настоящего времени это одно из наиболее обстоятельных комментированных изданий «Слова».

В 1950 г. в научно-популярной академической серии вышла монографическая книга о «Слове» Д. С. Лихачева.⁴ 1950 год, однако, знаменателен в истории изучения «Слова о полку Игореве» не столько выходом в свет названных и еще некоторых юбилейных изданий, сколько тем, что и книги, и научные конференции, проходившие во время юбилея, открыли новые перспективы в изучении памятника, вызвали к нему повышенный интерес. После 1950 г. вышло много монографий и статей по «Слову», в числе которых немало принципиально важных и ценных по научным результатам исследований.

Много внимания было уделено вопросам подлинности и древности произведения. В ряду наиболее важных работ, специально и углубленно рассматривающих эту проблему, должны быть названы коллективные труды: «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века»,⁵ «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла»⁶ и монография В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков».⁷

В первом из названных сборников была поставлена задача — изучить «Слово» в его связях с историей, культурой, литературой и языком XII в. Рассмотрение «Слова о полку Игореве» во всех этих аспектах показало, что оно множеством нитей связано со своей эпохой. Вместе с тем сравнительный анализ поэтики произведения и системы мировоззрения его автора с литературными явлениями и мировоззрением времени открытия рукописи и первого издания показал чужеродность «Слова» и литературным, и историческим, и мировоззренческим взглядам конца XVIII—начала XIX в. (статья Ю. М. Лотмана «„Слово о полку Игореве“ и литературная традиция XVIII—начала XIX в.»).

Основную направленность второго сборника определяет с достаточной полнотой его заглавие. Вопрос о взаимоотношении «Слова» с «Задонщиной» — центральный в решении проблемы древности и подлинности «Слова». Для верного решения его необходимо точно установить, какова взаимосвязь всех списков «Задонщины», как соотносится текст «Задонщины» с другими произведениями Куликовского цикла («Летописной повестью», различными редакциями «Сказания о Мамаевом побоище»).

² Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

³ Историко-литературный очерк о «Слове» Д. С. Лихачева, статья В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия», статья Н. Н. Воронина «„Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII вв.».

⁴ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.—Л., 1950.

⁵ Слово о полку Игореве — памятник XII века. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1962.

⁶ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Редакторы Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1966.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

В сборнике этим проблемам посвящено несколько статей. Изучение самой «Задонщины» и анализ ее текстологических соотношений со «Словом о полку Игореве» убедительно показали вторичность ее первоначального, авторского, текста к тексту «Слова». Много внимания в сборнике уделяется характеристике языка «Слова» как литературного языка XII в. и отличиям его от более позднего языка XIV—XV вв., которым написана «Задонщина».

В монографии В. П. Адриановой-Перетц анализируются особенности поэтики «Слова» и связи ее с литературными традициями XI—XIII вв. Автор приходит к выводу о том, что и жанровая природа, и отдельные тропы, и ритмичность речи «Слова о полку Игореве» связаны с традициями словесного искусства этого времени. Весь словесный материал, из которого построено «Слово», при всем художественном своеобразии памятника, полностью соответствует способу выражения, зафиксированному в разных типах книжного и народного письменного языка той эпохи. Эти выводы основываются на обширных стилистических и лексических комментариях к тексту произведения, в которых приведены многочисленные параллели из большого круга оригинальных и переводных памятников русской литературы и деловой письменности XI—XIII вв.

Важнейшим трудом рассматриваемого 25-летия является «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“». ⁸ Здесь описывается весь словарный состав произведения. Для каждого слова даны все его значения, зафиксированные в памятниках до XVII в. включительно, привлекаются фольклорные материалы и материалы русских народных говоров, в ряде случаев в конце словарной статьи приводятся сведения о имеющихся к данному слову комментариях. К настоящему времени вышло 4 выпуска «Словаря» (до слов «пятькъ—пятница»).

150-летний юбилей первого издания заострил интерес к истории открытия рукописи «Слова» и истории самого издания. В Секторе древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР была предпринята работа по собиранию сведений о всех сохранившихся экземплярах книги и изучению архивных материалов, связанных с историей ее публикации. Результатом этой работы явилась специальная монография. ⁹

Последним по времени большим монографическим исследованием «Слова о полку Игореве» является труд академика Б. А. Рыбакова. ¹⁰ Автор в своих книгах рассмотрел обширные исторические, археологические и летописные материалы и высказал интересные соображения о политическом значении памятника, о времени его создания, о его первоначальном виде, о возможном авторе произведения.

Помимо исследований «Слова» за прошедшее после 1950 г. 25-летие, вышло несколько комментированных изданий его, в которых публиковались как уже проверенные временем поэтические переводы и переложения, так и новые переводы памятника и вариации на его темы. ¹¹ Были

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965; вып. 2. Д—Копье. Л., 1967; вып. 3. Корабль—Нынешний. Л., 1969; вып. 4. О—П. Л., 1973. Редакторы 1-го выпуска: Б. А. Ларин, Б. Л. Богородский, Д. С. Лихачев; редакторы 2—4-го выпусков: Б. Л. Богородский, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов.

⁹ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.—Л., 1960.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

¹¹ Слово о полку Игореве. Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания Д. С. Лихачева. М.—Л., 1952; Слово о полку Игореве. Вступительная статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой. Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева. Библиотека поэта. Большая се-

изданы монографические работы по отдельным вопросам «Слова»,¹² научно-популярные очерки,¹³ библиографические справочники и обзоры литературы.¹⁴ В Трудах Отдела древнерусской литературы, в различных ученых записках и других периодических изданиях систематически печатались статьи, посвященные как комментированию текста «Слова о полку Игореве», так и более общим проблемам.¹⁵ Многие из них имеют большое научное значение.

Часть из этих статей представляет собой ответы и возражения А. А. Зиминову, пытавшемуся обосновать свой взгляд на «Слово» как на произведение конца XVIII в., созданное Иоилем Быковским.¹⁶ В связи с полемикой о подлинности и времени написания памятника в некоторых статьях общепринятая датировка его 1187-м годом подверглась пересмотру и были высказаны новые соображения о времени создания «Слова» в гра-

рия. Л., 1952; Слово о полку Игореве. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. Лихачева. Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд. Л., 1953; Слово о полку Игореве. Вступительная статья, редакция текста, прозаический перевод и примечания Н. К. Гудзия. Поэтический перевод и примечания к нему В. И. Стеллецкого. М., 1955; Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961; Слово о полку Игореве. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Редакция текста и прозаический перевод И. П. Еремина. Поэтический перевод В. А. Жуковского. М., 1964; Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. Вступительная статья, редакция текстов, прозаический и поэтический переводы, примечания к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворное переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М., 1965; Слово о полку Игореве. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Библиотека поэта. Большая серия, 2-е изд. Л., 1967, и др.

¹² В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956; К. В. Кудряшов. Про Игоря Северского, про землю Русскую. Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. М., 1959, и ряд других изданий.

¹³ Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. Составитель О. А. Пини. Под редакцией Д. С. Лихачева. Л., 1958; Д. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.—Л., 1961, и др.

¹⁴ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955; Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, и др.

¹⁵ Цикл работ Н. В. Шарлеманя о природе в «Слове о полку Игореве» (печатались преимущественно в ТОДРЛ), статьи о языке «Слова» Л. А. Булаховского, Н. А. Мещерского, С. И. Коткова, А. Н. Котляренко и др., статьи, предлагающие новое толкование отдельных мест памятника — Р. О. Якобсона, А. В. Соловьева, Н. М. Дылевского, Д. Д. Мальсагова, ряд статей М. В. Щепкиной о погибшей рукописи «Слова», статьи об Иоиле Быковском Ф. Я. Приймы и В. В. Лукьянова, статьи о переводах «Слова» на славянские языки — П. Г. Богатырева, С. С. Советова, М. М. Шольсона, А. М. Панченко, Б. Ангелова, В. К. Петухова, статьи о поэтической жизни «Слова» в XIX—XX вв. и целый ряд других работ по «Слову».

¹⁶ А. А. Зиминов. 1) Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве». — РЛ, 1966, № 2, с. 60—74; 2) К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1966, вып. 34, Исторический сборник; 3) Когда было написано «Слово»? — ВЛ, 1967, № 3, с. 135—152; 4) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». — История СССР, 1968, № 6, с. 43—64; 5) «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор. — Русский фольклор, т. XI. М.—Л., 1968, с. 212—224; Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — ВИ, 1964, № 9, с. 121—140; Д. С. Лихачев. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? — ВЛ, 1964, № 8, с. 132—160; В. П. Адрианов-Перетц. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века. — РЛ, 1965, № 2, с. 149—153; Ф. Я. Прийма. О гипотезе А. А. Зиминова. — РЛ, 1966, № 2, с. 75—89; В. Д. Кузьмина. Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»? — ИОЛЯ, т. XXV, 1966, вып. 3, с. 197—207; Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмина, Ф. П. Филин. Старые мысли, устарелые методы. (Ответ Зиминову). — ВЛ, 1967, № 3, с. 153—176.

ницах XII—начала XIII в.¹⁷ Наиболее интересной и заслуживающей внимания является гипотеза Н. С. Демковой, которая датирует «Слово» серединой 90-х годов XII в. (между 1194—1196 гг.).¹⁸

Таковы, очень суммарно изложенные, некоторые итоги изучения «Слова о полку Игореве» за время с 1950 по 1975 г.

В т. XX ТОДРЛ, посвященном актуальным проблемам изучения древнерусской литературы,¹⁹ я писал о задачах, которые можно было считать в то время наиболее важными в исследовании «Слова». Ряд поставленных в этой статье вопросов в той или иной мере затрагивался в работах по «Слову», опубликованных с 1950 по 1975 г. Едва ли, однако, мы могли бы сказать, что какая-либо из намеченных проблем нашла окончательное решение. И зависит это не от недостатка работ или их качества, а от сложности и многогранности самого памятника, воспринимающегося и в наше время как живое явление современной культуры.

Одной из первоочередных задач в изучении «Слова о полку Игореве» я называл необходимость составления библиографического аннотированного справочника, в котором должна быть учтена вся литература о памятнике с 1800 г. по время составления библиографии. Задача эта не только не потеряла своей актуальности, но приобрела еще большую остроту. Последние библиографические справочники, посвященные «Слову», в которых была зарегистрирована литература с 1800 г. по время их составления (1938 г.), изданы в 1940 г.²⁰ Период с 1938 по 1954 г. отражен в библиографическом справочнике 1955 г.²¹ Иностранная литература по «Слову» до 1968 г. учтена лишь в кратком обзоре.²²

За 17-летний период (с 1938 по 1954 г.), на который приходится и годы Великой Отечественной войны, библиография «Слова» насчитывает более 500 единиц (в это число не входят зарубежные материалы). С 1955 по 1975 г. работ о «Слове» вышло значительно больше, чем за 1938—1954 гг. Если мы учтем к тому же, что справочники 1940 г., изданные небольшим тиражом, стали библиографической редкостью, то необходимость полного библиографического издания по «Слову о полку Игореве» станет очевидной.

Важнейшей темой в изучении «Слова», требующей разносторонней разработки, является язык памятника. Одной из первоочередных задач в 1964 г. была названа необходимость составления словаря языка «Слова» (в то время такая работа только начиналась). Теперь мы можем говорить о завершении в недалеком будущем этого труда. Однако окончание его не означает прекращения исследований языка произведения. Более того, материалы, собранные в словаре, должны увеличить интерес к разработке

¹⁷ См.: Д. Н. Альшиц. Ответ на вопрос № 7 к IV съезду славистов. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 37—41; Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 307—335.

¹⁸ Н. С. Демкова. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1973, № 14, История, язык, литература, вып. 3, с. 72—77.

¹⁹ Л. А. Дмитриев. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 120—138.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940; О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Под ред. и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940.

²¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1955. В рецензии на библиографию было дополнительно указано 97 работ по «Слову» (в библиографии учтено 447), — см.: П. Н. Попов. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., с. 706—716.

²² Ю. К. Бегунов. «Слово о полку Игореве» в зарубежном литературоведении. (Краткий обзор). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 236—249.

данной темы. Изучение языковых особенностей «Слова о полку Игореве», лексики, фразеологии, грамматических форм произведения остается одной из постоянных и актуальных проблем. В предлагаемом томе ГОДРЛ целый ряд работ в той или иной степени тесно связаны с этой темой.

Важному и вместе с тем мало разработанному вопросу о взаимоотношении лексики «Слова» с лексикой народных говоров посвящена статья В. А. Козырева «Словарный состав „Слова о полку Игореве“ и лексики современных русских народных говоров». К большинству гапаксов «Слова» и лексемам, редко встречающимся в других древнерусских текстах, В. А. Козырев привел параллели из современных народных говоров, преимущественно Брянской области. Лексические данные народных говоров этого ареала дают ценный материал для понимания и истолкования целого ряда темных мест произведения, помогают уточнить и по-новому понять значение отдельных образов памятника, подтверждают некоторые гипотезы комментаторов. Начатый С. И. Котковым и продолженный В. А. Козыревым сравнительный анализ текста «Слова» с данными народных говоров — лишь начало большой работы такого плана.

По существу, вопросам языка «Слова» посвящена и статья В. Ю. Франчук «Мог ли Петр Бориславич создать „Слово о полку Игореве“? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи)». Б. А. Рыбаков в упоминавшейся выше работе связал создание «Слова» с именем киевского боярина Петра Бориславича. Исследователи летописания (К. Н. Бестужев-Рюмин, И. П. Хрущов, Д. С. Лихачев) уже высказывали предположение, что авторству этого боярина, дипломата и политического деятеля, принадлежат некоторые тексты, входящие в Ипатьевскую летопись. Б. А. Рыбаков значительно расширил число предполагаемых текстов и пришел к заключению об активной летописной деятельности Петра Бориславича. Таким образом, гипотетически ряд фрагментов в Ипатьевской летописи атрибутируется как принадлежащий этому летописцу. В. Ю. Франчук поставила перед собой задачу проанализировать характер отношения языка «Слова» к языку Ипатьевской летописи. В результате проделанных сопоставлений выявляется, что ряд специфических лексических и грамматических конструкций «Слова» находит соответствие только в тех частях Ипатьевской летописи, которые соотносятся с именем Петра Бориславича. Статья В. Ю. Франчук продолжает и дополняет труд В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков». То, что В. Ю. Франчук смогла обнаружить новые материалы, подтверждающие тесную связь «Слова» с современной ему письменностью, — свидетельство плодотворности и необходимости дальнейших поисков в этом направлении.

Хотя с темой языковых исследований «Слова» статья А. Н. Робинсона «„Русская земля“ в „Слове о полку Игореве“» непосредственно и не связана, о ней следует сказать именно здесь, в связи с этой проблемой. Анализируя содержание понятия «Русская земля» в «Слове» и в современных ему летописных текстах, А. Н. Робинсон приходит к выводу, что это определение имеет в виду лишь Южную Русь. Призыв автора «Слова» к князьям различных княжеств — поэтическая гипербола, которая не вызвала никаких политических последствий. Ограничительная концепция понятия «Русская земля», употребляемого в «Слове», приводит к заключению А. Н. Робинсон, характерна для конца XII—начала XIII в., что служит лишним свидетельством подлинности памятника и подтверждает его датировку — конец XII столетия.

Проблемам языка «Слова о полку Игореве», вопросам передачи древнерусского текста в первом издании и Екатерининской копии, соображениям о сгоревшей рукописи посвящена статья О. В. Творогова «К вопросу

о датировке Мусин-Пушкинского сборника со „Словом о полку Игореве“». Анализ орфографии первого издания и Екатерининской копии, с учетом издательской практики в передаче древнерусских текстов в конце XVIII—начале XIX в., приводит автора к заключению о невозможности реконструировать подлинный текст «Слова» во всех деталях. Однако он считает, что имеющихся материалов достаточно для реконструкции типа орфографии погибшей рукописи. Целый ряд черт этой реконструированной орфографии погибшей рукописи памятника роднит ее с орфографией рукописей XV—XVI вв. и решительно препятствуют допущению что Мусин-Пушкинский список «Слова» мог быть переписан в XVII в. Вместе с тем О. В. Творогов доказывает, что в погибшем сборнике находился Хронограф XVII в. Эти наблюдения приводят его к выводу, что сборник со «Словом» — конволют.

Издания «Слова о полку Игореве», как правило, сопровождаются обширными комментариями, в которых, помимо обобщения уже накопленных данных, подчас встречается немало оригинальных наблюдений. Комментаторский характер носит едва ли не большая часть всей выходящей литературы по «Слову».

В «Словаре-справочнике» в отдельных случаях дается подборка основных комментариев к тому или иному слову памятника. Но, как отмечал еще И. П. Еремин при обсуждении проекта «Словаря-справочника», — это издание не может и не должно представлять собой свод комментариев, ибо задачи словаря и комментирование текста — разные вещи.²³ А между тем необходимость такого свода ощущается, по сути дела, в самой структуре разделов комментариев многих изданий «Слова». Комментатор стремится привести существующие объяснения комментируемого слова, оборота, события, имени и лишь после этого высказывает свою точку зрения, — либо соглашаясь с имеющимися гипотезами, либо выдвигая свои собственные. Но учесть все толкования текста «Слова» подчас просто невозможно из-за обилия и разнообразия работ, из-за того, что очень ценные и интересные наблюдения иногда встречаются в трудах, непосредственно к «Слову» не относящихся. Иметь же исчерпывающие данные обо всех комментариях к «Слову» каждый, кто приступает к его изучению, переводу, — должен. Именно поэтому необходимо создать свод всех существующих комментариев к тексту «Слова». В статье 1964 г. как образец такого свода я называл книгу В. Н. Перетца 1926 г.²⁴ И сейчас мы должны сказать, что эта работа может быть взята за основу создания современного научного сводного справочника комментариев к «Слову». Такое издание должно подытожить большую комментаторскую работу, проделанную более чем за полуторавековой период. При этом необходимо учесть, дав им соответствующую оценку, все необоснованные, дилетантские упражнения на темы «Слова», к сожалению многочисленные и часто встречающиеся до сих пор. Такой справочник стал бы ценным и нужным изданием для серьезных занятий «Словом» и предупредил бы излишние повторения и «открытия» уже давно открытых истин.

Одной из принципиально важных проблем исследования памятника, отмечаемых в статье 1964 г., называлась проблема взаимоотношения «Слова» и текстов «Задонщины», которая была подробно рассмотрена в упоминавшемся выше коллективном труде 1966 г. «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла». Однако книга 1966 г. не завершила разработки данной темы, и ученые обращаются и будут обращаться

²³ См.: Л. А. Дмитриев. Обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“». — Научные доклады Высшей школы, Филологические науки, 1961, № 4, с. 161.

²⁴ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926.

к ней в дальнейшем. Текстологическое изучение всех памятников Куликовского цикла не завершено. И в ходе последующих исследований будут уточняться вопросы взаимосвязи текстов «Задонщины» и «Слова». Уже после выхода в свет книги 1966 г. вопрос о характере отношения различных списков «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» затрагивался в литературе. В предлагаемом томе ТОДРЛ этой теме посвящена статья Д. С. Лихачева «Взаимоотношение списков и редакций „Задонщины“ (исследование Анджело Данти)». Основной аргумент скептиков, считающих «Слово» памятником позднего происхождения, заключается в следующем: текст «Слова о полку Игореве» ближе к тексту «Задонщины» по поздним спискам, а не к раннему, дошедшему до нас в Кирилло-Белозерском списке Ефросина (список *Кб*), следовательно, утверждают они, не «Задонщина» восходит к «Слову», а, наоборот, — «Слово» зависит от «Задонщины». Поэтому-то решение вопроса о взаимоотношении списков «Задонщины» столь важно для доказательства подлинности «Слова». Анализируя существующие точки зрения на характер взаимоотношения списков «Задонщины», Д. С. Лихачев показывает наибольшую обоснованность и научную аргументированность тех работ, в которых доказывается, что в списке «Задонщины» *Кб* до нас дошел уже переработанный ее текст. При этом текст списка *Кб* вместе со списком *Син.* (Синодальным) восходят к архетипу, представлявшему особый извод произведения. Сложность текстуральных взаимоотношений в данном случае состоит в том, что список *Кб* — особая, Ефросиновская, редакция Синодального извода «Задонщины», а список *Син.* входит в группу другой редакции памятника. Лишь учитывая эту сложность взаимоотношения списков «Задонщины», можно правильно решить вопрос о ее текстах и о взаимоотношении «Задонщины» со «Словом». И это решение опровергает аргументацию тех, кто пытается возводить «Слово» к «Задонщине». Вместе с тем установленный характер взаимоотношения списков «Задонщины» имеет важное значение в текстологии вообще. На этом примере Д. С. Лихачев показывает сложность и разнообразие текстологических построений и обосновывает необходимость подхода к решению текстологических вопросов не механически, а исторически, учитывая прежде всего не количественные показатели разночтений, а их «направленность».

Неизменно существующими в изучении «Слова» остаются вопросы его поэтики, его связей с современной ему книжной культурой и устным творчеством, проблема жанровой природы памятника и тесно примыкающий к ней вопрос о ритмическом строе произведения. Все эти темы в исследованиях по «Слову» за период с 1950 по 1975 г. либо специально, либо в той или иной степени попутно рассматривались и в отдельных статьях и сборниках, и в монографических работах. Столь же актуальны они и сейчас. Ряд статей по данной тематике публикуется и в настоящем томе ТОДРЛ.

В круг этих тем входит статья Д. М. Шарыпкина «Боян в „Слове о полку Игореве“ и поэзия скальдов». Несмотря на то, что наше представление о Бояне зиждется на немногочисленных упоминаниях о нем в «Слове», вопрос о том, что представлял собою Боян как песнотворец, предшествовавший автору «Слова», волнует не одно поколение исследователей. Преромантические представления о Бояне, характерные для начала XIX в., по существу дожили до наших дней, и образ Бояна весьма далек от исторической достоверности. Д. М. Шарыпкин рассматривает творчество Бояна, каким оно рисуется в характеристиках автора «Слова», на фоне традиций скандинавских скальдов. Он приходит к заключению, что в стадиально-типологическом отношении характер творчества Бояна сродни поэзии скальдов. Можно не только говорить о непосредственном

знакомстве Бояна со скальдической поэзией, но и предполагать, что Боян учился у варяжских скальдов. Хвалебные песни скальдов и Бояна представляли собой промежуточную стадию между фольклором и литературным творчеством. В хвалебных песнях Бояна князьям скальдические приемы и образы составляли прочную стилистическую структуру. И в этом отношении характер творчества автора «Слова» заметно отличается от творчества Бояна, представляя собой более высокий этап литературного развития.

Вопросы соотношения «Слова» с библейской литературой уже привлекали к себе внимание исследователей. Несколько статей этой теме посвятил В. Н. Перетц, тематические аналогии в «Слове» с византийской эсхатологией были отмечены Р. О. Якобсоном. В данном томе в статье И. Клейна «„Слово о полку Игореве“ и апокалиптическая литература» рассматривается связь отдельных элементов их поэтики. Во всей совокупности привлеченных исследователем материалов даже второстепенные и на первый взгляд чисто случайные аналогии приобретают определенную доказательность, а главное, расширяют и углубляют наше представление о сложности и многогранности поэтической системы «Слова о полку Игореве». Вместе с тем эта статья иллюстрирует тесную связь «Слова» с поэтикой времени создания памятника.

К кругу работ по поэтике «Слова» примыкает и статья Б. И. Яценко «Солнечное затмение в „Слове о полку Игореве“». Здесь рассматривается вопрос о том, какую роль в поэтическом замысле автора произведения играет солнечное затмение. Солнечное затмение имеет в поэтике «Слова» символическое значение, а не является документальной констатацией действительного события. Поэтому автор «Слова» дважды говорит о солнечном затмении, и никакой перестановки в тексте «Слова» для устранения этого повтора делать не следует. По мнению Б. И. Яценко, солнечное затмение, неоднократные возвращения в тексте памятника к образу тьмы, преодолевающей свет, символизируют политическую обстановку той эпохи. В статье высказываются также некоторые соображения о времени создания «Слова», развивающие гипотезу по этому вопросу Н. С. Демковой.

Как уже отмечено выше, с вопросами поэтики и жанра «Слова» тесно связан вопрос о ритмической организации текста памятника. С тем, что «Слово» обладает определенной ритмичностью, согласны все. Однако определение природы этой ритмичности не выходило за рамки смутных догадок и предположений. На научную основу разработка этой темы могла опереться лишь тогда, когда мы получили бы ключ к раскрытию акцентологической системы конца XII в. И шаг в этом направлении сделан. Попытку восстановить первоначальное звучание «Слова» сделал В. В. Колесов в публикуемой в этом томе ТОДРЛ статье «Ударение в „Слове о полку Игореве“». В. В. Колесов — крупный специалист в области исторической акцентологии, и его работа основана на прочном научном фундаменте. Только зная закономерности расстановки ударений в тексте «Слова о полку Игореве», мы можем претендовать на раскрытие его ритмической структуры. Услышать «Слово» так, как оно могло звучать во время его создания, интересно не только для исследователей памятника, но и для переводчиков его на современный язык. Расстановка ударений позволила В. В. Колесову в числе прочих наблюдений, установить, что в цитатах из песен Бояна система ударений отличается от остального текста и отражает более ранний этап древнерусской акцентологии, чем тот, который характерен для остального текста произведения. Это наблюдение — серьезный аргумент, подтверждающий древность создания «Слова» и говорящий о реальном существовании Бояна.

Разумеется, как и всякий научный труд на сложную и мало разработанную тему, исследование В. В. Колесова не может претендовать на полное и окончательное решение вопроса, но оно является принципиально важным этапом в проблеме акцентологии «Слова» и послужит хорошей основой для последующих дополнений, уточнений и дальнейшей разработки темы.

Кроме статей по основным вопросам изучения «Слова», в предлагаемой книге печатаются работы комментаторского характера. В них рассматриваются пассажи памятника, до сих пор вызывающие различное понимание и толкование, даются исторические комментарии к тексту, освещаются отдельные эпизоды литературной истории памятника в новое время. Большая статья М. Ф. Гетманца посвящена историко-географическому анализу похода Игоря в Половецкую степь («По следам князя Игоря»).

В данном томе нет работы, специально посвященной истории первого издания «Слова». Однако это объясняется не тем, что такой вопрос уже окончательно разрешен. В монографии «История первого издания „Слова о полку Игореве“» мною было описано 60 экземпляров первого издания. В настоящее время часть этих экземпляров переместилась (в новых местах или у иных владельцев находятся сейчас экземпляры первого издания В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, Н. П. Смирнова-Сокольского и некоторые другие). Следует проверить и уточнить местонахождение в настоящее время всех описанных экземпляров книги. Не исключена возможность обнаружения новых экземпляров первого издания, не учтенных в монографии. Так, Л. И. Пуцилов сообщил в Сектор древнерусской литературы о экземпляре первого издания, находящемся в Чеховском книгохранилище в Таганроге.²⁵ Таким образом, поиски сохранившихся книг первого издания «Слова» могут быть продолжены. Следует продолжать и архивные разыскания, — и здесь могут обнаружиться новые материалы как по истории приобретения А. И. Мусиным-Пушкиным рукописи «Слова», так и по истории первого издания и первых переводов памятника.

В заключение необходимо сказать следующее. Гибель рукописи «Слова о полку Игореве» вместе с остальными богатейшими коллекциями А. И. Мусина-Пушкина невольно вызвала как у современников Мусина-Пушкина, так и в последующие времена чувство досады, осуждения его за то, что он не смог сохранить этой драгоценной для русской культуры и истории реликвии. А это, в свою очередь, накладывало отпечаток неприязненного, пренебрежительного отношения к Мусину-Пушкину. Настало время хладнокровно и объективно рассмотреть всю деятельность А. И. Мусина-Пушкина и как коллекционера, и как ученого, и как государственного деятеля своего времени.

«Слово о полку Игореве» погибло в пожаре Москвы 1812 г., и этого нельзя не принимать во внимание, говоря о вине Мусина-Пушкина в гибели рукописи. В 1812 г. в Москве, как известно, погибла не только кол-

²⁵ Привожу краткие сведения об этом экземпляре, сообщенные Л. И. Пуциловым. Первое издание «Слова» входит в конволют: оно находится в одном старинном переплете с мусин-пушкинским изданием «Поучения» Владимира Мономаха. Между «Словом» и «Поучением» вплетена рукописная копия с дарственной грамоты Михаила Федоровича Кузьме Минину и выписка из дозорных книг. Между страницами первого издания «Слова» вплетены чистые листы бумаги. На двух из них имеются краткие заметки исторического комментаторского характера: против с. 4 — «Святослав Ярославич 1079 убит половцами, которых нанимал он ко вреду своего отечества», против с. 5 — «Солнечное затмение считали в старину предвестником бедствия» и «1378 Василий тысяцкий мечем пятак легко на Кучковом поле в граде Москве». На трех страницах самого «Слова», на 5-й, 19-й, 27-й, подчеркнуты отдельные слова и фразы. Концовка в книге первого вида — лира с веточкой розы. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Л. И. Пуцилова за сообщенные им сведения.

лекция Мусина-Пушкина, но и целый ряд других ценных рукописных собраний, как частных, так и государственных.

А. И. Мусина-Пушкина обвиняют в том, что он, пользуясь занимаемой им должностью обер-прокурора Синода, пополнял свою коллекцию рукописями из монастырских библиотек. Из свидетельств современников, вместе с тем, хорошо известно, что он с охотой предоставлял историкам и любителям отечественных древностей рукописи из своего собрания. (Несколько мусин-пушкинских рукописей сохранилось благодаря тому, что они находились в 1812 г. у Н. М. Карамзина). Рукописное собрание Мусина-Пушкина, таким образом, не являлось предметом только честолюбивых устремлений коллекционера: собиратель понимал научное и национальное значение собранных им материалов. И очень может быть, что А. И. Мусин-Пушкин не столько присваивал себе монастырские рукописи, сколько стремился уберечь их от невежества монастырских властей. Как обер-прокурор Синода он лучше, чем кто-либо другой, должен был знать, что в монастырях весьма часто относились к рукописным древностям с крайним пренебрежением и халатностью, не видя в них никакой ценности и считая их ненужным хламом.²⁶

Требует уточнения и характеристика А. И. Мусина-Пушкина как просвещенного человека своего времени. Он входил в число первых членов и сотрудников созданного при Московском университете Общества истории и древностей российских. Ему принадлежит честь издания таких важных для русской истории памятников, как «Русская Правда», «Поучение» Владимира Мономаха, «Книга большому чертежу». Наконец, ведь именно благодаря А. И. Мусину-Пушкину до нас дошла Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» и издание «Слова» 1800 г. Одной из актуальных задач, важной как для изучения «Слова о полку Игореве», так и для истории русской культуры, является монографическое исследование об А. И. Мусине-Пушкине, открывшем «Слово о полку Игореве» и издавшем его.

---

²⁶ Вот что, например, пишет об одном из таких случаев В. С. Иконников: «Еще в XVIII в. часть рукописей Воскресенского монастыря была отослана в Синод и досталась гр. Мусину-Пушкину, другая же часть их была умышленно сожжена епископом Сильвестром (1785—1788), который считал их совсем ненужною дрянью, и если бы не остановил его архимандрит Аполлос, то и вся библиотека монастыря подверглась бы подобной же участи» (В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, с. 174—175).

Д. М. ШАРЫПКИН

Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов

Предположение, что «Слово» имеет нечто общее с сагами и поэзией скальдов, не доказано и не опровергнуто, между тем ученые указывали на важность этого вопроса.¹ Для ответа на него необходимо выяснить, какие традиции развивал автор «Слова» в истории русской литературы как части литературы всемирной и от каких традиций он отказывался. И здесь на первый план выступает предтеча великого поэта — вещий Боян. Литература о нем огромна, но те слова, которыми он охарактеризован в начале поэмы («Боян бо вѣщій, аще кому хотяше рѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрым вѣлком по земли, шизым орлом под облакы»), еще не объяснены достаточно убедительно.

Памятник был открыт в начале XIX столетия, в эпоху литературного преромантизма: естественно, что «Слово» осмыслилось его первооткрывателями в духе своего времени. По представлениям романтиков, древний певец, будь то Гомер или Оссиан, отличался необузданной фантазией, не подчинявшейся никаким эстетическим нормам и канонам. Бряцая на лире или арфе, он слагал свои «сладкие гимны» о самых важных событиях окружающей действительности. Он сладкогласно пел, и не было преград его эпическому вдохновению: ему внимала вся природа, с какой его возвышенная душа и чувствительное сердце пребывали в самом тесном сродстве. Люди древности, будучи наивными и простодушными, обожествляли певца, и везде ему сопутствовала громкая слава. Так был понят и образ Бояна:² конечно, скандинавские скальды, реально су-

¹ «Гипотезу о скандинавском влиянии на „Слово“ нельзя не признать интересной и заслуживающей серьезного внимания» (Н. К. Гудзій. Литература «Слова о полку Игореве» за последнее двадцатилетие. 1894—1913. — ЖМНП, 1914, № 2, с. 371); «... в сфере иноземного влияния нельзя упускать из вида возможность подражания памятникам скандинавской литературы» (А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М., 1923, с. 14); «... историческая связь... поэзии скальдов... с нашим „Словом“ представляется весьма вероятной» (В. Ф. Ржигала. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 109), и т. д. Краткие очерки литературы о скандинавском влиянии на «Слово» см.: В. Перетц. «Слово» і західньо-європейський середньовічний епос. — В кн.: В. Перетц. Слово о полку Игореві. Київ, 1926, с. 81—87; Margaret Schleich. Scandinavian influence on the «Slovo»? — In: Russian epic studies. Philadelphia, 1949, p. 99—124.

² В первом издании «Слова» комментарий о Бояне гласил: «... так назывался славнейший в древности стихотворец русской... Из некоторых в пример здесь приведенных слов его явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно» (Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 2). А. С. Шишков объяснял Бояна в таком же преромантическом стиле: «Приметим... богатство сей мысли, когда Боян воспевать кого хотел, растекался мыслию по деревьям, по лесам, носился воображением по земле, как рыщущий за снедию серый волк, парил под облаками, как сизый орел, везде смотрел, искал, собирал, чем бы наполнить ум свой и обогатить воображение,

ществовавшие древние придворные певцы, в такую умозрительную схему не укладывались.

Как ни странно, подобные типично преромантические представления о древнем русском певце Бояне в некоторых главных своих чертах дожили до наших дней. (Эти же представления отчасти послужили фундаментом, на котором строят свою аргументацию скептики).³ Постоянно находились критики, которые, говоря о Бояне, оставляли академическую сдержанность и преисполнялись пиитическим восторгом. Тогда все, что сказано в «Слове» о Бояне, понималось как собрание комплиментов, идущих один за другим со все нарастающей интенсивностью: очень хорошо, что Боян — вещей, что он растекался по древу, помнил усобицы, напускал соколов на лебедей. Законченное выражение концепция о гениальном и вдохновенном Бояне приняла под пером Е. В. Барсова.⁴

Ф. И. Буслаев, как и большинство его современников, видел в характеристике Бояна «возвышение и расширение творческой фантазии», хотя и признавал, что здесь разумеется возвышенность образа мысли и широта взгляда не в современном смысле этих слов.⁵ В параллель характеристике Бояна Буслаев приводил зачин русской народной песни:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — окиян-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские. . .

Однако подобие это — чисто внешнее. Такую широту у архаического певца до сих пор нигде открыть не удавалось. Певцов, чья фантазия не подчинялась бы строгим эстетическим нормам и парила в поднебесье, история литературы не знает. Неукротимый творческий порыв в песенной славе князю неуместен; она создается по строгим правилам, на определенный случай, по определенному поводу и на известное лицо. В зачине «Слова» речь идет не о беспределности Боянова вдохновения; наоборот, автор «Слова» определяет четкие его границы.

Другие исследователи предполагали, что характеристика Бояна — риторическое вступление, разработанное по приемам классической поэтики и обязательное для всякого эпического поэта византийской школы; Боян «заменяет автору музу».⁶ Александр Веселовский с грустью писал: «Дружинные певцы забыты. Так забыт был наш Боян; стилия его „замышлений“ не раскрыть под риторической фразеологией автора Слова о полку Игореве».⁷ По мнению М. Халанского, вступление рисует, как Боян «разбегался мыслию по гуслям, по струнам, соображая слова песни

дабы потом, взяв лиру, возгласить на ней песнь громкую. Какой великолепный приступ!» (Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией, ч. 1, кн. 8. СПб., 1805, с. 9).

³ См.: Н. К. Г у д з и й. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. Под ред. Д. С. Лихачева. М. — Л., 1962, с. 94.

⁴ Одна из глав его монографии носит характерное заглавие: «Слово, как песнь, подобная Бояновой»; здесь сказано: «Автор не скрыл своего необыкновенного уважения к этому песнотворцу и своего увлечения его старыми словами. . . Творчество Бояна было живо и быстро, как прыганье белки, широко и раздольно, как скакание волка, восторженно и возвышенно, как парение орла под облаками. . . Лишь одна стихия служила руководящим началом его песнотворчества: это было „замышление“» (Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 301, 303).

⁵ Ф. И. Б у с л а е в. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, с. 394.

⁶ Все в. М и л л е р. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, с. 62.

⁷ А. Н. В е с е л о в с к и й. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 321.

и мелодию и беря первые аккорды (как поступают теперешние бандуристы)». При этом Халанский замечал, что «музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого др.-сев. герм. певцы сказывали свои песни, — арфа, в англосаксонской поэзии называется деревом веселья (*gomenvudu*)». ⁸ Забегая вперед, скажем, что, действительно, один из смысловых пластов вступления — это Боянова игра на некоем музыкальном инструменте, обозначенном развернутым многочленным метафорическим перифразом, основообразующий элемент которого («древо») весьма распространен в качестве образной основы многих древнесеверных кеннингов. ⁹ Метафора в зачине «Слова» заставляет музыкальный инструмент Бояна принять масштабы огромные, делая его как бы средоточием человеческого мира. Однако почему же автор «Слова» не любит вдохновенной игры на музыкальных инструментах?

Очевидно, зачин в «Слове» имеет и другой смысл. Спор с Бояном — не застывшая риторическая фигура, а провозглашение нового эстетического кредо. Так думал А. С. Пушкин: «... неизвестный творец Слова о полку Игореве не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. . . . Не рещу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. . . . Живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени». ¹⁰ В наше время эту мысль научно обосновали Д. С. Лихачев ¹¹ и Г. Н. Поспелов. ¹²

Задача предлагаемой статьи — показать, что творчество Бояна в стадиально-типологическом отношении находится в сродстве с поэзией скальдов и что об этом можно судить по тексту «Слова». Хвалебные песни скальдов и Бояна представляют собою стадию, промежуточную между фольклором и литературой, когда выделяется самое понятие поэзии, происходит переход «от певца к поэту» (А. Н. Веселовский), «от господства безличного фольклорного творчества к осознанному личному авторству». ¹³ Текст «Слова» дает основание полагать, что Боян был непосредственно знаком со скандинавской скальдической традицией, а может быть, и учился у варяжских скальдов.

Характеристика, данная Бояну в «Слове», полисемантическая. В зачине он как песнотворец охарактеризован — в метафорическом смысле — формулой тройственного превращения. Ее можно понимать в нескольких смысловых вариантах.

1. Эта формула выражает архаическое представление о поэтическом творчестве как о волховании, сверхъестественном знании. Поэтическое

⁸ М. Халанский. Южнославянские сказания о кравеиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893, с. 216—217.

⁹ Как отметила В. П. Адрианова-Перетц, «метафоры „Слова“ нередко превращаются в постоянные символы, и с их помощью создаются целые эпизоды — картины, метафорически-символический смысл которых сам автор раскрывает тем или иным конкретизирующим отдельным словом» (В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 30).

¹⁰ А. С. Пушкин. Песнь о полку Игореве. — В кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 12. М.—Л., 1949, с. 149, 152.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. 1) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 30; 2) Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Л., 1955, с. 59, 117, 118.

¹² См.: Г. Н. Поспелов. К вопросу о стиле и жанре творчества Бояна ведего. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2, 1947, с. 42—45.

¹³ М. И. Стеблин-Каменский. О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов. — ИОЛЯ, т. XVI, 1957, вып. 2, с. 114.

искусство, как и колдовство, требовало от древнейшего певца особых оккультных познаний, владения специфическими приемами поведения. «Вещим» (или «мудрым», hinn Fræði) прозывался легендарный собиратель песен Старшей Эдды, слывший волшебником, общавшимся с нечистой силой. Слово «fræði» в древнеисландском языке означает не только «мудрость», но и «писание», «закливание» и «стихотворение».¹⁴ Боян назван в «Слове» потомком (внуком) Велеса, божества, очевидно ведающего и поэзией, т. е. Боян как поэт унаследовал важные качества своего мифического предка. Поэтому напрашивается сравнение Бояна со скандинавским Одином, о котором мы знаем куда больше, чем о Велесе. Бог Один — изобретатель рун, отец песни и саги, бог мудрости и покровитель скальдов, «небесная модель» земного вещего песнотворца, сочетающего в себе «рациональное знание и экстатическое откровение».¹⁵ Один — «бог вдохновения, и само его имя происходит от слова, которое значит „дух“, „исступление“, „поэзия“».¹⁶ Он «не одновиден» (eigi ein-hangr), — так скальды обозначали оборотня. У него множество имен, некоторые из них указывают на его тесную связь с символами «срединного мира» — ветром и мировым деревом. Один, желая постичь высшую мудрость, руны и заклинания, добровольно принял муку, пронзив себя копьём и повесившись на мировом древе. «Не скрывается ли здесь... описание ритуала (шаман взбирается на «мировое дерево»)»?¹⁷ Обернувшись зверем или птицей, Один быстро переносится на самые отдаленные расстояния. Он не только пользуется услугами двух волков, но и сам может превратиться в волка, «вещего зверя». Похитив мед поэзии, Один принял обличье орла и в таком виде вернулся домой в Асгард.

Стихотворная импровизация в древности воспринималась как магический обряд, сопровождающийся мистическими преобразованиями. Об этом свидетельствуют исторические данные о древнейшей личной поэзии Запада и Востока, кельтов и скандинавов, индусов, иранцев и арабов. Поэзия эта отличается функциональным синкретизмом. Песни ирландских филов похожи на заклинания. Древнейшие скандинавские певцы и сказители — «тулы» (þulir) произносили мифологические и героические сказания, магические присловия, знали обрядовую премудрость.

Слово «скальд», возникшее до появления письменности (его первоначальное значение неясно), — среднего рода, подобно другим словам, обозначавшим сверхъестественные существа. Скальдическое слово обладает магическим воздействием. Пропеть властителю прославляющую песнь — значило наделять его славой; считалось, что хулительные стихи, — так называемый «нид» (nið), — могли причинить поносимому не только моральный ущерб, но и телесное повреждение. В древнеисландском от глагола gala — «петь» выводится существительное galdr, означающее заговор, знахарскую формулу, ведовство. Таким образом, само значение слова «скальд» во многом адекватно значению эпитета «вещий».

Древние певцы «поют, сказывают и действуют»; их творческий метод характеризует все та же тройственная формула колдовства. В якутском фольклоре «есть три песни, выросшие из одного корня, точно три ветви одного дерева»,¹⁸ а кельтская волшебная арфа Dagde исторгает три мело-

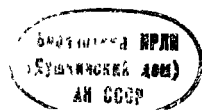
¹⁴ См.: М. И. Стеблин-Каменский. Мир саги. Л., 1967, с. 19.

¹⁵ Е. М. Мелетинский. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968, с. 229.

¹⁶ М. И. Стеблин-Каменский. Старшая Эдда. — В кн.: Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. — М.—Л., 1963, с. 198.

¹⁷ Е. М. Мелетинский. «Эдда» и ранние формы эпоса, с. 230.

✓ ¹⁸ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика, с. 329—330.

дии. Тулы, аккомпанируя себе на особом струнном инструменте (*þula* — род арфы), исполняли свои произведения то как песню, то как сказ, то как речитатив. Свою песнь они начинали почти шепотом, как произносятся заговоры и молитвы, постепенно приходя в экстаз.¹⁹ Поэтическая импровизация могла восприниматься как своеобразный обрядовый ритуал. Комментаторы «Слова о полку Игореве» отметили, что выражение «пѣснь творити» «можно поставить в ряд с широко употребительными в древнерусском языке формулами: молитву творити, память творити».²⁰

Таким образом, эпитет «вещий» в приложении к Бояну, как и вся характеристика его поэзии, служит указанием на экстатическую природу его песнотворчества. Поэтическая мысль певца постоянно возвращается к воспеваемому объекту, будучи не в силах его покинуть.

2. Характеристика Боянова песнотворчества можно понять и как, условно говоря, скальдическую модель мироустройства. Здесь обрисованы космологические воззрения скальда, мифологический реквизит, которым он пользовался. Основа этих очень древних и общераспространенных космологических воззрений — индоевропейский миф. Дерево, земля и небо, составляющие «совершенно естественную градацию полета мысли Бояна»,²¹ — три яруса мироздания. Эмблема высшей сферы — орел, низшей — волк. Мировое дерево (как и ветер) — эмблема промежуточного яруса между небом и землей. Оно есть символ жизни, безопасности и благополучия, изобилия и счастья. По словам А. А. Потехина, выражение «Слова» «растѣкашеться мыслию по древу» может быть намеком именно на те случаи, когда в величаниях изображалось мировое дерево.²²

Дерево это — в скандинавской мифологии ясень Иггдрасиль — измеряющее, основополагающее (*miqtviðr*), определяет структуру мира. Снорри говорит: «Тот ясень (Иггдрасиль) больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают древо, и далеко расходятся эти корни. . . Один корень — у асов, другой. . . — там, где прежде была Мировая Бездна. Третий. . . подгрызает. . . дракон Нидхёгг. В ветвях ясеня живет орел, обладающий великой мудростью. . . Белка, по имени Грызозуб (*Ratatoskr*), снует вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг».²³

Изображая таким образом скальдическую модель мироустройства, Снорри основывался на одной из мифологических песен «Старшей Эдды», «Речах Вафтруднира» (*Vafþrúðnismál*), где сказано: ²⁴

Рататоск белка
резов снует
по ясеню Иггдрасиль,
все речи орла
спешит отвести она
Нидхёггу вниз.

В картине, нарисованной Снорри, волка заменяет дракон (змей), генетически связанный в мифе с волком. Конечно, до Бояна подобные

¹⁹ Там же, с. 260.

²⁰ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 469.

²¹ См.: Р. Якобсон. Композиция и космология плача Ярославны. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 32—34.

²² А. А. Потехин. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. Харьков, 1914, с. 229.

²³ Младшая Эдда. Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970, с. 22—24.

²⁴ Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция М. И. Стеблин-Каменского. М.—Л., 1963, с. 38.

мифологические сведения могли дойти из других источников и в других модификациях. В скандинавском фольклоре упоминаются другие космологические модели, в которых волк присутствует.²⁵

Легко отгадать,
где Óдина дом,
посмотрев на палаты:
волк там на запад
от двери висит,
парит орел сверху.

В тексте «Слова о полку Игореве» встречаются эмблемы реального мира, обобщающие вселенную.²⁶ Памятник представляет собою «развитую систему символических образов, имевших внешнюю форму предметов реального мира»,²⁷ а сам автор, обладающий «повышенной чуткостью к звучанию слова»,²⁸ склонен любоваться различными звуковыми повторами, игрой слов. Несущаяся по мировому дереву мифическая белка очень близка к эмблематическому изображению хода творческой мысли. Белка эта — мысленная эманация, обтекающая мировое дерево и соединяющая (а вместе с тем и разделяющая) верхнюю и нижнюю мировые сферы, пребывающие в извечном антагонизме. Если белка, кроме того, носится с быстротой молнии и подобна ей, то образ этот соответствует представлению о быстром течении мысли импровизирующего певца. Здесь «мысль» аналогична мифологической «мыси» и в смысловой функции, и в фонетическом звучании. Читая выражение «растѣкашется мыслию по древу», следует помнить, что по мыслену (воображаемому) древу в поэтическом представлении скальдов бежит воображаемая «мысь».

3. Третий смысловой план зачина — характеристика скальдического стиля поэзии Бояна. Снорри говорит: «Поэтический язык создается тройным путем. . . Всякую вещь можно назвать своим именем. Второй вид

²⁵ Речи Гримнира (Grímnismál). — В кн.: Старшая Эдда, с. 36.

²⁶ См.: Д. С. Лихачев. Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. с. 202.

²⁷ Б. В. Сапунов. «Тисовая кровать Святослава». (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 324.

²⁸ Л. А. Булаховский. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». ИОЛЯ, т. XI, 1952, вып. 4, с. 443. Вопрос о том, как «растекался» Боян — «мыслию» или «мысью» (белкой), — продолжает вызывать споры. Первые комментаторы «Слова» (А. И. Мусин-Пушкин, Д. Н. Дубенский, А. Ф. Малиновский) не сомневались, что гениальный поэт, говоря словами А. С. Фаминина, «слагал свои песни, витая мыслию по лесам» (А. С. Фаминин. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, с. 27). Мысль, скользкая по древу, — «фигурное выражение» (А. Н. Веселовский), поэтическая формула, построенная в соответствии с риторической терминологией раннего средневековья, по которой сборники религиозного содержания назывались лестницами; это символ играющего воображения, изменяющегося строя мысли (см.: В. Ф. Ржига. «Мысленное дерево» в «Слове о полку Игореве», с. 107). Образ мысли, растекающейся по древу, хорошо согласуется со сходным образом во втором зачине («. . . скача, славию, по мыслену древу»). С другой стороны, «мысль» нарушает образный параллелизм в тройственной формуле Бояновых превращений: под мыслию «здесь должен скрываться какой-нибудь зверок» (Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, с. 128), возможно белка, называемая в некоторых говорах подходящим тут словом «мысь» (см.: В. В. Мавродин. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 61—63). Однако интересную эту догадку компрометирует та наивность, с которой сторонники «мыси» поняли функцию образа (по Барсову — «выражение быстроты движения»), и та легкость, с каковой исследователи стали определять зоологическую породу бегущего по древу существа: «летущая вежба» (Барсов), «мышь» (см.: Н. М. Егоров. Мышью или мысью? — ТОДРЛ, т. XIV, с. 13), и т. п. В. Н. Перетц с мудрой осторожностью предлагал сохранить слово «мыслию» (ввиду последующего «по мыслену древу»), но отмечал: «. . . тут чувствуется неполнота» (В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926, с. 8).

поэтического выражения — это то, что зовется заменой имен. А третий вид называется кеннингом».²⁹ Слова, заменяющие имена, — хейти (heiti), буквально «названия», т. е. поэтические синонимы, усиливающие эпическую вариацию и приложимые к стержневым образам дружинной поэзии, таким как «воин», «битва», «меч», «стыг», «кровь», «волок», «орел», «золото». Кеннинги (kenningar), буквально «обозначение», «примета» — фигурные, дву- и многосоставные метафорические перифразы, своеобразные аллегорические эмблемы и идеограммы скальдической поэзии, получившиеся, возможно, из языковых табу магического обряда.³⁰ Прочтение кеннинга связано с актом отгадывания; он, как правило, состоит из двух элементов — существительного, являющегося образной основой, и определения к нему, однако кеннинг можно было варьировать, заменяя его составные части различными хейти или другими кеннингами.

Роль образной основы кеннинга особенно часто играли три слова: «дерево», «волк» и «орел»; во взаимосочетании кеннинги, образованные при помощи этих основообразующих слов, составляют разветвленную метафорическую систему.³¹

Дерево образует кеннинги, связанные с обозначением мужа — князя, воина, — его героических деяний и вооружения. «Какие есть кеннинги мужа? Его называют по его делам, по тому, что он совершает, принимает либо делает. . . зовут человека „ясенем“, либо „кленом“, либо „лесом“, либо другими словами мужского рода, обозначающими деревья».³² Скальды называют мужа «дубом оружия и сражений, страстей и разных деяний», «ясенем битвы», «стволом меча», «древом меча», «древом щита»³³ и т. п. Древом обозначаются метафоры войны и даже части человеческого тела, например голова, нога и т. п.³⁴ Дерево может быть связано с понятием «поэзия», тогда это «дерево поэтическое, дерево поэзии, дерево песен».³⁵ Именно такой образ встречается в стихотворении знаменитого скальда X в. Эгиля Скалагримссона «Утрата сына» («Sonnartrösk»), где сказано буквально следующее: «Из храма слов вырастает у меня дерево песен, покрытое листвою славы».³⁶ Что же касается белки, то она воспринималась, очевидно, как один из аксессуаров мирового дерева, — так же, как его ветви и корни.

Волк, как и дерево, прежде всего основообразует кеннинги, связанные с описанием битв. «Есть зверь, что зовется волк. Его следует упоминать в кеннингах крови и трупов, называя их его пищей и его питьем».³⁷ Волк связан с деревом и другими символами срединного мира. Так, ветер можно называть волком деревьев.³⁸ Одно из хейти волка — вещей.³⁹

Функции, выполняемые орлом, аналогичны. «Есть две птицы, которых принято обозначать в кеннингах не иначе, как упоминая кровь и трупы — их питье и пищу. Это ворон и орел. Название всех других птиц мужского

²⁹ Младшая Эдда, с. 60. §

³⁰ См.: М. И. Стеблнн-Каменский. Происхождение поэзии скальдов. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. III. Таллин, 1958, с. 180.

³¹ См.: R. Meissner. Die Kenningar der Skalden. Ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn u. Leipzig, 1921 (Rheinische Beiträge und Hilfsbücher zur germanischen Philologie und Volkskunde, Bd. I).

³² Младшая Эдда, с. 69.

³³ Там же, с. 84—85.

³⁴ Там же, с. 96.

³⁵ В. Ф. Ржигга. «Мысленное дерево» в «Слове о полку Игореве», с. 110.

³⁶ В. Ф. Ржигга замечает: «Под храмом слов здесь разумеются уста. Акт песенно-творчества понимается как органический процесс вырастания дерева» (там же, с. 111).

³⁷ Младшая Эдда, с. 89.

³⁸ Там же, с. 61.

³⁹ Там же, с. 89.

рола можно соединять со словом „кровь“ и „трупы“, и такие кеннинги означают орла либо ворона». ⁴⁰

Конечно, хвалебные песни Бояна по форме должны были отличаться от дошедших до нас скальдических хвалебных песен князьям (драп). Поэзия скальдов не может дать абсолютно отчетливого представления о творчестве Бояна хотя бы потому, что скальдические стихотворения X—XI вв. записаны лишь в XIII в.: 200—300 лет бытовали они в устной традиции, подвергаясь искажениям и теряя первоначальный смысл. Боян мог вводить в свои песни различные новации, что не воспрещалось скальдической поэтикой. Метафоры Бояна могли быть проще и прозрачнее, чем у скальдов, могли свободнее выражать абстрактные понятия (как кеннинги в древней англосаксонской поэзии), ⁴¹ в большем объеме содержать христианско-библейский стилистический элемент.

И все-таки в Бояновых песнях, обращенных к князьям, не было порывов романтической фантазии, философской глубины или лиризма. Содержание этих песен, относившихся к самому консервативному жанру скальдической поэзии, скудно и трафаретно, окаменело-схематично и стереотипно. Называлось имя прославляемого князя, имена его славных предков и поверженных им врагов. Хвалебная песнь «может начаться с предложения выслушать сочиненные скальдом стихи. Дальше всегда следует перечень событий в хронологическом порядке, прославляется храбрость и щедрость того, кому посвящена песнь, упоминаются походы и битвы, приводятся собственные имена и географические названия, причем повторяются все те же традиционные детали — бег украшенных щитами кораблей (про корабли Боян, вероятно, не пел, поскольку прославлял князей за их победы в сухопутных сражениях, — Д. Ш.), сверкание мечей, потоки крови, пожирание трупов волками, воронами и орлами». ⁴² Скальдическая строфа строилась по такой несложной сюжетной схеме:

(Такой-то) король выдвинул свой стяг,
Обагрил свой меч (в таком-то месте).
Он обратил в бегство врагов,
Они (такие-то) побежали перед ним. ⁴³

В заключение скальд просил наградить его за песню.

«Слово» использует отдельные стилистические приемы, наводящие на мысль о скальдах. В зачине имеется развернутое отрицательное уподобление — антитетическое сопоставление соколов-лебедей и пальцев-струн; возможно, это одна из любимых Бояновых метафор, ибо такие обороты характерны для скальдической поэзии. Ф. И. Буслаев заметил, что «скальды употребляют описательное выражение для руки: берег и седалище сокола (haukströnd)». ⁴⁴ Самый процесс формирования кеннинга

⁴⁰ Там же, с. 91. Составной частью кеннингов ворона, этого «лебеда крови» (Младшая Эдда, с. 91), часто служит слово «сокол». Тогда ворон — «сокол Одина», «сокол смерти» и т. д. (см.: М. И. Стеблин-Каменский. О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов, с. 14, 180). Ф. И. Буслаев отметил, что в древнескандинавской поэзии «вместо слов „сражаться“, „убить“, „быть убиту“ употребляются постоянные эпитетические выражения: „кормил орлов“, „ел волчью пипу“, „лучше тебе попробовать боя до повеселить орлов“, „где ты корму давал птицам сестер войны“» (Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия древнерусской литературы. М., 1861, с. 601—602).

⁴¹ См.: W. Bode. Die Kenningar in der angelsächsischen Dichtung. Mit Ausblicken auf andere Literaturen. Darmstadt—Leipzig, 1886.

⁴² М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии. Л., 1967, с. 112.

⁴³ М. И. Стеблин-Каменский. Происхождение поэзии скальдов, с. 134.

⁴⁴ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, с. 397.

происходил на почве антитетического параллелизма.⁴⁵ Однако прием отрицательного уподобления типичен и для русского фольклора.

В тексте «Слова» можно отыскать несколько двучленных метафорических формул, но по типу они отличаются от кеннингов. Формулы эти, заменяющие глаголы, а не существительные, понятнее, «ближе к действительности», чем кеннинги.⁴⁶

В поэзии скальдов встречаются довольно близкие лексические соответствия «Слову». Например, Д. С. Лихачев, отметив, что слова «копия поют» «не совсем ясны по своему месту в общей поэтической композиции» памятника, предположил, что они «возможно, . . . равносильны выражению „происходит война“, „идет бой“».⁴⁷ Действительно, в скальдических драпах мечи и копыя «поют» и это значит: «идет битва».⁴⁸ Орлы и волки, в «Слове» представленные в достаточном количестве, выполняют функции, приличествующие им и в скальдических стихотворениях. Но все это, очевидно, образы, встречающиеся во всякой дружинной поэзии.

Элементы скандинавского влияния в тексте «Слова», если они и есть, не представляют собой системы, в хвалебных же песнях Бояна скальдические приемы и образы составляли прочную стилистическую структуру. Таково отличие поэзии Бояна от «Слова».

По сравнению с песнотворчеством Бояна «Слово» — новый, более высокий этап в истории литературы, порожденный «интенсивным ростом народных основ русской культуры».⁴⁹ В Скандинавии сага не отбросила поэзию скальдов, она канонизировала ее в качестве исторического свидетельства, приняла ее в свое лоно. «Слово о полку Игореве» откасалось от поэзии этого типа, чуждой духу развивающегося русского героического эпоса.

⁴⁵ Процесс этот «совершался в такой последовательности формул: человек — дерево; не дерево, а человек; человек как дерево. На почве отрицательного параллелизма последнее выделение еще не состоялось вполне: смежный образ еще витает где-то вблизи, видимо устранный, но еще вызывая созвучия» (М. И. Стеблин-Каменский. О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов, с. 188).

⁴⁶ См.: Д. Чижевский. К стилистике старорусской литературы. Kennin-gar? — Slavistična revija, Ljubliana, гођ. 10, 1957, ѓ. 1—4, S. 95.

⁴⁷ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 461.

⁴⁸ См.: Вл. Резанов. Слово о полку Игореве и поэзия скальдов. ЖМНП, новая серия, ч. XV, 1908, № 6, с. 455.

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк, с. 210.

В. В. КОЛЕСОВ

Ударение в «Слове о полку Игореве»

Попытки акцентной реконструкции «Слова о полку Игореве» предпринимались неоднократно. В основу таких реконструкций были положены самые общие соображения, связанные с характером жанра и временем создания текста. Так, по мнению Л. П. Якубинского, «„Слово“ не является стихотворной поэмой. До сих пор никому не удалось открыть в нем какую-нибудь систематически проведенную метрическую схему, но, с другой стороны, никто не сомневается, что „Слову“ присущ ритмический строй, ритмическая мерность. Ритмическая мерность неизбежно приводит и к звуковой организации поэмы, к наличию в ней аллитераций и других звуковых повторов».¹ Это — самая неопределенная точка зрения из представленных в литературе вопроса.

Поскольку и жанровая принадлежность текста, и ритмическая структура древнерусского поэтического произведения сами по себе являлись величинами искомыми, произведенные на основе данной точки зрения реконструкции «Слова» не могут считаться удовлетворительными.² Оставляя в стороне неприемлемые по разным причинам сопоставления «Слова» с северногерманской поэзией скальдов (Р. Абихт, теперь — Д. М. Шарышкин) или с византийской церковной песней (В. Бирчак), остановимся на тех реконструкциях, которые исходят из славянских материалов и авторы которых пытаются восстановить первоначальное звучание «Слова», не выходя за пределы славянской поэтической техники. Сопоставление некоторых фрагментов реконструкции текста «Слова», данной Ф. Е. Коршем,³ Э. Сиверсом,⁴ В. Н. Перетцем,⁵ Р. Нахтигалом,⁶ пока-

В. Н. Перетц

Не лѣно ли ны бѣшь, брѣтє,
начѣти старѣми словесѣ
трудныхъ повѣстїи о пълкѣ
Игоревѣ,
Игоря Стѣславї!
Начѣти же сѣ тѣи пѣсни
по былінамъ сѣ времени,
а не по замышлѣнію Боюню.

Р. Нахтигал

Не лѣно ли ны бѣшь, брѣтє,
начѣти старѣми словесѣ
трудныхъ повѣстїи о пълкѣ
Игоревѣ,
Игоря Святославїча!
Начѣти же сѣ тѣи пѣсни
по былінамъ сегод времени,
а не по замышлѣнію Боюню.

¹ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2, М.—Л., 1948, с. 77—78.

² Оценку их см. в обзоре: В. Ф. Ржига. Проблема стихосложения «Слова о полку Игореве». — Slavia, Praha, год. VI, 1927, s. 2—3.

³ Ф. Е. Корш. Слово о полку Игореве. СПб., 1909.

⁴ Ed. Sievers. Das Igorlied, metrisch und sprachlich bearbeitet. — Berichte über die Verhandlungen der sächs. Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-Historische Klasse, Bd. 78, 1926, Hf. 1.

⁵ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926.

⁶ R. Nachtigal. Slovo o polku Igořevě. — Slavistična Revija, Ljubljana, 1950, roč. 3, seš. 3—4.

Боянь бо вѣщи, аще кому́ хотяше
   пѣ творѣти,
 то растѣкашеться мысью по́ древу,
 сѣрымъ вѣлкомъ по́ земли,
 шйвымъ орломъ под облакы.

Ф. Е. Корш

Не лѣпо ли ны бяшеть, / брѣтѣ,
 начѣти старыми / словесы
 трудныхъ повѣстий / о пълку Игоревѣ
 Игоря / Святославичя?
 Начѣти же ся / тѣи пѣсни
 по былинамъ / сего веремени,
 а не по замышлению / Бояню:
 Боянь бо вѣщй, аже кому́ /
   хотѣшеть пѣснь творѣти,
 то ростѣкашеться рѣсию / по́ древу... .

Боянь бо вѣщи, аче кому́ хотѣче
   пѣснь творѣти,
 то ростѣкашеть ся мыслию ?... по́ древу,
 сѣрымъ вѣлкъмъ по́ земли,
 сйзымъ орьлѣмъ подъ оболкы.

Э. Сиверс

Не лѣпо ли ны бяшеть, / брѣтѣ,
 начѣти старыми / словесы
 трудныхъ повестий / о пълку Игореву
 Игоря Святославича!
 Начѣти же ся / той песнѣ
 по былинамъ / сего вѣременѣ,
 а не по замышленью / Бояню:
 Боян бо вѣщй аще кому́ хотѣше /
   пѣснь творѣти,
 то растѣкашеться / мыслию по́ древу.

зывает не только общее для всех них направление поиска, но и частные различия, характеризующие их реконструкции. Эти реконструкции в фрагментах приведены здесь для сравнения (см. таблицу; в оригиналах тексты даны разным шрифтом; надстрочные знаки в таблице обозначают: ' — долгий восходящий тон, циркумфлекс ~ — долгий нисходящий тон, ` — ударение на кратком слоге). Все прочие, не указанные здесь исследования в их акцентной части совпадают с каким-нибудь из приведенных в таблице типов: это либо ориентация на современное русское ударение, с некоторыми поправками на церковнославянское ударение архаических форм, например аориста *занесѣ* (как у В. Н. Перетца); либо — реконструкция на основе сравнительного изучения современных славянских языков, с преимущественным вниманием к южнославянским (как у Р. Нахтигала), с возможными поправками по русскому диалектному материалу, которое также признается достаточно архаичным, притом с учетом акцентуации традиционных фольклорных текстов (как у Ф. Е. Корша); либо, наконец, — как иллюстрация к каким-то общим положениям теоретического характера, в результате чего возникают совершенно фантастические акцентовки, не характерные для русского языка даже в прошлом (как у Э. Сиверса с его «звучковым анализом» поэтического текста — *der Schallanalyse*). Принципиально новых типов реконструкции сравнительно с указанными предложено не было. В 30-е годы А. И. Никифоров, признавая речитативный сказ за основную характеристику ритмической структуры «Слова о полку», предложил свое акцентное членение текста.⁸ В принципе оно не отличается от реконструкции Ф. Е. Корша и построено на тех же основаниях. Его недостаток тот же, что и у Ф. Е. Корша: слишком много неожиданных, не подтверждаемых никакими русскими источниками, акцентовок, ср., например: *10 сболовъ на стадо лѣбедей, по мыслену древу, с зараня в пяток, рассушася стрѣлами, о шѣломы, нѣ горазъ, синѣе вино, тѣщймѣ тулы, нѣ лоно, и нѣгѣють мя, нѣ вѣнашь, нѣ вѣтрѣхъ, на поганья пълки*, и др. Все такие акцентовки искусственны, основаны на чисто теоретических предположениях, например на том, что древнерусскому поэтическому тексту свойственны дактилические и гипердакти-

⁷ Р. Нахтигал включает в текст сочетание *бѣлоу вѣверицею*, которое мы опускаем.

⁸ А. И. Н и к и ф о р о в. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Покровского, 1940, т. IV, вып. 2.

личные окончания, а постижное членение текста считается установленным.⁹

В результате этих реконструкций акцентная характеристика текста настолько расходится в разных исследованиях, что каждый раз можно говорить о совершенно новом, во всяком случае — о другом поэтическом тексте. Такой разнотой в исходных данных, разумеется, не способствовал авторитетности какой-либо одной реконструкции. Филологические основания этих реконструкций также падали на уровне развития науки XIX в. и были скорее сравнительно-сопоставительными, нежели сравнительно-историческими. Последние достижения русистики в области текстологии, акцентологии, поэтики, критики текста, истории языка делают возможным пересмотр проблемы, поставленной много лет назад. Начать следует с учета тех методических⁹ и фактологических ошибок, которые присущи ранним реконструкциям Слова.

Во-первых, ошибочной была общая им всем установка на текст как на исходную базу реконструкции. Акцентировка того или иного отдельного слова определялась общей характеристикой текста памятника, вернее, общим представлением исследователя о характере этого текста. Если это героическая песня — она связана с поэзией скальдов; если народная былина — с русскими эпическими произведениями; если мемориальная служба — с византийской церковной песней, и т. д. Источник сравнения определялся структурной заданностью текста, его жанром, его назначением. Внешнее сравнение призвано было дать материал для расшифровки. Результаты такой постановки вопроса известны: она не имеет позитивных результатов. Более верным представляется обратный путь исследования: от отдельного слова к тексту в целом, от акцентировки достоверно засвидетельствованного звена к ритмической схеме. Реконструкция текста должна предшествовать расшифровке его составляющих.

С этим связано второе обстоятельство, в некоторой степени оправдывающее авторов ранних реконструкций. Изложенная постановка задачи обусловлена тщательным изучением системы древнерусского ударения, с предварительной реконструкцией русского ударения, например, XII в. Ни Ф. Е. Корш, ни Э. Сиверс, ни В. Н. Перетц не имели в своем распоряжении соответствующих данных, хотя некоторые из них и пытались, где это возможно, использовать исторические свидетельства. На сегодняшний день реконструкции праславянского и древнерусского ударения представлены достаточно полно, дают вполне надежное основание для расшифровки ударения в древнерусских текстах. Такие исследования показывают, в частности, что основной ритмической единицей древнего текста являлось вовсе не слово, во всяком случае — не лексическое слово, а словосочетание, организованное по принципу общности, смещения и видоизменения акцента отдельного слова. В данном случае это особенно важно, поскольку не слово, а именно словосочетание является основным элементом («либретто») и музыкальной, и стиховой фразы.¹⁰ Следовательно, исходным звеном реконструкции оказывается расшифровка фонетического слова — синтагмы, соответствующим образом акцентно организованного словосочетания.

⁹ Аналогичную ошибку совершал А. И. Соболевский, устанавливая для древнеславянского стихосложения женские окончания как форму, — см.: А. И. С о б о л е в с к и й. Древние церковнославянские стихотворения IX и X веков. — В кн.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (СОПЯС, т. LXXXVIII, ч. 3).

¹⁰ Ф. Р у б ц о в. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. М., 1962.

Наконец, ранние реконструкции не учитывали иерархии просодических единиц, отраженных в древнерусском тексте. Их интересовало одно ударение, только ударение, всякое ударение, представленное в одной плоскости и соотношенное с современным русским ударением. Последние исследования в области славянской акцентологии убедительно показывают, что соотношение между различными просодическими характеристиками слова в древнерусском языке не было столь плоскостным и однообразным, как это представлялось раньше, что в каждом фрагменте поэтического текста следует выделять «более важное», «менее важное» и совсем не обязательное «ударение». С рассмотрения этой особенности древнерусского текста мы и начнем систематическое изложение принципов нашей реконструкции.

При реконструкции ритмического контура древнерусского текста, предполагаемого поэтическим, следует исходить из характера просодической системы древнерусского языка. На протяжении XI—XIII вв. эта система решительно изменяется, и только относительно некоторых ее хронологических границ мы можем высказаться более или менее определенно. В качестве таких границ условно избираем середину XI и конец XII в., — именно эти синхронные срезы потребуются в дальнейшем при реконструкции «Слова».

Внутреннее различие между просодическими системами середины XI и конца XII в. заключается в разл и ч н о й важности просодических характеристик. В середине XI в. отличие гласных по долготе и краткости было существенным, оно определяло все прочие просодические характеристики слога, т. е. ударение и интонацию. В конце XII в. сохранялась только позиционная долгота слога, на это указывают и письменные источники того времени, удваивающие гласные буквы в некоторых позициях, например в предконечном слоге слова. Поэтому, реконструируя текст, который относится к концу XII в., не было бы смысла восстанавливать его квантитативный рисунок; однако спорность происхождения текста заставляет провести и эту работу, — для того чтобы высказаться в пользу той или иной точки зрения (см. ниже). Внешнее различие между двумя указанными системами заключается в том, что к середине XII в. в русском языке утрачиваются редуцированные (постоянно краткие) гласные и основной просодической характеристикой русского слова и слога становится динамическое ударение. Таким образом, формально авторы первых акцентных реконструкций справедливо ориентировались именно на ударение, а не на интонацию или количество. В действительности же они не учитывали переходный характер обсуждаемой эпохи — конца XII в. Трудность реконструкции ритмического рисунка «Слова» и заключается в неопределенности, неустойчивости просодических характеристик в русском языке этого времени. Если бы мы имели дело не с поэтическим текстом, задача облегчалась бы исходным допущением, что просодия текста соответствует состоявшимся в языке XII в. и вполне надежно установленным акцентным изменениям. Поэтический же текст вполне мог сохранять произношение более раннего времени и ориентироваться на традиционную для того времени поэтическую технику. Показания самого автора «Слова» противоречивы. С одной стороны, в качестве образца он избирает Бояна — певца середины XI в. С другой стороны, отталкиваясь от традиции Бояна и неоднократно его цитируя, автор строит свое повествование совершенно иначе, не «по замыслению Бояню». Мы можем предполагать, что новаторство автора распространялось и на поэтическую технику: изменения в языке, особенно значительные во второй половине XI и в начале XII в., неизбежно требовали этого.

Попробуем установить степень авторской самостоятельности, те пре-

дела допустимых колебаний, которые он мог позволить себе в своей новаторской деятельности. Для этого сопоставим все три просодические характеристики (ударение, количество, интонация) в их взаимном соотношении начиная с середины XI в.

Самым сильным («абсолютно сильным») слогом был слог под новоакутовой интонацией, потому что он совмещал в себе сразу три просодические характеристики: был постоянно долгим, с восходящей интонацией слогом, и притом постоянно подударным. Следовательно, слог с новоакутовой интонацией в любом тексте выступал как опорный ритмический предел, к нему сходились и в нем замыкались все окрестные слабые слоги. Уже и в XI в., по-видимому, собственно интонационное содержание новоакутовой интонации было утрачено: всем прочим слогам слог с новоакутовой интонацией противопоставлялся как долгий слог кратким. И в более позднее время, когда, в свою очередь, утрачены были количественные противопоставления, прежний слог с новоакутовой интонацией по-прежнему выделялся из числа прочих как такой, который при любом изменении слова всегда оставался подударным. Это очень важная характеристика, поскольку она дает нам возможность признать новоакутовый слог самым сильным и в диахронической перспективе. Действительно, во всех тех случаях, когда новоакутовая интонация характеризовала слово в прошлом, старое ударение в слове и во всех словоформах этого слова сохранилось неизменным вплоть до настоящего времени. Таким образом, мы получаем возможность исключительно точно восстановить исконное ударение многих слов нашего текста. На всех исторических этапах новоакутовая интонация (или ее рефлекс) играла роль фонологического ударения, т. е. являлась самой важной различительной единицей в области просодии.¹¹ Какое фонетическое содержание мы бы ни вкладывали в понятие «этимологической» новоакутовой интонации (повышение тона, связанного с динамическим ударением; долгота, связанная с динамическим ударением; напряженность подударного гласного; обязательная позиция ударения, и т. д.), она в любом случае определяет ритмическую решетку поэтического текста, создает своеобразные ритмические взхи, которые, вполне вероятно, и являлись опорными точками поэтического текста.

Постоянно ударным слогом был также слог под старой акутовой интонацией (но не в двусложной форме, в которой могли быть колебания ударения). Этот слог к XI в. уже сократился, а его восходящая интонация фактически стала вариантом старой нисходящей интонации. Во всяком случае, старая восходящая и старая нисходящая интонации уже не противопоставлялись друг другу, поскольку совместно, по одинаковым признакам противопоставлялись новоакутовой интонации. Это условно сильный относительно иктуса (ударения) слог. Впоследствии нас и будет интересовать именно иктическая характеристика данной интонации, поскольку в XII в. никакого движения тона на нем уже не было. По отношению к настоящему времени слова с прежней акутовой интонацией не всегда последовательно сохранили свое постоянно накоренное ударение. Например, мы ожидали бы ударение в парадигме склонения *дед, дѣда, дѣду* и т. д. но также и во мн. ч. *дѣды, дѣдов*. . . Тем не менее наряду с литературным *дѣды, дѣдов* мы встречаем теперь просторечное и диалектное ударение *дѣды́, дѣдовъ́*, которое, будучи положенным в основу рекон-

¹¹ См.: Р. О. Якобсон. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. (Поздний период славянской языковой праистории). — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963.

струкции, препятствовало бы выявлению достоверно древнего ударения, особенно если бы мы не имели в своем распоряжении других данных. Следовательно, старое акутовое ударение изменялось в истории русского языка, скорее всего — по морфологическим причинам. Оно могло изменяться и в результате подравнивания под продуктивные в прошлом или активные теперь словообразовательные классы, как это случилось, например, с существительным *девица* (по типу *сестрица*, *птица*, *вдовица*): акутовое ударение корня в производящем слове *дѣва* требовало бы накоренного ударения, которое и отражается в древнейших текстах (*дѣвица*). Возможность изменения такого акцента во времени лишает нас права использовать подобные акцентовки как опорные, — и в историческом, и в текстуальном значении.

Сильным относительно количества был исконно долгий предударный и предконечный слог, поскольку в этих позициях сохранялась (во втором случае — только перед слогом с редуцированными гласными) исконная длительность гласного. Приведенная характеристика действительна только для текстов XI в. В конце XII в. количественные различия утрачиваются в языке, противопоставление долгого слога краткому уже не имеет никакого грамматического значения, хотя позиционно, в произношении, долгие слоги еще и могут сохраняться. Последнее обстоятельство должно было использоваться в поэтическом тексте, вообще чуток к возможностям фонетического варьирования.

Сильных слогов не было в отношении третьей просодической характеристики — интонации. Интонационные различия в древнерусском языке утрачивались довольно рано — в связи с формированием нового противопоставления, противопоставления согласных по мягкости—твердости.

Самыми слабыми («абсолютно слабыми») слогами относительно всех трех просодических характеристик были слоги с редуцированными гласными *ь* и *ѣ*: эти гласные не различались ни по тону, ни по количеству, а ударными они могли стать только в своей сильной позиции, ср. двусложное слово [сѣнѣ], в котором первый *ѣ* — сильный, второй — слабый. При этом, даже находясь в позиции новоакутовой интонации (как в приведенном примере), они не разделяли с прочими гласными особенностей этой интонации. Строго говоря, применительно к языку XII в. мы могли бы и не принимать во внимание слоговости *ѣ*, *ь* в слабой позиции, но фонетически она вполне вероятна и могла присутствовать как подвижный элемент ритмической структуры текста.

Все остальные, возможные в тексте, типы слогов были слабыми, т. е. они были краткими и, следовательно, не различались интонационно, а ударение на них могло появляться и исчезать; оно переносилось на соседние слоги, в каждом новом сочетании слов и слогов определяясь общей структурой и собственным ударением этих слогов. Сравним подвижную акцентовку слабого слога с сильным, чтобы показать принципиальное различие двух типов древнего ударения.

Слабый слог	Сильный слог	
(подвижная пара- дигма)	(баритонирован- ная парадигма)	(окситонирован- ная парадигма)
<i>рѣку</i>	<i>нѣжю</i>	<i>трубѣ</i>
<i>на руку</i>	<i>на нѣжю</i>	<i>на трубѣ</i>
<i>рукою</i>	<i>нѣжею</i>	<i>трубю</i>
<i>на руку тѣ</i>	<i>на нѣжю ту</i>	<i>на трубѣ ту</i> , и т.д.

Определим некоторые общие закономерности древнерусского подвижного (контекстуального, синтагматического) ударения.

Во-первых, в текстах широко представлены сочетания клитических слов: частиц, местоимений, союзов и т. д., которые по-разному относятся к окрестным словам в отношении ударения. Например, «формы местоимений образуют две группы сочетаний с энклитиками: в одних сочетаниях регулярно акцентуются энклитики, а местоимение остается безударным, в других, наоборот, безударной оказывается энклитика.

«Первая группа: *ты жѣ, ты лѣ, ты мѣ; мы бѣ, мы жѣ; вы бѣ, вы жѣ, вы лѣ, вы мѣ; се бѣ, се жѣ; то бѣ, то жѣ; ти бѣ* (ном. pl.), *ти жѣ* (ном. pl.), *ти лѣ* (ном. pl.); *кто бѣ, кто жѣ, кто тѣ, кто мѣ, кто тѣ; что бѣ, что жѣ, что мѣ, что тѣ, что мѣ, что сѣ*, и некоторые другие.

«Вторая группа: *тѣ сѣ* (2 л. dat, 'тебе'); *(на) мѣ ли, (на) тѣ же, сѣ же* (ном. sg. f.); *онѣ же, онѣ ми; овѣ бо, овѣ же, овѣ же; всѣ бо, всѣ же, (не) всѣ ли; всѣ же, всѣ бо, всѣ ми, всѣ ти; вамѣ бо; сѣмѣ бо* (dat. pl.) и др.

«Анализ показывает, что в первой группе представлены те формы местоимений, которые в Чуд. Нов. Зав. при примыкании к ним проклитики передавали ей ударение: *ѣ ты; ѣ мы, да мы; ѣ вы, да вы, не вы; чѣ се, ѣ се, на се; да кто, не кто; да что, не что, нѣ что*, тогда как формы второго рода при примыкании проклитики сохраняли на себе ударение: *на мѣ, на тѣ; и сѣ; и всѣ, не всѣ, и всѣ, во всѣ; и онѣ*, и т. п.; т. е. в первом случае мы имеем дело с местоименными формами — enclitopena». ¹²

Графически расхождение между двумя типами клитик сохранялось в русских рукописях вплоть до XVI в.,¹³ ср. обозначения *мѣ, вѣ*, но *лѣ жѣ*, хотя реального фонетического значения они уже и не имели (например, вместо ожидаемого обозначения *бѣ* в некоторых источниках находим *бѣ*). Применительно же к тексту XII в. все указанные закономерности акцентовки должны быть учтены: даже русский источник середины XIV в. Чудовской Новый завет (Ч¹⁴) достаточно полно отражает исконное распределение ударения в подобных сочетаниях.

Во-вторых, клитики могут сочетаться с полнозначными словами, определяя акцентовку всего сочетания в целом (см. приведенное выше сочетание слова *рука* с предлогами и местоимениями). Вот ряд примеров, извлеченных из текста ПВЛ по списку II: *На тѣ зиму* 251б — *на зѣму ту на тѣ весну* 279 (*весна* и *зима* — подвижные слова типа *рука*); *како сѣ ова приде* 281 (здесь подвижным является наречие); *нѣколко тѣ мужь паде* 256б, *за тѣ слово не нялися* 310б, *перевѣсище бѣ внѣ града* 50, *любѣ мѣ рѣчь ваша* 50б, *да сѣ оузрите* 99, *оубища тѣ ростоци* 1111, *пержать а сѣ медѣ, а сѣ рѣбы* 123, — во всех случаях подвижное по своему ударению слово лишается иктуса в пользу соседнего; особенно наглядно это видно на последнем примере, в котором *сѣ* соединяется сначала с подвижным словом (*медѣ*), а затем с неподвижным (акутовая баритонеза: *рыба*).

В современных славянских языках и в акцентованных памятниках письменности находим некоторые колебания относительно акцентовки архаических форм. В частности, формы 2 и 3 л. ед. ч. аориста, образованные от окситонированных основ, могут давать оттяжку на префикс так же, как и образованные от подвижных основ: ср. *зѣнесе* (закономерная оттяжка у подвижной основы при форме *нѣсе*) и *дѣноси* (необычная оттяжка у окси-

¹² В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1971, № 6, с. 79—80.

¹³ См.: В. В. Колесов. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, с. 251.

¹⁴ Список сокращений см. в конце работы.

тонируемой основы при закономерном ударе́нии *но́си*). Акцентовка второго типа не подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении сравнительными и историческими данными, поэтому высказаны две точки зрения: для древнеславянского с некоторыми оговорками можно реконструировать оттяжку на префикс в типе *до́носи*,¹⁵ в праславянском типе *до́несе* противопоставлен типу *доно́си*.¹⁶ Вторая точка зрения представляется более верной, соответствующей реальному соотношению акцентной системы древнеславянского языка. Исключения могут касаться только глаголов с «еровым» корнем, которые довольно рано стали смешиваться с подвижными, ср. *по́иде* вместо ожидаемого *пой́де* и почти последовательно представленного в среднерусских источниках *поидѣ*.

Таким образом, всякое слово с подвижным ударением, несмотря на лексическую или грамматическую его важность в тексте, могло оставаться безударным и тем самым негативно участвовать в формировании ритма.

Особенно ясно это видно на третьем типе сочетаний, в которых представлено два лексически самостоятельных слова.¹⁷

В сочетании имени существительного с именем прилагательным (кратким) безударным является существительное («определяемое-энклимен»), ср. *вся́ка власть, же́нская полоу, в сы́рѣ древьѣ*, и наоборот: *в мѣзи но́вы, дрѣво гни́ло, имя но́во*. Именно такая акцентовка адекватных словосочетаний представлена и в традиционных записях эпических текстов: *живи́воду, седи́ голову, на крути́ горы, на сыру́ землю* и др. Уже тот факт, что подобное ударение возможно только в определенных падежных сочетаниях (вин. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. имен женского рода; вин. п. ед. ч. имен среднего рода; дат. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. имен мужского и среднего рода), доказывает исходное фонетическое распределение представленных в фольклорных текстах сочетаний: именно в этих формах и только в этих формах подвижные имена имели исконное накоренное ударение с нисходящей интонацией. Самое важное следствие подобного перемещения иктуса, необходимое для наших реконструкций, заключается в следующем: отсутствие фонологического ударения (т. е. постоянного ударения на одном и том же слоге с рефлексом новоакутовой интонации) в отдельном слове определяет возникновение фонологического ударения в словосочетании. Новоакутовая интонация срединного слога доказывается русским диалектным *через лес, середь моря* (на месте старого ударения *чѣрез, за лес, средй, у моря*, что во всех случаях указывает нисходящую интонацию на корневом слогѣ). Сама устойчивость традиционных акцентовок типа *молодѣ пору*, сохраненных фольклорными источниками, указывает на присутствие новоакутовой интонации в подударном слогѣ: только такое ударение, как мы видели, является в русском языке устойчивым и неизменным.

Другой тип сочетаний касается двух имен существительных, ср. сочетания типа *мѣсто града, чрево брашна́мъ* и др.¹⁸ Такие акцентные со вмещения представлены не очень широко. Изучение их показывает, что в данном случае сохраняется исконное, достаточно древнее, но рано изменившееся ударение первого слова сочетания. В данном случае имена существительные *мѣсто* и *чрѣво* еще в праславянском перешли в баритонированный тип, а старое наконечное ударение этих слов сохранилось только

¹⁵ Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1965, p. 130.

¹⁶ В. А. Дыбо. Акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.

¹⁷ Списки примеров см.: В. А. Дыбо. О фразовых модификациях. . . , с. 77—84; В. В. Колесов. Интонация и ударение в древнерусском словосочетании. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. V. Л., 1973, с. 108—120.

¹⁸ См.: В. В. Колесов. Интонация и ударение. . . , с. 118—119.

в некоторых устойчивых сочетаниях, аналогичных приведенным.¹⁹ В реконструкции поэтического текста, следовательно, нужно особенно внимательно относиться к словам, с течением времени изменившим свой акцентный класс, и в качестве вариантной предполагать также исконную акцентровку данного слова.

Свои закономерности имела акцентуация сложного слова. Как правило, многосложные слова, совместно создававшие *composita*, сохраняли свое особое место ударения; в слове, следовательно, оказывалось «два ударения». Исключения касаются только тех сложений, первый элемент которых — имя прилагательное подвижного типа: в таких случаях оно могло лишаться своего словесного ударения. Ср. в качестве примера несколько случаев из текста летописи по списку Др. II: *пблковбдець* 766, *чёрноббрци* 2206, *соўхоядэние* 398, *крвпролітие* 616, *нбвначальный* 416, *едіномысленны* 4376, *алтопечатаннаго* 335, *чадолюбивый* 5006, *закбнопреступный* 532, *взя бблберэжие* 5446, и др., но: *срамослбвля* 500, *сквернослбвля* 500, *иноплэменникъ* 96, *доброхбтовъ* 439 и т. д. Уже довольно поздно происходило акцентное обобщение одного ударения в качестве общего для всего сложного слова; такое ударение имело тенденцию закрепиться не на одном из прежде ударных слогов, а на срединном слоге нового сложного слова, — ср. старое ударение *челдбитье* — и новое *челобитье*.²⁰ Особенности акцентуации подобного типа сочетаний необходимы при реконструкции сложений типа *Новгорода*, *Ярославъ* и др., которые также представлены в «Слове о полку Игореве».

Все приведенные примеры и сопоставления показывают основную особенность древнерусского акцента: ударение, восходящее к новоаккутовой интонации, стабилизировалось на определенном слоге слова. Одновременно с этим образуются и позиционные условия организации новоаккутового ударения как средства, формирующего ритмическую структуру древнего поэтического текста. Именно новоаккутовое ударение создает основную акцентную решетку текста, выступая в качестве его опорного ритмического центра. Все прочие типы указанных выше подударных слогов были неустойчивыми в отношении йктуса и могли варьировать в пределах фонетического слова. Понятие фонетического слова, т. е. слова с одним ударением, применительно к древнерусскому языку является расплывчатым. Уже показано, что не только энклитики и проклитики, роль которых исполняли предлоги, союзы, местоимения, но в ряде случаев и полнозначные слова могли утрачивать свое самостоятельное ударение, передавая его соседнему, ритмически сильному слову. Те слова, которые в тексте оставались неакцентованными, в самостоятельном употреблении имели слабое ударение, восходящее к древней нисходящей интонации корневого слога. Эти слова характеризовались, следовательно, подвижным ударением и в некоторых многосложных сочетаниях могли выступать с побочным, дополнителным, йктусом неустойчивого характера. Один пример покажет, о чем идет речь.

В отрезке текста . . . *старыми словесы трудныхъ повѣстии* теоретически каждое слово могло иметь свое собственное словесное ударение. Однако — это р а з н о е ударение. Абсолютно сильным является ударение слова *тудныхъ* — с новоаккутовой интонацией корневого слога. Сильным является ударение слова *старыми* — с аккутовой интонацией

¹⁹ Особенно последовательно в сочетании с «еровыми» предлогами *въ, съ, къ*, например: *къ зэмли — по земай, въ гбстехъ — о гостехъ*, и др. (В. В. Колесов. Ударение в древнерусском сочетании с «еровым» предлогом. — ВЛ, 1966, № 6).

²⁰ См.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929, с. 144.

корневого слога и (вплоть до настоящего времени) неподвижным ударением на корне. Эти два акцента организуют акцентную решетку фрагмента, они определенно устойчивы и в пределах данного текста, и во времени. Такая двойная их устойчивость и является ключом нашей реконструкции, хотя в некоторых деталях мы и вынуждены были прибегать к данным современных славянских языков, сохраняющих древние особенности ударения.

Ударение же двух других слов отрывка является неопределенным. Легко представить себе сочетания, в которых эти слова окажутся вообще безударными (ср. *бѣз повѣстии*); они могут и, очевидно, на самом деле имели вариации ударения, связанные с морфологическим оформлением (твор. п. мн. ч. мог дать не только форму *словесы*, но и *слбвы*), и т. д. В данном же случае положение затрудняется тем, что акцентовка представленных в тексте слабых форм является различной исторически и стилистически: *слбвсы* или *словесы*, *пдѣвстии* или *повѣстии* — и то и другое вероятно и регистрируется древнерусскими акцентованными рукописями как проявление контекстного ударения в зависимости от жанра текста (церковный или бытовой). По указанной причине в нашей реконструкции мы вынуждены передавать различие в характере акцентовки: опорное ударение, связанное с сильным слогом (отмечается знаком '); перемное, скользящее ударение вспомогательного типа, которое также следует учесть в реконструкции, связанное со слабыми слогами (обозначается знаком "). В таком случае приведенный отрывок записывается следующим образом: *стѣрыми словесы трѣдныхъ повѣстии*.

По-видимому, вполне возможно в будущем представить и мелодическую структуру текста. Достаточно исчерпывающе и корректно разграничить разные типы акцентов (' и '), соединив их и совместив с реконструкцией позиционных долгот. Однако это тема особого исследования и мы ее в данном случае не касаемся. Тем не менее некоторые предварительные наблюдения в этой области допустимы уже и сейчас.

Сопоставляя генетически различные отрезки текста, представленные в «Слове о полку Игореве», легко заметить принципиально разное отношение к количественным чередованиям в стихе. Разумеется, и попевка Бояна, представленная автором «Слова», и текст самого автора в известной мере являются реконструкциями. Тем не менее хронологическая граница различия и неразличия долгот падает как раз на время между творчеством этих двух поэтов. В середине XI в., в эпоху Бояна, количественные различия были существенны, во второй половине XII в. или позднее они уже не могли приниматься во внимание.

Таким образом, если учесть теоретически предполагаемые (и доказанные славянской акцентологией) количественные отношения периода XI в., попевки Бояна можно представить в следующем виде:

- (1) Тяжьѣ ти гдловѣ кромѣ плечю ○○○○○○○○○○○○○○○○○
 (А) зѣлб ти тѣлеси кромѣ головы ○○○○○○○○○○○○○○○○○
 (или: тѣлоу)

Форма *тѣлу* безусловно вторична, для XI в. точнее было бы представить ее в исконном варианте *тѣлеси*; все редуцированные имеют слоговое значение; введение союза *а* определяется другими аналогичными контекстами, представленными самим «Словом о полку Игореве».

В приведенном тексте нет ни одного долгого слога, ритмика строится только на чередовании основного (') и второстепенного (") ударения, которое, как уже выше сказано, можно было бы представить и другим образом, например: *кромѣ плечю, кромѣ головы*.

Следующая попевка искажена переписчиками, обычно при реконструкции ее добавляют или, наоборот, убавляют за счет неясной средней части:

(2) Ни хытрú, ни горáзду, ни плíццю горáзду судá божи́и не мину́ти.

Ф.Е. Корш добавлял сочетание *ни зеврю ни*, Л. А. Булаховский вместо *птицю* предлагал читать *пытцю* 'чародею'. Вот какие варианты дают эти конъектуры в ритмическом отношении:

Текст	У Ф. Е. Корша	У Л. А. Булаховского
— —	— —	— —

Не только перебивка в ритме, но (что важнее) и пресечение квантитативного ряда заставляют отказаться от предположения Корша; конъектура Булаховского дает лишний краткий слог во втором стихе (в слове *пытцю* изолированный *ъ* в середине XI в. уже не имел фонетического значения, тогда как в суффиксе *-ьц-* слова *пытцю* редуцированный *ь* должен был выступать в качестве слогового). Таким образом, мы остаемся на тексте, представленном в первом печатном издании, и обнаруживаем ритмичное чередование кратких и долгих слогов.

Положение изменяется, как только мы выходим за пределы текста, относимого к XI в. Для автора «Слова» важен ритм, соответствующий определенной поэтической заданности, ритм, организованный чередованием ударных и безударных слогов (ср. смену ритмов в отдельных частях текста).

Таким образом, в качестве основополагающего принципа для нашей реконструкции мы принимаем следующее: предварительную реконструкцию надежнее всего строить по опорным слогам, несущим сильное ударение. Мелодическое заполнение этой акцентной решетки — забота поэтической реконструкции. Последняя, в частности, может идти по линии, намеченной еще Н. С. Трубецким. Говоря о совпадении древнерусского (а также русского народного) и древнегреческого стихосложения, он фиксирует и различие между ними: и древнегреческое, и русское стиховое ударение «основано на сочетании словесного текста с музыкальным напевом, но в древнегреческом стихосложении словесный текст определяет собою количественные различия, а напев определяет ударения. В народном же стихосложении как раз наоборот: словесный текст определяет ударения, а напев — долготу или краткость слогов».²¹

Не все результаты нашей реконструкции имеют одинаковую силу. Можно различать три уровня относительно степени надежности представленных в тексте акцентов.

Основную группу представляют достоверные и надежные акцентовки, предполагаемые теоретически и вместе с тем засвидетельствованные рукописными памятниками; они обычно совпадают и с показаниями современных славянских языков и диалектов. Все такие случаи в комментарии особо не оговариваются.

Значительное количество форм представлено в акцентных вариантах. Причины подобной вариантности — разного происхождения. С одной стороны, возможность двойной акцентовки устанавливается из расхождений между данными поздних рукописных источников и данными современных славянских языков. Такое расхождение может объясняться позд-

²¹ N. S. T r u b e t z k o y. Three Phonological Studies. — Michigan Slavic Materials. 1963, n. 3, p. 5.

нейшими изменениями ударения, которые, вообще говоря, весьма значительны, особенно — ближе к нашему времени, и не всегда связаны с собственно акцентными изменениями. В таких случаях исходим из теоретически предполагаемого для древнего периода ударения с обязательной корректировкой по реальным данным. По степени надежности почти все такие акценты приближаются к предыдущей группе; колебания этого рода носят объективный характер, связанный только с недостатком материала для сравнения. Субъективный характер носит другой тип вариативности, который приводит к реконструкции акцентов, называемых условными.

В самом деле, возможность двоякого ударения может предполагаться самой системой или развитием этой системы в определенном направлении. В ряде случаев мы не знаем, какой из возможных дублетов был распространен во время создания текста или (поскольку речь идет о поэтическом тексте) какой вариант использовал автор в своих целях. Как правило, в реконструкции представлен наиболее архаический вариант условно принятого акцента, но в комментариях оговорены возможности выбора. Условный выбор варианта не указывает на условность самой реконструкции, которая и в данном случае всегда выведена на основании сравнительно-исторического изучения материала.

Так, еще Ф. И. Буслев все контексты с употреблением форм имперфекта приписывал Бояну.²² Поскольку обычно в тех же фрагментах текста «Слова» упоминаются также и все древнерусские мифологические персонажи, поскольку определенно прослеживается изменение в ритмическом строении текста во всех подобных вставках, это мнение в целом можно признать обоснованным. С. П. Обнорский тонко заметил разницу в употреблении имперфекта и аориста в тексте «Слова»: почти все формы имперфекта — русские, со стяжением и с русским окончанием *-ть*, и, как правило, связаны с выражением предиката в бессубъектных предложениях, с подлежащим в неопределенно-личной форме, с подлежащим, далеко отстоящим от формы имперфекта;²³ в отличие от этого формы аориста, как обычно, встречаются в контекстах повествовательного характера. Для автора «Слова» имперфект — всего лишь поэтическое средство передачи неопределенного, длительного, связанного с прошлым действия; обращение к этой форме в «цитатах» из Бояна вполне оправдано. Однако в таком случае возникает трудность в интерпретации отдельных примеров: если имперфектные формы встречаются в «цитатах» из традиционного дружинного эпоса, в них следует предполагать и свойственное им исконное место ударения, весьма отличающееся от более позднего ударения, особенно у глаголов подвижной парадигмы (*въскладаше, пояше, говоряхуть* и т. д.). В тексте самого автора «Слова» эти формы уже могли иметь новое, обобщенное по наиболее продуктивному типу, ударение, потому что к концу XII в. имперфект исчез как грамматическая категория. В комментариях указаны обе возможности реконструкции, потому что не всегда ясно, какой текст принадлежит автору, а какой им цитируется. Аналогичных замечаний требуют и прочие формы, архаические по акценту для XII в., но вполне возможные в XI в. Например, в твор. п. мн. ч. *крѣлы*, но *вслы*, — в зависимости от характера корневого слога (долгий или краткий). Некоторые из таких случаев рассмотрены выше (*дѣноси — дѣноси*), они связаны с характером интерпретации, разделяемой

²² Ф. И. Буслев. Русская поэзия XI и начала XII века. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859, с. 22—23.

²³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 159.

тем или иным автором. Так, производные от слов с подвижным ударением можно реконструировать с окончательным ударением формы (типа *рѣдѣкъд*, *тяжѣкъд*) или с подвижным ударением (и тогда, по мнению В. А. Дыбо, в данных формах должно быть *рѣдѣко*, *тяжѣко*); в пользу обеих точек зрения можно подыскать равновероятные доказательства, — все зависит от времени, к которому следует отнести результаты той или иной реконструкции. В XII в. уже вполне могли проявляться особенности второго типа, а это приводит к необходимости изменить реконструкцию: *тяжѣкъб ти*, *гдловѣ* на *тяжѣко тѣ*, *головѣ*. Все такие случаи учтены в комментариях и представлены как варианты, поскольку это может оказаться важным в последующем стиховедческом анализе текста. В целом же такого рода сложных случаев оказывается не очень много, не больше ста.

Наконец, последняя, самая малочисленная группа, форм по своей акцентровке может быть гипотетичной. Здесь отсутствует сравнительно-исторический материал, необходимый для расшифровки. Поэтому предлагается основанная на теоретических соображениях реконструкция.

В целом на 2121 ударение в тексте «Слова» имеем акут или новоакут — 1331 (то же на последнем открытом слоге — 301); перемещение акцента на клитики встречается 151 раз, нисходящее ударение на первом слоге, допускающее в известных случаях такое перемещение ударения, — 210 раз. Сочетание полнозначных слов с обобщенным ударением встретилось в 116 случаях (типа *сегб време* — 59, в именах собственных — 57), тип *черес_злато* отмечен 5 раз, что весьма редко для такого обширного текста; 8 слов не удалось связать с определенным типом ударения. Таким образом, «устойчивое» ударение встретилось 1630 раз=77%, «рецидивное» — 361 раз=17%, «комбинированное» — 121 раз=6%.

В качестве дополнительного материала, но весьма осторожно, использованы данные древнерусских певческих рукописей XII в.; их показания, часто совпадая с теоретически ожидаемым ударением, вместе с тем позволяют ощутить просодическую атмосферу того периода, когда создавалось «Слово о полку Игореве».

В тех случаях, когда относительно характеристики формы в литературе имеются расхождения (например, *княже* — зват. ф. или притяжат. прил.?), акцентный комментарий предлагается для обеих форм, но в реконструкцию включается та, которая более вероятна с грамматической точки зрения. При передаче восстановленного текста мы старались не злоупотреблять домыслами и конъектурами, хотя перебивы ритма и грамматически неоправданные слова (особенно служебные) так и требуют исправлений текста. Совмещение филологической разработки памятника с ритмической его реконструкцией — также дело будущего.

Вообще в последовательной реконструкции важное значение имеет проблема передачи письменного текста. Все известные просодические реконструкции представляют его не в той орфографии, что дана в первом печатном издании. Действительно, это издание передает рукописную копию с многочисленными следами второго южнославянского влияния, отчего даже само чтение затруднено. Есть полный смысл отказаться от поздних орфографических покровов, брошенных на древний текст. Что же касается собственно фонетических проблем древнего текста, то здесь особую важность приобретает вопрос о редуцированных гласных и о русском полногласии. Только эти вопросы имеют отношение к ритмической структуре текста.

Редуцированные гласные в исходном тексте должны быть представлены неравномерно, — независимо от того, когда он был сложен. Поскольку «Слово» не могло быть создано ранее 1185 г., мы должны исходить из реальных изменений редуцированных гласных к концу XII в.

К этому времени редуцированные гласные как различительные (фонемные) единицы на юге Руси уже не сохранялись, произошло «падение» слабых и, видимо, прояснение сильных редуцированных. Во всяком случае, безусловно верно, что в морфологически изолированной позиции (постоянно безударные *ь* и *ъ* в корнях типа *кѣльзь*, *мѣного*, в некоторых окончаниях) утратились и фонетически, они не произносились. Наоборот, в сочетании с плавными *р*, *л* и в некоторых окончаниях сильные редуцированные прояснились в гласные *о*, *е* уже к середине XII в., поэтому, например, написание *влькъмъ* следовало бы передавать как *волком*. Однако некоторые условности древнерусской орфографии требуют однообразия в передаче основных морфем, поэтому в данном случае мы последовательно отражаем прояснение сильного редуцированного только в окончании, но не в корне: *вълкомь* (*ь* на конце слова соответствует древнерусскому написанию); ср. также и другие корневые морфемы типа *плькъ*, в которых передается древнерусское следование звуков (*плькъ*, а не *плкъ*, *полкъ* или как-нибудь еще). Прочие детали фонетического изменения редуцированных в конце XII в. известны мало. В некоторых сложных сочетаниях согласных редуцированные сохраняли свою гласность довольно долго (в исключительных случаях — вплоть до настоящего времени: *мудреца* вместо ожидаемого *мудрца*), поэтому такие формы, как *у Пльсьнска*, в фонетической передаче следовало бы дать с гласным: *у Пльсьнска*.

Русское полногласие и его отражение в тексте выходят за пределы собственно фонетической реконструкции текста. Последние исследования в этой области показывают, что дублетность полногласных и неполногласных форм широко использовалась и в стилистических целях (применительно к художественной речи) и уже проникала в литературный язык как средство семантической дифференциации (сравни современные *голова*—*глава*, с разным значением слов). Сама дублетность в русском языке основана была на некоторых просодических возможностях полногласных слов. Дублетность развивается только у тех слов, которые имели нисходящую интонацию корня, т. е. не выступали с фонологическим ударением, ср. *ворон* ~ *вран*, *город* ~ *град*, *голову* ~ *главу*, *сторону* ~ *страну*, *порох* ~ *прах*, *солод* ~ *слад(ость)* и т. д. Корни с восходящим тоном не выступали в качестве неполногласных и до сих пор (если не принимать во внимание поздних лжеславянизмов типа *блато*) не выступают, ср. *холодъ*, *сорбка*, *вороба*, *горбъ*, *дорба* и др. Следовательно, любую попытку заменить в реконструкции древнего текста полногласную форму неполногласной, или, наоборот, произведенную без предварительного стилистического или семантического исследования этой формы в данном тексте следует считать покушением на творческий замысел автора. Любопытно в этой связи совпадение: сильное ударение, опорное для поэтического текста, всегда предполагает полногласную форму; слабое ударение своим скоплением сопровождается и вариантностью в числе слогов (встречается в слове с полногласным и неполногласным вариантом).

Правда, некоторые формы «Слова», искаженные переписчиками, действительно нуждаются в замене, но предварительно следует установить — какие именно. Трудность исполнения такой задачи можно иллюстрировать единственной стихотворной строчкой, оставленной Ф. Е. Коршем нерасшифрованной: *страны рады, гради весели*.²⁴

²⁴ «Возможно, что это место целиком заимствовано из какого-нибудь церковнославянского сочинения», поскольку слова даны здесь «в своем церковнославянском виде» (Ф. Е. К о р ш. Слово о полку Игореве, с. VII); однако можно предполагать и искажение текста, приведшее, например, к разрушению аллитерации: *гради ради, веси весели*.

Страны соответствует позднее обычному для русского языка значению этого слова (в отличие от слова *сторона*). Налицо семантическое расхождение слов. Однако такое же семантическое расхождение можно предполагать и для второго имени существительного, поскольку историки отмечают в древнерусских текстах расхождение между *городъ* 'городское поселение' и *градъ* 'крепость', 'городской кремль'.²⁵ Если принять такое толкование данных вариантов, наблюдается полное соответствие двух частей стиха: радуются *страны* (=державы) и *крепости*, а не *стороны* и *города*, не *страны* и *города*, не *стороны* и *крепости*. По-видимому, данное сочетание — авторское, и мы должны принять это во внимание, даже если это меняет ритмический рисунок стиха, ср. *стра́ны ра́ды, гра́ди вѣсели — стброны ра́ды, гброди вѣсели*. Аллитерация *рады — гради* также более соответствует поэтическому замыслу, чем экфонически размытое *рады — городи*. Учитывая все эти обстоятельства, в нашей реконструкции мы и сохраняем большинство чтений, предложенных первыми издателями. Спорные случаи оговариваются, причем в акцентологическом словаре к тексту предусматривается двоякая возможность акцентировки. Иногда оба варианта представлены в реконструкции текста (второй из них — в квадратных скобках; в квадратных скобках даны также чтения числовых обозначений текста и вставки первых издателей).

Текст «Слова» представлен в обобщенной древнерусской орфографии, характерной для русских текстов конца XII в., поэтому здесь нет последовательных совпадений ни с Мусин-Пушкинским списком, ни с Екатерининской копией с него. Пунктуационные знаки также условны — они совпадают с изданием «Слова о полку Игореве» в серии «Библиотека поэта» (Л., 1967), за исключением кавычек при прямой речи (они опущены).

Для восстановления ритмического рисунка текста большое значение имеет воссоздание цельного фонетического слова, т. е. сочетания нескольких форм, объединенных общим ударением: *а́ князю, оба́ полы, на́ себѣ, и́ отъ моря*. Дужка *⌋* соединяет отдельные части фонетического слова только в том случае, если такое слово состоит из ряда самостоятельных лексических единиц (типа *младѣ́ князя*); сочетания с предлогами особыми знаками соединения не обозначаются.

Слово о пѣлку Игб́ревѣ, Игб́ря, сына Святъсла́вля, вну́ка Ольго́ва

Не лѣно лѣны бяшетъ, б́ратие, нача́ти ста́рыми словеса́и т́рудныхъ повѣстѣи о пѣлку Игб́ревѣ, Игб́ря Святъсла́влича? Нача́ти же се тои пѣсни по быліна́мъ сего́ време́не, а не по замы́шлению Боя́ню! Боя́нъ бо вѣщи́и а́ще кому́ хотя́ше пѣснь твора́ти, то ротекаше́ться мы́слию по́ древу, сѣ́рымъ вѣ́лкомъ по́ земли, сѣ́зымъ о́рломъ по́дъ обла́ки. По́мняшетъ бо, рече́, пѣрвы́хъ време́нъ усоби́цъ. Тогда́ пушаше́тъ і́ [десять] соко́ловъ на ста́до лебеде́и, кото́рыи дотеча́ше, та́ предѣ́и пѣс[н]ѣ́ пояше́ ста́рому Яросла́ву, хра́брому Мстисла́ву, иже зарѣ́за Редѣ́ю предѣ́ пѣлкъы касо́вскими, кра́сному Рома́нови Святъсла́вличю. Боя́нъ же, б́ратие, не [десять] соко́ловъ на ста́до лебеде́и пушаше́, и́ своя вѣщи́и пѣ́рсты на живы́и стру́ны вѣсклада́ше, о́ни же са́ми кня́земъ сла́ву рокота́ху.

По́чнемъ же, б́ратие, повѣ́сть си́ю отъ ста́раго Влади́мера до ны́нѣшнѣго Игб́ря, и́же истягну́ умь крѣ́постию́ своею́ и по́стри сердца́ своего́

²⁵ См.: М. А. Соколова. К истории слов *город* и *град*. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка, VI. Казань, 1970, с. 19.

мужествомъ, напѣлнися рѣтнаго дѣха, наведе своѣ храбрыѣ пѣлки на землю Половецкую за землю Рускую.

Тогда Игорьъ взырѣ на свѣтлое солнцѣ и видѣ отъ него тьмою всѣ своѣ воѣ прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своѣи: братіе и дружино! лѣщежъ бы потяту быти, неже полонѣну быти, а всядѣмъ, братіе, на своѣ бѣрзыѣ комони да позримъ сѣнего Дону.

Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступѣи искусѣи Дону великого. Хошѣ бо, — рече, — копѣе приломѣти концѣ поля Половецкого, съ вами, русѣи, хошѣ главу свою приложѣти, а любѣ испѣти шеломомъ Дону.

О, Боіне, солѣвию старѣго времени! абѣ ты сѣ пѣлки ущекоталъ, скача, слѣвию, по мѣслену дрѣву, летѣя умомъ подѣ облакѣ, свѣвая слѣвы обѣ поля сегѣ времени, рѣща въ трѣпу Трояню чрѣсъ поля на горы.

Пѣти бѣло пѣс[н]ѣ Игоревѣ, тогѣ [Олга] внѣку. Не бѣря соколѣ занесе чрѣсъ поля ширѣкая — гѣлицѣ стѣды бѣжатъ къ Дону великому. Чѣлѣ взырѣти бѣло, вѣщѣи Боіне, Велѣсовъ внѣче: комони ржѣтъ за Сулою — звѣнѣтъ слѣва въ Кѣевѣ, трубѣ трѣбятъ въ Новѣградѣ, стѣятъ стѣзи въ Путѣвли, Игорьъ ждѣтъ мѣла брата Всѣволода.

И рече ему бѣи турѣ Всѣволодѣ: одѣнѣ братѣ, одѣнѣ свѣтъ свѣтлѣи, ты, Игорю, обѣ есвѣ Святѣславличѣ! сѣдлѣи, братѣ, своѣ бѣрзыѣ комони, а мой ти гѣтовѣ, осѣдлѣи у Кѣурска на передѣ; а мой ти кѣряни свѣдоми кѣмѣти: подѣ трубѣми пѣвити, подѣ шелѣмы възлелѣяни, концѣ копѣи вѣскѣрмлени, путѣ имѣ вѣдоми, ярѣгы имѣ знѣеми, лѣци ѣ нихѣ напряженѣи, тѣли отворѣнѣи, сѣбли изѣострѣни, сѣми скѣчѣютъ, ѣкѣ сѣрыи вѣлци въ пѣли, ищѣчи сѣбѣ чѣи, а князю слѣвы.

Тогда вѣступѣи Игорьъ князѣ въ златѣ стрѣмень и поѣха по чѣстому пѣлю. Солнцѣ ему тьмою пѣтъ заступѣше, нѣщѣ стѣнѣщи ему грозѣи пѣтъчѣ убудѣи, свѣстъ звѣрѣнѣ вѣстѣзѣи, Дѣвѣ клѣчетъ вѣрхѣ дрѣва, велѣтъ послѣпатѣ зѣмли незнѣемѣ, Вѣлзѣ, и Помѣрию, и Посѣулю, и Су-рѣжу, и Корсѣню, и тебѣ, тѣмѣторѣканѣскии бѣлвѣнѣ.

А пѣловѣци негѣтовѣми дѣрѣгами побѣгоша къ Дону великому, крѣчатъ телѣгы пѣлуноци, рѣи, лѣбѣди распѣцѣнѣи. Игорьъ къ Дону воѣ ведѣтъ: ѣже бо бѣдѣ его пасѣтъ пѣтъчѣ; подѣбѣию вѣлци грѣзу вѣсрѣжатъ, по ярѣгамъ ѣрли клѣтѣомъ на кѣсти звѣри зѣвѣтъ, лѣсѣици брѣшѣтъ на чѣрленѣи пѣтитѣ. О Русская зѣмле! ѣже за шелѣменѣмъ еѣи!

Дѣлого нѣщѣ мѣркнѣтъ, зарѣ свѣтъ запалѣ, мѣглѣ поля покрѣла. Щѣкотѣ слѣвиѣ успѣ, гѣворѣ гѣличѣ убудѣи. Русѣици великая пѣлѣ чѣрленѣи пѣтитѣ прѣгорѣдѣиша, ищѣчи сѣбѣ чѣи, а князю слѣвы.

Сѣ зарѣниѣ въ пѣтъкѣ потѣптѣша погѣныѣ пѣлки пѣловѣцкѣи и, рѣссушѣ стрѣлѣми пѣ полю, помчѣша крѣсныѣ дѣвѣкѣ пѣловѣцкѣи, а съ ними златѣ и пѣволокѣи и драгѣи оксѣмитѣи; орѣтъмѣми, и япончѣицими, и кожѣухѣи начѣша мѣсты мѣститѣи по болѣтомъ и грѣзѣивѣмъ мѣстомъ, и всѣкѣми узѣрѣчѣи пѣловѣцкѣи.

Чѣрленѣ стѣгѣ, бѣлѣ хорѣговѣ, чѣрленѣ чѣлка, срѣбрѣно стружѣиѣ храбрѣому Святѣславличѣ! Дрѣмлетѣ въ пѣли Ольгѣво хорѣбрѣе гнѣздѣ, далѣчѣ залѣтѣло! Нѣ было онѣ обѣдѣ пороженѣо ни соколѣ, ни крѣчетѣу, ни тебѣ, чѣрныи вѣронѣ, погѣныи-пѣловѣчѣи. Гзѣкѣ бѣжѣтъ сѣрыи вѣлкомъ, Кончѣкѣ ему слѣдѣ правѣтъ къ Дону великому.

Другѣго дѣни вѣлми рѣно крѣвѣавѣѣ зѣри свѣтъ повѣдѣютъ, чѣрныѣ тѣчѣ съ морѣ идѣтъ [съ морѣ идѣтъ?], хотѣтъ прикрыѣти дѣ. (чѣтыре) сѣлнцѣ. А въ нихѣ трѣпѣщѣтъ сѣниѣи мѣлнѣи, — быѣти грѣму великому,

итѣи дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тѹ ся копьёмъ приламѣти, тѹ ся саблямъ потрѹчати о шеломы половецкыѣ, на рѣцѣ на Каяль, у Дону великаго. О Руская земле! уже не[-за] шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибѣжи внѹци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыѣ пѣлки Игоревы! Земля тутнѣтъ, рѣкы мутно текутъ, порося поля прикрывають, стязи глаголютъ, полѣвци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ сторонѣ. Рускыѣ пѣлки отступѣша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородѣша, а храбрии русици преградѣша чьрлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! стойши на борони, прыщещи на воѣ стрѣлами, грѣмлеши о шеломы мечѣ харалужными. Камо, турь, поскочѣше, своимъ золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежѣтъ поганыя голѣвы половецкыѣ; поскѣпани саблями калеными шеломы оварьскыѣ отъ тебе, Яръ туре Всеволоде! Кая раны, дорогѣ братия, забывъ чтѣ и животѣ, и града Чьрнигова отня златѣ стола, и своѣ милыѣ хотѣ, красныѣ Глѣбѣвны, свѣчая и обычая?

Были вѣци Тройни, минула лѣта Ярославля, были пѣлци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу ковашѣ и стрѣлы по земли сѣяше. Ступѣеть въ златѣ стременѣ въ градѣ Тьмуроканѣ.

То же звонѣ слыша давныи великыи Ярославъ, сынѣ Всеволожь, а Владимиръ по всѣ утра [по всѣ утра] ѹпи закладѣше въ Чьрниговѣ. Борѣса же Вячеславлича слава на судѣ приведе, и на Канину зелену паполому постлѣ за обѣду Олгову, храбра и младѣ князя [храбра и младѣ князя]. Съ тоѣ же Каялы Святопѣлкѣ полелѣ я[тѣ] отцѣ своего между угорьскыи иноходѣци къ святѣи Софѣи къ Киеву.

Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшеться и ростяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбѣжа внѹка, въ княжѣхъ крамолѣхъ вѣци человекѣкомъ скратѣшась. Тогда по Руской земли рѣдко рѣтаеве кѣкахуть, нѣ часто врѣни граяхуть, трупя себѣ дѣляче, а гѣлицы свою рѣчь говоряхуть [говоряхуть], хотѣтъ полетѣти на уѣдие.

То было въ ты рѣти и съ ты пѣлки, а сѣцеи рѣти не слышано: съ зарѣнья до вечера, съ вечера до свѣта летѣтъ стрѣлы каленыѣ, грѣмлютъ сабли о шеломы, трещѣтъ копыѣ харалужныи въ поли незнаемѣ среди земли Половецкыѣ. Чьрна земля подѣ копыты костымѣ была посѣяна, а кровью поляна; тугѣю въздыша по Руской земли!

Что мѣ шумѣтъ, что мѣ звенѣтъ давеча рано предѣ зорѣями? Игорь пѣлки заворбчаеть, жаль бо ему мѣла брата Всеволода. Бѣшася дѣнь, бѣшася другѣи, третьѣго дни къ полѣднию падоша стязи Игоревы. Тѹ ся брата розлучѣста на брезѣ быстрой Каялы. Тѹ кроваваго вина не достѣ, тѹ пирѣ докончѣша храбрии русици: свѣты попойша, а сѣми полегѣша за землю Рускую.

Пѣчѣтъ травѣ жалѣщами, а древо съ тугѣю къ земли преклонѣлось. Уже бо, братие, не веселѣя годѣна вѣстѣла, уже пустыни сѣлу прикрѣла. Вѣстѣла обѣда въ сѣлахъ Дажьбѣжа внѹка. Вступѣла дѣвою на землю Тройню, вѣсплескала лебѣдыными крылы на сѣнѣмъ мѣри, у Дону плѣщучи, убудѣ жирнѣ времена. Усобица княземъ на поганыѣ погыбе, рекѣста бо братѣ брату: се моѣ, а то моѣ же. И начѣша князи промѣлое — се великое мѣлвити, а сѣми на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странѣ прихождѣху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече заидѣ сокѣль, пѣць бѣя, къ мѣрию, а Игорѣва храброго пѣлку не крѣситѣ.

Зá_нимъ кликну Карна и Жля, поскóчи по Рýскои зéмли, смáгу мýчучи въ пламянѣ рóзѣ. Жены рýскыѣ въсплáкапась, аркучй: ўже намъ своихъ мýлыхъ лáдѣ ни мýслию смýслити, ни дýмою сдýмати, ни очýма сýглядати, а златà и сребрà ни мáло того притрепáти! А_въстóна_бо, брáтне, Кýевъ тугóю, а Чьрнiговъ напáстми; тоскà розльяся по Рýскои зéмли, печáль жирнà тече срьдъ землѣ Рýскыѣ. А_князи сáми нà_себе крамолу коваху, а_погáнии сáми побѣдáми нарищуще на Рýскую зéмлю, ёмляху дáнь по_бѣлѣ отъ_двора.

Тии_бó два_хрáбрая Святъслáвлича, Игорьъ и Всéволодъ, ўже лжý убудй[ста], котóрую [то] бйше успйль отецъ ихъ Святъслáвъ грозныи великыи кýевскыи. Грозой бйшетъ притрепетáль своими сйльными пѣлки и харалужными мечй, наступй нà_землю Половецкую; притоптá хълмы и яругы, взмýти рѣкы и озёры, иссуши потòкы и болòта, а погáнаго Кобяка изъ_лукý_моря, отъ желѣзныхъ великыхъ пѣлковъ половецкыхъ, яко_вйхрь, вытóрже, и пáдеся Кобякъ въ градѣ Кýевѣ, въ грйдници Святъслáвли. Ту нѣмцй и венедейци, ту гръци и морáва поють слáву Святъслáвлю, кáютъ князя Игоря, йже погрузи жиръ въ днѣ Каялы, рѣкы_половецкыѣ, рýскаго златà насыпаша. Тў Игорь_князь вйсѣдѣ изъ_сѣдлá_злата, а_въ_сѣдло кощйево. Унйша бо градóмъ забрáлы, а_веселье_по_ниче.

А_Святъслáвъ мутёнъ сóнъ видѣ въ Кýевѣ на горáхъ. Сйночь съ_вечёра одѣвáхъте_мя, — рече, — чърною паполóмою, на кровáти тйсовѣ, Чьрпáхуть_ми сйнее вино съ_трудóмъ смѣшено, сйпахуть_ми тóщими тулы погáныхъ тълковинъ великыи жемчугъ на_лонò и нѣгують_мя; ўже дъскы без_кнѣсá_въ_моёмъ теремѣ златовѣрсѣмъ. Всю_ночь съ_вечёра бó_суви врáни възгрáяху, у_Плѣсньска нà_болони бѣша дѣбрь Кыйню: [и] нё сошлю къ сйнему мóрю.

И_ркоша бояре князю: ўже, княже, тугà ўмъ_полонйла; се_бо_двá_соколá слетѣста_съ_отня_столá_злата поискáти градá Тьмуторóкани, а_любò испйти шелóмомъ Дóну. Ўже соколóма крйльца припѣшали погáныхъ сáблями, а_самаю_опустóша въ_пýтины желѣзны.

Тёмно_бо_бѣ_въ_т [третей] день: два_сълнцá помѣркоста, óба багрйная стълпá погáсоста и съ_нимá_молодáя_мѣсяца, Олегъ и Святъслáвъ, тёмю_ся_поволокóста. На_рѣцѣ_на_Каялѣ_тёмá_свѣтъ_покрыла: по_Рýскои_зéмли_прострóшася_полóвци, акы_пардуже_гнѣздò, и въ_мòре_погрузйста, и_великое_буиство_подáсть_Хынови. Ўже_снѣсеся_хулá_на_хвалу, ўже_трѣсну_нужда_на_волю, ўже_вѣржеся_Дйвъ_на_землю. Се_бó_гòтскыѣ_красныѣ_дѣвы_въспѣша_на_брезѣ_сйнему_мóрю. Звоня_рýскимъ_златомъ, поють_время_Бусово, лелѣють_мѣсть_Шарокáню. А_мы_ўже,_дружйна,_жáдни_веселий.

Тогдà_великыи_Святслáвъ_изрони_златò_слово_слезáми_смѣшено_й_рече: о, мой_сынóвча, Игорю и Всéволоде! рáно_естá_началá_Половецкую_зéмлю_мечй_цвѣлйти, а_себѣ_слáвы_искáти. Нѣ_нечьстно_одолѣсте, _нечьстно_бо_крѣвь_погáную_прольяете. Вáю_хрáбрая_сърдцá_въ_жестóцѣмъ_харалужѣ_скованá, а_въ_бúести_закаленá. Се_лй_створйсте_моёй_срѣбренѣи_сѣдйнѣ? А_ўже_не_вйжду_влáсти_сйльного_и_богáтого_и_многовби_брáта_моёго_Ярослáва_съ_чьрнйговьскыи_былйми, съ_могуты, и_съ_татрáны, и_съ_шель_бйры, и_съ_топчáкы, и_съ_ревугы, и_съ_ольбёры. Тии_бó_бес_щитóвъ_съ_засапóжники_клькомъ_пѣлкы_побѣждáютъ, звонячй_въ_прадѣднюю_слáву. Нѣ_рекóсте:_мужáимѣся_сáми,_прѣднюю_слáву_сáми_похйтимъ,

а_зѣднюю_ся_са́ми_подѣлимъ. А_чи_дѣво_ся, брѣтне, ста́ру_помолоди́ти? Ко́ли_соко́ль_въ_ма́тєхъ_быва́еть, вѣсо́ко_пта́иць_възбива́еть, не_да́сть_гнѣзда_своего́_въ_оби́ду. Нѣ_се_злѣ_княже_ми_не_посѣбие, на_ничь_сѣ_годины_обратѣша. Се_ури́мъ_крича́тъ_подъ_са́блями_половѣцкыи, а_Володи́мирь_подъ_ра́нами. Туга́_и_тоска́_сы́ну_Глѣ́бѣ_бу! Вели́кыи_княже_Всѣ_володе! не_мыслию_ти_прелетѣ́ти_издалеча́, ѳ́тня_злата́_столѣ_поблюсти́? Ты_бѣ_можѣши_Вѣлгу_веслы́_роскро́пити, а_Донъ_шелѣмы_вѣлѣяти. Аже_бѣ_ты_быль, то_была́_бы_чага́_по_нога́тѣ, а_коше́и_по_рѣзани. Ты_бѣ_можѣши_пѣсуху_живы́ми_шерешѣ́ры_стрѣля́ти, удалы́ми_сыны́_Глѣ́бѣ_бу.

Ты, бу́и_Рю́риче, и_Давы́де, не_ваю́_ли_злаченѣ́ми_шелѣмы_пѣ_крови_пла́ваша? Не_ваю́_ли_хра́брая_дружина́_рыка́ють, а́кы_гу́ри, ра́нени_са́блями_кале́ныи, на_поли_незна́емъ? Вступѣ́та, господѣ́на, въ_злата́_стремен[а́]_за_оби́ду_сего́_времени, за_землю_Рѣ́скую, за_ра́ны_Иго́ревы, бѣ́его_Святсла́влича!

Га́личкы_Осмѣ́сле_Яросла́ве! вѣсо́ко_сѣ́диши_на_своѣ́мъ_златоко́ваннѣ́мъ_столѣ́. Подперѣ́ горы_Уго́рскыѣ_свои́ми_желѣ́зныи_пѣ́лкы, заступѣ́въ_короле́ви_пу́ть, затвори́въ_Дуна́ю_ворота́, мечѣ́ б[е]рѣ́мены_чрѣ́сь_обла́кы, судѣ́ рядѣ́ до_Дуна́я. Гро́зы_твоѣ́_по_земля́мъ_теку́тъ, отвори́вѣши_Кѣ́еву_врата́, стрѣ́ляеши_сѣ́ ѳ́тня_злата́_столѣ́_салтани_за_земля́ми. Стрѣ́ляи, господѣ́не, Конча́ка, погана́го_кощѣ́я, за_землю_Рѣ́скую, за_ра́ны_Иго́ревы, бѣ́его_Святсла́влича.

А_ты, бу́и_Рома́не, и_Мсти́славе! хра́брая_мысль_но́ситъ_вашѣ́_у́мъ_на_дѣ́ло. Вѣсо́ко_пла́ваеши_на_дѣ́ло_въ_бѣ́ести, ѣ́ко_соко́ль_на_вѣ́трѣхъ_ширя́ясь, хо́тя_пта́ицю_въ_бѣ́иствѣ́_одоле́ти. Су́тъ_бѣ_у_ваю́_желѣ́зны[и]_паворо́зи_подъ_шелѣ́мы_латѣ́нскыи. Тѣ́ми_трѣ́сну_земля́, и_мно́гы_стра́ны: Хы́нова, Ли́тва, ятвѣ́зи, дер[е]мѣ́ла, и_поло́вци_су́лицы_своѣ́_повѣ́ргоша, а_главы́_своѣ́_покло́ниша_подъ_тѣ́мъ_мечѣ́_харалу́жныѣ́. Нѣ_у́же, княже, Иго́рю_утѣрпѣ́_сѣ́лицю́_свѣ́тъ, а_древо́_не_бологомъ_ли́стиве_срѣ́ни: по_Рѣ́си, по_Су́лѣ_гра́ды_подѣ́лиша, а_Иго́рева_хра́браго_пѣ́лку_не_крѣ́сити! Донъ_тѣ́, княже, кли́четъ_и_зовѣ́тъ_князи_на_побѣ́ду. Олгови́чи, хра́брии_князи, до_спѣ́ли_на_брань. Ингва́рь_и_Всѣ_володъ_и_вси́_три_Мстисла́вичи, не_худа́_гнѣзда́_шестокры́лци, непобѣ́дныи_жеребий_собѣ́_вла́сти_росхѣ́тите? Кое_ва́ши_златѣ́и_шелѣ́мы_и_су́лицѣ́_ляцкыѣ́_и_щиты́! Загородѣ́те_по́лю_ворота́_свои́ми_ѳ́стрыи_стрѣ́лами_за_землю_Рѣ́скую, за_ра́ны_Иго́ревы, бѣ́его_Святсла́влича.

У́же_бѣ_Су́ла_не_тече́тъ_срѣ́бренныи_стру́ями_къ_гра́ду_Пере́ясла́влю, и_Дви́на_болѣ́томъ_тече́тъ_о́нымъ_гро́знымъ_полоча́номъ_подъ_кли́комъ_погана́ыхъ. Еди́нъ_же_Изя́славъ, сы́нъ_Васи́льковъ, по́звони_свои́ми_ѳ́стрыи_мечѣ́_о_шелѣ́мы_литѣ́вскыѣ́, притрепа́ сла́ву_дѣ́ду_своѣ́му_Всесла́ву, а_са́мъ_подъ_чѣ́рленныи_щиты́_на_крѣ́вавѣ́_травѣ́_притрепа́нъ_литѣ́вскыи_мечѣ́. И_сѣ́_хотѣ́ю_на_крово́атъ, ѣ́_рекѣ́: дружи́ну_твою́, княже, пта́иць_крилы́_приоде́тъ, а_звѣ́ри_крѣ́вь_полиза́ша. Не_бы́с[т]ѣ́_ту_бра́та_Брячи́слава, ни_друга́го_Всѣ_волода; еди́нъ_же_изрони_жемчю́жну_ду́шу_изъ_хра́бра_тѣ́ла, чрѣ́сь_злато_оже́рѣ́лие. Уны́ли_го́лоси, пони́че_весельѣ́. Трубы́_тру́бятъ_городѣ́нскыѣ́. }

Яросла́ве_и_вси́_вну́ци_Всесла́вли! у́же_пони́зите_ста́гы_своѣ́, вонзѣ́йте_своѣ́_мечѣ́_вереже́ны; у́же_бѣ_вы́скочѣ́сте_из_дѣ́днѣ́и_сла́вы. Вы_бѣ_свои́ми_крамо́лами_нача́сте_наводи́ти_погана́ыхъ_на_землю_Рѣ́скую, на_жи́знь_Всесла́влю. Кото́рое_бѣ́_бѣ_ша_наси́лие_ѳ́тъ_землѣ́_Половѣ́цкыѣ́. На_сѣ́дѣ́момъ_вѣ́цѣ́_Тро́яни_вѣ́рже_Всесла́въ_жере́бии_о_дѣ́вицю_са́бѣ́_любу́. Тѣ́и_клю́-

ками подьпёрся о кони и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружиёмъ златà стола кыевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣрёмъ въ полночѣ из Бѣлграда, обѣсися сини мѣглѣ, утѣрже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду, рѣшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немігы съ Дудутокъ. На Немізѣ снопы стѣлють головáми, молотятъ чѣпн харалужными, на тоцѣ живѣтъ кладутъ, вѣютъ дѣшу отъ тѣлá. Немізѣ крѣвавѣ брезѣ нѣ бологомъ бѣхутъ посѣяни, посѣяни костымѣ рѣскихъ сынѣвъ. Все-славѣ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ в ночь вѣлкомъ рыскаше: из Кіева дорискаше до куръ Тьмутороканя; великому Хѣрсови вѣлкомъ пѣть прерискаше. Тому въ Полотскѣ позвоніша заутреню[ю] рано у святѣхъ Софѣхъ въ колоколы — а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша. Ащѣ и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и първоѣ припѣвку смысленни рече: ни хытрѣ, ни горáзду, ни пытьцу горáзду судá божия не минѣти. О! стонáти Рѣской зѣмли, пѣманувше първѣю годіну и първѣхъ князѣи. Тѣго старáго Владімера нѣльзѣ бѣ пригвоздѣти къ горáмъ кыевскимъ; сегѣ бо нынѣ стáша стѣзи Рюриковы, а друзи Давідовы, нѣ розно́ся имъ хѣботы пашутъ, копия поѣтъ на Дунаи.

Ярославнынъ гѣлосъ слышитъ, зегзіцею незнаема рано кычетъ. Подлечю, — рече, — зегзіцею по Дунаѣви; ѣмочю бѣбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, ѣтру князю крѣвавыѣ его раны на жестѣцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путівли на забралѣ, аркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господіне, насильно вѣшеши? чему мычѣши хыновскыѣ стрѣлки на своѣю не трудною крѣлцю на моѣѣ лады воѣ? мáло ли ты бѣшесть горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи кораблѣ на сини мѣри? чему, господіне, моѣ веселіѣ по ковѣлиу розвѣя?

Ярославна рано плачетъ Путівлю гѣроду на заборѣлѣ, аркучи: о Днѣпре Слоўѣтицю! ты пробилъ еси каменныѣ гѣры сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носáды до пѣлку Кобякова. Възлелѣи, господіне, моѣ ладу къ мнѣ, а бѣхъ не слáла къ нему слѣзъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путівли на забралѣ, аркучи: свѣтлѣе и тресвѣтлѣе сълнцѣ! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господіне, прѣстре горячію свѣю лучю на лады воѣ? в пѣли безвѣднѣ жажѣю имъ лѣкы съпрѣже, тугѣю имъ тулы затѣ.

Прысну море полуночи, ѣдутъ смѣрци мѣглами, Игѣреви князю богѣ пѣть кажетъ из землѣ Половецкыѣ на землю Рѣскую, къ ѣтню злату столѣ. Погасѣла вечеру зѣри, Игѣрь спитъ, Игѣрь бдитъ, Игѣрь мыслию поля мѣрѣитъ отъ великаго Дѣну до мáлаго Донцá.

Комѣнъ въ полуночи, Овлѣръ свѣс[т]ну за рѣкою, велѣтъ князю розумѣти. Князю Игѣрю не бѣтъ! Клікну, стѣкну земля, всѣшумѣ трава. Вѣжѣ ся половецкыѣ подвѣзаша[ся], а Игѣрь князь поскочи гѣрнѣстаемъ къ тростию и бѣлымъ гѣголемъ на воду.

Вѣвѣржѣся на бѣрзѣ комѣнъ и скочи съ него бѣсымъ вѣлкомъ, и пѣтече къ лѣгу Донцá, и полетѣ соколѣмъ подѣ мѣглами, избивáя гѣси и лѣбѣди зáвтраку и обѣду и ѣжинѣ. Коли Игѣрь соколѣмъ полетѣ, тогдá [О]влѣръ вѣлкомъ потече, трусѣ собѣю студѣную рѣсу, прѣтѣргѣста бо свѣя бѣрзáя комѣня.

Донѣцѣ рече: княже Игѣрю! не мáло ти велѣчия, а Кончáку нѣлюбия, а Рѣской зѣмли веселія. Игѣрь рече: о Дѣнче! не мáло ти велѣчия,

лелѣявшу князя на вълнахъ, стлѣвшу ему зеленѹ травѹ на своихъ срѣб-
реныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнню зеленѹ древу,
стрежашѣ е[го] гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чернядыми на вѣт-
рѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, хѹду струю имѣя, пожърши чѹжи
ручьи и стругы, рѹстрена к ѹсту? Уношу князю Ростиславу затвори
Дябрь темнѣ березѣ. Плѣчется мати Ростислава по уноши князи Рості-
славѣ. Уныша цвѣти жалобѹю, и древо с тугѹю къ зѣмли прѣклонило.

А не сорѹки втроскотѣша — на слѣдѹ Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кон-
чѣкомь. Тогда врани не граяхуть, галицѣ помѣлкоша, сорѹки не троско-
тѣша, полозию ползѹша только, дятлове текѹмь пѹть къ рѣцѣ кажутъ,
соловьей веселыми пѣс[н]ями свѣтъ повѣдають.

Мѣлвить Гзакъ Кончѣкови: ажѣ соколъ къ гнѣздѹ летѣтъ, соколѣча
рострѣляевѣ своими злечеными стрѣлами. Рече Кончѣкъ къ Гзѣ: ажѣ со-
колъ къ гнѣздѹ летѣтъ, а вѣ соколца опѹтаевѣ красною дѣвицею. И рече
Гзакъ къ Кончѣкови: ащѣ его опѹтаевѣ красною дѣвицею, ни нама бѹ-
детъ соколѣца, ни нама красны дѣвицѣ, то почнуть наю пгѣцѣ бѣти
въ подли половецкомь.

Рѣкъ Боянь и Ходѣна, Святѣславля пѣс[н]творца, старѣго врѣмене
Ярославля, Ольгова коганя хѹти: тяжкѹ ти гѹловѣ кромѣ плечѹ, [а] злѹ ти
тѣлу кромѣ гѹловы, Рѹскои зѣмли без Игоря.

Сьляцѣ свѣтитсѣ на небесе — Игорь князь въ Рѹскои зѣмли.

Дѣвици поѹтъ на Дунаи, вьѹтъся гѹлоси чрѣсь море до Кыева. Игорь
ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради,
градѣ весели. Пѣвшѣ пѣснь старымъ княземъ, а потѹмъ молодымъ пѣти.
Слава Игорю Святѣславличю, бѹи туру Всеволоду, Владѣмиру Игоревичу!
Здрави князи и дружина, побарѣя за христѣяны на поганыѣ пѣлкъ! Кня-
земъ слава а дружинѣ. [Аминь].

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ К РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА¹

Словарь построен следующим образом. Все формы одного слова и все производные от одного корня указаны в общей для них словарной статье; не выделяются, таким образом, приставочные глаголы от бесприставочных или суффиксальные имена от исходных корней. В качестве словарных обычно показаны: инфинитив, именительный падеж имени, краткое прилагательное; наречия и вспомогательная лексика выделены особо. Самый общий принцип нахождения нужного слова — по корню. Редкие исключения определяются характером материала, их выделение всегда понятно (ср. *аркучи* — причастие в сочетании с союзом *а*). Если слово в тексте встречается в одной-единственной форме, эта форма может быть вынесена в заголовок статьи.

Формы частотных слов не всегда перечисляются исчерпывающе, однако комментарий к соответствующему «корню» учитывает все нужные для комментирования формы слова. При пользовании словарем следует иметь в виду традиционное для славянской акцентологии распределение слов по трем акцентным парадигмам: б а р и т о н и р о в а н и а я — с постоянным ударением на одном и том же слоге (корня или суффикса), о к с и т о н и р о в а н н а я — с постоянным ударением на тематическом гласном (применительно к XII в. — на окончании двусложного, на корне или на окончании трехсложного слова или формы), п о д в и ж н а я — с колебанием ударения между крайними слогами слова (в зависимости от падежной формы, которая всегда указывается). Указания об ударении отдельных заимствованных слов противоречивы, и потому в данной реконструкции некоторые из них не определяются. Порядок следования слов по современному алфавиту (с учетом «*ятя*»); для краткости «Слово о полку Игореве» обозначается сокращением СОПИ.

¹ При подготовке работы к печати я пользовался критическими замечаниями, поправками и дополнениями, сделанными В. А. Дыбо. Приношу ему свою благодарность за ценные советы, позволившие улучшить работу. По-видимому, и последующие обсуждения помогут дальнейшему уточнению некоторых деталей этой реконструкции.

А, союз в различных значениях, который выступал как клитика (Дыбо. О фразовых, 82). Поэтому в сочетаниях он мог перетягивать на себя ударение (ср. *а́ древо, а́ злата*) или оставаться безударным (ср. *А Игбрия, а са́ми*). В сочетаниях с *бы* и *же* — положение аналогичное: *а бѣи ты... ущекоталъ, аже бѣи ты бѣиль*; труднее судить о свободном сочетании *аже* (например, *аже соколь*), поскольку в текстах, имеющих в нашем распоряжении, оно не представлено. Теоретически можно предполагать *ажѣ*, в таком случае останется неясной редукция в современном русском *аж* (может быть, вторичного происхождения). Высокая частотность союза (около 70 раз) в различных словосочетаниях способна существенно отразиться на реконструкции ритмического строя текста.

Акы, союз с постоянным ударением на первом слоге, ср. сербск. *ако* и редукция последнего слога почти во всех славянских языках, сохранивших этот союз (*ак, як, як ж*). Новая форма *ако* в сербских говорах может выступать с различным акцентом, в том числе и как клитика, ср. у Вука Караджича *ако, акй би*, в записях косово-метохийского говора *ако бѣ да*, и т. д.

Аркучи см. речи.

Аще, союз-клитика, ср. в Ч.: *аще же 72^а* (в более поздних текстах, утративших всякую связь с древними фразовыми акцентами, именно такое ударение приводится как единственно возможное, ср. *аще Грек, 35*), но *аще бѣ 114^а, 119^б, 133^в, 146^а, аще бо бѣ 144^а, аще бы первыи он был непорочень, не бѣ второму искался мѣсто 145^в, аще ли 128^б, 32^в, аще же 114^б, 114^в, 118^а*, и т. д.

Багрян : оба *багряная стѣлапа*. Ударение краткого прилагательного по рукописям колеблется, ср. *багрѣнь* Хр. 174б, *хламида багряна* Соф. 107, *кружало... цѣвтом багрянѣ* Л. 202, им. п. мн. ч. *багряны* Др. II 299б и *багряны* Др. II 657. Славянские языки указывают накоренное ударение, которое может быть вторичным (ср. укр. *багор*, белор. *багра* и старорус. *з багрѣмъ* П. 37, что отрицает во всяком случае баритонезу); ударение *багрѣнь, багрянѣ* дают наиболее ранние рукописи, в таком случае *багряный* — исконное ударение.

Бобр : *бебрѣнь* как производное от окситонированного имени (Колесов, 179, 180).

Берег, слово подвижной парадигмы, поэтому оттяжка на предлог: *на брезѣ* Ч. 52^б, 74^а, Др. II 784, Фл. 147 и даже при новом окончании *на берегу* Шум. 871. Отмеченная в рукописях акцентировка на *брезѣ* Г. 98б, Соф. 450б, Д. 122б вторична (по аналогии с ударе-

нием на *берегу* Ав. 211, на *брегу* Д. 14). В сочетании с предшествующими словами возможно перемещение акцента: *кравѣи брезѣ и темнѣ березѣ*, в местн. п. мн. ч. исконное наконечное ударение, поэтому *при брезѣхъ* Х. 629, также на *брѣзѣхъ* — церковнославянские в средне-русских источниках (Колесов, 15б).

Беремь, вин. п. мн. ч. *беремени*, с новым для этой формы окончанием, при исконной флексии отражается с ударением *беремѣнъ* Кор. 217, Щ. 264, но в самом старом источнике Ч. — только на корне: дат. п. ед. ч. *беремени* 78^в, вин. п. ед. ч. *брѣмѣ* 124^б, местн. п. мн. ч. *брѣменехъ* 33^в, что точнее соответствует предполагаемой баритонезе этого слова, ср. еще русское ударение *беремья*, подтверждающее это.

Бити, в ряде форм (*бити, бѣя, бишася, пробиль*), ср. *убиша* Др. II 11 при сербск. *бише се*, также *побиль* Пс. 697, Др. I 249, Г. 901, *убиль* Др. I 394, 407, и др.; накоренное ударение восстанавливает и Хр., Станг (Станг, 142).

Блюсти, *поблюстѣи* во всех источниках (ср. Дом., ПВ., Сб. VI, Фл.).

Бог, с целым рядом производных, ударение которых определяется подвижностью существительного (*Богорѣдица, богѣты*), в том числе и возможная безударность самого имени (типа *богъ нѣтъ кажетъ* — рядом с новоаккутовым слогом; такое смещение акцента возможно в поэтическом тексте несмотря на инверсию: субъект и объект не отделены сказуемым); по той же причине ударение прилагательного наконечное (*божий*).

Болван, ср. дат. п. мн. ч. *болваномъ* Курб. 161б, Уст. 64.

Болого, подвижного типа, поэтому с оттяжкой в твор. п. ед. ч. *нѣ бологомъ*.

Болонь, старого подвижного типа, ср. рус. *болонь* или (в другом морфологическом классе) *болонѣ*; в нашем случае ожидается ударение на *болонѣ* (Колесов, 81 и сл.).

Болото, во всех формах с ударением на корне (единогласные свидетельства всех письменных источников и славянских языков).

Борз, в древнерусских источниках отражает подвижность, ср. близкое по форме и равное по значению сочетанию в СОПИ *идѣ в борзѣ* Нв. 448, 468, Др. I 717, Шум. 337, Пч. 67, также *борзо* Нв. 610, Др. II 231, Шум. 972, Сб. 0 19, *на борзѣ* Воскр. 14б; поэтому реконструируем ударение с оттяжкой на предлог. Формы полного прилагательного — с закономерным наконечным ударением, которое сохраняется и современными русскими говорами (ср. вин. п. мн. ч. *борзые* Нв. 405).

Борис и **Борисович**, как единственно возможные в среднерусских источ-

никах ударения (в летописных текстах).

Бос, в неполном члени *босымъ влькомъ* принимает значение 'босой'; в таком случае следует восстанавливать накоренное ударение в полном прилагательном, ср. современные русские говоры с акцентовкой *ббсыи*, также укр. *босий*, сербск. *ббси*, в рукописях колебание: *босого* Д. 236 но чаще *босого* Щ. 166б, и др.; в пужной форме рукописи дают только один пример нового акцента (*босымъ* Кор. 167); *ббсуи врани* по традиции относим сюда же.

Бояре, как обычное ударение во всех рукописных источниках.

Брань : *стоиши на борони, достѣли на брань*; в обоих случаях должна быть отяжка ударения на предлог, ср. *на брань* Пс. 211, X. 625, Лапг. 35, Г. 160, *на брани* Пс. 631, Хр. 96, 159, и др.

Брат, во всех формах, в том числе и суффиксальных (*братьи*), с постоянным ударением на корне, по единогласному свидетельству всех исторических источников и современных славянских языков

Брехати . *брѣшуть*, в 3 л. мп. ч. ожидается ударение на корне, поскольку слово входило в окситонированную парадигму.

Брячислав, ударение, предполагаемое Коршем (Корш, XXVIII) и, очевидно, наиболее вероятное для данных образований (в акцентованных рукописях зарегистрированы *Ростиславъ*, *Станиславъ* и др.), хотя и не исконное, поскольку акутовая баритонеза второго корня прежде предполагала самостоятельное ударение. *Брячи-славъ*.

Будити, в форме аориста *будиди* или *убуди*, если верно рецессивное ударение в русском *будишь*, *будят*; колебание связано с разными точками зрения на акцентовку данной формы у окситонированных глаголов.

Буесть, *буи*: *въ буести*, *буи туръ*. Производящий корень относится к баритонированным (Колесов, 205, ср. 208), хотя не исключена и подвижность; в рукописях всегда ударение на корне: *бѹега*, *бѹйство*, *бѹесть* Зап. 176, *бѹяца* Сб. VI 159б, *бѹевиче* Нв. 634б, *бѹевича* Нв. 635, *бѹиш* Пт. 56б, *брѹтья бѹя* Уот. 15, но от подвижных возможны были бы акцентовки типа *въ буйствѣ*, что уже маловероятно для XII в., поскольку и современные славянские языки как будто подтверждают раннюю баритонезу.

Былл : *съ черниговскими былями*, принимаем толкование П. М. Мелиоранского (Мелиоранский, 286), что это заимствование из тюркского; в таком случае, как предполагал и этот ученый, ударение *былями* (в тюркском — окситонеза; форма им. п. ед. ч. *быля*, а не *быль*).

Быстрыи, с последовательным ударением на корне, ср. *быструю* Лапт. 114, *на быстром* Др. II 48, *быстрыхъ* Леч. 100б, и др.

Быти, в спряжении как *есѣ*, *есѣѣ*, *суть бо* и т. д., по всем известным источникам (ср. особенно *есѣѣ* Щ. 195б, М. 38), хотя в сочетании с причастной формой в границах перфекта связка может и урочивать свое ударение (*пробилъ еси*), было Др. II 372, Ст. 176б, также *не было* Др. II 140, Хр. 483, и др., *была* Ч. 71^а, Шум. 60б и др., что отрицает возможность отяжки на клиника (следовательно, *была бы*), акутовый корень исключает отяжку ударения и в инфинитивной форме *не быти*; из других форм, представленных в СОПИ, ср. *будеть* I. 99, Дом. 103, *бѣста* Сим. 46б, *бѣху* СО 25б, и др.

Бѣда, в формах род. п. ед. ч. *бѣды* Др. I 327, Пв 81, вин. п. мп. ч. *бѣды* Др. II 177, Нв. 419, Пв. 36, и др., постоянно.

Бѣлгород, а также производящий корень *бѣл-*, с исконной окситонезой, которая сохранилась до сих пор, ср. в рукописях *от власа бѣла* Зап. 75, *видѣ брата бѣла дѹшешю* М. 81б, и др., в косвенных формах, не сохраненных современным склонением; следовательно, *по бѣлѣ от дворѣ*. В топониме обычное соединение акцентов с возможным дополнительным ударением, т. е. *из Бѣлграда* или *из Бѣлграда*, ср. *въ Белградѣ* П. 96б.

Бѣс : *дѣти бѣсови*, что закономерно для производного от подвижного имени (Дыбо Акцентология, 165 — 166).

Бѣчи, в форме аориста с исконным ударением на корне, т. е. *побѣгоша*, ср. сербск. *пбѣгоше*; рус. *прѣбѣгоша* Лапт. 643б и подобные вторичны и появляются в связи с утратой форм аориста.

✓ **Вазань**, в род. п. ед. ч. *вазани*, слово собственно русское и очень редкое, в акцентном варианте пока не встретилось. Можно предполагать разные этимологические связи (Фасмер, 1 — *вазань* и *васнь*), но независимо от характера этих предположений ударение скорее всего следует восстанавливать на корне: подвижность сомнительна при исконно долгом корне, а окситонеза не свойственна данным образованиям уже с праславянского периода (суффиксальные на *-нь* дают баритонезу).

Василько : *сынъ Васильковъ*, ср. *Василько* Никон. 153, 170б, но *Борисъ Васильковичъ* и *Глѣбъ Васильковичъ* Никон. 32б, — древнее второе, так как соответствует ударению производящего имени (*Василько*, *Васильий*).

Ваш, и его производные с постоянным ударением на корне во всех памятниках, что подтверждается и современными славянскими языками.

Велес : *Велесовъ внуше*. В грамоте Варлаама Хутынского монастырю (ок. 1192 г.) написано *Вълесъ*, что уже само по себе передает ударение на втором слоге, ср. и *Волбса скѣтѣя бога* Н. 616.

Велик, во всех формах представлено с ударением на втором слоге, ср. в Др. II: *велика сила* 1066, 750, *пещера велика* естъ 312, *поле велико и чисто* 826 и т. д., также *величѣя* и другие производные.

Вельми, с исконным ударением на корне, ср. *вельми* Др. II 198, Шум. 606, Г. 2296, Лапт. 5226, и мн. др., ср. и укр. *вѣлми*; только в рукописях с XVI в. появляется новое ударение *вельмѣй* (в тех же томах Лицевого свода отражено очень редко: Др., Г., Шум.),

Велѣти, если верно чтение *повелѣя* (*тѣй*), ударение на окончании в данной форме (Станг, 130), ср. также обычную акцентовку *велѣть* для подвижного глагола.

Венедичи, ср. *венедѣици* и *фрѣзи Сим.* 332, также в сокращенной форме *зеновици* и *венѣици* Др. II 296 (по-видимому, для писца затруднительно было расшифровать эту форму, но исконное ударение ее он передал верно), ср. также в *Римъ* и в *Венецѣю* Шум. 411; указанное ударение совпадает с сербск. *венедѣичкѣй* (у Вука Караджича) и сербск. диал. (косово-метохийская) *венедѣичка*.

Вергти, в ряде форм (*повръгоша*, *въръжеса* и др.). Глагольный корень относился к числу баритонированных, поэтому исконно ударение на корне, ср. *сѣргоша* Ч. 70^b, *привъргохом* Ч. 73^b, *сѣрге* Др. II 4746, 708, *изсѣрге* Сим. 103, также сербск. *вѣрге*, *пдѣргоше*. Ударение типа *свергѣша* Сим. 100 появляется довольно поздно, как результат обобщения ударения в архаических формах, уже неизвестных разговорной речи.

Вередити : *мечи верезѣни*. Такое ударение единогласно предлагают все акцентованные русские рукописи (*верезѣни* Др. II 479^b, *не вреждѣны* Г. 892, и др.), хотя исконное ударение для подвижного корня должно быть *верезѣнѣй*; *верезѣни* — выравнивание по форме с новоаккутовым ударением *верезѣнѣ* (ср. *не верезѣнѣ* Св. 1956).

Весел, основа подвижного типа (Колесов, 218), следовательно, исконным должно быть окончательное ударение *весельѣ*; оно и сохраняется в сербск. *весѣле* (сербск. пославск. *veseljē*), словенск. *veseljē*, и др., ср. также *съ весельѣмъ дающа* Пч. 43 (в русской рукописи 1640 г.); в болгарских рукописях XIV—XV вв. *веселѣе* с обычной для таких памятников оттяжкой с конечного слога. Акцентовка *весѣле*, также *весѣлѣй* — относительно новая, ее не следует принимать во внимание в нашей реконструкции; однако рукописи исконное ударение полной формы сохраняют

редко (*веселѣмъ сердцемъ* Каз. 104), в современных русских говорах *веселѣй* и пол. — обычное ударение.

Весло, в твор. п. мн. ч. *веслы* Ун. 108, что ожидается и теоретически (без оттяжки на краткостный корневой слог).

Вести, в аористных формах предпологает оттяжку на префикс: *прѣведе*, *нѣведе*, поскольку это — образование от подвижного глагола, с этим совпадает сербск. *нѣведе*, *прѣведе*; в одном случае форма могла стать безударной, поскольку ударение переходило на соседний (новоаккутовый) слог: *на сѣдѣ прѣведе*. Это подтверждается акцентовками типа *сѣ прѣведе* Н. 2136, — в рукописи, сохраняющей древние ударения в пределах сочетания.

Весь, местоимение окситонированного класса, что обеспечивало ему особое место и в ранних изменениях корневого редуцированного (всегда в слабой позиции: *всѣ*, *всѣго* и т. д.), и в диалектном обобщении формы им. п. ед. ч. мужского рода (псковск. *всѣ*, а не *весь*); русские рукописи только с XVI в. указывают на клитичность местоимения (*по всѣ*, *за всѣ*), до этого времени местоимение постоянно является подударным (*и всѣ три*, *всѣ своя*, и *всѣ вѣдѣ*).

Вечер, в сочетаниях *до вечера* и *съ вечера*, также в беспредложном locative *погасоша вечеру зари*. В первом случае одинаково возможны ударения *дѣ вечера* и *до вечера* (Колесов, 167), хотя древнейшим безусловно является *дѣ вечера* (отмечено уже в Ч. и в других ранних акцентованных текстах), которое характерно и для современных архаических говоров; во втором случае, напротив, только *съ вечера* (Сим. 726, 2476 и др.). Беспредложная форма во всех известных нам источниках обычно сохраняет исконное ударение *вечѣре* Св. 1176, 1806, Л. 516, Леч. 586, 706, 122, 136, также в *вечѣрѣ* Пв. 159, хотя при предлоге и возможно уже окончательное ударение (*рано в вечерѣ* Леч. 1566, 187, что для XII в. вероятно). Вполне допустимо для текста СОИИ восстанавливать исконное ударение на втором слоге независимо от характера сочетания.

Видѣти, баритонированной парадигмы, следовательно — с постоянным ударением на корне в любой форме, в том числе и в аористной, ср. *видѣ* и сербск. *видѣ*.

Вити, причастные формы от этого подвижного глагола следуют восстанавливать как *свивѣя* и *повиты*.

Владимѣр, в СОИИ представлено несколько падежных форм; по мнению Корша (Корш, XXIII), исконное ударение исходной формы и форм косвенных различалось следующим образом: *Володимѣръ* — *Володимѣтра*. Ударение на первом слоге безусловно исключается написаниями типа *Вълодимира* (Кормчая 1284 г.), *Влодимиру* (список Пророче-

ских книг Упира Лихого 1047 г.). В акцентованных русских рукописях, действительно, обнаруживаем колебание: *Володѣмьрѣ* Пр. 207, Лапт. 8316, Никон. 3676, *Володѣмеромъ* Н. 56, но в произвольных — в *Волдѣмьрѣ* Никон. 365, *Володѣмьричь* Никон. 1876, *въ градѣ Володѣмирѣ* Пр. 364, *Владѣмерича* Др. I 4226, *Володѣмьричу* Никон. 1876, *Юрьѣ Владимѣричь* Лапт. 19, с *Владѣмьричем* Лапт. 426, и др. Такие колебания указывают на исходную подвижность всего сочетания и, следовательно, на возможное чередование ударения, определенное Ф. Е. Коршем.

Внук, во всех рукописях слово представлено с постоянным ударением на корне, чему соответствуют сравнительные данные.

Вода, на *водѣ* Пв. 48, Ав. 3096, П. 1406, М. 307, и др., на *воду* Пс. 154, Дом. 94, Зап. 5, *по воду* Ав. 2706, Сг. 556, и мн. др.

Водѣти Др. I 5146 и др. постоянно, что дает акцентовку *наводѣти*.

Вои, слово входило в окситонированный тип, поэтому исконным является наконецное ударение в форме вин. п. мн. ч. *вой*, *воѣ*. Оно и сохранилось довольно хорошо даже в поздних источниках, ср. *собрать вой многи* Соф. 3866, *распусти вой своя* Каз. 1026. Окситонеа подтверждается и ранними рукописями: дат. п. мн. ч. *воемъ* Ч. 63^a, также *воемъ* Пт. 332, Воскр. 276, и др.; подтверждается она и ударением производных: *войну* Н. 39, 186, Сим. 131, *войною* Сим. 345, о *войнѣ* Шум. 392, Сим. 132, *войскаго* Фл. 234, *войские* Пал. 219. Напротив, в сложном слове *многовой* такое ударение уже невозможно: в *composita* одно (новое) общее ударение не может сохраниться на конечном слоге, скорее всего — возникла новоакутовая интонация на втором корне: *многовой*.

Волга, современное неподвижное ударение на корне скорее всего вторично, памятники указывают на подвижность, ср., например, *ста на мѣсу... меж Волгѣ и Костромѣ* Соф. 4206. Тем не менее обе представленные в СОПИ формы в любом случае должны были выступать с ударением на корне, ср. дат. п. ед. ч. *к Волгѣ* Г. 906, вин. п. ед. ч. *в Волгу* Н. 22.

Волость, власть, в род. п. ед. ч. *власти* как единственно возможное ударение во всех акцентованных русских рукописях (в том числе и в русской огласовке: *волости* Сб. VI 181, В. 1646, 284, Пт. 466, Каз. 3566, и др.), что характерно для поздней подвижности именно в генетивном значении (Колесов, 75—76, также 94); вин. п. мн. ч. *власти* с теми же данными (*власти* Ч. 94^a, также *власти* Др. II 165 и др., с последовательной оттяжкой на предлог: *за волости* Др. I 421, *на власти* Г. 8726, Об. 277, *на волости* Нв. 5206). Подвиж-

ность в последней форме может оказаться важной в реконструкции фразового ударения.

Волк, в твор. п. ед. ч. теоретически можно ожидать древнейшее ударение на окончании (*волкъм*), однако в русских акцентованных источниках представлено только ударение на корне (Колесов, 132), что характерно для корневой «плавного сочетания» типа *tęti*. Независимо от этого ударение в форме им. п. мн. ч. *вѣлци*.

Волочи, *поволокбста* (аорист от окситонированного глагола).

Воля, акцентовка на *волю* представляет собою один из затруднительных случаев. Новоакутовая интонация корня и, следовательно, неподвижное ударение на корне очень рано стало обычным в древнерусских текстах, отражается почти всеми рукописями, имеющими данное слово. Поэтому мы должны были бы восстановить ударение на *волю*. Однако самый древний источник — Ч. указывает на подвижность имени (Колесов, 20), а сопоставление с балтийскими языками для самого древнего периода предполагает окситонезу.

Вонзѣти, в форме императива *вонзѣте*, поскольку подвижность в данном случае исключена.

Ворон, им. п. мн. ч. *врѣни*, ср. *ворони* Др. II 76, *врѣны* Пв. 112, им. п. ед. ч. *воронѣ*, по свидетельству славянских языков.

Ворота, *вратѣ* Ч. 158^b, то же ударение в некоторых рукописях XVII в., в том числе и в Нв. (*воротѣ* 520); ударение на корне также в достаточно древних текстах, прежде всего — во всех томах Лицевого свода XVI в., также *ворота* Нв. 394, Зап. 108, Лет. 188 и др., что подтверждает новоакутовую интонацию корня. Иногда говорят об исконной дублетности ударения в этом многозначном слове (Иллич-Свигыч, 123), хотя окситонеа несомненно древнее. Ударение в глагольной форме *заворбчатъ*.

Время, исконное ударение на окончании сохраняется и самая ранняя из русских акцентованных рукописей, ср. *врѣмя* Ч. 62^a, 66^a, также Каз. 70, Сб. VI 816, и др.; род. п. ед. ч. *до временъ* Ч. 142^a и *врѣмени* Ч. 103^a, *до временъ* Ч. 121^a, со старой флексией также *без временѣ* Зап. 58, но *без врѣмени* Зап. 5, 19, *до времени* Зап. 1706. Все случаи беспредложного употребления дают ударение на корне, поэтому можно предполагать достаточно древнее разграничение отложительного и генетивного значений этой падежной формы. Следовательно, самым надежным будет предположение об акцентовке *себѣ врѣмене*, *старого врѣмене*. Ударение остальных форм, представленных в СОПИ, хорошо известно: в древнерусских источниках

временъ, *временъ* как единственно возможное ударение.

Всеволодъ, в Успенском сборнике XII—XIII вв. *Всеволодъ*, что двузачно, поскольку, например, в Лапт. отражено двойное ударение имени: *Всеволода* 843б и *Всеволода* 342, с колебанием интонации в корневом слоге, поэтому *Всеволодъ* можно читать и как *Всеволод*. В производных ударение однообразно, ср. *Иванъ Всеволодичъ* Др. II 644, Лапт. 445, 795, Г. 307, *Всеволодича* Никон. 207б, Лапт. 171б, *Всеволодичем* Никон. 187, и др. (отмечено одно исключение: *Всеволодичъ* Лапт. 828). Ф. Е. Корш (Корш, ХХIV) предполагал ударение *В(ъ)севолодъ*, с чем соотносится и ударение производных (*Всеволодичъ*), и общее правило ударения в сложном слове, один из корней которого имел нисходящую интонацию. В притяжательном *Всеволодъ* рефлекс новоаккутовой интонации; *Всеславъ*, напротив, сохраняет исконное ударение на акутовом корне, указывая на возможность устранения ударения в местоименной форме. Ср., впрочем, *посли, ать Всеслава блюдутъ* Н. 121 (если здесь оттяжка на клитику, а не механический пропуск акцентного знака). Косвенно такое распределение подтверждает исконность акцентовки *Всеволодъ*.

Венк, могло выступать в разных акцентных вариантах, в рукописях с XIV в. находим наконецное ударение как обычное (*всѣякъми*), однако возможна и исконная акцентовка на суффиксе *всѣякъми*.

Вы, в местоимении подвижного типа очень ранние расхождения: *вѣю, съ вѣми* Ч. (середина XIV в.), но *вадъ* Евг. 1534 г. (ГПБ, Софийск., 11), ср. *оу вась* Н. 78б; Ч. указывает ударение другой формы, необходимой нам: *вы бд не влодите* 12^г, *вы бд на свободу званн бысте* 124^а, *вы бд ц(ъ)ркы б(о)га* 118^в, *вы бд подражатели бысте* 133^а, и т. д.

Высоко, довольно раннее колебание в акцентовке этого наречия по говорам и в славянских языках; в древнейшем русском источнике — Ч. колебание между *высоко* и *высокод*, акцентовка *высоко* наиболее проблематична для XII в. (возникла по аналогии с полным прилагательным довольно поздно).

Вѣдати, в причастной форме *вѣдоми* ударение по нашим источникам колеблется: *вѣдоми* Сб. II 12б, *вѣдомо* Г. 418б, Пв. 14, *невѣдомое* Об. 311б, но *вѣдоми* *всѣмъ* Др. II 54, *вѣдомы были ему* Шум. 88б, словацк. *svedomie* указывает накоренное ударение и, возможно, позволяет расшифровать все сочетание *вѣдоми кмети* как 'войны чести' (*svedomie* 'совесть', 'честь'). Акцентовка личной формы *повѣдають* объясняет причину колебания в ударении. В рукописях такое же колебание *повѣдати* Др. II 77,

Шум. 884, *исповѣдати* Лапт. 544б, *исвѣдати* Пв. 23, но в другом значении ('возвещать', 'предсказывать'), которое в «Словаре-справочнике к СОПИ» предполагается именно в нашем тексте, ударение на суффиксе, ср. *видѣние повѣдати* Пр. 109б, также 246б, *потребно естъ вѣдати* Зап. 220.

Вѣжа : *вѣжи ся половецкыи*, по-видимому, в праславянском слово относилось к подвижной парадигме, однако некоторые рукописи дают и наконецное ударение (Колесов, 15), которое является исконным для данного слова. Форма употреблена в испорченном переписчиком тексте, который можно восстанавливать как *вѣжѣ ся половецкыѣ подвижаша* или *вѣжѣ половецкыѣ ся подвижаша* (Обнорский. Очерки, 163); первое соответствует бы древнейшему порядку слов в предложении, второй более характерен для древнерусского, хотя и представленный вариант *вѣжи ся половецкыи подвижашася* также возможен уже в русских рукописях XI в. (Адрианова-Перетц, 179). Поэтому в зависимости от реконструкции текста ударение распределится следующим образом: *вѣжѣ ся, вѣжѣ половецкыѣ* (в случае подвижности, что менее вероятно) или *вѣжѣ ся, вѣжѣ половецкыѣ* (в случае более вероятной для XII в. окситонезы).

Вѣн : *на седьмомъ вѣцѣ*, поскольку во всех сочетаниях рукописи дают накоренное ударение в этом слове подвижной парадигмы (Колесов, 132). Примеров ударения формы им. п. мн. ч. в нашем распоряжении нет, но по правилу оно должно быть на корне; в виц. п. мн. ч. представлено колебание *вѣкы* (также *на вѣкы*) и *вѣкы* (Колесов, 142, 143).

Вѣтр, с последовательным ударением на корне во всех доступных изучению источниках, ср. *на вѣтрьхъ* Хр. 154, X. 469, Л. 236б, *вѣтрило* Зап. 137, Ас. 7 (такое ударение производного сохранилось до конца XIX в.), и т. д.

Вѣщии, с последовательным ударением на корне, как это и ожидается у производного от баритонированного *вѣд-*.

Вѣяти, с накоренным ударением во всех формах у баритонированного глагола, ср. *вѣюцу вѣтру* Сим. 230б.

Вячеславлич, по предположению Ф. Е. Корша (Корш, ХХIII, ХХVIII), ударение *Вячеславичъ* (также *Вячеславъ* — *Вячеслава*), однако исходное ударение слов, составляющих это имя, препятствует такой реконструкции. Акутовая баритонеза обоих корней заставляет предполагать акцентовку *Вячеславличъ* с обобщением в *Вячеславличъ* в этом вторичном производном с притяжательным суффиксом.

Галица, в акцентованных текстах это слово не встретилося, но сопоставление современных славянских языков приводит к реконструкции неподвижного ударения на корне.

Галичъны, последовательное ударение на корне, ср. *Галичъ* Лапт. 624, 1 381, *до Галича* Пр. 64, *галичане* Сим. 49 с *галичаны* Сим. 50, и т. д.

Гаснути, в формах аориста должно быть представлено с ударением *погасоуа*, *погасоста*, ср. рус. *гаснуть*, сербск. *гаснути*, *гаснѣм*, словенск. *gásniti*, *gásnet*; в русских источниках с XVI в. представлено новое ударение типа *угасиша* Др. II 343 Пр. 53 (другого глагольного класса).

Гибнути, в формах прошедшего времени — *погибе* Др. II 442, 565, 683 Шум. 75 351, Г. 301, 1956 Сим 270, Н. 228, Об. 58 *изгибе* Г. 996 и др., сербск. *погибѣм*, *погинути*, 2 и 3 л. аориста *ги́ну* также указывают на актуоты корни, поэтому реконструируем акцентовку имперфектной формы *погибашеть*.

Глаголють Об. 154, 170, *глаголять* Курб 16 также *глаголет* Об. 147, Сб. VI 160, и др., но только в поздних источниках в самом раннем из русских — следы подвижности: *глю́ ти* Ч. 4^а, 10^а, и *глю́тѣ* 13^а, *глемыи* 24^а (ср. Дыбо. Акцентуация, 95, 96), что соответствует некоторым данным внешнего сравнения, ср. чешск. *hlagol*, *hlaholiti* с краткостью корневого слога. Для славянского вообще характерно раннее устранение подвижности во всех типах на -де, в том числе и у глаголов (Станг. 121), но для древнерусского следует восстанавливать только *глаголють*.

Глѣбов, **Глѣбовна**, ср. *Глѣба* Лапт. 5046, но *Глѣбовичъ* Никон. 2346. Существуют различные этимологии этого имени (Фасмер, I, 411), но подвижность имени с самого начала исключается, как в заимствованном. Долгота корневого слога также могла оказать свое влияние на обобщение пакоренного ударения (Дыбо. Акцентология, 166).

Глядати, *стггладати* Ч. 122^б, Пр. 3196, Ас. 123 Пч. 2376, и др., ср. сербск. *гледати*.

Гнѣздо, с постоянным конечным ударением во всех формах ср. *гнѣздѣ* Пс. 48 Пв. 1146, Пал. 616, *гнѣзда* Х. 3426, Сийск. 18.

Говор, с очень ранним обобщением ударения на первом слоге (Колесов, 167), в форме *говоряхуть* ударение на суффиксе вторично, поскольку сербск. *говораху* указывает на чтение *говорахуть* (сербск. *говораху*, *говорахѣ* совпадает с древнерусскими *говоряхуть*); следует иметь в виду, что и сербское ударение вторично, поскольку есг основание предполагать для праславянского акцентовку данной формы как *говораху* (подвижны глагол от основ на -и) (устное

сообщение Дыбо), в таком случае вопрос заключается в том, насколько архаичными могли быть формы имперфекта для автора СОПИ — по-видимому, все-таки архаичными и тогда следует допускать обобщение акцентных типов в этой форме (*говорахуть*).

Гоголь, с ударением на первом слоге в формах ед. ч., ср. *гволя* Др. II 670.

Година, в этом производном от подвижного имени закономерное ударение на суффиксе, отражено во всех древнерусских источниках, ср. в Ч.: *година* 42^а, *годины* 43^б, *в годину* 43^б, 152^б.

Голова, вин. п. мн. ч. уже в Ч. *главы* 152^г, такое ударение сохраняется во всех источниках, колебание отмечено только в полногласном варианте. *положь под головы жемѣ* Леч. 1636, *на наши голбы* Фл. 1236, *голыы положимъ* Нв. 585, также 610, Сим. 13. Отяжки ударения на предлог нигде не отмечено, что заставляет предполагать вторичность ударения *голыы*. Вопрос, следовательно, заключается в том, будем ли мы реконструировать и фонетический состав русского слова (с полногласием), т. е. покусимся ли на стилистическую сферу авторской речи (если она верно донесена позднейшими переписчиками), потому что выявляется двойная возможность: *главы* или *голыы* (*голыы*). *Головами* Сим. 477, Г. 1003, Нв. 5946, также *главами* Ч. 15^г, В. 1606, и мн. др., постоянно. В припевке Бояна рядом употреблены формы род. и дат. п. ед. ч., что под рукою переписчиков привело даже к совпадению флексий. Ударение род. п. ед. ч. *голыы* подтверждается архаичными русскими говорами (примеры: Обнорский. Склонение 1, 264), что учел в своей реконструкции уже и Корш (Корш, XXXIV). То же ударение сохраняет нам местный севернорусский топоним, ср. *к граду Медвѣжьей главь* Лапт. 7336 *поидоша Медвѣжьей Гблове* Нв. 4936, а также характерное колебание Ав: *кто даст главь мой воду* 218, все прочие тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, дают типичное для церковнославянского языка ударение *главь*. Род. п. ед. ч. *главы* как обычная в древнерусских рукописях акцентовка, также (очень редко по употреблению: Ав., Пв. и Шум.) и *голыы*. Наряду с эгим в уже указанном топониме *из Медвѣжьей Гбловы* Г. 292, Нв. 5006, ср. 10 же сочетание и в других падежных формах: *Медвѣжьей Гблову* Г. 2926, в *Медвѣжьей Гбловѣ* Нв. 5286, — очень интересное совпадение, если учесть, что именно в данном топониме на основании своих данных В. Р. Кипарский видел пример перехода подвижного ударения в конечное, типа *Медвѣжьей Голову* (Кипарский, 199), и что на самом деле отражает всего лишь колебание ударения подвижного слова в зависимости от

сочетания. В нашем случае, например, важна зависимость от предыдущего слова, имеющего окончечное ударение: согласно правилу синтагматического ударения, следует восстанавливать акцентовку всего сочетания как *кромѣ воловь*.

Голос, в форме им. п. мн. ч. *голосы* Вел. 1703, 86 (три раза), также *гласи* Г. 838, Сб. VI 1136, Кав. 204, *гласове* Пр. 6, и др.

Гора, в рукописях последовательное ударение на *горѣхъ*, но относительно формы вин. п. мн. ч. имеются колебания (Колесов, 44, 48): *горы*, *на горы* уже в ранних рукописях (*на горы* Ч. 23^б, Г. 124, и др.), но в беспредложном употреблении возможно и ударение *горы* (X. 447, Зап. 1326, Пч. 1596). В рукописях только *горѣ* (*горѣ*).

Горазд, с обычным в акцентованных текстах ударением на втором слоге: *гораздо* Ав. 2356, *горазди* Др. II 151, и др.

Гориславлич, в соответствии с реконструкцией Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII).

Горностай, ср. *горносталя* Кав. 138 при древнечешск. и словацк. *hranostaj*, по-видимому, точнее всего указывает на древнее ударение, тогда как современные рус. и укр. *горноста́й*, рус. диал. *горноста́ль* — вторичны.

Город: *градъ Тьмуторканя*, исконное ударение формы род. п. ед. ч. окончечное; оно и встречается во многих рукописях, ср. *из града* Др. I 642, Шум. 856, 397, *а города* Шум. 606, *из Нбѣя города* Шум. 74, Соф. 245, 3096, Нв. 472, 476, *проводити до города* Шум. 2136, *Новя града* Лет. 10, *противъ города* Шум. 517, *от города* Шум. 4106, Ст. 13, и др., хотя одновременно может быть и новое ударение *града*, *города*; в сочетании с предлогом следует предполагать оттяжку, вроде представленной в случаях *об града* Др. II 143, *оу града* Др. I 674, *об города* Сим. 548, *оу города* Др. II 153, Сим. 3386, и др., следовательно, *и града*; в свободном употреблении предпочтительно окончечное ударение. *Къ граду* Пв. 179, Зап. 176, *Пал.* 72, Кав. 60, и др., но эта акцентовка является церковнославянской (перенос ударения на предлог *къ*), поэтому ее трудно предполагать для оригинала СОПИ, ср. русскую форму сочетания *к городу* Др. II 153, Шум. 201, Сим. 17, Г. 3686, Лапт. 931, Пв. 181, Соф. 402, и т. д.; в сочетании с именем возможны варианты: *Путьялю городу* или (что точнее) *Путьялю городу*. *Въ градѣ Киевѣ* — самым распространенным по памятникам типом акцента является ударение *об градѣ* (также *въ градѣ*), — примеров можно привести сотни, тогда как обозначения *въ градѣ* единичны; зато эти последние встречаются в самых ранних акцентованных списках, прежде всего в Ч. (*въ градѣ* Ч. 30^б, 66^а, 120^а, и др.), а именно это и решает вопрос в пользу исконности такого ударения,

тем более что в полногласном варианте возможно только оно, ср. *в городѣ* Др. II 2156, Шум. 85, Сим. 156, 213, 550, Воскр. 13, 77, Лапт. 820, Лет. 266; исконное окончечное ударение формы в сочетании с «еровым» предлогом представлено редко (*въ градѣ* Соф. 4616, Шум. 606, Г. 745, X. 385), поэтому его не следует принимать во внимание при реконструкции ударения в СОПИ, Им. и вин. п. мн. ч. во всех источниках представлены с ударением на корне, в том числе в самых ранних источниках (*грады* Ч. 30^а, 32^б, 69^г, 93^а), и притом именно в полногласной форме (*городы* Шум. 4196, 5716, 6926, Г. 3266, Лапт. 4826, 650, Сим. 252, Нв. 401, и др.), в вин. п. мн. ч. с оттяжкой ударения на предлог (*на грады* Пс. 164, X. 832, Г. 348). В форме дат. п. мн. ч. *городомъ* и *градомъ* как обычное ударение в акцентованных рукописях; *по есмъ градомъ* Ч. 69^б является редким исключением, которое не указывает на исконное место ударения (при наличии в этом памятнике акцентовки *по градомъ* Ч. 73^а, а также при отсутствии переноса ударения на предлог в сочетании *по градомъ*, несмотря на широкое распространение подобных сочетаний). Ударение *городенские* восстанавливается в соответствии с «законом акцентного подобия»: *городня* дает акцентовку *городньскъ* с последующим обобщением *городенскъ*. Аористные формы *преградѣша*, *преградѣша* обычны для глаголов с подвижным ударением, ср. также сербск. *преградѣше*, которое подтверждает нашу реконструкцию.

Горяч, причастие от подвижного корня (см.: *Торжбкъ есь пгорѣ* Н. 254), поэтому теоретически ожидается окончечное ударение, которое и подтверждается для краткой формы всеми старыми акцентованными рукописями (*горяча*, *горячѣ*, *горячи*); полная форма представлена только рукописями XVII в., и здесь она дает уже только новое ударение на суффиксе (*горячую* Леч. 93), что отражает переход причастия в прилагательное. В СОПИ следует восстанавливать исконное отношение, т. е. акцентовку *горячю* *свою лучю*.

Господин, с последовательным ударением на суффиксе, ср. *господина* Уст. 53, *господину* Кав. 1376, и т. д.

Готов, с последовательным ударением на втором слоге, ср. им. п. мн. ч. *готовви* Др. II 4376, Лапт. 426, Г. 6656, И. 996, Фл. 1876, и др.

Гряти: *гразуть*, накоренное ударение подтверждается сербск. *grājati*, *grājem*, *grājaju*.

Гремѣти, в формах мягкой основы постоянное ударение на корне независимо от исконной принадлежности к той или иной парадигме (т. е. *грѣмѣть* и *грѣмѣши*) при возможном в акцентованных памятниках ударении для другой основы как *възгремѣть* Пс. 525, и др.

Греци, во всех рукописях последовательно баритонировано, ср. им. п. мн. ч. *грѣци* Шум. 344, Сим. 171, *грѣки* Лапт. 541, Нв. 1316, но в Др. II 308 также *греци*, что может быть и опиской, и сохранением древнего ударения в заимствованном слове (из *грѣхѣс*); новое ударение на корне объясняют вовлечением латинского произношения этого слова (Фасмер, I, 455), невозможным в XII в.

Гридница, ср. в *грьдници* Н. 97, что ожидается и теоретически.

Гроза, вып. II, ед. ч. *грбу* по всем акцентованным рукописям, отражающим это слово (Колесов, 44), также твор II *грозбу* (на месте исконного, праславянского *грозодъ*); в им. п. мн. ч. возможно колебание в одном и том же тексте (по равным спискам), ср. *грозы* Ун. — *грозы* Кул., из них второе является вторичным и отражается очень редко. Исконное ударение прилагательного поэтому — *грозный* Др. I 6426, *грозный* Пт. 1586, *грозная* Нв. 615, *грозную* Нв. 578, но ср. *грозное* Др. II 5516 (такое ударение становится обычным для русского языка с XVII в., но является вторичным, ср. укр. *грзаний*, но укр. диал. *грзаний*).

Гром: *быти грму великому*, с обычным для древнерусского и восточнославянских диалектов ударением (Колесов, 116).

Грузити, в соответствии с правилом, ударение подвижного типа в формах аориста должно дать *погруzysta*, *погрузи*.

Грязив, прилагательные с данным суффиксом обычно обобщали ударение на суффиксе независимо от исконного ударения производящего слова, ср. по памятникам не только *прѣдвие*, но и *правдѣвъ*, и т. д. Осторожнее всего было бы восстанавливать акцентовку *гряизвѣмъ*, поскольку образования от окситонированных имен (к числу которых можно отнести и слово *грявъ*, см. Колесов, 94) все дают ударение на суффиксе (*лѣвийъ*, *сонливъ* и др.).

Гуси, Ар. 1026 в вин. п. мн. ч., также *зѣ гуси* Ар. 1066.

Давеча, с ударением на корне, ср. рус. *давѣ*, укр. *давѣ*, словенск. *dáve* 'сегодня утром'.

Давыд, **Давидов**, с обычным для заимствованных имен колебанием ударения, ср. *Давыдовича* ВП 138, *Давыдовичъ* Лапт. 446, и *Давыдовича* Лапт. 1716, *кн(я)зь Юрь Д(а)в(ы)довичъ* Г. 244, что может указывать на подвижность производящего и, следовательно, на акцентовку *Давыдѣвъ*.

Далече Др. I 7726, Соф. 3386, Пч. 27, и др., постоянно (*издалече*).

Дати, в форме *подать*, что соответствует ожидаемому ударению в реконструкции *datъ* (Станг, 127).

Двигати: *подвизашася*, ср. сербск. *подвизаше се*.

Двина, в Никон.: *Дейна* 40, по *Дейнѣ* 40, 41, а *Дейны* 3966, о *Дейнѣ* 6766, и др., также и производные (*двинянь*); в томах Лицевого свода (XVI в.) колебание в ударении (возможно, кроме указанного, еще и наконецное), а акцентовка (*от*) *страны Двиньскыя* Уст. 161 указывает на подвижность производящего имени существительного.

Дерево, **дрѣво** Ар. 265, Леч. 132, *древд* Леч. 1306, следовательно, в СОПИ *ѧ древо*; в род. п. ед. ч. только на корне (*дрѣва* Л 1266, 2956), с оттяжкой на предлог: *ѧ древа* Дом. 776, *ѧ древа* Х. 738, — это новое ударение слова, ср. *такого древесѣ* Д. 92 в старой форме; так как в СОПИ новая флексия, то должно быть *вѣрху дрѣва*. В дат. п. ед. ч. также только накоренное ударение с возможной оттяжкой (*къ дрѣву* Пс. 579), следовательно, реконструировать следует *нд дрѣву*, *зелену дрѣву*, по *мыслену дрѣву*.

Дождь, относится к окситонированному типу, поэтому закономерен в дат. п. ед. ч. *дождѣ* (ср. Уч. 198). Однако агот пример из Уч. относится к 1647 г., само же слово попадает в число странных исключений, связанных с тем, что окситонированное слово с редуцированным гласным в корне входило в мягкий тип склонения. Совпадение всех этих трех условий привело к расхождению между разными славянскими языками и к вариантности в границах отдельных славянских языков. В сербском, словенском, украинском и русском, чешском и словацком одинаково возможно отражение подвижности и окситонезы (Дыбо, Верхне-лужицкий, 81); говоря о русском, имеем в виду диалекты, которые сохраняют старое ударение *дбжжу* (Обнорский. Склонение, I, 159 и 245), украинский и в XVII в. дает *дождѣ* и *дбжжу*. Аналогичные колебания в ударении дают и другие формы склонения, ср.: *дождѣ* Ч. 68^a — *не бысть дбжжа* Шум. 9506, *дбжжѣмъ* Нв. 394 — *с дбжжемъ* Хр. 336, им. п. мн. ч. *дождѣ* Др. I 6116 — *дбжжи* Др. I 195, и др. Поэтому, признавая для приведенной в СОПИ формы закономерное ударение *дождѣ*, не следует исключать и другой возможности ее акцентовки.

Долго, Нв. 4976, Др. II 323, Ст. 5, и др. (Колесов, 205).

Днѣпр, в рукописях обычна баритонеза: *к Днѣпру* Нв. 4726, *Днѣпромъ* Курб. 696, и др., но при любом варианте в автентичной форме ожидается акцентовка *Днѣпре* (также в чтении *днѣ при*).

Дон, относится к подвижному типу, ср. *ѧ Дону* Др. II 5236, *ѧ Дону* Нв. 5486, *по Дону* Пал. 266, *зѧ Дннъ* Др. II 113, 121, Лапт. 6486, Г. 24, *на Донъ* Др. II 2556, и др., поэтому закономерны акцентовки *синего Дѧну*, *къ Дѧну*, *съ Дѧну*, *ѧтъ Дона*, *ѧ Дону*, *ѧ Дннъ*; в производном от него имени — *Донѣць*, *Дѧнче*.

Дорог, слово подвижной парадигмы (Колесов, 213 и сл.), в СОПИ дважды употреблено в форме зват. п. мн. ч. среднего рода (*дорога братие*) или им. п. ед. ч. женского рода (*дорога братия*), — независимо от этого ударение в обоих случаях на окончании, хотя это и приводит к перебиву ритма (*дорога́ брѣтѣя*).

Доски, в форме им. п. мн. ч. *дѣски* Пр. 119, Др. II 321, Зап. 336, Сг. 906 (новое ударение отражается с XVII в.: *дѣски* В. 1896, Пал. 77, и др.).

Друг, в полной форме обычно передается с наконечным ударением во всех формах, т. е. *друго* Лапт. 761б, 811, Г. 1876, *другѣ* Об. 34б, И. 37б, и т. д.

Дружина, производные от имен использовали акутовый суффикс *-ina* (Дыбо. Акцентология, 174, 194), что давало постоянное ударение на суффиксе и что отражается всеми акцентованными источниками.

Дрѣмати, окситонированной парадигмы, поэтому *дрѣмлеть*.

Дума, вероятнее всего, исконная баритонеза в этом заимствованном слове, поэтому *дѣумоу сѣумати*; однако разные славянские языки не совпадают в показаниях относительно акцентовки этого слова (Колесов, 9, 16, 18), указывая и на окситонезу (которая возможна), и на подвижность (совершенно невозможна как исходное ударение).

Дунай, с колебаниями: ср. к *Доунаю* Никон. 731, что вторично при сербск. *Дѣнај*, *Дѣнаг*; Ф. Е. Корш предполагал акцентовку *Дунѣй*, *Дѣнај* (Корш, XXIX).

Дух, в форме род. п. ед. ч. *дѣуха* как единственно возможное ударение во всех акцентованных источниках (Колесов, 134).

Дѣва, относится к исконному типу с постоянным ударением на корне; производные должны сохранять такое ударение (*дѣвицы*), чего на самом деле нет; Дыбо (устное сообщение) предполагает прилагательное *дѣв(ый)* с подвижным ударением, откуда закономерное *дѣвица*, отмеченное уже в ранних славянских рукописях как вариант к *дѣвица* (последнее только в русских говорах).

Дѣдний: *изъ дѣдней славы*, как обычное ударение в этом производном от баритонированного имени (Колесов, 105).

Дѣло, Ч. 68^б, Др. II 17, и др., без оттяжек ударения на предлог в форме вин. п. ед. ч.

Дѣлити, славянские языки отражают накоренное ударение в формах презенса, однако восточнославянские акцентованные источники иногда передают и наконечное ударение типа *дѣлѣтся* Сб. IV 143б, *раздѣлѣтъ на двое* Сб. IV 61, *дѣлѣтъ* Ар. 123б, 125б, 126б, *дѣлѣтъся* Азб. 57, 68, и др.; в форме аориста *подѣлѣша*, ср. сербск. *подѣлѣше*; сказанное определяет неуверенность в отношении причастной формы: *дѣлѣче* как рефлекс подвижности или *дѣлѣче* (или *дѣлѣче*, что сомнитель-

но) как рефлекс окситонезы (что вероятно).

Дѣти, в форме им. п. мн. ч. могло уже иметь новое ударение на корне, хотя исконным является наконечное (Колесов, 91—92, 204); в сочетании *дѣти бѣсови* наиболее вероятно столкновение акцентов, относящихся к обоим словам, но только как мелодический вариант.

Дятел, в им. п. мн. ч. *дѣтлове*, как слово баритонированной парадигмы, ср., например, дат. п. мн. ч. *дѣтломъ* Об. 23б.

Жажда, по-видимому, старой окситонированной парадигмы (Колесов, 14), что заставляет предполагать акцентовку *жаждѣю* (верна даже в случае подвижности; баритонеза исключена), в любом типе производное дает ударение *жа́дни*.

Жаль, словенск. *žal*, *žali*, совпадение чешск. *žal* и словацк. *žial'* указывают на подвижность, которая подтверждается ударением производных: сербск. *жа́лост*, местн. п. ед. ч. *жа́лости*, род. п. ед. ч. *бѣз жалости*, ср. также литовск. *gėlā* 'горесть' (четвертой акцентной парадигмы, которая не соответствует славянской баритонезе). Принимая все это во внимание, восстанавливаем подвижность, а следовательно, и акцентовку *жа́ль бѣ* в СОПИ. В других образованиях от этого слова рукописи, как правило, дают ударение на корне: *жа́лость*, *жа́лоба*, хотя имеются и отклонения, указывающие на исконное ударение этих образований, ср. *жа́лобникѣмъ* Шум. 137, *жа́лбсть* Кар. 71б, следовательно, и *жа́лба* как исконное ударение слова.

Желѣзаны, в полной форме с последовательным ударением на втором слоге по всем известным источникам.

Жемчуг Сийск. 15б, Каз. 59, М. 237б, так же последовательно во всех косвенных формах и в производных: *з жемчужными* В. 32.

Жеребеи, *жребии*, как производное от подвижных дает в вин. п. ед. ч. *же́ребей* Нв. 561, Леч. 156б, и др., во мн. ч., кроме им. и вин. п., — наконечное ударение, т. е. *же́ребѣямъ* У. 232б, твор. п. мн. ч. *же́ребѣй*, и т. д.

Жерти, в форме причастия *пѣжърши*, ср. *пѣжъруть* Пс. 393 и аналогичные переносы ударения при этом «еровом» корне.

Жесток, краткое прилагательное в рукописных источниках последовательно отражено в двух акцентных типах: постоянно на первом слоге или постоянно на окончании; полное прилагательное также выступает в двух вариантах (*же́стокое*, *же́сткое*); наиболее древний тип (встречается в Ч.) — *же́стоко*, *же́сткое*.

Жив, *живѣи* Пт. 10, *живѣи* Гз. 94б и постоянно во всех формах.

Живот, обычно наконечное ударение во всех формах как специфически русская акцентовка этого образования, но

уже в Ч. возможно колебание: *животѣ* 44^г, 59^г, по вин. п. ед. ч. *живот* 44^г; более поздние рукописи отражают выравнивание ударения по форме им. п. ед. ч.: *живота* как *животъ* (Колесов, 167).

Жирен, у производного от подвижного имени (*жиръ*) наконечное ударение в обеих, представленных СОПИ, формах, независимо от подвижности или окситонезы суффиксального прилагательного.

Жля, может быть испорченным от *желя*, ср. *жѣла велика* Пт. 554, такое же ударение *жѣля*, *жѣля* и в других источниках.

Забрало Уст. 2276, Каа. 2426, мп. ч. *забрала* Пч. 62, по *забраломъ* Х. 14436, Пал. 115, на *забралѣхъ* Фл. 1156, и др. при словацк. *zábradlie* 'перила' демонстрируют исконное место ударения всех форм слова; следует предполагать акутовую интонацию в *заборло*, хотя поздние русские рукописи (аналогия с *заборъ*?) представляют новое ударение: *чреаъ заборолы* Лапг. 141, с *заборолъ* П. 284, на *заборолъ* (Кормчая XVI в., ГПБ, F. 11, 87, л. 3886), также с *заборолъ* Н. 289, с *забралъ* Х. 1122, 1124.

Завтрак, в форме дат. п. ед. ч. *завтроку* двусмысленно: ожидается *зау́трокъ*, но славянские языки по все отражают рефлекс такого ударения, написано *заутроку* вместо *зау́трокъ* также указывает на акцентовку *завтробку*, закономерно в производном от подвижного (Колесов, 194; Дыбо настаивает на ударении *завтроку*).

Задний, производное от подвижного имени с ожидаемым наконечным ударением (*заднѣю*), однако в рукописях только *зѣдний*, что соответствует сербск. *zǎdњи*, словенск. *zǎdnji* и что указывало бы на исконное ударение (Дыбо. Акцентология, 219).

Заря, Шум. 442, Сб. VI 54, Зап. 896, и др., им. п. мп. ч. *зѣри* Воскр. 156; возможна исконная баритонеза (Колесов, 52—53).

Звати, как подвижный глагол, дает закономерное ударение *зовѣтъ*, *зовѣуть*.

Звонити, в аористных формах ожидается ударение *позвони*, *позвонѣша*, в причастных — *звѣдя*, *звонячѣ* (Спанг. 138).

Звѣрь, в форме твор. п. ед. ч. *звѣремъ* Ч. 156^г, Х. 452, М. 9, но также *звѣрѣмъ* Кр. 2446, — последнее, по-видимому, соответствует исходному ударению подвижного имени, каким является это слово; наоборот, им. п. мп. ч. только в цовой форме *звѣри* (исключением лишь в XVII в. в автографе Авакума: *звѣри* Ав. 212), с возможной оттяжкой на проклитику (в СОПИ *ѣ звѣри*). Прилагательное следует восстанавливать с наконечным ударением, в данном случае *саистъ звѣрѣнь*.

Здрав, в форме им. п. мп. ч. последовательно в рукописях *здрѣви* Др. II 6016, Шум. 525, Г. 474 (с акутовой интона-

цией в корне, что подтверждается русской формой *здоровъ*).

Зегайда, при укр. *зегѣця*, с древним ударением слова, если предполагать праславянскую форму *zegъzd (Фасмер, II, 91).

Зелен, прилагательное относилось к окситонированной парадигме (Колесов, 219), поэтому во всех формах, приведенных в СОПИ, следует восстанавливать наконечное ударение (также *зеленѣ древу*), русские рукописи только с XVII в. дают новую подвижность как результат ее обобщения в предикативных формах, ср. в Леч. *водѣ зеленѣ* 139 — *воду зелену* 179; южнославянские языки указывают на подвижность, поэтому и данные отношения могут восходить к праславянской системе (устное сообщение Дыбо).

Земля, слово с колебаниями ударения в древнерусских и вообще во всех древних текстах (Колесов, 51—52); в форме род. п. ед. ч. обычно наконечное ударение при новом окончании (*земли*), тогда как архаические тексты с исконным окончанием (в церковнославянском варианте) представляют ударение на корне, ср. *посрѣде зѣмля* Пт. 366, *от нашей зѣмля Московская* Сим. 4416, *ѣ земля* Псл. 112, ударение *от земли*, *дѣ земли* характерно также для современных русских говоров, поэтому восстанавливаем акцентовки типа *из земли*, *серѣдѣ земли*, а в свободном употреблении — наконечное ударение, хотя вполне возможно, что, кроме столкновения русского и церковного произношения этого слова, значение имело воздействие со стороны накоренного ударения в формах дат. и вин. п. ед. ч., а также старое расхождение между отложительным и гетивным значениями самого род. п. Во всяком случае, в самом древнем русском источнике — Ф *земля* Ч. 142^г. В форме дат. п. ед. ч. (особенно часто в сочетании по *Руской земли*) ударение закономерно должно быть на корне, таким оно и представлено во всех старых акцентованных рукописях, — в свободном употреблении (ср. *зѣмли Русской* Лапг. 665, 967, *поборници суще зѣмли Рустей* Др. II 1406, Воскр. 756, по *всей зѣмли* Лапг. 7376, Пс. 10), также в *зѣмли* и *по земли*, ср. Пс. 107, Г. 751, Кор. 168, Псл. 209; новое наконечное ударение появляется только при новом окончании (*землѣ*). Аналогичные замечания можно сделать и к форме вин. п. ед. ч.: *зѣмлю* как обычное ударение (также *нѣ землю*, ср. в Ч. и др.), в том числе и в нашем сочетании *Рускую землю* Др. II 444, 484, 545, Др. I 2886, 3236. По-видимому, во всех этих формах имя существительное могло выступать и в безударном варианте, если входило в некоторые устойчивые сочетания. За *землями* — обычное в акцентованных рукописях ударение (оттяжка на предлог отсутствует, что подтверждает достаточную древность такого ударения).

Знати, глагол баритонированной парадигмы, поэтому все образованные от него формы должны иметь накоренное ударение; исключений нет; ср. *знаемыми* Дом. 1186, *знаемъ* Дом. 24, *знаемых* Дом. 1216 и др.

Золото, обычное ударение в форме род. п. ед. ч. *злата, зблота*; в сочетании, представленном и в СОПИ, возможно выравнивание ударения по окситонированному типу, ср. *а златъ и сребръ* Соф. 444б. Аналогично в форме твор. п. ед. ч. *русымъ златомъ* — как единственное ударение, представленное акцентованными источниками. Крайне прилагательное, в зависимости от сочетания, в которое оно входит, дает колебание ударения, в некоторых случаях вовсе его утрачивая: например *изъ свѣдѣл злата, изрони злато слово, чрѣсъ злато ожерелье*. В полной форме прилагательного закономерное ударение на окончании, ср. *златый* Ч. 139^б, *златые* Гр. 945, П. 51, Каз. 61, и др.; в причастной форме *заченными шеломы* ожидается накоренное ударение, которое и представлено в некоторых рукописях (Корш, LI), однако довольно рано на основе акцентного выравнивания появляется и новый рефлекс новоакантовой интонации корня, ср. *двери золоты* Н. 230б.

Зрѣти, формы, представленные в СОПИ, должны реконструироваться как *зѣрѣ* и *да пѣзрѣмъ*, поскольку с этого подвижного корня возможны только такие отяжки (в русском не на «еровый» префикс), ср. с этим *зѣрѣти* 3 л. ед. ч. в Ч. 89^г, и сербск. *ѣзрѣ*, которые безусловно совпадают с подобной реконструкцией.

І. И, очень частый в тексте СОПИ союз, обычно он безударен, но в сочетании с другими клитиками может переносить на себя ударение, ср., например, *ѣ древо, ѣ града, ѣ рече, ѣ потече, и всѣ три*, возможно также *ѣ отъ моря*; ср. с этим акцентовки, представленные в древнейшем русском источнике Ч.: *ѣ в д[е]нь 42^а, ѣ должны соут всѣ 83^б*, также и *всѣ, ѣ мы*, и др.

І. И, местоимение, см. Он.

Игорь, Г. 101, 139б Лапт. 502, 641б, 652, Никон. 36, 485, Н. 65, и др., *Игоря* Никон. 486, 716, 1836, с *Игоремъ* Лапт. 423, также *Ингарь* Лапт. 669б; современное *Игорь* появляется довольно поздно (*Игорь* Пр. 1516), ср. греч. Γγωρ с тем же ударением, которое скорее всего восходит к скандинавскому (в древнерусском полударный слог обычно соответствует греческой долготе, т. е. и в данном случае — *Игорь*); ср. еще *внѣку Игореву* Пр. 206б в том же позднем источнике, что необычно в притяжательном прилагательном.

Идти, в форме 3 л. мн. ч. ударение на корне (ср. *пойдутъ* Пс. 459, *прйдут*

Пс. 526 и др.), но в форме аориста отяжка на предлог вряд ли возможна, ср. сербск. *иде* (поэтому *заидѣ, възидѣша*).

Иже, ср. *Иже послѣдѣ бысть* Уст. 195, также в Ч. (Дыбо. О фразовых, 80).

Издальча, Хр. 532 Др. II 147, Фл. 886, Леч. 163, также в *дальча* Ч. 24^б, хотя северные рукописи дают также *издальчѣ* Нв. 549б, Пч. 184, М. 16, 81, 224б.

Изяславъ, Н. 1226, *Изяславъ* Н. 93 и колебание при переносе *Изяславъ* Н. 7, ср. также *Изяславичъ* Лапт. 976, 1606.

Имати: *ѣмляху дань*, ср. сербск. *јѣмати, јѣмаху*.

Имѣти, поэтому воссганавливается форма *имѣя*.

Искати, но *ѣщуце* Др. II 316, П. 936, Пт. 46, Пал. 2776.

Искусѣти, см. сербск. *искусити*.

Казати, ударение на корне во всех формах, ср. *кажемъ* Сим. 206, *прикажу* Сим. 540, *оукажет* И. 4, *откажемъ* Нв. 617б, и др.

Калити, современные славянские языки дают расходящиеся результаты: в русском подвижная (*калю — калишь*), в сербском окситонированная (*калити — калѣм*) парадигма. В зависимости от исходной ситуации следует реконструировать *калѣные, калѣными, закалѣна* или *калѣные, калѣными, закалѣна* (первый вариант предпочтительней).

Каменныи, производное от баритонированного имени (Колесов, 190), поэтому ударение постоянно на корне, ср. *камениемъ* Хр. 401.

Камо Лапт. 1596, Пт. 128, и др., ср. *оуже намъ нѣ камо ся дѣти* II. 596, что указывает на подвижность наречия.

Канина, независимо от реконструкции текста (*Канинь = Каневъ* или *тъканину*) с баритонезой, т. е. с ударением на корне.

Каяля, трудное место: если это действительно топоним тюркского происхождения (Фасмер, II, 216) от *kajaly* 'скалистый', то ударение не на среднем слого.

Каяти, баритонированной парадигмы, поэтому *каяти, кають*.

Киев, производное от баритонированного имени (Фасмер, II, 230), поэтому во всех случаях ожидается ударение на корне. Существует и другая этимология слова, возводящая его к славянскому корню *кѣа* 'вихрь', *кѣа*- 'песчаный холм' (Т. Лер-Сплавинский). Еще раз о названии города *Киев*. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 197—198). Сопоставления славянских языков относительно акцентки этого корня (ср. сербск. *кѣјати, кѣјам* 'чихать') указывают на первоначальность окситонезы; следовательно, *Кѣевъ* — ударение, которое дольше всего должно было сохраняться в многослож-

ных производных (ср. доказывающее это ударение из рукописи XVI в. князя *Київскаго И.* 62); такое ударение сохраняется только у производных от окситонированных корней с долготой (*Быковъ* — *Быковский*, *Жуковъ* — *Жукбеский* и др., см.: Дыбо. Акцентология, 166).

Кикати, при рус. *кѣкати*, *кѣчу* 'кричать (по-птичь)', укр. *кѣкати* 'куковать' ожидается *кѣчеть*, *кѣкажутъ*; ср. с этим сербск. *кѣкати се*, *кѣкажу* 'таскать друг друга за волосы, драться', которое указывает ударение на суффиксе.

Класти: *кладѹтъ* Пв. 1356, Леч. 94, в формах имперфекта *въскладѹше*, *закладѹше* ударение, возможно, на суффиксе, ср. сербск. *кладѹше*, однако имперфект от подвижного глагола в качестве исходного дал бы ударение *въскладѹиѹ*, *закладѹиѹ*.

Клекот, слово окситонированной парадигмы, поэтому в форме твор. п. ед. ч. восстанавливается акцентовка *клекѹтъ*.

Клик, слово баригонированной парадигмы, в памятниках представлено ударение производных (с *кликаньем* Фл. 2506, на *кликание* Кч. 1326, и др.), которое совпадает с ожидаемым ударением на корне. В соответствии с этим и глагольные формы восстанавливаем с накоренным ударением, ср. *кликѹтъ* Сб. IV 501, *кликаша* Лапт. 8026, *въскликнѹша* Сим. 127, также сербск. *кликнѹ*, и др.

Клонити, с ударением на суффиксе в причастных формах *прѣклонѹло*, *преклонѹлось*, ср. сербск. *преклонѹло*, *поклонѹше*.

Клюка, с постоянным ударением на корне (Колесов, 10).

Кмет, с постоянным ударением на корне, ср. сербск. *кмет*, словенск. *kmèt* — *kměta*.

Кнѣ, исключительно сложное для анализа слово, имеющее специально для СОПИ несколько толкований и этимологий; независимо от действительного значения его возможна двойная акцентовка: *без кнѣса* или *без кнѣса*.

Князь, встречается в нескольких формах. В форме им. п. ед. ч. исходящая интонация корневого слога (Колесов, 162, 164), отсюда и ударение *ѧ князь Ярославъ* Лапт. 763; следовательно, в сочетании *Всеславъ князь* второе имя существительное энклитично, так же, как энклитично оно и в других формах, ср. примеры из акцентованных рукописей: *рѣша же дрѣвяне: се князя оубѣжом рѹскаго Н.* 50, в дат. п. ед. ч. *ѧ князю*, в вин. п. ед. ч. *младѹ князю*. В форме им. п. мн. ч. колебания в древнейших текстах, сохранявших это слово: *кнѣзи* и *кнѣзи*, вин. п. мн. ч. *кнѣзи*, но с отсутствием оттяжки ударения на предлог, что подтверждает древность окончного ударения (все остальные формы мн. ч. иногда сопровождаются оттяжкой на

предлог: Колесов, 162), хотя род. п. мн. ч. *кнѣзи* представлено как единственно возможное ударение (Др. II 16, Шум. 250, Г. 949, и др.). Ср. также в рукописях XII в.: в Стихираре ГПБ, Q, п. 1, 15 *князь нашего* 23, 256, но *кнѣзю* 11. Прилагательное прилагательное сохраняет окончное ударение (на *кнѣземъ* поле Пал. 826), в краткой форме выступающая и с оттяжкой на предлог, ср. *на кнѣже дворѣ* Др. I 419, *на кнѣже* поле Пал. 80, 826; поэтому реконструкция *въ кнѣжихъ крамолахъ* является самой вероятной исторически.

Кобѧк, по реконструкции Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII), ср. тур. *кѹбѧк* 'собака'; в косвенных формах Корш предполагал ударение на первом слоге: *Кѹбѧка* и т. д., как уже собственно русское ударение.

Ковати, глагол подвижной парадигмы, поэтому *ковашѹ*, *ковашѹ*, хотя сербский отражает новое ударение *кѹвѹше*; причастная форма *скована* в двойственном числе не зарегистрирована в акцентованных рукописях, формально сходные с нею род. п. ед. ч. мужского рода и им. п. ед. ч. женского рода *скованѹ*, но в формах мужского рода колебание: *скованѹ* Каз. 676, Ав. 215 — *покованѹ* Сб. V 123 (ср. еще *окванѹ* Уст. 61, и др.). Накоренное ударение вполне может быть вторичным, хотя неизвестно, насколько рано оно появилось в русском языке.

Коѹ, ср. *орѣшки знати коѹ зеленѹ* Зап. 164.

Кожѹх, с постоянным ударением на втором слоге, ср. *кожѹховѹ* Др. II 554, так же и современные славянские языки (сербск. *кѹжѹх*, *кѹжѹжа*), в том числе и восточнославянские.

Коли Шум. 214, 2306, Соф. 435, Дом. 716, Пв. 19, Ав. 190.

Колокол, в форме вин. п. мн. ч. *въ кѹлоколѹ* с двойной возможностью: *в кѹлоколѹ* X. 627, Г. 7536, Сим. 338, Нв. 4586, 554 — *в колоколѹ* Соф. 4456, *колоколѹ* Шум. 30, 43, 295, Г. 9606, Соф. 4456, также *колоколѹ* Соф. 3876, Пал. 50, 986; аналогичное колебание и в других формах мн. ч., в ед. ч. ударение возможно только на корне: *кѹлоколѹ*, *кѹлокола*, также *на колоколѹ* Нв. 618. Для СОПИ следует предполагать при «еровом» предлоге ударение *въ кѹлоколѹ*, оставляя возможность для накопечной акцентовки как вариантной.

Кому Др. I 760, Шум. 886, Пв. 86, но сербский указывает иное ударение, ср. *кѹг*, *кѹм*, *кѹм*; по-видимому, для русского характерно окончное ударение, но в тексте СОПИ само сочетание *аще кому хотѹше* предполагает равные возможности акцента: *аще кому* или *аще кому*.

Комонѹ, в форме вин. п. мн. ч. *комѹни* Н. 576.

Кончак, из тур. *кочѧк* 'молодец'; Ф. Е. Корш допускал русское ударение

ние косвенных форм *Кбнчака* (Корш, XXVIII).

Кончати, в форме аориста *дожнчаша*, ср. сербск. *дожднчаше*, др.-рус. *кончаша*.

Конь, в форме вин. п. мн. ч. о кони, ср. *конй* Ч. 152^г, Др. I 2346, П. 118, Г. 886, 9196, Сб. 0 1266, Соф. 248, В. 1386, на *конй* Др. I 6606, Нв. 489, Пал. 103, на *коня* Пч. 386, 976, Зап. 966, 996, Фл. 223, и др.; *кони* вторично, хотя изредка отражается уже рукописями XVI в. (Нв. и Г.), *на кони* Нв. 519 — исключительно редкий, уникальный пример (Васильев, 114). Таким образом, если текст СОПИ расшифрован правильно, следует предполагать о *конй*.

Копыто, с постоянным ударением на втором слоге (баритонированная парадигма) во всех источниках, рефлексы долгот и интонаций в славянских языках подтверждают праславянский характер такого ударения, ср. также *копыто* Л. 116, *копыта* Л. 124, и др.

Копье, во всех формах следует восстанавливать окончное ударение, ср. *копид* Га. 1786, Кав. 516, X. 5836, *копиемъ* Кав. 646, Сб. V 4846, Пс. 170, Ст. 276, и др. (так же в певческих рукописях XII в.); на такое же ударение указывает акцентовка производных, ср. *копейный* Фл. 96, *копейным* Др. II 1316, *копейники* Хр. 271, Фл. 1806.

Корабль, в форме вин. п. мн. ч. в *корабли* Ч. 44^б, что соответствует ударению греческого слова (*καράβιον*), хотя для древнерусского больше характерна окситонеза (в том же памятнике находится более 20 примеров окончного ударения).

Кормити : *въскбрмлени*, у глагола окситонированной парадигмы (Колесов, 112) должно быть ударение на корне, ср. *кбрмлены* Нв. 6286, *воскбрмлени* Н. 111; и в случае исконной подвижности акцентовка данной формы также очень рано стала окончной.

Король, в дат. п. ед. ч. *королёви* Лапт. 496, 52, 546, *кромлви* Курб. 82, 1816, при обычном для рукописей ударении с другой флексией *королоу*.

Корсунь, в *Корсунь* Никон. 406, производное *курснянина* Г. 94, Пр. 215 подтверждает постоянное ударение на втором слоге.

Кость : на *кости звѣри зовуть*. В рукописях отражается только новая акцентовка на *кбсти*, хотя исконным в данном сочетании является ударение на *кости* (Колесов, 96), которое и следует восстанавливать для XII в., поскольку движение ударения в пределах сочетания для этого времени еще актуально. В форме твор. п. мн. ч. только *костымъ* Пал. 1306, Сг. 214, Нв. 461, и др.

Котора 'вражда', в русских акцентованных источниках дает новоаккутовую интонацию на втором слоге (*котбражъ*

Сб. 0: 416) и, следовательно, постоянное ударение на этом слоге (Колесов, 26).

Который, по ударению совпадает с ударением в современном русском языке (ср. *кто́рого* Лапт. 138, и т. д.).

Кошеи, возводят к тюрк. *koşci* 'невольник', что указывало бы ударение *коше́й*; однако в древних заимствованиях с двумя краткими слогами часто отражается перенос ударения: *коше́й* (но *кошѣево*).

Крамола, с постоянным окончным ударением, как показывает уже древнейший источник Ч. (Колесов, 26), ср. еще *кромолъ* Соф. 4016, *кромолѣ* Пч. 1766, *кромолми* Лапт. 734, так же ударение производных *кромолники* Шум. 3966, *кромолниковъ* Шум. 421, и др.

Красен, в сочетании *красно_еси*, ср. *красно* Д. 50, 95, Кр. 1746, Сг. 16, Нв. 4306, Леч. 1576, и др. (в полной форме всегда ударение на корне: *красный*); однако это ударение может быть и вторичным, поскольку теоретически (подтверждается и южнославянскими источниками) исконным следует признавать *красно*, *красны*.

Кратити : *скратйшашъ*, глагол явно не баритонированной парадигмы, поэтому в данной аористной форме реконструируется исконное для нее ударение.

Кречет, в дат. п. ед. ч. *крѣчету*, ср. *крѣчаты* Ав. 2116, Зап. 86, но *два кречатъ* Шум. 1456, что указывает на подвижность ударения в этом слове.

Кричать Ш. 23.

Кровать Пв. 1146, на *кроматехъ* Пв. 736, Пч. 106, и др., что соответствует ударению в греч. *κρῶβᾶτι(ο)υ*.

Кровь, слово подвижной парадигмы (Колесов, 74, 76), поэтому возможна отяжка ударения на предлог и окончное ударение в некоторых формах; из числа встреченных в СОПИ см.: *по крови* Лапт. 3056, Св. 3356, Пал. 122, *за кровь* Лапт. 9306, М. 316, *на кровь* Пв. 1426, М. 2916, и др.; в форме тв. п. ед. ч. довольно рано обобщается ударение на корне (*кровоу* Ч. 146^б). Ударение краткого прилагательного скорее всего было подвижным, ср. ударение на корне в формах *кромаву* З. 1536, *кромаво* Г. 399, Уст. 143, М. 866, *кромавы* Кав. 646, X. 1239, и др.; в таком случае полное прилагательное должно выступать с окончным ударением, что и подтверждается наиболее древними источниками, ср. *кромными животными* Ч. 142^г, *кромавые* Др. II 996, Леч. 806, 95, Сб. 0. 134, 1346, *кромавымъ* Леч. 92, *кромавыми* X. 11896 (такое ударение сохраняется до середины XVIII в. и отмечается еще в одах Ломоносова).

Кромъ Ч. 7^а, 48^а, 51^г, 78^а, и др., последовательно до XIX в.

Крыло, в форме твор. п. мн. ч. представлено только с исконным окончным ударением (*кромными крылы* Пч. 46, *кромлыми* Др. II 78, и др.),

соответственно чему в производном ударение на корне (*крыльце* > *крыльце*).

Крыти, во всех формах ударение на корне, ср. *скрѣлъ еси* Пт. 1, *покрыта бысть* И. 38, *покрыто* Дом. 89, 616, Д. 112 (но в суффиксальном образовании *прикрывають*).

Крѣпость, в форме твор. п. ед. ч. ожидается акцентовка *крѣпостѣю* (Дыбо. Акцентология, 160), однако в древнерусском XII в. уже возможно обобщение ударения на корне, которое и отражается во всех (поздних) источниках.

Крѣсити, на основе сравнения современных славянских языков (словенск. *krēsiti se*., чешск. *křísiti*, словацк. *kriesiti*, польск. диал. *kryśić*) восстанавливаем с акцентовкой на теме: *крѣсити*.

Кур: *до куръ Гмуроканя*. В этом неясном месте исходим из предположения, что *куръ* — 'петух'; слово входило в баритонированную парадигму и потому никогда не переносило ударения на предлог.

Курьск, куряне, от названия реки *Куръ* (по новейшим этимологиям — от фин. *курья* 'залив'), впрочем, накоренное ударение ожидается при любой этимологизации; ср. *иде Курьску* Н. 1416.

Кус, в сочетании с *три кусы* в форме вин. п. мн. ч., имя подвижной парадигмы (Колесов, 134, 139) с возможной оттяжкой ударения на предлог (ср.: *кирпичь... избѣй на кусы* Сб. II 334б), что допускает акцентовку с *три кусы*.

Куст, в сочетании *рострена к усту или ростре на кусту*; независимо от чтения ударение должно быть конечным: *на кустѣ* с новым для этого типа склонения всегда подударным окончанием; при втором чтении, которое грамматически (для XII в.!) и текстологически представляется более обоснованным, конечное ударение определяется окситонезой имени *усто* 'устье', всегда представленного с конечным ударением в древнерусских текстах.

Лада, с постоянным ударением на корне в баритонированной основе.

Лебеди Сим. 140, Ав. 211б, *лебедѣй* Ав. 235б, от подвижного имени прилагательное с акутовым суффиксом должно было бы дать насуффиксное ударение (*лебедѣйными крылы*), однако в рукописях соответствующие примеры не встретились.

Лелѣяти, во всех формах, представленных в СОПИ, должно иметь ударение на втором слоге, и только сербск. *лелѣјѣм*, *лелѣјати* предполагают ударение *лелѣјати*, *лелѣјашу*, *вълелѣјани*.

Летѣти, употреблено в СОПИ в нескольких формах: *прилѣтѣти* Гз. 127б, откуда аористные формы *полетѣ* и *слетѣста*, ср. сербск. *улетѣсте*, *полѣте*; в презенсе обычная акцентовка *летѣти* II, 3б, *лѣтѣши* Сб. VI 68, 69б, и др., что позволяет восстановить и ударение в форме 1 л.: *спдлечю* Станг, 110).

Лечи и лежати, первое окситонированной, второе — подвижной парадигмы, ср. в Ч.: *лѣжу* 128^а — *лѣжѣмъ* 133^а для второго случая; поэтому для СОПИ *лежѣтъ*, ср. Пс. 210, Шум. 295б, Пт. 163б, и др., но *полегша*, ср. сербск. *полегше*.

Ли, энклитическая частица и союз, дававшие сложные модификации ударения в древнем тексте (Дыбо. О фразовых, 79—81); в СОПИ должно быть *не лбо ли*, *се ли*, *мало ли тѣ*, *не тако ли* и др.

Лизати: *полизѣша*, ср. сербск. *полизаше*.

Лисѣца, производное от подвижного имени, по единогласному свидетельству всех славянских языков — с ударением на суффиксе.

Листвие Об. 294, Зап. 103, Леч. 70, и др., постоянно.

Литва, литовскыи, восходят к литовск. *Lietuva* с акутовой подвижностью, что на русской почве могло давать либо неподвижное ударение на первом слоге (последовательно представлено в Никонской, в Погодинском списке Псковской летописи и др.), либо подвижность, которая встречается в более ранних источниках; ср. в томах Лицевого свода *Литву* Др. II 222—в *Литвѣ* Др. II 666б (при возможных уже колебаниях), здесь же *литовской землѣ* Г. 635, и др. Точных данных о древнерусском ударении нет, но по аналогии с другими случаями соответствия литовского ударения древнерусскому скорее можно предполагать подвижность в древнерусском.

Лияти, как глагол (условно) подвижной парадигмы дает ударение *полянѣ* и *розлясѣ*, ср. сербск. *ливен*, *ливѣна*, *лѣјати* (др.-рус. *излиянѣ* Пср. 3б, и др.), но *пролиясте*; краткость корня обеспечила длительное сохранение указанной акцентовки в русском языке.

Ложити, в инфинитиве *приложити*, ср. *положити* Ч. 109^б и др.

Лозие или **полозие**: *полозие ползоша только* (по *лозию ползоша только*). В обоих случаях производное от подвижного имени закономерно давало бы конечное ударение, т. е. *по лозѣю* или *полозѣю*. Однако в акцентованных памятниках находим *лбзие* Сб. VI 450, *лбзием* X. 44б, Пт. 109, Каз. 18б, и др.

Лоно, окситонированной парадигмы, поэтому на *лонѣ* Ч. 36^б, М. 272б, Нв. 38б, и др.

Луг, подвижной парадигмы, поэтому *по лугу* Лапт. 2б, как закономерное ударение, которое не распространялось в древнерусском на сочетание с 'еровым' предлогом: *къ лугу*.

Лук (оружие), в представленных СОПИ формах: им. п. мн. ч. *лѣчи* Воскр. 59, Пс. 7б, Псл. 4б, М. 258, вин. п. мн. ч. *лѣки* Пс. 41, Ав. 238, Псл. 149б, и др.

Лук (лука) 'излучина', в форме род. п. дв. ч.: *изъ лукѣ моря*, окситонированное имя перед подвижным в границах одного сочетания (Колесов, 30).

Луча, с окончечным ударением, ср. *лучъ* Г. 10336 мн. ч.: *лучи* Шум. 442, Уст. 188, *лучами* Др. II 4636, и др., поэтому в СОПИ *горячюю лучю*.

Лучше, наречие, как прежняя форма краткого прилагательного, представленного с накоренным ударением: *лучшихъ* Шум. 4076, и др.

Льпо, в сочетании с энклитикой отдает ударение; см. в Ч.: *льпо ли* 112^г, *льпо ми* 35^а, однако в СОПИ сочетание более широкого плана, *не льпо ли ны бльшесть*. *Ны* в текстах постоянно клитично (*на ны* Пс. 19, 45, 338, X, 20, и мн. др., также *помилова бб ны* Н. 92), т. е. выступает в функции, свойственной всем местоименным энклитическим формам, в частности *ся*. Между тем такие клитики могут не участвовать в распределении фразового ударения, ср. последовательное распространение фразы в Ч.: *щажю* 111^а, *не потажю* 121^б, *щажю же ся* 120^г, также другое сочетание с конечным *ся* — *сдержю же ся* 128^а и др. Именно такое ударение синтагмы и следует восстанавливать для СОПИ, не придавая значения более позднему, обобщенному на корне ударению этой формы типа *льпо быти* Шум. 7076, *не льпо ми есть* Фл. 68, и др.

Льто, баритонированной парадигмы, с постоянным ударением на корне (Колесов, 192).

Люб, исконной окситонированной парадигмы (Колесов, 209), поэтому в СОПИ окончечное ударение в любом случае: *дъвицю себѣ любѣ*, *а любѣ испити*, но в сложном слове только *нелюбие*.

Люди, в дат. п. всегда представлено накоренным ударением, ср. *людемъ* Ч. 65^а, 67^б, 104^а, Др. II 51, Шум. 898, Дом. 28, также *по людемъ* Дом. 79, Сг. 182, и т. д.

Лют, исконно окситонированного класса, поэтому в полном прилагательном ожидается ударение на корне (подтверждается и древнерусским материалом); отклонения типа *лотымъ гнѣвомъ* Г. 599 могут быть вторичными, хотя в загадочной по образованию форме твор. п. такая акцентовка вполне могла сохраниться и как исконная, так же и в некоторых других формах, ср. с *лютаго* Шум. 352 (Станг, 101).

Ляцкыи, производное *о ляда*, которое в разных славянских языках отражает различное акцентное изменение: окситонезу или подвижность. В древнерусском — окситонеза, поэтому прилагательное следует восстанавливать с ударением на корне: *ляцкыи*.

Мал и наречие *мало*, баритонированной парадигмы, с последовательным ударением на корне (Колесов, 205, 207).

Мати, Сб. IV 256, Сб. VI 79, Пр. 61, В. 229, и другие последовательно, что соответствует исконному ударению этого слова.

Межю, Ч. 43^а, 46^б, 66^а, 69^а, Др. II 273, 3886, Нв. 4126, 5276, и мн. др. (также *междю* Г. 599, Ав. 213, и др.), последовательно до XVII в., когда наряду с этим в тех же памятниках появляется новое ударение *мѣжь ими* (Нв. 4116).

Меркнути, баритонированной парадигмы, поэтому последовательное ударение на корне, в том числе *меркнетъ*, *помѣркости*, ср. *помѣркнетъ* Пр. 81, сербск. *мѣркнѣ*, *пѣмркости*.

Метати, окситонированной парадигмы, следовательно — *мечѣ*.

Меч, с постоянным ударением на окончании, в том числе и в формах, представленных в СОПИ: *мечемъ* Др. II 280, Соф. 4, Пс. 1016, и др.; вин. п. мн. ч. *под мечи* Фл. 141, Нв. 415, *мечеве* Хр. 280, *мечѣ* 312, Фл. 1866, Св. 2016, и др., твор. п. мн. ч. *мечи* Нв. 413, 5026, Каз. 227, М. 98, Пал. 1466, Фл. 1596 (последовательно сохраняется благодаря краткости корневого слога), и т. д.

Мил, прилагательное баритонированной парадигмы (Колесов, 206), поэтому все формы СОПИ безусловно должны быть представлены с ударением на корне.

Минүти, Хр. 1456, Пал. 58, Фл. 2826, *минүла* И. 66, Ш. 976, *не оминүла* Пв. 140, и др., хотя относительно второй формы возникают известные сомнения: поскольку глагол относился к подвижной парадигме, в XII в. следует ожидать окончечного ударения в форме *минула*, не сохраненного уже в рукописях после XV в.

Мои, притяжательное местоимение 1 л., в акцентованных рукописях выступает в самых разных вариантах, но на основе внешнего сравнения можно предполагать исконную принадлежность к окситонированной парадигме, ср. сербск. *мѣгег*, *мѣдем*, *мѣдѣ*, *мѣде* и т. д. Следовательно, в СОПИ должны быть следующие акцентовки: *моѣго* (ср. *моѣго* Сим. 113, 1126), *въ моѣмъ* (ср. *въ моѣмъ* Пт. 16), *моѣй* (ср. сербск. *мѣдѣ*), *на моѣя лады вои* (хотя *мѣре моѣя* Зап. 295, — если это не описка, — указывает на сближение с подвижным типом в XVI в.), *моѣ ладу* (хотя сохраняется и рефлекс подвижности: *печаль мою* Др. II 39 — если это не случайная описка) также в сочетаниях с клитиками: *а мой ти*, *се моѣ*, *а то моѣ же* (ср. сербск., хотя Ав. — *в селѣ моѣ* 2006).

Молвити, баритонированной парадигмы (Колесов, 13), отсюда *молвитъ* Нв. 6196, Пв. 1096, *молвятъ* Н. 1246, Д. 86, и др. (исключение: *что ни промолвитъ* Соф. 4246).

Молкнути: *помлѣкоша*, ср. *оумолкѣша* Пс. 73, как новое ударение.

Мблнни, как обычное ударение, хотя некоторые севернорусские рукописи XVI—XVII вв. дают форму им.-вин. п. мн. ч. *молниѣ*, *молньный* (примеры см.: Колесов, 22).

Молод, **молоди**, прилагательное подвижной парадигмы, поэтому возможно перемещение ударения в краткой форме (*младѣ князя*) и окончное ударение в полной форме, ср.: *молодымъ* Леч. 176, Сг. 1286, *младымъ* Шум. 233, П. 83, и др., *молодые* Нв. 491б, Леч. 93, Сг. 34б, Дс. 170б, и др.; некоторые северные источники предлагают накоренное ударение полной формы (*младыи, молодые*), — такое ударение более свойственно и современным северным говорам, так что можно предполагать достаточную древность такой акцентовки, хотя она и является безусловно вторичной; в инфинитиве закономерно *помолодѣти*.

Молѣтять, Г. 902, что соответствует ожидаемому ударению слова.

Морѣва Н. 177б.

Море, с исконной подвижностью, что доказываега окончным ударением некоторых форм (например, род. п. ед. ч.: *от моря* В. 327, Д. 576, 112, *но того моря* Д. 86б) и оттяжками ударения на предлог: *от моря* Пт. 123, *до моря* Пс. 216, *из моря* Х. 785б, *по морю* Хр. 468б, 874, *на море* Ч. 151г, *за море* Др. I. 43б, *чрез море* Сб. IV 171б, но при «еровом» предлоге *въ море* Др. II 287, Шум. 545, Сб. IV 222, и мн. др. Это определяет акцентовку слова во всех сочетаниях, представленных в СОПИ; интерес представляют сочетания типа *из лугу моря, съ моря идуть* и др.

Мост, с исконной подвижностью, поэтому в форме вин. п. мн. ч. можно ожидать ударение на корне, хотя для данного акцентного типа такое ударение и может быть не исконным (Колесов, 144, 146); *мдсты мостѣти*.

Мочити, глагол окситонированной парадигмы, поэтому в СОПИ следовало бы реконструировать ударение *омочѣю*. Однако в древнерусском глаголы *-*и* основ с кратким корнем рано перешли в подвижный тип, поэтому вполне вероятно предположение об акцентовке *омочю*. Сложность интерпретации опять-таки заключается в неясности того, к какому древнерусскому говору принадлежал автор.

Мочь, в СОПИ дважды форма *можеш*, которая может быть представлена с двумя акцентами. Инфинитив *моцѣи* уже в Ч. (*моцѣи* 17^а) представлен с ударением, характерным и для подвижных (*лечѣи, речѣи, волочѣи, беречѣи* и др.), в противоположность глаголам типа *клябѣчи*; действительно, в ранних рукописях находим подвижное ударение и в формах настоящего времени, ср.: *можеть* Ч. 45^г, 112^б, *могутъ* Ч. 66^б, *премѣжеш* Пс. 338 и *мбжеш* Пс. 139), *возможеш* Об. 357б и *чбжеш* Об. 340), *могутъ* Сб. IV 198б, Уст. 24, и др., при обычном для поздних русских источников ударении окситонированного типа (т. е. *могѣи, мбжеш, мбгутъ*), ср. также сербск. *можеш*. Учитывая характер сочетания в СОПИ (*ты бо*

можеш) для этого текста следует предполагать именно подвижность, представленную в Ч — в самом раннем русском акцентованном источнике: *ты бѣд можеш*.

Мстислав, Ф. Е. Корш предлагал акцентовку *Мьстиславѣъ, Мьстислава, Мьстѣславичь* (Корш, XXVIII), что относительно косвенных форм должно быть, и верно (обобщение ударения на окончание императивной формы). В рукописях обычно ударение *Мстиславѣ* Н. 93, но также отмечены формы *Мстиславѣи* Лапт. 37, 90б, *Мстиславичем* Никон. 184б, *Мстиславича* Никон. 195б (один раз также *Мстиславичь* Никон. 196, что отражает более раннее ударение этого слова). По видимому, самым верным будет предположение об акцентовке именного корня: *Мстиславѣу, и всѣ три Мстиславичи*.

Мужество, Сб. 0 396, *мужество* Сб. 0 43б, *мужестѣу* Зап. 140б, *мужествомъ* Псл. 86, как исконное ударение этого производного от подвижного имени.

Мутен, **мутити**, производные от подвижной основы, поэтому теоретически следует предполагать акцентовку *мутѣнъ сонѣ, мутнѣ текутъ*, ср. сербск. *мутан*, также *мутнѣ* Л. 63, Кор. 102, и др.; однако в русских рукописях довольно рано обобщается ударение на корне, ср.: *мутни* Об. 53, *мутны* Фл. 285б, *смутно* Об. 295б, и др. В аористной форме для древнерусского более характерно ударение *въмутѣи*, хотя в сербск. *узмутѣи*, — в древнерусском оттяжки на слабый редуцированный не было.

Мыкати, глагол баритонированной парадигмы, поэтому *мычлочи, мычеш*.

Мысль, баритонированной парадигмы (Колесов, 71), что предполагает ударение на корне во всех формах и производных; в древнерусских источниках именно такое ударение.

Мыть, в неясном контексте СОПИ возможно двоякое толкование: 'время линьки у птиц' или 'даны', 'подать'. В первом случае следует предполагать ударение на корне, во втором — на окончании (*мытѣ* — с постоянным ударением на окончании, что последовательно представлено еще в источниках XVII в.).

Мѣрить Пс. 145, Ар. 175, *мѣрится* Пв. 48б, Сб. VI 183, и др.

Мѣсто, в древнейших текстах с ударением на корне (Колесов, 194).

Мѣсяц, с последовательным ударением на первом слоге, ср. на *новѣ мѣсяцѣ* Пт. 4б, *въ мѣсяцѣхъ* Курб. 151, *мѣсячныхъ* Сг. 43, *по мѣсячному времени* Псл. 132б, также сербск. *мјесѣц*, словенск. *mēsec*.

Мѣшати: *смѣшено*, производное от окситонированного корня, поэтому ожидалось бы ударение на корне; однако в рукописях колебание: *смѣшено* Хр. 432б, Г. 614, Л. 289, Леч. 68б, *замѣшено тѣсто* Кр. 365б, *смѣшена* Леч. 60б, 61, *смѣшенъ* Леч. 62б, 80, но в Пс.: *помѣ-*

шано 676, помѣшани 454, смѣшенных языкъ 703 (ср. и колебание в Курб.: с плачемъ смѣшеннымъ 986—медь смѣшенный 164). Как показывают примеры, колебание ударения могло зависеть от смещения производных с разными суффиксами.

Наниче = *наничь*, восходит к подвижному имени *ниць* (ср. рус. *ничкомъ*, *навьзничъ*, сербск. *никъ*, чешск. *нѣс* и др., что в своей совокупности подтверждает подвижность производящего слова), — в таком случае, учитывая характер сочетания, следует реконструировать акцентровку *наничь* *ся* *годины* *обратѣша*.

Напастыи Сим. 32, 44, Пв. 115, Зап. 16, Пч. 81, и др.

Начати, глагол, который благодаря особенностям чередования в праславянском языке входил в разные акцентные типы: в окситонированный (презентная основа) и в подвижный (инфинитивная основа) (Дыбо. Акцентные типы, 76); это обусловило колебание в сербском (*начети*, *начнемъ*) и в других славянских языках, в том числе и в древнерусском. Все формы, представленные в СОПИ, восходят ко второй основе, поэтому для них естественно ударение *началъ*, *начасте*, *начаша* и т. д. Особого обсуждения требует инфинитивная форма: наряду с обычным ударением *начати* здесь возможно и новое ударение *начатъ* П. 1396, — Ф. Е. Корш связывал его аналогией со стороны инфинитива *ятъ* (Корш, XLV). Такой акцент безусловно вторичен, но в сочетании с энклитиками его возможность следует учитывать как вполне вероятный вариант.

Небо, в форме местн. п. ед. ч, ср. *на небеси* Др. I 826, 370, Об. 1706, *на н(е)б(е)си* Пс. 82, Др. II 609, Шум. 9176, и др.

Неже, сочетание с наконечным ударением, ср. в Ч.: *кто же* — *нѣ кто*, указывающие на клитичность *же* в сочетании с *не* — *неже*.

Нельзѣ, ср. *ходити нельзе* Д. 36.

Нелюбие, ср. *нелюбья* Шум. 2596, *нелюбье* Сим. 391, Н. 3196, и др.

Нести, подвижный глагол, поэтому в СОПИ *занесе* (или *соколы*, *занесе*), *снѣсеса*, ср. сербск. *зѣнесе*, *снѣсесе*, в форме мн. ч. *несбшаса*.

Низити, ср. *низится* Пв. 151.

Ничати, в форме *ничить* следует предполагать наконечное ударение (см. *наниче*), однако в аористой форме мы не встречаем ожидаемого переноса ударения на приставку (*пониче на землю* Сим. 306, сербск. *понице*), следовательно, ожидалось бы *пониче веселие*, однако более древним является ударение *понице*.

Новоград, независимо от того, какую исходную акцентную парадигму предполагать для *нов* — подвижную или окситонированную, в род. и местн. п. ед. ч. должно быть наконечное ударение:

ноаѣ, *новѣ*. Такое ударение действительно и встречается, в том числе и в сочетании *Новѣгородѣ* и *Новѣгородѣ*, иногда представляя акцентровку только одного из компонентов этого сочетания, ср. *въ Новѣгородѣ* Др. I 215, 2256, 2446, Г. 901, *в Новѣгородѣ* Др. I 215, 2506, 646, Г. 933, *в Новѣгородѣ* Др. I 221, 251, 560, Г. 956, и мн. др. Сложнее обстоит дело с формой дат. п. ед. ч.: в случае подвижности *нов-* (Колесов, 214) мы ожидали бы акцентровку *Нѣвоугороду*. В действительности же такого ударения в рукописных источниках мы не находим, в старших рукописях только к *Новугороду* Соф. 3476, *Новугороду* Соф. 4126, 4196, 4466, к *Новугороду* Соф. 2966, Нв. 4236, — последний вариант предположительно и для СОПИ, поскольку он отражает правило обобщения словесного ударения в составе сложного слова (Колесов. *Италолатиния и ударение*, 116).

Ногата: *по ногатѣ*, как заимствованное из тюркского, с исконным ударением на первом слоге. П. Меллиоранский предполагал, что уже на тюркской почве ударение могло быть перенесенным на второй слог, а в древнерусском только такая акцентровка (на долготном слоге) и возможна.

Носад, в ином написании все рукописи последовательно дают устойчивое ударение на втором слоге: *насѣдъ* М. 324, *насѣды* Нв. 181, *насѣдом* Зап. 1736, и др., ср. также сербск. *насад*.

Носити, глагол окситонированной парадигмы, ср. в Ч.: *ношѣ* 94^а, 124^в, *внѣсими* 71^а, почему и *носить*, как наиболее вероятная (и подтверждаемая акцентрованными источниками) форма. *Носѣ* Ч. 23^г, 39^а и *носияще* Ч. 17^б также отражают исходное ударение окситонированных глаголов (см.: Станг, 138).

Ночь, подвижной парадигмы, поэтому *на ночь* Шум. 397, Лапт. 301, Фл. 251, Леч. 89, и др., но обязательно *въ ношѣ* Пр. 466, 48 и др., также *полунощный* Л. 2366, Леч. 172, ср. также рус. диал. *се ночи* и гуцул. *сѣночь* 'вчера вечером', что дает основание для реконструкции акцентровки *сѣ ночь*, *всю ночь* и т. д.

Нужда, исконное ударение слова, сохраняющееся (во всех формах) в источниках вплоть до XVIII в. (Колесов, 14—15).

Нынѣ, по-видимому, восходит к подвижному имени (сопоставления см.: Фасмер, III, 91), но в данной форме, судя по чередованию форм *ныне/нынѣ* и *ноне/нонь* в восточнославянских языках, употреблялось наконечное ударение (*нынѣ*). Спорным является акцентровка прилагательного: теоретически ожидается наконечное ударение (оно подтверждается и средневековыми источниками: *на ны* [н] *нѣшнѣ* Ав. 258), но, как уже указано в комментариях к слову *преднюю* (см. **Перед**), диалектно могло обобщиться на-

коренное ударение в мягкой основе. Отдавая предпочтение ударению *ны́ншнѣго*, не следует забывать и о второй возможности акцентовки.

Нѣгують мя, как форма баритонированной парадигмы.

Нѣмец, современное ударение этого слова вряд ли является исконным и вряд ли справедлива двойственная реконструкция Ф. Е. Корша: им. п. ед. ч. *нѣмѣць*, мн. ч. *нѣмѣци* (Корш, XXVI). В этом производном от подвижного имени (Колесов, 214) теоретически ожидается ударение *нѣмѣцѣй*, которое и подтверждается сербск. *немац* — *немица*, словенск. *netes*, др.-рус. *нѣмко* Пал. 139, 139б, 140, 142б, 143, ср., впрочем, *немецкой митрополитъ* Соф. 415б, что указывало бы на подвижность производящей основы (неясно только, *нѣмъ* или *нѣмѣць*). Современное рус. *неме́цкий* лучше отражает исходное ударение произво. ящ. основы. Неясна также этимология слова, в частности, если верна этимология Г. А. Ильинского (от **не́та* 'пасбище', ср. Ильинский, 148), то следует предполагать исходную акутовую баритонезу и, следовательно, постоянное ударение на корне. Акцентованные русские рукописи свидетельствуют против такой возможности.

Оба, с ударением на корне, ср. рус. *оба*, сербск. *оба*, словенск. *oba*; в сочетании с клиткой возможно перенесение акцента на окончание: *оба полы*, ср. аналогичную отяжку в «Толковом словаре» В. И. Даля (*оба пол, оба полы*).

Обида, во всех формах представлено с ударением на втором слоге, ср. *обида* Др. II 754б, Шум. 509б, Дом. 37, *обиду* Др. II 384, Сим. 212 Дом. 40, о *обидѣ* Дом. 88б, и др.

Облако, слово почв. парадигмы и в обоих сочетаниях, представленных в СОПИ, должно передавать ударение предлогу (*под облакы, чрез облакы*). В рукописях зарегистрировано ударение твор. п. мн. ч. *облакѣ* Пс. 199, но придавать ему особого значения не стоит, так как именно в этой рукописи отражена последовательная оксигонеза этого слова (также им. п. мн. ч. *облацѣ* 237б, дат. *облакомъ* 105), чего нигде более не находим. В форме вин. п. мн. ч. только *облакы* Др. II 198, Пс. 127, Псл. 141, Пч. 180, и др.

Обратитися, в СОПИ в форме *обратиша*, ср. сербск. *обратише*.

Обычай, слово представлено с колебанием в ударении. уже в Ч.: *обычай* 21^б, 88^в, *обычая* 142^в, но *обычѣю* 70^б, такие же колебания отражаются и в более поздних русских рукописях, и в современных русских говорах, и в южнославянских языках (ср. сербск. *обичај* и словенск. *običaj*, что более точно отражает исконное ударение); основываясь

на ударении данной формы в Ч., реконструируем *обычаю*.

Обѣд, с постоганным ударением на втором слоге, ср. *обѣда* Др. II 215, Шум. 410б, *к обѣду* Дом. 8б, и т. д.

Обѣсити, в форме аориста *обѣсися* ударение на корне, поскольку такая акцентовка обычно отражается в рукописях (даже в формах мн. ч., ср. *повѣшаша* Лапт. 701б), хотя вряд ли оно является исконным для приставочного глагола.

Овлѣур, ударение устанавливается на основе варианта написания: *Влуръ*.

Одѣн, ср. *едѣнь* Пр. 42, с новоаккутовой интонацией корня в данной форме (исконно окситонированный тип, что подтверждается и ударением производных, ср. *одѣнѣць* В. 30, 337).

Одѣвати, сопоставление с сербск. *приоде, одѣвах* указывает на акцентовку *приоде одѣвахъте*, также *одѣвашу*, поскольку это причастие образовано от той же основы; в таком случае странной является акцентовка в Сгхираре 1157—1163 гг. — *одѣвается* 30б и сопнесение с акутовым корнем *дѣти*.

Ожерѣлие Об. 53, П. 127, *ожерѣлье* В. 154.

Озеро, в форме вин. п. мн. ч. колебания по памятникам. Самые древние из них дают *в ѣзера* Пт. 73, Псл. 160, *на ѣзера своя* Др. II 779б, *ѣзера* Др. I 750б или *во ѣзера* Пс. 70, 74б, 119б, 153б, и др.; ударение *озѣра* вторично, оно связано с новоаккутовой интонацией, возникшей в ряде форм (род. п. мн. ч. *езѣръ*, также прилагательные типа *глубина езѣрная* Пч. 79б). Наоборот, наклонное ударение может быть исконным, хотя оно и отражено довольно поздно (примеры см. Колесов. Ударение, 33—34). В одном из томов Лицевого свода находим сочетание, совпадающее с контекстом в СОПИ: *езѣры и болѣта* Г. 984.

Око: *очѣма съглядати*, ср. *очѣма* Пс. 6, Пт. 175, Сим. 88б, и др.

Оксѣмита Сим. 384, твор. п. мн. ч. *жаловати оксѣмиты* Шум. 747б, что соответствует греческому ударению в слове *εξέμιτος*.

ОлеГ, Ольгово, Ольгович, имя заимствовано из др.-сканд. *Helgi* и в древнерусских текстах передается как *Ольгъ, Ольга*, — следовательно, с ударением на первом слоге. Действительно, в акцентованных рукописях находим (в Др.): *ОлеГъ* II 27, 113 и мн. др., *Олга* II 695, 281 и др., *Олеу* II 30 и др., *за Олга* II 662б и др. постоянно (исключения редки: *ОлеГъ* II 69б, 63б), ср. колебания в Лапт.: *ОлеГъ*, 220б — со *Олгомъ* 297б, также в Нв.: *ОлеГъ* 46б и *ОлеГъ* 559, но на *ОлеГ* 559б. В ударении производных колебаний нет, ср. в Никон.: *Олговѣчъ* 18б, *Олговичю* 180б, *Олговичи* 178, 175, *отъ Олговичевъ* 176б; во Фроловском списке НІVЛ (I ПБ, F.IV.235, XVI в.) находим: *дѣнь возложи ббле Олговѣ* 19.

Он, местоимение, по некоторым формам совпавшее со старым местоимением *и* (относилось к подвижной парадигме). Сербские (особенно диалектные) факты указывают как на исконное на ударение *нѣга*, *нѣму* (в литературном также и *нѣга*, *нѣму*, что совпадает с современным русским *еб*, *ему*), также в певческих рукописях XII в. (ср. *на немъ, отъ нѣго, къ нѣму* и т. д.). Подвижность подтверждается и оттяжками, зарегистрированными в более поздних рукописях, ср. *прѣд нимъ* Х. 4056, Фл. 2156, *оу него* Хр. 1118, Др. II 503, *не ними* Дом. 856, *на нихъ* Хр. 3476, Лапт. 358, *б немъ* Х. 1269, *к нѣму* Пр. 976, и др. Все такие примеры позволяют более или менее точно реконструировать многочисленные сочетания, в состав которых входит одна из форм данного местоимения.

Онѣи, с окончательным ударением в форме дат. п. мн. ч. *онѣмъ*, что исконно для этого местоимения окситонированной парадигмы (ср. в кайкавском беднянском говоре дат. п. мн. ч. *епѣт*), в Ч.: вин. п. мн. ч. *онѣ* 73^а, но *сѣта оногд* 75^б, что вторично.

Орел, окситонированной парадигмы, но в интересующих нас формах по памятникам представлено с колебанием ударения: *брѣмъ* и во мн. ч. *дрѣи* (Колесов, 165).

Орѣтъмѣми, уже написание указывает ударение в этом заимствованном из тюркского слове.

Остр, во всех источниках с постоянным ударением на первом слоге (также *вострый*), что подтверждает новоаккутовую интонацию корневого слога, в причастной форме ожидалось бы ударение *избстрѣнъ* (Станг, 148), которое и следует восстанавливать для СОПИ, но при изменении корневого согласного при краткостном корне оказалось возможным обобщение окончательного ударения (*изоощрѣны* Пс. 87, *брѣтва изощрѣна* Пт. 22, *стрѣлы изощрѣны* Пт. 856, и др.). В аористной форме ожидалось бы ударение *побстри* или *поостри*.

Отворяти, **отворити**: *отворѣши*, как акцентовка исходной формы, в остальных случаях возникают известные сомнения, поскольку праславянская окситонеза в древнерусском рано дала подвижность (которая и обобщилась во всех восточнославянских языках). Для СОПИ принимаем подвижность, следовательно — акцентовку *отворѣнъ*, *отвори*, ср. *сотворѣнъ* Пт. 736, *затворѣнъ* Зап. 16, 196, Курб. 124, *двери отворѣнъ* Ав. 252, и др.

Отѣц и **бтѣвь**, как обычное в акцентованных памятниках ударение.

Паволоки Хр. 13726, Н. 40, 54, 60, Пр. 176, и др.

Павороз, а также искаженное при переписке *папорозъ*, с ударением на корне, ср. с *поворбозю* Н. 173, Нв. 4916.

Палати, в аористных формах *запалѣ*, *спалѣ* от подвижного глагола; в данном случае соглашаемся с чтением А. И. Соболевского (Соболевский, 212), согласно которому эти формы образованы от глагола *палати* 'пылать'; в традиционном чтении — ударение на корне (см. **Пасти**).
Паполома, ср. *простерше папѣлому* Св. 345.

Пардусъ М. 3086, *пардуса* Хр. 2806, дат. п. мн. ч. *пардусомъ* Д. 75, несмотря на исходное ударение в греч. *пάρδος*; следовательно, и притяжательное прилагательное с ударением *пардусѣ гнѣздѣ*.

Пасѣтъ Пв. 426, 110, ср. и сербск. *пасѣм*.

Пасти, **падати**, с акутовым корнем, поэтому во всех формах, представленных в СОПИ, ударение на корне, т. е. *пáдеса*, *пáдоша*, ср. сербск. *пáдесе*, *пáдоше*, также *пáде* Ч. 18^а, 20^а, *напáде на нь* Ч. 65^а, *пáде* Др. II 404, Сл. 343, Н. 264, *напáдоша на . . .* Ч. 71^а.

Пашуть Дс. 95, 956, Азб. 41, и др.

Первыи, в наречном употреблении *первѣ* Х. 4166, также в *первѣ* (*лѣто*) Зап. 109, 1526, 224. Наконечное ударение широко представлено всеми древнерусскими источниками, отражающими это слово, хотя славянская подвижность вторична (восходит к баритонезе). Учитывая древность окончательного ударения полных форм и широкое распространение такого ударения в современных говорах, для СОПИ можно восстанавливать акцентовки *пърѣю*, *пърѣйтъ*.

Перед, в сочетании *напередъ*, см. *впередъ* Пв. 157, *напередъ* Др. II 255, Курб. 153, Фл. 116, поэтому для производного от подвижного имени следовало бы ожидать окончательное ударение (*преднѣю*); последнее нигде не отмечено и вообще сомнительно при наличии мягкой основы, восстанавливаем поэтому ударение *пърѣню*.

Перети: *пѣдперъ*, *пѣдперся* как формы подвижного ударения.

Переяславъ Г. 2556, Никон. 396, в *Переяславѣ* Никон. 375, Сим. 1616, 3206, Лапт. 826; реконструируемое Ф. Е. Коршем ударение *Переяславю* (Корш, XIII) отмечено в Н. (*Переяславъ* 2666).

Перст, в форме вин. п. ед. ч. *пърсты*, как возможное ударение при исконном *пърсты* (Колесов, 117).

Печаль, как единственно возможное ударение (Колесов, 72).

Пир, в форме вин. п. ед. ч., см. *напиръ* Хр. 402, 4026, 5626, и т. д.; следовательно: *тѣ пиръ*.

Пирогобая, ср. в *Пирогобци* Г. 81, (для сравнения: на *Видогоци* Др. II 8316, о *Радогоце* Никон. 748).

Плавати, баритонированной парадигмы (ср. сербск. *плавати*, *плавѣм*), с последовательным ударением на корне.

Плакати, баритонированной парадигмы (сербск. *pljкати*, *pljчѣм*; также Станг, 138), чему соответствует акцентовка и в древнерусских источниках: *плѣчу* Гв. 32, *плѣчем* Пс. 202, *плѣчете* Хр. 30, *плѣчют* Лапт. 260, и др.

Пламень, в рукописях неполногласная форма последовательно отражается с накоренным ударением (*плѣмень*, *плѣмене* и т. д.), что отражает исконную принадлежность слова к баритонированной парадигме. Однако в украинских рукописях с XVI в. находим акцентовку *пламѣнь*, в русских говорах — *пблomia*, в рукописях — *цѣвтом пблomia* Л. 197, — все это в соединении с сербск. *на пламѣн* заставляет предполагать ранний переход в число подвижных, и, следовательно, возможна акцентовка *въ пламя-нѣ розѣ* в СОПИ; настаивать на этом варианте нельзя ввиду долготы корня, — такие слова подвергались аналогии со стороны подвижных позже всего, во всяком случае, после XII в.; таким образом, для СОПИ наиболее вероятно реконструкция *въ пламя-нѣ розѣ*.

Плескати, в форме *плѣщучи* (для окситонированного глагола).

Плѣснѣньск, если восходит к слову *плесна* (плосна), то ударение на корне (ср. *всю плеснѣ раздробиша* Пал. 1436, что указывает на окситонезу производящего имени).

Побѣда, с первоначальным наконечным ударением, ср. *побѣда* Ч. 115^а, Шум. 666, *побѣдѣ* Г. 1000, *побѣдбу* Др. II 327, Нв. 622, Г. 1019, *о побѣдѣ* Ч. 88^в, вин. п. мн. ч. *побѣды* Кул., а также и в форме, представленной СОПИ: *побѣдѣми* X. 7836; исконное ударение прилагательного, таким образом, *побѣднѣй*, глагола — *побѣждають*, они и представлены в акцентованных рукописях.

Повѣсть Пс. 543, Др. II, 15, 136, 467, Г. 4056, Курб. 6, 746, также *на повѣсть* в сборнике XVII в. (Васильев, 41), — распространённое, но не единственно возможное в русских акцентованных рукописях ударение, наряду с ним возможно и *повѣсть* (им. п. ед. ч.) Лапт. 128, *повѣсть* (вин. п. ед. ч.) Сб. IV 78; не исключено, что и в более ранних источниках могли быть акцентовки, связанные с положением в закрытом слоге; наоборот, в форме род. п. мн. ч. только *повѣстей* (Св. 247, 310б, и т. д.).

Поганѣй, с постоянным ударением на втором слоге во всех источниках заимствование из лат. *paganus*).

Пойти: *попойша*, ср. сербск. *попдише*.

Поль 'половина' (см. *оба*), *на полы* Хр. 8036, 13586, *обнѣ поль рѣкы Ижеры* Н. 1976.

Поле, имя, представленное в нескольких формах. Оно относилось к числу подвижных и в ряде форм переносило

акцент на предшествующее слово, ср. *дѣ поля* Пс. 609, *пѣ полю* Пс. 645, Хр. 5606, *на поль* Хр. 1217, но при «еровом» предлоге: *въ пблъ* Др. I 107, Дом. 101, *в пбли* Шум. 448, Сим. 568, Лапт. 221, и др. В форме вин. п. мн. ч. колебание: *пбля* X. 1219, *видѣша полны пбля* Шум. 8476, *наполни кровию пбля* Хр. 2716, также 335, но и *поля* Др. II 4746, Пв. 1356, Пал. 43, Фл. 150 (ср. сербск. *пбля*), ср. еще и в Пт.: им. п. *пбля* 1066, но вин. п. *поля* 636; при наличии проклитики следует восстанавливать акцентовку *черѣ поля*, *конѣць поля* и т. д.

Ползти: *ползбша*, ср. сербск. *плѣзати*, *плѣзаше*.

Полк, в этом древнем заимствовании из германского языка неясна ни исконная акцентовка, ни первоначальная грамматическая характеристика; многие ученые предполагали исконность накоренного ударения, но этому противоречат все славянские данные в своей совокупности (неясно, например, появление нисходящей интонации в сербск. *пѣк*, *пѣка*). В древнерусских акцентованных источниках возможна двоякая акцентовка почти любой формы, представленной в СОПИ. В род. п. ед. ч. *пблку* Сим. 12, *плѣка* Воскр. 1686, но *полкѣ* Др. II 956, Зап. 516, и мн. др.; в современных говорах не только *пблку*, но также и *ис полку* (Обнорский. Склонение, 1, 312), что указывает на возможность накоренного ударения. В местн. п. ед. ч. *в болшоѣ пблку* Шум. 524, 625, 6256, 6576, 659, *в сторожевоѣ плѣку* Воскр. 66, *в малѣ плѣцѣ утекуш* Сб. IV 378, и др., наряду с наконечным ударением (в Пч., Пв., Каз., Курб. — рукописях XVII в.). Примеров накоренного ударения в формах им. и вин. п. мн. ч. исключительно много (особенно в томах Лицевого свода XVI в., предпочтительно в традиционной военной терминологии), тогда как в форме твор. п. мн. ч., напротив, предпочитается наконечное ударение (но в Шум. также *с пблки* 195); такое расхождение между формами им., вин. п. (*пблци*, *пблкы*) и твор. п. мн. ч. (*полкѣи*) предполагал еще Ф. Е. Корш (см.: Архив АН СССР, Ленинград, ф. 134, оп. 3, № 723, л. 76); в род. п. мн. ч. отмечается только *полкѣѣ*. Приходится исходить из истории слова: как заимствованное из германского (в последнее время и это подвергается сомнению), оно должно было иметь исходное ударение на корне; в древнеславянском оно было дублетным по грамматическим характеристикам: входило и в *-ѡ-склонение, и в *-ѣ-склонение, что могло вызвать и расхождение в акцентуации (во второй тип склонения входили подвижные имена). В наших реконструкциях осторожнее всего было бы исходить из баритонезы имени, в некоторых случаях устанавливая наконечное ударение (прежде всего — в формах род. и твор. п. мн. ч.).

Полнити, в причастной форме *наполнився* ср. *исполнився* Др. II 5026, Г. 391, также сербск. *напунився*.

Половец (и производные от него), восходят к славянскому *полов(ый)* — слову окситонированной парадигмы, отсюда акцентовка *половѣцъ*, в косвенных формах — *полвца* и т. д. (из *половѣць*, *половѣца*). Только эти два варианта, обобщившие в пределах парадигмы тот или иной тип ударения, и отражаются в акцентованных рукописях, ср. *полвци* Н. 156, Пв. 465, 466б, 469, *полвѣцѣвъ* Нв. 466б, с *полвци* Нв. 474б — в северных рукописях; *половѣць избиша* Лапт. 852, к *половѣцѣвъ* Лапт. 277, и др. — в томах Лицевого свода, написанного в Москве. В СОПИ следует предполагать исконное ударение *полвци*, также *полвчине*. Ударение полного прилагательного, таким образом, определяется как *половѣцкый* (оно и отражается в большинстве исключников, ср. *половѣцкаго* Г. 22, и др.). В таком случае исключения (от *нахождения половческаго* Сб. VI 466) следует объяснить вторичным влиянием со стороны нового ударения *полвци*.

Полозие, по существующей реконструкции, собират. к *полозь*, которое относится к числу подвижных имен (ср. *полозу санному* Пал. 1926, сербск. *плѣз*, *плѣза* 'подошва плуга', белор. и укр. *пблос*, совпадение краткости в чешск. и словацк. *plaz*). В соответствии с общей закономерностью следует ожидать наконечное ударение *полозѣь*, *полозѣьд* (см. Веселье).

Полонити, в ряде причастных форм: *полонѣну* и *полонѣла*, см. *плѣнѣну душу* Пс. 598, *плѣнѣни* Пс. 604, Пал. 2176, *плѣнѣнь* Хр. 338, *полонѣни будемъ* Хр. 642б, *полѣнѣни* Др. II 765б, *плѣнѣна* Дом. 116, и др., *полонѣли* Шум. 900, *полонѣль* Лет. 12б, и др.

Полотѣск, производное от подвижного *полотѣ* следовательно исконным должно быть наконечное ударение, подтверждаемое, в частности, акцентуацией производного прилагательного. *полоцкѣаго ѡнѣ/я/зѣ* Др. II 203, Нв. 518, *полотскѣя земля* Лапт. 798б, отсюда же ударение *полотѣне*.

Полудние, *полночь*, с *полоудни* Г. 683, в *полунощи* Фл. 183б Др. I, 264б, с *полунощи* Г. 954б, так же и ударение производных, ср. *полудненное* Св. 192, Пр. 63, Фл. 184.

Помнити, *пбмняху* Пс. 347, так же и в других формах, например *пбмниша* Пс. 463, 497, *пбмняще* Х. 1191, *пбмнять* Пс. 456, *нѣ мно* Ч. 36^б, так же в сочетании с энклитикой: *пбмняшетъ бо* (см.: Дыбо. Акцентуация, 94).

Поморие, по *Поморью* Пс. 665 (для сравнения: на *Пѡзерге* Сим. 546б, *пѡморочное* Сим. 516б).

Помянути, в форме *помянуше*, ср. *вспомянувъ* Ч. 140^б.

Порох, *пѡрохи* Курб. 124, что и ожидается в слове подвижного парадигмы, ср.: *пѡрохъ* Ав. 199б, Лет. 62, *без пѡроха* Св. 109, *пороху мимолетнова* Л. 101б, *ни мала черна прахъ* Каз. 144б и др.

Пѡхотѣ Х. 1061, Шум. 211б, Фл. 48, и др., постоянно.

Пѡчнемъ Пв. 129, *пѡчнуть* Гз. 182, 186, Ас. 149, однако при долгом префиксе возможны варианты (*начнуть* — *начнѣть*, *начнѣть* — *начнѣмъ*); в контекстах, представленных в СОПИ, должно отражаться перемещение ударения, связанное с подвижностью глагольной основы.

Прѡвить Кч. 80, Пв. 48б, *испрѡвится* Кч. 144, и т. д.

Прадѣдѣн, восходит к сложению *прадѣдѣ*, часто представленному с новым ударением на префиксе (также сербск. *прадѣд*), исключения редки (*при прадѣдѣх* Н. 170б) и вряд ли исконны, поэтому для СОПИ предполагаем ударение на приставке.

Прыскати, глагол окситонированной парадигмы (на это указывают современные славянские языки), поэтому в аористной форме ударение на суффиксе (*прыснѣ*), а в презенсной — на корне (*прыщешѣ*).

Прѡчи, *прѡгати*, в СОПИ отмечается в приставочных вариантах: *напряженѣ*, *сѡпрѡже*. Поскольку данный глагол входил в число подвижных, следует предполагать акцентовку *напряженѣ* (ср. *сѡпрѡженѣ есть* Зап. 64 в форме женского рода) и *сѡпрѡже* (оттяжка на «ерый» префикс проблематична, но возможна; в таком случае *сѡпрѡже*).

Птѣца, в рукописях обычно ударение на суффиксе, подтверждаемое также сербск. *птица*, исконное ударение этого слова.

Пустити, *пушати*, в причастной форме *роспущенѣ* Сим. 328, также *пушѣнѣ быше* Ч. 67^б, 159^б и др., хотя с XVI в. появляется и новая акцентовка — *пушѣни*, в форме имперфекта сербск. *пуштѣше* демонстрирует вторичное выравнивание под презенс (ср. сербск. *опустѣше*); для подвижного глагола исконным является ударение *пушѣше*, *пушѣшѣтъ*, но в XII в. вероятнее всего уже произошло выравнивание акцента и возникла форма *пушѣше(тъ)*.

Пустыни, с указанным ударением во всех источниках.

Путивль, *до Путѣмля* Шум. 718, что и ожидается в производном от окситонированного слова.

Путины, *путати*, производные от *пѣто*, ср. сербск. *пѣто*, чешск. *roubo* (словацкое также с долгой) корневого слога, но вторичного происхождения), польск. *pėto* при литовск. *pántis* 'кандалы' указывают на акустическую баритонезу, которая подтверждается и акцентованными источниками, ср.: *поуты* Пс. 99б, твор. п. мн. ч. *поуты* Ч. 18^б, Кч.

359. Пс. 996, и др. Накоренное ударение претставлено и для глагольных форм, ср. сербск. *пўтити* 'работать небрежно', чешск. *rouatati*, польск. *petać*; следовательно, в СОПИ должно быть в *пўтити* *желвзны, опўтаевѣ, опўташа*.

Путь, окситонированной парадигмы (Колесов, 175), поэтому в СОПИ вин. п. ед. ч. *пўть* с новоаккутовой интонацией корня и вин. п. мн. ч. *пўтьи*.

Пѣти, *поють* Об. 736, Кч. 1336, *пѣше* Пр. 2386, также *поше*, ср. сербск. *пѣше*, что также вторично при исконном для подвижных ударении *поше*.

Пѣш, баритонированной основы (Колесов, 206). поэтому акцентовка *пѣш* как единственно возможная в СОПИ.

Пяток, производное от подвижного имени, поэтому ожидаемое ударение *пятькѣ* > *пѣтѣк*.

Разлучиста, ср. сербск. *разлўчиста*.

Ранити, как баритонированная парадигма дает *рѣнены* Пал. 207, *оурѣнени* Пс. 677, *рѣнени* Пс. 634, Шум. 472, также *рѣна, рѣны*.

Рѣно Лапт. 8196, Об. 178, Л. 656, поэтому также сь *зарѣния*; возможная подвижность слова в данном случае никак не отражается на ударении в тексте (ср. *пѣ рану [утром]* Св. 323, Пв. 159, Нв. 549 как отражение подвижности; подвижность, хотя и небесспорно, подтверждают и современные славянские языки, см.: Колесов, 214).

Ратаи, современные славянские языки дают различные акцентные рефлексы этого архаического слова (на корне или на окончании); на сравнении с литовским строится предположение об исходном ударении *ратѣи*; в древнерусских источниках колебание (но только в формах с новыми для данного типа склонения флексиями), причем даже в границах одной рукописи, ср. в Зап.: *рѣтаеве* 112 — *рѣтѣеве* 1116; характер корневого вокализма (*ра-*, а не *ро-*) во всех славянских языках указывает на исконное ударение *рѣтаи*.

Рать, подвижной или баритонированной парадигмы (Колесов, 71), в любом случае ударение должно быть *рѣти* не слышано.

Редѣдя, Н. 1106 (два раза), Никон. 111, *Редѣдо* Н. 111.

Речи, глагол подвижной парадигмы, поэтому в аористных формах ударение *рече* Пс. 320, Хр. 5546, Др. II 85, *нарѣкѣста* Др. II 3306, *рѣкѣша* Др. II 470, *рѣкѣста* Сим. 82, 242, и др., ср. сербск. *рече, рѣкѣста, рѣкѣсте, рѣкѣше*; в форме 3 л. ед. ч. предполагается оттяжка на проклитику (типа *ѣ рече*, ср.: *и под нимъ сѣ рече* Н. 64); в причастной форме *аркучи* Соф. 251, 2876, 2946. 3526, 353, Нв. 574, и др. (в самой старой акцентованной рукописи также: *рѣкѣше* Ч. 74^а).

Рискати: *рѣща, нарѣщуше* и др., в баритонированном корне, ср. *прирѣщуше* Ч. 21^а, Пр. 396, *рѣщуше* Др. II 151, и др.

Рог, сочетание *въ пламянѣхъ рѣзѣ* дает безударное слово, поскольку в данной форме подвижное имя имеет накоренной акцент (*въ рѣзѣ* Х. 4646) нисходящего типа. В древнерусском могло еще сохраняться исконное наконечное ударение данной формы: *рѣзѣ*.

Родити: *порожденѣ*, как образованное от подвижного имени, ср., однако, сербск. *порождено* и колебание в древнерусском: *порождѣнь* Хр. 4246, Пр. 233, и др., и обобщившееся ударение формы мужского рода типа *порождѣно* (часто в поздних акцентованных рукописях).

Розно: *разнѣ развели ихъ* Др. II 5946, *ѣхашася разнѣ* Др. II 6866, как раз в том значении, которое предполагается в СОПИ: *нѣ рознѣ ся имѣ*.

Рокотати: *рокоатѣху*, как в сербск. *рѣкѣтати, рѣкѣтѣху*.

Роман, при греч. *Ῥωμαῖος* в славянском ожидалось бы наконечное ударение или ударение на первом (долготном в греческом) слоге, ср. в НС: *Рѣманѣ* 76, *Рѣманѣ* 76.

Ронити: *срдни, ѣрони*, как в сербск. *срднѣ, ѣронѣи*.

Ростити, сербск. *рѣстѣше* и *нарѣстѣше* вторичны при исконной акцентовке для подвижного глагола *рѣстѣше*, но в XII в. может быть и *рѣстѣше*.

Рѣса, подвижной парадигмы, поэтому *рѣсу* Н. 616, Нв. 435, Сб. VI 170, Зап. 54, Ар. 86, *на рѣсу* Нв. 386, М. 261, Пч. 112.

Рѣстѣслав, по предположению Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII), с которым следует согласиться (ср. и другие образования с императивом: *Звенѣгородѣ* Др. II 3316, Г. 890, *к Звенѣгородѣ* Др. II 163); в производном закономерное *Рѣстѣславичѣ* Лапт. 122.

Рукѣвъ Др. II 708, П. 38, ср. сербск. *рѣкѣвѣ*.

Русѣици, акцентовка выводится из ударения производящего (*Русь* — окситонированной парадигмы), ср. в текстах *Русѣиновѣ* В. 309.

Ручѣи, с последовательной баритонировкой, ср. *рѣчей* Пт. 481, Нв. 4806, 6236, *рѣчѣя* Нв. 336, 526, *на рѣчей* Нв. 906, Зап. 2236, *надѣ рѣчѣемѣ* Др. II 2266, *на томѣ рѣчѣю* Кор. 88, и *рѣчѣи крови потекоша* Фл. 116.

Рѣкѣють Пч. 144, ср. в той же форме сербск. *рѣкѣјѣ*.

Рѣдко, от окситонированного имени ожидалось бы накоренное ударение, но современные славянские языки и некоторые рукописные источники отражают наконечное ударение (Дыбо. Фрагмент, 49, 56).

Рѣзати, в аористе *зарѣза*, сербск. *зѣрѣза* вторично. *По рѣзанѣ* — поскольку все производные от *рѣзѣ* дают накорен-

ное ударение, ср. *вземь рбзень мяса* Г. 571, *обрбзанье* Ч. 100^a, *урбзанье* Кч. 240б.

Рѣка, окситонированной парадигмы (Колесов, 27), поэтому во всех формах окончательное ударение, в том числе и в форме вин. п. мн. ч., ср. *рѣкы* Ч. 155^a, Др. II 79, Пс. 38, и др.

Рюрик, с колебанием ударения: *Рюрику* Лапт. 449, но *Рюрикъ* Лапт. 467, от *Рюрика* Г. 9676, 9616, *правнука Рюрикова* Г. 964, и др.

Рядити, праславянской является окситонеза (Колесов, 183), поэтому в причастной форме *рядя*; западнославянские языки подтверждают реконструкцию, тогда как южные (впоследствии и русский) дают подвижность вторичного типа.

Саблями Др. II 149, 150, Г. 625б, Нв. 555, 611б, Лапт. 303б.

Сам, сами, исконной подвижной парадигмы, поэтому в форме мужского рода *самъ* с возможной оттяжкой на проклитику (*а самъ*), во мн. ч. *сами вы* Ч. 42^a.

Сапог Пс. 28, 71, П. 154 (также *сапбгъ* Сл. 141б, Псл. 78), *сапога* Ч. 67^b, вин. п. *сапогъ* Ч. 62^b, мн. ч. *сапогъ* В. 183б, род. п. *сапогъ* X. 1024б, вин. п. *сапогъ* X. 444б, Зап. 101б, М. 220, в *сапогъхъ* Уст. 64, но местн. п. мн. ч. и в *сапогъхъ* М. 336б, Н. 68б. В образованном от окситонированного слове ударение съ *засапожники*.

Сваты, в форме вин. п. мн. ч. независимо от исходной акцентной парадигмы (баритонеза или подвижность) ударение на корне.

Свистѣти, аорист *свйсну*, как и сербск. *свйсну*.

Свои, притяжательное местоимение новой подвижной парадигмы (при кратком корне), которая довольно рано образовалась из окситонезы; поэтому в зависимости от сочетания возникает колебание ударения в пределах словоформы, ср. в качестве примеров: *своиъ* Об. 68б, П. 55, *своими* Сим. 114б, Об. 376б, *своегд* Др. II 19, и др., но в другом сочетании *своегд* Лапт. 851б, *своему* Шум. 202, Пв. 5б, *свою* Пр. 10б, *своею панью* Мудр. 24б, *отчиною своею* Шум. 212б, *рукою своею* Зап. 84, но *своею* Г. 544, Соф. 289б; также *по своихъ похотехъ* И. 85б, *б своихъ вещехъ* Хр. 1089, что редко и несомненно вторично.

Свѣт, подвижной парадигмы, ср. *на свѣтъ* X. 714, 721, *во свѣтъ* Сб. VI 72б, следовательно: *тма свѣтъ* *покрыла*. Краткое прилагательное в памятниках последовательно передается с накоренным ударением, которое вторично на долгом слоге (исконно: *свѣтло*, *свѣтлы* и т. д.). *Свѣтитъ* Пр. 94б, *просвѣтитъ* Пс. 97, *освѣтитъ* Пс. 485, ср. *свѣтитѣся* Ч. 128^a, как исконное ударение

формы, хотя довольно рано (с XVI в.) регистрируется и свойственное современному русскому языку ударение на корне (ср. *свѣтится* Зап. 151б и сербск. *свѣти*); также *посвѣчивая*, *свѣтлыи*, *свѣтле* и др., ср. в наиболее раннем источнике *одежею свѣтлою* Ч. 40^a, а также современные севернорусские говоры, в которых только *свѣтлыи*.

Свят, в полном прилагательном закономерное окончательное ударение, которое последовательно отражено в рукописях, ср. в Кар. 2: *святый* 68, 183, *святому* 185б, *на свѣтле* 189, *святыхъ* 164 и др.

Святослав, реконструкция Ф. Е. Корша акцентовки *Святославъ*, *Свѣтослава* (Корш, XXIII), по-видимому, неверна, поскольку в сложении выступают подвижный и акутовый корни, а это должно привести к обобщению ударения на акутовом (что в действительности и отражено в рукописях: *Святославичъ* Н. 252, *Святославича* Лапт. 171б).

Седьмой, полная форма окситонированного имени должна дать накоренное ударение, которое изредка встречается и в акцентованных источниках (*седьмыи сынъ* Др. I 343б), хотя в русском довольно рано возникает и выравнивание по подвижному типу (*седьмой*); в древнерусском могло быть только на *седьмомъ вѣщѣ*.

Себя, окситонированной парадигмы, ср. ударение некоторых форм: *собюю* Др. II 44б, Шум. 10б, *собюю* Пр. 54б, *собѣ* Ч. 64^r, Г. 337б, *от себѣ* Сг. 28, *за себѣ* Др. II 26б, Шум. 711, *про себѣ* Др. II 137б, и др., хотя довольно рано при кратком корне возможны стали оттяжки на корень и на предлог, ср. *предать себѣ* П. 285б, *оу себѣ* Хр. 1244б, *бѣ себѣ* Г. 450.

Сеи, *сегд* Др. II 18, Г. 608, Хр. 540б, и др., *сидъ жизнь* Пв. 114, и др., в самом раннем источнике широко представлены акценты типа *но се*, *се ли*, *се бо* (Дыбо. О фразовых, 79), но для первичных можно предполагать также *но сѣ*, *сѣ ли*, *сѣ бо*, поскольку исконно съ входило в окситонированный тип.

Сердце, исконное ударение этого производного от подвижного слова накоренное, оно и сохраняется еще в рукописях XVI в., например в Псл.: *сердцъ моего* 38б, 50, 97, 98б, 105б, 110, 138, *от сердцъ* 37, *сердцемъ* 8б, *в сердцѣ своемъ* 13, 15, 15б, им. п. мн. ч. *сердцъ* 117, *сердечъ* 113, *в сердцѣхъ* 99б, 106б (исключения: *сердце* 38, 97б, 115). Столь же ранним является и новое ударение на корне, которое могло отразиться и в оттяжке на предлог: *ѹ сердца* П. 50б, *но сердцу* Об. 297, Пч. 103, *на сердце* Пс. 229, Зап. 37, *на сердцѣ* Сб. VI 414б, вин. п. мн. ч. *но сердцѣ* Сб. IV 126б. Во всех формах, представленных в СОПИ, следует ожидать окончательное ударение, потому что именно

в них окситонеза сохранялась особенно долго и устойчиво.

Серебрѣнъ, в рукописях представлено с новоокутовой интонацией корневого слога, ср. *серебрѣнь* Хр. 2686, *сребрѣны* Сим. 3846, Зап. 139, *серебрѣные* Сим. 567 и др. также *серебрѣнѣхъ* Сим. 5636, В. 526, Дс. 60. Такое ударение и следует предполагать в СОПИ, поскольку само написание указывает на характер образования: прилагательное *серебрѣный* (в более поздних источниках появляется новое ударение *сребрѣный* по аналогии с верным *серебрѣный*).

Сизъ, ударение на корне у баритонированного слова.

Сила: *силу*, в *силахъ*, с устойчивой баритонезой по всем источникам (Колесов 8 9, 18).

Синѣ, в сочетании на *синѣ морѣ* можно предполагать перенесение ударения с существительного на окситонированное прилагательное, т. е. на *сини мори*, такое ударение сохранилось в фольклорных текстах, в полной форме ударение на корне: *синий* и др.

Сичевыи, очень сложный случай ввиду архаичности формы. Для *сиче* лавянские языки указывают скорее окситонезу (ср. словенск. *síde*, словацк. *síce* но чешск. *síce*, что может быть и указанием на подвижность, и результатом позднего выравнивания корневого количества), но наличие форм *сиче/сичѣ* (уже в старославянских текстах) может указывать на ударение *сиче*; на то же указывает само образование — *сиче* от окситонированного *съ* (см. Сеи). Тем не менее все среднерусские источники единогласно дают окончательное ударение прилагательного что может указывать на образование от подвижного корня, ср. *правѣ сичѣвъ* Сб. VI 1706, *сичевый* Гз 566, *сичевѣго* Воскр. 846 (с) *сичевымъ* Курб. 196, *сичевѣе* Га. 386, 122, *сичевыми* Пр. 2846, в *сичевѣхъ* Курб. 1076. Такое выравнивание ударения в образованиях на *-ов-* вообще характерно для древнерусского, поэтому следует довериться славянским данным и реконструировать окситонезу корня. В таком случае в СОПИ: а *сичеи рѣти*.

Скочити, *скѣчьтѣ* Ав. 236 при сербск. *скѣчѣ*, *скѣчѣ*, как исконное ударение для глаголов окситонированной парадигмы, также в причастной форме *скѣчѣ* Зап. 113, *прискочѣ* Ав. 2296, *вскочѣ* Ав. 2306, в формах аориста ожидается акцентовка *поскочи*, также *выскочиште* (но префикс *вы-* обычно перетягивал на себя ударение); ср. еще *поскочаше* со вторичным же сербск. *пѣскочаше* (исконное ударение имперфектной формы *поскочѣше*), также *скѣчють*.

Сквозѣ Ч. 11^а, 29^а, 73^а и др., Соф. 296, Зап. 145, Пч. 57, современное ударение отражается только с XVII в.

Скепати, ср со словенск. *sképati*, *sképat* др.-рус. *скѣпѣние щитовъ* Г. 3646, что указывает не на баритонированный класс, слово определенно входило в окситонированную парадигму, а это заставляет предполагать акцентовку *поскѣпаны* для долготного корня.

Слава, баритонированной парадигмы, с постоянным ударением на корне для всех источников и для всех производных.

Слати, при окситонезе ожидалось бы ударение, отмеченное в Ч. (*послѣ* 16^б), однако все древнерусские источники для всех форм дают оттяжку (*пѣшьлешъ* Пс. 405, *пѣшьлю* Пс. 641, *пѣшьлемъ*, *прѣшьлют* Фл. 57, и мн. др.). Характер корня заставляет реконструировать именно такое ударение (*нѣ сошлю*), хотя возможен и исконный вариант *не сошлю*. А *быхъ не слѣла* — обычное для окситонированных ударение.

Слово, в форме твор. п. мн. ч. *словесы* Ч. 69^б, 124^г, 133^г.

Слышати, *слушати*, ср. *слѣшишь* Х. 405, *услѣшишь* Дом. 26, *слѣшана* Др. II 67, 137, Пр. 231, *слѣшана быша* Пр. 109, и др., *яко слѣша* Сл. 4706, при сербск. *слѣша* (также сербск. *пѣслушати* при *пѣслушати* в СОПИ).

Слѣдъ, подвижной парадигмы в праславянском, хотя в древнерусском рано обобщилось накоренное ударение в формах ед. ч. (в говорах и в украинском подвижность сохраняется, поэтому баритонезу можно связывать с влиянием книжного языка). Поэтому в СОПИ скорее всего на *слѣдѣ*, что согласуется и с новой флексией.

Смага В. 3226, как ударение баритонированного имени.

Смѣрци 'смерчи', в рукописях находим производное *о смѣрчкахъ* Леч. 856 что отражает исходное ударение этого производного от окситонированного имени (Фасмер, III, 686, 691, 692).

Снопѣ (вин. п. мн. ч.) Пв. 22, Фл. 1026, Кр. 2206, и др.

Соколъ Шум. 144, Лет. 16, *соколыд* Ав. 2116, *соколы* Ун. 1736, 1786, *два соколы* Пв. 137, *соколыжѣ* Нв. 595, и др. (Колесов, 168); окситонеза имени приводит к точной реконструкции производных: *соколыца*, *соколыча*.

Солнце, судя по ударению производных и русских наречий типа *ѣсолонь*, *пѣсолонь*, производящая основа входила в подвижную парадигму; следовательно, следует ожидать окончательного ударения слова *солнцѣ*. Источники, однако, указывают новую подвижность, возникшую в слове, которое утратило словообразовательные связи, ср. в сербск. *сѣнце*, на *сѣнце*, русские рукописи с XVI в. *поставъ на с(о)лнце* Леч. 146, *солнце* Ст. 266 Псл. 100, Леч. 139, окончательное ударение сохраняется только в ряде форм — в тех, которые имели окончательное ударение и в подвижном типе

(под с[о]мнѣмъ Сб. VI 1656). В формах им.-вин. п. двойств. и мн. ч., представленных в СОПИ, также следует восстанавливать наконечное ударение как исконное и сохранявшееся после XII в.

Соловей, в рукописях не отражено ударение этого слова, но реконструировать его довольно просто. Производящая основа относится к подвижным (ср.: *конь соловъ* В. 345б, 374, *Володя Соловѣй* В. 287, *человек Соловцова даль* В. 216), поэтому ожидается ударение на окончании, ср. рус. *соловѣй*, сербск. *славѣу*, *славѣја*). (в собирательном с изменением ударения и интонации: *славѣе*, *славѣја*). Ударение аналогичного по образованию слова отражено в акцентуанных рукописях с наконечным ударением (*воробѣя* Леч. 95, *о воробѣѣ* Леч. 13). Таким образом, во всех формах, представленных в СОПИ, должно быть наконечное ударение (кроме звательной формы: *соловию славию*, ср. сохранение такого ударения в укр. *солов'ю*). Особых замечаний требует сочетание *щекотъ славию успе*, интересующее нас слово представлено здесь не в форме приглагольного прилагательного, как обычно полагают, а в форме род. п. мн. ч. которая также должна быть представлена с наконечным ударением (*славию*).

Сорбки (им. п. мн. ч.) Др. II 321 и последовательно во всех формах с рефлексом акутовой интонации корня.

София, в сочетании *у святые Софѣи*. наличие *e* на месте слабого напряженного *ъ* является собственно русской фонетической чертой (иногда указывают диалектный характер такого написания: А. А. Шахматов, Л. А. Творогов) и доказывает подударность этого гласного, следовательно, в данном случае имеем точное фонетическое и акцентное соответствие греческому *Σοφία*, ср. *именова великую Софѣю* Хр. 244.

СПѢТИ: *доспѣли*, ср. *поспѣли* Шум. 608б, *приспѣло* Лапг. 830б, и др.

Сребро, исконное наконечное ударение слова указывается всеми источниками, ср. *сребръ* Пр. 6б, *Пел.* 187, *серебрѣ* Леч. 165б и др., во всех формах, ударение на корне огражено редко (*срѣбро* Лапг. 533б, 582б, *срѣбромъ* Шум. 795, Хр. 262), но оно предполагается и поздними оттяжками типа *брѣти тѣ сребро* Н. 297б, *Дмитрку то сребро* Н. 330. Такое ударение возникает по аналогии с ударением слова *злато* и в сочетании с последним должно иметь накоренное ударение также слово *сребро*.

Срѣдъ, в сочетании *тече срѣдъ земли* можно предполагать и характерную для русских говоров полногласную форму (*срѣдъ земли*, ср. *срѣдъ моря*: Колесов. Интонация и ударение, 117) с новоаку-

товой интонацией в этом производном от подвижного имени (Колесов, 65).

Стадо, в древнерусском обобщенное ударение на корне, хотя во мн. ч. возможна и наконечная акцентовка (Колесов, 194).

Стати, **стояти**, баритонированного и подвижного типа, поэтому в первом случае постоянное ударение на корне (не *стѣло* Пв. 165, *доставляя* Ав. 224, *стѣла* Л. 206б, *преста* Об. 178), во втором — на окончании (*стойши* Гз. 4, также *стойтѣ* Ч. 22^б, 86^а, *стойтъ* Пс. 557, и т. д.).

Стѣлютъ Дс1. 190б, также *постлѣ*, как производное от окситона.

Стерти, в сочетаниях *прострѣша*, *простре*, *рострѣна* у глагола подвижной парадигмы (Дыбо. Акцентуация, 102 и сл.), что подтверждает произведенную реконструкцию ударения в этих архаических формах (распространение отяжки на формы презенса вторично, ср.: *простреши словеса* М. 198, сербск. *простреѣм*, не *прострутъ* Пс. 89).

Стол, слово окситонированной парадигмы с послетовальным ударением на окончании (Колесов, 112 и сл.).

Столп: *два столпѣ* Шум. 108б, Сб. III 42.

Стонати, окситонированного типа, поэтому акцентовка представленных в СОПИ форм должна быть следующей: *стонуци* (ср. сербск. *стенјати*, также *стенуѣе* Пв. 197б) или *стѣнуци* (при кратком корне вторично, см.: Станг, 135), также *въстѣна* (Станг, 131), ср. сербск. *уздѣтъ*.

Страдѣше, как исконное ударение формы ср. *пострадаша* Лапг. 68, *страдаху* Гз. 12б; сербск. *страдѣше* возникло под влиянием презенсной основы и не может приниматься во внимание.

Странѣ слыша Др. II 327, но *вся страны трепетаху* Г. 366, так же Лапг. 186; наконечное ударение еще в текстах XVIII—XIX вв. (Обнорский. Склонение, 2, 383), вин. п. мн. ч. только *странѣ* (ср. Др. II 236 341б, 488 и др.) при отсутствии отяжек на предлог, что доказывает древность наконечного ударения формы. Акцентовка *странѣ*, *сторонѣ* обычна в сочетании с *двѣ*, *обѣ*, из форм двойств. ч. она распространилась и на формы мн. ч.

Стремень: *въ златъ стремень*, оба слова подвижной парадигмы, поэтому закономерно совмещение их акцентов в одном общем, *въ золотъ стремень* или *въ златъ стремень*. Написание *въ златѣ*, *стремень* косвенно указывает на безударность существительного в данном сочетании.

Стругы (вин. п. мн. ч.) Др. I 569, Лет. 86б, 87, Нв. 623; *стружиѣ*, как производное от подвижного имени, должно иметь наконечное ударение, но в памятниках это слово не отмечено.

Струна, с постоянным ударением на корне (Колесов, 12).

Струя, ср. *струями* Хр. 352б, Фл. 265б, 266, Ас. 40, и др., так же во всех прочих надежных формах, — с ударением на окончании.

Стрѣла, подвижной парадигмы (Колесов, 40), с накоренным ударением в форме вин. п. мн. ч., но с ранними колебаниями в форме им. п. мн. ч. (*стрѣлы* Сб. 0, 142б, Пч. 100б — *стрѣлы* Пс. 16, Шум. 339б, Нв. 550), в производных ожидается ударение *стрѣлки* (ср. современный рус. *стрелки*, *стрѣлки*), также *стрѣлѣти* Др. I 663 и др., *стрѣлѣши*, *рострѣлѣвъ* (ср. *сострѣлѣють* Пт. 30, *стрѣляетъ* Сб. VI 448, и др.).

Стрѣчи, в форме имперфекта *стрѣжаху* Г. 98б, но это ударение может быть вторичным, поскольку имперфект подвижного глагола исконно имел акцентровку *стрѣжаху*, *стрѣжаши*; вопрос заключается в том, насколько продуктивны имперфектные образования в XII в., акцентологически оба варианта равновероятны.

Стукнути, в форме аориста *стукну*, ср. сербск. *стукну*.

Ступити, в различных формах: *ступнѣть* при *преступнѣть* П. 121б, *въступнѣть* при *приступнѣла* Шум. 585, *отступнѣся* Шум. 425, сербск. *уступно*; *заступнѣвъ* при сербск. *заступнѣвъ*, *уступнѣвъ* Г. 591, *отступнѣвъ* Об. 41б. Если согласиться с В. А. Дыбо (Дыбо Фрагмент, II, 69), что это глагол окситонированного типа, ударение аористных форм должно быть *заступнѣ*, *наступнѣ*, *въступнѣ*, *вступнѣта*, *отступнѣша*, в имперфекте — *заступнѣше*. В последнем случае возможны известные сомнения: влияние презвснских основ могло привести к выравниванию ударения, подобно тому как это произошло в сербск. *зѣстунѣше* (из *застунѣше*).

Стяг, в ударении им. и вин. п. мн. ч. в памятниках представлено колебание: *стяги* Сим. 15б, Лапт. 326б, 472, 878б, Др. II 231, Др. I 227, но *стягъ* Ун. 188, Кул. 20; наконецное ударение также в других формах, ср. *другаго стягъ* Нв. 491б, (с) *стягомъ* Нв. 492, *стяговъ* Пт. 307, *стягами* Нв. 607б. Возможно, что столкновение исконного славянского *stĕg* и заимствованного из скандинавск. *stĕg*, имевших близкое значение, обусловило подобное колебание ударения. Подвижность этого имени предполагает акцентровку *ѣстягу*, в существительном может быть *стягы*.

Суд, в форме вин. п. мн. ч. *суды* Ч. 110^б, Сб. 0 126б, Сг. 148, и др., в форме род. н. ед. ч. *суда*, также как единственно возможное в рукописях ударение (ср. из числа древнейших источников Ч. 92^в, 142^в, 142^г, 146^г и мн. др.).

Сула, по *Сулѣ* Н. 83б, на *Сулѣ* Н. 144б указывают, видимо, на подвиж-

ность имени; следовательно, в СОПИ за *Сулбо*, но *Посулбо*.

Сулицы Фл. 163б, вин. п. также *сѣлицы* Пс. 211, 345, 411, X. 545, Фл. 99, но рано возникает вариантность в ударении этого слова (даже в пределах одного памятника: *сулицы* Фл. 102б, X. 1122). Колебание отражено и в других формах слова, а также в производных (*сѣличники* Фл. 157б, 180б — *суличники* X. 1125б, 1242б; *сѣличного* Фл. 120б — *суличныхъ* X. 1301, т. е. в разных памятниках). Древность накоренного ударения подтверждается совпадением сербск. *сѣлица*, болг. *сѣлица*, словенск. *sŭlica*, чешск. *sudlice* 'рогатина'.

Сурож, *минузомъ лимѣнь* и *Сурож* Др. II 267; современное ударение *Сурож* не соответствует исконному, как на это указывает и акцентовка производных, ср. *суровской* товар 'изделие из шелка' из *сурожский* (Фасмер, III, 807), *боляре сурожане* Др. II 145, *сурожанъ* Др. II 60б, *сурожанинъ* Др. II 667.

Сути: *рассушась* (*стрѣлами*), так как в данном случае имеем тематический глагол без йотации, скорее всего, он входил в подвижную парадигму, в таком случае — *рдсушась*. Полной уверенности в такой реконструкции нет, возможна и акцентовка *россушась*.

Сушити, подвижной парадигмы, поэтому ударение *сѣши*, *ѣссуши*, *ѣссуша*, как в сербск. *зѣсѣш*.

Сын, в форме твор. п. мн. ч. с новой для данного имени флексией: *удальными сыны*. Исконное окончание в рукописях сохраняет старое ударение (*сынми* Зап. 177б, Сб. V 520), новая может соизводиться оттяжкой на корень (*сынны члѣцкыми* Сб. VI 90); по-видимому, для XII в. следует реконструировать ударение *сыннѣ*.

Сыпати, баритонированной парадигмы, поэтому постоянное ударение на корне: *насыпаша*, *сыпазуть*, ср. сербск. *сѣпаше*, *насыпаше*, *сѣпѣзу*.

Сѣднѣ, с последовательным ударением на суффиксе, что соответствует исконной акцентовке этого производного от окситонированного имени (Колесов, 209).

Сѣдло, до *сѣдлѣ* Пв. 196б, *осѣдланъ* Лапт. 987, ср. еще *сѣдлѣй* при сербск. *сѣдлѣй*.

Сѣдѣти, *сѣсти*, с разной акцентной характеристикой, поэтому в первом случае *сѣдѣши* Ч. 75^в, Д. 50, Нв. 46б, Сб. VI 62, и др., *сѣде* Др. II 485б (*сѣде* в Г. 889 вторично, см.: Дыбо. Акцентуация, 101), следовательно, также и *высѣдѣ* (если не было воздействия со стороны приставочного *вы-*, в противном случае — *высѣде*); *сѣдѣмъ* Др. I 29, *сѣдете* Ч. 41^б, *сѣдетъ* Пс. 203, и др.

Сѣнь, подъ *сѣнию* Гз. 178.

Сѣр, независимо от исконной парадигмы (Колесов, 209) ударение полного

прилагательного на корне (отражается источниками).

Свѣти, ненасѣянное Пр. 349б, *рожь сѣяна* В. 80, и др., накоренное ударение и во всех прочих формах этого баритонированного глагола, в том числе и *свѣшеться* (ср. сербск. *сѣјаше*).

Тѣмо Др. II 282, 497б, Г. 119б, 661б, и др., постоянно

Твои, твою Сг. 69, но *на твою* Пс 592 (см. *Свои*, с которым данное слово разделяет все особенности ударения).

Творити, с различными приставками, глагольная основа относилась к различным акцентным типам: в древнерусском — к подвижному в южнославянских — к окситонированному, это приводило к смещению акцента в некоторых типах литературного языка, для древнерусского с большой долей вероятности восстанавливаем подвижный тип, следовательно, акцентовку *зтворивъ, отвори, затвори, сотвориште, отворенъ*, ср. *сотворивъ* Шум. 650б, Сл. 74 (*створивъ* Ч. 79^б, но сербск. *зтворивъ*), тогда как *сотвори* Пв. 14б — позднее выравнивание, ср. сербск. *зтвори, отвори, створиште, отворени*.

Тебѣ, тебѣ Ч. 63^р, Липт. 538, *тебѣ* Др. II 315б, и др., но также *к тебѣ* Ас. 231б, *далъ тебѣ* Липт. 454, расхождения в зависимости от значения формы также в род. п.: *бу себе* Хр. 1244б, *бу себя* I. 450 — *от тебѣ* Ч. 65^б, Хр. 863, *у тебе* Ч. 80^а — без отягек на предлог в последних формах, в дат. п. ед. ч. возможна безударность.

Текот, как и все имена с редуцированными в корне, относилось к окситонированным следовательно, в форме твор. п. ед. ч. следует ожидать ударение *тектошь*.

Темен, производное от окситонированного имени (*тъмь, тъма*) во всех рукописях, отражающих это слово, передается с закономерным ударением на корне, в том числе и в форме местн. п. ед. ч.: *тъмнѣ нѣщи* Сб. III 60, так же и в современных говорах. Поскольку в этом образовании по правилу следует предполагать новоаккутовую интонацию корневого слога (*тъмне > тѣмнѣ*), то перемещение ударения в пределах сочетания вообще сомнительно, хотя подобный запрет, может быть, и не распространялся на «еровый» корень; в таком случае следует предполагать отяжку *темнѣ березѣ* (подобная акцентовка сочетания сохранилась в произведениях русского фольклора). Аналогичное положение во втором сочетании с данным прилагательным: *темно бо* или *темнѣ бо*.

Теплѣ (Колесов, 209, 210), также *теплыми* Хр. 130, Пч. 110, Уст. 57б, Д. 33б, и др., как закономерное ударение окситонированного имени.

Терем, в памятниках зарегистрировано только *гдѣ теремъ стоялъ* Шум. 408, но укр. *терѣм* рус. диал. *терѣм, терем, сербск. трѣјем, тријѣма* также ударение производных (*теремный* Н. 50) подтверждают исконную окситонезу этого имени, что заставляет предполагать акцентовку местн. п. ед. ч. *теремѣ*.

Терпѣти: утрѣнѣ с ударением на суффиксе (Станг, 130), ср. сербск. *отрпе*.

Терти, трѣти, в сочетании *ѹтру князю кровавые его раны*, — ожидаемое у подвижного глагола ударение специально в данной форме; подобные акцентовки у «еровых» корней сохранились в русском языке до XVIII в.

Течи, течеть Хр. 726б, Др. I 31б, Сб. V 47, *текутъ* и др., ср. сербск. *тећи, течѣ, текѣ*. В аористных формах 2 и 3 л. ед. ч. подвижный глагол должен давать акцентовку *тече, пѣтече* (ср. сербск. *тече, пѣтече*), однако в рукописных источниках отражается очень ранняя утрата подвижности (то же и в среднеболгарских рукописях, ср. Дыбо. Акцентуация 101), т. е. *потечѣ* Др. II 315б, *утечѣ* Шум. 392б. Сербск. *дотѣцишаше* не отражает исконного ударения в имперфектной форме, которая для подвижных глаголов должна быть *ростекашеться, дотечашѣ* и т. д.

Тисов: на кровати тисовѣ, поскольку это — производное от баритонированного имени (сербск. *тис, тйса*, словенск. *tis*, и др.).

Тмуторокань, производное от тюркск. *tamantarkan* через среднегреч. *Ταμάταρχα*; Ф. Е. Корш восстанавливал ударение *Тьмуторокань* с оттяжкой в русском произношении *Тьмуторокань* (Корш, XXVII) — это последнее ударение и отражается в акцентованных источниках, ср. в ВП: *из Тороканы* 319, *въ Торокань* 321б.

Ток: на тоуѣ, это слово в самостоятельном употреблении не зарегистрировано, об его исходной акцентовке делаем заключение на основании косвенных данных. Чакавск. *rotok, rotoka*, болг. *поток* и *потѣк*, в сопоставлении с некоторыми древнерусскими фактами (*на потоуѣ* Д. 53, *бтоку* Леч. 67б, *на отокъ* Х. 1003 также *точѣшь, точатъ*) при обычном ударении *потѣкъ, потѣка* (вторичного образования) указывают на праславянскую подвижность корня. В таком случае наше сочетание следует представить следующим образом. *на тоуѣ* (или *на тоуѣ*, что соответствовало бы и ударению окситонированного имени, но что менее вероятно для древнерусского).

Топтати, в формах аориста *потопташа, притопта* (что естественно для глагола окситонированного типа), сербск. *притопта* вторично (ср.: Станг, 131), но *потопташе* соответствует ожидаемому ударению.

Торгати, глагол баритонированного типа (ср. сербск. *tǔgati*, *tǔgām* с сохранением этого ударения во всех формах, в древнерус. *прѣтѣрже кожу руками* Н. 95, *растѣрже* Пт. 38, и др.); следовательно, формы аориста, представленные в СОПИ, должны быть показаны как *вытѣрже*, *прѣтѣржоста*.

Тоска, *тоскѹ* Леч. 396, окончное ударение и во всех остальных падежных формах, ср. *тоскѣ* Леч. 150, *тоскѹю* Курб. 130.

Тот, *тѣ*, местоимение в различных формах; относилось к числу подвижных, поэтому акцентовка косвенных форм довольно рано подверглась выравниванию (по окситонированному типу), ср. в рукописных источниках исконное ударение *тогѣ*, *тѣму* (Ч. 95^a и др.), но вместе с тем и колебания, вызвавшие появление новых акцентов — *тѣго* или, наоборот, *тѣмѹ*. Подвижность местоимения приводила к перенесению иктуса в границах сочетания, ср. *ти бѣ*, *то жѣ*, *ѣ то* и т. д. в древнейшем источнике по русской акцентуации (Ч.); из примеров, указывающих акцентовку форм, представленных в СОПИ, приведем следующие аналогии: *хощу тѣму пребывати* Евг. 37, *ч(е)ловѣку тѣму* Евг. 686, *среди тѣбѣ ч(е)ркви* Др. II 3126, *от тѣя боляши* Шум. 428.

Тош, результаты внешнего сравнения указывают на окситонезу имени, а это значит, что древнее ударение полного прилагательного *тошцими*.

Травѹ Пт. 98, Сб. VI 8, Леч. 67, Нв. 5046, и др., как обычное ударение, по возможна и акцентовка *травѹ* Г. 3386, Зап. 18, Св. 128, что издавна могло быть диалектным ударением и что не следует устранять из реконструкции; следовательно, при вполне вероятном *зеленѹ травѹ* в качестве варианта можно предполагать и *зеленѹ травѹ* (т. е. безударность имени существительного).

Трепати, глагол представлен в СОПИ формами *притрепѣ*, *притрепѣнѣ*; таково ударение этих форм в случае, если глагол окситонированной парадигмы (на это указывает ударение рус. *треплѹю* — *треплѣшь*); сербская подвижность вторична.

Трепѣтати, окситонированной парадигмы, отсюда закономерное ударение *трепѣщутѣ* Пт. 1116, Пв. 18, Сб. VI 646, Га. 26, *трепѣцатѣ* И. 916, ударение причастия в составе перфекта *притрепѣтѣлѣ*.

Треснути: *трѣсну земля*, ср. сербск. *трѣснѹ* при общей баритонезе глагола (*трѣснути*, *трѣснѣм*).

Третии: *на третѣй день* Др. II 5946, 612, 2316, 6506, Г. 10086, Ав. 262, Ар. 996, 1186, и др., *от третѣяго часа* М. 68, Хр. 676.

Трѣцати, подвижной парадигмы (ср. *трѣщѹ* — *трѣщѹтѣ*); следовательно, *трѣцѣтѣ*.

Три, подвижной парадигмы, ср. *пѣ три дни* Пс. 555, 593, так же и в других формах; следовательно, в СОПИ ожидается безударным в сочетании и *всѣ три Мстиславичи*.

Тропа, подвижной парадигмы вплоть до XVIII в. (Обнорский. Склонение, 1, 274), поэтому в СОПИ *рѣца в трѣпнѹ Тропнѹ*.

Троскотати, подвижной парадигмы (ср. отяжку при имени — *нѣ троскотѣ* Пт. 102), следовательно, в СОПИ [ѣ]троскотѣша.

Трѣстие Хр. 2706, Сб. IV 52, *трѣстиемѣ* Хр. 2116, хотя исконно в данном случае окончное ударение *трѣстѣ* (Дыбо. Акцентология, 186), ср. словенск. *trstjè*.

Труба, в им. п. мн. ч. *трубѣ* Др. II 776, Нв. 426, Пс. 596, 143, Фл. 946, 1206 (также все известные нам случаи в форме вин. п. мн. ч.), что соответствует исконному ударению в этом окситонированном слове. Закономерным ударением в глагольной форме должно быть *трубитѣ* П. 42, И. 986, Сб. VI 64, *въстрѣбѣтѣ* Сб. IV 384, хотя в сербск. *трубе* находим совпадение с современным русским *трубѣт*. Вопрос заключается в том, насколько древне такое ударение (могло возникнуть и в праславянском).

Труд, в форме твор. п. ед. ч. *съ трудѣмѣ*, как это и характерно для окситонированного имени (Колесов, 112 и сл.).

Трупѣ, ср. *трупѣ* Г. 3416, 840, Пт. 44, 4356.

Трусити, окситонированного типа, поэтому *трусѣ*.

Тручати, при сербск. *пѣтручати* 'бросать', 'кидать'.

Тугѣ Ч. 99^a, 103^a, Нв. 4686, *от тугѣ* М. 2936, Пр. 77, *тугѣ* Нв. 578, *в тугѣ* М. 45 и также представленная в СОПИ форма *тугѣю* Нв. 6036 (последовательная окситонеза в древнерусском).

Тул, окситонированной парадигмы (по единоголосному свидетельству сербского, чешского, словацкого языков); если принять во внимание характерную для древнерусского языка отяжку на предударный долгий слог двусложного слова, то можно допустить двойное ударение в сочетании *тошцими тулѣ* (*тулѣ* и *тулѣ*, второе вероятнее).

Тур, все славянские языки, сохранившие это слово, показывают подвижность, следовательно, для СОПИ следует предполагать сочетание *бѹи турѣ*. Такая реконструкция подкрепляется сопоставлением с литовскими данными, а также общими соображениями: *тура* (женского рода) относилось к окситонированным (ср. *рѣкѹ Турѹ* Леч. 646, 65, *Кирилл Турѣвскаго* Об. 57, *турѣца* и др.), но в XII в. трудно ожидать совмещения этих слов (и слова со значением 'фашина').

Тутнути: *земля тутнётъ*, поскольку глагол относился к числу подвижных, ср. сербск. *tútiniti*, *tútنيm* 'греметь', 'дребезжать' (В. А. Дыбо склоняется к реконструкции баритонезы — *tútнеть*).

Туча, в праславянском баритонеза или подвижность, но для формы им. п. мн. ч. *тучь* в обоих случаях следует предполагать только ударение на корне (Колесов, 15).

Тыкати, ср. *затчѣ*, *дотчѣся*, поскольку эти аористные формы принадлежат окситонированному глаголу.

Ты, местоимение, выступавшее в форме клитики, ср. в Ч. *ты бѣ* и др. (Дыбо. О фразовых, 79); это следует учитывать при реконструкции сочетаний в СОПИ: *ты бѣ*, *аже бѣ ты бѣль*.

Тѣло, формы *отъ тѣла*, *на тѣлѣ* вторичны (исконными являются *тѣлесе*, *тѣлесе*); совпав с другими подвижными именами среднего рода по типу склонения (*мясо*, *мяса*...), это существительное должно было усвоить и акцентный тип таких имен, что и случилось. Все формы в ед. ч. по рукописям отражают ударение на корне с возможными оттяжками на предлог (*оу тѣла*, *по тѣлоу*, *на тѣлѣ* и т. д., но никогда *оу телесе*). Вместе с тем возникают дифференциации акцента в пределах одной формы; например, в форме род. п. ед. ч. выделяются значения генетивное (*оу тѣла* М. 2986) и отложительное (*от тѣла не разлучила* М. 756), что характерно именно для всех подвижных имен вторичного происхождения (Колесов, 54, 78). Это приходится учитывать при реконструкциях в СОПИ: *отъ тѣла*, *въ друзѣ тѣлѣ*, *на жестѣуѣмъ его тѣлѣ*.

Тянути, окситонированной парадигмы, следовательно *истянуть*.

Тяжно, производное от подвижного имени предполагает наконечное ударение (ср. сербск. *тѣжак*, *тѣшка*, *тѣшко*), хотя уже в XVI в. русские рукописи дают акцентовку на корне (*тяжекъ* Др. II 721б, Пв. 170, *тяжко* Пт. 9, Сим. 540), а В. А. Дыбо восстанавливает для праславянского накоренное ударение с нисходящей интонацией (Фрагмент, 52). В зависимости от этого стоит различная реконструкция акцента в сочетании: *тяжко ти головѣ* в первом случае, *тяжко тѣ / головѣ* — во втором (который Дыбо и предпочитает).

Тяти 'сечь', 'рубить': *пѣтату быти*, как обычное образование от подвижного глагола, ср. *пѣтять будещи* X. 868б, сербск. *отѣт*, *отѣта*.

Угорск, как производное от окситонированного имени, ср. *оугръ* Др. II 910, *оугръ* Др. II 731б, *на оугръ* Соф. 458б, *оугрѣмъ* Г. 375, и др., ср. *на угорское королевство* Шум. 471.

Удал, с *удалыми* Др. II 31 (в этой рукописи наконечное ударение и в дру-

гих формах: *удалый* 94, с *удалымъ* 94, *удалыть* 76).

Уже: *оуже* Ч. 26^г, 47^б, 78^а, Др. II 17, 18, 513, и др., постоянно в древнерусском (ср. современное рус. *уж*).

Ужина: *оужина* Об. 110, *оужины нѣт* Об. 133б, Зап. 2, *къ оужинѣ* Об. 100б, 109, *на оужинѣ* В. 450.

Узорочье, ср. *всякими узорѣчи* Др. I 342б, 750, Сим. 164, Воскр. 44б, Каз. 50 и в остальных формах с тем же ударением.

Уноша, производное от подвижного имени, что обуславливало акцентовку *унѣмъ* X. 831 (в рукописях чаще встречается новое ударение *юнаго* П. 111б и др., по аналогии с новым образованием *юнны* Пт. 78, что затемняет исконное распределение в древнерусском); суффиксальные имена, производные от этого корня, также рано дают колебания по славянским языкам: сербск. *јунош*, словенск. *јунош* и совпадение краткости корневого слога в чешск. *junost* и словацк. *junoš*, которые указывают наконечное ударение (ср. рус. *юнец*, *юнца*), — все это характерно для производных от подвижных основ. Древнерусская рукопись XII в. (ГПБ, Q. п. I. 15) в форме дат. п. ед. ч. дает ударение *оундиш*, что совпадает с данными среднеболгарских источников.

Усбица Ч. 93^г, X. 564, Каз. 120б, Фл. 144, 155, вин. п. мн. ч. *усбицы* Др. II 714б, Шум. 338, Н. 276, 130, Сим. 552.

Успити (?): *успѣль*, *успѣ*, окситонированной парадигмы, следовательно, с указанным ударением; довольно рано происходит влияние со стороны презенсных основ с перемещением ударения: *оупсе* Св. 122б, следовательно, и *успѣль* (что еще менее вероятно как древнерусское изменение).

Утро, принадлежность к подвижной парадигме подтверждается всеми русскими источниками (Колесов, 194), хотя исконным должно было быть постоянное ударение на корне.

Удѣе, производное от окситонированного имени с первоначальным ударением *удѣе*, которое к моменту создания текста СОПИ уже переместилось на корень, дав устойчивую баритонезу с новоаккутовой интонацией корневого слога: *удѣе*, *удѣя* и т. д.

Харалуг, заимствование из тюркского, с первоначальным ударением *харалугѣ* (от *каралык* 'чернота'), что должно было сохраниться в производном прилагательном, следовательно, в СОПИ *харалужными*, *харалужные*. По-видимому, исконное ударение на третьем слоге сохранялось и в существительном, хотя Ф. Е. Корш (Корш, ХXVIII), в соответствии со своей идеей о расхождении в акцентовке им. п. ед. ч. и всех прочих надежных форм,

считает возможным говорить об ударении (в) *харьлауѣ*.

Хвала, см. **Хула**.

Хитити: *похитимъ*, *расхѣтитисте* при сербск. *изхитише*, также *исхитиши* Хр. 724б, *похитятъ* Хр. 1321. и др.

Хитр, окситонированной парадигмы (Колесов, 209), с закономерным окончательным ударением в краткой форме ср. *подобаѣт игумену хитрѣ быти* М. 265б.

Хоботь Кр. 104б, твор. п. ед. ч. *хоботомъ* Ч. 153г, но *хоботомъ* Зап. 57б; для формы им. п. мн. ч. следует предположить ударение *хоботи*, как обычно для подвижных имен.

Ходити, в форме имперфекта *прихождѣху* у глагола окситонированного класса (сербск. *хѣдѣше*, *приходаху* подверглись воздействию со стороны презенной основы подвижного типа); отглагольное имя с тем же ударением: *ходѣ* (в ином чтении — *Ходѣна*).

Холми, с обобщением ударения на долгом корне, характерным для древнерусского (Колесов, 117), на древность такого ударения указывает и возможность отяжки типа *на холмы* Пс. 223. Из обследованных источников ударение *холмѣ* зарегистрировано только в Пал. 116.

Хоре, с неподвижным ударением на корне, как заимствованное слово с плавным сочетанием в корне.

Хоругвь, с окончательным ударением представляют все славянские языки, ср. укр. *хоругѣвъ*, словенск. *karôgla*, чешск. *korouhev*, словацк. *korôhev*, польск. *chorągiew* (болгарск. *хорѣгва*); действительно, это древнейшее заимствование из тюркского в акцентованных текстах дает *хоругвь* Курб. 21, 111, а также форму *хоругви церковная* Пал. 48б.

Хотѣти: *хотѣть полетѣти*, ср. *хотѣтъ* Хр. 804, Др. I 429, в причастных формах *хотѣчѣ* (ср. *хотѣще* Ч. 31^а, что является исконным ударением формы: Станг. 139), *хотѣ* Ч. 40^а, 66^а, 73^а, 73^б; в рукописях только *хочѣ* для формы 1 л. ед. ч. Отглагольное имя подвижной парадигмы давало бы ударение в род. п. ед. ч. *хотѣи*, в твор. п. ед. ч. *хотѣид*, но в звательной форме ожидается ударение *хѣти*!

Храбр, окситонированной или баритонированной парадигмы, в источниках отражается только последняя (*мужа храбра* Хр. 393, Шум. 543б, Г. 329), в полной русской форме — *хороброе*.

Худ, подвижной парадигмы (Колесов, 214), поэтому в СОПИ *не худѣ гнѣздѣ*, но *хѣду струю* (ср. *хѣду розь* Пал. 15).

Хула: *хула на хвалу*, акцентное взаимодействие этих двух слов аналогично взаимодействию слов *злато* и *сребро*: обычно они и встречаются в одном сочетании (Колесов, 19), поэтому уже в древнерусском языке наряду с исконным ударением *хвалѣ* Др. I 748,

Шум. 51 с Пс. 25. и др (Колесов 28) нахожим *хвалѣ* Зап. 52 Ав. 308 (в последнем и колебание: *хвалѣ богу* Ав. 236). Напротив исконная баритонеза имени *хѣла* рано получает вариантное окончательное ударение (Колесов 12), а в форме им. п. ед. ч. все поздние источники дают только *хулѣ* из чего возникает предположение об исконной окситонезе данного слова. Учитывая именно такое направление выравнивания, в СОПИ и следует реконструировать ударение *хулѣ* на *хвалѣ* (*хѣла* на *хвалѣ* менее вероятно, но возможно в поэтическом тексте).

Цвѣты Пс. 499, Пв. 124, Пр. 375, Ав. 314 и мн. др., в форме им. п. мн. ч.; акцентовка *цвѣтѣ* впервые появляется в XVI в. (Зап. 214б); историю этой формы см.: Колесов, 145, 147.

Чагѣ, как заимствование из тюркск. *шага* с окончательным ударением во всех формах слова.

Чаица, **чаика** 'чибис' независимо от этимологии слова ударение последовательно на корне (акутная интонация на исконной долготе).

Часто, как исконное ударение формы от слова подвижной парадигмы (Колесов, 214—215), ср. *часто* Х. 1298, 1425, Др. II 322.

Челка, производное от *челд* (окситонированной парадигмы), следовательно, с постоянным ударением на корне — *челка*.

Человѣк, это слово во всех источниках дает устойчивое ударение на третьем слоге: *человѣк*, *человѣкомъ* и т. д. (Колесов, 111).

Через, **чрес**, ср. *черезъ роту* Шум. 276, *черезъ dokonчание* Шум. 725, и др., с изменением интонации, что особенно характерно для некоторых сочетаний (*черезъ море*, *чресъ небо*, *черезъ реку* в рукописях XVI в., *черезъ лес* в северных говорах и т. д.: Колесов. Интонация и ударение, 118, 120).

Черлены, прилагательное с последовательным окончательным ударением ср. *черленѣ* Л. 201б, 212б, 213б, *черленѣ* Л. 202, *черленѣ* Д. 31 (такое же ударение показывают и славянские языки).

Черн, имя окситонированной парадигмы (Колесов, 210), поэтому ударение полного прилагательного последовательно на корне (*чѣрною*), а в производных именах — на суффиксе, ср. *чѣрнѣдѣми*, *Чернѣговѣ* и др.: *Чернѣговѣ* Г. 282, Лапт. 88б, *Никон*. 24б, с *чернѣговской* Н. 32 (вторичные колебания в средневековых источниках: на *Чернѣговѣ* Г. 349б, ис *Чернѣгова* *Никон*. 65б).

Черпати: *чѣрпѣхуть*, ср. сербск. *чрпати*, *чрпаху*.

Чистый, ударение на корне, что обычно для баритонированных имен (Колесов, 206).

Что мй в Ч. (Дыбо. О фразовых, 79).

Чуж, в рукописях последовательная баритонеза, ср. в форме им.-вин. п. мн. ч. *чужи* Кч. 294, Сб. V 39, Фл. 186, Об. 323, 396

Честен, прилагательное, образованное от подвижного имени, должно давать акцентовку *нечестнѣ* (или *нѣчестно*), в акцентованных рукописях отмечено *бечестѣнь* Сб. VI 170, но в форме среднего рода *чѣстно* П. 175, Дом. 326.; в русских памятниках и словарях XVIII—XIX вв., а также в русских народных говорах регистрируется только окончательное ударение (*честнѣй*, *честнѣ* и др.).

Чѣпъ, имя подвижного типа (Колесов, 74, 94), поэтому окончательное ударение *чѣпмѣй* Щ. 1816, Каз. 1176. В СОПИ дана новая форма с необычной для данного типа склонения *чепи*, — это заставляет сомневаться в окончательной акцентовке представленной в памятнике формы, поскольку при долготном корне всякое изменение флексии по древнерусским источникам давало перенесение ударения на корень. Была ли такая форма и в оригинале этого текста?

Шеломя, слово баритонированной парадигмы (Колесов, 200), что указывает на постоянное ударение *шелѣмья*, ср. *взѣде ж на мѣсто высоко на шелѣмья* Др. II 87, но с *шоломяннѣй* Др. II 83. В другом значении также колебание: *под шелѣмѣй* Ун. 176, но *шѣлѣмѣж* Хр. 92, в этом втором случае — имя существительное мужского рода.

Шерешѣры, предполагается заимствование из тюркского, ударение устанавливается по реконструкции среднегреч. *שרישריריון.

Шибати: *расшибе*, в форме аориста, ср. сербск. *шибати*, *шибам* 'пороть', 'хлестать', что указывало бы на постоянное место ударения (*расшибе*), однако сербск. *разшибе*.

Широк, с последовательным ударением на суффиксе, ср. в форме, представленной в СОПИ: *в ширѣкя поля* Гз. 129. Таково же ударение производных, например, *ширяся*.

Шумѣти, ударение на теме (Станг, 130), т. е. в наших случаях *вѣшумѣ*, *возшумѣша* (Пт. 1356, и др.).

Щекот, имя подвижного типа, для которого предполагаем обычное для подвижных многосложных имен ударение на первом кратком слоге; в причастной форме окончательное ударение *щекоталѣ*, с возможным выравниванием по продуктивному типу (как *ущекоталѣ*).

Щит: *на чрьленѣх щиты* (Колесов, 117), хотя в рукописях довольно часто встречается и окончательное ударение этой формы *щиты* (ср.: Соф. 4406 Каз., Пал., Нв.), *чрьленѣми щиты* (Колесов,

123), *бес щитѣвъ* Др. I 633, Г. 3646, Пв. 1646, Нв. 5206, Пал. 326.

Ѣхати, обычно ударение на корне: *ѣдѣтъ* Х. 188, *ѣдѣтъ* Сб. IV 493, *ѣдиши* Нв. 4096, но иногда отражается рефлекс подвижности, подтверждаемой и ударением производных имен (таких, как *ѣдѣ*), ср. *ѣдѣтъ* Пс. 557, *ѣдиши* Лапт. 2256.

Яз, личное местоимение в различных формах, представленных в СОПИ; ср. в древнейшем акцентованном источнике Ч.: *а мѣ*, *и мѣ*, *да мѣ*, *лѣпо мѣ* (Дыбо. О фразовых, 79), следовательно, в СОПИ предполагаем оттяжку *княже мѣ*; сюда же колебания *ко мнѣ* (в церковных источниках: Сб. IV 2896, Сб. III 1186, в виде исключения и Ав. 2386, 2456 в церковном тексте, ср. Ав. еще: *ко мнѣ* 244 — *ко мнѣ* 246), в русских текстах обычно *ко мнѣ* Шум. 201, Соф. 2916, Пв. 14.

Яко (см. Акы), в певческих рукописях XII в. возможно окончательное ударение, ср. в Стихире 1157—1163 гг.: *яко же* 58, 776, 786, также *яко сѣнь* 80, *яко богъ* 89, *крѣвъ яко водоу* 916, *яко бѣгая* 93; В Ч. подобное ударение редкость (*яко лѣпо о гсѣ* 131^в), но клитичность слова в целом сохраняется, ср.: *яко бѣ* 130^г, *яко же* 89^б, 93^б, 109^г и др., *яко же бѣ* 113^б, но также *яко да приимут* 63^г, *яко николай же* 65^б, *яко не достобны* 103^а, но *яко самъ* 90^а, и не *яко* 84^а, да не *яко* 84^а и под.

Япончица, производное от *епанчѣ*, *епончѣ*, с постоянным ударением на окончании в современных русском и украинском языках; такое ударение закономерно в заимствовании из тюркского, поэтому в СОПИ ожидается ударение *япончица*. В одном источнике начала XVII в. находим акцентовку *япѣнча* В. 1566, — возможно, вторичную по происхождению (на это указывает и изменение гласного о на а под ударением, которое не могло происходить в поударном слоге).

Ярополк, с возможным колебанием ударения: на втором корне (ср. совр. рус. *Яропѣлк*) или на среднем слоге, ср. *Ярополку* ВП 1486.

Ярослав, ср. *Ярослѣва* Сим. 33, ВП 3576; Ф. Е. Корш предполагал акцентовку *Ярослѣвъ* *Ярослава* (Корш, XXII), однако письменные памятники отражают иные закономерности в сложениях со вторым акутовым корнем, ср.: *к Ярослѣвлю* Г. 325, *Ярослѣвича* ВП 356, Лапт. 686, *Ярослѣвичу* ВП 1626, *Ярослѣвич* ВП 3586, *Ярослѣвичемъ* Сим. 4186, но в Никон.: *Ярослѣвичъ* 3476, *Ярослѣвичъ* 3476, *Ярослѣвичю* 350, также колебание *Ярослѣвичю* 3466.

Яр, в данной форме, несмотря на неопределенность исходной акцентной

характеристики (Колесов, 206), ударение безусловно на корне, причем оно совмещено с новоаккутовой интонацией, ср. в полной форме *Ярый* Пал. 91.

Яруга, заимствованное из тюркского слово с рано обобщившимся ударением данного типа.

Яти, если верна конъектура *повелѣяти*. т. е. *повелѣяти*. ср. *ятѣ* Ч. 66^б, также *взятѣ* Ч. 13^а, 29^а, 37^а, Др. II 218^б. Шум. Э'1 и др., постоянно (но в Ч. исключение: *поѣти* 69^а — *поѣти* 73^б).

СОКРАЩЕНИЯ

- Ав. — Житие протопопа Аввакума (автограф). 70-е годы XVII в. Бан, собр. Дружина, № 746.
- Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968.
- Азб. — Азбуковник, XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1145.
- Ар. — Арифметика, XVII в. ГПБ, Q.IX.43.
- Ас. — Сборник Антониево-Сийского монастыря, XVII в. ИРЛИ, Мез. 3.
- В. — Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря. 1618—1640 гг. ГПБ, Кирил.-Белоз., 78/1317.
- Васильев — Л. Л. Васильев. О значении *каморы* в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929.
- Вед. 1703 — Ведомости времени Петра Великого. вып. 1. М., 1903.
- Воскр. — Парижский список Воскресенской летописи, XVI в. ГПБ, F.IV.678.
- ВП — Вологодско-Пермская летопись, XVI в. БАН, 16.8.15.
- Г. — Голицынский том Лицевого свода. XVI в. ГПБ, F.IV.225.
- Гз. — Сборник с текстом Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, XVII в. БАН, 17.5. 27.
- Грек — «Слова и сказания Максима Грека», 1587 г. БАН, Архангельское собрание, Д42.
- Д. — Житие и хождение игумена Даниила, XVII в. БАН, собр. Нефедова, № 3.
- Дом. — Коншинский список Домостроя. XVI в. ГПБ, Q.XVII.149.
- Др. — Летописец древний (чч. I и II). XVI в. БАН, 31.7.30.
- Дс. — Домострой, XVII в. ГПБ, Q.XVII. 63.
- Дст. — Домострой, конец XVII в. ГПБ, собр. Погодина, 1627.
- Дыбо. Акцентные типы — В. А. Дыбо. Акцентные типы презенса глаголов с ъ, ь в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4.
- Дыбо. Акцентология — В. А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском. — В кн.: Славянское языковедение. Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов. М., 1968.
- Дыбо. Акцентуация — В. А. Дыбо. Закон Васильева—Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.
- Дыбо. Верхнелужицкий — В. А. Дыбо. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. — В кн.: Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
- Дыбо. О фразовых — В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1974, № 6.
- Дыбо. Фрагмент — В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (ударение прилагательных с суффиксом -ък-). — Советское славяноведение, 1970, № 5.
- Дыбо. Фрагмент II — В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы enclitomena в аористе -и- глаголов). — Советское славяноведение, 1968, № 6.
- Евг. — Евангелие, XVI в. ГПБ, Соф. 11.
- З. — Житие Зосимы и Савватия соловецких, XVI в. ИРЛИ, Пин. 195.
- Зап. — Записная книжка, XVI—XVII вв. ГПБ, Q.XVII.67.
- И. — «Книга историкъ», XVI в. ГПБ, Соф. 1421.
- Иллич-Свитыч — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Ильинский — Г. А. Ильинский. Славяне и немцы с точки зрения этимолога. — ИОРЯС, т. XXIV, 1919, кн. 1.
- Каз. — «Казанская история». XVII в. ГПБ, Q.IV.170.
- Кар. — Сборник, конец XVII в. ИРЛИ, Карел. 6.
- Кар. 2 — Сборник, XVII в. ИРЛИ, Карел. 2.
- Кипарский — V. Kiparsky. Die Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Колесов — В. В. Колесов. История русского ударения. I. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов. Интонация и ударение — В. В. Колесов. Интонация и ударение в древнерусском словосочетании. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. V. Л., 1973.

- Колесов. Ударение — В. В. Колесов. Ударение Neutra *o*-основ в древнерусском языке. — ИОЛЯ, т. XXVIII, 1969, вып. 1
- Кор. — Хождение Трифона Коробейникова, XVII в. ИРЛИ, Усть-Цильм. 6.
- Корш — Ф. Е. Корш Слово о полку Игореве. СПб, 1909.
- Кр. — Сборник, XVII в. ИРЛИ, Карел. 10.
- Кул. — Сказание о Мамаевом побоище, XVI в., ГИМ, Синод. 2060.
- Курб. — Сочинения А. М. Курбского, XVII в. ГПБ, Q.IV.54.
- Кч. — Кормчая, 1517 г. ГПБ, Ф. II. 74.
- Л. — Лечебник, XVII в. ГПБ, собр. Тиханова, № 697.
- Лапт. — Лаптевский том Лицевого свода, XVI в. ГПБ, F.IV.233.
- Лет. — «Летописец старыхъ лѣтъ», XVII в. БАН, Тек. пост., 608.
- Леч. — Лечебник, XVII в. ГПБ, собр. Колобова, № 649.
- М. — Минея, XVII в. ИРЛИ, Пин. 472.
- Мелиоранский — П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, т. VII, 1902, кн. 2.
- Мудр. — Повесть о семи мудрецах, XVII в. БАН, 45.9.13.
- Н. — Голицынский список Новгородской IV летописи, XVI в. ГПБ, Q.XVII.62.
- Нв. — Новгородская летопись, XVII в. БАН, 34. 4. 32.
- Никон. — Никоновская летопись по Патриаршему списку, XVI в. БАН, 32.14.8.
- НС — Строевский список Новгородской IV летописи, XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 2035.
- Об. — Обиход Кирилловского монастыря, XVI в. ГПБ, Соф. 1516.
- Обнорский. Очерки — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.
- Обнорский. Склонение — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.
- П. — Иконописный подлинник, XVII в. ГПБ, Q. XVII. 37.
- Пал. — «История. . .» Авраамия Палицына, XVII в. ГПБ, Q.IV.352.
- Пв. — Сочинения И. Пересветова, XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1611.
- Пр. — Пролог, конец XVI в. ГПБ, Соф. 1424.
- Пс. — Псалтырь, XV в. ГПБ, собр. Погодина, № 86
- Псл. — Псалтырь, XVI в. ГПБ, Ф. I. 7.
- Пт. — Псалтырь, XVI в. ГПБ, Соф. 69.
- Пч. — Пчела, 1640 г. ГПБ, Кирилл.-Белоз. 114/1191.
- Сб. 0 — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1460.
- Сб. II — Сборник XVII в. ГПБ, ОЛДП, № 1952.
- Сб. III — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1393.
- Сб. IV — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1464.
- Сб. V — Сборник XVI в. ГПБ, Ф. II. 255.
- Сб. VI — Сборник XVII в. ГПБ, F.XVII.23.
- Св. — Стоглав, 1645 г. ГПБ, Q.II.102.
- Сг. — Стоглав, XVII в. ГПБ, Q.II.80.
- Сийск. — Сийский иконописный подлинник № 192, XVII в. (по кн.: ПДПИ, т. XVI. СПб., 1909).
- Сим. — Симеоновская летопись, XVI в. БАН, 16 8.25.
- Сл. — Служебник, XVI в. Псковское древлехранилище, № 86.
- СО — «Святыхъ отец. . .», кормчая, XVI в. ГПБ, F.II.87.
- Соболевский — А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2.
- Соф. — Софийская I летопись, XVI в. БАН, 34.2.31.
- Ст. — «Страсти Христовы. . .», XVII в. БАН, 21.7.8.
- Станг — Chr. S. S t a n g. Slavonic Accentuation. Oslo, 1965.
- У. — Соборное уложение 1649 г., 1728 г. ГПБ, F.II 11.
- Ун. — Сказание о Мамаевом побоище, XVI в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632.
- Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских, XVII в. БАН, 45.10.2.
- Уч. — Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей (старопечатная книга). М., 1647.
- Фасмер — Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, I—IV. М., 1964—1973.
- Фл. — «История иудейской войны» Иосифа Флавия, XVII в. БАН, Архангельское собрание, Д 447.
- Х. — Хронологический том Лицевого свода, XVI в. БАН, 17.17.9.
- Хр. — Хронографический сборник, XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 1404^a.
- Ч. — Чудовской Новый завет, середина XIV в. (по изданию: Новый завет. . ., М., 1892).
- Шум. — Шумиловский том Лицевого свода, XVI в. ГПБ, F.IV.232.
- Щ. — Повесть о посаднике Щиле, XVII в. ИРЛИ, Верхнепечорск. 2.

В. Ю. ФРАНЧУК

Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»?

(Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи)

В результате анализа древнерусских летописей второй половины XII в. академик Б. А. Рыбаков выявил нескольких летописцев, отличающихся как своими взглядами, так и особенностями изложения материала. Из числа многих деятелей церкви, в руках которых в этот период находилось киевское летописание, исследователю удалось выделить одного светского летописца. Политические взгляды, династические симпатии и литературная манера Петра Бориславича позволили Б. А. Рыбакову говорить о такой его близости к автору «Слова о полку Игореве», которая ведет к их полному тождеству.¹

Для дальнейшего изучения этого вопроса ценный по конкретности материал может дать сопоставительный анализ языка «Слова» и предполагаемой Летописи Петра Бориславича. Правда, сопоставление такого рода необычайно сложно. Ведь в произведениях, созданных в одну эпоху, даже если они принадлежат к различным жанрам, лексические и грамматические совпадения неизбежны. Естественно, что и в «Слове», и в летописях употребляется лексика, характерная для древнерусского письменного языка XII в. И тут и там при описании походов и сражений встречаются сходные обороты и словосочетания как специального, так и более общего характера.

В данном случае сравнение может быть результативным лишь при условии, что в «Слове» и сочинении Петра Бориславича удастся выявить такие слова, обороты и грамматические конструкции, которые или совсем не встречаются в других частях Ипатьевской летописи второй половины XII в., или же не характерны для языка летописцев — его современников. Задача эта, достаточно трудная сама по себе, осложняется еще в связи с тем, что существование Летописи Петра Бориславича² продолжает оставаться спорным.³

В своей работе мы исходим из предпосылки, что происхождение этой летописи, ее характер и границы определены в книге Б. А. Рыбакова достаточно обоснованно, хотя само имя летописца в какой-то мере условно. До исследования Б. А. Рыбакова оно прочно связывалось лишь с небольшой частью Ипатьевской летописи — описанием посольства Петра Бори-

¹ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 499—515

² Дальше, за Б. А. Рыбаковым, называем ее также: Летопись Мстиславова племянн

³ Литературу вопроса см. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1957, с. 226; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания Былины Летописи. М.—Л., 1963, с. 304.

славича к Владимиру Галицкому в 1153 г.⁴ Языковые факты, однако, убедительно свидетельствуют о том, что Петр Бориславич оставил на страницах Ипатьевской летописи и другие записи.⁵ Сравним, например, сообщение о смерти Вячеслава Владимировича, которое приводится под 1154 г., с сообщением о смерти Владимира:⁶

1 1 5 3 г.

Ярослав же възрѣвъ на Петра и расплакася. Петр не вѣдая сѣдьяше. и нача прашати что се есть. и повѣдаша ему бог сыночи князя поял. и рече Петр. а сыночи есмь поѣхал. а он до б р [Х. П. приб. з д о р о в]. они же рекоша. что си усудул за плече. и с того нача велми изнемагати и тако бог поя и (стлб. 464).

1 1 5 4 г.

Утрии же день пригнаша. к Ростиславу ис Киева. и повѣдаша ему отца ти Вячеслава бог поял. Ростислав. же рече а мы вчера ѣхали а он до б р и з д о р о в. он же сказа ему и рече сыночи был весел. с своею дружиною. и шел спать здоров. яко же легл тако боле того не встал. ту и бог поял (стлб. 472—473).

Вряд ли можно сомневаться в том, что оба приведенных отрывка написаны одним человеком. Но наше внимание должно привлечь и другое обстоятельство. Сочетание «сыночи» (в летописи — «сыночи») встречается в Ипатьевской летописи всего три раза, четвертый отмечен в «Слове о полку Игореве»: «С и н о ч ь с вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомоу, на кровати тисовѣ» (с. 23).⁷ Трудно сказать, можно ли установить здесь какую-то связь с тем, что во всех случаях речь идет о княжеской смерти — реальной (Ипатьевская летопись) или предполагаемой («Слово»). Но предложение «сыночи был весел. с своею дружиною» дает еще одну параллель к «Слову», до сих пор не отмеченную исследователями. Ведь сообщение вестника смерти Вячеслава о том, что в свою последнюю ночь князь веселился с дружиной, напоминает замечание автора «Слова», сделанное им как бы мимоходом: «А мы уже дружина жадни веселія» (с. 26).

Как свидетельство того, что у князя Изяслава с первых дней его борьбы за Киев и до смерти был один летописец, приведем и следующие факты. В 1147 г. в Ипатьевской летописи впервые появляется оборот «пребыти у весельи»: «Изяслав же с братом своим. Ростиславом. . . пришедша же Киеву и похвалиста бога и поклонистася святым церквам. и п р е б ы с т а у в е с е л ь и» (стлб. 859).⁸ С этого времени конструкция «пребыти у весельи» (в различном оформлении) становится неотъемлемой приметой текста летописи князя Изяслава Мстиславича.

1148 г.: «И ту Изяслав Мъстиславичъ. поя на обѣд к собѣ. Володимира Давыдовича и брата Изяслава. и тако обѣдавше. и п р е б ы в ш е у в е с е л ь и. и у любви» (стлб. 368); «И приде Изяслав к брату Ростиславу и похвалиста бога и святую Богородицю и силу животворящаго. хреста видившеся брата в здоровьи и п р е б ы с т а у велицѣ любви и в в е с е л ь и. с мужи своими» (стлб. 368—369).

⁴ И. П. Хрущов. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII столетие. Киев, 1878, с. 181; История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., 1941, с. 312; Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , с. 238—240.

⁵ В виде предположения эта мысль была высказана еще в работе К. Н. Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV в.» (ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868, с. 103—104).

⁶ Примеры из Ипатьевской летописи даются по изданию: Полное собрание русских летописей, т. II. М., 1962 (столбцы в скобках в тексте).

⁷ Примеры из «Слова» цит. по кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965, с. 15—25 (в скобках, в тексте, страницы первого издания).

⁸ Здесь и далее в цитатах разрядка наша.

1150 г.: «Изяслав же от святоѣ Софѣи. поѣха и с братьею на Ярославль двор и угры позва со собою на обѣд и кияны и ту обѣдав с ними. на велицем дворѣ на Ярославли и п р е б ы ш а у велицѣ в е с е л ь и» (стлб. 416).

1151 г.: «Видив же Вячеслав сыновця своего Ростислава. и Изяслав брата своего и тако урадоваша радостию великою. и тако похвалиша бога и его Пречистую мать. и силу животворящаго креста и п р е б ы ш а у велицѣ в е с е л ь и. и у велицѣ любви» (стлб. 423); «И тако Вячѣслав и Изяслав и Ростислав. . . с великою честью въѣхаша в Киев. и ту поклонившеся святѣи Софѣѣ и святѣи Богородици Десятиннѣи. и п р е б ы ш а у велицѣ в е с е л ь и. и у велицѣ любви. и тако начаша жити» (стлб. 441).

1152 г.: «Изяслав же с королем съѣхавшася по мѣсту и тако п р е б ы в ш е в величѣ любви и у велицѣ в е с е л ь и и разѣхашася» (стлб. 454); «Изяслав же приде в Кѣев к строюви своему Вячѣславу. с великою радостью и с великою честью и похваливше бога и его Пречистую мать. и п р е б ы ш а у велицѣ любви и у велицѣ в е с е л ь и» (стлб. 454); «Изяслав же слышав у здовѣи (здоровѣи) сына своего и похвали бога и ту п р е б ы ш а у в е с е л ь и с Изяславом Давыдовичем» (стлб. 460); «Вячѣслав же видив сына своего Изяслава в здоровѣи. похвали бога и силу животворящаго креста и п р е б ы ш а у велицѣ любви и у велицѣ в е с е л ь и. и тако начаша жити» (стлб. 461).

За небольшой период времени (1147—1152 гг.) существительное «веселье» 10 раз встречается в составе устойчивого оборота. Лишь однажды оно употреблено самостоятельно в смысле 'торжество': «В то же веремя* Изяслав послал баше угры на покорм Устилог. и тако послав Изяслав и приведе бановну за брата своего Володимера и б ы с т ь радость велика и в е с е л и е» (1150 г., — стлб. 408).

Со смертью Изяслава Мстиславича его летописание прекратилось. Но в составе Ипатьевской летописи обнаруживают записи, сделанные его летописцем и в более позднее время. Как правило, в них описываются действия старшего сына Изяслава Мстислава Изяславича или отстаиваются интересы детей покойного великого князя. В одной из таких статей под 1155 г. снова встречается оборот «пробыти у весельи»: «Ростислав. . . приде к строюви своему Дюргеви в Кѣев. и тако обуюастася. с великою любовью. и с великою честью. и тако п р е б ы ш а у в е с е л ь и Ростислав же пришед Кѣеву. и поча ся молити о братаѣх своих Дюрги же послуша» (стлб. 480).

Как видим, мысль о существовании описания жизни и деятельности Изяслава Мстиславича, созданного, по мнению Б. А. Рыбакова, Петром Бориславичем, а также предположение о том, что отдельные заметки этого летописца встречаются в Ипатьевской летописи и после смерти его князя, находят подтверждение при изучении ее языка. Особенности летописной манеры Петра Бориславича прослеживаются в Ипатьевской летописи на протяжении многих лет. Так, после длительного перерыва (35 лет) на ее страницах под 1190 г. снова появляется оборот «пробыти у весельи»: «Того же лѣта Святослав. сватом своим с Рюриком. утишивша землю Рускую. и половци примирившя в волю свою. и сдумавша п идоста на ловы. по Днепру в лодьях. на устья Тесмени. и ту ловы дѣявша. и обловившася множеством звѣрѣи. и тако наглумистася. и во любви п р е б ы с т а. и во в е с е л ь и по вся дни» (стлб. 668).

Последний раз этот оборот встречается под 1195 г.: «Давыд же приѣха ко Рюрикови на обѣд. и б ы ш а в любви велици. и во в е с е л ь и. мнозѣ» (стлб. 681—682); «И оттолѣ позва сыновѣцъ его. Ростислав Рюриковичъ к собѣ на обѣд. к Бѣлугороду и ту п р е б ы ш а в в е с е л ь и велицѣ и в любви мнозѣ» (стлб. 682); «Давыд же позва великого князя

Рюрика на обѣд к собѣ брата своего и дѣти его. и ту пребыша в весельи и в любви велицѣ» (стлб. 682); «Давыд же позва княнѣ к собѣ на обѣд. и ту бысть с ними в весельи мнозѣ и во любви велици» (стлб. 682).

В этой части летописи (1190—1195 гг.) оборот « пребыти (быти) у весельи » отмечен 5 раз. Вместе с другими факторами он определяет начало и конец деятельности летописца (первый раз — 1147 г., последний — 1195 г.). Время ведения летописи Петром Бориславичем (1146—1196 гг.), установленное в книге Б. А. Рыбакова «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“»⁹ на основании других данных, подтверждается с точностью до одного года.

Сущ. «веселье» («веселие»), так же как и глаг. «веселиться» и прил. «весел(ый)», хорошо известно языку древнерусской письменности XI—XII вв., не раз встречается в ПВЛ; ср., например, записи под 1096 г. и 1103 г. Казалось бы, делать на основании его употребления в Летописи Петра Бориславича какие-либо выводы о близости языка этого произведения к «Слову о полку Игореве» вряд ли целесообразно. Попробуем, однако, произвести подсчеты. В тексте Петра Бориславича «веселье» употреблено 17 раз. Кроме того, один раз в нем встречается глаг. «веселиться» (1148 г. — стлб. 369) и три раза прил. «весел(ый)» (1148 г., — стлб. 386; 1154 г., — стлб. 473; 1195 г., — стлб. 682).

Текст, принадлежащий Петру Бориславичу, по приблизительным расчетам, занимает половину Ипатьевской летописи второй половины XII в. Вторую ее половину составляют записи его современников — Поликарпа, Кузьмища Киянина, Моисея и др. В этой половине наблюдается следующая картина: сущ. «веселие» — два раза,¹⁰ глаг. «веселить(ся)» — два раза, прил. «весел» — три раза. Показательно и то, что почти во всех этих случаях употребленные слова встречаются в цитатах из церковной литературы; ср.: «Пред нима же боготець Давыд в е с е л и я исполнися. скакаше играя» (стлб. 656); «И очима си любезно смотриши. отвсюду в е с е л и е души привлачаще» (стлб. 714); «А хрестьяни избавлени богом. и святою Богородицею. радующеся глаголаху и в е с е л я щ е с я» (стлб. 553); «Сотона же в е с е л я ш е т ь ъ» (стлб. 586).

В небольшом по размеру «Слове о полку Игореве» сущ. «веселие» встречается 5 раз, а прил. «весел(ый)» — три (из них один раз с отрицанием). Не будет, по-видимому, натяжкой утверждение, что эти слова были излюбленными не только у Петра Бориславича, но и у автора «Слова о полку Игореве». Н. П. Сидоров пишет: «Если вы возьмете „Слово о полку Игореве“ в самых интимных симпатиях его автора, вы увидите, что оно полно величайшего жизнелюбия. Все, что полно жизни, его привлекает и радуется; его привлекает, прежде всего, самая радость, веселие. Если автор жалуется, то именно на то, что настала невеселая година — времена довольства прошли. Он любит все земное. Говоря словами Кирилла Туровского, — „ум его пригвожден земным вещам“».¹¹

В одном случае в «Слове о полку Игореве» «веселие» употребляется в ряду других абстрактных существительных: «Донец рече: „Княже

⁹ В более ранней работе Б. А. Рыбаков был ближе к традиционному взгляду и считал, что последняя запись летописца, которого он уже тогда отождествлял с Петром Бориславичем, относится к 1168 г. См.: Б. А. Рыбаков о в. Древняя Русь. . . , с. 340.

¹⁰ Сущ. «веселье» употреблено также в Летописной повести о походе новгородского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. (стлб. 643), но язык ее не привлекается для сравнения, так как наличие в нем элементов, близких к «Слову», требует специального изучения.

¹¹ «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 166.

Игорю! Не мало ти в е л и ч і я, а Кончаку н е л ю б і я, а Руской земли в е с е л і а» (с. 42). В Ипатьевской летописи второй половины XII в. слово «нелюбие» встречается лишь раз, и этот единственный случай его употребления приходится на текст Петра Бориславича: «Святослав же н е л ю б ь е м ь рче ему. брате и свату ажъ ты идешь изо очины своея на свое орудье. а яз паки иду за Днѣпр своих дѣля орудѣи. а в Руской землѣ кто ны ся останеть. и тѣми рѣчьми измяте путь Рюрикови» (1193 г. — стлб. 676).

На текст Петра Бориславича приходится и единственный случай употребления в Ипатьевской летописи этого периода сущ. «гроза» в отвлеченном значении 'угрожающая, приводящая в трешет сила': «Роман. . . из ляхов же приде к Володимеру. и не пусти его брат в Володимерь Роман же бяшетъ пришел с ляхы на брата с Межько уемь своим. и не воспѣв ему ничто же иде к Рюрикови. ко цтю своему. Рюрик же да ему Торцькый. а на брата его насла с г р о з о ю на Всеволода. Всеволод же убояся Рюрика. и ступися брату Романови. Володимеря» (1188 г., — стлб. 662). Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Ти бо два храбрая Святъславлича, Игорьь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бяше успил отец их Святъслав грозный великый Киевский г р о з о ю» (с. 21); «Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! . . . Г р о з ы твоя по землям текут, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши с отня злата стола салтани за землями» (с. 30).

Глаг. «потоптати» как военный термин в значении 'расстроить, смять ряды противника', 'сломить сопротивление противника в битве' в Ипатьевской летописи встречается 8 раз. Первый пример под 1152 г. несомненно относится к тексту Петра Бориславича: «И то рек Изяслав дружинѣ своеи потъче всеми своими полкы. у брод. видив же полки Володимери корол. и вси его полци. не стряпуче поткоша вси к ним кождо в свои брод. и въѣхаша отсюду у полк Володимерь. и тако п о т о п т а ш а ъ. и многы ту избиша. а друзин истопоша а другыя изоимаша» (стлб. 449). Четыре последних примера находятся в тексте 1195 г. Как и другие факты, они подтверждают предположение Б. А. Рыбакова о том, что летопись Рюрика в конце XII в. вел летописец Изяслава Мстиславича: «Роман же не послушав их. и ни мужии своих. и да ему полк и ударишася ляховѣ с русью и п о т о п т а ш а ляховѣ русь. и победи Межька Романа» (стлб. 687); «Мъстислав же и дружина его. . . наборзѣ устремившеся на них. и поткоша к ним. и съшибошася со Олговым полком. и стяги Олговы п о т о п т а ш а ъ» (стлб. 691); «Полочани же видѣвше Мъстислава. одолююща Олгови. и нѣ гнаша во слѣд смолнян но увернувшеся. и удариша в тыл полка Мъстислава. и п о т о п т а ш а и» (стлб. 692); «Олеж же Святославичь видив. аж полочанѣ п о т о п т а л ѣ стяги Мъстислава. и возвратишася к ним» (стлб. 692).

Оставшиеся три примера представляют особенный интерес. Один из них находится под 1180 г. в контексте, который убедительно свидетельствует об авторстве Петра Бориславича: «Лѣбшии мужи остались бяхуть Лазорь воевода с полком Рюриковым. и Борис Захарычъ с полком своего княжича Володимѣра. и Сдеслав Жирославичъ с Мъстиславлим полком. и възрѣвѣше на бог. и поѣхаша противу половцемъ. половци же видивше устремишася на нѣ. и сразишася с нимь. русь же п о т о п т а ш а ъ. половци же бѣгающе перед русью потопоша мнозѣ. в Черторыи. а инѣх изоимаша. а другыя исъсѣкоша» (стлб. 622—623). Близко к этому примеру (стлб. 619), но в тексте другого автора встречается следующая фраза: «И посла Всеволод рязаньский князи. и вогнаша в товары Святославлѣ. и п о т о п т а ш а ъ. а инѣх изоимаша. а другыя исѣкоша». Возможно, это вставка Петра Бориславича в текст, написанный летопис-

цем Ольговичей. Не случайно, видимо, и речь здесь идет о тех рязанских князьях, о которых в «Слове» сказано: «Великыи княже Всеволоде! . . . Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы» (с. 28—29).

Под 1174 г. находится восьмой, и последний, пример с глаг. «потоп-тати». Он встречается в тексте, написанном сторонником Ростиславичей, по предположению Б. А. Рыбакова — игуменом Моисеем. Авторство Моисея не исключает редакторской работы Петра Бориславича. С другой стороны, и Моисей мог пользоваться какими-то материалами этого летописца — мастера описывать военные сражения. Сам Моисей не был знатоком военного дела. Вряд ли ему может принадлежать такое деловое описание боя: «Бяхуть бо ратънии. на. 3. полкы стояще. новгородци ростовци. посредѣ же их. Всеволод. Дюрдевичъ. своим полком стоя. и абѣ Мьстислав. сшибеся с полкы их и п о т о п т а ш а. середний полк. и инии ратнии видѣше объяша ѣ бѣ бо Мьстислав. в малѣ въѣхал в нѣ и тако смятошася. обои» (стлб. 576).

Если наши наблюдения верны, то в XII в. глаг. «потоптати» как военный термин употреблял лишь Петр Бориславич. Это вполне вероятно, так как он был единственным летописцем, хорошо осведомленным в воинских делах, а следовательно — и в военной терминологии. Кстати, и в более позднее время, по имеющимся данным, «потоптати» в таком смысле употребляется крайне редко.¹² Важно же это потому, что «Слово о полку Игореве» знает именно терминологическое значение этого глагола: «С зарани в пятък п о т о п т а ш а поганья плъкы половецкыя» (с. 10).

Как и слова, рассмотренные выше («веселие», «потоптати»), сущ. «шоломя» связует воедино две части предполагаемой Летописи Петра Бориславича. Первый пример под 1151 г. сомнений не вызывает: «Якоже бѣ к вечеру. и тако поиде Гюрги за ш о л о м я с полкы своими» (стлб. 435). Два других примера, занесенные в Ипатьевскую летопись под 1184 г., определить труднее. Статья о походе на половцев в этом году, по-видимому, написана летописцем Святослава Всеволодича. Однако фраза, в которой дважды повторяется это существительное, больше свойственна деловой манере Петра Бориславича: «Наворопници же перешедше Хорол. взидоша на ш о л о м я. глядающе. кдѣ узрять ѣ. Коньчак же стоял у лубѣ. его же ѣдуше по ш о л о м е н и оминуша» (стлб. 635—636). Особенный интерес для нашей темы сущ. «шоломя» представляет потому, что для древнерусского периода известны только 5 случаев его употребления. Три из них рассмотрены выше. Два других отмечены в «Слове о полку Игореве»: «О Руская земле! уже за ш е л о м я н е м еси!» (с. 10); «О Руская землѣ! уже за ш е л о м я н е м еси» (с. 12).

В Летописи Мстиславова племени встречается ряд слов восточного происхождения. Среди них есть известные очень широко, как «боярин», «сабля», «носад». Однако некоторые тюркизмы, отмеченные в этом произведении, являются большой редкостью. Так, например, значение сущ. «билинич» в предложении «Бурчевичи же не хотячи дати б и л и н ч а. и не ѣхаша» (стлб. 675) не совсем ясно именно потому, что это слово в древнерусской лексике одиноко.¹³

Для нашего исследования представляет особенный интерес сущ. «чага», которое, по имеющимся в настоящее время данным, представлено в древнерусской письменности всего двумя примерами. Один из них

¹² Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 4. О—П. Л., 1973, с. 171.

¹³ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, 1949, т. 80, с. 229.

встречается в описании похода русских князей на половцев в 1168 г., которое по многим признакам принадлежит Петру Бориславичу: «Толико взяша полона множество. якоже всим. руским воем наполнитися до изобилья. и колодники и ч а г а м и и дѣтми их» (стлб. 540). Второй известен из «Слова о полку Игореве»: «Аже бы ты был, то была бы ч а г а по ногатѣ, а кощеи по резанѣ» (с. 29). Значение слова «чага», которое можно вывести на основании этих примеров: 'полонянка', 'невольница'. Кстати, и тюркизм «кощей» со значением 'пленник', 'раб', 'слуга', хорошо знакомый благодаря «Слову», в древнерусском летописании достаточно редок. Один случай его употребления отмечен в Повести об убиении Андрея Боголюбского: «Убиша Володимири князя Андрея свои милостыници. . . в ночь, спящую ему в Боголюбьмь, и бяше с нимь один к о щ е и мал». ¹⁴ Два других примера принадлежат Петру Бориславичу: «Идоша князи 9 дьнов. ис Кйева. и бысть вѣсть половцем от к о щ ѣ я от Гаврилкова. от Иславича. оже идуць на нѣ князи русьстии» (стлб. 539); «Братья же вси пожаловаша на Мьстислава. оже утаивься их пусти в навороп. сѣдельники своѣ и к о щ ѣ ѣ» (стлб. 540).

Любопытно, что даже личное тюркское имя «Олбырь», которое сопоставляют с «ольберами» «Слова о полку Игореве», также находится в Летописи Петра Бориславича: «Мьстислав. рад быв рѣчи тои. и посла к ним с тѣм же отроком. тои же ночи. О л б ы р я Шерошевича» (стлб. 501). Ср. в «Слове»: «А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего! Ярослава, с черниговьскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с о л ь б е р ы. Ти бо бес щитов с засапожники кликом плѣкы побѣждают» (с. 26—27).

Среди других лексических соответствий в языке Летописи Мстиславова племени и «Слова о полку Игореве» обращает на себя внимание такое редкое значение сущ. «полк», как 'стан', 'лагерь', 'стоянка'. В «Слове»: «О Днепре Словутицю! . . . Ты лелѣял еси на себѣ Святославли посады д о п л ѣ к у Кобякова» (с. 39). В Ипатьевской летописи слово «полк» в этом смысле отмечено под 1149 г.: «Пришедши же стрѣлци от Изяслава и от Ростислава. и възбиша ратьныя от города. и гнаша я оли д о п о л к у их» (стлб. 379). Любопытно, что и во втором примере употребления слова «полк» в этом значении, известном из Лаврентьевской летописи под 1153 г., упоминается князь Изяслав: «На ту же ночь убоявься Изяслав. зане бѣ остался н а п о л к у с малою дружиною. река да не выпутся на нас из города. повелѣ избити колодники. а лутшиѣ их мужи веде с собою г Кйеву». ¹⁵ Если мы сравним этот пример с соответствующим местом Ипатьевской летописи, то должны будем признать, что оба они восходят к одному общему источнику, возможно, — к Летописи Петра Бориславича: «На ту же ночь убоявься Изяслав. зане бѣ остался с малом дружины н а п о л ч и щ и. река» (стлб. 467). Можно думать, что форма «полчище» Ипатьевской летописи вторична. Первоначально в тексте Петра Бориславича должно было быть, как и в летописи Лаврентьевской, слово «полк».

Употребление в «Слове о полку Игореве» вспомогательного глагола «быти» в прошедшем времени со значением 'было бы' отмечено А. И. Соболевским: «Пѣти б ы л о, вѣщнѣ Игореви, того внуку» (с. 6); «Чи ли вѣспѣти б ы л о, вѣщнѣ Бояне, Велесовь внуче» (с. 7); «Не лѣпо ли ны б я ш е т ь, братіе, начяти старыми словесы трудных повѣстїи о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!» (с. 1). Однако параллель к этим примерам

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 34.

¹⁵ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 341.

он смог привести лишь из позднего (XVI—XVII вв.) рукописного сборника: «Добро ти было о, чадо, здѣ жити».¹⁶ Ср., однако, в Ипатьевской летописи под 1170 г.: «Вложи бог в сердце Мстиславу Изяславичу. мысль благу о Руской земли. . . и съзва братью свою. и нача думати с ними. река им тако. . . а лѣпо ны было о брате възряче на божию помощь. и на молитву святоѣ Богородици поискати отецъ своих и дѣд своих пути. и своеи чести» (стлб. 538).

Достаточно редко в древнерусском языке и вопр. нареч. «кое» в смысле 'где'. Ср. в «Слове»: «Инъгварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы лядкыи и щиты?» (с. 32—33). Единственный случай такого значения «кое» в Ипатьевской летописи приходится на текст Петра Бориславича под 1169 г.: «И узриша [берендичи] и одного ѣздяща. и рѣша ему. ты нам тако молвяше. братья вси со мною суть. а кое есть Андрѣевич Володимир. и Ярослав. и Давыд» (стлб. 536).

Редко встречается в древнерусский период и вопр. нареч. «чему». В плаче Ярославны: «Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи хиновскыя стрѣлки. . . на моя лады вои? . . . Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?» (с. 38). Обычная параллель — из речи Владимира Мономаха в ПВЛ: «Да се еси пришел и сѣдишь с братьею своею. на одном коврѣ. то чему не жалуешься».¹⁷ Ср., однако, у Петра Бориславича: «Он же поча ему молвити. чему тобѣ наша отгычина тобѣ си сторона не надобѣ» (1174 г., — стлб. 578); «Ярослав же Черниговскыи. и поча слати послы своя к Рюрикови. река ему чему еси брате. почал волость мою воевати» (1196 г., — стлб. 695).

На особенность употребления в «Слове» личного местоимения вместо соответствующего притяжательного обратил внимание Л. А. Булаховский в работе «„Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка». В обращении великого князя Святослава к Игорю и Всеволоду, пишет он, «имеем странно звучащую для нашего времени конструкцию: „ваю храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована а в буести закалена“, т. е. по характеру грамматического выражения — „вас (обоих) храбрые сердца. . .“, а не „ваши храбрые сердца“».¹⁸ Подобное употребление местоимения «ва» характерно для «Слова». Ср. еще: «Ты буи Рюриче и Давыде! . . . Не в аю ли храбрая дружина рыкают акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?» (с. 29); «А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носит в аю ум на дѣло» (с. 31—32). Между тем в Ипатьевской летописи сходные конструкции встречаются редко, лишь в Летописи Мстиславова племени находим несколько таких оборотов: «Изяслав же сгадав с братом своим Ростиславом. явиста кияном. рекуче с т р ы и н а ю пришел. . . они же рекоша г о с п о д и н а н а ю князя не погубита нас до конца. . . аже по сих дньех. кде узрим с т я г ы в а ю. ту мы готовы. ваю есмы» (стлб. 383).

Представляют некоторый интерес также имеющиеся в сочинении Петра Бориславича производные от сущ. «кметь» и «котора», известных по «Слову о полку Игореве». Так как слова «кметь» и «котора» в Ипатьевской летописи исследуемого периода вообще не употребляются,¹⁹ то единственным доказательством того, что Петру Бориславичу они были знакомы, являются следующие примеры: «Кияне же дивяхутся угром множеству

¹⁶ А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». — ИпоРЯС, т. II, 1929, кн. 1, с. 186.

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 273.

¹⁸ «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, с. 134.

¹⁹ Однако в Летописной повести о походе Игоря Святославича: «. . . и бысть у них к о т о р а» (стлб. 646).

и к м е т ь с т в а и х» (стлб. 416); «В то же веремя. пришел бѣ Гюргевичь старѣишии Ростислав. р о с к о т о р а в ѣ с я с отцемъ своим. оже ему отецъ волости не да в Суждальской земли» (стлб. 366).

Глаг. «роскоторатися» важен для нашего исследования и в другом отношении. В Ипатьевской летописи он встречается всего два раза, и обе записи с этим глаголом близки по форме также потому, что в обоих случаях в описываемых событиях принимал участие князь Изяслав. Таким образом, можно думать, что эти записи сделаны одним лицом. Ср под 1143 г.: «В то же лѣто. р о с к о т о р о с т а с я. Всеволод с Володимѣрком. про сына оже сѣде сын его Володимири. . . Всеволод же с братьею иде на нь» (стлб. 314—315). Как выясняется дальше, в составе этой «братьи» были Изяслав и Ростислав Мстиславичи.

Еще К. Н. Бестужев-Рюмин высказал мысль, что летописцу Изяслава могли принадлежать не только описание его великого княжения, но и более ранние известия об участии этого князя в походе на Полоцк в 1128 г.²⁰ Б. А. Рыбаков предполагает, что именно летописцем князя Изяслава Мстиславича был внесен ряд ретроспективных записей в статьи Ипатьевской летописи 1130—1140 гг.²¹ Уже здесь, по мысли Б. А. Рыбакова, создатель Летописи Мстиславова племени проявил себя как историк, который обращается к прошлому, чтобы лучше объяснить настоящее. Примеры исторических экскурсов Петра Бориславича, приведенные в книге «Русские летописцы. . .», позволяют говорить о близости его творческой манеры к манере автора «Слова». Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и следующий факт. Описывая поход Изяслава Мстиславича на Владимирка Галицкого в 1152 г., летописец как будто неожиданно вспоминает события тридцатилетней давности: «И поиде Изяслав от Володимера с полкы своими по королеви. дорозѣ.²² ею же бяшетъ приѣхат. на Андрѣя на Володимирича с Ярославом Святополчицем. его же и убиша ту. у Володимирия» (стлб. 447) Смерть Ярослава, приведенного на Русь несметные чужеземные полчища, ярко описана в летописи под 1123 г. Внешнее обстоятельство — дорога, ведущая от Владимира к Галичу, — воскресила в памяти летописца воспоминание о событии, которое могло быть ему известно из книг и рассказов старших современников.

Многие приставочные образования, отмеченные в «Слове о полку Игореве», индивидуальны. Только в этом произведении встречается, например, глаг. «попоити»: «Ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбри русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (с. 18). Поэтому важно отметить, что образование с приставкой «по-», близкое по смыслу к «попоити», дает и Петр Бориславич: «Потом же позва Давыд чернии клобуци вси. и ту попиша ся у него вси чорнии клоци (клобуци)» (1195 г., — стлб. 682).

В форме, отличной от той, которая известна «Слову о полку Игореве», употреблен в Ипатьевской летописи глаг. «подъхитити» со значением 'подхватить': «И не може с того мѣста ни мало поступити [Володимири]. и хотѣ летѣти. и ту под хы ти ша и под руцѣ. и несоша и в горенку» (стлб. 463). В «Слове» глаг. «похитити» встречается в контексте, который противоречит его обычному дословному переводу 'похитить': «Нъ рекосте: „Мужаймъся сами, преднюю славу сами по хы тимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“» (с. 27). Присоединяемся к мнению Н. А. Мещер-

²⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей. . . , с. 105

²¹ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы. . . , с. 310—328

²² Ср под 1190 г. «Тое же зныи половци въехаша Ростиславлю дорогою» (стлб. 672).

ского, который предполагает, что в данном случае «похытимъ» может обозначать не 'насилъственно завладеем', а 'подхватим, поддержим падшую «переднюю, прадедную славу»'.²³ Однако в отличие от Н. А. Мещерского, который считает данное значение глаг. «похытити» диалектным, выскажем другое предположение, подсказанное текстом Петра Бориславича. Может быть, в оригинале «Слова» этот глагол имел другую форму, т. е. «подъхытити»,²⁴ и только при переписке данное редкое образование было заменено более обычным глаголом «похытити», вследствие чего затемнился и смысл всего выражения.

Представляет любопытную загадку употребление в Летописи Мстиславова племени слова «комонь». «Слово о полку Игореве» знает именно такой вариант обычного в древнерусском языке сущ. «конь», который в этом произведении мог быть поддержан народнопоэтической традицией. Наши древние авторы, как правило, слово «комонь» не употребляют.²⁵ Для доказательства его бытования в языке древнерусской письменности обычно приводят одну и ту же цитату из ПВЛ под 969 г.: «Переяславци в Дунаи. . . вся благая сходятся, от Грек злато паволоки. вина оwoщеве разноличныя. и Щех же из Урог (Угор, — В. Ф.) сребро и к о м о н и. Из Руси же скоро и воск мед. и челядь».²⁶ Еще один случай отмечен Ф. П. Филиным в Львовской летописи под 1103 г.: «И нача даяти на себѣ Бельдѣзь золото и серебро и к о м а н и».²⁷

Остальные три примера берут из Ипатьевской летописи под 1148 г., т. е. из текста, который несомненно принадлежит Петру Бориславичу. Загадочно в данном случае то, что до 1148 г. этот летописец, как и его современники, употреблял только сущ. «конь». «Комонь» появляется в его летописи впервые при передаче прямой речи венгров, прибывших на помощь к Изяславу: «И рекоша ему угре мы гости есме твои. оже добръ надѣшися на князю то ты сам вѣдаеши люди своя. а к о м о н и под нами. . . сеѣ ноци како ны бог дасть поѣдем» (стлб. 414).

Отличительной особенностью Летописи Мстиславова племени, как показал Б. А. Рыбаков, является включение в ее текст большого количества грамот, посланий и речей. Б. А. Рыбаков обратил также внимание на то, что документы приводятся в ней, как правило, без каких-либо изменений содержания и формы. Об этом же свидетельствуют и наши наблюдения над языком Ипатьевской летописи: в той ее части, которая может быть связана с Петром Бориславичем, такого рода вставки резко отличаются по языку от текста летописца. Можем предположить поэтому, что в данном случае слово «комонь» употребил переводчик венгров, возможно чех (в древнечешском языке имелись слова «комонь» и «комоньство»),²⁸ о чем как будто свидетельствует и то, что, продолжая свое повествование, Петр Бориславич употребляет это существительное в обычной для древнерусского летописания форме: «Изяслав же всѣд на к о н ъ переиде Въздвигденъ» (стлб. 415). Когда же его рассказ переключается

²³ Н. А. Мещерский. О территориальном приурочении «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Карельского педагогического института, 1956, т. III, вып. 1, серия историко-филологических наук, с. 83.

²⁴ В смысле 'поднять' употребляет Петр Бориславич и глаг. «въсхытити», который в «Материалах» Срезневского дается только со значением 'похитить', 'унести': «И сня себе [Изяслав] шелом. и позна и. и то слышавше мнози. и в ъ с х ы т и ш а и руками своими. с радостью яко царя и князя. своего» (стлб. 439).

²⁵ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , с. 215.

²⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 67.

²⁷ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , с. 215.

²⁸ Слово «комоньство» встречается в Ипатьевской летописи всего один раз у летописца Андрея Боголюбского. «Конь же его язвен велми. унес господина своего умре. князь же Андрѣи жалуя к о м о н ъ с т в а его повелѣ и погresti над Стырем» (стлб. 391).

на венгров, он снова говорит о «комонях»: «Княне же дивяхутся угром множеству и кметства их. и к о м о н е м их» (стлб. 416). «Вячеслав же Изяслав велику честь створиста угром. Вячеслав же от себе а Изяслав же от себе. и дарми многими одариста и и съсуды и порты. и к о м о н и и и паволоками. и всякими дарми» (стлб. 419).

Суц. «Олговичи» — множественное число отчества «Олгович» — употреблено в «Слове о полку Игореве» лишь однажды: «О л г о в и ч и, храбрыи князи, dospьли на брань» (с. 32). Тем не менее нельзя недооценивать значения этого единственного примера для решения вопроса о том, интересы какой княжеской ветви отстаивает автор памятника. Уже давно было замечено, что летописцы самих Ольговичей этим названием не пользовались.²⁹ Исследование Б. А. Рыбакова подтвердило, что ни Поликарп, ни летописец Святослава Всеволодича название «Олговичи» не применяли: обычно они или перечисляли князей-родственников, или употребляли выражения «братия его», «своя братия» (по отношению к Святославу Всеволодичу).³⁰ Для нашей темы представляет интерес и следующее наблюдение Б. А. Рыбакова: в Ипатьевской летописи употребление слова «Олговичи» обрывается в 1196 г. одновременно с прекращением летописания Петра Бориславича.

Не только среди самостоятельных, но и среди служебных частей речи в Летописи Мстиславова племени можно найти случаи близости со «Словом о полку Игореве». Например, двойной союз «чи ли» употреблен в «Слове» в вопросительной функции со значением 'или': «Ч и л и въспьти было, вьщещи Бояне, Велесовь внуце: „Комони ржуть за Сулюю — звенить слава в Кыеве“» (с. 7). По наблюдениям Л. А. Булаховского, это образование, состоящее из двух порознь хорошо известных союзов «чи» и «ли», настолько редко, что могло бы попасть в «сомнительные», если бы И. И. Срезневскому не посчастливилось найти еще один пример в «Златоструе» XII в.: «Ребра съкроити ч и л и ражны повирати тьло».³¹ Однако и этот редчайший союз имеется у Петра Бориславича: «Угорьским мужем пришедшим на думу. и рече им [Изяслав] се Володимер по нас идти. а мы сде стоимы аз братье молвлю. вам. сде ли хочем стояти ц и л и быхом и еще своего труда не правяче сеь ночи поьхали» (стлб. 413).

Как на одно из свидетельств близости лексики «Слова о полку Игореве» и Летописи Мстиславова племени укажем также на употребление частицы «ти» в усилительном значении. Долгое время для переводчиков и комментаторов «Слова» смысл предложений с этой частицей оставался неясным. В работе «Малорусская народная песня по списку XVI в.» А. А. Потехня приводит следующие примеры: «Сьдлай, брате, свои брьзыи комони, а мои т и готови. . . а мои т и куряни свьдоми кьмети»; «Нь уже, княже, Игорю утрпьь солнцю свьт. . . Дон т и, княже, кличет и зоветь князи на побьду»; «Тяжко т и головы кромь плечю; зло т и тьло кромь головы».³²

А. А. Потехня первый показал, что «ти» употребляется здесь как усилительная частица 'ведь' и что в таком значении это слово известно и некоторым другим древнерусским произведениям.³³ В отличие от последних в Летописи Мстиславова племени, как и в «Слове о полку Игореве», частица «ти» последовательно употребляется лишь в прямой речи: «Мьсти-

²⁹ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей. . . , с. 148.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы. . . , с. 408.

³¹ Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, с. 162.

³² А. А. Потехня. «Слово о полку Игореве». Текст и примечания. Харьков, 1914, с. 188—189.

³³ Там же, с. 189—191.

славу же лежащо. и дружинѣ его. пригнавшѣ сторожеве рекоша ему не лежи княже. Глѣб т и пришел на тя. в борзѣ» (стлб. 360); «И рекоша Изяславу Гюрги вышел ис Киева. а Вячьслав сѣдти т и в Киевѣ» (стлб. 396); «Бѣлогородци же потекоша противу к мостьку кланяющеса и рекуще. княже поѣди. Борис т и побѣжал» (стлб. 415); «Володимер же вѣѣха. в Бѣлгород. и посла к брату своему Изяславу и рече ему аз т и в Бѣлгород вѣѣхал а Борис выбѣгл» (стлб. 415); «Потом повѣда ему Володимер. идеть т и Володимер Галичьский» (стлб. 441—442).

Как бы ни были интересны совпадения отдельных слов сами по себе, они могут быть более или менее убедительными лишь в сочетании с другими словами в предложении. На то, что отдельные выражения пропозвещения Петра Бориславича напоминают манеру «Слова о полку Игореве», уже давно обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц.³⁴ Ниже рассмотрим те соотносительные выражения из Летописи Мстиславова племени и «Слова», которые позволяют предполагать одно лицо в качестве автора этих произведений.

Так, в приведенном выше предложении «Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань» (с. 32), кроме сущ. «Олговичи», внимание привлекает словосочетание «доспѣти на брань».

Глаг. «доспѣвати, доспѣти» употреблялся в древнерусском языке в нескольких значениях. С оттенком 'приготовиться', 'собраться', 'поспешить' он нередко встречается в летописи. Так, еще в ПВЛ: «И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати нѣ ли мужа. се нашъ до сп ѣ л». ³⁵ Известен этот глагол и летописцам — современникам автора «Слова». В той части Ипатьевской летописи, которую можно связать с Петром Бориславичем, глаг. «доспѣвати» употребляется особенно часто. Встречается он и в авторской речи: «Изяслав же то слышав на ча до сп ѣ в а т и» (стлб. 374); «Полци же на ча ша до сп ѣ в а т и» (стлб. 436). Но, по-видимому, особенно любил это слово князь Изяслав Мстиславич. В его речи оно встречается постоянно: «Изяслав же рече им. . . а всяко сего пути не хочю отложити. а вы до сп ѣ в а и т е» (стлб. 344); «Рече им Изяславль посол. . . поидите по мнѣ к Чернигову. на Олговичъ до сп ѣ в а и т е от мала и до велика» (стлб. 348); «И рече ему посол Изяславль. . . а се брате стрыи мои грядеть на мя. а брате до сп ѣ в а и. какоже Володимер до сп ѣ в а е т ѣ» (стлб. 374). Впрочем, употребляют его и другие князья, о которых пишет Петр Бориславич: «Вячеслав же рече ко Изяславу и к Ростиславу. се есмы братья уже. до сп ѣ л и» (стлб. 428); «А яз сѣжю до сп ѣ в. ждя от ни вѣсти правои» (стлб. 697—698).

Как правило, в древнерусских текстах глаг. «доспѣвати» употребляется без зависимых падежных или предложно-падежных форм. Однако как глагол с оттенком значения целенаправленного действия он — потенциально — не отрицает возможности сочетания с зависимыми формами, передающими значение направленности. Словосочетание «доспѣли на брань» в «Слове о полку Игореве» представляет в некотором роде исключение, с одной стороны, и первичную реализацию в речи потенциальных сочетаемостных возможностей указанного глагола — с другой стороны. Тем более интересно, что именно в Летописи Мстиславова племени трижды встречается этот глагол, управляющий винительным падежом с предлогом «на»: «Он же рече сыну тако ти и гораздо готов буди на передѣ иди. до сп ѣ и же на п у т ѣ» (стлб. 343); «Вячьслав же и Изяслав на ча с т а до сп ѣ в а т и. на Гю р г я к Переяславлю» (стлб. 441); «Том же

³⁴ История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., 1941, с. 313—314.

³⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 123.

лѣтъ. Изяслав Мъстислаличъ. нача доспѣвати на Ярославѣ Володимирича. к Галичу» (стлб. 465).

Как и глаг. «доспѣвати», сущ. «обида» особенно часто встречается в той части Ипатьевской летописи, которая связана с Петром Бориславичем. По мнению исследователей, в XII—XIII вв. это слово входило в феодальную терминологию. Его основное значение — ‘нарушение права’, ‘несправедливость’.³⁶ В значении ‘оскорбительное нарушение прав’, ‘нанесение ущерба для чести’ употребляют слово «обида» и князья, о которых пишет Петр Бориславич: «Володимер же рече аже брат Святослав не приѣхал, ни сестричичъ твои. и вѣ есвѣ. а мы вси хрест цѣловали на том ако кде твоя о б и д а будетъ. а нам быти с тобою» (стлб. 367); «И тако новгородци и плесковичи снидошася на вѣче. и рече им [Изяслав Мстиславич] се братъ сын мои вы прислалися есте ко мнѣ. оже вы обидить стрьи мои Гюрги на есмь пришел сѣмо оставя Рускую землю. вас дѣля и ваших дѣля о б и д » (стлб. 370).

В «Слове о полку Игореве» сущ. «обида» дважды употреблено с предлогом «за»: «за обиду Олгову» (с. 15); «за обиду сего времени» (с. 29). Соответствующую конструкцию находим в следующем высказывании: «Вячеслав и Изяслав. . . тако рекоста. . . но аче твоя обида кде а нама даи бог ту самѣм быти з а т в о ю о б и д у» (стлб. 420). Другое выражение «Слова»: «не было он обидѣ порождено» (с. 11) — не имеет такого точного соответствия в Летописи Мстиславова племени, однако довольно близкую параллель к нему дает высказывание Изяслава Мстиславича, повторенное дважды: «В то же вереме посла Изяслав. к Вячеславу и к Гюргеви. река тако брата еста моя. . . не хочета ли того. всего испарити. то я в б и д ѣ (в обидѣ) не м о г у б ы т и» (стлб. 394); «Изяслав же якоже бяше рекл. переже. в о б и д ѣ не м о г у б ы т и. и тако оправяся в хрестном. целование» (стлб. 395).

В летописном языке XII в. сущ. «сила» нередко обозначало ‘войско’, ‘воинство’. В этом значении знает его и Петр Бориславич, который в отличие от других летописцев-современников употребляет это слово и во множественном числе: «А инии всими с и л а м и усрѣтоша. и» (стлб. 369); «И тако поидоша новгородци. с Изяславом. всими силами с в о и м и» (стлб. 370); «Чернии клобуци. . . приѣхаша к Изяславу всеми своими с и л а м и» (стлб. 400); «Кияне же всими своими с и л а м и и на конѣх и пѣши и тако сташа» (стлб. 427). Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Вѣстала обида в с и л а х Дажьбожа внука» (с. 19).

От слова «сила» в этом значении образовано приведенное под 1150 г. прил. «сильный» в смысле ‘могущественный’: «И начаша чернии клобуци молвити. Изяславу княже сила его велика. а у тебе мало дружины. даже не переидеть на ны черес рѣку. не погуби нас ни сам не погыни но ты наш князь коли с и н ѣ [переправлено в с и л е н] будеши» (стлб. 401). В таком же смысле употреблено «сильный» в Ипатьевской летописи еще раз и тоже в тексте, принадлежащем Петру Бориславичу: «А королеви тако рекоста [Вячеслав и Изяслав]. . . нынѣ тако же свое дѣло сверши добро. самого тебе не зовем. зане же царь ти ратен но пусти на помочь. любо таку же паки а сильнѣию того пусти на. с братом моим Мъстиславом а с наю сыном зане же Гюргии есть с и л е н. а Давыдовичи и Олговичи с ним суть» (стлб. 420—421).

В «Слове»: «А уже не вижду власти с и л ь н а г о, и богатаго, и многого брата моего Ярослава» (с. 26—27). Близко к этому значению в Ипатьевской летописи: «И рече ему [Изяслав] тамо брате у тебе по бозѣ.

³⁶ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн. «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, с. 84.

Новъгород с и л н ы и. и Смолнеск» (стлб. 455). Ср. стлб. 421: «. . . но пусти на помочь. любо таку же паку а с и л н ѣ и ш ю того». В последнем смысле употреблено прил. «сильный» при сущ. «полк» в «Слове о полку Игореве»: «Бяшетъ притрепетал своими с и л ь н ы м и п л ѣ к ы и харалужными мечи» (с. 21). Словосочетание «сильный полк» дважды встречается в Летописи Мстиславова племени: «И то рече ему король се ти пушаю полкы своя. . . аче ти ся п о л к и иструдять. а я с и л н ѣ и ш и пушю другыя» (стлб. 385); «И рече им [Изяслав]. . . а мы поѣдем в свои Киев. а в с и л н и и п о л к в киевский. аже въѣдем в нѣ. то аз въде ти ся за мя биють» (стлб. 413—414).

Остается добавить, что современники Петра Бориславича, как правило, употребляли прил. «сильный» в других значениях. Поликарп: «На утрии же день повелѣ Гюрги устроити о б ѣ д с и л е н и створи честь велику им» (1147 г., — стлб. 340); Кузьмище Киянин: «И по семь познавша. князя. и боряхуся с нимъ велми. бяшетъ бо с и л е н» (1175 г., — стлб. 587); Моисей: «И тако плакавъшеса над ним. все множество новгородское. и с и л н и и и худии. и нищии. и и убозѣи. и черноризьсцѣ» (1178 г., — стлб. 610); «Створи же Рюрик. Ростиславу велми с и л н у с в а д б у ака же несть бывала в Руси» (1187 г., — стлб. 658).

В Летописи Мстиславова племени встречаются и параллели к выражению «нѣ розно ся им хоботы пашут» (с. 37) «Слова о полку Игореве». Исследователи приводят в этом случае отрывок из послания венгерского короля Изяславу Мстиславичу: «Царь на мя грецкыи въставаеть ратью. и сеѣ ми зимы и весны не лзѣ на конь к тобѣ всѣсти. но обаче отце т в о и щ и т и м о и не розно е ста. аче ми самому нѣ лзѣ, а помочи коли хочеши. 10 ли тысячь болша ли а то ти послю» (1150 г., — стлб. 407). Другой пример находится под 1195 г., т. е. относится к последним годам деятельности Петра Бориславича: «И рекоша ему Казимеричи. мы быхом тобѣ радѣ помоглѣ. но обидить нас. стрыи свои Межька ищетъ под нами волости а переже оправи нас. а быхом былѣ вси ляхове не раздно. но за одиinemъ быхом щитом былѣ с т о б о ю и мьстили быхом обиды твоя» (стлб. 686—687). Как и во многих других случаях, здесь также проявляется связь двух частей произведения Петра Бориславича и «Слова о полку Игореве».³⁷

Одним из наиболее поэтических мест «Слова», которое рассматривают как своеобразный рефрен, является дважды повторенное предложение-восклицание: «А Игорева храбраго плѣку не крѣсити» (с. 20, 32). По мнению Д. С. Лихачева, это выражение создано на основе формулы, которая возникла еще в дофеодальный период и означала отказ от родовой мести. Именно в этом смысле ее употребляет в ПВЛ княгиня Ольга: «Уже мнѣ мужа своего не крѣсити».³⁸ В «Слове» это выражение употреблено в более новом значении — как формула утешения.³⁹ Особенно интересно, что единственным, кроме «Слова», источником, содержащим данное выражение в таком же смысле, является Ипатьевская летопись под 1151 г.: «И слыша Изяслав плачущася над братом своим Володимером и тако оставя свою немочь. и всадиша и на конь. и ѣха тамо. и тако плакашеть над ним акы и по братѣ своем и долго плакав и рече Изяславу Давыдовичю. с е г о н а м а у ж е н е к р ѣ с и т и» (стлб. 439).

³⁷ О том, почему в «Слове» говорится не о щитах, а о стягах, см.: Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 460—461.

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 56.

³⁹ Д. С. Лихачев. Устные истоки. . . , с. 83.

Привлекает внимание и следующее место «Слова о полку Игореве»: «Игорь плъкы заворочает: жалъ бо ему мила брата Всеволода» (с. 18). Дело в том, что в Ипатьевской летописи приведен очень интересный ответ князей Давидовичей Изяславу Мстиславичу, который включает и интересующее нас выражение: «Они же рекоша. брат цѣловали есме крест к Святославу. Олговичю. жалъ бо ны есть брата на шего держиши. Игоря а он уже чернецъ и скимник. а пусти брата нашего а мы подлѣ тебе ѣздим» (стлб. 346).

По предположению Д. С. Лихачева, в Киевской Руси послы передавали поручения князей устно в более или менее законченной формулировке.⁴⁰ При рассмотрении приведенного ответа мы должны учесть и то важное обстоятельство, что послом Изяслава Мстиславича, которому все это сказали Давидовичи, как раз и мог быть, по мысли Б. А. Рыбакова, Петр Бориславич.⁴¹ Вряд ли выражение это скоро изгладилось из памяти посла-летописца, тем более что вскоре Игорь был убит и ему вновь пришлось записать в свою летопись следующее послание родственников убитого князя: «Володимир же Изяслав Давыдовича. и Святослав Олговичъ и Всеволодичъ Святослав. послаша слы свои к Изяславу Мстиславичю ищюче мира. и тако рекуче. то есть было преже дѣд наших и при отцих наших. мир стойти до рати. а рать до мира. нынѣ же на нас про то не жалуй. оже есмы устали на рать. жалъ бо ны есть брата своего Игоря» (стлб. 364).

На страницах наших летописей не часто описывается такая братская согласованность действий, какую проявляют в «Слове» Игорь и Всеволод. Пожалуй, так дружно действовали в свое время лишь два других брата — Изяслав и Ростислав Мстиславичи; по крайней мере так описал их Петр Бориславич. Не раз приходилось Изяславу поджидать младшего брата: «Изяслав поиде потиха ожидая брата своего. Ростислава» (стлб. 357); «И приде Изяслав на Волгу. . . и ту жда брата своего Ростислава 4. дньи» (стлб. 370). Как не вспомнить тут знакомые строки: «Игорь ждет мила брата Всеволода» (с. 7).

Сходство еще увеличится, если проанализируем речь-послание Всеволода: «И рече ему буи тур Всеволод: „Один брат, один свѣт свѣтлыи — ты. Игорю! оба есвѣ Святъславлича; сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди“» (с. 7—8). Ведь сходные речи и послания Ростислава к старшему брату засвидетельствованы Ипатьевской летописью: «И рече Ростислав брату своему Изяславу. се на брате бог искушил. у мѣсто» (стлб. 357); «Ростислав же то отвѣца брату брату своему Изяславу рече. брате кланяю ти ся. ты еси мене старѣи а како ты вгадаеши а яз в том готов есмь» (стлб. 365). Намерение предупредить любое желание старшего брата выражено Ростиславом своего рода воинской формулой. Ср. в речи Всеволода: «а мои ти готови». Остается добавить, что и вызывающее дискуссии продолжение фразы Всеволода «а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди» имеет параллель в обращении Изяслава к племяннику Святославу: «Он же рече сыну тако ти и гораздо готов буди на передѣ иди. доспѣи же на путь» (стлб. 343). Наречие «на передѣ» согласуется здесь с прил. «готов» и, как и в «Слове о полку Игореве», имеет значение 'раньше'.

Употребляет Петр Бориславич и нехарактерное для летописного жанра фольклорное выражение «чистое поле». В «Слове»: «Тогда вѣступи Игорь князь в злат стремень и поѣха по чистому полю» (с. 9). В Летописи Мстиславова племени: «Вячьслав же и Изяслав. и Ростислав

⁴⁰ Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , с. 114—131.

⁴¹ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы. . . , с. 289, 385.

придоша вал на чистое поле. и поидоша бится» (стлб. 434—435). Но особенно любопытен встретившийся на последних страницах его летописи инверсированный порядок слов в сочетании «половецкая река»: «И быша на Ивлѣ на рѣцѣ на половѣцкои» (1193 г., — стлб. 677). Единственную параллель к этому месту Ипатьевской летописи можно найти в «Слове о полку Игореве»: «Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поют славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во днѣ Ка я л ы, р ѣ к ы п о л о в е ц к ы я» (с. 22).

«Слову» известно и идущее от народнопоэтической традиции повторение предлога в конструкции «река + ее название»: «На рѣцѣ на Ка я л ѣ тьма свѣт покрыла» (с. 25). Сочетания такого типа не характерны для летописного жанра, но у Петра Бориславича они встречаются и в самом начале его летописания.

1152 г.: «И начаша думати якоже заутра рано. поѣхати бится к рѣци к Санови» (стлб. 447); «И придоша к рѣцѣ к Санови. ниже города Перемышля» (стлб. 448); «Но про то его не взяша. оже бяше двор. княжь внѣ города. на лузѣ и ад рѣкою над Саном» (стлб. 449); «Ту же и стага товары перед городом над рѣкою. над Вягром» (стлб. 449).

1153 г.: «Изяслав же пусти Володимира Андреѣвича и сына своего Мъстислава. и черные клобуки бится с ними. о рѣку. о Сереть» (стлб. 466).

Мы не ставили перед собой задачи исчерпать все случаи⁴² лексической и синтаксической близости «Слова о полку Игореве» и предполагаемого произведения Петра Бориславича. Приведенные доказательства, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в той части Ипатьевской летописи, которая может быть приписана этому автору, сконцентрирована ббольшая часть общей со «Словом» лексики и сходных грамматических конструкций.

⁴² Дополнительный материал можно найти в книге В. П. Адриановой-Перетц «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков» (Л., 1968).

В. А. КОЗЫРЕВ

Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров

Современные русские народные говоры, сохраняя в своем составе многие архаические черты, служат одним из важных и вполне надежных источников для изучения древнерусского языка, в том числе — и языка отдельных памятников древнерусской письменности. На необходимость широкого привлечения современных диалектных данных к анализу словарного состава «Слова о полку Игореве» неоднократно обращали внимание многие ученые, однако работы подобного направления пока еще единичны;¹ причем и в этих немногочисленных исследованиях в поле зрения оказываются, как правило, отдельные лексемы, а не весь словарный состав памятника. Между тем назрела необходимость не выборочного, а по возможности полного диалектологического комментария текста «Слова о полку Игореве», так как лишь таковой позволяет рассмотреть взаимоотношения лексики «Слова» с лексикой народных говоров.

Поставив перед собой задачу сопоставительного изучения словарного состава «Слова о полку Игореве» и лексики современных русских народных говоров, автор этой статьи обратился к поискам в живой народной речи словарных соответствий к лексике «Слова», которая не сохранилась в современном русском литературном языке. Основным источником для выявления такого рода параллелей послужили полевые записи автора во время специальных диалектологических экспедиций 1967—1972 гг. в Брянскую область (т. е. на ту территорию или сопредельную той, где происходили описываемые в «Слове» события), а также материалы нескольких диалектных словарных картотек² и показания всех опубликованных региональных словарей. В результате обнаружены соответствия к 151 лексеме памятника; из них большую часть составляют параллели к тем лексемам (их 86), которые, кроме «Слова», более нигде не отмечены или редко употребительны в иных памятниках, другая группа — это параллели к лексике, широко употребительной в памятниках (51 слово), и, наконец, малочисленная группа параллелей (к 14 лексемам), представляющих

¹ Из старых работ — Н. Тихонов. Слово о полку Игореве. М., 1868; из новых — С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958; В. В. Ничук. «Слово о полку Игореве» и народна мова. — Мовознавство, 1967, № 4: 196, № 1.

² Картотека «Словаря брянских говоров» (Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена), картотека «Словаря орловских говоров» (Орловский гос. педагогический институт), картотека «Словаря смоленских говоров» (Смоленский гос. педагогический институт им. К. Маркса), картотека «Псковского областного словаря» (Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова), картотека «Словаря русских народных говоров» (Словарный сектор Института русского языка АН СССР).

собой лишь однокоренные или соотносительные по семантике образования.³

Наличие современных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в современных русских народных говорах свидетельствует об органической связи словарного состава памятника и народных говоров.

Значительная часть той лексики, которая отмечена лишь в «Слове» и не встречается более ни в одном другом письменном памятнике, имеется в современных русских народных говорах. К разряду таких слов и словосочетаний относятся, например: *не бологомъ* (ср. в брянских говорах *бологомъ* 'добром': «Ни хател б'ялагом, т'къ типерь ширис сут»; не к *бологѹ*, не к *бологомѹ* 'не к добру': «Ни к б'ялагу сароки траскочють», «Ни к б'ялагому, г дожку литают ласт'ьчки, ни г дабру»), *верезенъ* (ср. в брянских говорах *верезённый* 'повреждённый': «На вит чилавек, а слабый, весь верезённый, всей ранетый н'ъ вайне»), *зараніе* (ср. в брянских говорах *зараніе* 'раннее утро', подробно см. далее), *карна* (ср. в брянских говорах *карна* 'мука', 'скорбь', подробно см. далее), *раскропоти* (ср. в брянских говорах *раскропѣть* 'расплескать': «Р'ьскрапили гуси ваду ис карыта»), *троскотати* (ср. в брянских говорах *троскотать* 'стрекотать' — о сороках, подробно см. далее), *трудный* (ср. в брянских говорах *трудный* 'печальный', 'скорбный': «Трудн'я сидит, тамнуеть, душа-та балить п'ъ сынош'ьку»), *свѣчай* и *обычай* (ср. в брянских говорах *свѣчай* и *обычай* 'пожелание счастливой согласной жизни: любовь, согласие, дружба, лад', подробно см. далее), *уши закладати* (ср. в брянских говорах *уши закладать* 'закрывать, запирать засовом' и *уши закладаются* 'закрываются, запираются засовом': «Лазбень — сала кладуть, то кадушка с ухами, уши палк'ый з'ькладают и н'ъ замок», «Ш'ыецца кашель, р'ьсп'ьстираецца гняздо, а патом ч'ьтыри уха, уши з'ькладающ'ца и аборк'ьми связыв'юцца»), и многие другие.

Наличие в современных русских народных говорах параллелей к лексике, употребленной в «Слове о полку Игореве» (и особенно к той, которая отмечена т о л ь к о в «Слове»), — еще одно свидетельство древности и подлинности памятника. Действительно, откуда мог «заимствовать» пресловутый мистификатор те лексико-фразеологические элементы, которые, кроме «Слова», нигде не зафиксированы и обнаружены лишь в современных русских народных говорах? Каким образом ему стали известны те диалектные материалы, сведениями о которых лингвисты стали располагать лишь в XIX—XX вв. (а многие из которых до настоящего времени вообще отсутствовали в научном обороте и введены впервые)? Остается сделать еще одно невероятное допущение, что наряду с феноменальной начитанностью в древнерусских памятниках фальсификатор обладал отличным знанием народных говоров разных территорий. Именно тот факт, что постоянно обнаруживаются все новые и новые параллели к единичным, уникальным словарным элементам «Слова», является самым убедительным доказательством подлинности памятника. Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «Удивительно, как легко шел текст „Слова“ навстречу своим комментаторам. Такое положение было бы абсолютно невозможно с текстом фальсификата».⁴

Расширение сравнительного изучения лексики «Слова о полку Игореве» за счет привлечения данных современных русских народных говоров

³ Полный перечень всех обнаруженных параллелей с иллюстративным диалектным материалом см.: В. А. К о з ы р е в. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах. — В кн.: Брянские говоры, вып. III. Л., 1975, с. 56—148.

⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности. В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1962, с. 39.

значительно обогащает ту фактическую базу, на которой основывается толкование текста памятника.

Так, например, до сих пор вызывает противоречивые толкования словосочетание *босыи влькъъ*, не отмеченное ни в одном другом памятнике (за исключением имени собственного *Босоволковъ*, зафиксированного в летописи под 1347 г.)⁵ и известное в псковских говорах (по упоминанию В. И. Чернышева).⁶ Нами установлено, что в современных брянских говорах словосочетание *ббсый волк* широко употребляется в сравнении (*как ббсый волк*): «Што ты разбалъвьлся, как съмашэтшый бегъиш, как босый волк», «Как босый волк бегъить», «У нас гаворють — как босый волк, а чилавеки, как он бягить». Приведенные примеры свидетельствуют об употреблении словосочетания *ббсый волк* (в сравнении) для характеристики быстро бегущего человека (ср. аналогичное употребление этого словосочетания в памятнике: с босым волком сравнивается князь Игорь, бегущий из плена). Более развернутый текст позволяет уточнить тот смысл, который вкладывается носителями брянских говоров в словосочетание *ббсый волк* и в сравнение *как ббсый волк*: «Босый волк — када шэрсть тирайт, вот босый волк, шэрсть тирайт, шэрсть збрасываит вясной, зимой был серый, а збросил — стал босый, билаватый, биялый дельицца. Ну, пабах, как босый волк, и ни дагониш, он абляхчил, ажывлённый дельицца вясною, бегъить бьстрей». Как видим, *ббсый* применительно к волку употребляется в брянских говорах прежде всего для обозначения цвета шерсти: 'светлый', 'беловатый' (в результате весенней линьки), — отсюда сравнение *как ббсый волк* имеет в брянских говорах следующий смысл: 'как полинявший волк', переносно — 'быстрый', 'подвижный'. Сведения о семантике имени прилагательного *ббсый* и словосочетания *ббсый волк* в русских народных говорах (прежде всего брянских) позволяют предположить, что и в «Слове о полку Игореве» под *босыи* следует иметь в виду специфическую окраску волка после весенней линьки, в результате чего сравнение (*босымъ влькомъ*, т. е. 'быстро', 'стремительно') приобретает реальный смысл.⁷

Обнаруженные в брянских говорах параллели к лексеме *буи* позволяют дать новое истолкование этого слова в памятнике (в том числе — и в составе эпитета Всеволода *буи туръ*): 'могучий', 'сильный'; 'большого роста', 'крепкого телосложения'.⁸ Именно с такой семантикой прилагательное *буйный* широко употребительно в брянских говорах: «Буйный мужык — плечистый, высокий, здоровый», «Вот чилавек буйный, здоровый, бальшой, аны, такая-та, смелыи и бывають», «Крупный во бугай, буйный, здоровый», «Крепкий и сильный ён, харошый хлопец, плечистый, плечи так широкие, буйный, адно слова буйный».

Въсплескати (*плескати*), по данным письменных памятников, употребляется обычно с семантикой 'хлопать в ладоши', 'рукоплескать'. Исходя из этого, В. П. Адрианова-Перетц заключает: «В „Слове“ лебединые крылья плещут, как руки».⁹ Думается, что более правы составители «Словаря-

⁵ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1. А—Г. Под ред. Б. Л. Богородского, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева. М.—Л., 1965. с. 65.

⁶ В. И. Чернышев. Темные слова в русском языке. — В кн.: Избранные труды в 2 томах, т. I. М., 1970, с. 307.

⁷ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 65): *босыи* — 'белогоный (?)', *босыи влькъ* — 'необыкновенный'; 'быстрый'.

⁸ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 75): *буи* — 'смелый', 'отважный'; в составе хвалебного эпитета *буи туръ* — 'могучий'; первоначально: 'рослый, могучий бык'.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 113.

справочника „Слова о полку Игореве“, толкующие *въсплескати* как ‘начать хлопать по воде, всплескивая ее’.¹⁰ Употребление глагола *въсплескати* в этом значении нигде более не отмечено (за исключением Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», где *въсплескати* — явное заимствование из «Слова»), однако такое толкование подтверждается современными брянскими параллелями: «Гуси радывъюцца, што нъ ваде, тады васплешшущца, а гусенятки ныряють къла их там, так ляпешшущца», «Аны (гуси, — В. К.) как васплешшущца, тьк усю ваду узбурдычатъ».

К группе «темных», малопонятных слов памятника относится лексема *въсрожити*, по поводу которой предлагались самые разные конъектуры и прочтения. Имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы свидетельствуют в пользу поправки, предложенной А. А. Потебней и поддержанной А. С. Орловым и Д. С. Лихачевым (имеется в виду исправление *въсрожатъ* на *въсрашати*,¹¹ т. е. ‘волки възерошивают страх, грозу по ярам’,¹² ‘възерошивают’, ‘возбуждают’.¹³ В современных брянских говорах отмечено слово *восрашати* в двух значениях: 1) ‘възерошить’: «Въсрашыла дыбърэм виски, въсрашыла — эта адно и то жа, што взяршыла»; 2) перен. — ‘разбередить’: «Уш так тьмнавала, так галосила, аш усю душэньку въсрашыла».

Переносное употребление слова *глаголити*, обнаруженное в современных брянских говорах (например: «Сароки дож глаголють», «Ластушка къла дому рьзляталъсь, ти бяду глаголити, ти што»), не только указывает на возможность существования в древнерусском языке необычного словосочетания *стязи глаголють*, но и позволяет уточнить его значение: ‘стяги вешают, предупреждают’.¹⁴

Гнъздо ‘человеческая семья, род’,¹⁵ кроме «Слова» употребленное с такой семантикой лишь в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (причем считается, что в «Задонщине» этот образ является вторичным¹⁶), находит фактическое обоснование в русских народных говорах: *гнездб* ‘семья’, ‘род’ довольно обычно в народной речи.¹⁷ Например, в брянских говорах: «Двинацъть душ была у том гнезде, свякруха старшья», «С такога гнезда нехарошъява — кто въравитый, кто разбойнистый, такая их парода нехарошъя, гнездо усё праклятъя». Ср. аналогичную конструкцию в «Слове о полку Игореве»: «н е х у д а гнъзда шестокрилци»; в брянских говорах — «нехарошъява гнезда хлопцы», «усе аднаго гнезда дети», «ана папофьскъяга гнезда».

Данные о семантике современных брянских параллелей к лексеме *жестокый* заставляют усомниться в правомерности общепринятого толкования ‘крепкий’, ‘твердый’, ‘жесткий’ и (перен.) ‘крепкий’, ‘сильный’ (о теле). В современных брянских говорах слово *жестбкий* широко бытует в следующих значениях: 1) ‘горячий’, ‘имеющий высокую температуру’: «Торхвъм тапить хърашо, драва-та быстра гарять, а торхвъм зътапить — тьк да вечера печька жастокъя будеть, духу многа ат яго»,

¹⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 135.

¹¹ *Въсрашати* (*въсрашити*) представлено в памятниках XI—XII вв. единичными примерами (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 149).

¹² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, с. 100.

¹³ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 398.

¹⁴ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 156): *глаголати*, образно (о знаменах) — ‘шуметь на ветру’ или перен. ‘сигнализировать’.

¹⁵ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 160.

¹⁶ См.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 485. [Примечания О. В. Творогова].

¹⁷ См., например: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1863; Словарь русских народных говоров, вып. 6. Л., 1971.

«Жар у яго большой, тела жастокѣ, нада тряпку халодную пѣприкладать», «Када бальной шилавек, к нему сильная жара пристуааеть, тела жастокѣ делъицца, пиригарить, апягь палучышэить»; 2) 'разгоряченный', 'потный': «Куда ты лезиш рѣспатефшы, тела ш жастокѣя, а ф халодную ваду»; 3) 'вспыльчивый', 'горячий', 'запальчивый' (о человеке, его характере, нраве): «У яго жастокый нѣрав, яму пѣд руку не пѣпадайся, што не пѣ яму скажэш, пряма палкѣй магеть перепаеаьтъ», «Наш директѣр ох ы жэсток, во лихой»; 4) 'горячий', 'напряженный' (о времени): «Ныньши и гѣлаву не прикланула, шдас жа дела сязоннѣе, жастокые дянѣшкы»; 5) 'быстрый', 'резвый', 'горячий', 'стремительный' (о человеке и животных): «Какой быстрый парень, скажутъ — жастокый, а есьть тихенькие, спакойненькие, рахманенькие», «Конь прыткий, ня удержыш, жастокый, аш танцует»; 6) 'бойкий', 'находчивый': «У нас нарот жастокый, гѣвари — не прѣгаваривѣйся». Ср. данные других славянских языков: хорватск. *žest* 'solidus'; *žestok* 'рагасерс', сербск. *жѣсток* 'горячий' (о человеке); *жестина* 'горячность'; *жестити се*, *жѣстим се* 'вспыхивать', 'разъяряться'.¹⁸ Указанные сведения из сербского и хорватского языков, а также данные о значении слова *жестокый* в современных русских народных говорах свидетельствуют о том, что такого рода факты не являются изолированными в славянском языковом мире и, возможно, восходят к древнему периоду общеславянской общности. Отсутствие соответствующих исторических данных (в памятниках русской письменности интересующее нас слово с такой семантикой не отмечено, а известно преимущественно в значении 'крепкий', 'твердый')¹⁹ не говорит в пользу этого предположения, но и не снимает его: тот факт, что это значение слова не зафиксировано в известных нам письменных памятниках, еще не является свидетельством того, что его вовсе не существовало. Возможно, уже в ранний период оно было редким, может быть — диалектным. Во всяком случае нельзя оставлять без внимания однородные факты трех славянских языков (сербского, хорватского и диалектов русского языка). Тем более что именно с такой семантикой прилагательное *жестокый* находится в полном соответствии с контекстами «Слова», в которых оно употреблено: *въ жестоцемъ харалузѣ* — 'в горячем харалуге', *на жестоцѣмъ тѣлѣ* — 'на горячем, воспаленном теле'.²⁰

В памятниках письменности слово *жиръ* обычно отмечается с семантикой 'настибще'; 'корм'. В «Слове о полку Игореве» оно употреблено в ином значении, которое в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» определяется как 'добыча', 'богатство'.²¹ Подтверждающие такое толкование соответствия обнаружены в современных русских народных говорах, например, в брянских: *жир* 'достаток', 'богатство': «Многа жыру у яго, багатства, их багачькѣми и звали», «У Мархвушки жыру многа: бѣрахло багатѣе, хата харошѣя, пятистенник пат лыхвер, уси завидѣвѣютъ», «Люди дивуюцца, што я так жырна жыву, ни де ни работѣю, а пѣгаловѣе дижду, денег зѣрабатывѣю, а вѣт не видютъ, што весь-та жир слезами и потѣм». ²²

¹⁸ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1916.

¹⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 2. Д—Коше. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1967, с. 80—81.

²⁰ В свое время такое мнение высказывалось (О. Партыцкий. Темни мѣстца в «Слове о полку Игореве». Львѣв, 1883, с. 9), но не получило признания (может быть, потому, что оно было основано лишь на данных хорватского языка: в других славянских языках, в том числе и русском, такие факты отмечены не были).

²¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2, с. 86—87.

²² Кроме того, зафиксировано (без указания места) В. И. Далем (Толковый словарь живого великорусского языка, т. I).

Заднии 'последний в цепи событий' и 'будущий', кроме «Слова», встречается в Ипатьевской летописи (XV в.) под 1146 г. и в тексте конца XVI в.²³ Комментируя это слово, Д. С. Лихачев отмечает, что в Древней Руси «задним было то, что стоит в конце, позади временного ряда, безотносительно к нашему положению, это могли быть события будущие, если ими должна была замыкаться какая-то цепь событий, какой-то временной ряд».²⁴ Аналогичная картина наблюдается и в современных русских народных говорах (брянских), где слово *задний* 'последний по времени' безотносительно к тому, идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем, например: «Мархвухка-та крепкъя, мы-та фсе скарей пъзажмуримся, а ана задняя зажмурица, силы-та многа ещѣ, «Сълавей упярѣт усих прилять, а тады шпаки, патом жавърънки будутъ лятеть, а задняя ужэ кукушка прилять», «Самую заднюю убирають картошку, эта уш пасля усих, к синтибрю». Приведенные параллели подтверждают толкование слова *заднии*, предложенное в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» на основании указанного выше наблюдения Д. С. Лихачева.

По поводу слова *зараніе*, ни в одном другом памятнике не отмеченного, В. П. Адрианова-Перетц выдвигает «два предположения: либо „зарания“ — архаизм, удержавшийся лишь в «Слове», либо искаженная форма древнего „израния“, возникшая по аналогии с появившимся к XVI в. в живом языке наречием „заранее“».²⁵ В пользу древнерусского *зараніе* свидетельствуют современные диалектные данные. Так, в брянских говорах слово *зараніе* широко представлено как обозначение раннего утра, например: «Если събираемся мы итьить пъ чярику, тѣк ззарания пайдѣм, штоц ишшо дъ пъстуха пайтить», «З зарания идетъ дощъ», «Зарание была хмарнѣе, а патом стала ужэ чиста, хмары пъръзашлися».

Кощеи 'пленник', 'раб', 'слуга' — нечасто в письменности (кроме «Слова», отмечено лишь в трех памятниках).²⁶ К указанному толкованию исследователи пришли не сразу. Так, первыми издателями слово *кощеи* было принято за имя собственное. В дальнейшем, по мере привлечения материалов русских письменных памятников, показаний других (прежде всего тюркских) языков, было установлено, что в «Слове о полку Игореве» *кощеи* употреблено в своем первичном значении 'пленник', 'раб', 'слуга'. Такое толкование подтверждается и данными современных русских народных говоров (брянских), которые сохранили слово *кощѣй* 'слуга': «Слуги, работники, тѣк ых тады кашшѣями звали», «Слуги у богатых прислуживъли им, кашшѣями нъзывали, у богатых жыли».

Слово *къметъ*, крайне редкое в письменности, употреблено в памятнике со значением 'лучший, опытный, искусный воин'.²⁷ Соотносительные по семантике и по форме образования, подтверждающие указанное толкование, обнаруживаются в современной народной речи. Так, в брянских говорах: *къметѣ* — собир. 'о способных, сметливых людях': «О, эта такое кметѣ, прамзительные люди, уся семья, дети пъ гърадах учяцца, вумные, пачѣтливые», *къметкий* и *къметкой* 'способный', 'сметливый', 'находчивый': «Во, кметкий эгат чилавек, умеет и сказать, и с людьми жыть, умелый в жызни, ён ы сказать, ён ы здельть, ён ы с людьми жыть бис скандалу», «Который дужэ быстра схватывъеть — эта кметкой», «Кметкой — эта

²³ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2, с. 98.

²⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 6, с. 552.

²⁵ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 81.

²⁶ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 3. Корабль—Нынешнии. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1969, с. 16.

²⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 3, с. 43.

тямкий чилавек, нахочьчивый»; в псковских говорах: *кметкой* 'способный', 'сметливый': «Татьяна Иванъвна, ана у нас шышко кметкая, то она фсѣ ф председетельках хадила, а я бригадирила».²⁸

Слову *повити* «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» дает толкование: «образно: 'родить', 'вскормить', 'воспитать'» и подтверждает его, кроме цитаты из «Слова», одним примером из памятника XIV в.²⁹ Следы былой семантической емкости древнерусского глагола *повити* сохранились в современной диалектной речи. Так, наряду с семантикой 'пеленать (ребенка)' (брянские и московские³⁰ говоры), 'принимать ребенка при родах' (рязанские,³¹ московские,³² вятские³³ говоры), *повитъ* (*повивать*) употребляется и в широком значении 'воспитать', 'вырастить'. Последнее отмечено только в брянских говорах: «Ты, дедушка, бязродный, а у меня шесьть дятей павита, а дети не приходють, нам, гъварять, некъда хадить». Ср. также *сповивать* с той же семантикой: «Спъвивала-спъвивала, а кармить некъму старуху». Весьма примечательно, что в «Задонщине» (во всех трех списках) соответствующие фразы испорчены, что свидетельствует о том, что автору и переписчикам «Задонщины» было неизвестно *повити* 'родить', 'вскормить', 'воспитать', употребленное в «Слове» и сохранившееся в современную эпоху, по нашим данным, лишь в брянских говорах.

«„Свывая и обычая“ — это тавтологическое сочетание, — по словам В. П. Адриановой-Перетц, — не имеет точных соответствий в памятниках XI—XII вв., но слово „обычай“ в отношении к нраву и поведению человека встречается уже в Изборнике Святослава 1073 г. . . Не случайно и здесь, как в „Слове“, речь идет о привлекательности поведения близкого человека — „обычай“ назван рядом с любовью».³⁴ Наблюдения В. П. Адриановой-Перетц подтверждаются материалами современных русских народных говоров, в которых слово *обычай* употребляется в трех значениях. Во-первых, в значении, соответствующем литературному ('общепринятый, установившийся, традиционный порядок'). Во-вторых, в том, на которое указывает В. П. Адрианова-Перетц,³⁵ а именно: 'нрав', 'характер'. Примеры: «Не гляди на лицо, а гляди на обычай» (записано в Веглуге).³⁶ *По обычаю* 'соответственно вкусу, праву'. Например, в брянских говорах: «Он мне, гъварит, пъ нъраву, пъ абычью», в вологодских говорах: «Выбирай себе девицу по обычью, по своему обычью, по мужицью».³⁷ (*Не*) *в обычай* '(не) нравится', '(не) приятно'. Например, в рязанских говорах: «Он мне чиво-та ни влюбе, ни в абычай»,³⁸ в пензенских говорах: «Снохатим не в обычай».³⁹ Третье значение отмечено лишь в брянских говорах — 'любовь', 'взаимное расположение', 'симпатия': «Я сваю жонку да веку

²⁸ Картоотека «Псковского областного словаря».

²⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 4. О—П. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1973, с. 96.

³⁰ А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

³¹ Словарь современного народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969.

³² Картоотека «Словаря русских народных говоров»; А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья.

³³ Н. М. В а с н е ц о в. Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка, 1957.

³⁴ В. П. А д р и а н о в а-П е р е т ц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 98.

³⁵ См. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 4, с. 16.

³⁶ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

³⁷ Там же.

³⁸ Словарь современного народного говора.

³⁹ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

не сменю, пакуль зажмурюся, палсотни прожыл, абычий у нас и при младэсьти, и при старэсьти, мне мая жонка нэравяцца», «Жывуть хэрашо, пэ абычию, пэ любви», «Щяс стали выхадить пэ абыччю, пэ синпати, а раньшы — как бацька с маткэй наметить». Ср. также употребление в брянских говорах производных от слова *обычай* глаголов: *обычиться, пообычиться. Обычиться* — 1) 'нравиться': «Кметкий хлопец и нэ лицо красивый, такой усем деукэм абычицца», «Каму кто абычицца»; 2) 'любить друг друга': «Люба сь сваим Хведию давно абычицца, а свадьбы нет». *Пообычиться* 'понравиться': «Раньшы рэзбирались, какая матка, какой бацька, какая парода, а тады уш выдають, а щяс не глядят нэ пароду, пэабышился — и усё, пэывравился мальшик — и усё», «Апсмагтели местушка, местушка паабычилася нам». Семантическую структуру, аналогичную той, которая отмечена у лексемы *обычай*, имеет в говорах и слово *свэчай*, в том числе употребляется оно и в значении 'любовь', 'взаимное расположение', 'симпатия' (отмечено лишь в брянских говорах): «Я, гэварить, многа пэвидал, нет у жызьни звычэя». Ср. также однокоренные образования: *свэчка, свэканье, свэкнуться, свэкаться. Свэчка* — 'любовь молодых людей, привязанность' (в псковских говорах): «У них (жениха и невесты) свэчка раньше была». *Свэканье* (в источнике приведено без толкования; думается, что здесь имеется в виду 'любовь' или близкое к этому значение): «Свэканье было тайно, / Расставанье стало явно» (в курских говорах).⁴⁰ *Свэкнуться* 'полюбить', 'почувствовать взаимное расположение, симпатию': «Пряма з глазу звыклися, первый рас увидилися и звыклися девушка с парнем» (в брянских говорах). У глагола *свэкаться*, не сопровождающегося в источниках толкованием, можно предположить, исходя из соответствующих контекстов, в которых он приводится, значение 'любить', 'влюбляться' или (по крайней мере) близкое к этому. Например, в курских говорах: «Не свэкайся, не свэкайся / Красна девка с (казак) молодцом. / Хорошо было свэкатца — / Тошно-горько раставатца»;⁴¹ в смоленских говорах: «Не звивайся, трава с повелицый, / Ни свэкайся, молыдиц з девчиной. / Хорошо было свэкатца, тошна была разставатца. / Мы свэкались пад белую берэзай, / Развэкались пад горькую асиной».⁴² Наряду с данными, указывающими на семантические соответствия в современных народных говорах древнерусским *свэчаи* и *обычаи*, имеются факты, иллюстрирующие это выражение как устойчивое тавтологическое сочетание. Например, в брянских говорах словосочетание *свэчай и обычай* употребляется как пожелание счастливой согласной жизни: 'любовь', 'согласие', 'дружба', 'лад': «Савет вам дэ любовь, свэчий и абычий», «Живитя хэрашо, па звыччю и абыччю». Очевидно, что семантика, с которой устойчивое тавтологическое сочетание *свэчай и обычай* и его компоненты (а также производные от них образования) употребляются в современных русских народных говорах, находится в полном соответствии с той, которая обнаруживается в тексте памятника. Перевод выражения *свэчая и обычая* как 'любви и ласки'⁴³ в свете новых диалектных материалов приобретает прочное фактическое обоснование.⁴⁴

Троскотати 'стрекотать' и *втроскотати* 'застрекотать' (о сороках), кроме «Слова», нигде не обнаружены. Известны однокоренные образова-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олега. Перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. — В кн.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е, с. 59.

⁴⁴ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 4, с. 15): *обычаи* 'привычка', 'обыкновение', 'обхождение отдельного человека'.

ния, но с иной семантикой.⁴⁵ Исходя из этого, В. П. Адрианова-Перетц делает вывод, что «сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора „Слова“». ⁴⁶ В современных брянских говорах обнаружен глагол *троскотать* с семантикой 'стрекотать (о птицах, чаще — о сороках)', например: «Сароки траскочють, сароки хвостом виляють к дожджу», «Птушки в лясу и пають, и траскочють», «Сароки как пачьнуть трьскатать, тьк божэ мой». Эти факты позволяют предположить, что использование в памятнике соответствующих лексем — не индивидуальный прием автора, а отражение современной ему народной речи.

Слово *чаица* отсутствует в других памятниках письменности, а также неизвестно ни одному славянскому языку. Отсутствие параллелей к этому слову вызвало затруднения в его толковании. В большинстве случаев при переложении «Слова о полку Игореве» на современный русский язык слово *чаица* остается без перевода или заменяется современным *чайка* — словом, которое в русском литературном языке обозначает водоплавающую птицу *Larus ridibundus*. Не имеющее под собой реального основания (кроме, пожалуй, того факта, что эти слова схожи по звуковой оболочке), такое толкование является весьма произвольным. Современные диалектные материалы позволяют дать фактическое обоснование толкования этого слова в памятнике. В русских народных говорах (преимущественно в брянских) нами обнаружено слово *чаица*, обозначающее птицу *Vanellus caprella*, т. е. чибиса, или пугалицу. Например, в брянских говорах: «Чаица — аны сидять, где кочичька; рьзливаицца луг, аны ж вясной прилётывьють, ть где вьт бугарок, чьицы ужэ там саяцца. Чьицы навроди гьлубей, рябенькие, нь галоуке тычичька стаить, ношки не так штоп дужэ низенькие, високинькие. Чьица кричить куу-гу, с пратягьм кричить», «У нас чьицы не магут вадицца, не зимують, а летьм у лугу, у кочичькьх па балотьм, па речькьм; сьбирають разную эту — и червячьков, и мушэк, и жучьков»; в смоленских говорах: «Чаица вылитаеть за 12 ден сахи». ⁴⁷ Приведенные материалы позволяют предположить, что под *чаицей* в «Слове о полку Игореве» имеется в виду не *Larus ridibundus* — чайка, а *Vanellus caprella* — чибис, пугалица. Такое толкование не противоречит, а, напротив, соответствует той картине, которую рисует автор «Слова», повествуя о птицах, «охранявших» князя Игоря. Н. В. Шарлемань пишет: «Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупредить Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца». ⁴⁸ Правда, по Н. В. Шарлеманю, *чаицы* в «Слове» — это речные чайки *Larus ridibundus*, «встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к реке». ⁴⁹ Однако необходимо отметить, что чибисы — едва ль менее чуткие и осторожные птицы, чем речные чайки. На эту особенность птиц *Vanellus caprella* как на одну из основных указывает и народ (можно было бы привести соответствующие записи бесед об этих птицах), и специалисты. Например, А. Э. Брэм, известный знаток животного мира, сообщает: «Чибис избегает человека, поэтому очень редко селится поблизости его жилья. . . Это деятельные, живые птицы, беспрепятственно находящиеся в движении. . . Чем дальше наблюдать чибиса, тем скорее можно убедиться, что это положительно умная птица. Ее осторожность, приводящая в негодование всех охотников, делает ей честь; она

⁴⁵ См.: Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 1003.

⁴⁶ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 184.

⁴⁷ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

⁴⁸ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТГДРЛ, т. VI. М.—Л., 1949, с. 113.

⁴⁹ Там же.

прекрасно знает, какому человеку можно доверять и кого следует избегать». ⁵⁰ Таким образом, *чищы* 'чибисы' находятся в полном соответствии с контекстом этого отрывка о птицах, которые «охраняли» князя Игоря.

Введение в круг сравнительного изучения лексики «Слова о полку Игореве» новых материалов современных русских народных говоров позволяет обратиться к толкованию не только отдельных лексем, но и целых отрывков текста, которые до сих пор остаются неясными, малопонятными. Так, к числу «темных» мест «Слова» все еще относится фраза «За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянь розѣ». ⁵¹ По поводу толкования этого текста высказывались разнообразные суждения и догадки. Прежде всего, по-разному понимают слова *карна* и *жля*. Имеются в основном две точки зрения: одни исследователи (и их большинство) полагают, что *карна* и *жля* — олицетворение плача и скорби, другие придерживаются старого мнения о двух половецких князьях. Интересную мысль высказал С. И. Котков, предположивший, что слово *карна*, в котором «обыкновенно видят олицетворение нравственных понятий», «могло иметь и более общее значение — 'мука', 'страдание вообще' или. . . совмещать его с иными». ⁵² Диалектные данные подтверждают предположение С. И. Коткова. В современных брянских говорах нами обнаружено *ка́рна* 'мука', 'скорбь': «У меня братец пагиц, тѣк я и тяперь плачу па нём, карна меня гладаеть па нём», «Жалею, валнуюсь, тамнуюсь — эта будеть карна, такая карна меня бяреть, скуच्या, валнуюсь, с ума сходим мы, матки ж». К слову *жля* параллели в говорах не отмечены, однако и те диалектные материалы, которые относятся к слову *карна*, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что *карна* и *жля* — имена нарицательные. Показания русских народных говоров дают материал и к толкованию слов *смага* и *мыжати*. В современных русских диалектах *смага* отмечено как полисемантическое слово: 'сухость на губах, во рту от жары, переутомления, болезни, сильного волнения и пр.' (в брянских, орловских, ⁵³ смоленских, ⁵⁴ псковских ⁵⁵ говорах), 'жажда' (в брянских, калужских, ⁵⁶ смоленских ⁵⁷ говорах), 'неприятное, вяжущее ощущение во рту' (в брянских, смоленских ⁵⁸ говорах), 'недомогание', 'усталость' (в брянских, псковских ⁵⁹ говорах), 'горечь от безысходного горя', 'нервный спазм в горле' (в саратовских ⁶⁰ говорах), 'горе' (в брянских говорах: «Смага — горе, цѣлый век гарюю, смагую, цѣлый век»; в псковских говорах: «При барах-та ня жызьнъ была — смага» ⁶¹) и др. Ср. также: *смаговать* 'горевать' (в брянских говорах: «Матки абидьчѣна, што батька памѣр, гарюить, смагуить matka», «Чилавек пичяльный, худа яму, смагуить чилавек»), *смаженьку смаговать* 'горевать', 'страдать' (в смоленских говорах: «А як маѣ дитятка / Да на чужой / Стрыане: / Ти живеть, ти гарюить, / Ти смажиньку смагуить?» ⁶²), *засмаговаться* 'изму-

⁵⁰ А. Э. Б р э м. Жизнь животных. В 3 томах. Т. II. Птицы. СПб., с. 215.

⁵¹ Цит. по тексту, приведенному в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 20).

⁵² С. И. К о т к о в. Слово о полку Игореве, с. 21.

⁵³ Картотека «Словаря орловских говоров».

⁵⁴ Картотека «Словаря смоленских говоров».

⁵⁵ Картотека «Псковского областного словаря».

⁵⁶ Картотека «Словаря русских народных говоров».

⁵⁷ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

⁵⁸ Картотека «Словаря смоленских говоров».

⁵⁹ Картотека «Псковского областного словаря».

⁶⁰ Картотека «Словаря русских народных говоров».

⁶¹ Картотека «Псковского областного словаря».

⁶² В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. Смоленский этнографический сборник, ч. IV. — Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. 27. М., 1903, с. 336.

читься', 'исстрадаться' (в смоленских говорах: «А уже мая душинька засмугувалася, / Голыду и хольду натярпелася, / А усякий эта сквернысти напринималася»⁶³). Изложенные факты позволяют предположить, что в «Слове о полку Игореве» *смага* употреблено в переносном значении 'горе', 'печаль'.⁶⁴ В пользу такого предположения свидетельствует также бытование в современных брянских говорах словосочетания *смáгу мýкать* 'терпеть лишения', 'испытывать невзгоды' (например: «Смагу мыкъл гърямькый, дённй пици ни имел»), которое, хотя и не является прямым соответствием употребленному в «Слове» обороту (*смагу людемъ мычючи*), но, несомненно, соотносимо с ним и по форме, и по семантике. В результате можно предположить следующее истолкование метафорической картины, которую рисует автор «Слова»: 'За ним кликнула скорбь, и печаль поскакала по Русской земле, горе людям мыкая в пламенном роге'.

Перечень такого рода примеров легко может быть продолжен. Материалы русских народных говоров, привлеченные к комментарию лексики «Слова», значительно расширяют возможности толкования его текста.

Суммируя сведения о географии каждой из обнаруженных диалектных параллелей, представляется возможным дать общую ареальную характеристику словарных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в современных русских народных говорах. Подавляющее большинство параллелей (примерно 95%) известно южнорусским говорам. При этом только в этих говорах отмечено 36% всех параллелей. Значительная часть южнорусских параллелей приходится на современные брянские говоры — 25% от общего числа параллелей. Тот факт, что среди обнаруженных параллелей значительная часть относится к брянским говорам, объясняется прежде всего тем, что на этой территории нами были предприняты специальные поиски, тогда как по другим областям мы располагали лишь теми сведениями, которые могли почерпнуть из соответствующих источников. Но и учитывая это обстоятельство, нельзя не констатировать явное тяготение обнаруженных словарных соответствий к южнорусскому ареалу, что свидетельствует в пользу точки зрения о южнорусском происхождении памятника.⁶⁵ Вполне понятно, что в решении этого вопроса нельзя ориентироваться лишь на показания современных говоров. Территориальная атрибуция текста требует выполнения трех задач: 1) определение исторического ареала лексики, 2) установление зоны распространения соответствующих современных параллелей, 3) их сопоставление.⁶⁶ Решение второй из них (характеристика современного ареала) показывает, что подавляющее большинство параллелей к лексике «Слова о полку Игореве», обнаруженных в современных русских народных говорах, относится к югу русской диалектной территории.

⁶³ Там же, с. 647.

⁶⁴ Подробнее см.: В. А. К о в а ч е в. О слове *смага* в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Развитие грамматики и лексики русского языка. Л., 1968 (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 373), с. 328—338.

⁶⁵ Н. А. М е щ е р с к и й. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского гос. педагогического института, 1956, т. III, вып. 1, серия историко-филологических наук; С. И. К о т к о в. Слово о полку Игореве, с. 25.

⁶⁶ См. об этом: Н. А. М е щ е р с к и й. К вопросу о территориальном приурочении. . . , с. 70—71.

И. КЛЕЙН

«Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы)¹

Разножанровость «Слова о полку Игореве» — одно из положений в споре о его месте в древнерусской литературе. Согласно этому мнению, «Слово» слагается из разнородных слоев; как синтетическое произведение оно полностью не примыкает ни к одному жанру древнерусской литературы.² С этой точки зрения данная статья ставит задачу исследовать один из пластов памятника, а именно тот, который связывает его с апокалиптическим видом эсхатологической литературы. Стараясь не переоценивать значения этого слоя, роднящего «Слово» с книжной традицией, наш труд скорее дополняет, чем отрицает те работы, в которых исследовался его фольклорный субстрат. Связь «Слова» с эсхатологической письменностью была отмечена еще В. Н. Перетцем, перечислившим ряд языковых параллелей, роднящих «Слово» с библейской апокалиптикой.³ 23 года спустя Р. О. Якобсон отметил тематические аналогии с византийской эсхатологией.⁴ Наблюдения Р. О. Якобсона вошли в состав его полемики с А. Мазоном, из-за чего, пожалуй, они прошли почти незамеченными.

Данная работа продолжает путь, начатый Р. О. Якобсоном.

В дальнейшем мы не будем стараться устанавливать влияние отдельных апокалиптических памятников на «Слово»; этот вопрос заслуживает специального исследования. Нас будет скорее интересовать влияние общего канона апокалиптической литературы на «Слово». Устанавливая этот канон, мы опираемся не только на русские памятники, но и на памятники других славянских литератур.

А П О К А Л И П Т И Ч Е С К А Я   Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Понятие

Апокалиптическая литература очень рано перешла из Византии к славянам. В Древней Руси ее основные памятники — Откровение Мефодия Патарского, Житие Андрея Юродивого, Слово Ефрема Сирина, Слово

¹ Данная статья — итог моей стажировки в Ленинграде в 1973—1974 гг., в течение которой мне была предоставлена возможность жить научной жизнью Древнерусского сектора Пушкинского Дома. Благодарю Д. С. Лихачева и его сотрудников, стимулирующая критика которых оказала значительное влияние на данную работу. Н. С. Демковой, моей научной руководительнице, я в особенности обязан: ее эрудиция спасла меня от многих ошибок.

² Д. С. Лихачев. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 20.

³ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и «Библия». — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 23—55.

⁴ R. Jakobson. L'authenticité du Slovo. — In: La Geste du Prince Igore'. Épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, p. 297—306.

св. Ипполита, Вопросы Иоанна,¹ — были известны в XII в. и ранее.² Истоки этой литературы коренятся в Библии, в первую очередь — в апокалипсисах Даниила и Иоанна, в меньшей мере — в ветхозаветных пророчествах. Назовем эту литературу «апокалиптической» (а не «пророческой»), так как упомянутые апокалипсисы оказали более значительное влияние на нее, чем пророчества. Термин «эсхатологическая литература», употребляемый Р. О. Якобсоном, нам кажется слишком общим: он охватывает и такие сочинения, которые рассказывают о конечных судьбах индивидуальной души, как например Житие св. Василия Нового. Апокалиптическая же литература трактует лишь конечные судьбы человечества.³ А для исследователя «Слова» только этот исторический вид эсхатологической литературы представляет интерес.

Апокалиптическая литература примыкает к библейским апокалипсисам прежде всего в силу своей «практической» функции. Она не проповедует «покайтесь!»,⁴ как ветхозаветные пророки; она лишь удовлетворяет любознательность людей, желающих узнать о конечных судьбах человечества.⁵ Отсутствие наставнического начала вытекает из «исторического детерминизма»⁶ апокалиптического мышления: история народов движется вперед по давно установленному пути. Апокалиптик ограничивается констатацией того, что неминуемо будет: грех, наказание, избавление; он прорицает *fatum*. Совершенно иное у ветхозаветных пророков; они не констатируют, они угрожают: «Если не будете добродетельны, то бог вас сурово накажет!». Итак, исторические судьбы людей зависят от их поведения: хотя не прямо, через бога, они все-таки влияют на свою историю: «Аще ли ся покаем от злоб наших, то „Аки чадом своим дасть нам вся прощенья, и одождит нам дождь ран и поздн. И наполнятся гумна ваша пшеице“» («Слово о казнях божиих», под 1068 г.).⁷

2. Содержание

Интересующий нас вид эсхатологической литературы изображает ход мировой истории, а особенно — ее последний этап. В духе новозаветного дуализма апокалиптическая литература представляет мировую историю как арену ожесточенной борьбы между двумя равносильными началами: злом и добром. В этой борьбе ни зло, ни добро не одерживают окончатель-

¹ В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературах. М., 1897 (далее: Истрин. Откровение); Житие святого Андрея, Христа ради юродивого. — В кн.: Великие Минеи Четки, октябрь 1—3, СПб., 1870, с. 209—221 (далее: Житие Андрея); Ефрем Сирин. Слово на пришествие господне, на скончание мира и на пришествие Антихриста. — В кн.: Ефрем Сирин. Творения, т. II. М., 1858, с. 379—393 (далее: Ефрем Сирин. Слово на пришествие); К. Новоструев. Слово святого Ипполита об Антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868 (далее: Новоструев. Слово Ипполита); Вопросы Иоанна Богослова господу на горе Фаворской. — В кн.: Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. II. М., 1863, с. 174—181 (далее: Вопросы Иоанна Богослова).

² См.: В. Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.

³ F. Lück e. Versuch einer vollständigen Einleitung in die Offenbarung des Johannes und in die apokalyptisch Literatur überhaupt, I. Bonn, 1848, s. 36. Люкке употребляет выражение «universalgeschichtliche Weltbetrachtung».

⁴ R. H. Charles. Apocalyptic Literature. — Encyclopedia Britannica, II, Cambridge, 1910, p. 170.

⁵ H. Ringgrem. Apokalyptik. — Die Religion in Geschichte und Gegenwart 1, Tübingen, 1957, S. 464—465.

⁶ R. H. Charles. Apocalyptic Literature, p. 169.

⁷ Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 113 (далее: ПВЛ, т. I).

ной победы. Только непосредственно перед «кончиной мира» эта битва кажется невозвратно проигранной: зло торжествует над добром,⁸ начинается «страшное время». Но ужасы последних времен длятся лишь определенный срок. «Кончина мира» приближается, и тем самым наступает избавление от господства тьмы: добро разгромит зло и восторжествует над ним в «страшном суде». После этого наступает вечное царство святых.

Из упомянутых тем апокалиптической литературы нас интересует прежде всего «страшное время». Эта центральная тема апокалиптической литературы реализуется определенной конstellацией мотивов: А) действующие — I. Индивидуальное олицетворение зла: 1) Антихрист; 2) Антибогородица или злая царица; II. Коллективное олицетворение зла: 1) чужие, нечистые враги, союзники Антихриста; 2) нечистые животные; Б) страдающие — нечужие, христиане, праведные;⁹ В) действия А против Б: 1) побеждают; 2) угнетают, мучают, оскорбляют; 3) едят их плоть; Г) сопровождающие события: 1) космические беспорядки; 2) внутренние распри. Эта конstellация мотивов характеризует «страшное время» апокалиптической литературы не полностью: мы выделили только те ее общие места, которые встречаются и в «Слове». Перечисленные члены апокалиптической конstellации служат ядром нашего рассуждения. Одним своим слоем «Слово» примыкает к апокалиптической письменности именно потому, что типичная для нее конstellация мотивов свойственна и ему.

3. «Страшное время» как комплексный топос апокалиптической литературы

В статье о жанре «Слова» И. П. Еремин отметил одну основную методологическую трудность, которую и наша работа должна преодолеть: чтобы доказать принадлежность памятника к какой-либо традиции, надо привести аналогии, которые охватывают по возможности большее число взаимосвязанных элементов.¹⁰ В самом деле, сами по себе отдельные мотивы апокалиптической литературы встречаются всюду: зловещее затмение солнца, например, — типичный, но отнюдь не исключительно апокалиптический мотив, его можно найти в произведениях литературы и фольклора, которые совсем не связаны с эсхатологической тематикой.

Мотивы интересующей нас конstellации образуют исторически сложившееся (а не системное) единство. Перед нами комплексный топос, общее место апокалиптической литературы, причем топическими являются не только отдельные моменты, но также их совокупность: они в этой литературе обычно встречаются вместе. Устойчивые (топические) конstellации мотивов, впрочем, не редки в литературе. Например, такие мотивы, как журчащий ручей, зеленеющие луга, пасущиеся овцы, свежий ветерок и т. д. образуют очень древнюю топическую конstellацию: «милое место» (*locus amoenus*).¹¹

⁸ R. N. Charles, *Apocalyptic Literature*, p. 171.

⁹ В некоторых вариантах основной оппозиции апокалиптического мышления оба полюса четко маркированы: действующие — против страдающих; чужие — против своих. В других же вариантах положительный полюс немаркирован: абсолютное зло — против людей (грешных и добродетельных). Но отрицательный полюс всегда остается четко маркированным.

¹⁰ И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966, с. 150.

¹¹ E. R. Curtius. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern, 1948, S. 189—200.

Внутренняя взаимосвязанность таких мотивов — диахронного порядка; из-за этого они менее устойчивы, чем синхронно связанные элементы: перед нами конstellляция, а не система. Эта конstellляция в основных апокалиптических памятниках относительно устойчива.

«С Л О В О» И А П О К А Л И П Т И Ч Е С К А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Антихрист и Всеслав Полоцкий

Е. Ляцкий считал, что «Слово» состоит из нескольких песен разного происхождения и что рассказ о Всеславе — один из кусков этой мозаики.¹ Сюжетной связи действительно нет, но нам все-таки кажется, что этот рассказ не изолирован в тексте. Образ Всеслава — составная часть апокалиптического субстрата «Слова»: автор изображает своего героя по образу Антихриста, отрицательного героя апокалиптической литературы. Не только автор «Слова», впрочем, связывает Всеслава с апокалиптической тематикой. Это же можно отметить и у Нестора-летописца: сообщив под 1065 г., что «В се же лето Всеслав рать почал»,² он, вслед за этим, рассказывает о появлении кометы, о выловленном рыбаками в Сетомле страшном «детище»-уроде и о солнечном затмении. Комета появилась в 1066 г., затмение имело место в 1064 г. Объединение этих событий в единый рассказ в летописном повествовании должно восприниматься как «предзнаменование убоиц, начатых Всеславом».³ Внутренний раздор, как и космические беспорядки, — типично апокалиптические мотивы. И апокалиптические ужасы 1092 г. происходят как раз в Полоцке, городе Всеслава.⁴ Таким образом, в сознании автора «Слова» и Нестора слились два мифа: человека-волка, человека-дракона — Всеслава и Антихриста. Первый — общеславянский миф;⁵ второй же — очень древний восточный миф,⁶ который пришел к славянам через византийскую литературу.

Данные «Слова» о Всеславе будем дополнять материалом из ПВЛ, что же касается образа Антихриста, используем, помимо славянской апокалиптической литературы, и зависящий от нее фольклор;⁷ византийские же источники нам будут служить лишь дополнительно.

А п о к а л и п т и ч е с к и й в е к. В самом начале рассказа о Всеславе «Слово» довольно ясно намекает на его связь с «сыном пагубы»: как и Антихрист, Всеслав действует «на седьмом вѣцѣ»,⁸ т. е. в последнем, апокалиптическом, веке.

Д в о й н о е с у щ е с т в о. Князь-оборотень «Слова» отличается двойной сущностью: он — волк и человек. И Антихрист обладает двойной натурой: дракон и человек. Согласно Ипполиту, Антихрист будет сперва царствовать как и другие цари, как человек, и даже со славой: «. . . всячь-

¹ Е. Ляцкий. Слово о полку Игореве. Прага, 1934.

² ПВЛ, т. I, с. 110.

³ Повесть временных лет. Т. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 394 (далее: ПВЛ, т. II).

⁴ См.: ПВЛ, т. I, с. 115.

⁵ R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav Epos. — Russian Epic Studies, Philadelphia, 1949, p. 13—86; R. Jakobson, G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and The Russian Vseslav Epos. — In: Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, X. Bruxelles, 1950, p. 343—355.

⁶ W. Boussset. Der Antichrist in der Überlieferung des Judentums, des neuen Testaments und der alten Kirche. Göttingen, 1895.

⁷ В. М. Истрин в «Откровении» привлекает славянский материал об Антихристе, особенно фольклорный.

⁸ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 53 (далее текст «Слова» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте).

ский ся пекы симъ себе славу паче обретаю». ⁹ Но когда Антихрист перестанет лицемерить, он в образе дракона будет преследовать добро (здесь воплощенное в образе человека): «И испустити змию из уст своих воду яко реку. . . И разгнѣвася змию на жену». ¹⁰ В «Слове» волк и человек Всеслав все время меняет свой образ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ в ночь влькомъ рыскаше». И Антихрист меняет свой образ; согласно Мефодию Патарскому, он в первый год своего существования «будет сановит, яко человек», во второй же год он будет страшным чудовищем — драконом. ¹¹ Это, конечно, не постоянное (перманентно совершающееся, как у Всеслава) изменение образа. Чтобы получить точный эквивалент этому мотиву, надо привлечь более отдаленный материал. Филипп Солитарий (один из восточных отцов церкви) изображает Антихриста как существо, которое постоянно меняет свой образ и цвет, как мифический Протей: «*Quin et figurarum et colorum conversionibus omnino instar Protei ex alio*». ¹² Вариант этого мотива встречается и у Ефрема Сирина: «Ибо с крепостию возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей». ¹³

Знатное происхождение. Как и князь Всеслав, Антихрист происходит из знатной среды: одна южнославянская легенда сообщает, что Антихрист родится от царицы. ¹⁴ В «Слове» знатность Всеслава не подчеркнута особо, но важно, что оно этому не противоречит: Всеслав — князь, и родовая линия Всеслава противостоит родовой линии всех остальных князей — «Ярославичей» («Ярослави вси внуце и Всеслави!» — в чтении Д. С. Лихачева). ¹⁵

Хитрость. Всеслав хитер: он «клюками» (хитростями) добивается киевского престола. Хитрость — определятельная черта и Антихриста. Ефрем Сирий называет его «духом лъсти», ¹⁶ Ипполит — «лъстьць». ¹⁷ Андрей Юродивый говорит о нем: «И возмужавшу, и царствующу ему, тогда начнет прелесть свою являти». ¹⁸

Волшебство. С хитростью Антихриста связано его волшебство; чудотворство — его главный прием в оболыщении христиан. Ефрем Сирий говорит, что Антихрист «произведет чудеса, знаменания и страхования, яко же прелестити, аще возможно, и избранныя». ¹⁹ Согласно Мефодию, ²⁰ от Антихриста слепые видят и хромые ходят. Всеслав — колдун, его волшебство заключается в способности изменять свой образ. ²¹

⁹ Невоструев. Слово Ипполита, с. 74.

¹⁰ Там же, с. 94—95.

¹¹ Истрин. Откровение, с. 129.

¹² W. Bousset. Der Antichrist. . . , S. 98.

¹³ Ефрем Сирий. Слово на пришествие, с. 380. * Слово Ефрема Сирина на пришествие господине, правда, является источником Филиппа Солитария, но не единственным (см.: W. Bousset. Der Antichrist. . . , S. 27).

¹⁴ Stojan Novaković. Priča o Antihristu. — Starine, U Zagrebu, 1884, XVI, s. 81—85.

¹⁵ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 3-е. Л., 1953, с. 51.

¹⁶ Ефрем Сирий. Слово на пришествие, с. 380.

¹⁷ Невоструев. Слово Ипполита, с. 12.

¹⁸ Житие Андрея, с. 219.

¹⁹ Ефрем Сирий. Слово на пришествие, с. 379.

²⁰ Истрин. Откровение, с. 100.

²¹ В древнерусской книге гаданий «Чаровнике» говорится о колдовском искусстве оборотничества следующее: «Чаровник, — в них же суть 12 главизн, стихи, двоюнадесять опрометных лиц звериных и птичьих, — се же есть первое, тело свое хранити мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлем, и совою, рыщут лютым зверем и вопрем диким, и волком, летают змием и рыщут рысию и медведем» (А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК за 1861 год, вып. 1. СПб., 1862, с. 42).

У м е н и е л е т а т ь. Антихрист, будучи человеком-драконом, умеет летать; Ефрем Сирий прорицает, что он «будет летать по воздуху». ²² Всеслав также владеет этим искусством: убегая из Белгорода, он «объѣлся синѣ мглѣ» (53). Этому соответствует сказочная быстрота его передвижений (которую «Слово» иллюстрирует на двух примерах).

У з у р п а т о р с т в о. Рассказывая о Всеславе, «Слово» переплетает миф с действительностью. И историческая сторона роднит Всеслава с Антихристом. (Так как «Слово» только намекает на исторические обстоятельства жизни полоцкого князя, приходится привлекать и летописные данные). Благодаря своей хитрости («клюками»), Всеслав узурпирует киевский престол: с помощью народа, который освобождает его из заключения, он занимает место, которое по династическому праву принадлежит не ему, а князю Изяславу; он господствует недолго, пока легитимный соперник его не сверг (1068—1069 гг.). То же и с Антихристом: он хитро делает вид, что он сам бог; см. у Ефрема Сирина: «Покажет он себя подобным богу». ²³ Обольщенный народ ему верит и провозглашает его царем, ²⁴ — итак, он должен сесть на престол, который по праву принадлежит не ему, а богу; Мефодий Патарский пипет: «. . . вьлезет бо сын пагубьнии в Иерусалим и седет в церкви божи акы и бог». ²⁵ Ложный мессия Антихрист господствует недолго, пока его не свергает «истинный» мессия.

Эта параллель замечательна тем, что ее можно отнести к целому сочетанию сюжетно взаимосвязанных мотивов: хитрость, узурпированный престол, помощь народа, недолгое господство, победа легитимного соперника.

П о л к о в о д е ц , к р о в о п р о л и т и е. Как и Всеслав, Антихрист — военачальник; его войска — «нечистые народы». Упоминание Всеслава и Антихриста одинаково связано с кровопролитием. Вот что сообщает одно апокрифическое видение о кончине мира: «Идет змеи (Антихрист, — *И. К.*) на овче поле, и победит к себе все языки, и творит крепку брань, и съскутсе, яко полскаа трава легут, и напынетсе от крови студенци». ²⁶ А вот что сказано о Всеславе в ПВЛ под 1044 г.: «Матери бо родивши его быс ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: „Се язвено навязки на нь да носить е до живота своего“, — еже носить Всеславъ и до сего дне на себе; сего ради немильстов есть на кровопролитье». ²⁷ Всеслав в «Слове» виноват в кровопролитии: «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костми рускихъ сыновъ» (54).

Как доказали Р. О. Якобсон, М. Шефтель и Г. Ружичич, Всеслав «Слова» — один из вариантов славянского мифа о волке-оборотне. В соответствии с этим нам кажется, что слияние представлений о волке-оборотне и Антихристе встречается не только в «Слове». Однако в рамках данной работы можно дать лишь резюме более обширного анализа, который мы собираемся опубликовать отдельно. Те точки соприкосновения между князем-оборотнем и Антихристом, для которых в «Слове» нет материала, поставим в скобки. Князь-оборотень и Антихрист — оба действуют на последнем, седьмом, веке; оба обладают двойным существом: человек — животное; оба знатного происхождения; (оба зачинаются и рождаются при чудесных обстоятельствах); (оба вырастают сверхъестественно быстро);

²² Е ф р е м С и р и я. Слово на пришествие, с. 380.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 386.

²⁵ Истрия. Откровение, с. 100.

²⁶ Видение Исаии о последнем веке. — В кн.: Н. С. Тихомирнов. Апокрифические сказания. СПб., 1894, с. 30 (отдельный оттиск — СОРЯС, т. VIII).

²⁷ ПВЛ, г. I, с. 104.

оба хитры; оба — колдуны; оба умеют летать (оба постоянно связываются с космическими беспорядками и даже могут вызывать затмение солнца); оба узурпаторы, оба военачальники,²⁸ оба виноваты в кровопролитии.

От Антихриста перейдем к женскому олицетворению зла — к дева Обиде.

2. Антибогородица — злая царица и дева Обида

Загадочную фигуру девы Обиды комментаторы «Слова» толкуют как аллегорическое олицетворение бедствий, которые Русь терпела от половцев после разгрома на Каяле. Эту имманентную интерпретацию можно дополнить внетекстовым материалом, большей частью указанным Р. О. Якобсоном.²⁸

В своем труде об Откровении Мефодия Истрин ссылается на следующую византийскую легенду об Антихристе (речь идет о рыбе): «Ее купит девица по имени „Несправедливость“ (*ἀδικία*), а по прозванию „Гибель“ (*ἀπόλεια*); она названа так потому, что от нее родится *ἀδικίας υἱός*. Съевши голову рыбы, она зачнет Антихриста. Через три месяца родится Антихрист, и мать будет кормить его четыре месяца».²⁹ Истрин переводит греческое *ἀδικία* русским словом «несправедливость». Древнерусский же эквивалент этому слову — «обида».³⁰ Таким образом, перед нами не дева «Несправедливость», а дева Обида. В силу этого совпадения дева Обида «Слова» также соответствует Антибогородице Ефрема Сирина: Антихрист родится «от оскверненной девы».³¹ Образ Антибогородицы также встречается в народном творчестве славян: в одной фольклорной интерполяции Откровения Мефодия³² и в одной южнославянской легенде об Антихристе.³³ Для автора «Слова» дева Обида — женское олицетворение того зла, от которого страдают христиане; в этом аллегорическом смысле дева Обида также соответствует женскому эквиваленту царя-Антихриста Сборника попа Драголя: «. . . и встанет. . . царица ужьска именем Анна, еже се нарицает одива погибьльна».³⁴ Очевидно, что названия «дева Обида» и «одива погибельна» восходят к тому же корню: дева *ἀδικία*.

В «Слове» дева Обида изображена так: «Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону» (49). Р. О. Якобсон³⁵ цитирует аналогичные места из Откровения Мефодия³⁶ и из Жития Андрея Юродивого: «Да встанет жена Модана от Понта, и царствовати начнет во граде сем (Византии, — *И. К.*). Да та будет буява дияволя дщи».³⁷ Итак, в Житии Андрея, как и в «Слове», женское олицетворение зла сочетается с морем: «. . . от Понта», «на синѣмъ море у Дону».

Перейдем теперь от индивидуальных олицетворений зла к его коллективному образу.

²⁸ R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 274, 304—305.

²⁹ Истрин. Откровение, с. 208.

³⁰ Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 502—504.

³¹ Е ф р е м С и р и н. Слово на пришествие, с. 386.

³² Истрин. Откровение, с. 128.

³³ S. N o v a k o v i ć. Priča o Antihristu.

³⁴ П. С. С р е ѣ к о в и њ. Сборник попа Драголя. — Споменик, Београд, 1890, V, с. 15; ср.: R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 305.

³⁵ R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 304.

³⁶ Истрин. Откровение, с. 127.

³⁷ Житие Андрея, с. 215.

³⁸ Невоструев. Слово Ипполита, с. 86.

3. Чужие враги: нечистые, поганые

«Поганые» половцы «Слова» соответствуют поганым союзникам Антихриста. Ипполит говорит о нем: «Тако убо събърав к себе, еже всегда непокарящаяся люди богу, начнет, молим от них, гонити святыя аки врагы, и супьрники им суща».³⁸ Аналогично у Мефодия Патарского (речь идет о боге): «. . . сыном Измаиловом не любе дает им силу, да преимут землю христианску, нъ грех дела безакония их тако им творит».³⁹ Впрочем, не только автор «Слова» ассоциировал половцев с безбожными войсками Антихриста: «Уже Нестор выписал из сказания Мефодия известия о „нечистых народах“, которых Александр Македонский запер в горах севера и которые в кончине века вырвутся из своего заключения. Далекое было это время от начального летописца, и если он обратил внимание на пророчество Мефодия, то потому, что в окаянных половцах, напавших и пограбивших монастырь Печерский, он видел тех безбожных сынов Измаила, часть которых была заключена в горах Александром Македонским».⁴⁰ Особенно одна черта этих народов существенна: они чужие. Ипполит, ссылаясь на пророка Исая, говорит: «. . . да будет земля ваша пуста, гради ваши огнем пожьжени, землю вашу пред вами ины поедят, и погыбе разорившися от людий пюжжих».⁴¹ В «Слове» этому соответствует повторительное сопоставление родной земли с неизвестной степью.⁴² Автор называет половецкую степь «земля незнаема».

Д и в. Добавим несколько наблюдений насчет загадочной птицы, которая в «Слове» предупреждает половцев о нашествии русских: «Див кличет врѣху древа». Нечто подобное встречается и в «Сказании» Иоанна Богослова: «. . . преже под гласом птичем всека тварь встанет, и тогда wskреснет всека плоть человеческа».⁴³ Итак, в обоих памятниках — сочетание мотивов — «птица» — «крик» в апокалиптическом контексте «страшное время», «страшный суд». И в духовных стихах о «страшном суде» упоминается такая птица: «Проглаголет сам Исус Христос: Второй суд вам готовится. . . Сошлю на вас споедателей, Птицу Главину, крылья орлины. . . Ноги железные, Власы на них женские: Расточат вашу кровь христианскую, За ваше за великое согрешение».⁴⁴ Очевидно, что здесь слились два апокалиптических представления: о птице, призывающей умерших к «страшному суду», и о силах зла, о безбожных народах, которые мучают христиан в «страшное время». В «Слове» этому слиянию соответствует сюжетная связь птицы Дива с погаными половцами. После этого отступления перейдем к страданиям христиан в «страшное время».

4. Действия чужих против нечужих

П о б е д а н а д х р и с т и а н а м и. «Страшное время» начинается с разгрома добра злом. В Сборнике попа Драголя говорится: «. . . и невъзможет противу им стати никтоже до времени повеленаго им».⁴⁵ Ипполит говорит, ссылаясь на апокалипсис Даниила: «. . . смотрях в розех, и се

³⁸ Истрин. Откровение, с. 93.

⁴⁰ Н. С. Тихонов. Отреченные книги Древней России. — В кн.: Н. С. Тихонов. Сочинения, т. I. М., 1898, с. 229.

⁴¹ Невоструев. Слово Ипполита, с. 43.

⁴² См. подробнее: J. Klei n. Zur Struktur des Igorlieds. München, 1972, S. 119—125.

⁴³ И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 408.

⁴⁴ П. Бессонов. Калеки переходные, вып. V. М., 1863, с. 121 (№ 476).

⁴⁵ П. С. Срећкович. Сборник. . . , с. 11.

рог он творяше рать с святыми, и удолеваше им, видях даже и побиеи быст зверь и погыбе». ⁴⁶ «Рог», «зверь» — это Антихрист, который будет повержен Христом в конце «страшного времени». В «Слове» этому разгрому соответствует поражение русских от половцев (т. е. от «поганных»).

Скорбь, смерть, угнетение, опустошение. С этой победы над христианами начинается царство Антихриста. См. у Ипполита: «Тако удолев всем зъл сын мучитель скърбь и отгънание святым сътворит, възвышаяся на ня». ⁴⁷ Его поганные союзники завоюют и опустошат города. Изображая судьбу одного города, Мефодий ссылается на пророка Езекииля «. . . в том убо (городе, — *И. К.*) Гаваоне падут острием мьча, вси силнии елиньстии, сиречь гречьстии. . . падут острием мьча от сынов Измаилев». ⁴⁸ Аналогично в «Слове о полку Игореве»: «Се у Римь кричатъ подь саблями половецкими, а Володимиръ подь ранами» (51). В «Слове» русские должны платить дань половцам: «. . . а погании сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ от двора» (49). У Мефодия поганные также требуют дани: «. . . вьсточная же Егупть и Сирия под ярмом работы и скръбью немерною будут, влачimy будут без молитвы и прьсити начьнут в них на душу меры злата за силу их». ⁴⁹ Тогда наступит неслыханная печаль. В «Слове»: «Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи» (49). Ипполит говорит: «Будет бо скръбь тогда велика, ака же не быст от начала миру». ⁵⁰ У Ефрема Сирина даже природа плачет: «Восплачут тогда вся земля и море, восплачет воздух, а вместе восплачут дикie звери и птицы небесные, восплачут горы и холмы и дерева на равнинах». ⁵¹ То же самое в «Слове»: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земля прекловилось» (49).

«Поганые» едят плоть христианскую. Постоянный мотив «страшного времени» — нечистые животные, реже — люди, которые едят человеческую плоть. У Мефодия: «И испльнитсе реченое Езекиилем-пророком: „Призови звере селныи и птица небесныи, и повели им, глаголе, — съберетесь и приидете, понеж жрътву велику закалаю вам. Ядите плъти сильных и пиите крови исполин». ⁵² Ефрем Сирия прорицает о животных, которые будут нападать на живых людей. ⁵³ Андрей Юродивый говорит о нечистых народах: «Разидутся по всем землям, плоть человекьску ядуше же, а кровь пьущо». ⁵⁴

В «Слове» этому соответствует: «. . . вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть» (46). Аналогично в изображении бедствий, причиненных Олегом Гориславичем: «Тогда по Руской земли рѣткѣ ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие» (48).

5. Сопровождающие события

Космические беспорядки. Апокалиптическая литература редко изображает «страшное время», не упоминая космических беспорядков. Андрей Юродивый говорит в связи с нашествием Гога и Магога на христиан: «Тогда дние ти померкнут. . . , и солнце будет яко кровь. . . ,

⁴⁶ Невоструев. Слово Ипполита, с. 38.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Истрин. Откровение, с. 108.

⁴⁹ Там же, с. 94.

⁵⁰ Невоструев. Слово Ипполита, с. 99.

⁵¹ Ефрем Сирия. Слово на пришествие, с. 391—392.

⁵² Истрин. Откровение, с. 108.

⁵³ Ефрем Сирия. Слово на пришествие, с. 389.

⁵⁴ Житие Андрея, с. 218.

луна и вся дела померкнет». ⁵⁵ И Мефодий Патарский предсказывает космические беспорядки, «рационалистически» объясняя их колдовством Антихриста: «... превратит солнце в тму». ⁵⁶ В «Слове» космические явления предвещают начало тяжелых времен, разгром на Каяле: прежде всего зловещее затмение солнца во время похода, а потом кровавая заря в утро поражения.

К н я ж е с к и е р а с п р и. Политическая тема, занимающая центральное положение в идейном составе «Слова». И этот мотив — общее место апокалиптического «страшного времени»: «... quand l'auteur du „Slovo“ cherche à synthétiser les fléaux de son époque, les nombreuses querelles intestines et l'invasion des païens dans la terre russe, selon l'expression de la „Povuyest“, il se laisse également inspirer par les prophéties de la littérature eschatologique» (... когда автор «Слова» пытается синтезировать признаки своей эпохи, многочисленные междоусобицы и нашествия язычников на Русскую землю, пользуясь выражением, употребленным в «Повести», он в равной мере вдохновляется и пророчествами, присутствующими в эсхатологической литературе). ⁵⁷

Близкая параллель встречается в «Слове о двенадцати снах Шахаиши»: «... зло много будет... , друг другу будет враг, а князь будет на князь... , и вси велможи будут крамолницы, которницы». ⁵⁸ В других же апокалиптических памятниках не говорится о князьях, а только о братьях, возненавидевших друг друга. И эта разновидность апокалиптической ненависти встречается в «Слове»: «Усобица княземъ на поганяя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. И начаша князи про малое — се великое — мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати» (49). Р. О. Якобсон ⁵⁹ нашел близкую параллель этому месту: «... и встанут... 28 цара, и начнут рещи „аз есмь“, а другы „аз есмь“». ⁶⁰

В свете приведенных параллелей между «Словом» и апокалиптической литературой можно предполагать, что автор «Слова» испытал на себе влияние этой письменности. Но происхождение апокалиптических элементов еще не объясняет роль, которую они играют в художественном составе текста.

ТОПОС И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В «СЛОВЕ»

«Ошибки автора» и инерция общих мест

«Страшное время» — общее место апокалиптической литературы. Этот устоявшийся круг представлений встречается и в «Слове о полку Игореве», которое никак нельзя называть апокалиптическим произведением. В «Слове» изображается не эсхатологическое будущее, а злободневные события 80-х годов XII в. Многие в этой действительности в самом деле могло напоминать апокалиптическую «мерзость запустения»: несомненно состоявшееся затмение солнца, животные, которые едят плоть павших воинов, и другие ужасы войны.

«Слово» подспудно, как мы указали выше, ассоциирует половцев с нечистыми союзниками Антихриста. Но в том же «Слове» Кончак, половец-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Истрия. Откровение, с. 100.

⁵⁷ Р. Якобсон. L'authenticité... , р. 303.

⁵⁸ А. Н. Веселовский. Слово о двенадцати снах Шахаиши. — Записки имп. Академии наук, т. XXXIV. СПб., 1879, с. 4—10 (Приложение).

⁵⁹ Р. Якобсон. L'authenticité... , р. 304.

⁶⁰ П. С. Срећков ић. Сборник... , с. 12. Судя по непосредственному контексту, здесь речь идет как раз о внутренних распрах.

кий хан, предлагает женить сына Игоря на половецкой девушке: семейные связи между русскими и половцами существовали давно. Но как примирить противоречие: сватовство праведных с нечистыми? В своей интересной работе по «Слову» А. Н. Робинсон предлагает оригинальное толкование этого противоречия: перед нами «эпическое родство положительных героев с отрицательными». ¹ Но «логика эпоса» не может объяснить противоречий, связанных с образом Всеслава. Автор «Слова» ассоциирует русского князя с Антихристом, безбожным мучителем; но тот же самый автор отнюдь не в ужасе от Всеслава: заметна даже известная симпатия к нему: ² «Аще и вѣща душа въ друзѣ ³ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше» (54). В связи с девой Обидой и наступлением «страшного времени» автор «Слова» упоминает княжеские которы, будто бы наступившие непосредственно после разгрома на Каяле (см. выше цитату: «Усобица княземъ на поганя погыбѣ»). Ни один летописец не упоминает о княжеских распрях за это время. Как и в других случаях, и эта «ошибка» объясняется скорее инерцией апокалиптического канона, ⁴ элементом которого является мотив раздора, чем логикой эпоса.

Как показал Е. Р. Куртиус, такие несогласия — обычное явление в тех литературах, которые скорее ориентируются на умственные традиции, чем на живой опыт: «Was sollen wir sagen, wenn ein Dichter aus Lütlich meldet, der Frühling sei gekommen: Ölbäume, Reben, Palmen und Zedern trieben Knospen? Ölbäume waren im nordischen Mittelalter erstaunlich häufig. . . Woher stammen sie? Aus den rhetorischen Schulübungen der Spätantike» (Как отнестись к тому, что поэт из Льежа следующим образом рассказывает о приходе весны: на оливах, виноградных лозах, пальмах и кедрах появляются почки? Северное средневековье вспоминало об оливах удивительно часто. . . Откуда это шло? Из школьных реторик поздней античности). ⁵

Литературный этикет, теорию которого разработал Д. С. Лихачев, ⁶ и тоpos одинаково представляют собою выражение средневекового «идеализма». Особенность литературного этикета заключается в его установке на социальные нормы поведения («благовоспитанность»): поступки князя или святого изображаются такими, какими они должны были бы быть, независимо от того, что на самом деле произошло. Этот социально-нормативный элемент отсутствует в явлениях, отсмеченных в данной статье: тоpos — умственная схема чисто литературного происхождения; этикет же коренится скорее в общественной жизни и ее этике, чем в литературе. Но в сущности перед нами то же самое явление: конкретный, живой опыт подчиняется устоявшемуся представлению; в случае несогласия меняется факт, а не идея.

¹ А. Н. Робинсон. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. — В кн.: Славянские литературы. М., 1973 (VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.), с. 188.

² Б. В. Сапунов. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 77.

³ Читаем «друаѣ» вместо «дрѣаѣ».

⁴ Это, конечно, при условии, что «Слово» было создано вскоре после возвращения Игоря из плена, а не несколько лет спустя, как полагает Н. С. Демкова. См.: Н. С. Демкова. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник Ленинградского гос. университета, т. 14, вып. 3, 1973, с. 72—77.

⁵ E. R. Curtius. Europäische Literatur. . . , S. 190.

⁶ Д. С. Лихачев. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 5—16.

По в «Слове» есть своя доля «эмпиризма»: его внутренние противоречия, отмеченные нами, показывают, что живому опыту все-таки удалось внедриться в царство умственных схем: господство литературных традиций над жизнью не абсолютно.

В данной статье исследовались два вопроса: 1) родство «Слова» с апокалиптической литературой; 2) влияние апокалиптической топики на изображение действительности в «Слове». Есть еще третий вопрос: можно ли здесь говорить о художественных приемах, применение которых коренится в интуиции творческого индивида, автора «Слова»? Или перед нами представление, которое, оторвавшись от эсхатологической тематики, стало субстратом коллективного сознания славянского средневековья? Думается, что более правилен второй ответ: согласно Тихонравову,⁷ культура средневековья — западного и славянского — была пронизана апокалиптическими раздумьями. Р. О. Якобсон⁸ отметил эсхатологические элементы и в ПВЛ. Д. Чижевский⁹ видит то же в проповедях Авраамия Смоленского и Серапиона Суздальского. Интересны в этом отношении также фольклор и изобразительное искусство.

Предстоит задача: определить распространенность этих апокалиптических идей на почве православного славянства и описать их развитие. Только на фоне такого обширного исследования мы сможем полностью осмыслить апокалиптические мотивы в «Слове о полку Игореве».

,

⁷ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. I, с. 219.

⁸ R. Jakobson. L'authenticité. . . , p. 301.

⁹ D. Tschizewskij. Das Heilige Russland. Russische Geistesgeschichte, J. 10-17. Jahrhundert. Hamburg, 1959, S. 60—61.

Б. И. ЯЦЕНКО

Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве»

«Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луде жь бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону“».¹

М. А. Максимович назвал начало Игоревой песни «ключом к ней».² Но чтобы воспользоваться этим ключом, нужно решить немало вопросов. Почему, например, автор «Слова» начинает рассказ о походе с солнечного затмения, которое фактически произошло на девятый день похода? Почему князь Игорь призывает к походу, зная, что затмение может предвещать несчастье и гибель? Почему, наконец, Игорь Святославич ставит перед князьями и дружиной альтернативу — смерть или плен, если поход еще не начался?

Сложнейшие мотивы поведения северского князя Игоря объясняли еще в XIX в. удалью, жаждой славы, неосмотрительностью или даже безрассудством. А. Веселовский, у которого немало интересных наблюдений по «Слову», тем не менее писал: «Можно бы ожидать, что автор остановится на фактах героизма и мужества, но он предпочел такие непривлекательные черты, как поражение, плен, трусливое бегство».³ Веселовский считал «Слово» сатирой на «дряблное общество» XII в.⁴

Возможно, сам исторический факт, легший в основу «Слова о полку Игореве», в некоторой степени способствовал тому, что осуждение князя Игоря получило широкое распространение в научной литературе. К тому же современники Игоря Святославича оставили не очень лестную оценку похода северских князей на половцев в 1185 г. Новая агрессия половцев, которые прорвали единую линию обороны, принесла много бед, разорила пограничные области, прежде всего — Переяславскую землю. Неудивительно, что в Лаврентьевской летописной повести дана резко отрицательная оценка похода Ольговичей, осуждается их погоня за славой в ущерб общим интересам: «Мы есмь ци не князи же, поидем такы же себе хвалы добудем».⁵ Но, «не ведуще божья строенья»,⁶ возгордившись, они были унижены поражением и пленом.

---

¹ Текст «Слова о полку Игореве» в статье цитируется по изданию: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 10.

² М. А. Максимович. Спор о вѣщм Бояне. — Киевская старина, т. LXIII, 1898, ноябрь, с. 243.

³ А. Веселовский. Очерки и наброски из старой и новой литературы. — Вестник Европы, 1898, кн. 1, с. 118.

⁴ Там же, с. 121.

⁵ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 397.

⁶ Там же, стлб. 398.

Киевский летописец ищет более серьезные причины неудачи Игоря, его не удовлетворяет богословско-морализаторская позиция. Он считает, что поход северских князей был не согласован с великим князем киевским Святославом; черниговская помощь (ковуи) оказалась очень ненадежной; между князьями — участниками похода не было согласия по некоторым вопросам, и т. п. Не последнюю роль в поражении Игоря сыграло, как считает летописец, солнечное затмение, которое в значительной степени деморализовало воинов.

Солнечные затмения и другие природные явления воспринимались нашими предками как предвестники беды. В летописях какому-нибудь несчастью нередко предшествует взволнованный рассказ о необычайном знаменении. Люди видели прямую связь между ними: «Знаменья бо въ небеси, или въ звездах, или въ солици, или птицами, или етером чим, не благо бываеть, но знамения сича на зло бывають, или проявление рати, или гладу, или на смерть проявляеть».⁷

Киевский летописец почти всегда последователен. Рассказав о затмении, он сообщает и о несчастье: в 1065 и 1092 гг. — об усобицах и нашествии поганых на Русскую землю;⁸ в 1113 г. — о смерти Святополка Изяславича;⁹ в 1115 г. — о смерти Олега Святославича;¹⁰ в 1161 г. лунное затмение предшествует смерти Изяслава Давидовича,¹¹ и т. д. Но в летописи встречается и противоположное толкование затмений. Летописец считает, что в 1102 г. затмения предрекли победу над половцами, одержанную в следующем году: «Знаменья бо бывають ово же на добро, ово же на зло; яко и си знаменья быша на добро».¹²

Именно это обстоятельство определило двойственное отношение к затмению в киевской летописной повести о походе 1185 г. Здесь Игорь не выступает против «божьего промысла», но в некоторой степени игнорирует знамение: «Нам что створить бог или на добро, или на наше зло, а то же нам видити».¹³ Летописец не говорит прямо, но намекает, что дерзость Игоря будет наказана. Эта мысль наиболее четко была сформулирована в поздней Густинской летописи (XVII в.): «И в то время бысть затмение солнца, а се знамение не на добро бываеть; Игорь же единаче поиде не ради о том».¹⁴

Мы не ставим себе целью вскрыть здесь действительные причины похода или истинное отношение Игоря к затмению. Нас интересует только поэтическая интерпретация этого факта в «Слове». Именно солнечное затмение является ключом ко многим проблемам историко-литературного анализа этого памятника, от решения которых зависит не только определение стимулов и цели похода Игоря, как они представлены в «Слове», но и расшифровка его исторической информации. Какова же роль солнечного затмения в «Слове» и как относится к нему Игорь?

Автор «целиком принадлежит своей эпохе. Поэтому наивно было бы его идеализировать, считая, будто он имел нынешние понятия»¹⁵ и мог оправдать любые действия против «божьего промысла». Более того, в «Слове» нет никакой возможности для двойственной оценки затмения

⁷ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 155.

⁸ Там же, стлб. 153, 205—206.

⁹ Там же, стлб. 274—275.

¹⁰ Там же, стлб. 282.

¹¹ Там же, стлб. 516.

¹² Там же, стлб. 252.

¹³ Там же, стлб. 638.

¹⁴ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, с. 319.

¹⁵ В. Перетц. Слово о полку Игоревім. Пам'ятка феодальної України — Руск XII віку. Київ, 1926, с. 21.

солнца: Игорь «видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрывъ» (разрядка наша).

На первый взгляд, роль солнечного затмения в «Слове» и в летописной повести совпадает. Но удивляла явная непоследовательность автора «Слова», который описывает затмение перед походом, а не на девятый день, как в киевской летописи. Поэтому, исходя из соображений «хронологической последовательности», О. Партыцкий,¹⁶ а позже А. Соболевский¹⁷ предложили перестановку в «Слове» абзаца о затмении после обращения к Бояну и сцены встречи братьев Святославичей.

Вряд ли нужно опровергать высказанное А. И. Соболевским предположение, что в «Слове» при переписке могла произойти путаница листов. Нельзя отрицать и тот факт, что солнечное затмение произошло в 1185 г. именно 1 мая, в среду. Это научно установлено. И все же нужно исходить из идеи сохранности текста «Слова» и соглашаться на реконструкции, когда все попытки прояснить текст исчерпаны.

Чем мотивируется сторонниками исправления текста «Слова» необходимость такой перестановки? Рассмотрим ряд доказательств, основанных как на анализе текста «Слова», так и его влиянии на «Задонщину». В 1956 г. их обобщил Н. К. Гудзий:¹⁸

1) в «Задонщине» последовательность двух эпизодов, соответствующих двум рассматриваемым нами абзацам „Слова“, согласуется с перестановкой Соболевского;¹⁹

2) перестановка обеспечивает последовательность восприятия, устанавливает «прямую словесную связь»²⁰ — «наведе своя храбрыя плъкы на землю Половъцькую за землю Руськую. . . О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталь»;

3) перестановка устраняет «противоречие между „Словом“ и летописью относительно времени солнечного затмения», «явную астрономическую несообразность, состоящую в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды».²¹

В «Задонщине» широко использованы оригинальные поэтические приемы и образы, как например упоминание о бубнах на Коломне, беспокойстве новгородцев, которые не успели прийти на помощь князю Дмитрию, и др. Обращение к жаворонку, несмотря на близость к поэтике «Слова», тоже не имеет параллели в «Слове», так как автор «Задонщины» сохранил и обращение к соловью. Понятно, что можно сравнивать те отрывки текстов, смысл которых является общим для обоих памятников. Возражая В. И. Стеллецкому, который заметил, что в «Задонщине» все «перетасовано и дается в ином порядке»,²² Н. К. Гудзий писал: «То, что некоторые цитаты из „Слова“ в „Задонщине“ были использованы в слегка перетасованном порядке, не значит, что все эти цитаты использованы были „Задонщиной“ именно так».²³ Действительно, не все. В «Задонщине», например, сохранена та же последовательность в очень важном эпизоде: сначала идет призыв — «сядемь, брате, на свои борзи комони, испиемь, брате, шело-

¹⁶ О. Партыцкий. Слово о полку Игоревимъ. Львів, 1884, с. 14, 35.

¹⁷ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. II. Киев, 1888, с. 264.

¹⁸ Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 35—41.

¹⁹ Там же, с. 37.

²⁰ Там же, с. 39.

²¹ Там же, с. 37.

²² В. И. Стеллецкий. К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 51.

²³ Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке. . . , с. 37.

момь своимь воды быстрого Дону» (что соответствует призыву князя Игоря после солнечного затмения), а потом обращение: «Сѣдлаи, брате Одрѣи, свои борзи комони, а мой готови напреди твоих осѣдлаи»²⁴ (соответствует эпизоду встречи братьев Святославичей). Если сослаться на «Задонщину», то пример служит аргументом против перестановки.

Какая же смысловая последовательность спорных абзацев в обоих памятниках? В «Слове» Игорь увидел солнечное затмение, которое могло свидетельствовать о надвигающемся несчастье, и обратился к князьям и дружине с призывом выступить в поход. Далее следует обращение к Бояну, чтобы он воспел русские полки. Именно эта внутренняя логика сохранена и в «Задонщине», хотя картина менее поэтична. О нависшей угрозе великому князю Дмитрию Ивановичу сообщают съехавшиеся князья: «Господине князь великыи, уже погании татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашу у нас отнимають, стоятъ межю Дономь и Днѣпромь, на рицѣ на Чечѣ». И сразу же сообщение о готовности выступить в поход: «И мы, господине, поидемь за быструю рѣку Донѣ, укупимь землямь диво, старымь по вѣсть, а младымь память».²⁵ Князь Дмитрий поощряет своих соратников. За этим следует авторское обращение к соловью: «Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрѣя Половетцаго, Дмитриа Брянскаго. Ти бо бяше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поють, под шелома възлелѣваны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли».²⁶ Таким образом, и автор «Задонщины» обратился к соловью, чтобы воспеть боевые полки. Такова последовательность в Кирилло-Белозерском и в других списках «Задонщины».

Методологически вообще едва ли правомерно сравнивать «Слово» с «Задонщиной», в которой все дается в ином порядке, и на основании этого делать перестановки в тексте «Слова». Ведь достаточно одной непоследовательности, чтобы аргумент потерял свою доказательность.

Сторонники перестановки считают, что вслед за фразой «наведе своя храброя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую» должно идти обращение к Бояну воспеть «сиа плѣкы». Но ведь из предыдущего абзаца мы ничего другого не узнаем о полках, как только то, что они «храброя». Кроме того, если автор «Слова» призывает Бояна воспеть Игоря, внука Олегова, и его поход: «Не буря соколы занесе чрезь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому», — то упоминание Дона здесь закономерно, так как у же известно о решении князя Игоря «главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». Только полки, готовые повторить подвиг Мономаха, достойны быть воспеты Бояном. И в этом случае перестановка невозможна, так как прервала бы смысловую связь.

В дискуссии о перестановке значительное место отводится встрече братьев Святославичей. На первый взгляд, автор «Слова» придерживался такой же, как и в летописи, последовательности эпизодов — затмение (1 мая) и встреча Игоря с Всеволодом на Осколе (3 мая). Но, как заметил Б. А. Рыбаков, к встрече братьев на Осколе «дислокация войск Игоря... была уже такой, что все курские земли были не „напереди“, а позади Игоря».²⁷

Действительно, при любом, пространственном или временном, значении «напереди» встреча Игоря и Всеволода в «Слове» предшествует выступ-

²⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликковского цикла. М.—Л., 1966, с. 549.

²⁵ Там же, с. 548—549.

²⁶ Там же, с. 549.

²⁷ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 38.

лению Игоря в поход. Нельзя не согласиться с Н. К. Гудзием, что встреча состоялась «перед самым походом».²⁸ Этим как будто подтверждается необходимость перестановки: Всеволод предлагает седлать коней, и Игорь велит сесть на коней. Но в таком случае все эти события — обращение Всеволода, солнечное затмение и призыв Игоря — произошли в одно и то же время, т. е. «перед самым походом». Таким образом, и здесь перестановка не обеспечивает той «хронологической последовательности», какая имеется в киевской летописной повести. «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты». Когда — «тогда»? Дальнейший текст подсказывает, что это было перед походом. Посмотрев на солнце, князь обратился к дружине: «А всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону». По средневековой терминологии, «сесть на коня» означало «выступить в поход», и в «Слове» этот термин оживает, превращается в действие; как заметил Д. С. Лихачев, «вскрывается, возрождается первоначальный образ».²⁹ Солнечное затмение предшествует выступлению Игоря — такова внутренняя логика абзаца. И куда бы ни переставляли его, эту логику изменить нельзя.

Наконец, о противоречии между «Словом» и киевской летописной повестью относительно времени солнечного затмения. А существует ли это противоречие? Ведь в «Слове» время затмения не фиксируется. Тьма появляется перед походом и проходит через все произведение: «... видѣ отъ него тьмою. . . воя прикрыты»; «... солнце ему тьмою путь заступаше»; «... на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла», и т. д. К теме солнечного затмения автор возвращается и в обращении к Роману Мстиславичу, союзнику Ольговичей в феодальных войнах 90-х годов XII в.: «Нъ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони».

Именно это обращение свидетельствует о том, что в «Слове» солнечное затмение имеет иной смысл, чем просто описание конкретного астрономического явления. Тема борьбы света с тьмой, традиционнo-библейская в своей основе, проходит через все произведение, и солнечное затмение в «Слове» не только и даже не столько — воспроизведение реального события, сколько поэтический образ. Лишь избавление Игоря из плена и его возвращение способствуют наступлению света, тьма рассеивается: «Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли». Таким образом, затмения в киевской летописной повести и в «Слове» имеют разное функциональное значение: в летописи оно выступает как знамение, предостерегающее от необдуманного шага, а в «Слове» — это символ бедственного положения Русской земли. Автор «Слова» использовал образ солнечного затмения, чтобы дать наиболее точную характеристику реальной опасности, в которой оказалась Русская земля в борьбе с «погаными».

Этим можно объяснить и необычную последовательность эпизодов в «Слове». Начав свой рассказ с описания затмения и выступления князя Игоря в поход, автор «Слова», восхищенный мужеством русских воинов, обращается к вещему Бояну с предложением воспеть Игоря, его полки, делает несколько проб в духе Бояна. Повторным «тогда» — «Тогда вступи Игорь князь въ златѣ стремень и поѣха по чистому полю» — автор возвращается к рассказу о походе. Именно этот повтор обеспечивает как бы непрерывность восприятия, делает рассказ цельным, и обращение к Бояну, в котором восхваляются воины-куряне, воспринимается как лирическое отступление, не имеющее отношения к затмению.

²⁸ Н. К. Гудз и й. Еще раз о перестановке. . . , с. 38.

²⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 77.

Образ солнечного затмения — поэтический прием автора «Слова», с помощью которого он стремится оправдать Игоря и его поход. Игорь идет навстречу гибели, чтобы отвести беду от родной земли: «Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти». Эти необычные, парадоксальные слова в устах князя, призывающего к походу, свидетельствуют о том, что Игорь осознал грозящую опасность. Это не те традиционные слова, которые говорят князья перед боем. Они сказаны перед походом. Лучше идти навстречу врагу и с честью умереть в бою, чем быть плененным, оставшись дома, — вот смысл обращения Игоря к воинам. Как считает автор «Слова», поход князя Игоря был предпринят в целях обороны, «за землю Руськую».

Может возникнуть возражение: разве мог автор «Слова» возводить князя, опозоренного неудачей, в ранг народного героя? Конечно, не мог ни в 1185 г., ни даже в 1187 г., когда еще были свежи воспоминания о неудачном походе и не все воины вернулись из плена. Мысль о том, чтобы использовать сюжет похода 1185 г. для прославления князя Игоря, могла появиться у автора «Слова» немного позже. Но когда?

Нам представляется весьма удачной попытка Н. С. Демковой пересмотреть датировку «Слова о полку Игореве» в хронологических рамках XII в.³⁰ Конкретные датирующие данные, использованные в статье, убедительно свидетельствуют, что «Слово» было написано после смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.). Но крайний временной предел появления «Слова» — до смерти «буи тура» Всеволода (май 1196 г.) — в статье Н. С. Демковой мало обоснован. Единственный аргумент, что «в конце „Слова“ читаются „слава“ и „здраница“ в честь трех князей — участников похода 1185 г. — Игоря, Всеволода и Владимира»,³¹ т. е. Всеволод был еще жив.

Однако заключительная часть «Слова» истолкована Н. С. Демковой не совсем точно. Автор «Слова» провозглашает «славу» трем князьям — Игорю Святославичу, «буи туру» Всеволоду, Владимиру Игоревичу — и продолжает: «Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганых плъки». Здесь «здраница» в честь всех князей и воинства русского, которые защищают Родину. Провозглашение «славы» — еще не достаточное свидетельство, что Всеволод к тому времени был жив. Автор может рассказывать о событиях, вспоминая о дедовской и прадедовской славе. Слава не умирает, а как бы переходит в наследство потомкам.

Политическая характеристика, данная Игорю Святославичу в «Слове», не могла возникнуть в 1194—1196 гг. И после смерти Святослава Киевского Игорь оставался подручным князем и не оказывал решающего влияния на политические события Руси. Старейшим же среди Ольговичей тогда был Ярослав Всеволодович — феодальный глава всех черниговских и северских князей. Но интересно, что в «Слове» нет обращения к Ярославу. Более того, здесь читаем фразу, в которой явно ощущается укор Ярославу: «А уже не вижу власти сильного и богатаго и многовои брата моего Ярослава», — говорит Святослав Киевский.

Д. С. Лихачев считает, что здесь упрек «направлен отчасти и по адресу Ярослава — князя могучего, но не сумевшего сдержать своих подручных князей: „Не вижу я уже у власти и вашего феодального главы“». ³² Нам кажется, что эта фраза не только упрек, но более резкое осуждение Яро-

³⁰ Н. С. Демкова. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1973, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 72—77.

³¹ Там же, с. 72—73.

³² Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 434.

слава как политического деятеля. Именно так написал летописец о крахе киевского князя Игоря Ольговича, побежденного Изяславом Мстиславичем в 1146 г.: «И тако скончася волость Игорева».³³ В «Слове» тот же смысл — «Уже не вижду власти. . . брата моего Ярослава». Так мог писать только политический противник Ярослава. Но он не мог еще прославлять Игоря и не принимать во внимание Ярослава Черниговского в 1194—1196 гг., когда Ольговичи выступали как единая политическая сила.

Кроме того, автор «Слова» везде называет Чернигов «отним златым столом» Игоря и Всеволода Святославичей, игнорируя старейшинство и несомненное право на Чернигов князей Всеволодовичей. Если учесть, какой острой была борьба за Чернигов между Святославом и старшим братом Игоря Олегом (1164—1179 гг.), то напрашивается вывод, что автор мог назвать Чернигов «отним столом» Игоря лишь после смерти Ярослава, когда Игорь стал владетельным господином в Чернигове. Нам представляется, что время написания «Слова» следует ограничивать 1198—1202 гг.

«Слово о полку Игореве» не могло появиться раньше 1198 г. еще и потому, что здесь очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.: «Всеволод может «Донъ шеломы выльяти». Хотя в Лаврентьевской летописи поход Всеволода датирован 1199 г., он состоялся в 1198 г. Это легко проверить по дальнейшим записям: Всеволод возвратился из похода 6 июня, в субботу, т. е. в 1198 г. Кроме того, 25 июля 1198 г., в субботу, «бысть пожаръ великъ в градѣ Володимери».³⁴

Рассказывая о подвигах Романа Волынского, автор перечисляет побежденные им народы: хинова, литва, ятвяги, деремела, половцы. Летописи фиксируют походы Романа против половцев в 1202 и 1205 гг. Хотя многие исследователи считали, что первый поход Романа на половцев мог быть и раньше, только Н. Ф. Котляру удалось доказать это с научной достоверностью.³⁵ Расшифровав сообщения Никиты Хониата, он доказал, что первый поход Романа на половцев состоялся в 1197 или 1198 г.

Восторженная военная характеристика, данная Роману в «Слове», может относиться только к 1195—1198 гг., когда волынский князь был союзником Ольговичей в феодальных войнах за передел Русской земли. В 1199 г. князь Роман захватил Галич и стал врагом Игоря и его сыновей, внуков Осомысла, которые тоже претендовали на Галицкое наследство. Значит, «Слово о полку Игореве» было написано в 1198—1199 гг., — после вокняжения Игоря Святославича в Чернигове и до захвата Романом Мстиславичем Галича.

События 1185—1198 гг. и определили характер описания «сего времени» в «Слове». Крайне сложным и неустойчивым было равновесие сил, возникшее после войны 1195—1196 гг. Автор «Слова» отлично понимал, что нужны смелость и мужество в решении политических и военных вопросов. Такими качествами руководителя, по мнению автора, обладал князь Игорь Святославич Черниговский: как телу без головы, так «Русской земли безъ Игоря». На эту идею «Слова» указал еще П. П. Вяземский: «Певец Игорев... ничего не имел другого в виду, как представить кандидата для защиты единства родного племени».³⁶

«Свивая славы обаполы сего времени» — славу Игоревых похода (как его понимал автор) в 1185 г. и славу великого князя черниговского в 1198 г., автор «Слова» создал широкую картину общественно-политических отношений на Русской земле в конце XII в.

³³ ПСРЛ, т. I, стлб. 313—314.

³⁴ Там же, стлб. 415.

³⁵ М. Ф. Котляр. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? — Український історичний журнал, 1965, № 1, с. 117—120.

³⁶ Замечания на «Слово о полку Игореве» кн. Павла Петровича Вяземского. СПб., 1875, с. 483.

А. Н. РОБИНСОН

«Русская земля» в «Слове о полку Игореве»

Академик А. С. Орлов писал: «Героем Слова является „Русская земля“, добытая и устроенная трудом великим *всего русского народа*».¹ В первой части этого предложения перед нами метафора, удачно характеризующая идейное содержание «Слова о полку Игореве», во второй — явное добавление, не предусматривающее исторической характеристики предмета.²

Впервые в «Слове» интересующее нас понятие употребляется в следующей фразе: (Игорь) «... наведе своя храбрья плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую». Обычно комментаторы «Слова» оставляют это словосочетание («... землю Руськую»), а нередко и всю приведенную фразу без объяснений, полагая, очевидно, что содержание ее само собой понятно.³

В отдельных случаях поясняется сочетание «на землю Половѣцкую». Что же в таком случае комментаторы понимают под «Русской землей» в «Слове»? Наиболее типичной представляется нам концепция, выраженная А. С. Орловым: образ Святослава (двоюродного брата Игоря) определяется как «образ сюзерена княжеской Руси, блюстителя Русской земли»,⁴ «Как бы из уст Святослава идут далее обращения во все стороны Руси со словами пламенного призыва князей „поблюсти“ золотой стол киевский, выступить „...за землю Русскую, за раны Игоревы“».⁵ Это мнение отмечено очевидным смещением понятий: стилистически эта точка зрения оформляется путем объединения двух терминов, как будто бы взаимозаменяемых, «Руси» вообще (т. е. всех восточнославянских княжеств, сюзереном которых, хотя бы номинально, представляется Свя-

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е дополненное издание. М.—Л., 1946, с. 48.

² Это вариант формулы, которую сообщил Владимиру Мономаху митрополит Николай: «Молимся, книжо, тебе и братома твоима, не мозете погубити Руськыя земли. . . , иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим», — *Летопись по Лаврентьевскому списку*, СПб., 1897, с. 254 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — Л, с указанием страницы). Как видно из текста, речь идет о княжеском роде; говорить о «всем русском народе» применительно к эпохе феодальной раздробленности (XII в.) исторически преждевременно.

³ См., например, в нескольких изданиях «Слова», относящихся к числу лучших: Слово о полку Игореве. Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. М.—Л., 1934, с. 239; А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, с. 90; Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 380. [Подготовка текста и комментарий Д. С. Лихачева]; Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, с. 315; Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 473. [Вступительная статья Д. С. Лихачева, примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева].

⁴ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1952, с. 239—240. [Вступительная статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой, подготовка текста и комментарий Л. А. Дмитриева].

⁵ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, с. 33.

⁶ Там же, с. 34.

тослав Киевский) и «Русской земли», к защите которой «Слово» призывает «русских князей» (т. е. многих восточнославянских князей). При этом историческое содержание понятий «Русская земля», «русские князья», «русские полки», имеющих в «Слове», как правило, исследуется недостаточно.

Исторические оценки той эпохи, когда было создано «Слово» (конец XII в.), как эпохи феодальной раздробленности, вполне справедливы. Например, Д. С. Лихачев пишет, что «образуется множество феодальных полугосударств-княжеств, вступающих во вражду между собой, оспаривающих друг у друга владения. Единое в X—начале XI в. древнерусское государство в XII в. распадается окончательно». ⁷ В другом случае говорится, что Киевская Русь, эта «раннефеодальная империя», как «форма единой автократической империи уже изжила себя». ⁸ «Феодальные княжества XII в. были вполне сложившимися государствами. Их князья обладали всеми правами суверенных государей. . . Власть киевского князя безвозвратно отошла в прошлое. . . Самую верхнюю ступень занимал уже не один киевский великий князь; в XII в. титул великого князя применялся и к черниговским, и к владимирским, и к другим князьям. Их великие княжения вполне соответствовали и по размерам территории, и по внутренней сущности западноевропейским королевствам. . . Киев не управлял больше русскими землями». ⁹ Даже в эпоху татаро-монгольского нашествия «князья. . . не могли. . . преодолеть феодальную разобщенность, противоречивость интересов феодальных владетелей». ¹⁰

Если признать правильной концепцию существования в XII в. целого ряда (около 15) древнерусских (восточнославянских) княжеств как суверенных «полугосударств» или даже «государств», со своими различными интересами и разной политикой, а это, очевидно, так и было, то придется ограничить обычное понимание содержания «Слова» в том смысле, что автор его брал на себя заботы об интересах «всей Руси» (всех восточнославянских княжеств), в то время, когда он призывал многочисленных князей объединиться для отражения половецкой опасности. В действительности, как мы полагаем, автор заботился об интересах только «Русской земли» (собственно южной Руси), призыв же его был поэтической гиперболой, не вызвавшей никаких политических последствий: призываемые князья (кроме Рюрика) не объединились со Святославом, что и не вызывалось необходимостью, так как и без них одни только южнорусские князья быстро справились с набегами Кончака и Гзака, последовавшими за поражением Игоря.

* * *

Итак, защита «Русской земли», — несомненно, главная тема «Слова», но содержание этого понятия в памятнике требует исторического определения.

Исследователи давно уже обратили внимание на то обстоятельство, что в разные времена и в различных летописных контекстах понятие «Русь» (или «Русская земля») наполняется разным содержанием. М. Н. Тихомиров отметил, что в «XII—XIII вв. название „Русь“ обозначало опре-

⁷ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М.—Л., 1955, с. 11.

⁸ История СССР. Первая серия, т. I. М., 1966, с. 574, 576. [Б. А. Рыбаков — главный редактор].

⁹ История СССР, т. I, с. 577, 578 и сл.

¹⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 205.

деленную область: Киевскую землю в узком смысле слова». ¹¹ По наряду с этим употреблялось и «более широкое понятие „Русской земли“ в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства». ¹² «Название „Русь“ — древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в.». ¹³

«Текст „Повести временных лет“, — писал Б. А. Рыбаков, — дает право объединять Киев, Чернигов и Переяславль в одно целое. Этим целым была „Русь“, заменившая собой название „Поляне“». ¹⁴ Рассмотрение летописных определений Русской земли в XI—XII вв., пишет Б. А. Рыбаков в другой своей работе, «привело нас к выводу о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Дона; 3) все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря». ¹⁵ В слова «Русская земля», пишет Б. А. Рыбаков, «средневековые авторы вкладывали два различных понятия; в первых, так называли часть лесостепного пространства на юге Руси от Киева до Курска; во вторых, так постепенно стали называть всю совокупность восточнославянских земель». ¹⁶

Рассматривая эти же понятия, Д. С. Лихачев пишет: «Гораздо реже случаи, когда под словом „Русь“ и „русьский“ разумеется не вся страна восточных славян, а лишь ее киевский участок. Замечательно, однако, что это более узкое значение слов „Русь“ и „русьский“ получает распространение по преимуществу в период феодальной раздробленности — в XII и XIII вв.». ¹⁷

А. В. Соловьев показал, что широкое понятие «Руси», или «всей Руси» (как всех восточнославянских княжеств), в двух случаях имело постоянное значение: в сфере церковной жизни и в области внешней политики по отношению к европейским странам (например, новгородцы или смоляне в договорах с иностранцами назывались — «рус» или «русин»). ¹⁸ Вообще в течение двух столетий, по А. В. Соловьеву (911—1132 гг.), понятия «Русь» или «Русская земля» означали всю страну. Но в период феодальной раздробленности, особенно во второй половине XII в., как отмечает А. В. Соловьев вслед за Д. С. Лихачевым, эти понятия стали закрепляться преимущественно за Киевской областью. В междоусобной борьбе княжества (например, Галицкое) начинают противопоставлять себя «Руси» или «Русской земле». А. В. Соловьев отмечает, что в это время «Слово о полку Игореве» идеализировало верховную власть киевского великого

¹¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская». — В кн.: Советская этнография. Сборник статей, вып. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 61.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 80.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре). — В кн.: Советская археология. Сборник статей, вып. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 86. Поляне занимали территорию на правом берегу Днепра, с севера ограниченную Вышгородом, Белгородом и Василевом, на юге доходившую до р. Роси, а под натиском кочевников сокращавшуюся до р. Стугны (там же; см. так же: М. Грушевський. Історія України — Руси, т. I. Львів, 1904, с. 167—168).

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Древние русы. — Советская археология, М., 1953, вып. XVII, с. 39.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 157.

¹⁷ Повести временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 239—240. [Статьи и комментарии Д. С. Лихачева].

¹⁸ Der Begriff «Russland» im Mittelalter. Von Alexander Soloviev (Genf). — Studien zur älteren Geschichte Osteuropas, I. Teil, Festschrift für Heinrich Felix Schmid, Graz—Köln, 1956, S. 149—150.

князя Святослава. Для автора «Слова» (возможно, придворного князя Святослава), по мнению А. В. Соловьева (впрочем, приведенному без аргументации), понятие «Русской земли» имело наиболее широкий охват.¹⁹

В книге, специально посвященной данной проблеме, А. Н. Насонов пришел к выводу о том, что «пределы „Руси“, „Русской земли“ определяются территорией Переяславской „области“, Черниговской, за исключением северных и северо-восточных ее частей, и Киевской „области“, за исключением Деревской и Дреговичской земель. Нет данных о верхнем Посемье с Курском. . . , нельзя быть вполне уверенным, что северянская территория по верхнему Посемью не входила в состав „Русской земли“; во всяком случае, вопрос этот приходится оставить открытым».²⁰

Учитывая изложенные концепции, мы можем констатировать, что «Русь», или «Русская земля», представляла собой издревле населенную полянами сравнительно небольшую область Среднего Поднепровья, которая со времени завоевания Киева Олегом Вещим (882 г.) стала политическим ядром империи Рюриковичей.

Объединение восточнославянских племен и некоторых племен неславянских в раннефеодальную империю хорошо показано летописью, отметившей их неравноправное положение. «Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи. . . , север, бужане. . . , вельняне. А се суть инии языцы, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва» (Л, 10). В летописи особо выделены «поляне, яже ныне зовомая Русь» (Л, 25). Центром империи был Киев: «. . . и рече Олег: „Се буди мати градом русьским“. И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью» (Л, 23).

Изложенная ПВЛ концепция Руси как империи Рюриковичей была фактом феодального общественного сознания изучаемого времени. В XII в. эта концепция была живой и в родовом княжеском предании, поскольку, наряду с христианскими именами, князья продолжали называть своих сыновей именами предков — варяжскими и славянскими (языческими), причем именно эти дохристианские имена фигурировали в летописании и вообще в литературе (очевидно, в соответствии с бытом). Христианские же имена, в качестве церковных дубликатов вышеуказанных имен, упоминались лишь в определенных ситуациях (в сообщении о рождении или смерти князя, о создании им церкви в память одноименного с ним святого и т. п.). Достаточно вспомнить, что в «Слове», в числе его героев, названы князья, носящие варяжские имена первых основателей династии — Рюрик (Ростиславич), Олег («Гориславич»), Олег (Игоревич), Игорь (Святославич), а также славянские имена ближайших преемников основателей династии — Святослав (Всеволодич), Владимир (Всеволодич, Мономах), Владимир (Игоревич), Ярослав (Владимирович, «Старый»), Ярослав (Всеволодич).

В процессе распада империи Рюриковичей связанная с нею широкая концепция «Руси», или «Русской земли», постепенно перестала отвечать интересам образовавшихся частично или полностью самостоятельных княжеств. Ко второй половине XII в. уже прочно утвердилось понятие «земли» как суверенного объединения («Суздальская земля», «Северская земля», «Новгородская земля» и др.). Только в одном случае, а именно в понятии «Русская земля», имелось в виду такое исторически сохранив-

¹⁹ Там же, с. 149.

²⁰ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, с. 29. См. также: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, с. 214, 249—250.

шее явление, при котором в это объединение входило несколько компонентов: бывшее Киевское княжество, Переяславское, видимо, большая часть Черниговского княжества. По территории своей «Русская земля» вновь заметно сократилась, вернувшись в известной мере к древним границам Среднего Поднепровья (ранее населенного полянами). Центр этой «земли» — Киев не только утратил свое значение столицы («матери») всех городов империи, но даже лишился суверенных прав в собственном княжестве. Киевского княжества как государства более не существовало, так как городом Киевом владел в интересующее нас время один князь (Святослав), а землями киевщины — другой (Рюрик Ростиславич), и уникальность этого «дуумвирата» (по определению Б. А. Рыбакова) была весьма относительной. «Русская земля», постепенно ослабевая как государственное объединение, все более расчлняясь, сделалась объектом феодальной борьбы, во-первых, между собственными князьями (группа «Ольговичей» и группа «Ростиславичей»), а во-вторых, между князьями других княжеств. Сторонние наблюдатели ясно замечали процесс государственного разложения «Русской земли». Так, новгородский летописец писал (1140 г.): «Ходи Мирослав посадник из Новгорода мирить кыян с черниговьчи, и приде, не успев ництоже, силно бо възмялася земля Русская», «и раздрася вся земля Русьская» (Н1, 23).²¹

В этой обстановке само определение «русские» обычно не применялось, судя по летописи, ни к княжествам, находившимся за указанными пределами «Русской земли», ни к населению этих княжеств, в которых жили «суздальцы», «ростовцы», «новгородцы», «смоляне», «рязанцы», «черниговцы» и др. (по названиям столичных городов), а также еще — «вятичи», «древляне», «радимичи» и др. (по старым названиям племен).

Как отмечалось выше, в период феодальной раздробленности возникла новая концепция понятия «Русь», «Русская земля», как уже не включающая в себя многих восточнославянских «земель», а противопоставляемая этим «землям». Можно предполагать, что в обстановке экономического усиления и политического обособления восточнославянских княжеств, а также зарождения в них собственных династий, образовывавшихся из разветвлений рода Рюриковичей, в крупнейших из этих самостоятельных княжеств стали появляться первые стимулы национально-идеологической дифференциации. Одним из проявлений такого нарождающегося самосознания могло оказаться отрицательное отношение к старой концепции понятия «Русь», «Русская земля», не только вследствие того, что оно уже не отражало реального соотношения государственно-политических сил эпохи, но и вследствие «варяжского» (как тогда представлялось) происхождения «Руси», которое связывалось с историческими воспоминаниями о принудительном объединении земель, теперь активно стремившихся к самостоятельности.

Таким образом, концепция понятия «Русская земля», первоначально населенная главным образом полянами с центром в Киеве, быстро разрослась в представлении об обширной империи Рюриковичей, а затем, с ее распадом, постепенно все более сужалась, возвращаясь к представлению об изначальных ее размерах. Во второй половине XII в. «широкая» концепция понятия «Русская земля» существовала преимущественно как историческое предание, а «узкая» концепция — как обычная политическая реальность. Анализируя содержание понятия «Русская земля» в «Слове», не следует смешивать разные указанные выше концепции этого понятия, существовавшие в XII в.

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (издание А. Н. Насонова). М. — Л., 1950 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — Н1, с указанием страницы).

«Слово» сложилось, по нашему представлению, как лиро-эпическое дружинное произведение (песня, чередующаяся с прозаическим речитативом) вскоре после возвращения Игоря из половецкого плена (во время его приезда в Киев), а затем оно постепенно (по крайней мере до начала XIII в.) насыщалось новейшими событиями, связанными с его героями (возвращение из плена Владимира Игоревича), походами на ятвягов (1196 г.) и половцев (1202 и 1205 гг.) Романа Мстиславича и т. п.²² Автор «Слова» и первый его исполнитель, видимо — родовой певец князей Ольговичей, скорее всего служивший Святославу Киевскому, изображал современные ему события похода Игоря и обращался к князьям, своим современникам, заботясь о благе «Русской земли». Поэтому нам прежде всего предстоит выяснить, в каком смысле употреблялось понятие «Русь», «Русская земля», летописью применительно к этим же князьям, героям «Слова».

* * *

Летописные материалы красноречиво свидетельствуют об ограниченном толковании понятия «Русь», «Русская земля», во второй половине XII в. Например, в 1180 г. «послаша новгородьци к Святославу в Русь по сын» (НІ, 36), они взяли себе из Киева епископа (при Святославе) и его «привезоша из Русе» (НІ, 40); «... иде князь Святослав..., Олгов вьнук, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода» (Большое Гнездо; НІ, 36); он «пожга город Дмитров, возвратися опять в Русь, а князь Всеволод в Володимерь» (ЛІ, 368). Когда тот же Всеволод отдалвал свою восьмилетнюю дочь Верхуславу замуж за Ростислава Рюриковича (сына героя «Слова»), он отпустил ее «в Русь с великою любовью» (И, 658).²³ Проводив ее туда, «сестричь» князя Яков вернулся — «приеха из Руси» (И, 659). Умирая, Давид Смоленский (1197 г.) «сына своего Костянтина в Русь посла брату своему Рюрику на руже» (И, 704—705). Так определяли положение «Руси» восточнославянские княжества, лежавшие за ее пределами. Так же воспринималось понятие «Русь» при рассмотрении ее собственных внутренних дел. Например, на «Руси» сложилась определенная политическая ситуация, когда молодой Ростислав Рюрикович совершил удачный набег на половцев (1193 г.) и явился к своему отцу в Овруч (который уже не входил в «Русь») для совместного похода на Литву. Тогда «Святослав же посла Рюрикови, река ему: „Се сын твой заял половци, зачал рать, а ты хочеш ити инамо, а свою землю оставив, а ныне поиди в Русь, стерези же своя земля“. Рюрик же, оставя путь свой, иде в Русь со всеми своими полкы» (И, 672). Такой же термин применялся для обозначения войска: «Собравшю Рурику (1202 г., — А. Р.) половци и руси много и поиде на Галичь» (И, 717).

Не менее показательно однозначное с термином «Русь» словосочетание «Русская земля», в особенности в тех случаях, когда летопись подчеркивает, что речь идет о ней «всей». Когда Мстислав Киевский собрал

²² На датировку этих походов применительно к содержанию «Слова» справедливо указал Д. Н. Альшиц (см.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. Редколлегия: Н. К. Гудзий, С. В. Никольский, А. Н. Робинсон. М., 1958, с. 37—41. Наша концепция «Слова» изложена в докладах: А. Н. Р о б и н с о н. 1). Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология, оригинальность, метод). — Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г. М., 1968, с. 49—116; 2) О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. — Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. М., 1973, с. 178—224.

²³ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. М., 1962 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — И, с указанием столбца).

у себя князей из Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова, Вышгорода для похода на половцев (1168 г.), они сказали ему: «... то есть нам на часть и всей Руской земли» (И, 541).²⁴ Рядом с понятием «всей Русской земли» фигурирует соответственное ему объединительное политическое понятие «власть русская». Оно относится к междуособной борьбе героев «Слова». В 1180 г. Святослав «помысли во уме своем, яко Давыда ему, а Рюрика выжену из земле и прииму един власть рускую с братьею» (И, 615). Но осуществить это Святославу не удалось: в итоге столкновений Рюрик заключил с ним договор, окончательно расчленивший Киевское княжество, и уступил «ему старейшинства и Киева, а себе взя всю Рускую землю» (И, 624). Изучаемое словосочетание, кроме территориально-политического значения, имело также значение объединения «всех» русских князей и их войск. После поражения Игоря Святослав, Рюрик и Владимир Глебович Переяславский (тоже герой «Слова») подошли к Каневу, «половци же, услышавше всю землю Рускую идуще, бежаша» (Л, 378).

Итак, в политической жизни князей — героев «Слова» существовало, как правило, ограничительное представление о «Руси», «Русской земле», как области Среднего Поднепровья. Желая быть правильно понятым своими адресатами, автор «Слова» должен был пользоваться именно этой концепцией.

Но эта «постимперская» концепция получала еще свою внутреннюю дифференциацию. Северские князья, младшие «Ольговичи» (герои «Слова»), Игорь Новгород-Северский, его сын Владимир Путивльский, Игорев брат Всеволод (буи тур) Трубчевский, племянник Святослав Рылский, в случае конфликта с Рюриком, который владел Киевскими землями, не считались ни летописью, ни, очевидно, враждовавшими с ними другими южно-русскими князьями принадлежащими к «Руси». Когда, например, Святослав в 1181 г. при помощи половцев захватил Киев, «половци же испросиша у Святослава Игоря (в качестве полководца, — *А. Р.*), . . . Святослав же отпусти» его. Против них Рюрик послал свои войска, которыми руководили «воеводы рускеи» (М., 621—622). Войска Игоря потерпели поражение, так как «Русь же потопташа ё», подчиненные ему «половци бегаюче пред русью». Бросив полки, Игорь и его союзники половецкий хан Кончак «вскочивша в лодью, бежа на Городец к Чернигову». Победа над ними войск Рюрика получила традиционное определение — «и тако поможет бог Руси» (И, 623).

Здесь «Русь» и «воеводы русские», во-первых, четко определены по своей принадлежности, во-вторых, отделены от Игоря и, естественно, — от его половецких союзников. Напротив, при описании битвы Игоря и его княжеской группы с половцами, в том числе с Кончаком (1185 г.), северские войска называются «русью»: половецкие «стрельцы» — «пустивше по стреле на русь» (И, 639). Затем Святослав говорит о группе Игоря: «О, любя моя братья и сынове и муже земле Руское» (И, 645). Эти колебания, связанные с политической возможностью или невозможностью отнесения северских и близких к ним князей к «Руси», будут прослежены нами и в дальнейшем.

Понятие «Русская земля» употреблено в «Слове» 21 раз. Ареал этого понятия в основном очерчен так же, как и в летописях, но с некоторой тенденцией к его расширительному толкованию, как раз за счет включения в него Игоря и его группы (т. е. северских и союзных с ними князей).

Попытаемся классифицировать отношение «Слова» к понятию «Русская земля» по нескольким признакам. Смысловой контекст употребления

²⁴ Таким образом, в эту эпоху формула летописи о «всей Русской земле» не означала всех восточнославянских княжеств.

в «Слове» этого понятия свидетельствует о том, что оно не отклонялось сколько-нибудь от современных ему географических и политических представлений, отразившихся в летописях. «Слово» призывает не только Рюрика Ростиславича, владевшего «всей Русской землей», вступить «за землю Рускую», «за раны Игоревы»,²⁵ но и его брата Давыда, обладавшего «Смоленской землей»; также — Всеволода, князя «Суздальской земли», Ярослава Осмомысла, владевшего «Галицкой землей», и ряд других князей, княжества которых были весьма далеки от «Русской земли», совершенно от нее не зависели и от набегов половцев не страдали. Если допустить, что автор «Слова» все восточнославянские княжества считал «Русской землей», а всех князей — «русскими», то его обращение к ним с призывом выступить на защиту своих собственных владений стало бы беспредметным. Когда автор мечтал о созыве (совершенно нереальном и для защиты от половцев ненужном) около 14 князей, не относящихся к «Русской земле» (кроме Рюрика), то он придавал этому призыву определенный ограниченный смысл (не только «за землю», но и за «раны») — «за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Поражение Игоря (и его группы) мыслилось здесь в качестве пояснительного синонима к понятию «Русская земля», впрочем, синонима гиперболического (даже по отношению к узкому пониманию термина «Русская земля»). Такое же преувеличение значимости третьестепенного князя Игоря наблюдается в следующих двух сопоставлениях: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, — Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорьъ князь въ Руской земли».

В «Слове» в качестве места действия, современного сюжета, названы те города, которые и в действительности находились в «Русской земле»: Киев, Чернигов, Переяславль, Римов. Летопись знает «города русские» (Кончак якобы стремился пленить «грады русские» в 1185 г.; И, 634), один из которых имел даже собственное определение как «Русский». Так, Всеволод (Большое Гнездо) послал (1201 г.) «сына своего Ярослава в Переяславль в Русьский княжить» (Л, 395).

Символические описания «Русской земли» и ее центров в «Слове» взаимосвязаны: «А вѣстона. . . Киевъ туюю, а Черниговъ напастьми. Тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи». Здесь совершенно правильно говорится о том, что печаль распространилась «посреди» этой «земли», т. е. — в Киеве и в Чернигове. Это образное допущение так же верно, как и утверждение, что битва Игоря с половцами происходила «среди земли Половецкыи», т. е. во владениях тех ханов (Кончака, Гзака и др.), с которыми он боролся.

Но, кроме собственно «русских» городов, в «Слове» названы (с некоторым расширительным пониманием) города — Новгород (Северский), Путивль, Курск, — владения младших «Ольговичей», — которые автор тоже относит к «Русской земле», хотя в летописи в это время намечено их обособление: «Северьские городы» (И, 628—629) или «городи Посемьские» (И, 645). Присоединение этих городов к «Русской земле» вытекает из представления автора о действиях половцев: «. . . по Руской земли прострошася половци, аky пардуже гнѣздо». Действительно, после поражения Игоря, Кончак подошел к «русскому» городу Переяславлю, а Гзак — к Путивлю. Разумеется, не может быть и речи о том, что автор писал

²⁵ Здесь и далее «Слово» цит. по изд.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»). Текст подготовил к печати Д. С. Лихачев; орфография соблюдается, страницы не указываются; при цитировании других памятников орфография модернизируется по существующим правилам. Подбор примеров см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова, вып. 2. Л., 1967, с. 126—130.

о военных действиях половцев на просторах всех восточнославянских княжеств, так как таких действий не было. Но даже в том случае, если принять здесь действительное понимание его современниками «Русской земли» как Среднего Поднепровья, то и тогда перед нами поэтическая гипербола. Ведь половцы вовсе не простерлись по «Русской земле» (даже в «узком» смысле), а лишь затронули ее южные и юго-восточные зоны (к которым «Слово» относит и Посемье). Кончак подошел, как отмечено, к Переяславлю, а Гзак — к посемскому городу Путивлю. «Слово» говорит: «. . . а погани съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Действительно, наблюдались довольно частые набеги половцев на «Русскую землю» — Среднее Поднепровье — с разных сторон: юго-западной, южной и юго-восточной. И в данном случае половцы разделились: объединение донских половецких родов двинулось в сторону Киева (но дошло оно только до Переяславля), а донецкие половцы, во главе со Гзаком, двинулись в сторону Посемья. Вторая часть фразы — приходили «съ побѣдами» — тоже поэтическая гипербола, так как общих побед половцев над «Русской землей» (даже в ее ограниченном понимании) не было никогда, а имели место более или менее успешные локальные и кратковременные грабительские набеги.

После грустного замечания о поражении Игоря — «А Игорева храбраго плъку не крѣсити», — дается символическая картина, очевидно, ориентированная на те же южнорусские пределы: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Рускои земли . . . Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ. . . ни очима съглядати“». Как видим, речь идет о «русских» женах (Игоря и его соратников), и именно здесь по «Русской земле» поскакали Карна и Жля.

Далее после уже приведенного фрагмента о печали, постигшей Киев и Чернигов, говорится: «А князи сами на себе крамолу коваху, а погани сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора». Действительно, междоусобная борьба князей, владевших «Русской землей» (не говоря уже о всех восточнославянских князьях), была почти постоянной (войны между Святославом и Рюриком, Игорем и Владимиром Глебовичем Переяславским, и т. п.). Что же касается второй части фразы о том, что половцы «сами» приходили с победами, то это значительное преувеличение: обычно половцы приглашались кем-либо из князей в качестве союзников для борьбы с другими князьями. В этих случаях бывали и победы, и поражения (например, поражение Игоря и Кончака в борьбе с войсками Рюрика). Конец фразы («емляху дань») — очень архаичная поэтическая гипербола, — половцы дани с русских не брали, так как не могли этого сделать.

Исходя из своих общих понятий об ограниченных Средним Поднепровьем пределах «Русской земли», летописец охарактеризовал результат неудачного похода Игоря и его группы: «. . . отвориша ворота на Русьскую землю» (И, 645). О том же и в таком же смысле говорит «Слово»: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами на землю Рускую».

В «Слове» есть такого рода случаи употребления понятия «Руская земля», значение которых выступает не столь определенно, как в приведенных выше. Например, известный рефрен: «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!».²⁶ Но среди всех случаев употребления понятия «Русская земля»

²⁶ В научной литературе встречаются два основных предположения: во-первых, здесь усматривается «Русская земля» как страна, от которой Игореве войско уже удалось, зайдя за пограничный вал, холм (предположение более вероятное, подтверждаемое в комментарии Д. С. Лихачева); во-вторых, «Руская земля» понимается как Игореве войско, уже находящееся за пограничными сторожевыми курганами, т. е. углубившееся в половецкие владения (предположение, выдвигаемое В. И. Стеллецким).

в «Слове» нет ни одного, который позволил бы подразумевать в нем представление автора о всех восточнославянских княжествах.

Понятие «Русская земля» в «Слове» характеризуется еще тем обстоятельством, что оно выступает в прочной связи со своим антиподом — понятием «Половецкая земля»,²⁷ что вполне закономерно, так как в действительности именно эти две «земли» были длительное время связаны и союзными, и враждебными отношениями.

«Вся Половецкая земля», подобно «всей Русской земле», известна в летописях. Когда Юрий Долгорукий двинулся «в Русь» для захвата Киева, с ним, кроме собственных войск, шла «вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром» (И, 455). После поражения Игоря половцы собрали «весь язык свой на Рускую землю» (И, 646). В «Слове» мы наблюдаем устойчивые параллелизмы: Игорь навел полки — «на землю Половѣцкую за землю Руськую»; он бежал «изъ земли Половецкой на землю Рускую»; неудачная битва Игоря произошла «среди земли Половецкыи. Чръна земля. . . костью была посяяна. . . , тугою взыдоша по Руской земли»; когда-то князья начали «наводити поганя на землю Рускую. . . Которою бо бѣше насилие от земли Половецкыи».

Интересы автора «Слова», о которых в данном случае идет речь, ограничены взаимосвязями «земель» Русской и Половецкой. Никакие другие «земли», хорошо известные летописям, в «Слове» не упоминаются. Обращения «Слова» к князьям, не относящимся к «Русской земле», имеют персональный характер и не являются обращениями к тем княжествам, которыми они владели. Только в одном случае имеется определение, указывающее на владение князя: «Галчкы Осмомыслѣ Ярослав!».

Автор «Слова» — горячий патриот «Русской земли», в том ее обычном понимании, какое имеет место в «Слове» и в летописях. Он с несомненным патриотическим пиитетом относился и к «старому времени», т. е. к Киевской империи Рюриковичей, когда был «давний великий Ярославъ», а «Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ». Но в «Слове» нет указаний на то, что авторский патриотизм простирался на все восточнославянские княжества, ему современные: это и неудивительно, так как в эпоху феодальной раздробленности патриотическая идеология имела локальный характер.

Историческое подтверждение такой идеологической закономерности мы находим в летописи, например при характеристике Мстислава Храброго (брата героев «Слова» — Рюрика и Давыда). Когда его звали новгородцы на княжение, он «не хотяше ити из Руской земли, река им, яко не могу ити из отчины своей и со братьею своею разойтися. . . , хотя страдати от всего сердца за отчину свою всегда бо на великая дела тьснася. . . , хотя исполнити отечьствие свое» (И, 606—607).²⁸ Употребление здесь слова не только обычного — «отчина» (родовой домен), но и очень редкого в летописях, более широкого — «отечьствие» (отечество), — весьма знаменательно. Летописец выходит за пределы распространенных рассуждений о владениях князей, он говорит именно о патриотизме Мстислава и связанных с этим переживаниях. Братья сказали ему — «аже зовутья с честью, иде, а тамо не наша отчина», он согласился, но подумал: «. . . то не могу никако же Руской земле забыти» (И, 607). Далее этот патриотизм подтверждается при помощи сопоставления двух разных

²⁷ Стилистически «Русская земля» адекватна (в качестве антипода) «Половецкой земле»; может быть, поэтому автор пользуется только этим словосочетанием и не употребляет название «Русь» (встречающееся в летописях в том же значении, что и «Русская земля»).

²⁸ «Отечьствие» — «отечество», «родина»; см. именно этот летописный пример в данном значении: Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 833.

«земель», в которых пришлось княжить Мстиславу. Когда он умер (1179 г.), в некрологе говорилось — «всегда бо тосняшется умерети за Рускую землю и за хрестьян», «от всего сердца бяшется за отчину свою», «и плакашесь по нем вся земля Руская», «и плакашесь по нем вся земля Новгородская» (И, 610—611). На фоне этих примеров достаточно отчетливо видно, что патристические идеалы автора «Слова» связывались только с «Русской землей».

В строгой зависимости от концепции понятия «Русская земля» летопись выделяла несколько других производных понятий, также весьма важных для изучения «Слова». Так, по признакам того же географического и политического ареала создавалось представление о «русских князьях», которое в эти времена не применялось для обозначения всех восточнославянских князей. «Русские князья» не смешивались с князьями «суздальскими», «рязанскими», «галицкими» и др. Например, Святослав созвал свою «братью», принадлежавшую к «русским князьям», — Ярослава, Игоря, Всеволода (буи тура) — «и поча с ними думати, хотя на рязанские князи» (И, 697). Персональный состав «русских князей» был хорошо известен современникам. Летопись так описывала ожидание Святославом (1179 г.) Ростиславичей южнее Треполя для похода на половцев: «Слышавше же князи рустии поидоша за Сулу. . . половци яшася бегу» (И, 613); в марте 1185 г. о Святославе и Рюрике сказано: бог дал «победу князема рускыма» (И, 636). Подобно «всей Русской земле», в летописи фигурируют и «все русские князья», как вполне определенное ограниченное объединение. Собираясь в поход на половцев (июль 1184 г.). Святослав и Рюрик послали за князьями переяславским, луцким, туровским, пинским, городенским, дубровицким. Эта княжеская группировка получила в двух летописях разные, но корреспондирующие обозначения: по южной версии — Святослав «посласта по околнии князи» (И, 630), по северной версии — «ходиша бо князи рустии вси на половце» (Л, 374). Иначе говоря, для суздальского летописца «все русские князья» — это именно те, которых киевский летописец назвал «окольными». Точно так же, по суздальской летописи, после поражения Игоря Святослав «посла по сыны свои и по вси князи» (Л, 378), — тогда к нему явились его сыновья Олег и Владимир, его «свят» Рюрик, еще какие-то безымянные (мелкие) дополнительные силы — «со инеми помочьми». Летописный контекст не позволяет нам воображать, что Святослав, пославший за двумя своими сыновьями, и, кроме них, — «по вси князи», — решил собрать всех тех могущественных знаменитых и отдаленных князей, к которым обращало свой поэтический призыв «Слово».

Вот еще показательный пример того, кого именно считали «всеми» русскими князьями. В 1187 г. Рюрик сказал Святославу: «Ты, брате, еди в Черньнигов, совокупись же со братью своею, а яз сдесе, — со своею. И тако совокупившеся вси князи руские поидоша по Днепру» (И, 653). В этом походе на половцев участвовали Рюрик, Святослав и Ярослав (Черниговский), видимо — со своими ближайшими вассалами.

Таким образом, в общественном сознании эпохи — «всеми» русскими князьями считались только те князья, которые были сюзеренами или вассалами «всей Русской земли» (Среднего Поднепровья), а отнюдь не все восточнославянские князья. Однако и эта группа южнорусских князей, за исключением Святослава и Рюрика, трехстепенных князей, не всегда бывала единой, так как и она раздиралась политическими противоречиями. Из состава «русских князей» выделялась особая маленькая группа родичей Святослава, которая подчинялась ему только в тех случаях, когда это представлялось ей выгодным, и успешно уклонялась от его воздействия в других случаях. Это была его «своя братья» (И, 630), или

«Ольговы внуки» (Л, 376), т. е. герои «Слова» — Ярослав Черниговский (брат Святослава), Игорь (двоюродный брат Святослава) и его группа. В июле 1184 г., имея в виду Святослава и Рюрика, Игорь сказал Всеволоду (буи туру), Святославу Рыльскому, Владимиру Игоревичу и дружине: «Половци оборотилися противу руским князем, и мы без них купаймся на вежах их ударити» (И, 633). Подчеркнутая здесь обособленность северских князей («мы»), отделивших себя от «русских князей», была связана с прецедентом предшествующего похода на половцев (весной 1184 г.), когда Владимир Глебович Переяславский потребовал для себя у Игоря места в авангарде на следующем основании, отделявшем его от северских князей: «Князи бо русции дале бяхуть наперед ездити в Руской земли» (И, 628).

В «Слове» по отношению к северским князьям (как и в отношении их владений, будто бы входивших в состав «Русской земли») дается несколько расширенное толкование — они относятся к «русским», выступают как «русичи» — «русици», у них «руския плъкы», «жены руския».

В соответствии с представлениями о «Русской земле» и «русских князьях» летопись четко выделяет «русские полки», не смешивая их с войсковыми частями других княжеств. Когда Андрей Боголюбский (1174 г.) «исполнися високоумья» и «ражъся гневом» на Ростиславичей, он послал на «Рускую землю» свои войска, в составе которых, естественно, не было «русских», а были — «суждальци, володимерци, переяславци, белозерце, муромце, и новгородце, и рязаньце» (И, 574). Против них Ростиславичи и их союзники собрали «и кыяны совокупивше, и берендеиче, и Поросье, и всю Рускую землю полкы» (И, 575). Аналогичные примеры наблюдаются во многих случаях. Так, обороняя Владимиро-Суздальское княжество от Святослава, навстречу ему вышел Всеволод с «суждальскими полки и с рязанскими полки и муромскими» (И, 618). «Рязанские полки» напали на обозы Святослава, но его союзник Всеволод (буи тур), быстро приблизившись «и руским полком и своим полком», исправил положение, — «и тако рязанские князи утекоша» (И, 618). Отсюда ясно, что «суздальские», «рязанские» и другие «полки» не считались «русскими полками». Кроме того, «русские полки» (Святослава) отделяются здесь и от пришедших с ними «своих» полков Всеволода, очевидно трубчевских и курских (в «Слове»: «А мои ти куряни свѣдоми къмети»), т. е. снова наблюдается обособление представителей Северской земли. Но при поражении Игоря (1185 г.) летопись дает несколько более обобщенное определение его «полков» в связи с их противопоставлением половецким «полкам»: «. . . усретоша полкы половецькие», «. . . видяхом полки половецькие» (И, 628, 630): «. . . мнози ранени. . . быша в полках руских» (И, 641). В «Слове» дается аналогичное противопоставление: «А поганаго Кюбьяка. . . отъ. . . плъковъ половецькыхъ. . . выторже», «. . . руския плъкы оступиша».

Упоминает летопись и о «русских воинах» в определенном контексте: в результате похода Мстислава Киевского на половцев (1168 г.) «всим руским воем наполнитися до избылья» трофеями (И, 540). От «русских» воинов ясно отличаются, например, «вое новгородские» (И, 607). Таким образом, вполне определенные военные ситуации, связанные с постоянными междоусобными войнами, позволяют ясно отличить «русские полки», «русских воинов» от всех иных военных сил, принадлежащих к той же народности, но так не называемых.

Помимо указанных военных ситуаций, летопись отмечала и другие феодальные отношения между княжествами, которые тоже выделяли «русские» элементы как совершенно обособленные. Например, когда Ростиславичи (в их числе и герои «Слова» — Рюрик и Давыд) на некоторое время овладели частью владимиро-суздальских земель, они ста-

вили по городам свою администрацию, т. е. — раздавали «посадничество русьским детьцкым, они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами» (Л, 355). Отсюда видно, что «русских детских» суздальская летопись расценивала как иноземных угнетателей.

* * *

«Русская земля» для многих князей, владевших иными землями, долгое время еще оставалась возжеленной целью их политических и военных усилий (как это было, например, для Юрия Долгорукого), и древняя ее слава сохраняла свое очарование. Но уже новое поколение князей, особенно владими́ро-суздальских и галицко-волынских, стало проявлять к ней совсем иное, только терпимое, а иногда даже и отрицательное отношение. В этой связи наибольший интерес представляет появление новой концепции понятия «Русская земля» в воззрениях и действиях Андрея Боголюбского.

После разгрома Андреем Киева (1169 г.) он стал рассматривать «Русскую землю» как свою провинцию; Андрей «разгневался на Ростиславичи» и решил их изгнать: «Давыдови рци, — а ты поиди въ Берладь, а в Руской земли не велю ти быти» (И, 573). Ростиславичи (в их числе Рюрик и Давыд) отказали Андрею, заявив: «. . . нам путь кажеш и изъ Руськой земли без нашея вины» (И, 570). Идеологические претензии Андрея (после его смерти) были пояснены Кузьмищей Кияниным, когда он «нача плакати» над князем.²⁹ Если к Андрею, по словам Кузьмища, «гость приходил из Царягорода, и от иных стран, изъ Руской земли, и аче латынин, и до всего хрестьянства и до всее погани, и рече (Андрей, — А. Р.): „Введе ѝ въ церковь и на полаты, да видять истиньное хрестьянство и крестяться“» (И, 591). Так полуполовец (по матери, половецкой ханше), Андрей усердно стремился обосновать новый религиозно-политический миф «истинного» православия, с тем чтобы опорочить традиционное представление о «Русской земле». Современникам было достаточно хорошо известно, что Киевская Русь приняла христианство от Византии, что киевская митрополия зависела от царьградского патриарха и, в свою очередь, ставила епископов в разные княжества, и в тот же Владимир. Именно поэтому Андрею было необходимо унизить авторитет Царьграда, а «Русскую землю» приравнять к «землям» иностранным и даже иноверным, не обладавшим «истинным христианством», на которое уже безраздельно претендовал новый в русской истории «самовластец».

Горячий патриотизм «Слова» был обращен к сравнительно небольшой в эту эпоху «Русской земле». Но политическое (и даже религиозное) понятие «Русской земли» как мощного в свое время фактора объединительной государственной политики (до 30-х годов XII в.) во времена «Слова» безнадежно устарело. Сама «Русская земля» давно уже сделалась объектом приложения противоборствующих сил могущественных и суверенных княжеств. Для владими́ро-суздальских князей, насаждавших культ Богородицы (не случайно еще Андрей Боголюбский перенес с юга во Владимир греческую икону, впоследствии Владимирскую божью

²⁹ Как известно, в 1174 г. Андрея убили его придворные («свои милостыници»; ИИ, 34). Утверждавшаяся Андреем «самовластная» политика потерпела неудачу, потому что Андрей, у которого не было опыта предшественников, предпринял крупные внешнеполитические акции (походы на Киев, Новгород, Волжскую Болгарию и др.), не ограничив положение собственной аристократии и не создав корпуса преданных ему «служилых людей». Эту ошибку Андрея отметил уже Кузьмище: «Господине мой, како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе, и како еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых болгар?» (И, 590).

мать), «истинное христианство» и церковную литературу, вся идеология «Слова», традиционно киевская, дружинно-эпическая, в большей мере языческая, чем христианская, т. е. идеология, направленная к возрождению архаических традиций «Русской земли», не могла не показаться совершенно неприемлемой (скорее всего, «еретической»). Такая архаичная высокая поэзия (например, обращение Ярославны с мольбой не к Богоматери, а к солнцу, ветру и Днепру) лишней раз подтвердила бы представление этих властных и суверенных феодалов, что выходцев из «Русской земли» нужно заново крестить, чтобы они познали наконец «истинное христианство». Возвышенные идеализированные представления «Слова» о «Русской земле» с древним центром в Киеве были чуждыми новой концепции государства, которая складывалась во Владимиро-Суздальской земле.

Со временем это положение существенно изменилось. Не случайно «Слово» оказало сильное влияние на «Задонщину» (XV в.) именно тогда, когда идеи объединения русских земель вокруг Москвы вообще, и прежде всего — для борьбы с татарским игом, стали политически реальной перспективой ближайшего будущего.

Характерная для «Слова» ограничительная концепция «Русской земли» (как Среднего Поднепровья, с добавлением Посемья), свойственная феодальным представлениям именно изображаемой в нем эпохи, показательна для нас в том смысле, что она служит одним из свидетельств подлинности и древности этого великого поэтического памятника.

О. В. ТВОРОГОВ

К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»

В литературе о «Слове о полку Игореве» достаточно прочно утвердилось мнение, что Мусин-Пушкинский сборник, содержащий «Слово», был написан в конце XV или в XVI в. Основанием для этой датировки являлись свидетельства лиц, видевших рукопись, а также суждения палеографов и лингвистов, определявших время переписки сборника по языковым фактам «Слова».

Но этой датировке явно противоречит то обстоятельство, что в начале сборника читался хронограф, который, судя по названию своему, сообщенному издателями «Слова»,¹ является хронографом XVII в. Впервые обратил на это внимание Е. В. Барсов. Он предположил даже, что список хронографа поздний, «по древности своего написания» восходивший ко времени не «ранее конца XVII или начала XVIII века», но что другие статьи сборника (включая «Слово») — «пришлетены к Хронографу, хотя и были написаны гораздо ранее, как это часто встречается в древнерусских сборниках».²

М. Н. Сперанский писал по тому же поводу: «Анализ сборника дал материал и для определения времени рукописи: Гранаграф — название Хронографа — ранее конца XVI в. встретиться не могло: это название 2-й редакции Хронографа, возникшей не ранее этого времени и законченной в 1617 году».³

А. С. Орлов, исходя из наличия хронографа в составе Мусин-Пушкинского сборника, пришел к мысли, что сборник этот — конволют. Он писал: «Точно так же и искаженный термин „Гранаграф“ не ведет еще к дате „XVI—XVII в.“, так как неизвестно, писана ли эта статья сборника общим почерком со „Словом“, по крайней мере — почерком одновременным. Произведения, возникшие не ранее второй четверти XV в. — Хронограф («Гранаграф») и „Временник“ — не представляют материала, однородного с остальными статьями сборника. . . Возможно, что обе эти половины сборника лишь механически были соединены в нем, будучи писаны разновременно».⁴ Мы видим, что А. С. Орлов, во-первых, обращает внимание лишь на «искаженный термин», тогда как с заглавием Хронографа 1617 г. заглавие Мусин-Пушкинского хронографа сближается не одним э т и м с л о в о м (см. ниже), а во-вторых, он не ставит вопроса

¹ Ироническая пѣснь о походе на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. . . М., 1800, с. VII.

² Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, с. 65.

³ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1921, с. 353.

⁴ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Издание второе. М.—Л., 1946, с. 51—52 (далее: Орлов. Слово).

о редакци и хронографа: в середине XV в. была создана, согласно А. А. Шахматову,⁵ первая редакция Русского хронографа, тогда как в Мусин-Пушкинском сборнике, судя по заголовку, читалась иная, «вторая», редакция, созданная в 1617 г.

Считает Мусин-Пушкинский сборник конволютом и А. А. Зимин. Однако, по его мнению, составителем конволюта являлся сам А. И. Мусин-Пушкин: «„Слово“ было переписано полууставом и включено в сборник, составленный из хронографа редакции 1617 года, „Девгениева деяния“, похищенных листов Новгородской Первой летописи и двух статей из сборника с „Задонщиной“ (Повесть об Акире и Сказание об Индийской земле)».⁶

Тем не менее в подавляющем большинстве работ сборник со «Словом» без каких бы то ни было оговорок датируется XV—XVI вв. При этом часто ссылаются на Н. С. Тихонравова, будто бы на основании палеографических данных установившего дату рукописи.

Действительно, Н. С. Тихонравов, рассмотрев характерные отличия Мусин-Пушкинского издания от Екатерининской копии «Слова», предположил, что издатели колебались в прочтении некоторых букв (в частности, не всегда могли отличить *ѣ* от *ѥ*, *ѧ* и *Ѩ* от *Ѧ*). Но сходные начертания букв *ѣ*, *ѥ* и *Ѧ* появляются только в скорописи. «Это обстоятельство, — пишет Н. С. Тихонравов, — заставляет отнести и самую рукопись не к XIV или XV веку, как сделали первые издатели, а разве к 2-й половине XVI в.». Далее Н. С. Тихонравов снова возвращается к этой мысли: «...нет возможности отнести Пушкинскую рукопись „Слова“ к концу XIV или началу XV века. По всей вероятности, она относилась к концу XVI в.».⁷ Но примечательно, что образцы написаний, на основании которых Н. С. Тихонравов судит о возможности смешения названных букв, извлечены им из рукописей 1643 и 1691 гг. Таким образом, мнение, будто бы ученый безоговорочно указал именно на XVI век как на время создания сборника, не совсем точно: он говорил лишь о том, что по почерку сборник не может быть отнесен ко времени ранее конца XVI в.

Вопрос о дате Мусин-Пушкинского сборника сложен и не решается только на основании даты входящего в его состав хронографа или только на основании палеографических или орфографических черт «Слова». Целесообразно рассмотреть весь круг относящихся сюда вопросов: о составе Мусин-Пушкинского сборника, о соотношениях текста первого издания «Слова» с текстом Екатерининской копии, о языковых особенностях Мусин-Пушкинского списка «Слова». Наконец, следует обратиться к весьма противоречивым свидетельствам лиц, видевших рукопись. Лишь такое комплексное рассмотрение проблемы продвинет нас на пути к ее решению.

1. Состав Мусин-Пушкинского сборника

Как уже сказано, издатели перечислили памятники, входившие вместе со «Словом» в Мусин-Пушкинский сборник. Первым был назван хронограф, озаглавленный: «Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ),

⁵ Сейчас дата создания хронографа отодвинута на рубеж XV—XVI вв., — см.: Б. М. Клосс. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971.

⁶ А. Зимин. Когда было написано «Слово»? — ВЛ, 1967, № 3, с. 151. Упомянутый здесь сборник с «Задонщиной» — это рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 (см. о ней в той же статье А. А. Зимина, — с. 141). Однако в этой рукописи находится не первая (как в Мусин-Пушкинском сборнике), а третья редакция Повести об Акире и более поздняя редакция Сказания об Индийском царстве.

⁷ Слово о полку Игореве. Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Издание второе, исправленное. М., 1868 (далее: Тихонравов. Слово), с. VI и IX.

рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Иисуса Навина, и отъ Судей Иудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирійскихъ Царехъ, и отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ».⁸ Этотъ заголовокъ позволяетъ намъ точно установить, какой именно хронографъ читался в составе Мусин-Пушкинского сборника. Это не могъ быть Хронографъ редакцій 1512, 1599 или 1601 г., ихъ заголовки начинаются иначе: ⁹ «Прилог, сиречь собрание отъ многихъ летописецъ отъ Бытіи о сотвореніи міра. . .», но далее сходно: «. . . и отъ ассирійскихъ царей, и отъ Александрия, и отъ римскихъ царей, еллинъ же и благочестивыхъ. . .».¹⁰

Хронографъ Западнорусской редакціи, созданной в середине XVI в., озаглавлен: «Повесть объ Александре Македонскомъ и о хожденіи его. . .»; следовательно, заголовокъ данной редакціи также не можетъ быть сопоставленъ с заголовкомъ Мусин-Пушкинского хронографа.

Значительно ближе к заголовку хронографа Мусин-Пушкинского сборника заголовокъ Хронографа редакціи 1617 г. Онъ существуетъ в четырехъ вариантахъ. Списки древнейшего вида озаглавлены: «Книга, глаголемая Гранографъ, рекше начало писменомъ царскихъ родовъ, отъ многихъ летописецъ, прежде отъ бытіи о сотвореніи міра. . . и отъ четырехъ Царствъ, та же и отъ асирійскихъ царехъ и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ, еллинъ же и благочестивыхъ. . .». В позднихъ спискахъ заглавіе несколько варьируется. Такъ, во второмъ варианте заголовка после словъ «глаголемая Гранографъ» добавлено «иже суть в книзе сей», в третьемъ варианте в отличіе отъ первого опущены слова «и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ», в четвертомъ начало сходно с началомъ второго варианта, но такъ же, какъ и в третьемъ, опущены слова: «и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ».

Заголовокъ Мусин-Пушкинского хронографа близокъ заголовку первого варианта, однако вместо «отъ Макидоніи» здѣсь читается «отъ Александрія». Зато обратившись къ спискамъ Распространенной редакціи 1617 г., мы обнаружимъ, что ее заголовокъ полностью совпадаетъ с заголовкомъ Мусин-Пушкинского хронографа, включая слова «отъ Александрии».¹¹ Можно предположить себе путь сложения заголовка Распространенной редакціи. Она образовалась в результате дополненія текста Основной редакціи Хронографа 1617 г. по списку Хронографа 1599 или 1601 г. Вероятно, при слияніи этихъ двухъ редакцій и произошла замена словъ «отъ Макидоніи» (какъ в Основной редакціи Хронографа 1617 г.) словами «отъ Александрія», какъ в Хронографѣ 1599 или 1601 г.

Итакъ, не остается сомнѣній, что в Мусин-Пушкинскомъ сборникѣ читался Хронографъ Распространенной редакціи 1617 г. или какой-либо иной хронографъ, заимствовавшій у этой редакціи ее названіе.¹² Сейчас

⁸ Ироническая пѣснь. . ., с. VII. Заголовокъ приводится в орфографіи изданія.

⁹ Этотъ и прочіе заголовки приводятся в несколько «унифицированной» формѣ; ибо, какъ увидимъ далее, с хронографами XVII в. Мусин-Пушкинскій хронографъ сближается не однимъ-двумя словами, а целымъ реченіемъ. Попутно заметимъ, что терминъ «хронографъ» («гранографъ») былъ известенъ и редакціи 1512 г.: см. заголовки вводныхъ статей и оглавленія в списке этой редакціи (БАН, 34.4.32): «Главы книга сия, глаголемая Гранографъ», «Предисловіе книзе, глаголемей Хронографъ».

¹⁰ Смыслъ этихъ словъ таковъ: повествуется о «римскихъ царяхъ», т. е. о царяхъ и императорахъ Рима и византійскихъ императорахъ, при этомъ какъ о языческихъ («еллинахъ»), такъ и христианахъ — «благочестивыхъ». В позднихъ спискахъ хронографовъ текстъ часто искажался и читалось — «еллинъ же благочестивыхъ».

¹¹ См., например, списки этой редакціи: БАН, Арханг., С 132; ГПБ: Ф. IV. 104; Ф. IV. 154; собр. Вяземскаго, Ф. III; собр. Погодина, № 1446; собр. ПДА, А 1/20 и др.

¹² Эта оговорка необходима потому, что такіе заимствованія встречаются, но ясно, что оно не могло произойти ранее, чемъ это названіе впервые употребилъ Хронографъ Распространенной редакціи 1617 г.

нет возможности точно определить время создания Распространенной редакции, но ясно, что она, основанная на одном из вторичных видов Основной редакции 1617 г.,¹³ не могла быть создана раньше 20-х годов XVII в. Следовательно, рукопись Мусина-Пушкина могла быть переписана (или составлена, если она конволют) не ранее первой четверти XVII в.

Продолжим рассмотрение состава Мусин-Пушкинского сборника.

После хронографа в нем читалась летопись, озаглавленная: «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя». Д. С. Лихачев указал на чрезвычайную близость этого заголовка к заголовку Новгородской первой летописи Младшего извода.¹⁴

Кроме хронографа, летописи и «Слова», в состав Мусин-Пушкинского сборника входили три повести: Повесть об Акире Премудром, Сказание об Индийском царстве и Девгениево деяние.

Крайне важно отметить, что все названные памятники или вообще редко встречаются в древнерусской письменности, или представлены в сборнике своими древнейшими и малораспространенными редакциями. Древнейшая редакция Повести об Акире Премудром известна сейчас только в трех списках, два из которых принадлежат XV веку; при этом заголовок Повести в Мусин-Пушкинском сборнике полностью совпадает с заголовком в старшем из известных ныне ее списков (ГБЛ, собр. ОИДР, № 189).¹⁵

Сказание об Индийском царстве сохранилось в нескольких десятках списков. Однако еще М. Н. Сперанский¹⁶ доказал, что в Мусин-Пушкинском сборнике читалась древнейшая редакция Сказания, неизвестная ныне ни в одном списке: мы знаем о ее существовании лишь по извлечениям, вошедшим в состав «Александрии» второй редакции, да по краткому описанию некоторых сюжетных мотивов, сделанному Н. М. Карамзиным по Мусин-Пушкинскому списку.

Третий памятник — Девгениево деяние — обнаружен сейчас только в трех списках XVII—XVIII вв., хотя сюжет повести несомненно был известен на Руси по крайней мере в XIII в. В. Д. Кузьмина установила, что в Мусин-Пушкинском сборнике читалась старшая из известных ныне редакций Деяния.¹⁷

Итак, состав Мусин-Пушкинского сборника оставляет вопрос о его дате нерешенным; наличие в нем Распространенной редакции Хронографа 1617 г. безусловно указывает на XVII век, но повести, окружающие «Слово», представлены в своих древнейших редакциях и позволяют предполагать у этой части рукописи более архаичный оригинал.

Но прежде чем решать вопрос о дате сборника, обратимся к наблюдениям над орфографическими чертами текста «Слова», ибо традиционная датировка рукописи XV—XVI вв. не возникла как досужее предположение, а основывалась на наблюдениях лингвистов и палеографов над языковыми фактами «Слова».

¹³ См. об этом: О. В. Т в о р о г о в. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 176.

¹⁴ Д. С. Л и х а ч е в. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947.

¹⁵ О списках Повести см. в главе «Переводная беллетристика XI—XIII вв.» в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 163—180.

¹⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Сказание об Индийском царстве. — ИлоРЯС, т. III, 1930, кн. 2, с. 163—180.

¹⁷ См.: В. Д. К у з ь м и н а. Девгениево деяние. (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

2. Палеографические и орфографические черты «Слова о полку Игореве»

Орфография памятника весьма показательна для датировки его списка, ибо она подвержена изменениям в гораздо большей степени, чем грамматический строй или лексический состав произведения.¹⁸ Но при рассмотрении орфографии «Слова» мы сталкиваемся с одной специфической трудностью: у нас нет уверенности, что первое издание точно передает текст оригинала. Правда, А. Ф. Малиновский заверял, что издатели воспроизвели оригинал «буква в букву», но сомнения в объективности этой оценки возникают при сопоставлении текста первого издания (далее: *П*) и Екатерининской копии «Слова» (далее: *Е*), — между ними насчитывается около 300 расхождений. Причины этих отличий по-разному объяснялись исследователями. Н. С. Тихонравов, например, полагал, что начертания некоторых букв в оригинале были сходны, и это будто бы допускало их двойное истолкование;¹⁹ И. И. Козловский писал, что «опытность» А. И. Мусина-Пушкина «в чтении рукописей и его познания в древнерусском языке» в то время, когда создавалась Екатерининская копия, «были еще более ограничены, чем впоследствии».²⁰ Ф. И. Буслаев считал, что «правописание „Слова о полку Игореве“ дошло до нас в самом и с к а ж е н н о м (разрядка автора, — *О. Т.*) виде, как потому, что оно было подновлено и попорчено в рукописи XV или XVI стол., так и потому, что ни писец Екатерининской копии, ни издатель 1800 года с своими помощниками не умели во всей точности передать старинную рукопись».²¹ Неточности в транскрипции первого издания в той или иной степени допускали Е. В. Барсов,²² П. В. Владимиров,²³ А. С. Орлов,²⁴ Н. К. Гудзий²⁵ и другие исследователи.

Эта точка зрения особенно укрепилась после того, как Д. С. Лихачев, проанализировав принципы издания А. И. Мусиным-Пушкиным «Поучения» Владимира Мономаха, убедительно доказал, что издатели конца XVIII в. существенно изменяли орфографию подлинников, приравнивая ее к орфографии своего времени или к орфографии книг церковной печати.²⁶

¹⁸ Под палеографическими чертами «Слова» я понимаю различные приемы начертания слов (употребление титулов, выносных букв, различных написаний одной и той же буквы и т. д.), под орфографическими — выбор определенных букв, ибо употребление *ѣ* или *е*, *и* или *і*, *о* или *ω* (независимо от возможного тождества обозначаемых ими звуков) диктовалось определенными правилами правописания.

¹⁹ Тихонравов. Слово, с. VI.

²⁰ И. И. К о з л о в с к и й. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. — Древности. Труды имп. Московского археологического общества, т. XIII, 1890, вып. 2, с. 4.

²¹ Ф. Б у с л а е в. Русская хрестоматия. М., 1870, с. 91 (второе издание «Исторической хрестоматии»). Любопытно, что в первом издании «Хрестоматии» Ф. Буслаев иначе датировал сборник («Вообще должно заметить, что соединение древнейших признаков языка и правописания с позднейшими свидетельствует ясно, что этот памятник дошел до нас в позднейшем списке (XIV—XV в.), переписанном с древнейшего оригинала») и в иных выражениях оценивал труд издателей: он допускал, что «вкрались в печатный текст некоторые неточности» и что «некоторые подновления, вероятно, внесены первыми издателями» (Ф. Б у с л а е в. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 595—596).

²² Е. В. Б а р с о в. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 91—99.

²³ П. В. В л а д и м и р о в. Слово о полку Игореве, вып. I. Киев, 1894, с. 16—17.

²⁴ Орлов. Слово, с. 54—63.

²⁵ Н. К. Г у д з и й. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 34—37.

²⁶ Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957 (далее Лихачев. История подготовки).

Тем не менее существует иная точка зрения. Ее последователи, доверяя словам А. Ф. Малиновского, что текст «Слова» издавался «буква в букву», и буквально понимая свидетельство Н. М. Карамзина, что издание, за исключением добавленного в скобках слова «Олга», точно соответствует оригиналу, считают, что в первом издании буквально воспроизведен древнерусский текст.

Так, например, А. Смирнов объяснял все разночтения *И* и *Е* тем, что в издании текст отражает оригинал (с присущим ему орфографическим разнобоем), а в *Е* мы имеем дело с копией, сделанной «второпях, без внимания к правописанию и разделению слов».²⁷ В наше время о тщательности первого издания, «о строгой проверке транскрипции» писала М. В. Щепкина.²⁸

Но, как мы увидим далее, в изданиях древнерусских текстов, осуществленных в конце XVIII—начале XIX в., постоянно встречаются «исправления» и подновления, ошибки прочтения и, наконец, немалое число опечаток, что заставляет усомниться также в точности воспроизведения текста «Слова» со всеми его орфографическими особенностями.

Разумеется, с изменениями орфографии подлинника, с тем или иным ее упрощением мы встречаемся и в современных научных публикациях. Широко практикуются замены вышедших из употребления букв (ѣ, і, юсов, омеги и др.), раскрываются титла, вносятся в строку выносные буквы, опускаются конечные ъ и т. д., но все эти изменения проводятся по строгой системе и специально оговариваются издателями.²⁹

Если бы в изданиях XVIII в. дело обстояло так же, наша задача была бы относительно простой: потребовалось бы лишь понять принципы изменения текста при публикации и реконструировать его первоначальный вид. Но, к сожалению, наряду с систематическими «исправлениями» текста (например, с исправлениями по правилам церковнославянских изданий) мы обнаруживаем в публикациях XVIII в. множество произвольных, противоречивых изменений орфографии (а в отдельных случаях — даже грамматики и лексики) источника. Создается впечатление, что дело не в недостаточной квалификации или небрежности издателей, а в том, что орфография подлинника представлялась им чем-то мало существенным сравнительно с его содержанием и вопросу о точном ее воспроизведении (или о единообразном изменении) не придавалось должного значения.³⁰

Рассмотрим, например, академическое издание Воскресенской летописи.³¹ Издатели его крайне непоследовательны в передаче текста, хотя, бесспорно, пытались придерживаться определенных принципов в орфографической модернизации оригинала.

Так, внося в строку выносные согласные на конце слов, издатели, как правило, ставят после них ъ; добавляется ъ и после предлогов, однако

²⁷ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве. II. Пересмотр некоторых вопросов. — Филологические записки, Воронеж, 1877, вып. III, с. 7.

²⁸ М. В. Щепкина. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 95; ср. также: М. В. Щепкина. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 76.

²⁹ См.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.

³⁰ Д. С. Лихачев писал, что приемы передачи текста в изданиях конца XVIII в. «крайне неустойчивы, разнообразны и произвольны. Изучение их в будущем потребует много труда, но вряд ли представит интерес для исследования публикаторских приемов первых издателей „Слова“» (см.: Лихачев. История подготовки, с. 67). Однако, как мы увидим далее, практика публикаций XVIII в. все же помогает нам до некоторой степени представить ту обстановку, в которой вырабатывали свои принципы издатели «Слова».

³¹ Русская летопись с Воскресенского списка. . . , т. I. СПб., 1793.

в этом последнем случае мы встречаемся с большим количеством исключений (например: *в нашей*, *в березѣхъ*, *в Затоуѣхъ* и т. п.).

Если слово написано в оригинале с паерком, то издатели, как правило, передают паерок буквой ъ: *соз'ва* — *созъва*, *послан'ми* — *посланъми*, *владал'ца* — *владалъца* и т. д.³² Но в отдельных случаях они от этого правила отступают: то не ставят никакого знака (*правед'нику* — *праведнику*), то, буквально на соседних строчках и в сходных словах, передают паерок по-разному: *скон'ча* — *сконъча*; *скон'чася* — *сконъчася*.

Непоследовательность издателей отразилась на передаче формы *быс* (*бысть*), которая воспроизводится то как *бысь*, то как *бысъ*, то как *бысть*.

Значителен разнобой при передаче слов с сочетаниями редуцированных с плавными. Например, по-разному передаются написания слова «черниговский»: *чръниговьскіе* — *черъниговьскіе*; *чръниговьскіи* — *черъниговьскіи*, *чръниговьскыи* — *чръниговьскыи*; *чръниговьскыи* — *чръниговьскыи*; в отдельных случаях точно воспроизводится написание оригинала. Мы видим, что какой-либо системы в передаче даже одного и того же слова обнаружить не удастся. Аналогичная картина и в воспроизведении имен с компонентом *-полк*: *Яроплѣкъ* — *Ярополкъ*, *Святоплѣка* — *Святополка*, *Святоплѣкъ* — *Святополкъ*, *Святоплѣкъ* — *Святополкъ*.

Нередки случаи замены ѣ на е и, наоборот, — е на ѣ; например: *врѣмя* — *время* (на той же странице издания слово *врѣмена* написано, как и в рукописи, через ѣ), *сѣде* — *седѣ*, *перевоз'никъ* — *перѣвозъник*, *поехати* — *поѣхати*, *телѣгу* — *телегу*, *печенѣзи* — *печенези*, *словены* — *словѣны*; в слове *теломъ* (вопреки орфографии XVIII в.) сохранено написание с е.

Букву ж оригинала издатели передают то как у (*Авгжста* — *Августа*), то как ю (*ржскую* — *рюскую*, *родж* — *родю*).

Во многих случаях трудно решить, что перед нами — описка сотрудника, готовившего рукопись к набору, опечатка или осмысленное «исправление». Например: *Пруская* — *Пруская*, *собя* — *себя*, *нѣсть* — *нынѣ*, *по Володимирѣ* — *по Володимерѣ*, *яже* — *еже*, *живяше* — *живяже*, *языку* — *ѣзыку*, *бѣлии* — *бѣли*, *братъ* — *братѣ*, *зеѣръ* — *зеѣръ*; на одной и той же странице по-разному передано название хазар: *казаръ* — *козаръ*, *козари* — *казари*.

Итак, с одной стороны, наблюдается стремление осмыслить особенности орфографии рукописи (например, попытка во всех случаях передать паерок буквой ъ), воспроизвести оригинал точно, не исправляя его и в тех случаях, когда налицо порча текста (*от своей поля* вместо *от своей воля*; *данъ кову* вместо *данъ нову* и т. д.), а с другой — крайняя непоследовательность в написании даже одного и того же слова в соседних фразах. И при этом оригинал написан очень четким полууставом, так что объяснять ошибки трудностями прочтения нет никаких оснований. Издание Воскресенской летописи едва ли может быть названо «сравнительно очень точным», как определил его в свое время Н. К. Гудзий.³³

Итак, изменение орфографии подлинника, то произвольное, а то приведенное в соответствие с орфографией изданий церковнославянской печати, было типичным для издателей конца XVIII в. Г. Н. Моисеева, исследовавшая принципы издания древнерусских текстов Н. И. Новиковым, показала, что он в публикациях древнерусских текстов в соответствии с церковнославянской орфографией выставлял *i* вместо *и*, употреблял *ѣ*, опускал *ѣ* в середине слова и, напротив, вставлял *ѣ* для обозначения

³² В примерах первое слово взято из оригинала летописи (рукопись БАН, 34.5.24), второе — из издания.

³³ Н. К. Г у д з и й. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве», с. 36.

ния мягкости, написания редуцированного в сочетании с плавным заменял сочетаниями с гласными полного образования и т. д.³⁴ При сопоставлении изданной Н. И. Новиковым грамоты новгородцев к князю Борису Александровичу с оригиналом обнаруживаются, например, следующие отличия: *а на — на, г(осподи)не — господинъ*,³⁵ *великии — великии, (А)лександрович — Александровичъ, челуи — цѣлуи, кр(ес)тъ — хрестъ, ко всем — всему, Тферью — Тверью, новгородчкои — новгородскои, отцинѣ — отцынѣ, бѣжичкым — бежицкимъ* (но далее: *бѣжичкои — бежичкои*), *рубежь — рубежъ, новгорочкои — новгорѣдскои, стары — старыи, разбоиника — разбоиника*, и т. д.³⁶

Та же свобода в отношении к орфографии оригинала наблюдается и у Н. М. Карамзина при цитировании им источников в «Истории государства Российского» (т. е. уже в начале XIX в.). Специально исследовавший этот вопрос Л. А. Дмитриев пишет: «Вне зависимости от времени рукописи Н. М. Карамзин раскрывает титла, вносит в строку выносные буквы, ж в зависимости от смысла слова передает как „у“ или „ю“. . . В предлогах и на концах слов в соответствии с орфографическими нормами своего времени ставит „ъ“ и в тех случаях, когда в оригинале этого нет. . . Согласно орфографическим правилам начала XIX в., „и“ оригиналов заменяется на „і“ . . . Н. М. Карамзин заменяет „е“ на „ѣ“, „ь“ на „ъ“, и наоборот». Далее Л. А. Дмитриев приводит примеры и более существенных изменений оригинала: случаи перестановки слов, изменения грамматических форм (*стояше — стояша; а коровѣмъ — а коровымъ*), пропуски, вставки или даже примеры частичного изменения структуры фраз (например, вместо «яко при Фаравонѣ, цари Еюпетьстѣмъ, еда приведоша Моисѣя предѣ Фаравона и рѣша старѣшина Фараона» в «Истории» читается: «яко при Фараонѣ: еда приведоша Моисея предѣ Фараона и рѣша старѣшины»).³⁷

Напомню о полемике вокруг принципов издания текстов, развернувшейся в конце XVIII—начале XIX в. Г. Н. Моисеева привела фрагмент из рецензии на «Древнюю российскую вивлиофику», опубликованной в «Санктпетербургских ученых ведомостях» на 1777 г. Н. И. Новикова (П. Н. Берков полагал, что автором рецензии мог быть сам Новиков), где, в частности, выдвигается требование, «чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а напротив, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике». ³⁸ Позднее, уже в начале XIX в., к этому же вопросу специально обратился А. Н. Оленин. Указывая на сложность и преждевременность создания «Сводного толкового летописца», он предлагал: «Выбрав лучшие и надежнейшие наши рукописные летописи и другие исторические отрывки, начнем их печатать слово в слово, сохраняя в сем издании самую мелочную точность, особенно же в правописании и в препинаниях». Для этого, по мнению автора, необходимо изготовить недостающие в гражданском шрифте буквы (для зело, йотированных гласных,

³⁴ Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 289—292.

³⁵ В круглых скобках — восполненные буквы: в оригинале слово под титлом. Характерно, что далее подобное же написание передано как *господине*.

³⁶ Сличение производилось по изданию: Древняя российская вивлиофика. . . , ч. I. Издание второе. М., 1788. Древнерусский текст цитируется по дипломатическому изданию А. А. Шахматова (А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. — В кн.: Исследования по русскому языку. СПб., 1895).

³⁷ Л. А. Дмитриев. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 42.

³⁸ См.: Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники. . . , с. 292—293.

юсов), продумать, как обозначать слова, которые «в подлинниках находятся писанными под титлою», но в то же время разделять текст на слова, облегчая тем самым его понимание. А. Н. Оленин предлагает далее сохранять пунктуацию оригинала: знаки препинания «ставить точно против подлинников, как бы сия расстановка не казалась бестолковою», и снова подчеркивает, что «избегать должно всякого могущего быть нареkania в каком-либо существенном отступлении от подлинников». А. Н. Оленин приводит в своей статье также мнение палеографа А. И. Ермолаева, призывающего издавать памятники «с самою строжайшею точностью, не только в правописании, но даже и в препинаниях».³⁹

Итак, принцип буквального воспроизведения древнерусских текстов явился предметом специального рассмотрения в начале XIX в., содержащаяся в той же статье критика изданий летописей, предпринятых в конце XVIII в., — Кенигсбергской летописи и Новгородского летописца (т. е. Академического списка Новгородской I летописи), — показывает, что орфографический «произвол» был теперь осознан и решительно осужден. Об актуальности вопроса, поднятого в статье А. Н. Оленина, можно судить по дневниковой записи К. Ф. Калайдовича: «21 февраля был я утром у профессора Тимковского. Разговаривали о новом сочинении: Краткое рассуждение об издании полного собрания русских деиспителей, помещенном в 7 № Сына Отечества 1814 года. Отдавая всю честь господам Оленину и Ермолаеву, которые мне известны не по одному имени (трудившимся в начертании сего плана), я соглашался с господином профессором, моим учителем в исторической критике, что их намерение сохранить от гибели древние рукописи весьма похвально, но что люди, не учившись постепенно сему искусству, никогда не могут иметь совершенных понятий о сем деле, что они, желая общей пользы в издании Нестора и других исторических источников, бросаются в большие крайности, к чему ведет сохранение точности в препинаниях, когда мы знаем, что оно в рукописях служило только произвольным отделением слов и речений? К чему послужат сокращения, для коих совсем не предписаны правила в древних наших рукописях? Они собьют только читателя и сделают пестроту, большую той, какая замечена Олениным и Ермолаевым в Чеботаревском Несторе; напротив, искусная расстановка слов будет вести точно к тому труду, какой назначил для себя проф. Тимковский в теперешнем при обществе издании сего древнейшего летописателя. Итак, вместо двух трудов, буквального Нестора с сохранением препинаний и сокращений подлинника и объясненного Нестора, они в след за первым должны будут издать очищенный Несторов список помощью вариантов и искусно поставленных препинаний. Без сего труда к чему послужит их буквальный? Он собьет с пути грамотных и неграмотных».⁴⁰

И действительно, издание Лаврентьевской летописи, приготовленное Р. Ф. Тимковским,⁴¹ — явление исключительное не только для своего времени, но, пожалуй, и для всей первой половины века. Сверка его с оригиналом показала, что издание это отвечает самым строгим требованиям современной научной публикации. С одной стороны, в нем точно воспроизводятся подлинник (единственная черта, внесенная издателем, — постановка *ъ* или *ь* после вносимых в строку согласных), с другой стороны —

³⁹ А. Н. О л е н и н. Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деиспителей. — *Сын отечества*, 1814, ч. 12, № 7, с. 11—14.

⁴⁰ «Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича». — В кн.: *Летописи русской литературы и древностей*, издаваемые Н. Тихонравовым, т. III. М., 1861, с. 94—95.

⁴¹ *Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия*. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. Напечатано при Обществе истории и древностей российских. М., 1824.

оно лишено того излишнего (для нелингвистических изданий) педантизма, за который ратовал А. Н. Оленин: титла раскрыты, расставлены современные знаки препинания и прописные буквы, в текст внесены незначительные исправления, тщательно оговоренные в подстрочном аппарате.

А. И. Мусин-Пушкин и его сотрудники всецело еще принадлежали издательским традициям XVIII в. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим издание «Поучения» Владимира Мономаха, осуществленное А. И. Мусиным-Пушкиным за 7 лет до издания «Слова».⁴²

Издание это, как отметил Д. С. Лихачев, по типу своему напоминает последующее издание «Слова»: «. . . тот же формат, та же система примечаний внизу страницы под чертой и та же параллельная подача текста и перевода в две колонки, но разными шрифтами».⁴³ Единственное, но весьма существенное различие обоих изданий заключается в том, что текст «Поучения» был издан церковнославянским, а текст «Слова» — гражданским шрифтом.

Д. С. Лихачев отметил значительные различия между оригиналом «Поучения» и его изданием и справедливо объяснил их тем, что «издатели довольно решительно приравнивали текст „Поучения“ к орфографической системе церковнославянской печати второй половины XVIII в.», хотя «решительность этого приравнивания не была. . . одинаково последовательной во всех случаях».⁴⁴

Так перед нами возникает вопрос: существовала ли при передаче текста «Поучения» особая, осмысляемая издателем система принципов, по которой следует воспроизводить древний текст, или же такой системы вообще не существовало (как это можно заметить в издании Воскресенской летописи).

При сопоставлении издания «Поучения» с оригиналом обнаруживаются следующие различия:

1) при внесении в строку выносной согласной (на конце и в середине слова) в издании после нее, как правило, выставляется *ѣ*: *всѣх* — *всѣхъ*, *помыслих* — *помыслихъ*, и т. д.;⁴⁵

2) буквы *ѣ* и *ь* в середине слова добавляются или опускаются в соответствии с орфографией XVIII в.: *въздѣю* — *вздею*; *болнаго* — *больнаго*, *покаявъся* — *покаявся*, *новгородское* — *новгородское*, *изымаша* — *изымаша* и т. д.;

3) после предлогов обычно выставляется *ѣ*: *в—вѣ*, *к—кѣ* и т. д.;

4) конечный *ь* регулярно заменяется в издании на *ѣ*: *приметь* — *приметьѣ*, *своемь* — *своемѣ*, *конець* — *конецѣ* и т. д.;

5) буквы *о* и *ѡ* расставляются согласно правилам печатных изданий церковнославянских текстов,⁴⁶ *ѡ* заменяется на *о*, а *о* на *ѡ*: *ѡже* — *оже*, *ѡць* — *отець*, *ловы* — *ловы*, *толко* — *только*, *мало* — *мало* и т. д.;

6) соответственно церковнославянской орфографии расставляются буквы *е* и *ѣ*: *санех* — *санѣхъ*, *смѣренье* — *смеренье*, *кленитесь* — *клѣнитесь*, *сторожѣ* — *стороже*, *вежѣ* — *еже*, *боле* — *болѣ* и т. д.

Кроме того, мы встречаем и другие изменения текста: *ж* заменяется на *жд* (*побѣжает* — *побѣждаетъ*, *присужено* — *присуждено*), *о* на *а*

⁴² Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

⁴³ Лихачев. История подготовки, с. 68.

⁴⁴ Там же, с. 68.

⁴⁵ Здесь и далее первое слово воспроизводит написание оригинала, а второе — текст издания.

⁴⁶ Эта традиция была прослежена по изданию Библии (М., 1790) и Алфавита духовного (СПб., 1792), а также по грамматике Ф. Поликарпова (Грамматика. М., 1721; см.: Т. А. Бывкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725. М.—Л., 1958, с. 221—223, № 135).

(*розноличнии — разноличнии*), *ы* — на *и* (*пакы — паки*), *ю* — на *у* (*душу — душу, вѣзношуся — вношуся*); хотя использованный в издании церковнославянский шрифт дает возможность различать *ѣ* и *а*, издатель не воспроизводит особенности оригинала, а расставляет эти буквы в соответствии с правилами церковнославянской орфографии: через *ѣ* пишется слово *яко*, а также *ястреб*, во всех прочих случаях буква *ѣ* оригинала передается через *а*: *даѣа* — *даа*, *оупокоѣа* — *оупокоа* и т. д.

Итак, несмотря на черты, указывающие, по первому впечатлению, на сохранение древнерусской орфографии (употребление титлов, букв *ѣ*, *а*, *ѡ*, *оу* и т. д.), текст «Поучения» в издании А. И. Мусина-Пушкина существеннейшим образом изменен. В этих изменениях проводятся по существу две «системы»: приноровление орфографии «Поучения» к орфографии книг церковной печати (отсюда взаимные замены *о* и *ѡ*, *ѣ* и *е*) и орфографическая нивелировка (постановка *ѣ*, замена *ѣ* на *ѣ*, *е*, *с* на *з*, *к* на *г*: *бес* — *без*, *умякчить* — *умягчить* и т. д.). Но при этом обе системы проведены недостаточно последовательно, например, мы встречаем в издании написания *тако* (не *такѡ*), *вдовицу* (не *вдовицу*), *вѣкы* (не *вѣки*) и т. д., что разрушает представление о единообразии изменений и создает опасную иллюзию точного следования подлиннику. В примере с «Поучением» мы, к счастью, имеем возможность разрушить эту иллюзию, сверив издание с оригиналом; с изданием «Слова» дело обстоит значительно сложнее.

* * *

Но не могло ли случиться так, что издание «Слова» было исключением из общего правила: А. И. Мусин-Пушкин и его сотрудники смогли преодолеть ошибки, типичные для других изданий конца XVIII и начала XIX в.?

Рассмотрим в этой связи свидетельства А. Ф. Малиновского и Н. М. Карамзина.

Во введении к своему изданию «Слова» Д. Дубенский писал: «От издателей А. Ф. Малиновский утвердил мнение, Мусин-Пушкиным свету сообщенное, — именно, что подлинная рукопись, с которой печатали первое издание буква в букву, принадлежала к концу XIV в.»; к этим словам Д. Дубенский делает следующее примечание: «Редактор незадолго до кончины незабвенного любителя наших древностей, не бывши еще членом Общества (Общества истории и древностей российских, — О. Т.) и ему лично известным, имел счастье быть у первого редактора Слова о П. Иг. А. Ф. Малиновского; с чувством истинного уважения говорил он об этом творении, горько жаловался на критиков, и завещал (так случилось!) выставить этот самый век подлинной рукописи».⁴⁷

Итак, слова А. Ф. Малиновского переданы Д. Дубенским по памяти по крайней мере года через четыре после их беседы (А. Ф. Малиновский умер в 1840 г.). При этом весь пафос слов А. Ф. Малиновского вовсе не в утверждении *т о ч н о с т и* воспроизведения текста «Слова», а в утверждении *д а т ы* рукописи. К тому же патетический стиль высказывания (если он правильно передан Д. Дубенским) не говорит в пользу объективности этого мнения.

Любопытно происхождение свидетельства Н. М. Карамзина. Р. Ф. Тимковский записал со слов К. Ф. Калайдовича, что «по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе Игоря

⁴⁷ Слово о плъку Игореве. . . Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. (Русские достопамятности, изд. Обществом истории и древностей российских. Часть третья). М., 1844 с. VIII.

со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: *сѣчи Трояни*, вместо которых в подлиннике стоят: *сѣчи Трояни*. Касательно же поставленного в скобке слова: *Олега*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи». ⁴⁸ Но заметим, что сам К. Ф. Калайдович передает ту же беседу в других словах: «Карамзин говорил мне, что в подлиннике Песни Игорева вместо *сѣчи Трояни* в двух местах было написано: *сѣчи Трояни*». ⁴⁹ При этом неясно, какой же текст имеется в виду: в «Слове» читаем: «Были вѣчи Трояни» и «На седьмомъ вѣдѣ Трояни»; в последнем случае подставить слово *сѣчи* невозможно по смыслу. Все это заставляет сомневаться в том, что К. Ф. Калайдович точно воспроизвел слова Н. М. Карамзина. Напомним также резонное замечание Е. В. Барсова, что-свидетельство Карамзина «может относиться лишь к смыслу и словам подлинника, а отнюдь не к буквальной точности его издания». ⁵⁰

Характерно также, как отвечал А. И. Мусин-Пушкин на вопрос К. Ф. Калайдовича «О прежних переводах и кто был участником в издании?»: «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и предложением оных Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было ее разделить на периоды и потом добираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я, не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки, подобной к Щербатову, который, разбирая грамоту новгородцев к Ярославу, напечатал в оной между прочего (что надеюсь вам известно): „по что отъяль еси поле заячь и Миловцы?“ ⁵¹ По переезде же моем в Москву увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой в очень неисправленной переписке и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Б. Каменского, решился обще с ними сверить предложение с подлинником и, исправя с общего совета что следовало, отдал в печать». ⁵²

Из этого ответа с полной очевидностью следует, что А. И. Мусина-Пушкина больше всего затрудняло не прочтение слов, не разбор написаний, а понимание смысла текста, точность и правильность его перевода. Именно поэтому обеспокоен он отсутствием правописания, строчных знаков, сложностью выделения отдельного слова и т. д., именно поэтому он начинает с «разделения на периоды» — как средства добраться до смысла. Он подчеркивает далее, что совместная работа редакторов также была направлена в первую очередь на совершенствование перевода и комментирование памятника. В связи с этим, может быть, стоит пересмотреть и смысл известного сообщения К. Ф. Калайдовича: «Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Б. Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, отчего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать коррек-

⁴⁸ Н. П о л е в о й. Любопытные замечания к Слову о полку Игорева. — *Сын отечества*, 1839, т. VIII, отд. VI, с. 20.

⁴⁹ Там же, с. 18.

⁵⁰ Е. В. Б а р с о в. Слово о полку Игорева. . . , т. I, с. 99.

⁵¹ Имеется в виду, что М. М. Щербатов так прочел текст вместо «. . . отъяль еси поле заячьими ловци».

⁵² К. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — *Записки и Труды ОИДР*, 1824, ч. 2, с. 36—37.

туру».⁵³ Что же значат слова «с точностью издавая подлинник»? Едва ли А. И. Мусин-Пушкин, после того как корректуру уже прочли А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский, стал бы делать б у к в е н н ы е п о п р а в к и, вновь сверяя корректуру с оригиналом набора. Скорее всего, и здесь речь идет о возможных попытках совершенствования перевода и о спорах редакторов по поводу истолкования отдельных мест подлинника.

В связи с этим обратим внимание на замеченные и не замеченные издателями ошибки и опечатки.

Издатели заметили 4 «погрешности», но показателен характер сделанных исправлений. Первое из них вообще утратило смысл, так как впоследствии был изменен текст примечания на с. 15, а сами страницы 15—16 заново перепечатаны. При этом, как заметил Л. А. Дмитриев, исправление все равно было сделано неточно: нужно было исправить *Борисѣ Вячеславичѣ* на *Борисѣ Всеславичѣ*, но издатели предлагают исправление *Князѣ Всеславичѣ* (т. е. в исправленном тексте читалось бы: «о князѣ Князѣ Всеславичѣ».⁵⁴ На с. 39 предлагалось исправить (в переводе) *Святослововы* на *Святославовы*, но в первом случае напечатано *Сеятослововы*, т. е. в списке «погрешностей» оказалась новая опечатка.

Две другие опечатки — пропуск буквы в слове *Киева* и ошибочная флексия в слове *темные* — были замечены издателями в переводе «Слова». При этом шрифт в списке опечаток — курсив вместо прямого во всех случаях, кроме последнего, также неверен.

Помимо этих, замеченных издателями, исследователи обнаружили в издании еще ряд опечаток. Л. А. Дмитриев указывает 11 ошибок, вызванных смещением букв: *богатсивами* вместо *богатствами*, *рекше* вместо *рекше*, *сотеореніи* вместо *сотвореніи*, *ввеликаго* вместо *великаго*, *неминуемой* вместо *неминуемой*, *Святслаеъ* вместо *Святслаеъ*, *векотей* вместо *векошей*, *воинекій* вместо *воинскій*, *отѣ* вместо *отъ*, *Княземъ* вместо *Княземъ*, *городъ* вместо *городѣ*.⁵⁵ Из них три опечатки (в словах *великаго*, *Святслаеъ* и *Княземъ*) — в древнерусском тексте «Слова».

Д. С. Лихачев отметил опечатки *в моемъ* вместо *в(ъ) моемъ* (27), *исъ Ревугы* вместо *и съ Ревугы* (27), *съ моря* вместо *съ моря* (дважды на с. 12), *тугою* вместо *с тугою* или *съ тугою* (43).⁵⁶ Во всех этих случаях перед нами не интерпретация текста издателями,⁵⁷ но ошибочное слитное написание слов, которые, как можно судить по переводу, воспринимались издателями как отдельные. Но и этим перечень ошибок издания не исчерпывается. Во-первых, от внимания исследователей, кажется, ускользнул тот факт, что даже заглавие памятника передано издателями по-разному. В издании текста читаем: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля. . .», а в описании сборника иначе: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля. . .». Является ли это разноречие механическим пропуском набора или ошибкой издателей, допущенной ими при описании сборника, установить трудно, но, как свидетельствует Екатерининская копия, текст перевода и бумаги А. Ф. Малиновского, слово *сына* несомненно читалось в заголовке памятника.

⁵³ Это свидетельство К. Ф. Калайдовича сохранилось среди бумаг Р. Ф. Тимковского и было издано Н. Полевым. См.: Любопытные замечания к Слову о полку Игореве, с. 17.

⁵⁴ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.—Л., 1960 (далее: Дмитриев. История), с. 63.

⁵⁵ Там же, с. 71—72.

⁵⁶ Лихачев. История подготовки, с. 72 (здесь и далее в скобках указываются страницы по первому изданию).

⁵⁷ Приводимый Д. С. Лихачевым там же пример *бес щитовъ* относится уже не к ошибкам наборщиков, а к ошибкам интерпретации текста издателями.

Ошибками набора, не отмеченными Л. А. Дмитриевым и Л. С. Лихачевым, без сомнения, являются также написания *въ срожатъ* (9; в *Е: въсржотъ*), *по скочи* (20, в *Е: поскочи*), а возможно, также и *Ярослову* (3; в *Е: Ярославу*) и *повръгоща* (32, в *Е: повръгоша*). Обиличность этих написаний подтверждается, помимо свидетельств *Е*, также и переводом.

Обилие опечаток в издании «Слова» не должно нас удивлять. В упоминавшемся выше академическом издании Воскресенской летописи, помимо многочисленных случаев, которые мы с известной условностью можем объяснить как исправления текста издателями или ошибки прочтения и передачи текста, есть немало и явных опечаток.

Приведенные примеры, тем не менее, наглядно характеризуют качество издания «Слова» и призывают нас не доверять тем иллюзиям, которые вызывают слова К. Ф. Калайдовича о трех корректурах, точности издания подлинника и медленном в связи с этим процессе печатания.

Однако решающим аргументом, который поддерживает наши сомнения в точности воспроизведения подлинного текста «Слова», является обилие и характер разночтений между текстом первого издания (*П*) и Екатерининской копией (*Е*).

При анализе орфографической системы «Слова о полку Игореве» мы лишены возможности сравнивать издание с оригиналом; поэтому «контрольным текстом», который позволит нам хотя бы частично реконструировать издательские принципы, послужит Екатерининская копия.⁵⁸ Между *П* и *Е* обнаруживается около 300 расхождений, — число весьма значительное, если учесть небольшой объем памятника.

Разночтения эти могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Различия в написании *ъ* и *ь* в исходе и в середине слов — 121 случай.
2. Различия в отражении сочетаний *ъ* и *ь* с плавными (*л* и *р*) между согласными — 60 случаев.
3. Различия в написании *ѣ* и *е* (или *и*) — 49 случаев.
4. Различия в написании *ы* и *и* — 27 случаев.
5. Различия в написании *а* и *я* после шипящих — 15 случаев.
6. Различия в написании окончаний *-аго* и *-ого* — 6 случаев.
7. Различия в написаниях суффикса *-в-* или *-вл-* — 6 случаев.

Кроме того, наблюдаются колебания в написании *з* и *с*, *а* и *о*, случаи опущения или наличия конечного *и* и т. д.

Уже один этот перечень убеждает нас в неправомерности мнения некоторых исследователей, будто бы разночтения *П* и *Е* могли быть порождены исключительно неясными начертаниями отдельных букв: даже мало-мальски опытный палеограф не смог бы смешать буквы *е* и *ѣ*, *ы* и *и*, *з* и *с*, букв *в* и буквосочетание *вл* и т. д. Кроме того, мы уже видели, что замена *ь* на *ъ*, взаимная мена *е* и *ѣ*, замена *с* на *з* (когда этого требовало современное правописание) и подобные изменения текста были типичны для всех без исключения изданий конца XVIII в. С этой точки зрения текст *П* можно считать более «выправленным», более унифицированным, чем текст *Е*. Однако сложность заключается в том, что унификация эта не была достаточно последовательной.

Итак, наиболее обширная группа разночтений — это колебания в написании *ь* и *ъ*, особенно на конце слов. Разночтения эти могли быть вы-

⁵⁸ Д. С. Лихачев в упомянутой выше статье «История подготовки. . .» убедительно доказал, что копия с рукописи «Слова», подготовленная Мусиным-Пушкиным, послужила оригиналом для Екатерининской копии (*Е*), а впоследствии тот же текст был взят за исходный при подготовке первого издания (*П*), хотя, разумеется, издатель исправлял этот текст, вновь обращаясь к оригиналу «Слова». Итак, мы вправе рассматривать текст *Е* как первый этап интерпретации текста «Слова», а текст *П* — как второй и окончательный вариант.

званы скорее всего тем, что конечная согласная во многих словах писалась в надстрочном положении, а редуцированный после нее опускался;⁵⁹ Е. В. Барсов полагал, что в рукописи могли встречаться написания с паерком, которые издатели по-разному интерпретировали на разных этапах своей работы.⁶⁰ Менее вероятно предположение Н. С. Тихонравова, объяснявшего колебания в постановке *ѣ* и *ь* сходством в начертаниях этих букв. Такое сходство встречается лишь в скорописи XVII в., и преимущественно — скорописи деловой.⁶¹

Каковы бы ни были причины, но у издателей в 87 случаях возникли сомнения в том, какую букву — *ѣ* или *ь* — следует поставить, и в 34 случаях — нужно ли вообще выставлять *ѣ* или *ь*.⁶²

Естественней всего было бы допустить, что издатели изберут в сомнительных случаях некую «орфографическую норму», подобно тому как поступил А. И. Мусин-Пушкин, издавая «Поучение»: там во всех случаях после вносимой в строку согласной выставлялся *ѣ*, и даже читавшиеся в строке глагольные окончания *-тъ* регулярно заменялись на *-тѣ*; единичные исключения из этого правила можно рассматривать либо как случайный просмотр, либо как опечатки.

Но в издании «Слова» мы не обнаружим подобной же строгой «системы» унификации: здесь встречаются и глагольные флексии на *-тъ*, и флексии существительных *-омѣ* и *-овѣ*. Можно обнаружить лишь некоторую тенденцию — в целом написаний на *ь* в *П* меньше, чем в *Е*. Рассмотрим это явление подробнее.

Флексия *-тъ* (*ѣ*) встречается в «Слове» 98 раз. В 56 случаях написания в *П* и *Е* совпадают (27 написаний *-тъ* и 29 написаний *-тѣ*), в 43 случаях конечные *ѣ* и *ь* различаются. При этом в 38 случаях вместо конечного *-тъ* в *Е* мы находим в *П* написание *-тѣ*, а в 5 случаях, напротив, вместо *-тѣ* в *Е* читается *-тъ* в *П*.⁶³

Если учесть, что в рукописях вплоть до XVI в. преобладающей была флексия *-тъ*, то чем же объяснить значительный процент написаний на *-тѣ* в «Слове»? Допустим, что это *ѣ*, выставленный издателями после внесенной в строку выносной (так поступал А. И. Мусин-Пушкин, издавая «Поучение»). Но почему же «исконные» *-тъ*, читавшиеся в *Е*, в 38 случаях заменены на *-тѣ* в *П*? Если они отражали в *Е* написание рукописи, то почему их решились заменить издатели в 1800 г.? А если этого требовало стремление к унификации орфографии, то почему принцип не был проведен последовательно и не были изменены остальные 29 написаний с *-тъ*? Кроме того, в 5 случаях написаниям *-тѣ* в *Е* стали соответствовать в *П* написания с *-тъ*.

Наше недоумение лишь усугубится при рассмотрении следующих примеров. В «Слове» 5 раз употреблены существительные мужского рода в род. п. мн. ч. с флексией *-ов*. При этом в *Е* они были воспроизведены так: *соколовѣ* (дважды), *полковѣ*, *щитовѣ* и *сыновѣ*. В *П* слова *соколовѣ* (3 и 4) и *щитовѣ* (27) получили флексию *-овѣ*; в одном случае (*плѣковѣ*,

⁵⁹ См.: О. В. Творогов. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVI веков. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.

⁶⁰ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 76—78. В связи с этим напомню, что паерок издатели Воскресенской летописи в большинстве случаев передавали буквой *ѣ* (см. выше, стр. 143).

⁶¹ Характерно, что свой тезис Н. С. Тихонравов подтверждает примерами написаний, извлеченными из рукописей 1643 и 1691 гг. См.: Тихонравов. Слово, с. VI—VII.

⁶² При этом в 19 случаях в *П* проставлен *ѣ* или *ь*, а в *Е* редуцированный отсутствует, в 15 случаях, напротив, редуцированный отсутствует в *П*.

⁶³ Кроме того, в 12 случаях написаниям с *ѣ* и в одном случае — с *ь* в *П* соответствуют в *Е* написания с выносной согласной или вообще без редуцированного (*умомѣ* — *умоѣ*, *повѣдаютѣ* — *повѣдаюѣ*, *босымѣ* — *босыѣ* и т. п.).

22) флексия сохранилась в том же написании и в одном случае (*сыновъ*, 36), напротив, вместо *-овъ* стало читаться *-овъ*.

Четырежды в «Слове» встречается слово *ум* (вин. п. ед. ч.). В *Е* оно дважды написано с *ъ* и дважды — с *ь*, в *П* (опять-таки вопреки общей тенденции) трижды встречается написание с *ь* и только один раз — с *ъ*; при этом оба написания *умъ*, имевшиеся в *Е*, заменены на *умь* (5 и 6), и, напротив, написание *умь* — на *умъ* (31).

Все эти примеры пришлось бы объяснить странной непоследовательностью издателей, их крайней небрежностью, наконец — ошибками набора и т. д., если мы не придем к более простому и, думается, единственно логичному объяснению: издатели не придавали орфографическим тонкостям особого значения, написания возникали в процессе переписок и исправлений текста до известной степени стихийно, чем и вызван тот удивительный разноречивый, с которым мы встречаемся в обеих версиях текста «Слова».

Продолжим рассмотрение различий *П* и *Е*. Большая группа различий связана с различием в написаниях слов с сочетанием редуцированного и плавного (типа *влѣкъ*, *плѣкъ* и под.). Всего в «Слове» около 90 таких слов.⁶⁴ Они могут быть разбиты на 4 группы.

К первой группе отнесем слова, содержащие в *Е* и *П* гласный полного образования: *Волгу* (28), *выторже* (22), *ползоша* (43), *сердца* (5 и 26), *сморци* (39), *солнце*, *солнца*, *солнцу* (5, 8, 12, 25, 32 и 44), *Черниговъ* (20) и *Черниговскими* (27).⁶⁵ При этом в «Слове» встречаются и иные написания этих же слов: *Влѣѣ* (9), *Чрънигова* (13, в *Е*: *Чернигова*), *слѣнце* (39, в *Е*: *солнце*); к *выторже* можно привести параллельную форму *утръже* (35).

Написание слов *сердце* и *солнце* с гласными полного образования объясняется, вероятно, тем, что слова эти, как правило, писались под титулом и были «раскрыты» издателями.

Что же касается слова *сморци*, то оно требует специального комментария. Л. П. Якубинский с уверенностью писал, что мы «находим в „Слове“ совершенно дикое написание, вроде *сморци* из *смърци* (с цоканьем, которое характеризует наш список): здесь в силу замены *ь* через *ъ* получилось написание *смърци*, а с прояснением *ъ* в *о* — *сморци!*».⁶⁶ Но чтение «Слова» отнюдь не уникально. В Хронике Амартола имеется текст с употреблением того же слова: «. . . а еже подъ землею вода оста, бездна наречена бысть, из неяже яко сморци нѣкатори испущаються».⁶⁷ В списках второй редакции Хроники форме *сморци* соответствует форма *смерци*, но в списке XV в. (который, видимо, отражает первую редакцию Хроники) встречаем снова *смърци*.⁶⁸

К второй группе отнесем слова, которые в *П* приводятся в южнославянской орфографической манере, а в *Е* — с проясненным гласным. Это следующие 45 слов (привожу их в исходной форме): *бръзии* (41 дважды), *влѣкъ* (9, 11, 35, 36 дважды; 41 дважды), *влѣна* (42), *вѣврѣщися* (41), *длѣго* (10), *млѣвити* (19, 43), *млѣнии* (12), *наплѣнитися* (5), *плѣкъ* (5, 6, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 22, 27, 30, 32, 39, 46), *плѣночи* (35), *помлѣкнути* (43), *прѣвое* (37), *прѣвии* (37, дважды), *Святплѣкъ* (16),

⁶⁴ Приблизительность подсчета вызвана тем, что некоторые слова являются конъектурами исследователей (например: *утръже*, *дрѣѣ*).

⁶⁵ К этой группе следует отнести и слово «папорзи». Видимо, этому малознакомому слову писец XVI в. не решился придать «южнославянскую форму».

⁶⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 322.

⁶⁷ Цитируется старший список Хроники — XIII—XIV вв., — см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе, т. I. Пгр., 1920, с. 302.

⁶⁸ Рукопись ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 7/1084, л. 506 об.

слънце (39), Чръниговъ (13) и чръниш (11, 12, 17, 23), которые в *Е* переданы соответственно как *борзый, волкъ, волна, въвержесе, долго* и т. д.

Почти все исследователи считают, что написания в *Е* отражают стремление А. И. Мусина-Пушкина упростить орфографию оригинала, приблизить ее к современной.⁶⁹ Впрочем, М. В. Щепкина полагает, что 45 различий — «слишком много, чтобы видеть в них „подравнивание“ (термин А. С. Орлова, — *О. Т.*)». «Остается думать, — продолжает М. В. Щепкина, — что они имели в оригинале какое-то особое написание, и такое написание известно нам из древнерусских летописей». Это написание состоит, по мнению М. В. Щепкиной, «в сокращении с выносом плавной над строкой: *бъзый, вкъ*».⁷⁰ Я не убежден в возможности таких написаний, мне встречались лишь написания типа: *вокъ, покъ* и под., а М. В. Щепкина, к сожалению, не приводит указаний на конкретные рукописи.

К третьей группе относятся 24 слова, которые в *Е* и *П* одинаково приведены в южнославянской форме: *пръсты* (4), *въскръмлени* (8), *връху*, *Влъзѣ, блъванъ* (9), *чрълеными* (10), *чръленъ, чрълена* (11), *чрълеными* (13),⁷¹ *хлъми* (21), *чръпахуть* (23), *тлъковинъ* (23),⁷² *златовръсъмъ* (23), *стлъпа, връжеса* (25), *поверъгоша* (32),⁷³ *чрълеными* (33), *връже, подпръся, утръже* (35), *Хръсови* (36), *претръгоста* (41), *чрънядьми, пожръши* (42).⁷⁴

Естественно допустить (и именно так считает большинство исследователей), что в этих случаях передана орфография оригинала.

Написания южнославянского типа содержались, видимо, и в следующих трех словах: слове *чръленый* (10) — *чрленый* в *Е*, *мркнетъ* (10) — *мръкнетъ* в *Е* и *утрпѣ* (32) — *утрпѣ* в *Е*.⁷⁵

Картина, однако, осложняется существованием еще одной категории написаний, а именно написаний «древнерусского» типа, с постановкой редуцированного перед плавным (*пълку*).

Приведу все слова с рассматриваемым буквосочетанием в том порядке, в каком они следуют в памятнике, на с. 1—8.

<i>П</i>	<i>Е</i>	<i>Стр.</i>	<i>П</i>	<i>Е</i>	<i>Стр.</i>
<i>пълку</i>	<i>полку</i>	} 1	<i>напълнився</i>	<i>наполнився</i>	} 5
<i>пълку</i>	<i>полку</i>		<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	
<i>вълкомъ</i>	<i>волкомъ</i>	} 3	<i>бръзья</i>	<i>бързья</i>	6
<i>пръвытъ</i>	<i>первытъ</i>		<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	
<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	} 4	<i>бръзьи</i>	<i>бързьи</i>	7
<i>пръсты</i>	<i>пръсты</i>		<i>вълци</i>	<i>вълци</i>	

⁶⁹ И. И. Козловский отметил, что в *Е* «в слове *наполнився* буквы *ол* писаны по подскобленному месту: как будто писец сначала точно скопировал болгарское правописание рукописи, но потом все-таки счел нужным переправить его на обычную русскую орфографию» (И. И. Козловский. Палеографические особенности. . ., с. 5).

⁷⁰ М. В. Щепкина. К вопросу о правописании. . ., с. 100.

⁷¹ В *Е*: *чрълеными, чръленъ, чрълена, чрълеными*.

⁷² В *Е*: *тлъковинъ*. Учитывая, что так же написано это слово в бумагах А. Ф. Малиновского и безусловную правильность написания через *ъ*, мы можем предположить, что в *П* — опечатка (вместо *тлъковинъ*): при тенденции к замене *ъ* на *ѣ* едва ли возможна осмысленная замена *ъ* оригинала на *ѣ*.

⁷³ В *Е*: *поверъгоша*.

⁷⁴ Подсчеты А. С. Орлова (Слово, с. 54—55) и М. В. Щепкиной (К вопросу о правописании. . ., с. 99) не точны: А. С. Орлов пропускает слова *хлъми, тлъковинъ* и *утръже* (впрочем, последнее слово — конъектура исследователей); у М. В. Щепкиной также не упоминаются слова *тлъковинъ* и *утръже*. Что же касается приводимого А. С. Орловым слова *друзѣ* — *дръ(ъ)зѣ* («Аще и вѣща дупа в друзѣ тѣлѣ»), то написанные *дръзѣ* — конъектура исследователей: в *П* и *Е* одинаково читается *друзѣ*.

⁷⁵ М. В. Щепкина полагает, что «Екатерининская копия проставляет и здесь *ъ* после плавной. . ., подгоняя этот случай под югославянский тип» (М. В. Щепкина. К вопросу о правописании. . ., с. 99).

В дальнейшем написания с буквосочетанием этого типа не встречаются. Исследователи полагали, что написания эти отражают написания оригинала, в котором будто бы сохранился след орфографии XII в.⁷⁶

На мой взгляд, дело обстоит иначе, и написания *-ър-* — результат размышлений над текстом «Слова» его издателей. Во-первых, напомним, что ни в одном случае написания с *-ър-* в *Е* и *П* не совпадают (это отмечал еще А. С. Орлов), что все они сосредоточены в начале текста и находятся относительно близко друг к другу. Во-вторых, примечательно, что при перепечатке первой восьмушки нескольких листов «Слова»⁷⁷ одно из этих написаний, а именно *пълку* (в заглавии памятника), изменено на *плъку* (так же это слово передано в заголовке при описании сборника, на с. VII). Искусственность написаний с *-ър-* бросается при этом в глаза.

Не менее важно разрешить и другой вопрос: могли ли в Мусин-Пушкинском списке «Слова» или в предшествовавшем ему (если, разумеется, он не был списком XII в., а это крайне маловероятно) находиться написания с *-ър-*? Специальные наблюдения над различными рукописями XV—XVI вв. свидетельствуют о чрезвычайной редкости таких написаний. Этот факт, а также несовпадения написаний с *-ъл-*, *-ър-* в *Е* и *П* наводят на мысль об искусственном создании этих написаний издателями «Слова» под влиянием трех форм (*бързья*, *бързыя*, *вълци*), введенных А. И. Мусиным-Пушкиным в текст, послуживший оригиналом для *Е*.

Частота употребления написаний «болгарского» типа в «Слове» не должна нас удивлять: эта черта была характерна для многих рукописей XV и особенно XVI в.

Возможно, как полагает А. С. Орлов, ряд написаний с *-ръ-*, *-лъ-* присутствовал уже в оригинале «Слова», но трудно согласиться с его мнением, будто бы «лишь меньшую часть плавноглухих написаний югославянского типа по внешности следует в Пушкинской рукописи отнести на счет второго югославянского влияния. . . Большинство же таких написаний гораздо древнее; в XV—XVI веках едва ли придумали бы написания вроде „въврѣжеса“ или „въскръмлиени“ или решились бы на „Хръсови“». ⁷⁸ На примере списка «Сказания о Мамаевом побоище» (ГПБ, О. XVII. 44, XVI в.) мы можем легко убедиться, сколь широк был круг слов, писавшихся (порой этимологически неоправданно) в южнославянской орфографической манере. В этом списке встречаются следующие слова этого типа: *вълкъ*, *врѣхъ*, *всѣдръжителъ*, *грѣбьи*, *грѣкьи*, *грѣко*, *длъгъ*, *дрѣжава*, *дрѣжати*, *дрѣжатися*, *дрѣзати*, *дрѣзновение*, *исплъненъ*, *исплънити*, *исплъчитися*, *испроврѣци*, *млѣνια*, *млѣчати*, *наплънитися*, *оплъчишася*, *отврѣци*, *отврѣчися*, *плѣза* (и *плѣза*), *плѣжъ*, *плѣковникъ*, *плѣководецъ*, *поплѣзатися*, *прѣтрѣпѣти*, *прѣвое*, *прѣвомучившиися*, *прѣвьи*, *потрѣпѣти*, *прѣсы*, *разврѣстъ*, *Святоплѣкъ*, *скръбнии*, *страстотрѣпецъ*,

⁷⁶ Так, А. С. Орлов считал, что написания *-ър-* в *Е* предпочтительны и восходят к подлинному списку «Слова», он допускал также, что в нескольких случаях в *П* написаниями *-ръ-*, *-лъ-* «подменены *-ър-*, *-ъл-* с целью подравнивания оригинала» (Орлов. Слово, с. 55). С. П. Обнорский даже выдвинул следующее предположение: способ передачи сочетаний редуцированного с плавным «по типу болгарской орфографии был освоен писцом „Слова“ не сразу: по началу писец держался приблизительно старорусского типа написаний этих сочетаний. . . , а далее уже у него вырабатывается устойчивый прием написаний соответственных слов на болгарский лад» (С. П. Обнорский и др. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 141; далее: Обнорский. Очерки). Автор не учитывает обоих отмеченных выше фактов — неупотребительности «старорусских» написаний в XV—XVI вв. и разноречия *П* и *Е*.

⁷⁷ Подробнее об этом см.: Дмитриев. История, с. 57 и сл.

⁷⁸ Орлов. Слово, с. 57.

свъръшатися, свъръшити, твърдо, твърдыи, тръпѣти, тръние, удръжати, умлѣкати, умрътвѣитися, утвърдити, утвърдитися. Ничего нельзя сказать о словах *сердце, солнце, смерть*, поскольку они, как правило, пишутся под титлом. На 129 словоупотреблений перечисленных выше слов с южнославянскими написаниями приходится менее 10 написаний тех же слов или слов того же типа с проясненным гласным (*горько, болг, волъци* и др.). Попутно замечу, что только в одном случае встретилось в «Сказании» написание с *-ъл-* (слово *вълхвъ*).

Итак, подавляющее большинство написаний южнославянского типа в *П*, вероятно, соответствует чтению оригинала; написания же «старорусского» образца, думается, созданы А. И. Мусиным-Пушкиным и его соредакторами.

Перейдем к рассмотрению разночтений в написании *ѣ* и *е*. Всего их 49, при этом в 35 случаях буква *ѣ* в *П* соответствует буква *е* в *Е*, и, напротив, в 14 случаях *ѣ* читается в *Е*, а в *П* ему соответствует *е*.

Если иметь в виду, что в написании *ѣ* или *е* в корнях слов текст *П* и перевод совпадают, то естественно предположить, что в *П* текст унифицирован в соответствии с орфографией XVIII в., а отклонениями от него *Е* обязана влиянию оригинала. Но наблюдения над всем кругом материалов опровергают или по крайней мере ограничивают это допущение.

Так, в «Слове» 11 раз встречаются слова с корнем *стрел-* (*стрѣл-*). Лишь в двух случаях *ѣ* читается и в *Е*, и в *П*: «итти дождю стрѣлами» (12) и «соколича рострѣляевѣ» (43); в остальных случаях корень *стрел-* в *Е* пишется через *е*. Не является ли это написание через *е* нарушением орфографической нормы XVIII в., сделанной под влиянием древнерусского текста?

На загадочность «систематического разноречия» между *Е* и *П* в написании этого корня обратил внимание еще Д. С. Лихачев, указав, что «и в рукописях XII—XVII вв., и в орфографии XVIII в. в корне этих слов обычно пишется „ѣ“ (исключение могло быть только в новгородских рукописях)». ⁷⁹

Но наблюдения над орфографией переводов «Слова», сделанных в конце XVIII в., приводят нас к неожиданным результатам.

В переводе первого издания, как было сказано, корень этот всегда пишется через *ѣ*, точно так же, как в переводе, обозначенном Л. А. Дмитриевым литерой *Г*,⁸⁰ и в переводе, сохранившемся в бумагах А. Ф. Машиновского.⁸¹ В переводах из собрания Белозерских (далее: *Б*) и из архива Воронцовых (далее: *В*) орфография иная: в *Б* — 6 написаний через *ѣ* и 5 — через *е*, а в переводе *В* все написания через *е*; ⁸² наконец, в переводе в бумагах Екатерины (далее: *ЕП*)⁸³ лишь в трех случаях встречаем *ѣ*, а в остальных — *е*; характерно, что двум написаниям с *ѣ* в тексте *Е* соответствуют написания через *е* в *ЕП* и что написания *ѣ* и *е* в *ЕП* и *Б* в большинстве случаев не совпадают.

Л. А. Дмитриев установил, что переводы *Г*, *Б* и *В* восходят к общему протографу.⁸⁴ Следовательно, соотношения в них *ѣ* и *е* не зависят от написаний оригинала.

⁷⁹ Лихачев. История подготовки, с. 73—74.

⁸⁰ Сборник ГПБ, Ф. XV.50, конца XVIII в., см. о нем: Дмитриев. История, с. 277—278, текст перевода см. там же, с. 335—350.

⁸¹ См. там же, с. 352—357.

⁸² Переводы *Б* и *В* изданы в разночтениях к тексту *Г* в той же книге Л. А. Дмитриева (с. 335—350).

⁸³ Издан там же, с. 318—325.

⁸⁴ См. там же, с. 273—289.

Это подтверждается и соотношением чтения древнерусского текста «Слова» и его старших переводов (перевод первого издания обозначим *III*):

<i>II</i>	<i>III</i>	<i>EII</i>	<i>Г</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>
<i>полетѣ</i>	<i>летѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полѣтель</i>
<i>гуси</i>	<i>гусей</i>	<i>гусей</i>	<i>гусей</i>	<i>гусѣи</i>	<i>гусей</i>
<i>лебеди</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебеѣи</i>	<i>лебедей</i>
<i>полетѣ</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полѣтѣль</i>	<i>полетель</i>
<i>лелѣявъ</i>	<i>нося</i>	<i>лелѣяль</i>	<i>лелѣявъ</i>	<i>лелѣявъ</i>	<i>лелевъ и т. д.</i>

Мы видим, что разнобой в написаниях *ѣ* и *е* в переводах XVIII в. не зависит от орфографии текста «Слова», а свидетельствует лишь о неустойчивости орфографии XVIII в.⁸⁵

Обратимся к разночтениям в написаниях *ы* и *и* после *г*, *к* и *х*. В рукописях XV—XVI вв. встречаются написания обоих типов с преобладанием, однако, написаний *сы*.⁸⁶ Видимо, оба варианта были и в Мусин-Пушкинском списке «Слова». В 20 случаях написания *II* и *E* отличаются, и думается, что есть возможность в какой-то мере объяснить причину возникновения этих разночтений.

Разночтения начинаются лишь со второй трети текста: на первых страницах издания (как и в *E*) читаются только написания с *ы*: *облакы* (3), *плѣкы*, *касожъскымы* (4), *плѣкы* (5), *плѣкы*, *облакы* (6), *яругы*, *акы* (8), *тъмутораканъскымы*, *тѣлѣгы* (9), *плѣкы*, *половецкыя* — дважды, *дѣкы*, *паволокы*, *драгыя* (10), *кожухы*, *всякымы*, *половѣцкымы* (11), *половецкыя*, *рѣкы* (12), *рускыя*, *плѣкы*, *половецкыя*, *оварьскыя* (13), *великыи* (15). Начиная со страницы 16 в *II* появляются как написания с *и*, которым соответствует написание с *ы* в *E*, так и написания с *и*, общие для *II* и *E*.⁸⁷ Однако написания с *ы*, общие для *II* и *E*, продолжают встречаться и далее: *плѣкы*, *половецкыи* (17), *плѣкы*, *другыи* (18), *погибе* (19), *рускыи*, *великыи*, *кѣвскыи*, *плѣкы*, *яругы* (21), *рѣкы* (22), *великыи*, *дѣскы* (23), *топчаки*, *ревугы*, *засапожники*, *плѣкы*, *половецкымы* (27), *великыи* (28), *галичкы*, *угорскыи* (30), *расхытисте* (33), *литовскымы* (34), *половецкыи* (35), *хытру*, *кычеть* (37), *хиновскыя*, *стрѣлкы*, *облакы* (38), *стругы* (42), *сорокы* — дважды (43).

Начиная со страницы 17 появляются общие для *II* и *E* написания с *и*: *угорскыи* (16), *кикахуть* (17), *кисаню* (?) (23), *хинови* (25), *черниговскыи* (27), *плѣкы* (30), *хинова* (31), *городенъскыи* (34), *Немиги* (35), *рускихъ* (36), *хиновскыя* (38) и *плѣкы* (46).

В 18 случаях, как уже сказано, написанию с *ы* в *E* соответствуют написания с *и* в *II*: *погибашеть* (16), *рускія* (20), *рѣкы*, *потоки* (21), *великихъ*, *половецкихъ*, *половецкыя* (22), *акы*, *готскыя* (25), *великыи* (26), *похитимъ* (27), *облаки* (30), *латинскыи*, *многи* (32), *ляцкыи* (33), *литовскыя* (33) и *кѣвскимъ*

⁸⁵ Л. К. Ильинский (Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пгр., 1920, с. 32) считал, что в переводе *Б* сохранился ряд написаний, «несомненно ведущих свое начало от оригинала памятника». Ему справедливо возражает Л. А. Дмитриев: «Этот список не может служить материалом для восстановления написаний „Слова о полку Игореве“, так как определить, где перед нами отражение написаний оригинала, а где написания перевода, подражающие формам оригинала, невозможно» (Дмитриев. История, с. 282).

⁸⁶ В уже упоминавшемся списке «Сказания о Мамаевом побоище» написания с *ы* преобладают, но встречаются и написания с *и*. Например: *погибели* (и рядом — *погыбе*), *нѣкыи*, *акы*, *великыи* и др. Написания *гы*, *кы*, *хы* чередуются с *гы*, *кы*, *хы* и в других рукописях этого времени.

⁸⁷ Особо рассмотрю написания *ы* и *и* в корне *кѣв-*. Всего слова *Кѣв* и *кѣвскыи* встречаются в «Слове» 13 раз, написание гласной после *к* в *E* и *II* всегда совпадает, при этом на с. 7, 35 и 36 дважды встречаем написания с *кы*, на с. 16, 20, 21, 22, 23, 30, 35, 37 и 45 — с *ки*. В двух случаях написаниям с *ки* в «Слове» соответствуют написания с *кы* в выписках Н. М. Карамзина (с. 16 и 30). Но, быть может, текст в выписках архаизирован Н. А. Карамзиным?

(37). В *Е* соответственно: *погыбашеть, рускыя* и т. д. В двух случаях *и* в *Е* заменено на *ы* в *П*: *плъкы* (12) — *полки* и *акы* (29) — *аки*.⁸⁸

Итак, в *Е* явно преобладали написания с *ы* (80 случаев против 23 написаний с *и*), в *П* соотношение несколько иное (64 и 39), однако и здесь написания с *ы* преобладают. Странное впечатление производит «граница» написаний: со страницы 16 (исключая слова: *Киев* и *киевский*) начинают встречаться написания с *и* в обоих списках и с этой же страницы начинается замена написаний в *П*. В рукописях обычно написания обоих типов перемежаются. Не значит ли это, что в *Е* А. И. Мусин-Пушкин первоначально проводил унификацию, «выравнивая» все написания на *ы*, затем допустил — видимо, имевшиеся в оригинале — некоторые написания с *и*, а издатели примерно с того же места не только сохранили все бывшие в *Е* написания с *и*, но и добавили новые. Однако в двух случаях, где написания с *и* проскользнули в *Е* ошибочно, издатели исправили эти неточности. Разумеется, сказанное не более чем догадка, но искусственность какой-то части написаний как в *П*, так и в *Е* не подлежит сомнению.

Еще в 7 случаях различаются написания *ы* и *и* в положении не после заднеязычных: *възлелѣяны* (8) — *възлѣлѣяны*, *полуноцы* (9) — *полуноци*, *крылы* (15) — *крылы*, *кроватьы* (23) — *кроватьи*, *желѣзныи* (23) — *желѣзнии*, *унылы* (34) — *унылы*, *Давидовы* (37) — *Давидови*. Если учесть, что в большинстве случаев причастия как в *П*, так и в *Е* оканчиваются на *и* (*осѣдлани*, *отворени*, *изѣострени*, *распуцени*, *свѣдоми*, *вѣдоми*, *знаеми*, *верезени*, *посѣяни* — дважды; но *поскепаны*, *ранены*), можно предположить, что замена *и* на *ы* в этой форме — результат подравнивания текста по современной орфографии.

В 15 случаях различаются написания *а* и *я* после шипящих. При этом 13 раз в *П* пишется *я* на месте *а* в *Е*: *начяти* (1), *рассушясь* (10), *начяшия* (11), *тучя*, *потручяти* (12), *поскочяше* (13), *Святъславличя* (15), *давечя* (18), *начяшиа* (19), *сыновчя* (26), *начяти* (35), *Брячяслава* (36) и *начясте* (36). В *Е* соответственно: *начати*, *рассушась* и т. д. В одном только случае *я* в *П* и *Е* совпадает: *Святъславличя* (7). В двух случаях написанию с *а* в *П* соответствовало написание с *я* в *Е*: *Святъславлича* (21) и *полочаномъ* (33).

В 6 случаях наблюдаются колебания в написании *-в-* и *-вл-*: *Святъславича* (1 и 30) — *Святъславича*, *чрълена* (11) — *чрълена*, *чрълеными* (13) — *чръвлеными*, *Мстиславичи* (32) — *Мстиславичи*, *Ростислава* (42) — *Ростиславля*.

Если мы продолжим рассмотрение разночтений, то и далее встретимся с той же картиной: унификация несомненно имела место и в *П*, и в *Е*, но она не была ни в том, ни в другом варианте текста проведена до конца, и каждая тенденция сочетается с многочисленными исключениями.⁸⁹

Итак, мы не сможем во всех деталях реконструировать подлинный текст Мусин-Пушкинской рукописи, и не только потому, что издатели изменили его, не всегда придерживаясь строгой системы, но и потому, что ни один древнерусский текст сам по себе не обладал строго выдержанным орфографическим однообразием.

Нет возможности однозначно ответить и на вопрос: в *П* или в *Е* древнерусский текст «Слова» передан более точно; так, в *Е*, несомненно, лучше сохранились написания *гы*, *кы*, *хы*, употребление *ь* в исходе слов и т. д., но зато были существенно поновлены написания редуцированных с плавными, написания *я* после шипящих, и т. д.

⁸⁸ А. С. Орлов приводит другие, менее точные подсчеты соотношений написаний *ы* и *и*; но также считает, что издатели подвергли текст частичной унификации (Орлов. Слово, с. 58—59).

⁸⁹ Анализ некоторых разночтений и их палеографическое объяснение содержатся в статье М. В. Щепкиной «К вопросу о разночтениях. . .».

Все это, однако, не исключает возможности реконструировать тип орфографии «Слова» и сопоставить его со сходными по типу древнерусскими рукописями. А это окажется чрезвычайно важным для датировки Мусин-Пушкинского списка.

Пока подобная работа была проделана только Н. М. Каринским, который обнаружил в «Слове» сумму орфографических черт, роднивших его со псковскими рукописями XV в. На этом основании Н. М. Каринский высказал предположение, что рукопись «Слова» «не могла относиться к XIV веку и что мало вероятности предполагать, чтобы она была написана позже первой половины XVI столетия . . . представляется, по-видимому, естественным относить памятник к концу XV века, хотя следует иметь в виду, что в Псковской области и в XVI веке южнославянское влияние было еще весьма ярким».⁹⁰ Впоследствии мнение Н. М. Каринского о псковском происхождении рукописи со «Словом» вызвало возражения (В. В. Виноградова, А. С. Орлова, С. П. Обнорского),⁹¹ но лишь В. В. Виноградов противопоставил свои конкретные наблюдения скрупулезным наблюдениям Н. М. Каринского над псковскими рукописями XIV—XVI вв.⁹² К сожалению, у нас почти нет монографических исследований палеографии и орфографии рукописей XVI—XVII вв.,⁹³ поэтому мы не можем судить, насколько явления, общие для Мусин-Пушкинской рукописи и псковских рукописей, характерны именно для рукописной традиции данного ареала и могли ли они иметь место также в рукописях, созданных в Москве, Твери, Новгороде, в северных монастырях. Словом, у нас нет сейчас ни оснований безоговорочно принять точку зрения Н. М. Каринского, ни достаточных аргументов, чтобы решительно ее отвергнуть.

Локализовать Мусин-Пушкинский список, быть может, еще преждевременно, — для этого мы не располагаем пока достаточным числом наблюдений над рукописным фондом XV—XVI вв., но уже сейчас возможно указать черты, роднящие орфографию «Слова» с орфографией рукописей XV—XVI вв. и решительно препятствующие допущению, что «Слово» могло быть переписано в XVII в.

К этим чертам относится употребление сочетаний «плавный + редуцированный» (типа: *влькъ*), случаи отсутствия йотации (*вѣщца*, *трупца*, *копца* и др.), преобладание написаний *гы*, *кы*, *гы* — сравнительно с написаниями через *и*, случаи написания *я* и *ю* после шипящих (*скачють*, *женчюгь*, *омочю*, *начяша* и др.) и т. д.; все эти черты либо совершенно исчезают в рукописях с конца XVI в., либо встречаются в них чрезвычайно редко. Итак, орфография «Слова», как уже неоднократно указывалось исследователями, позволяет относить список его ко времени не позднее конца XVI в.⁹⁴

Но как же сочетать эту датировку с установленным ранее фактом наличия в составе Мусин-Пушкинского сборника Хронографа XVII в.?

⁹⁰ Н. М. Каринский. Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве как памятник псковской письменности XV—XVI вв. — ЖМНП, 1916, № 12, с. 211.

⁹¹ В. В. Виноградов. Исследования в области северновеликорусского наречия, вып. 1. — ИОРЯС за 1919 год, т. XXIV, 1922, кн. 1, с. 217—218; Орлов. Слово, с. 60—63; Обнорский. Очерки, с. 134—136.

⁹² Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

⁹³ Единственное исключение — исследование Т. А. Сумниковой «Чудовский сборник XVI в. (Палеографическое и фонетическое описание)». (Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960).

⁹⁴ Выписки, сделанные Н. М. Карамзиным из повестей, окружавших «Слово» (Повести об Акире Премудром и Девгениева деяния), убеждают, что повести эти были написаны в той же орфографической манере, здесь также встречаются написания *я* после *г*, *к*, *х*, (*Альрь*, *трьбники*, *многы*, *всякый*, *драгынь* и др.), во флексиях имен и глаголов встречается *ь* (*будеть*, *ркуть*, *умреть*, *обряцеться*, *постойть*, *всылеть*, *драгынь*,

3. О дате Мусин-Пушкинского сборника

Начнем с анализа свидетельств о дате Мусин-Пушкинского сборника, оставленных его «очевидцами».

В первом издании «Слова» сказано лишь следующее: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего,⁹⁵ который чрез старания свои и прозрбы к знающим достаточно российской язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оной в свет. Но как при всем том остались еще некоторые места невразумительными, то и просит всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древнего отрывка российской словесности».⁹⁶

Итак, издатели не решились указать дату рукописи, ограничившись лишь осторожным высказыванием, что по почерку она «весьма древняя». Что же касается трудностей, о которых сообщается далее, то ясно, что трудности эти возникли не столько при прочтении текста, сколько при переводе его, — не буквы, а смысл слов представлял для издателей наибольшие трудности.

Впоследствии, в 1813 г., после гибели «Слова», на вопрос К. Ф. Калайдовича — «На чем, когда и как она («Песнь Игорева», — *О. Т.*) писана?» — А. И. Мусин-Пушкин ответил уже иначе: «Писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века».⁹⁷ Сохранилось два свидетельства о дате сборника, принадлежащие А. Ф. Малиновскому. Одно из них впервые сообщил Е. В. Барсов, приведший выдержку из письма А. Ф. Малиновского Н. П. Румянцеву: «Сие произведение российской словесности XII столетия, — писал А. Ф. Малиновский о «Слове», — издано было в 1800 году. . . с рукописи XVI века, принадлежавшей действительному тайному советнику графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину и почитавшейся единственною. Но как, при нашествии на Москву неприятеля, она сторела, то и не оставалось уже никакого убедительного доказательства для сумнящихся в подлинности сего сочинения и в существовании древнейшего образцового российского песнопевца Бояна».⁹⁸

Другое свидетельство А. Ф. Малиновского о дате рукописи было сообщено Д. Дубенским (см. выше, с. 147). Оно, однако, заслуживает меньшего доверия хотя бы потому, что является косвенным, и потому, что сделано 30 лет спустя после гибели рукописи.

Три свидетельства о дате сборника оставил нам К. Ф. Калайдович. В бумагах Р. Ф. Тимковского сохранился листок, на котором рукой Калайдовича было записано: «Н. М. Карамзин полагает, что Песнь Игорева

сукынь и др.); к оригиналу, несомненно, походят написания: *жемчюгомъ, копта, ти-суца, колца, уноша* и др. Эти архаичные черты сохранены П. М. Карамзиным, не смотря на отмеченную выше тенденцию к упрощению орфографии; в оригинале таких черт было, видимо, значительно больше.

⁹⁵ К этому слову сделано примечание: «Г. Действительному тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину Пушкину. В его библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист, под № 323». Далее следует перечисление памятников, входящих в состав сборника.

⁹⁶ Ирвичская песнь. . . , с. VII.

⁹⁷ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения. . . , с. 35.

⁹⁸ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 50. Этот текст опубликован по оригиналу (ГЛЛ, Румянцевский архив, ф. 225, п. 12, № 37) также Л. А. Дмитриевым: Дмитриев. История, с. 155—156. Между публикацией Е. В. Барсова и этим оригиналом имеется ряд существенных расхождений. Я привожу текст по публикации Л. А. Дмитриева.

писана не в конце XVI и не в начале XV века, но в исходе сего столетия».⁹⁹ Судя по окружающему контексту, запись сделана около 1814 г., следовательно, уже в это время кто-то называл конец XVI в. как возможную дату рукописи, и с ним полемизирует Карамзин («не в конце XVI»); другое возражение Карамзина относится, возможно, к мнению А. И. Мусина-Пушкина, датировку которого (конец XIV—начало XV в.), видимо, сообщил в беседе с Карамзиным К. Ф. Калайдович.

Второе свидетельство К. Ф. Калайдовича таково: «Типографщик Семен Аникеевич Селивановский говорил мне, что он видел в рукописи Песнь Игореву. Она написана точно в книге, как сказано в предисловии, и белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Дмитрия Ростовского».¹⁰⁰ Почерк Дмитрия Ростовского, как показали разыскания М. В. Щепкиной,¹⁰¹ — скоропись, типичная для XVII в., его трудно было принять за почерк XIV или XV в. Я попытаюсь далее найти объяснение этому странному противоречию очевидцев.

Третье свидетельство содержится в статье К. Ф. Калайдовича, опубликованной в 1818 г. Он пишет: «Что касается до почерка часто нами упоминаемой Песни и правописания оной, то первый, по свидетельству очевидцев, не восходит далее XVI века, хотя граф Мусин-Пушкин и относит оный к концу XIV или к началу XV столетия, и есть белорусский, имеющий свой особенный характер; а второе во многих словах, как то: *пѣлкѣ, вѣлкѣ, крѣвь, брѣзый, чѣти*, согласно с Лаврентьевским списком Нестора, пергаминным Новгородским летописцем и прочими древними рукописями. Подобное правописание приметно и в позднейшем издании Славяноросского лексикона Памвы Беринды, напечатанного в Киеве 1627 года».¹⁰²

Эти замечания К. Ф. Калайдовича интересны не только содержащимся в них отзвуком полемики о дате Мусин-Пушкинского сборника, они свидетельствуют и о другом: сколь неразвита была критика текста, палеография и лингвистика в начале XIX в., если существенные неточности мы находим даже у такого эрудированного и тонкого исследователя, каковым, несомненно, был К. Ф. Калайдович. Действительно, он сравнивает написание слов *пѣлкѣ, вѣлкѣ, крѣвь, брѣзый, чѣти* в «Слове» с Лаврентьевским списком летописи и Синодальным списком Новгородской летописи. Но Лаврентьевская летопись ни в части, занимаемой Повестью временных лет, ни в позднейших записях не знает такого правописания: в ней регулярно пишется *полкъ, волкъ, кровь*. Орфографическая манера Синодального списка совершенно иная, резко отличающаяся как от орфографии Лаврентьевской летописи, так и от орфографии «Слова»: здесь преобладают написания «старорусского» типа, т. е. с редуцированным перед плавным: *Святопѣлкѣ, Чърниговѣ, вѣбѣрѣѣ, напѣлнитися* и т. д. Что же касается «Лексикона» Памвы Беринды, то в нем действительно господствует орфография, традиционная для периода южнославянского влияния: *крѣвь, пѣлкѣ, молва* или *млѣва, чрѣвлѣнь, чрѣвень, врѣховный* и т. д.¹⁰³ Сопоставлять орфографию этих трех источников и сравнивать с ними орфографию «Слова», думается, нет оснований.

⁹⁹ Н. Полевой. Любопытные замечания. . . , с. 17.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ М. В. Щепкина. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве». (К вопросу об исправлении текста памятника). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 9—10.

¹⁰² Н е и з в е с т н ы й. Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей российской словесности. . . , о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря. . . — Труды Общества любителей российской словесности, ч. XI. М., 1818, с. 28.

¹⁰³ См.: Лексикон славянороський Памвы Беринды. Підг. тексту і вступна стаття В. В. Німчука. Київ, 1961.

Факт знакомства с рукописью «Слова» некоторых предполагаемых «очевидцев» остается в той или иной степени спорным.

Так, Ф. Я. Прийма убедительно доказал, что, вопреки утверждению И. П. Сахарова, Р. Ф. Тимковский не видел рукописи «Слова» и лишь пытался разузнать о ней через К. Ф. Калайдовича.¹⁰⁴ Мало надежен и источник сведений о том, что сборник видел известный палеограф А. И. Ермолаев.¹⁰⁵ В 1834 г. А. Глаголев сообщил следующее: «Что касается до почерка Песни о полку Игоря и правописания оной, то первый, по мнению некоторых очевидцев, есть белорусский, имеющий свой особенный характер, а по свидетельству покойного А. И. Ермолаева, видевшего рукопись до истребления ее в 1812 году, — есть полуустав XV века (о сем удостоверяет А. Х. Востоков, слышавший от покойного А. И. Ермолаева, — *примечание А. Глаголева*).¹⁰⁶

* * *

Мы видим, таким образом, что «очевидцы» колебались не только между различными датировками, но и между определением почерка — полуустав или скоропись, похожая на почерк Дмитрия Ростовского.

Но самое главное противоречие было уже намечено выше: это противоречие между датой хронографа, список которого не может быть датирован временем ранее первой четверти XVII в., и косвенно устанавливаемой — по палеографическим и орфографическим данным — дате списка «Слова» и сопровождающих его повестей, — эти данные указывают на время не позднее конца XVI в.

Единственное возможное объяснение было предложено еще Е. В. Барсовым и поддержано впоследствии А. С. Орловым: Мусин-Пушкинский сборник был конволютом, составленным в XVII в.¹⁰⁷

Но где именно проходила граница между разновременными частями сборника? Маловероятно, что к хронографу была приплетена «тетрадь» с повестями. По расчетам М. В. Щепкиной, текст «Слова» занимал в сборнике 9 листов,¹⁰⁸ а вместе с окружающими его повестями — около 20 листов. Существование отдельного сборника повестей листового формата — явление исключительное в книгописной традиции XV—XVI вв. Но допустимо другое: к хронографу был приплетен листовой же сборник исторического содержания, в который входили летопись (или отрывки из нее) и сопровождающие эту летопись «исторические» повести. Такой тип сборника, особенно для XVI в., весьма допустим,¹⁰⁹ и такой сборник вполне мог быть листового формата.

¹⁰⁴ Ф. Я. Прийма. Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1953.

¹⁰⁵ А. И. Ермолаев (1780—1828 гг.) был долгое время хранителем рукописей Публичной библиотеки.

¹⁰⁶ А. Глаголев. Умозрительные и опытные основания словесности, ч. IV. СПб., 1834, т. 24—25. Не подтверждаются слова М. В. Щепкиной, будто бы «в предисловии к первому изданию „Слова“ сказано, что долголетний сотрудник Публичной библиотеки, работавший над изданием русских летописей, А. И. Ермолаев, видевший рукопись „Слова“, считал, что она написана полууставом XV века» (М. В. Щепкина. Замечания. . . с. 7).

¹⁰⁷ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, т. I, с. 65; Орлов. Слово, с. 51—52.

¹⁰⁸ М. В. Щепкина. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 43.

¹⁰⁹ Так, в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1404а (второй половины XVI в.) за текстом Новгородской V и Псковской I летописей следуют Послание на Угру, Повесть о Диваре, Повесть о Казарше, а далее и Повесть о Митяе; в списках БАН, 16.3.2, за текстом Новгородской IV летописи следует Повесть о приходе Ивана IV на Новгород, и т. д.

Предложенная гипотеза находит три, правда косвенных, подтверждения.

Во-первых, напомним свидетельства А. И. Мусина-Пушкина: «Песнь» (т. е. «Слово») «писана. . . в конце летописи», и далее: в книге «под названием Хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве».¹¹⁰ К. Ф. Калайдович усмотрел в этих словах противоречие: «В первом и втором ответе сказано, что Песнь Игорева помещена в рукописи в конце Летописи (Хронографа), а в печатном издании оной, 1800 года, она следует после Синагрипа».¹¹¹

Да, А. И. Мусин-Пушкин, на строгий взгляд археографа, был недостаточно точен, но рассмотрим этот ответ как слова о ч е в и д ц а, для которого еще были свежи зрительные впечатления от погибшей рукописи. Книга именовалась «хронограф», но на лощенной бумаге, помнил он, была написана только вторая половина конволюта,¹¹² большую часть которой занимал текст летописи, поэтому-то А. И. Мусин-Пушкин и говорит «в конце летописи», хотя, строго говоря, между летописью и «Словом» находились еще две повести.

Во-вторых, теперь становятся объяснимыми слова С. А. Селивановского, а также мнение о «белорусском письме» (если только оно не восходит к тому же Селивановскому): С. А. Селивановскому мог зрительно запомниться именно почерк основной части сборника, а хронограф, разумеется, был написан «письмом не так древним» и, возможно, похожим «на почерк Димитрия Ростовского». При этом легко разрешится и другой недоуменный вопрос, как же Н. М. Карамзин, который, разумеется, без труда определил бы, что хронограф повествует о Смутном времени и, следовательно, не мог бы быть создан ранее XVII в., тем не менее датировал «Слово» концом XV в.: грань между двумя частями сборника была столь очевидна, что речь шла всегда только о втором, включающем «Слово», компоненте конволюта.

В-третьих, очень заманчивым кажется допущение, что мы имеем описание Мусин-Пушкинского хронографа в описи книг Ростовского архиерейского дома, из которых, согласно документам, три хронографа и одна степенная книга были переданы А. И. Мусину-Пушкину.¹¹³ Из описания следует, что первые две рукописи содержали Хронограф Дороефия Монемавсийского, и, следовательно, не могут отождествляться с Мусин-Пушкинским сборником; хронограф, значащийся в описи под номером 4, также отпадает — это хронограф, оканчивающийся «сказанием о взятии турками Царя града», т. е. редакции 1512 г. Отпадает и хронограф под номером 5. Судя по описанию, это скорее всего не хронограф, а выборка из него, предваряющегося, вероятно, статьей «А се имена градом всем русским дальним и ближним» (рукопись содержала «описание, какие города к какому княжению принадлежали»).

Но зато хронограф под номером 3 удовлетворяет всем признакам Мусин-Пушкинского. Приведу его полное описание: «Скорописного ж старинного почерку писма. Который начинается повествованием о создании

¹¹⁰ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения. . . , с. 35 и 36.

¹¹¹ Н. П о л е в о й. Любопытные замечания. . . , с. 17.

¹¹² Напомним в связи с этим мнение М. В. Щепкиной, согласно которому — «лощенная бумага употребляется как в XV в., так и в первой половине XVI в., но не в XVII и не в XVIII веках» (М. В. Щ е п к и н а. Замечания. . . , с. 8).

¹¹³ Дело о высылке хронографов из ярославского архиерейского дома А. И. Мусину-Пушкину опубликовано по документу Государственного архива Ярославской обл. (ф. 232, оп. 1, д. 615) Л. А. Дмитриевым: см.: Л. А. Д м и т р и е в. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 426—429.

мира. Содержит священную Ветхого и Нового завета историю, в которую вмешивает различные сказания, и до светской истории касающиеся. Наиболее же описывает деяния императоров римских, потом же греческих, к коим приобщает по местам историю рускаго народа, начиная оную от пришествия в Новгород Рюрикава и продолжая до времен царствования Михаила Федоровича. Предлагает же везде те самые происшествия и обстоятельства, которые в прочих, напечатанных уже, историях и временниках русских, видеть можно. Сверх того, на конце сея книги особливо приданы две части описания времен княжения московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих (кем сия книга сочинена, того в ней не означено).¹¹⁴

Прокомментируем это описание. Во-первых, любопытно определение «скорописного ж старинного почерку писма». Если это относится к тексту хронографа, то, значит, «старинным» мог называться в конце XVIII в. почерк XVII в. — наглядное свидетельство неточности палеографических определений того времени. Затем следует описание содержания хронографа XVII в., которое вполне согласуется с содержанием Распространенной редакции 1617 г. Но что значат слова: «Сверх того, на конце сея книги особливо приданы две части описания времен княжения московского. . .»? Не говорит ли это о том, что рукопись — конволют (неясны, правда, слова «две части»). И что понимать под словами: «. . . описания врмен княжения московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих»? Если мы будем считать, что в Мусин-Пушкинском сборнике содержалась Новгородская летопись Младшего извода, то в начале этой летописи действительно находится описание земель, нравов и обычаев разных народов (т. е. вводная часть Повести временных лет), а далее подробно говорится о истории «времен княжения московского». Правда, здесь эти сюжеты названы в обратном порядке, и это несколько ослабляет доказательность моего предположения. Что же касается повестей, занимавших около 20 листов в конце летописи, то на них составители описания могли не обратить достаточного внимания.¹¹⁵ Итак, не есть ли данный хронограф — искомый Мусин-Пушкинский сборник со «Словом о полку Игореве»?¹¹⁶

Подведем итог. Наиболее вероятной представляется следующая гипотеза: Мусин-Пушкинский сборник представлял собой конволют: к Хронографу Распространенной редакции 1617 г. была приплетена другая рукописная книга, содержавшая летопись и сопровождавшие ее повести, в числе которых находилось и «Слово о полку Игореве». Эта вторая часть конволюта может датироваться временем не позднее чем конец XVI в.

В заключение скажу несколько слов о том, как соотносится гипотеза о сборнике-конволюте со скептическими взглядами на время создания «Слова». Думается, что она является едва ли не самым убедительным аргументом в пользу подлинности «Слова». Если бы А. И. Мусин-Пушкин

¹¹⁴ Там же, с. 428.

¹¹⁵ Любопытно, что в рассматриваемом документе содержатся значительные расхождения в указаниях на объем рукописей. А. И. Мусину-Пушкину были посланы хронографы: первый — на 570 листах, второй на 480, третий — на 429; согласно же описи, эти хронографы имели соответственно 590, 432 и 670 листов; однако пагинация Степенной книги (752 листа) в обоих случаях указана верно. Затрудняюсь объяснить это разноречие.

¹¹⁶ В опубликованной недавно статье А. В. Соловьева указывается иная версия происхождения Мусин-Пушкинского хронографа (из числа рукописей, проданных Иои-лем А. И. Мусину-Пушкину), см.: А. В. С о л о в ь е в. Ростовские Хронографы и хронограф Спасо-Ярославского монастыря. — Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974.

был бы столь лукав и проныцателен, чтобы суметь ввести фальсификат в подлинный сборник, то как бы он мог примириться с соседством столь компрометирующей древность рукописи (сам же заявив, что рукопись «весьма древняя») хронографа, который уже по содержанию своему не мог быть отнесен ко времени ранее XVII в.? Это бесспорное наличие позднего хронографа в «рукописи XIV века» убедительно говорит и о том, что в момент печатания «Слова» ему и в голову не приходила возможность пристрастного, недоверчивого отношения к «Слову», к дате рукописи или к древности входящих в нее памятников. Все это лишний раз говорит о безусловной подлинности «Слова» и категорически препятствует представлению, что издатели могли быть «авторами» «Слова» или хотя бы его редакторами.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»

(Исследование Анджело Данти)¹

Как хорошо известно, основной аргумент скептиков в пользу позднего происхождения «Слова о полку Игореве» заключается в том, что текст его ближе к поздним текстам «Задонщины», чем к раннему, заключенному в Кирилло-Белозерском списке № 9, а потому «Слово о полку Игореве» следует признать зависящим от «Задонщины», а не наоборот.

Текстологическая аргументация эта была впервые выдвинута чешским ученым Я. Фрчеком,² в заслугу которого следует поставить привлечение большего числа списков «Задонщины», чем рассматривалось русскими исследователями до него. Глава скептического направления в области изучения происхождения «Слова» А. Мазон в этой части признал выводы Я. Фрчека, никак, впрочем, их не развив и не углубив. С возражениями Я. Фрчеку и А. Мазону прежде всего выступили в 30-х годах Е. Ляцкий³ и И. Н. Голенищев-Кутузов.⁴ Не занимаясь специально текстологией «Задонщины», оба исследователя указали на то, что считать текст «Слова о полку Игореве» более близким поздним спискам, чем списку *Кб*,⁵ нет никаких оснований. Это было правильно, но аргументация их имела существенный пробел: список *Кб* был вполнину короче так называемого полного текста, и поэтому, если желать видеть в нем первоначальный текст, он все же в целом, количественно, имел меньше (просто в силу своей краткости) сходных мест со «Словом», чем списки, сохранившие обе части «Задонщины». Отсюда возникла необходимость разобраться в происхождении особенностей текста *Кб*, а это повлекло за собой необходимость исследовать взаимоотношения списков «Задонщины» и их происхождение.

Первыми серьезными исследованиями текстов всех списков «Задонщины» явилась серия работ В. П. Адриановой-Перетц.⁶

¹ A. D a n t i. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina». — Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli studi di Perugia, vol. VI. Roma, 1968—1969 (ссылки на страницы этой работы в дальнейшем в тексте в скобках).

² J. F r č e k. Zádonsťina. Staroruský žalozpěv o boji rusů s tatarsy r. 1380. V Praze, 1948.

³ Е. Л я ц к и й. 1) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 1. Скептическое направление. — Slavia, год. XVII, 1939, сс. 1—2; 2) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 2. Гипнотизация и действительность. — Slavia, год. XVII, 1939, сс. 3.

⁴ И. П. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Белград, 1940.

⁵ Здесь и далее пользуюсь условными обозначениями списков «Задонщины», принятыми в советских работах.

⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. 1) «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8; 3) «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

Исходя отчасти из исследований В. П. Адриановой-Перетц, но в значительной степени опираясь на свои собственные наблюдения, Р. О. Якобсон придал серьезное теоретическое значение близости текста *Кб* тексту списка *С*.⁷ Благодаря этому сразу повысился уровень спора по текстологическому истолкованию взаимоотношения списков «Задонщины».

В 1966 г. одновременно вышли две замечательные работы Р. П. Дмитриевой по текстологии «Задонщины»⁸ и почти одновременно две работы А. А. Зимина,⁹ также посвященные текстам «Задонщины». Работы А. А. Зимина интересны в том отношении, что после многих лет молчания по этому вопросу так называемых «скептиков» в них была сделана первая попытка продолжить текстологическую аргументацию Фрчека, в свое время подхваченную Мазоном.

Наконец, в самое последнее время появились две текстологические работы итальянского исследователя древнерусской литературы Анджело Данти, в которых он возвращает нас к той же проблеме с позиций итальянской текстологической школы.

Важность и острота вопроса о подлинности «Слова о полку Игореве», который стоит за всеми исследованиями «Задонщины», повысила ответственность ученых-текстологов и определила очень высокий уровень текстологического спора в последние два десятилетия. Каждый из исследователей, максимально напрягая текстологическую аргументацию, отчетливо выявил особенности своей текстологической школы. Поэтому представляется важным и интересным подойти к последним текстологическим работам о «Задонщине» с точки зрения их текстологической методики.

1

Наиболее резкие отличия в области методики текстологического исследования наблюдаются между работами о «Задонщине» А. А. Зимина и Р. П. Дмитриевой.

Работа А. А. Зимина «Две редакции „Задонщины“» не анализирует особенности и историю текста каждого списка. На первой странице, как априорная, высказывается та мысль, что список *Кб* представляет первую, древнейшую, краткую редакцию, а все остальные — позднейшую, полную. Далее вся обширная работа посвящена сравнению текста этой древнейшей редакции с текстом «полной редакции» по эпизодам. Этот анализ состоит в том, что в каждом эпизоде по отдельности различными путями обосновывается одна мысль — текст *Кб* всюду, во всех случаях (вернее, во всех искусственно выделенных эпизодах), оказывается лучше, логичнее, «стройнее», красивее, правильнее, чем текст «полной редакции», взятой то по тексту одного списка, то по тексту другого.

В своих субъективных толкованиях А. А. Зимин исходит из мысли, что более «стройный», логичный, ясный текст всегда должен одновременно

⁷ R. Jakobson and D. S. Worth. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle of the Kulikovo Field. The Hague, 1963 (ср.: R. Jakobson. Selected Writings, IV. The Hague, 1966. p. 540—602).

⁸ Р. П. Дмитриева. 1) Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве»; 2) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966 (в дальнейшем ссылки на эти работы даются непосредственно в тексте статьи, с указанием страниц данного сборника).

⁹ А. А. Зимин. 1) Две редакции «Задонщины». — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 24, Вопросы источниковедения истории СССР, 1966, с. 17—54 (в оглавлении данного тома у статьи А. А. Зимина другое название: «К истории текста „Задонщины“»); 2) Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — РЛ, 1967, № 1, с. 84—104.

быть и более древним. Позднейший текст, с его точки зрения, — всегда испорчен, нелогичен, менее во всех отношениях художествен.

На совершенно иных методических основаниях строятся работы Р. П. Дмитриевой. Прежде чем выявить редакции и объединить тексты в группы и построить историю текста «Задонщины», Р. П. Дмитриева анализирует особенности каждого списка, сопоставляет тексты всех списков между собой, но не ограничивается и списками, — привлекая заимствования из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище».

Отсюда существенное различие в самом характере выводов Р. П. Дмитриевой и А. А. Зимина. Р. П. Дмитриева доводит историю текста не только до всех списков «Задонщины», но и отдельных заимствований из нее, строит полную стемму взаимоотношения всех списков. Выводы же А. А. Зимина касаются только двух априорно намеченных им редакций, не имея опоры в истории текста отдельных списков. Поэтому выводы А. А. Зимина не могут быть изображены в полной стемме списков и как бы повисают в воздухе, опираясь только на субъективные и «однаправленные» оценки двух редакций «Задонщины» по «эпизодам», не имея даже видимости объективности. (Для практических занятий по методике текстологических исследований представлял бы очень большой интерес сравнительный анализ методических приемов обеих исследователей в изучении текстов «Задонщины»).

Совершенно иной характер, отличный и от работ А. А. Зимина, и от работ Р. П. Дмитриевой, имеет исследование А. Данти. Его методические приемы представляют собой приемы весьма высокой и имеющей большой опыт и большую традицию итальянской «критики текста».

Свои наблюдения А. Данти ведет в основном на основе уже существующих исследований, оценивая их с точки зрения приемов итальянской «критики текста». А. Данти обращает внимание на разночтения и общие чтения различных списков и, еще до того как дать объяснение их происхождения, устанавливает редакции только по сумме сходств и различий в списках. Практика западноевропейской «критики текста» обычно предлагает сперва классифицировать списки по сумме их сходства и различий, а потом оправдать эту классификацию исторически. Между тем, с точки зрения текстологической методики, принятой в Секторе древнерусской литературы, разночтения и сходства анализируются по их происхождению еще до того, как на их основе устанавливается взаимоотношение списков. Задача установления истории текста стоит перед исследователями в их работе с самого начала. Она не является только последним этапом текстологической работы. Вывод вытекает не из количественного подсчета разночтений, а из объяснения их происхождения. Поэтому история текста строится не на основании установленных редакций, видов и изводов текста, а наоборот: выводы о происхождении отдельных разночтений и общих мест дают основание построить историческую схему взаимоотношения редакций, видов и изводов текста.

Только последний путь обеспечивает объективность выводов.

Другое правило, которым пользуются текстологи Сектора древнерусской литературы, состоит в следующем: при установлении истории текста произведения необходимо идти от известного к неизвестному, от установленного к неустановленному, от позднего и дошедшего к более раннему и несохранившемуся. Если для советских текстологов изучение текста означает изучение переписчика, писца, редактора текста, автора, то последовательность в этом ряду должна быть такой: сперва изучаются особенности работы писца того или иного списка, затем особенности протографа дошедшего списка или дошедших списков, затем работа редактора текста, если редакции определены, и только в конечном счете изучается сам ав-

тор.¹⁰ Исключение может представлять только текст, в котором объединены в одном лице писец и автор либо писец и редактор, но это исключительно редкие и счастливые для текстолога случаи. Счастливыми должны быть признаны и те случаи, когда приемы писца текста, редактора мы можем изучать на нескольких разных, сохранившихся от него текстах.

При всех текстологических сложностях, которые представляют для исследователей дошедшие списки «Задонщины», в одном отношении текстолог находится здесь в очень удобном положении: самый важный и самый «загадочный» из списков «Задонщины» — список *Кб* — дошел до нас в рукописи писца и редактора, которого мы не только знаем по имени, но который оставил нам и многие другие тексты, переписанные им и им же отредактированные.

Изучение текстов «Задонщины» безусловно должно начинаться с изучения приемов работы писца и редактора списка *Кб* — Ефросина. И такая работа в основном сделана; она дает очень много для понимания индивидуальных особенностей списка *Кб*. Это — статья Р. П. Дмитриевой, напечатанная рядом с той ее работой, которую А. Данти постоянно цитирует; статья называется: «Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»)».¹¹ В своей специальной работе о «Задонщине» А. Данти полностью игнорирует выводы этого исследования. Между тем, они чрезвычайно важны для того, чтобы выяснить — какие из черт списка *Кб* являются чертами индивидуальными, — отражающими индивидуальную манеру обращения с переписываемыми текстами Ефросина.

Подходя в настоящее время к изучению взаимоотношения списка *Кб* с остальными списками «Задонщины», мы прежде всего должны снять эти индивидуальные черты и только после этого изучать — к какому же из других списков «Задонщины» близок остающийся текст *Кб*.¹²

Можно соглашаться или не соглашаться с отдельными частными наблюдениями и выводами из этих наблюдений Р. П. Дмитриевой, но никак нельзя не признать того ее общего положения, что список *Кб* в немалой степени должен был отразить и, очевидно, отразил, индивидуальную редакторскую манеру его писца — Ефросина. Среди всех многочисленных и обширных текстов, которые были переписаны собственной рукой Ефросина, нет ни одного, который не подвергся бы сокращениям и изменениям с его стороны. Манера, в которой Ефросин обрабатывал переписываемые им тексты, резко индивидуальна.¹³

¹⁰ Текстологический принцип, в силу которого нужно идти от более позднего к более раннему, был установлен в работах А. А. Шахматова по изучению летописей. Тщательное, слой за слоем, как у реставраторов, «освобождение» древних редакций из-под слоя более поздних было широко и блестяще проведено А. А. Шахматовым и позволило ему создать историю русского летописания.

¹¹ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», с. 264—291. Ср. также предшествующую работу Я. С. Лурье «Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961).

¹² Признаю ошибкой, что в сборнике «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» эта статья Р. П. Дмитриевой помещена после ее статьи «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“». Более естественным и удобным для понимания хода рассуждений Р. П. Дмитриевой было бы объединить обе статьи в одну под общим заглавием «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст второй статьи напечатать перед текстом первой.

¹³ Говорю это вопреки тому, что утверждает А. А. Зимин в своей статье «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». (РЛ, 1967, № 1, с. 91; возражения ему см. в статье: Р. Дмитриева, Л. Дмитриев, О. Творогов. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». — РЛ, 1967, № 1, с. 111—112).

«Техника» сокращений, произведенных Ефросином, хорошо показана Р. П. Дмитриевой; вторичность сокращений в большинстве случаев не может вызывать сомнений (см., например, с. 254).

В списке *Кб* имеются не только сокращения, выполненные в манере Ефросина, характерной для всей его работы переписчика различных текстов, но и явные вставки. Две из них определяются достаточно отчетливо. Первая — из «Слова о погибели Русской земли»; вторая — либо из Синодика, как думает Р. О. Якобсон, либо из Летописной повести о Куликовской битве, как полагает М. А. Салмина.¹⁴

В одном только случае мы можем не согласиться с Р. П. Дмитриевой. Должны ли мы вслед за ней считать, что описание второй половины битвы было опущено не Ефросином, а кем-то из его предшественников? Р. П. Дмитриева приводит для этого предположения единственное основание: Ефросин приписал в конце своего текста текст летописных записей, близких событиям Куликовской битвы из им же переписывавшегося перед тем летописца в рукописи *Кб* 22 (с. 251).¹⁵ Р. П. Дмитриева предполагает, очевидно, что Ефросин был недоволен окончанием текста и решил сгладить впечатление от обрыва текста на половине рассказа. Но, во-первых, неясно — действительно ли Ефросин был недоволен окончанием. Ведь доволен же им современный требовательный исследователь А. А. Зимин, а во-вторых, Ефросин мог быть в такой же мере недоволен получившимся своим окончанием, как и чужим.

Я думаю, что смысл списка *Кб* состоял в поминании павших к столетию Куликовской битвы. Для этого текст «Задонщины» сокращен, особенно в своей второй части. Для этого пополнен по другому источнику список убитых, для этого же вставлена выдержка из «Слова о погибели Русской земли».

Перестановки в тексте списка *Кб* также отчасти объясняются этим его назначением: поскольку перечисление убитых составляет смысл и конец текста, эпизод с Пересветом и Ослябей переставлен перед перечислением убитых. Плач жен по убитым по этим же причинам помещен после перечисления убитых. Наконец, по этим же причинам произведена вставка даты битвы — 8 сентября; она же — дата поминания убитых в церкви.

Характерно и важно, что вставка из «Слова о погибели Русской земли» теряет свой бравурный смысл, который это место имело в «Слове», и приобретает смысл оплакивания погибших всей Русской землей и окружающими ее странами именно в *Кб*.

Так, в списке ГИМ, Музейское собр., № 2060, читаем: «Черпа земля под копыты, костыми татарскими поля насъяша, кровью земля пролита. . . Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ змяям. Шибла слава к Желъзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолъша Мамаю

¹⁴ Р. О. Якобсон объясняет влиянием Синодика употребление некоторых имен в перечне убитых в списке *Кб* в родительном падеже (см.: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field, p. 31); М. А. Салмина, сближая *Кб* с Летописной повестью, опирается на наличие в обоих памятниках общих имен, неизвестных другим спискам «Задонщины»; к тому же, по ее наблюдениям, *Кб* и Летописная повесть имеют и другие параллели (см.: М. А. С а л м и н а, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 382—383).

¹⁵ Другой исследователь «Задонщины» — О. В. Творогов, как и Р. П. Дмитриева, полагает, что в распоряжении Ефросина или его предшественника находился дефектный текст «Задонщины» (см.: О. В. Т в о р о г о в, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 311—312).

на полѣ Куликовѣ». ¹⁶ В списке *Кб* иначе: «Тогда поля костью насѣяны, кровью полиано. Воды возпиша, вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ». ¹⁷

В списке *Кб* отсутствует упоминание о «славе», «похвале» и о победе над Мамаем.

Поскольку в изменениях, внесенных Ефросином в текст «Задонщины», заметно творческое начало, текст списка *Кб* действительно можно считать особой редакцией — редакцией Ефросина. В списке *Кб* мы видим не случайные опибки и описки, а вполне сознательные сокращения и изменения. Это не дефектный список, а список, подвергшийся целенаправленной редакции, — следовательно, э т о р е д а к ц и я.

2

Редакция, представленная в единственном, «редакторском», экземпляре, не может быть отвергнута на этом основании из текстологического рассмотрения при попытках восстановления текста, лежащего в основе всех списков «Задонщины» (разумеется, называть этот архетипный текст, лежащий в основе всех дошедших списков, авторским никак нельзя). Дело в том, что, хотя редакция Ефросина «поздняя», но рукопись, в которой она представлена, самая ранняя, и в силу этого неизменные Ефросином чтения представляют собой очень важные свидетельства об архетипном тексте. Именно поэтому текст списка *Кб* нуждается в очень тщательном сличении в предположительно сохранившейся от первоначального чтения его части со всеми остальными списками и выявлении не только более архаичных, «правильных», чтений, но и отличающихся от общих для остальных списков вторичных чтений. При этом взаимоотношения списка *Кб* и остальных списков должны выясняться не по составу, ибо состав *Кб* объясняется в основном характерной работой переписчика Ефросина или случайными причинами, а по отдельным чтениям тех частей *Кб*, которые имеют соответствия в других списках.

Краткость списка *Кб* и отсутствие в нем второй части безусловно должны быть в первую очередь исключены из материалов сличения, как недостоверные, сугубо индивидуальные особенности списка *Кб*.

Эта работа и была проделана Р. П. Дмитриевой в ее первой статье «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“», которую, как я уже сказал, удобнее было бы поместить второй в сборнике «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла», т. е. после рассмотрения ефросиновских особенностей списка *Кб*. ¹⁸

Наибольшая близость списка *Кб* к списку *С* основной редакции, предположенная Р. О. Якобсоном, была окончательно доказана Р. П. Дмитриевой и в сущности в целом признается и А. Данти. Однако А. Данти отрицает существование особого извода *Сил.*, куда входит текст списка *С* и текст *Кб*.

¹⁶ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 543. В списках *У* и *С* текст сходный.

¹⁷ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 549—550. Слова, выделенные нами, восходят к «Слову о погибели». О. В. Творогов (в статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“», с. 302) считает чтения *Кб* «за Волгу» и «порожнымъ (т. е. пустым, незаселенным, — Д. Л) землямъ» параллелями к тексту «Слова о полку Игореве» («... велить послушати земли незнаемъ, Вльзѣ»), слово «воды» — искажением слова «диво».

¹⁸ Напомню, что О. В. Творогов произвел сопоставление списка *Кб* со «Словом о полку Игореве» и обнаружил 11 индивидуальных параллелей списка со «Словом», — больше, чем у любого иного списка «Задонщины» (См.: О. В. Т в о р о г о в. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», с. 300—312).

Отметим те аргументы Р. П. Дмитриевой, которые не принимаются во внимание А. Данти.

Прежде всего — существование особого извода *Син.*, к которому принадлежит *С* и *Кб*, подтверждается и текстом тех 7 заимствований из «Задонщины», которые имеются в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» и о которых во всех суждениях о тексте извода *Син.* ни в коем случае нельзя забывать. Р. П. Дмитриева пишет: «Список, отраженный в Печатном варианте, не мог восходить ни к тексту типа списка *Кб*, ни к тексту, тождественному списку *С*, и не мог слить эти два источника, хотя в нем и имеются особенности того и другого списков. Дело в том, что в нем сохранились некоторые более ранние чтения. Он не мог вести свое происхождение от списка, подобного *Кб*, так как эпизод с описанием боя, характерный для *Кб* списка и Печатного варианта, в Печатном варианте передан ближе к оригиналу» (с. 231).

В истории текста дошедших до нас списков «Задонщины» имеется, таким образом, очень важное обстоятельство: единственная вторичная редакция «Задонщины» входит в состав одного из изводов. Иными словами: сильное выделение одного из текстов (редакция) подчиняется в историческом плане более слабому выделению текста (изводу). Такое соотношение не удивляет при историческом изучении дошедших текстов, но крайне странно при попытках классифицировать тексты только по механическим признакам (исходя из формального деления текстов по разночтениям), ибо, ограничиваясь подсчетом количества разночтений¹⁹ между *Кб* и остальными списками, мы действительно должны были бы объединить эти «остальные списки» в одну редакцию и делить все тексты «Задонщины» на две редакции: редакцию *Кб* (краткую) и редакцию всех остальных списков (полную). Перенесение этого деления в исторический план из формально-механического и дает ту ошибочную историю текста «Задонщины», из которой исходят исследователи, считающие текст «Слова о полку Игореве» вторичным по отношению к тексту «Задонщины».

III. Бедье в свое время установил очень любопытную зависимость между методикой разбивки дошедших текстов по редакциям, разработанной К. Лахманом и его школой, и полученными выводами. Оказалось, что у ученых, пользующихся «теорией общих ошибок», стеммы списков — парноветвистые (дихотомные). III. Бедье собрал 80 стемм, выполненных по системе К. Лахмана, 78 из них оказались парноветвистыми, т. е. делящими все списки по двое.²⁰

Можно, даже не собирая различных стемм, выполненных формальной, традиционной «критикой текста», в которых группировка списков предшествует историческому анализу, сказать, что любые крупные деления текстов будут в этих стеммах предшествовать более мелким делениям, тогда как реальная возможность происхождения крупного деления из мел-

¹⁹ Именно из такого рода методики (по количеству разночтений и формально, без анализа сопоставляемого состава) исходит и А. А. Зимин. В статье «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» он пишет: «Отмечая текстологическую близость списков *Кб* и *С*, с одной стороны, и *И1* и *У* — с другой, Р. П. Дмитриева (как и Р. О. Якобсон) объявляет первую пару списков принадлежащими к одному (Синадальному) изводу, а вторую — к другому (Ундольского). Но, как известно, сходство *С* с *И1* и *У* неизмеримо больше, чем с *Кб*: если в первом случае совпадают и композиция текста, и лексика, и стиль, и содержание, то во втором можно говорить только об отдельных словах и небольших оборотах» (с. 92). Р. П. Дмитриева как раз и не занимается вопросом о том, какое количество сходных черт сблизает *Кб* с *С*, а делает свои заключения на основании выяснения происхождения этих сходств и различий. Еще и еще раз приходится повторять: нет текстологического факта, пока он не объяснен в своем происхождении.

²⁰ Ch. J. Bédier. La Tradition manuscrite du «Lai de l'Ombre». Reflexions sur l'art d'éditer les anciens textes. — Romania, 1928, t. LIV.

кого (например, редакций из изводов) так же велика, как и обратная: мелких делений — из крупных (например, видов текста или его изводов — из редакций).

3

Как же объясняет А. Данти близость списка *Кб* к списку *С*? Говоря о предположении Л. Матейки²¹ и А. А. Зимина, что список *С* мог подвергнуться контаминации с одним из списков «краткой редакции» (редакции Ефросина), А. Данти склоняется именно к этому предположению, но с существенными оговорками. Он пишет: «По нашему мнению, при том небольшом критическом анализе текста, которого нам удалось добиться, вторая гипотеза (т. е. гипотеза Л. Матейки и А. А. Зимина, — *Д. Л.*) имеет большую вероятность считаться истинной, но она должна быть еще подтверждена тщательным критическим разбором и проверена в соответствии с традиционными канонами критики текста, которой должна быть подвергнута вся рукописная традиция „Задонщины“ и без которой невозможно выдвинуть ни одного ценного критерия для восстановления текста» (с. 219—220). Но именно такая работа в какой-то мере уже проделана Р. П. Дмитриевой в ее разбираемой статье — «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“». А. Данти не заметил или не придавал значения аргументам Р. П. Дмитриевой, вероятно, потому, что ее анализ текста расходится с «традиционными канонами критики текста».

Если считать, что краткая редакция есть редакция Ефросина, как это признает А. Данти в своем докладе на Варшавском съезде славистов,²² то какой же из списков этой редакции мог повлиять на традицию *С*? Ведь редакция Ефросина дошла до нас в списке Ефросина же, и нет никаких оснований предполагать, что она впоследствии размножалась в списках. Для того чтобы считать, что список *С* испытал на себе влияние одного из списков редакции *Кб*, надо прежде всего доказать, что группа *Кб* существовала, что индивидуальные особенности списка *Кб* не являются результатом индивидуальной манеры Ефросина; или необходимо доказывать, что на извод *С* повлиял непосредственно сам список *Кб*.

Предположение А. Данти, что список *С* представляет собой список извода *Унд.*, но лишь «испорченный» по одному из протографов *Кб*, высказывалось и Р. П. Дмитриевой и одновременно ею же шарировалось. Ввиду важности и этого предположения, и сомнений Р. П. Дмитриевой в возможности такого происхождения текста списка *С* приведу касающуюся этого вопроса часть ее статьи «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“»: «Если остановиться на предположении, что извод *Син.* был ближе списку *Кб*, тогда мы должны сделать совершенно определенный вывод, что при создании текста списка *С* основным и главным источником являлся текст списка извода *Унд.*, а текст извода *Син.* составитель списка *С* использовал как дополнительный источник (предположение, к которому присоединяется А. Данти, — *Д. Л.*). Этот вывод основывается на следующем: список *С* сохраняет все основные характерные черты извода *Унд.* и в содержании, и в композиции построения произведения. Ни одного отклонения списка *Кб* в передаче отдельных эпизодов или изменения последовательности передачи текста список *С* не отражает. . .

²¹ L. M a t e j k a. Comparative Analysis of syntactic Constructions in the Zadoňčina. — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963, p. 383—403.

²² A. D a n t i. Di un particolare aspetto della tradizione manoscritta antico-russa: testi a duplice redazione e problemi della loro edizione. Roma, 1973.

«Однако характер использования чтений извода *Син.* в списке *С* таков, что едва ли возможен был именно такой путь создания текста списка *С*. Конечно, общие чтения исторического характера вполне могли появиться в списке *С* таким путем, но отдельные мелкие изменения в одно-два слова, не вносящие по существу в содержание ничего нового, едва ли какой-нибудь редактор стал бы вносить и менять по другому списку. Они, скорее всего, могли появиться в списке *С* только из основного источника, а не из дополнительного. Такие же сомнения вызывают и изменения, касающиеся содержания и грамматического строя целых предложений. Если бы писец списка *С* следовал за изводом *Унд.*, то с какой целью стал бы он грамматически стройное предложение этого извода — «Не в обиде есмь были» — заменять явно несогласованным вариантом извода *Син.*? Этот вариант является вторичным, искаженным текстом, его не было в изводе *Унд.*, следовательно, в список *С* он вошел из извода *Син.*

«Точно так же кажется маловероятным, чтобы составитель текста списка *С*, имея в основе текст извода *Унд.*, внес бы в него изменения по списку извода *Син.* в той части, где приведено обращение Осляби к Пересвету. И в этом случае неясно, зачем писцу списка *С* понадобилось бы четкий текст речи о сыне Осляби, читающийся в изводе *Унд.*, заменять отрывочным текстом извода *Син.*, где недостает одного глагола, а затем слова возвращаться к своему основному оригиналу, т. е. изводу *Унд.*, и из него брать окончание предложения? Нет никаких оснований для того, чтобы предполагать такой запутанный и смыслом текста необъяснимый путь работы над „Задощиной“ писца списка *С*.

«Приведенные соображения, хотя и не имеют силы неоспоримых доказательств, однако в своей совокупности делают маловероятным предположение, что список *С* в основе имел список извода *Унд.* и только пополнялся по списку извода *Син.* (если считать, что извод *Син.* близок тексту списка *Кб*)» (с. 222—223).

В рассуждениях Р. П. Дмитриевой, помимо их значения для решения вопроса о характере списка *С* и его объяснения, предложенного Л. Матейкой, А. А. Зиминым и А. Данги, очень большой интерес представляет теоретическая сторона. Нельзя не согласиться с Р. П. Дмитриевой, что ошибки текста могут передаваться только из основного протографа, но дополнительный текст не может влиять на основной текст своими ошибками, особенно теми, которые обесмысливают текст, делают его непонятным.²³

Ошибки и искажения (причем явные искажения, бессмысленные ошибки) не могут переходить в основной текст из дополнительного источника, ибо перенос из дополнительного источника — всегда более или менее сознательное явление.

Если признать правильным это наблюдение (а я не могу пока представить себе, при каких обстоятельствах это общее положение могло бы быть оспорено), то общие со списком *Кб* ошибки и неясности в списке *С* могли передаваться только из основного списка, и поэтому объяснение особенностям этого списка *С*, предложенное Зиминым и А. Данги, принято быть не может.²⁴

²³ Правка одного списка по другому — довольно частое явление в древнерусской письменности. Имеется много рукописей, в которые непосредственно вносились такая правка. Это всегда исправления, осмысливающие текст, или дополнения, или, в крайнем случае, замены одного осмысленного текста другим осмысленным. Но правка текста никогда не заключается в переносе явно ошибочных или бессмысленных с точки зрения древнерусского писца чтений. Это положение принципиально важно, но, к сожалению, я не отметил его в моей книге «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» (М.—Л., 1962).

В уже упомянутом докладе на Международном съезде славистов в Варшаве «Об особом типе древнерусской рукописной традиции: тексты с двумя редакциями и проблема их издания» А. Данти учитывает результаты работ Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой по выявлению индивидуальных особенностей Ефросина как переписчика рукописей.

А. Данти принимает выводы работ Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой как доказательство того, что существует две редакции дошедших текстов «Задонщины», однако при этом близость *С* к списку *Кб* и к выдержкам из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» и одновременно к списку *Кб* им по-прежнему полностью игнорируется.

Чтобы понять, почему А. Данти придерживается именно такого взгляда, присмотримся к методике рассуждений А. Данти в его докладе на последнем Международном съезде славистов.

Прийти к правильным заключениям по истории текста «Задонщины» А. Данти явно мешают постоянно перекрещивающиеся с исследованием по истории текста практические задачи издания текста.

А. Данти интересуют в первую очередь не столько те разночтения, которые, будучи сами по себе незначительными и мало сложными, показательны, тем не менее, для истории текста и для выяснения взаимоотношения списков, сколько те разночтения, которые затрудняют издателя текста и место которых должно быть определено в подготовляемом издании. Этот «практицизм» в подходе к тексту мешает выявлению истории текста и в конечном счете затрудняет его издание.

* * *

Перехожу к заключению. Итак, вопросы эдиционные должны решаться только после того, как история текста решена с возможной¹ для данного случая полнотой и совершенно независимо от будущих задач издания. Исследование истории текста не может быть заранее подчинено задачам издания. История текста решается не по частям в зависимости от потребностей издателя (какой список признавать «лучшим»,²⁴ как быть с тем или иным разночтением и пр.), а в целом — для всех списков и всей традиции.

При этом, и это особенно важно в сложных и трудных случаях, как это мы имеем в «Задонщине», процесс восстановления истории текста должен двигаться от поздних явлений к более ранним (обратно тому, как это имело место в действительности). Исследователь должен идти не от суммарных характеристик нескольких списков сразу (признаваемых им за редакцию, вид, извод и пр.), а от характеристик каждого списка в отдельности (особенно, когда этих списков мало, — как в случае со списками «Задонщины», когда они сравнительно поздние и когда все решительно списки сильно разнятся друг от друга). Индивидуальные особенности каждого отдельного списка никак не должны игнорироваться.

Если считать основным значением крупные различия текстов (что, конечно, существенно для их издания), то необходимо будет признать деление текстов «Задонщины» на две редакции. К одной будет принадлежать редакция списка *Кб*, а к другой — все остальные. И при этом можно игнорировать выдержки из «Задонщины» в списках «Сказания о Мамаевом побоище», так как их, разумеется, издавать не следует. Установив с самого начала это деление текстов «по крупному счету», можно перейти к выявлению индивидуальных особенностей для подведения разночтений. Та-

²⁴ Критику традиционного понятия «лучший список» см.: Д. С. Лихачев. Понятие «лучшего списка» в текстологической работе. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960.

кой способ подхода к текстам традиционен и даже, в какой-то мере, удобен для издателей.

Если же думать о возможно более глубоком проникновении в историю текста, то необходимо прежде всего (до деления текстов на редакции, ибо редакции определяются только в результате исторического изучения дошедших текстов, а не в результате простой классификации разночтений) исследовать индивидуальные особенности каждого списка и выделить в них поздние особенности; причем не следует ограничиваться только списками данного памятника, а принимать в расчет все свидетельства текста и изучать, если это возможно, особенности работы писца того или иного списка. Именно такой подход и характеризует работы о «Задонщине» Р. П. Дмитриевой.

Исключительные возможности предоставляет для такого рода подхода именно список *Кб*. Его писец Ефросин достаточно определенно выявил особенности своего обращения с текстами в оставшихся от него рукописных сборниках.

Если из переписанного Ефросином текста *Кб* удалить все, что так или иначе связано с особенностями его обращения с текстами, то законно поставить вопрос (поскольку этот слой «поздний») — с текстом какого из других списков сходствует «ранний» слой *Кб*. Сравнительно с «поздним» индивидуальным ефросиновским слоем текста *Кб* его «ранний» слой менее достоверен, но, тем не менее, вполне достаточно и его показаний, чтобы определить его близость к списку *С*. Эти сходства находят подкрепление в особенностях того текста «Задонщины», который включен в Печатный вариант «Сказания».

Сходств этих недостаточно, чтобы говорить о редакции идеологической или стилистической, но вполне можно называть группу *Кб*, *С* и список «Задонщины», отраженный в Печатном варианте «Сказания», изводом или вариантом.

Перед нами исключительно интересный и очень показательный случай истории текста: четко определяющаяся исторически редакция входит в более ранний извод или вариант. Сперва создались два извода, а затем от одного из изводов возникла новая редакция.

При механическом разделении списков по значительности их разночтений, при подчинении группировки списков задачам издания текста такой результат, разумеется, не мог бы получиться.

Как дихотомные стеммы списков являются чистым результатом Лахмановской методики классификации списков, так и вторичность мелких разделений текстов сравнительно с крупными и исключение возможных обратных связей являются чистым результатом, с одной стороны, «эдиционного практицизма», а с другой — приблизительной и облегченной методики распределения текстов по редакциям с помощью количественного анализа разночтений.

Реализм советской школы текстологии (термин Минисси)²⁵ является прямым следствием ее историзма, но этот «реализм» труден и сложен, он совсем не облегчает работу текстолога, которая мыслится вовсе не как работа издателя текста, а его историка.

²⁵ H. Minissi. Criteri e metodi nella edizione e recensione della *Povest' vremennyh let*. — Ricerche slavistiche, t. V. Roma, 1957, p. 16—28.

А. А. ЗИМИН

Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы)

Книга Э. Кинана, посвященная переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским,¹ вызвала оживленную полемику как у нас, так и за рубежом, что в значительной степени объясняется оригинальностью выводов автора, считающего переписку апокрифом XVII столетия.²

С развернутым ответом Э. Кинану выступил Р. Г. Скрынников.³ В свою очередь, и Э. Кинан опубликовал обширную рецензию на книгу своего оппонента.⁴ Последний ответил американскому ученому.⁵

Построения Э. Кинана основаны прежде всего на разборе Первого послания Курбского царю Ивану IV и памятников, имеющих с ним тексто-

¹ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence». Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Camb. Mass., 1971 (далее: Keenan).

² Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 202—209; Н. Е. Андреев. 1) Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал (The New Review), Нью-Йорк, 1972, № 109, с. 258—272; 2) Шаховской—Курбский—Грозный. — Русская мысль, 1972, май; А. Борман. Сомнение в подлинности переписки Курбского с Грозным. — Русская мысль, 1972, апрель; А. Г. Кузьмин. Против спекуляций по поводу переписки Курбского и Ивана Грозного. — ВИ, 1973, № 9, с. 190—191 (статья представляет собой реферат статьи Андреева в «Новом журнале»); R. C r u m m y. The Kurbskij Controversy. — Canadian Slavonic Papers, 1973, vol. 14, № 4, p. 684—689; M. S z e f t e l [Рец. на кн.: E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence». Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Camb. Mass., 1971]. — Slavic Review, 1972, vol. 31, № 4, p. 882—883; S. M a c z k o [Рец. на кн.: E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence». Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Camb. Mass., 1971]. — Canadian-American Slavic Studies, 1972, vol. 26, № 3, p. 480—483; G. O r c h a r d. [Рец. на кн.: E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence». Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Camb. Mass., 1971]. — Canadian Journal of History, 1972, vol. VII, № 2, p. 188—189; S. A. Z e n k o v s k y. Prince Kurbsky — Tzar Ivan IV Correspondence. The Russian Review, 1973, vol. 32, № 3; Ch. J. H a l p e r i n. A Heretical View of Sixteenth-Century Muscovy. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1974, N. F., Bd. 22, H. 2, S. 161—186; A. K a p p e l e r. Die sowjetische Reaction auf Keenans Häresie. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1974, N. F., Bd. 22, H. 2, S. 187—198; I. A u e r b a c h. Kurbskij-Studien. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1974, N. F., Bd. 22, H. 2, S. 199—213.

³ Р. Г. Скрынников. 1) Эдвард Кинан против... Ивана Грозного. Как американский ученый искажает русскую историю. — Ленинградская правда, 1973, 16 февраля; 2) Подложна ли переписка Грозного и Курбского? — ВИ, 1973, № 6, с. 53—69; 3) Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973 (далее: Скрынников. Переписка).

⁴ Kritika, Camb. Mass., 1973, vol. X, № 1, p. 1—36.

⁵ Р. Г. Скрынников. Мифы и действительность Московии XVI—XVII веков. (Ответ профессору Эдварду Л. Кинану). — РЛ, 1974, № 3, с. 114—129 (далее: Скрынников. Мифы).

логическую связь. Э. Кинан (с помощью Д. Уо) собрал сведения о большинстве сохранившихся рукописей Первого послания. Много списков введено им в научный оборот. Кинаном установлено наличие двух редакций Послания, охарактеризован конвой Послания в сборниках. Наконец, в книге Э. Кинана установлено, что древнейшие списки Послания не могут быть датированы временем ранее 20-х годов XVII в. Важность всех этих наблюдений несомненна. Другое дело — их интерпретация.

Тщательный, разносторонний анализ общеисторической аргументации Э. Кинана, содержащийся в критических разборах его труда, написанных Д. С. Лихачевым, Р. Г. Скрынниковым и другими исследователями, показал полную несостоятельность и общих методологических посылок американского ученого, и его конкретных выводов об авторстве переписки Грозного с Курбским. Неверны его представления о характере литературного процесса в России XVI—XVII столетий, об особенностях литературного языка той эпохи. Э. Кинан не учитывает органическую связь переписки Грозного и Курбского с историческими событиями времени опричнины, а также существование других произведений обоих писателей, частью, как показал Р. Г. Скрынников, сохранившихся в списках XVI в. Новые находки показывают существование сведений о посланиях Курбского царю в официальных документах XVI в.⁶

Однако одна сторона работы Э. Кинана оставалась недостаточно рассмотренной. Речь идет о текстологических проблемах Первого послания, которые служат автору своеобразным фундаментом концепции о позднем происхождении переписки царя и Курбского. Целый ряд интересных соображений был высказан по этим текстологическим вопросам Р. Г. Скрынниковым, показавшим бездоказательность соображений Э. Кинана о возникновении посланий Курбского в XVII в. Вместе с тем необходимо всесторонне разобрать всю текстологическую аргументацию Э. Кинана.

Две редакции Первого послания Курбского царю Ивану

Долгое время Первое послание князя А. М. Курбского Ивану IV было известно по спискам так называемых «сборников Курбского».⁷ Я. С. Лурье опубликовал текст этого памятника по списку ГПБ, Погод., № 1567, указав, что он «в большинстве случаев лучше остальных списков воспроизводит оригинал».⁸ Я. С. Лурье отметил, что Первое послание Грозного к князю Андрею по спискам «сборников Курбского» представляет более позднюю редакцию, чем список ГПБ, Погод., № 1567.⁹

Э. Кинан, учитывая эти наблюдения, обратил внимание на то, что «сборники Курбского» вообще дошли до нас в рукописной редакции не ранее 70-х годов XVII в., и пришел к выводу о существовании двух редакций Первого послания Курбского; первую, по его мнению, представляют списки ГПБ, Погод., № 1567, и сходные, а вторую — списки «сборников Курбского». При этом он (с небольшими колебаниями) считает Первую редакцию Послания Курбского первичной.¹⁰ Эту схему соотношения редакций

⁶ Б. Н. Флорья. Новое о Грозном и Курбском. — История СССР, 1974, № 3, с. 144; Л. А. Юзефович. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского. — Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 143—144.

⁷ Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 1—8.

⁸ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, с. 534—536 (далее: Послания).

⁹ Там же, с. 544, 551.

¹⁰ Кеenan, с. 8, 156.

принимает и Р. Г. Скрынников.¹¹ И все же вопрос остается не вполне ясным.

Приведем сходные тексты:

Первая редак-
ция Посла-
ния
Курбского
(Послания, с. 534)

Вторая редак-
ция Послания
Курбского
(Сочинения князя Курб-
ского, стлб. 2)

Послание Гроз-
ного
(Послания, с. 46—48)

Не прегордые
ли царства разо-
рили и подруч-
ны тебе сих во
всем сотворили,
у них же прежде
в работе были
праотцы наши? Не
предтвердые ли гра-
ды.

Не прегордые ли
царства разорили
и подручных во
всем тебе сотво-
рили, мужеством храб-
рости их, у них же
прежде в работе
быша праотцы наши?
Не претвердые ли грады.

Предстатели прегор-
дья царства разо-
рили и подручны
нам их во всем со-
творили, у них же
прежде в работе
были праотцы
ваши... вся ваша храб-
рость и мудрость.

... прегордые
царства разорять.
... царства разо-
рять.

... прегордые
царства разорили
и подручны нам
сотворили.

... О ермоньских же
градах.

Сопоставив обе редакции Послания Курбского с первым фрагментом Послания Грозного, Р. Г. Скрынников пришел к выводу о большей близости произведения царя Ивана именно к первой редакции Послания князя Андрея.¹² Однако слово «храбрость», перекликающееся со второй редакцией Послания Курбского («мужеством храбрости»), все-таки есть у Грозного, причем в той же части письма, что и у князя Андрея (до рассуждения о городах).¹³ Не исключено, что именно Послание Грозного оказало вторичное влияние на текст второй редакции Послания Курбского. Но без изучения литературной судьбы Послания Грозного и истории появления «сборников Курбского» окончательно решить вопрос не представляется возможным.

Еще М. Н. Тихомиров обратил внимание, что Иван Федоров в своем издании Апостола «повторяет одну фразу из письма Курбского к Ивану Грозному» («... не испросих умиленными глаголы»). Речь идет, по мнению М. Н. Тихомирова, «не о непосредственном знакомстве Ивана Федорова с письмом Курбского, а о том, что тот и другой пользовались каким-то общим литературным источником».¹⁴ Общее место Предисловия к Апостолу 1574 г. Ивана Федорова и послания Курбского содержится только во второй редакции Послания.¹⁵ Э. Кинан сделал из этого совпадения вывод о влиянии Апостола 1574 г. на вторую редакцию Послания, но не отверг возможность влияния общего источника, которую предположил М. Н. Тихомиров. Дело еще осложняется тем, что сходный текст есть и в Третьем послании Курбского Вассиану:

¹¹ Скрынников. Переписка, с. 10—11.

¹² Там же, с. 10.

¹³ Kritika, p. 10—11.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 339. Текст Предисловия к Апостолу 1574 г. см.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 19.

¹⁵ Кеenan, p. 81. 220.

Третье послание
Курбского Вассиану
(Сочинения князя Курбского,
стлб. 406)

Многажды в бедах своих и архиереом
и ко святителем. . . со умиленными
глаголы и со слезным ры-
данием припадах.

Первое послание
Курбского второй редакции
(Сочинения князя Курбского, стлб. 3)

Не испросих умиленными гла-
голы, не умолих ты многослезным
рыданием, ни исходайтывовах от
тебя никоея же милости архиерей-
скими чины.

Можно указать и еще на одно место, связующее Третье послание Курбского Вассиану с Первым посланием Курбского Грозному второй редакции:

Третье послание
Курбского Вассиану

Сочинения князя Курбского,
(стлб. 408)

. . . бед и претерпевах и
нужды телесных и ушачение ран.

Первое послание
Курбского Грозному
второй редакции

(Сочинения князя Курбского, стлб. 4)

. . . претерпевах нужды
многие и естественные болезни.

В сходном месте Первого послания первой редакции упоминания о «нуждах» нет («. . . претерпевах естественные болезни»).

Остальные разночтения между первой и второй редакциями Первого послания Курбского Грозному не дают прочной опоры для выводов о перичности какой-либо из них.

Первая редакция

- 1) . . . смерти расторгл.
- 2) . . . во церквах божних пролиял.
- 3) . . . неслыханные от века муки.
- 4) . . . прегордым гонителем.
- 5) . . . величества.
- 6) . . . лжей и измен.
- 7) . . . совесть мою свидетеля.
- 8) . . . далекоконных.
- 9) . . . уже ранами.
- 10) . . . ни во что же бысть.
- 11) . . . похвалу твою.
- 12) . . . бог весть.
- 13) . . . воды.
- 14) . . . И еще, царю, сказую ти.
- 15) . . . лица.
- 16) . . . до страшного суда.
- 17) . . . скончания живота моего.
- 18) . . . Ростиславича.
- 19) . . . бесовские согласным (безсо-
гласным).
- 20) . . . иже . . . паче Кроновых жер-
цов действуют.

Вторая редакция

- . . . смертем предал.
- . . . во церквах божних, во владыче-
ских торжествах пролиял.
- . . . неслыханные мучения.
- . . . прегордым мучителем.
- . . . владычества.
- . . . лжеплетений презрелых.
- . . . обличник совестный свидетеля
на ся.
- . . . далекоконечных.
- . . . уже язвами.
- . . . ничто же бысть, но развее нестер-
пимую ярость и горчайшую ненависть
паче же разженные печи являешь к нам.
- . . . похвалу твою силою Христа
моего.
- . . . бог весть нежели человек.
- . . . воды, а вем, яко и сам их не не-
веси.
- И да будет ти, царю, ведомо.
- . . . в мире лица.
- . . . до дня преславного явления Хри-
ста моего.
- . . . скончания моего.
- Ростиславича, иже целокупно тело
имеет, во множайших летех соблюдаемо
и благоухания, паче аромат, от гроба
испускающе и благодатию святаго духа
струп исцеления чудес источающе, якоже
ты, царю, о сем добро веси.
- . . . несогласным.
- . . . иже подвижут на Афродитския
дела и . . . паче Кроновых жерцов дей-
ствуют.

Прежде всего заметим, что разночтения 1, 2, 4, 6, 15, 16 первой редакции Первого послания Курбского совпадают с Первым посланием Грозного. Близости ко второй редакции обнаружить не удается (если не считать пропуска слов «от века» в третьем разночтении). Можно сказать также, что вторая редакция близка к первой группе первой редакции (об этих группах см. ниже).¹⁶

И все же не исключено, что вторая редакция Первого послания Курбского Грозному была авторской. Дело в том, что только во второй редакции упомянуты, наряду с Кроновыми, «Афродитския дела». А именно это сочетание есть в ответе Курбского на Вторую эпистолию царя («...предпоминаячи и Кроновы и Афродитовы дела»).¹⁷ Как будто перед нами образ, созданный одним и тем же автором. Как показано будет ниже, составляя Третье послание Вассиану, Курбский пользовался своим Первым посланием царю. Если так, значит близость Первого послания царю Курбского к Третьему посланию Вассиану объясняется тем, что при составлении этого послания в распоряжении князя Андрея был вариант его послания к царю, имевший черты второй редакции. Сходство же этой редакции с Апостолом 1574 г. объясняется наличием общего источника. Но окончательный ответ на загадку второй редакции можно будет дать только после текстологического изучения «сборников Курбского» и тесно связанной с ними «Истории» князя Андрея. Для нас важно, что в рукописной традиции XVII в. до 70-х годов бытовала только первая, а не вторая редакция Послания Курбского. С первой редакцией мы далее и будем иметь дело.

Палеография и кодикология

На основании хронологического размещения рукописей (или, скорее, состава рукописных сборников), языковых особенностей и текстологических данных Кинан намечает три этапа работы над Первым посланием Курбского (первой редакции). Первый он датирует временем около 1625 г. и относит к нему текст, отраженный в списках: ГБЛ, собр. ОИДР, № 197, ГПБ, Погод., № 1615, ГБЛ, Унд., № 603, ГБЛ, ф. 187 (Музейн. собр.), № 4469, ГИМ, Увар., № 1584, и протограф списка ГПБ, собр. Археолог. общ., № 43. Первые три списка — ранее 30-х годов XVII в.; четвертый и пятый — 30-е годы. Вторую стадию работы над Посланием, по Кинану, представляет список ГИМ, Музейн. собр., № 1551, — около 1630 г.¹⁸ Кинан датирует эту стадию приблизительно 1630 г. Следующую стадию он относит к несколько более позднему периоду (рукопись 30-х годов XVII в. — ГПБ, Погод., № 1567, 40-х годов XVII в. — ГИМ, Увар., № 1581, БАН, Тек. пост., № 230).¹⁹ Основанием для него является то, что в списках этого периода присутствует Первое послание Грозного Курбскому в той редакции, которую, по Кинану, следует считать вторичной.

Сразу же заметим слабость методического порядка. Палеография не дает оснований для определения соотношений протографов изучаемых текстов, тем более что хронологически разница между списками первой и третьей группы невелика. Апелляция к тексту Первого послания Грозного выводит исследование за пределы палеографии и кодикологии и переносит в область текстологии памятника, которая в первой главе работы Кинана еще никак не решается (к этому вопросу он обращается в последующих

¹⁶ См. ниже, с. 184—185.

¹⁷ Сочинения князя Курбского, стлб. 135.

¹⁸ См.: Д. У о. Неизвестный памятник древнерусской литературы. — Археологический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 358.

¹⁹ Кеенап, р. 7—9. По Р. Г. Скрынникову, водяной знак рукописи БАН, Тек. пост., № 230, близок к датируемому 1535/36 г. (Скрынников. Переписка, с. 9).

главах). Слабость этой стороны построения Э. Кинана заметил Р. Г. Скрынников.

Проблема, конечно, состоит не в том, древнейшим ли списком является список ГПБ, Погод., № 1567, или нет, суть в объяснении конвоя и текстологических особенностях Послания, представленного всеми дошедшими до нас списками.

Конвой Первого послания Курбского

Первое послание Курбского царю в рукописных сборниках обычно встречается в окружении «вольмарских писем» (термин Р. Г. Скрынникова).²⁰ Их составляют: грамота Полубенского, послание Тетерина, послания Курбского Вассиану и краткая записка Курбского о послании (в Печерский монастырь). Эти произведения, действительно, входят в конвой Первого послания Курбского. История конвоя, по Р. Г. Скрынникову, — совершенно справедливо, — это история его разрушения. Так, первоначально (полностью) он помещен в сборнике ГБЛ, Музейн. собр., № 4469, и ГИМ, Увар., № 1584. Без записки о послании в Печоры он находится в сб. ГПБ, Погод., № 1567. В сб. ГИМ, Музейск. собр., № 1551, не помещены записка Курбского о послании в Печоры и грамота Полубенского. Наконец, в сборниках ГИМ, Музейск. собр., № 2554, ГПБ, Погод., № 1573, ИРЛИ, Пинеж., № 112, отсутствуют грамота Полубенского и послание Тетерина.

В очень ранних сборниках ГБЛ, собр. ОИДР, № 197, ГПБ, Погод., № 1615, и ГБЛ, Унд., № 603 и № 720 (то же F.XVII. 15), вообще конвой нет. Отсутствие конвоя может быть вызвано различными причинами (тем, что рукописи сборные и в них не могли попасть части с конвоем,²¹ тем, что переписчики почему-то отдельные части или весь конвой не помещали в свои сборники, и т. п.). Для нас сейчас важно, что конвой сам по себе не дает оснований для прочных умозаключений. Его изучение, как справедливо считает Д. С. Лихачев, не может подменить текстологического исследования памятника, а только подкрепляет текстологические выводы.

На основании палеографического и кодикологического анализа Э. Кинан делает заключение, что Первое послание Курбского и было составлено примерно тогда же, когда списаны с него первые списки, т. е. в середине 20-х годов XVII в. Помещенные в конвое апокрифические послания Ищеина и Сугорского и легендарная переписка Грозного с турецким султаном являются, по его мнению, параллелью к апокрифическому Посланию Курбского. Наличие же кизилбашских отписок и других памятников в сборниках рядом с Посланием князя Андрея является для Ки-

²⁰ Там же, с. 40.

²¹ Список ГИМ, Музейск., № 1551, как установил Д. Уо, является частью большой рукописи. Поэтому отсутствие в ней некоторых элементов конвоя, возможно, носит случайный характер. Тем более что в списке ГПБ, Погод., № 1573, близком к ней по вариантам Первого послания Курбского, один из этих элементов (записка о послании в Печоры) есть. Зато в Погодинском списке нет послания к Тетерину, которое встречается в Музейном списке, что также может поэтому считаться индивидуальной особенностью списка. Так, в списке БАН, Тек. пост., № 230, нет послания к Вассиану, но в сходном ГПБ, Погод., № 1567, оно есть. В списке ГБЛ, Унд., № 270, нет печерского конвоя, но в сходном ГБЛ, Музейн. собр., № 4469, он есть. В списке ГПБ, F. XVII.15, печерского конвоя также нет, но в сходных ГИМ, Музейск. собр., № 2524, и ГПБ, Погод., № 1573, он есть. Или вот иного типа пример. В сб. ГБЛ, Унд., № 603, на л. 219—258 помещены Первое послание Грозному и Повесть о двух посольствах. Они написаны на особой бумаге (кувшинчик с литерами «РД», ср.: Гераклитов, № 761—775 — 1626—1653 гг.). Поэтому эти листы могли составлять часть самостоятельной рукописи, в которой вполне мог находиться и печерский конвой.

наана лишним аргументом в пользу гипотезы о С. И. Шаховском как авторе этого послания.

Но вывод у Кинана может быть противопоставлен иной. В свое время автор этих строк высказал предположение, что сочинения И. С. Пересветова сделались доступными читателю после пожара 3 мая 1626 г., когда «государева казна погорела»²² (хотя «списки черные» Пересветова, как и Послания Курбского, упоминались в Описи царского архива); они проникли в рукописную традицию XVII в. из Государственного (Посольского) архива.²³ Сходная судьба могла быть и у Послания Курбского. Во всяком случае так можно объяснить отсутствие списков этого памятника ранее середины 20-х годов XVII в. Аналогичная судьба и памятника, который ни один исследователь не объявит фальшивкой, — «Тысячной книги 1550 г.». Ее списки также восходят к царскому архиву и появляются только в 30-х годах XVII в.²⁴ «Окружение» Первого послания Курбского Грозному также может быть связано с архивом Посольского приказа. Интересно, что в сборнике ГИМ, Музейск., № 1551, Д. Уо недавно обнаружено новое послание Грозного Батерию 1579 г., официального происхождения.

Р. Г. Скрынников конвой Первого послания Курбского называет «вольмарским» (по месту, где писалось это произведение и находились А. Полубенский и Т. Тетерин). Весь комплекс сочинений также можно называть «Печерским сборником», по месту, где он мог сложиться (записка Курбского о послании в Печеры; там же находился старец Василий, которому писал Курбский, туда же советовал отправиться И. Огибелову и А. Полубенский).²⁵ Вероятно, этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г.²⁶ (в 1577 г. царь отвечал на послание Тетерина) и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому.²⁷ Послание Грозного было присоединено к сборнику позже его составления, скорее всего уже в приказной среде, когда материалы государственного архива стали доступны, т. е. вскоре после 1626 г.

Одним пожаром 1626 г. и открывшимся доступом к материалам Посольского приказа, конечно, нельзя объяснять несомненный интерес к переписке Курбского с Грозным в конце 20—30-х годов XVII в. Основную причину следует искать в особенностях идеологической жизни того времени.

Еще в ходе Крестьянской войны начала XVII в. наиболее дальновидные писатели-публицисты стали задумываться над вопросом о причинах происходивших тогда событий. Особый интерес к недавно пережи-

²² О пожаре 1626 г. см.: Записка о бывшем в 1626 г. в Москве пожаре. — В кн.: Русский исторический сборник, т. II. М., 1838, с. XVI—XVII; О делах, вынесенных тогда из Разряда, см. также: Н. П. Л и х а ч е в. 1) Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894, Приложения, с. 53—81; 2) Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, Приложения, с. 30—72. После пожара составлены описи многих спасенных документов, в том числе и опись документов Посольского приказа в декабре 1626 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 459—483).

²³ Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, с. 82.

²⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М., 1950.

²⁵ Эта догадка основана на очень осторожном замечании Я. С. Лурье: «...не из Печерского ли монастыря... происходит наш сборник» (Послания, с. 540). Я. С. Лурье считал, что более полное «собрание сочинений Курбского» (к которому восходили и «сборники Курбского» XVII в.) составлялись за рубежом (с. 532). Последнюю точку зрения разделяет Д. С. Лихачев (Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 204).

²⁶ Сочинения И. Пересветова, с. 83.

²⁷ О том, что послание Грозного присоединено было к Печерскому сборнику, очевидно, позднее, см.: Сочинения И. Пересветова, с. 83.

той «смуте» сохранялся и в 20-х годах.²⁸ Пытливая мысль современников постепенно начинала обращаться к трагическим годам опричнины Ивана Грозного, объясняя «божью кару» начала XVII в. «безумным молчанием» народа.²⁹ В той или иной форме это можно найти и в Сказании Авраамия Палицына (1620 г.),³⁰ и в Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского (1626 г.),³¹ и во «Временнике дьяка Ивана Тимофеева» (до 1629 г.).³² К тому же времени, возможно, относится и появление исторических песен об Иване Грозном, в которых осуждались опричные порядки.³³

Страстные обличения опричнины Андреем Курбским были созвучны этим настроениям. Аристократизм Курбского импонировал многим писателям, вышедшим из княжеской среды, пострадавшей в годы опричнины (князья Ростовские, Хворостинины, Шаховские), а «перелеты», переходы в польский лагерь в годы «смуты» отнюдь не всем казались изменой законному монарху. Во всяком случае, при дворе молодого царя Михаила делами вершили потомки известных княжеских семей, выходцы из Тушинского лагеря.

Списки Первого послания Курбского (Первая редакция)

Первое послание Курбского первой редакции впервые было издано Я. С. Лурье (по списку ГПБ, Погод., № 1567, далее: *П1*).³⁴ Э. Кинан издал сводный текст первой редакции, в котором он использовал как списки второй редакции, так и 10 списков первой. Из этих 10 один — по изданию Я. С. Лурье, два — по изданию Г. З. Кунцевича (ГПБ, Погод., № 1573, далее: *П2*; ГИМ, Музейск. собр., № 2544, далее: *М2*), остальные — по копиям, сделанным Д. Уо (ГИМ, Увар., № 1581, 1584, далее: *Ув2*, *Ув1*; ГБЛ, Музейн. собр., № 4469, далее: *В*; ГБЛ, Унд., № 603, далее: *У1*; ГБЛ, ОИДР, № 197, далее: *О*; ГПБ, Погод., № 1615, далее: *П3*; ГПБ, Археолог. общ., № 43, далее: *Ар*).³⁵ Девять списков оставлены им за пределами публикации (ГИМ, Музейск. собр., № 1551, далее: *М1*; ГБЛ, Унд., № 620, далее: *У2*; ГБЛ, собр. Фадеева, № 62, далее: *Ф*.; БАН, Тек. пост., № 230, далее: *А*; ГПБ, F.XVII.15, далее: *T*; ГПБ, F.IV, 165, далее: *X1*; ГПБ, F.IV, 598,³⁶ далее: *X2*; ГПБ, А 1/91, далее: *X3*; ИРЛИ, Пинеж. собр., № 112, далее: *И*). На список *У2* указал после выхода в свет работы Кинана Д. Уо. Список *И* выявлен был В. И. Малышевым. На список *Ф* наше внимание обратил Я. С. Лурье. Он находится в сборнике 70—80-х годов XVII в. на 190 л., в 8° (л. 128—

²⁸ События «смутного времени» занимали большое место и в Хронографе второй редакции (1617 г.), и в «Словесах дней и царей» И. А. Хворостинина (около 1619 г.), и в Новом летописце (1630 г.).

²⁹ А. И. Яковлев. Безумное молчание. — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 651—678.

³⁰ Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 24.

³¹ Памятники древнерусской письменности, относящиеся к «смутному времени». — РИВ, т. XIII. СПб., 1909, с. 559—560.

³² Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), с. 555—557.

³³ А. А. Зимин. Историческая песня о Кострюке-Мастрюке. — Slavia, гоф. XXXI, 1962, seš. 4, s. 555—557.

³⁴ Послания, с. 534—536.

³⁵ При сопоставлении схемы списков Э. Кинан использовал и публикацию Сахаровым грамоты Полубенского, и записки Курбского в Печеры о грамоте «под пещию» (Кебан, р. 154, 156, 157, ср.: Москвитянин, 1843, ч. V, № 9, с. 147—149). Однако Кинан не заметил, что Сахаров издал тексты по рукописи ГИМ, Увар. № 1584, которая некогда принадлежала самому Изданию.

³⁶ У Я. С. Лурье (Послания, с. 344) и Э. Кинана опечатка: F.IV.198. Исправляю ее согласно уточнению Я. С. Лурье.

135);³⁷ в сборнике *Ф* также помещаются другие памятники,³⁸ которые встречаются и в сборнике *М2*.³⁹

Итак, неполнота использования рукописной традиции показывает, что публикация Э. Кинана не решила задачи научного издания Первой редакции Послания Курбского. Нужно учесть также, что Э. Кинан предложил схему соотношения списков Первого послания, опирающуюся как на текстологические особенности, так и на изучение конвоя. Им сделан ряд тонких наблюдений при рассмотрении взаимоотношения отдельных списков, частично основанных и на выводах Д. Уо. Но в целом его схема оказалась неудачной из-за презумпции о вторичном происхождении Послания Курбского по сравнению с произведениями Исайи.

Списки первой редакции Первого послания Курбского можно разделить на две группы. Первую из них составляют списки (*Б, У1, У2, Ув2, О, Ар., Х1, Х2, Х3*), обнаруживающие в ряде чтений близость к упомянутой выше второй редакции Послания Курбского. Приводим примеры:

Первая группа первой
редакции и вторая
редакция

И болше сего о сем глаголати.
... изрещи ти.
Про что, царю (*кроме списка Ар.*)⁴⁰
... хотяще истязати их до влас.
... одесную силы величества (*вторая редакция — владычества*).
... таким почитати, (*У1, Ув2, Х1, Х2, Х3; таким Б, Ув1; вторая редакция таким потакати*).

Вторая группа первой
редакции

И болше сего глаголати о всем.
... изрещи ти, о царю.
По что, царю.
... хотяще истязати их до власти.
... одесную величества.
... у тебя быти таким потаконником.

В отличие от первой группы вторая группа первой редакции оказывается тесно связанной с ответом Грозного на Первое послание Курбского. Например, в списках первой группы читалось «от влас прегрешения», а в списках второй — «от власти прегрешения»; так и у Грозного. Можно думать поэтому, что именно вторая группа давала чтение, более близкое к архетипу произведения. Близость Послания Грозного к спискам *М1, М2* Послания Курбского можно проследить и по другим чтениям этих списков. Однако в некоторых случаях первая группа также дает чтения, которые находим у Грозного (например, в *Б* «безогласным», в отличие от «бесом согласным» *Ув2, Х1, Х2, Х3*, «бесовские согласным»

³⁷ Водяной знак — герб Амстердама с литерами «IG» (Лл. 66, 67), датирующийся с учетом особенностей почерка 70—80-ми годами XVII в. (С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 20. М., 1958, с. 339, № 13).

³⁸ На л. 1—85 находится Путешествие Федота Котова 1623—1624 гг., л. 85 об. — Повесть о царице Динаре, л. 114 об. — 127 об. — Грамота царя Михаила 1613 г., л. 135 об. — 173 — Послание Грозного Курбскому краткой редакции.

³⁹ В процессе подготовки статьи к печати Ю. Д. Рыков указал нам двадцатый список (*Ов.*) Послания первой редакции — ГБЛ, собр. Овчинникова, № 285, л. 69—71 об. (20—30-е годы XVII в., водяной знак — кувшинчик с розеткой, сходен с водяным знаком — Гераклитов, № 484—1631 г.). Список входит в второй вид первой группы (близок к *О*). Конец отсутствует (окончание: «... избранных божиих», но последняя четверть листа чистая). Заголовок: «Послание князя Андрея Курбскогого. Князь Андрей Михайлович Курбской пишет царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, изменив, в Литву отъехав». На стемме (с. 200) этот список не отражен.

⁴⁰ В списках *Б, Ув1, У1, У2*, а также во второй редакции есть общее чтение «Про что» в отличие от «По что» («сильных во Израили побил») остальных списков. Исключение — *Ар.* и список Овчинникова, где «По что». «О сем глаголати» есть во второй редакции и в списках первой группы *Б, У1, У2, Ув1, Ар.* (*О* — «глаголати», *Х1, Х2, Х3* — «глаголати вся», *Ув2* — «вся по ряду о сем глаголати»; *Ов* — «глаголати всяко»).

второй группы, «бесовския» *Ар.*, «безгласным» *У2, О, Ув.1*, в Послании Грозного — «безсогласных», во второй редакции Послания Курбского — «несогласным»).

Первая группа образует два вида. В первый (списки *Б, Ув.1, У2*), кроме Послания, входил весь «Печерский сборник» и сочинения Пересветова (отсутствие этого комплекса в *У2* вторично). В особый подвид близкие друг к другу списки *Ув1* и *Б* связывает краткий заголовок («Курпъскаго», «Курбъскаго»). Возможно, этот заголовок уже был в протографе первого вида, ибо черты близости списков *Б* и *У2* очень значительны (включая общие опiski).

Второй вид первой группы (списки *У1, Ув2, О, Ов., Ар., Х1, Х2, Х3*) объединяет хотя бы уже то, что в 6 из его списков (списки *О, Ов.* неполны, конец у них отсутствует) авторской приписке после слова «Аминь» предшествует заголовок.⁴¹ Связывает 7 списков и чтение «дальних» (*О* — «дальних и окольных») вместо «дальноконных» *П1, М2* (и Послания Грозного), «дальнюю окольных» *Б, У2* и «дальноконечных» второй редакции.⁴² В заголовке Послания Курбского деепричастие «отъехав» связывает списки *У2* и *Ар.*, «Послание» (*О*) близко к «Писание» (*Ар.*), а «из Вольмеры» (*Ар.*) близко к «из града Вольмера» (*Ув2*). «Лист» списка *У2* близок к «о листе» списков *Х1, Х2, Х3*.

Второй вид первой группы делится на два подвида. Первый подвид образуют списки *У1, Ув2, Х1, Х2, Х3*,⁴³ а второй — *О* и *Ар.* (их связывает чтение «разсторгну»).⁴⁴

Основываясь на чисто логических соображениях и данных конвоя, Э. Кинан предположил, что списки *Х1, Х2, Х3* представляют первую редакцию Послания Курбского.⁴⁵ Это предположение подтвердилось текстологическими наблюдениями. Как установил Я. С. Лурье, списки *Х1* и *Х2* написаны одним лицом. Все три списка наиболее близки к списку *Ув2*. В сборниках с этими 4 текстами Послания Курбского находится вторая (по Я. С. Лурье), или хронографическая, группа второй Пространной редакции Первого послания Грозного Курбскому, наиболее близкая к первой Пространной редакции.⁴⁶ В сборниках со списками *Х1* и *Х2* находится также Хронограф особой редакции,⁴⁷ а в сборниках со списками *Х3* и *Ув2* — Степенная книга. Списки *Х3* и *Ув2* ближе к протографу первой группы, чем *Х1* и *Х2*. Характерно и то, что одним из источников Хронографа особого вида из сборника со списками *Х1* и *Х2* являлась Степенная книга, помещающаяся, в частности, в сборниках со списками *Ув2* и *Х3*. В свою очередь, список *Ув2* лучше передает черты протографа первой группы, чем список *Х3*, имеющий больше, чем *Ув2*, черт близости со списками *Х1* и *Х2*.

⁴¹ *У1* — «Князя Ондре Курбского же» *Ув2, Х1, Х2, Х3* — «Князя Ондreja же» (*Х1, Х2* — нет) Курбскаго»; *Ар.* — «Под сим же посланием князя Андрей Курпъскаго по коньце приписано сия словеса». В *М2, П2* — «7072-го Курбскаго ко государю».

⁴² Чтения «рожешия мя» *О, Ов., У1* (и «рождшия мя» *Ар.*, «рождаемая ми» *Ув2*), все имеющиеся и во второй редакции, отличаются и от первого вида («рожения ми» *Б, У2*, «роженная ми» *Ув1*), и от второй группы «рождения мене» *М2, П2* (ср. в Послании Грозного — «рождения своея»). О близости списка *Ар.* к *О* (на основании чтения «седяй») и к *У1* (на основании конвоя) писал еще Кинан (р. 158).

⁴³ На черты близости списков *У1* и *Ув2* обратил внимание Кинан (р. 157). Он также отметил по заголовку после «Аминь» и близость этих списков к *Ар.* (р. 156, 158—159).

⁴⁴ Список *Ар.* восходит к этому подвиду через не дошедший до нас текст с перепутанными листами.

⁴⁵ Кеenan, р. 8—9.

⁴⁶ Послания, с. 544—545. Ср. ниже, с. 222.

⁴⁷ Подробнее о нем см.: А. П. П. О. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 258—264.

Следы «Печерского сборника» сохранились только в списке *Ар.* в виде фрагмента послания Тетерина. Судя по тому, что в списках *О* и *У1* читалась Повесть о двух посольствах одной и той же (первой) редакции, этот памятник находился и в протографе сборников со вторым видом Послания Курбского.

Вторая группа списков первой редакции Послания Курбского имеет и отдельные поздние чтения (их удалось обнаружить только при сопоставлении с Посланием Грозного), и элементы общности в конвое. Очевидно, в протографе группы находилась Повесть о двух посольствах (1614 г.). Но в списках *М1* и *Т* она представлена так называемой Переходной редакцией, а в *М2* и *П2* — Первой, как в списках *У1* и *О*.⁴⁸ Более вероятно поэтому, что в протографе сборника 20-х годов XVII в. вместе с Посланием Курбского находилась Повесть о двух посольствах Первой редакции. В сборниках со списками *П1* и *П3* находится одна редакция «Сказания о князьях владимирских» (текст, близкий к вырезанному на царском месте в Успенском соборе).⁴⁹

Списки второй группы, как мы можем предполагать, наиболее близки к архетипу Послания (особенно *М1*, *М2*, *Ф*, *П1*).⁵⁰ Списки *М2*, *Ф* и *П2* уже по конвою составляют особый вид.⁵¹ К ним приближаются списки *Т* и *А*.⁵² Три списка (кроме *А*) связывает грамота царя Михаила Людовичу XIII, выписки из кизилбашских списков 1624 г. Близки между собою по конвою и списки *А* и *П1*. В обоих помещено Первое послание Грозного в первоначальной редакции (первой Пространной). Поскольку в сборниках со списками *А* и *П1* помещены послания Тетерина и Полубенского, а в *П1* и *М1* еще и Третье послание Курбского Вассиану (в *П2* и *М2* — Послания Вассиану и записка о грамоте «под пеңцию»), то естественно полагать, что в протографе второго вида читался «Печерский сборник» в полном составе. А так как этот же сборник был и в протографе первой группы, то надо думать, что и в протограф 20-х годов сборника с Первым посланием Курбского этот сборник уже входил.

Одна из ошибок Киана состоит в том, что он недооценил значения списков второй группы, в частности — списка *М1*, и придал особое значение списку *О*. Тезис Киана об особой близости списка *О* к архетипу⁵³ не выдерживает критической проверки.

1. Киан придает особое значение тому, что в списке *О* нет текста, следующего за словом «Аминь», который, по его мнению, является позд-

⁴⁸ М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 442—443.

⁴⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955. с. 54—55. В списках *Ар.* и *П2*, принадлежащих разным группам первой редакции, помещена легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном (М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 264—265). Впрочем, это совпадение, не подкрепленное текстологией Послания, может объясняться тем, что переписчики пользовались материалом одного архива (Посольского приказа?). Вероятно, этим же объясняется и наличие в *В* (как и в *М2*, *П2*) Хождения Трифона Коробейникова и кизилбашских списков 1623/24 г., а также в *П3* — Повести о двух посольствах второй редакции.

⁵⁰ В основу критического издания памятника надо положить список *П1*, ибо список *М1* дефектен, а *М2* более поздний. В дальнейшем Первое послание Курбского (первой редакции) мы используем по тексту *П1*, учитывая его индивидуальные особенности.

⁵¹ О близости списков *М2* и *П2* (даже по почерку) писал уже Д. Уо (Keenan, p. 116—119, 126—130). См. также общие описки («одолен от тебе. . . одолением» и др.) и сходство заголовков («Грамота Курбского»). Список *Ф* имеет особую близость к списку *М2*.

⁵² Последние два списка безусловно близки между собою. См. чтения: «всвередна» (*А*) и «всвередно» (*Т*), «в помощь призываю» (*Т*, *А*), «таковым» (*Т*, *А*), вместо «до десяти родов» — «Иродовых» (*Т*, *А*), и др.

⁵³ Keenan, p. 128—129, 156.

нейшим дополнением. Но позднейшее происхождение этого текста Кинаном не доказано. За принадлежность его автору Послания говорят несколько соображений. Отвечая Курбскому, Грозный последовательно рассматривает, пункт за пунктом, доводы своего оппонента. В Послании Грозного мы находим текст, следующий за словом «Аминь» на том же самом месте, что и в Послании Курбского.⁵⁴ Этого мало. Текстология списков Послания Курбского говорит о том, что пропуск текста после слова «Аминь» в списке *O* — вторичного происхождения.⁵⁵ Заметим, что список *O* относится к одному подвиду вместе со списком *Ар.*, где после концовки «Аминь» написано: «Под сим же посланием князя Курбского по конце приписано сия словеса: Слышаху». Если подобный пассаж был и в общем протографе *O* и *Ар.*, то он, естественно, навел переписчика *O* на размышления о том, кому же принадлежит фрагмент, начинающийся словом «Слышах»: по тексту можно было сделать заключение, что этот фрагмент Курбский не писал; но не исключено было и авторство Курбского. Поэтому, вероятно, переписчик (составитель списка *O*) фрагмент не поместил, но он оставил, что особенно важно, и в этом месте две трети листа чистыми. Наконец, надо учесть и серьезные соображения Р. Г. Скрынникова, который отметил, что в приписке говорится все о том же А. Басманове, как и в основном тексте Послания.⁵⁶

2. Э. Кинан обратил внимание на то, что в списке *O* (как в «Жалобе» Исайи) читается «за благая воздал ми еси злая» в отличие от «воздал еси мне (ми еси) *M1*, *Ув2*, *A*; «мне еси» *M2*) злая за благая» (*B*). Речь, следовательно, идет о порядке слов в предложении. Первичность слов в списке *O* доказать нельзя, ибо он не имеет текстологического соответствия в других списках Послания. Совпадение с Исайей поэтому можно считать случайным.

3. Э. Кинан заметил, что чтение «седяй» (на престоле) списка *O* совпадает с аналогичным у Хворостинина. Но это же чтение есть в списках *M1*, *T*, *Ов.* и *Ар.*, что снимает вопрос об «исключительности» списка *O* (в других — «седяше»).

Особняком от других списков стоит список *И* (л. 45—48 об.). Он находится в сборнике, написанном скорописью разных почерков конца XVII—начала XVIII в., на 106 л., размером 4°. ⁵⁷ В основном это произведения церковной литературы. Среди памятников, входящих в состав сборника: Странник игумена Даниила (л. 63—106), записка Курбского о грамоте «под пещию» (л. 61), Третье послание Курбского в Печерский монастырь (л. 61—62 об.). Первое послание Грозного Курбскому краткой редакции (начало: «Лета 7072-го цареве государеве послание во все его Российское царство на крестопреступников его на князя Андрея Курбскаго с товарищи о их измене», — л. 49—60 об.). Отдельную тетрадь составляют Летописец патриарха Никифора (л. 40—44) и Первое послание Грозному Курбского (л. 45—48 об.). Они написаны иным почерком, на бумаге с другим водяным знаком. Текст Послания близок к Первой группе, но правлен по тексту, близкому к спискам *M2* и *И2* второй группы

⁵⁴ «...писание хочещи во гроб положити... град Владимир... Жигимонта... синклита от преблуждения рожения» (Послания, с. 61—62).

⁵⁵ Так, в списке *У2* после «Аминь» помещено: «Писано во граде... богу помогающу», а далее оставлена половина листа чистой. В списке *T* последние фрагменты перемешаны. После слов «и до сих» идет отрывок «Паче же богу... и прочая (таковых)», затем «Писано... царского» и, наконец: «А сие писавъце... Аминь». В списке *A* нет текста «Писано... помогающу». Все это — индивидуальные особенности списков.

⁵⁶ Скрынников. Переписка, с. 33.

⁵⁷ Водяной знак — герб Амстердама (конец XVII—начало XVIII в.), но на листах с Посланием Курбского — голова шута с бубенцами (1676—1682 гг., ср.: Тромолин, № 384, 385).

(«печерский» конвой и послание Грозному близки также к этим спискам). Так, в тексте — «одесную силы величества», как в первой группе, «7072-го Курбскаго ко государю», как в *M2* и *П2*, причем, возможно, текст — позднейшая приписка. Текст «О царю» также, возможно, приписан позднее. Чтения «по что» и «воиском» совпадают с чтениями второй редакции. Помещенная в том же сборнике записка о грамоте «под пещию» и Третье послание Вассиану близки как к списку *B*, так и к *M2*.

Итак, соотношение списков Первого послания позволяет прийти к следующим выводам.

1. Сохранившиеся тексты Послания восходят к протографу 20-х годов XVII в., в который входил «Печерский сборник» XVI в.

2. Вопрос о том, находилось ли Первое послание Грозного в сборнике 20-х годов и в какой редакции, остается неясным. Требуется текстологическое изучение этого памятника (в списках *П1* и *Ар.* — Пространная редакция Послания Грозного, в *M1* — Краткая, с элементами Пространной, в *M2*, *Ф*, *И* и *П2* — Краткая; в *У*₂, *X1*, *X2*, *X3* — Хронографическая).

3. Наиболее близкой к архетипу Послания Курбского, отраженному в ответе на него царя Ивана IV, является вторая группа списков, особенно *M1*, *M2*, *П1*.

4. Вторая редакция Послания Курбского близка к первой группе списков первой редакции и, очевидно, восходит к ней.

5. «Постскрипtum» после слова «Аминь» принадлежит автору Послания, а список *O* представляет не один из текстов, наиболее близких к архетипу, а одну из более поздних версий.

Курбский и Исая

Самая интересная находка Э. Кинана — это текстологические параллели между Посланием Курбского и произведениями каменецподольского монаха Исая (прежде всего «Жалобой»), с 1561 г. находившегося в заключении в Вологде. В результате сопоставления текстов Кинан приходит к следующим выводам: 1) между «Плачем» Исая 1566 г. и его же «Жалобой», с одной стороны, и Первым посланием Курбского Грозному — с другой, есть текстологические совпадения; 2) эти совпадения объясняются тем, что Курбский пользовался текстом Исая; 3) «Жалоба» написана примерно тогда же, когда и «Плач», т. е. около 1566 г.; 4) это делает невозможной датировку Послания Курбского 1564 г.⁵⁸ Чтобы проверить основательность выводов Кинана, вернемся к разбору текстов.

«Жалоба» Исая
(ПДПИ, CLXXX1, с. 6—7)

... яко ... блекотливая баба ...
бездоводно неподобными словы
своими мене облыгал, за блага моя
воздал ми злая и за возлюбление
мое непримирительну ненависть. И
кровь моя, яко вода, пролитая туне,
вопнет к богу моему. Али бесмертен
миши себе, аки не хотя уже предстати
доброму пастырю и истинному учителю
и неумытному судии, надежи христианской,
бого-

Первое послание Курбского
(Послания, с. 534—535)

... изменами и чаровани и иными
неподобными облыгая православных
и тшася со усердием свет во тьму
прелагати и сладкое корько прозывать.

... али ты бесмертен, царю, мнишися,
и в небытную ересь прельщен, аки не
хотя уже предстати неумытному судье,
надежде христианской, богоначальному
Иисусу, хотящему судити вселенней
в правду, наче же не обинуяся пред

⁵⁸ Кеenan, p. 22—26.

начальному Иисусу, хотя-
ще му судити вселенней в правду и
истязати всяко колено до вла-
с прегрешения их. Днесь аз в
темницы и слова ради истиннаго Хри-
стова во юзах, яко злодей, зле стражу.
Бог сердца зритель — в ра-
зуме моем прилежно смышлях
и совесть мою свидетеля по-
ставлях, исках и зрех, мысленне
обращаяся, и не вем себе, и не
найдох, в чем бых пред ким съгреш-
ил или кому чим повинен в чужей и
незнаемей земли.

гордым гонителем и хотяще истязати их до власти (в первой группе — в лас) прегрешения их, яко же словеса глаголют.

... вкупе вся реку конешне: всего лишен бых, и от земли божия тобою туне отогнан бых. И воздал еси мне злая за благая (в рукописи: воз благая) и за возлюбление мое ненапримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смышлях и совесть мою свидетеля поставлях, и исках, и зрех мысленне и обращаяся, и не вем себе, и не найдох ни в чем пред тобою согрешивша.

«Плач» Исаяи

... в сим сим мздовозда-
тель Христос истинный бог наш, и не
токмо сим, но и за чашу
студеной воды: вспомяни убо
всех.

Он бо бог есть в сим сим мздо-
воздаятель и не токмо
сим, но и за чашу студены
воды. И еще, царю.

Обратимся к доказательствам автора. Заметим сразу же, что о блещости Послания Курбского к «Плачу» Исаяи Э. Кинан упоминает только вскользь в одном из примечаний, не подкрепляя этого мнения доказательством влияния «Плача» Исаяи на Курбского.⁵⁹

Однако сходство текстов несомненно. Р. Г. Скрынников пишет, что «совпадение одного единственного богословского штампа, употребленного в разных контекстах, не может служить серьезным доказательством прямого литературного заимствования».⁶⁰ Здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, Р. Г. Скрынников не доказал, что перед нами богословский штамп, т. е. не привел ни одного текста, где бы он употреблялся (ссылка на Матф. X, 42 очень отдаленна). Во-вторых, он не отвел еще один аргумент. «Плач» находится в том же сборнике, где и «Жалоба» Исаяи, текстологическую близость с которой Послания Р. Г. Скрынников признает. А это делает тезис об аналогичной зависимости «Плача» от Послания (или наоборот) весьма правдоподобным. Но в то же время связь между текстами такова, что в настоящее время нет никаких данных для решения вопроса о том, какой из них является первичным.

В случае с текстологической взаимосвязью «Жалобы» и Послания дело обстоит сложнее. Кинан привел систему аргументов в пользу своего тезиса о влиянии «Жалобы» на произведение князя Андрея. Автор считает, что текст «Жалобы» Исаяи представляет собою органическое целое, в котором трудно обнаружить какие-либо следы использования чужеродных элементов, т. е. Послания Курбского — в частности. Этого якобы нельзя сказать о Послании князя Андрея.

Первое доказательство Кинаном данного тезиса сводится к следующему. Близость к Жалобе Исаяи обнаруживается в тех местах Послания Курбского, которые не имеют ритмической организации текста, а ритми-

⁵⁹ Keenan, p. 197, n. 16.

⁶⁰ Скрынников. Переписка, с. 13.

ческая организация текста, по мнению Кинана, характерна для некоторых частей этого произведения.⁶¹ Вряд ли Исайя выбирал бы цитаты из Курбского, учитывая эту особенность его послания. По мнению Кинана, разностильность Послания может быть объяснена внедрением чужеродного источника. На это можно ответить следующим образом. Прежде всего — часть общего текста падает и на те разделы, в которых Кинан отмечает ритмическое построение («неподобными облыгая», «неподобными. . . оболгал»).⁶² Далее Кинан устанавливает близость Послания Курбского с обращением «К читателю» Хворостинина, но и там она падает и на ритмические, и на неритмические места.⁶³ Опуская ряд отрывков Послания, Исайя мог руководствоваться не их ритмикой, а тем, что эти места содержали прямые биографические и исторические сведения, связанные непосредственно с Курбским и Грозным, которые были для него излишни: «грады германские», «царю, сильных во Израили побил», «чем прогневали тебя христианские предстатели». Наконец, наблюдения Э. Кинана над ритмикой Послания Курбского никак не опровергают возможности того, что у Исайи и Курбского был один источник (влиянием которого и может объясняться их близость).

Второй аргумент Кинана основан на рассмотрении грамматических форм Послания и «Жалобы». Автор считает невероятным, чтобы Исайя, если он пользовался Курбским, изменяя второе лицо на третье, не заменил выражений Курбского «вопиет на тя» и «пред тобою» на «вопиет на нь» и «пред ним». Мне кажется, что навязывать подобным образом свою логику писателю XVI в. довольно рискованно. Сравним еще раз оба текста:

Курбский

И кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смыслях . . . , и не найдох ни в чем пред тобою согрешивша.

Исайя

И кровь моя, яко вода, пролитая туне, вопиет к богу моему . . . Бог сердца зритель — в разуме моем прилежно смыслях . . . , и не найдох в чем бых пред ким согрешил.

Если бы Исайя, как предлагает Кинан, изменил «пред тобою» на «пред ним», то упрек его оказался бы неожиданно обращенным к богу, что было бы тем более странно, что в источнике эта формула относилась к реальному лицу. Формула «не найдох, в чем бых пред ким согрешил», была удобна в силу ее обобщенности, хотя и уступала тексту Курбского в последовательности (у Курбского «пред тобою» прямо корреспондирует с «на тя», у Исайи же этого нет). Формула «пред ким» давала возможность Исайе сказать, что он в реальной жизни не знает, «пред ким. . . съгрешил или кому (*это слово корреспондирует с ким, — А. Э.*) чем повинен». Замена выражения «кровь. . . пролитая за тя» (царя) на «кровь. . . пролитая за нь» (т. е. митрополита Иоасафа) была бы попросту бессмысленной.⁶⁴ Итак, и в данном случае Кинан не доказал алогич-

⁶¹ Тезис о появлении ритмической организации текста Послания уже сам по себе не кажется нам достаточно убедительным. Подобные явления исследователи находят в русской литературе не только в XVII в. (как думает Э. Кинан), но уже киевского периода. См. соображения Д. С. Лихачева (Курбский и Грозный, с. 206) и Н. Е. Андреева (Мнимая тема. . . , с. 267).

⁶² Э. Кинан это сходство в своей таблице (Кеенап, р. 24—25) не отметил.

⁶³ Кеенап, р. 18, 26—27.

⁶⁴ Э. Кинан считает выражение «пролитая туне» более отвечающим Ветхому завету, чем «пролитая за тя». Вывод весьма субъективен, ибо «за тя» (т. е. царя, ср. библейское «за бога») вряд ли менее соответствует библейскому образу, чем «туне». Оба текста в равной мере дают авторские вариации ветхозаветного штампа. Наречие «туне»

ности фрагмента Послания и, следовательно, первичности текста «Жалобы». ⁶⁵

Третий аргумент Кинана относится к композиции сходных отрывков. Автору непонятно, почему Исайя (если он держал перед собой Послание Курбского) пропустил некоторые отрывки богословского характера (в частности, «Он есть Христос мой, сидяй на престоле»). На это можно сказать, что вообще «Жалоба» Исайи — небольшое по размерам произведение, где автор стремится быть предельно лаконичным. Этим можно объяснить имеющиеся в нем сокращения. ⁶⁶

Словом, в настоящее время нет никаких прочных оснований для утверждения о том, что Курбский использовал текст «Жалобы» Исайи. Зато обратное соотношение текстов весьма вероятно. ⁶⁷ Нельзя исключить и возможности существования третьего памятника, которым пользовались оба автора. Не доказал Кинан и то, что «Жалоба» Исайи была написана в 1566 г. (как «Плач»).

Положив в основу своих дальнейших рассуждений тезис Кинана о влиянии «Жалобы» Исайи на Первое послание Курбского Грозному, Р. Г. Скрынников делает ряд оригинальных наблюдений. По его мнению, три небольших текста Исайи под условными названиями «Жалоба», «Объяснение» и «Предсказание» составляют один памятник. А так как весь этот комплекс он рассматривает в качестве ответа на «Лист» 1562 г., адресованный неизвестным лицом Исайе, то и датирует его примерно тем же годом. ⁶⁸ Это дает возможность, по Скрынникову, считать, что Курбский пользовался в 1564 г. сочинениями Исайи. ⁶⁹ Такое построение не представляется достаточно убедительным.

Единство трех отрывков Исайи Р. Г. Скрынников обосновывает двумя аргументами. П е р в ы й — только перед первым отрывком есть заголовки («Того же мниха каманчанина»). Правда, он отмечает, что «Сам по себе этот довод недостаточно убедителен». ⁷⁰ Согласимся в данном случае с автором. В т о р о й — наличие слова «Аминь» в конце всего комплекса. ⁷¹ Достаточно обратиться к рукописным сборникам, содержащим сочинения Максима Грека (ГБЛ, Рум., № 264), Пересветова, Ермолая Еразма и многих других публицистов, чтобы убедиться, что наличие таких формализующих атрибутов, как заголовки и «аминь», совсем не обязательно. Так, сам Р. Г. Скрынников привел фотографию с л. 180 сборника с произведениями Исайи, где кончается «Лист» (или «Листочек», как он именуется в рукописи) и следует новый текст о лекарствах, —

есть у Курбского в том же фрагменте («туне отогнан бых»), а потому могло быть источником для Исайи. И если Курбский имел основания говорить о пролитой им крови за царя, то о какой «крови», пролитой «туне», могла идти речь в случае с Исайей? (Н. А н д р е в. Мнимая тема, с. 270—271).

⁶⁵ Кстати, следы употребления глагола во 2-м л. в «Жалобе» Исайи, которые характерны для Курбского, остались: «Али бесмертен мниш себе» (ПДПИ, СЛXXXI, с. 6). В работе Кинана это употребление 2-го л. не отмечено, ибо там опечатка — «мниш себе».

⁶⁶ Некоторые сокращения («в небытную ересь прельщен») могли быть сделаны Исайей в связи с переменной адресатом послания и изменением жизненной ситуации.

⁶⁷ Текст Исайи близок к первой группе Послания Курбского (ср. чтение «до влас»), больше всего он имеет сходство со списками В и У2 («сердца зритель»).

⁶⁸ Описание сборника (конец XVI в.) см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1905 год. СПб., 1912, с. 133—135.

⁶⁹ Скрынников. Переписка, с. 15-19.

⁷⁰ Там же, с. 16.

⁷¹ Впрочем, «Аминь» тоже не всегда означает окончание произведения. Р. Г. Скрынников не считает (на наш взгляд, справедливо), что слово «Аминь» перед «постскриптумом» Первого послания Курбского знаменует собой окончание этого памятника, ибо он относит к письму и «постскриптум», следующий за ним (Скрынников. Переписка, с. 53—54).

но «Листочек» здесь не имеет окончания «аминь» и совершенно самостоятельный текст о лекарствах начинается на той же строке, на которой кончается «Лист», и выделен только причудливым инициалом (т. е. так же, как на л. 179 выделено «Объяснение», которое, по мнению Скрынникова, является всего лишь второй частью единого ответа Исаяи, а не самостоятельным произведением).

Чтобы доказать структурное единство разных фрагментов в рамках одного произведения, необходим анализ их содержания и формы. Р. Г. Скрынников его не проделал, ограничившись упоминанием, что хронология трех разбираемых отрывков обнаруживает определенную логику (они помещены в обратнo-хронологическом плане), связанную с дефектом работы переписчика. В действительности же можно говорить только о том, что у каждого из трех отрывков свой самостоятельный сюжет, определяемый разными моментами биографии Исаяи.

Скрынников считает комплекс ответом на «Лист» анонимного лица, помещенный после «Жалобы», «Объяснения» и «Предсказания». Он справедливо заметил, что между «Жалобой» и «Листом» есть сходство.

«Л и с т» 1 5 6 2 г.

Иже словеси ради истиннаго во юзах страждущему мниху Исаяе, изволися общим.

«Ж а л о б а»

Днесь аз в темницы, и слова ради истиннаго Христова во юзах яко злодей, зле стражу. Бог сердца зритель.

Но о чем свидетельствует это сходство? «Приведенные тексты, — пишет Скрынников, — не оставляют сомнений в том, что „Жалоба“ явилась непосредственным ответом на „Лист“ 1562 г.»⁷² Но если бы «Жалоба» была каким-то ответом, то, во-первых, в «Листе» были бы вопросы, на которые следовало отвечать. А этого в нем нет. Там предлагается, чтобы Исаяя принял посланца, и только. Во-вторых, в произведении Исаяи были бы какие-либо переклички с посланием, типа «А что еси писал мне», что делало бы его произведение ответом. И этого нет. В «Листе» с «Жалобой» Исаяи совпадает лишь определение адресата как страдальца. Это делает вероятным скорее, что автор пользовался «Жалобой», а не наоборот. К тому же в трех отрывках Исаяи, которые составляют, по Р. Г. Скрынникову, ответ неизвестному, речь идет о событиях, произошедших в августе 1561 г. («Жалоба»), в июле того же года («Объяснение») и в июле 1560 г. («Предсказание»), т. е., во всяком случае, за много месяцев до того, как написан был «Лист» (июль 1562 г.). И это обстоятельство скорее говорит в пользу более позднего происхождения «Листа». Наконец, даже если признать, что Исаяя пользовался «Листом» (что мало вероятно), то это могло быть не в 1562 г. (как думает Р. Г. Скрынников), а много лет спустя, ибо «Жалоба» не является прямым ответом неизвестному автору этого послания к Исаяе.⁷³

Итак, доказать, что «Жалоба», «Объяснение» и «Предсказание» составляли одно произведение, что оно было ответом на «Лист» 1562 г., что этот ответ был написан около 1562 г. и что он был использован Курбским в своем Послании Грозному 1564 г., Р. Г. Скрынникову не удалось.

В настоящее время проблема соотношения текстов произведений

⁷² Там же, с. 17.

⁷³ Ср.: Н. Андреев. Мнимая тема, с. 271. По Д. С. Лихачеву, Исаяя «либо повлиял на Курбского, либо, вернее, сам испытал его влияние» (с. 204). По Н. Андрееву, Исаяя, написавший в 1566 г. свой «Плач», мог ознакомиться тогда же с произведением Курбского, ибо в начале этого года царь (в личной канцелярии которого хранилась переписка с Курбским) побывал в том же Ростове (с. 272). Это построение, конечно, имеет предположительный характер.

Исайи и Послания Курбского не может считаться окончательно разрешенной. Чаша весов склоняется в пользу того, чтобы признать Послание Курбского источником произведений Исайи, хотя полностью отвергнуть возможность существования третьего источника также нельзя.

В заключение скажем несколько слов о судьбе монаха Исайи. Р. Г. Скрынников обращает внимание на то, что Исайю снарядил в путь литовский подканцлер О. Волович. Он удивляется («миссия Исайи выглядела странно»), почему Волович, который через несколько лет отрекся от православия и на средства которого в 1562 г. были изданы труды ариана Шимона Будного, «в том же году» (будем точнее — в 1561 г.) посылал Исайю за православными сочинениями? «Видимо, — пишет Р. Г. Скрынников, — Исайя был наказан в Москве как литовский шпион, а не за «ереси», как полагают другие исследователи.⁷⁴

Судьба дьякона Исайи не представляется загадочной. Приехав в Москву уже в сентябре 1561 г., он сразу же донес смоленскому епископу Симеону, что в Москву направляется из Царьграда митрополит Иоасаф, который в Литве «целовал крест королю и королевской раде, а того не ведает, чего для». Симеон тотчас же сообщил об этом царю. Иоасафу удалось от себя отвести подозрения «в двурушности» (и в крестоцеловании литовскому великому князю) прежде всего потому, что он привез с собой грамоту вселенского патриарха, в которой признавался царский титул Ивана Грозного, причем в самых выпренных тонах.⁷⁵ Конечно, Иоасаф сделался злейшим врагом Исайи. Позднее именно его Исайя обвинял во всех своих бедах.⁷⁶ Посланцу вселенского патриарха верили больше, чем подданному Сигизмунда II Августа. Впрочем, много лет спустя (в начале 80-х годов) Исайя о роли Иоасафа не упоминал, говоря, что он претерпел «различныя озлобления и надругания от некоторых ваших людей московских — от чернцов и от белцов».⁷⁷ Упоминание московских «чернцов» не случайно. В 1561 г. доживал последние годы на московском митрополичьем престоле Макарий, верный последователь иосифлян. Исайя прежде всего интересовался произведениями враждебных иосифлянам Максима Грека и Силуяна.⁷⁸ Это, конечно, было не по нраву руководителям русской церкви. К тому же Иоасаф привез специальное послание константинопольского патриарха против «богомерзкой люторской ереси». А поскольку и в России еще слышались отзвуки реформационного движения (в 1563 г. в Полоцке сожгли последователей Феодосия Косого), кляузного дьякона заточили, отправив сначала в Вологду, а за-

⁷⁴ Скрынников. Переписка, с. 64. Ср.: К. В. Х а р л а м п о в и ч. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. 1. Казань, 1914, с. 80—81. Р. Г. Скрынников отводит традиционное объяснение, основанное на словах самого Исайи (митрополит Иоасаф на него «слово законопреступное возложил»). Он говорит, что религиозных диспутов с Исайей не было, так как последний был осужден заочно. Но дьякон мог попасть в темницу и просто по доносу, т. е. без всякого суда.

⁷⁵ Дела Тайного приказа, кн. 2. — РИБ, т. XXII. СПб., 1908, стлб. 67—74; ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1906, с. 334—339; Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, с. 104—118.

⁷⁶ Д. А б р а м о в и ч. К ли т е р а т у р н о й д е я т е л ь н о с т и м н и х а к а м я н ч а в и н н а Исайи. — ПДПИ, т. XXСІ. СПб., 1913, с. 6.

⁷⁷ Путешествие киевского иеродиакона Иоакима в Москву. . . — ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. V, с. 2 (по списку Е. В. Барсова); П. А. С ы р к у. Из истории сношений русских с румынами. — ИОРЯС, т. I, 1896, кн. 3, с. 497—499 (по списку ГПБ, Погод., № 1573).

⁷⁸ Ему принадлежит краткая биография Максима Грека, написанная в Ростове в 1591 г. (С. Б е л о к о у р о в. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1896, Приложение, с. IV—VI), а также выполненный в октябре 1590 г. по заказу патриарха перевод Толкований Феофилакта Болгарского на Евангелия Марка и Матфея (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 1, ч. 1. М., 1857, с. 126—127, ркп. ГИМ, Синод., № 89/351).

тем в Ростов «за слово Христово». Именно этим и объясняется то, что ему приходилось в 1567 г. составлять «Исповедание веры», чтобы доказать свою ортодоксальность.⁷⁹

Курбский и Хворостинин

Э. Кинан указал на факт, мимо которого ранее проходили исследователи: Послание Курбского имеет явные черты текстологической близости с обращением «К читателю», написанным в 1625 г. известным писателем XVII в. кн. И. А. Хворостининым. Приведем тексты.

«К читателю»
Хворостинина
(ЛЗАК, вып. XVIII. СПб.,
1907, с. 38—39)

Первое послание
Курбского
(Послания, с. 535)

... и плача глаголати. Бог убо сердца моего зритель и всякому благодеянию податель. Он бо есть Христос, господь мой, всем владыка и бог, иже седяй на престоле величества своего в превысоких, всем богатый дарователь, и всем сим, не токмо сим, но и за чашу студеные воды.

Той бо весть, коего злаго гонения не претерпех, коих напастей не претерпех, коего зла не возведоша на мя, коего лжееретичества и лжеизменных малодушеств не приложиша ми.

... якоже словеса глаголют. Он есть, Христос мой, седяше на престоле херувимстем, одесную величества во превысоких, судитель между тобою и мною. Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лжей и измен на мя не възвел еси! Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смыслях... зане лутчи един бог весть: он бо, бог, есть во всем сим мздовоздатель, и не токмо сим, но и за чашу студеные воды.

И еще, царю, сказую.

Э. Кинан считает текст Хворостинина первичным на том основании, что у Курбского он помещен между двумя пассажами, которые совпадают с текстом «Жалобы» Исайи. Если б Хворостинин пользовался текстом Курбского, он не мог бы «вычленил» из текста Курбского своего отрывка так, чтобы он точно пришелся на место между этими двумя отрывками. Могло бы это произойти лишь в том случае, если бы в распоряжении Хворостинина была и «Жалоба» Исайи. Только сверяя произведение Курбского с «Жалобой», Хворостинин мог вычленил текст, отсутствующий у каменецподольского старца. Эту возможность совершенно справедливо Кинан отводит, так как маловероятно, по его мнению, чтобы Хворостинин держал перед собою сочинение Исайи, да и зачем было «изымать» фрагменты, принадлежащие этому старцу? Второй аргумент Кинана — близость Послания Курбского к отрывку Хворостинина, как и близость к произведению Исайи, обнаруживается в месте, которое он определяет как неритмизованное, т. е. в одном из «иностраных» разделов Послания.

Доводы Кинана не могут считаться убедительными. Прежде всего часть текста Хворостинина, совпадающего с текстом Курбского, падает не только на обыкновенную прозу, а и на «ритмизованный» (по Кинану) текст («Коего зла и гонения. . . не претерпех. . . коих лжей и измен на мя не възвел еси. . .»). Следовательно, второй аргумент Кинана не соответствует реальным фактам.

⁷⁹ Д. Абрамович. К литературной деятельности мниха. . ., с. 14. Это «Исповедание» помещено также в сб.: ГПБ, СПб. ДА, № 52, л. 426—431 (скорпись XVII в.). О сборнике см.: А. Родосский. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1890, с. 74—78.

Первый аргумент также неверен, ибо общий текст Хворостинина и Курбского не просто находится в Послании Курбского между двумя отрывками из «Жалобы» Исайи, а имеет прямые совпадения с произведениями Исайи.

Послание Курбского	«Жалоба» Исайи	«Плач» Исайи	«К читателю» Хворостинина
Он есть — Христос мой. Бог сердцем зритель... Он бо бог есть всем сим мздовозлюбитель и не токмо сим, но и за чашу студеные воды.	Бог сердца зритель.	... всем сим мздовозлюбитель Христос истинный бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды.	Богубо сердца моего зритель... Он бо есть Христос господь мой... всем сим, но и за чашу студеной воды.

Итак, совершенно очевидно, что текст Хворостинина охватывает собою не только текст Курбского, находящийся между отрывками, имеющими соответствие в «Жалобе» Исайи, но и тот, который совпадает с произведениями каменецподольского старца. Отсюда ясно, что если бы Курбский пользовался двумя источниками (Хворостининым и Исайей), то странным образом оказалось бы, что в них обоих были бы совпадающие тексты и что, следовательно, Хворостинин пользовался Исайей, против чего Кинан сам возражает. Выход из создавшегося тупика один — Хворостинин пользовался Первым посланием Курбского царю.⁸⁰ А так как это же послание было источником произведения Исайи, то сходство между тремя памятниками легко объяснимо. Аналогичные соображения высказывал еще Д. С. Лихачев.⁸¹ Р. Г. Скрынников их знал, но, к сожалению, на них не реагировал.

Третье послание Вассиану и Первое послание Грозному

Сначала Я. С. Лурье,⁸² а вслед за ним Р. Г. Скрынников⁸³ и, наконец, Э. Кинан⁸⁴ отметили черты сходства между Третьим посланием Курбского старцу Псковского Печерского монастыря Вассиану и Первым посланием его же Ивану IV. Если для Скрынникова это сходство важно только для того, чтобы прийти к заключению, что оба произведения написаны в одно и то же время,⁸⁵ то для Э. Кинана оно свидетельствует о том, что Послание Вассиану было еще одним источником Послания Грозному, впрочем написанным тем же самым автором.⁸⁶

Для решения вопроса сопоставим сходные тексты.

⁸⁰ Он пользовался текстом второй группы Послания (нет чтения «силы величества»), причем имеющим черты *Т* («седяй») и *ЛЗ* («злаго гонения»).

⁸¹ Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный. . . , с. 205.

⁸² Послания, с. 472—473.

⁸³ Р. Г. Скрынников. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 112—113; 2) Переписка, с. 23—24.

⁸⁴ Кеenan, р. 29—30.

⁸⁵ Р. Г. Скрынников, правда, упоминает о том, что Курбский написал прежде письмо царю: «... многие годы их связывала личная дружба»: Скрынников. 1) Переписка, с. 67; 2) Мифы, с. 124. Текстологического обоснования этого вывода он не дает.

⁸⁶ Кеenan, р. 41. Р. Г. Скрынников опровергает гипотезу Кинана на том основании, что Первое и Второе послания Вассиану находятся уже в сборнике, датирующемся 90-ми годами XVI в. (Скрынников. Переписка, с. 23—26).

Третье послание
Вассиану
(Сочинения князя Курбского,
стлб. 406—409)

1. И о сем даже до сих.
2. Но о себе яз, бедной и окаянной, мало вам воспоминаю. Колико трудился, вхожах и исхождах пред полки господскими и с воинством бога живаго, и никогда же бегуном быв, но паче одоления пресветла Христовою силою поставлях.
3. . . и колико бел претерпевах, и нуждь телесных, и учащение ран! Много же мною, яко и вы не весте, яко приях в варварских различных ополчениях.
4. Но сия ли ми, бедному, воздасте и всего лишенному?
5. Бог — судитель праведный и крепкий между вами и мною.
6. Аще ко вратом смертным приближуся, и сие писанейце велю себе в руку вложить, идущу с ним к нему и к надежи христьянской и к богу началному моему Иисусу, заступающего мя и покрывающего во всех прелютых и нестерпимых гонениях.

Эти 6 отрывков, помещенных компактно в конце Послания Вассиану, в Послании царю читаются в разных местах (порядок их в Послании Грозному отмечается в конце каждого отрывка римскими цифрами).

Два отрывка из Послания Грозному читаются в начале Послания Вассиану.

7. . . различными латинскими (в С: и ложными) шептаниями во уху державному клеветати. А днешь слышах.
8. . . каких напастей и гонения на претерпех.

Послание Грозному
(Послания, с. 534—536)

- И о сем даже и до сих (VI).
Пред войском (в первой группе: воинством) твоим хожах (и) схождах . . . и никогда же полков твоих крестьян хрептом (в III крестьян) к чюжим обратих; но паче одоления преславна на похвалу тебе сотворих (IV).
. . . и претерпевах (во второй редакции далее: нужды многие и) естественныя болезни . . . паче же учащеных бых ранами от варварских рук и в различных битвах (V).
Сия ли нам, бедным, воздасте и, всеродно погубляя нас (I).
. . . он есть, Христос мой, седяще на престоле херувимством . . . судитель между тобою и мною (III).
А (в других списках: И) писанейце сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложить, грядущи с тобою на суд бога моего, Иисусе (VII).
. . . аки не хотя уже предстати немумытному судье, надежде христьянской, богу началному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же не обинуяся пред гордым гонителем (II).

. . . иже днешь шепчет во уши ложная царю (VIII).

Коего зла и гонения от тебе не претерпех (IIIa).

Как видим, в последних двух случаях сходство скорее говорит о единстве литературной манеры автора, чем о непосредственных текстологических связях между обоими произведениями (излюбленные обороты и слова).⁸⁷

У Э. Кинана методика доказательства первичности текста Послания Вассиану в общем та же, что и в сравнении с текстом Хворостинина. Большинство пассажей, пишет Кинан, помещено непосредственно после заимствований в «Послании Грозному» из Исаяи. Следовательно, и Послание Вассиану явилось источником сочинения Псевдо-Курбского, как и творения Исаяи. Но уже сам Кинан заметил «накладку» в этих рассуждениях. Дело в том, что отрывки 5 и 6 встречаются также у Исаяи, а 8 — у Хворостинина. Выйти из этого затруднения Кинан пытается на том основании, что это были «излюбленные формулы» древнерусских писателей вообще,

⁸⁷ Ср. также «грады ерманские» и «на Ермане и на грады их».

т. е., следовательно, никакой текстологической связи в этом случае не было. Но в случае с фрагментами 5 и 6 доводы Кинана неубедительны. Бесспорное текстологическое сходство между двумя произведениями в фрагментах 1—4 и единый контекст всех 6 фрагментов в Послании Вассиану делает вывод о текстологическом происхождении близости фрагментов 5 и 6 наиболее обоснованной гипотезой. Тогда Послание Вассиану, если даже и принять гипотезу Кинана о том, что сочинение Исайи было источником «Послания Курбскому», никак не могло быть источником этого последнего произведения (из-за совпадения его текста с сочинениями Исайи).

Но, независимо даже от взаимоотношений текстов Исайи, Послания Грозному и Послания Вассиану, последнее нельзя считать источником Послания царю, автором которого был, на наш взгляд, Курбский. В Послании Грозному трудно обнаружить какие-либо швы в фрагментах, схожих с Посланием Вассиану. Зато следы вторичного происхождения соответствующих мест Послания Вассиану указать можно.

Заметим, что в Третьем послании Вассиану автор широко использует второе письмо, адресованное старцу,⁸⁸ причем ни в одном случае эти заимствования не совпадают с текстами, имеющими общие места с Посланием Грозному. Это, конечно, является серьезным доказательством в пользу того, что и эти места следует считать в Третьем послании вторичными по происхождению (как и места, сходные со Вторым посланием старцу).

Фрагменты, сходные с Посланием Грозному, в своем большинстве, как уже указывалось, компактны и помещены в конце Третьего послания, после своеобразной концовки основного рассуждения («И о сем даже до сих»). Далее следует как бы конспект Послания Грозному, содержащий перечень воинских заслуг автора (кроме жалобы на тягостное положение). Вообще-то в письме к старцу подобные рассуждения довольно странны, и поэтому сам автор смягчил их всякими оговорками церковного характера («воинством бога живаго», «Христовой силою»). Если угроза божьим судом в послании царю Ивану совершенно естественна, то подобная угроза по адресу тех, кто не сотворил всего-навсего «милости», выглядит довольно странно.⁸⁹

Итак, Послание Грозному написано ранее Послания Вассиану. Таков вывод, вытекающий из текстологического сопоставления памятников.⁹⁰

В свое время Р. Г. Скрынников на основании анализа содержания Третьего послания Вассиану и близости его к Первому посланию Гроз-

⁸⁸ Об этом см.: Скрынников. Переписка, с. 27—28.

⁸⁹ Одна загадка все же остается. Пассаж «претерпевах и нуждь телесных и учащение ран» (Послание Вассиану) наиболее схож с Посланием Грозному редакции «сборников Курбского», где есть слова «нужды многие», отсутствующие как в первой редакции Послания Грозному, так и в ответе самого Грозного, где тщательно передаются слова Курбского (то же в фрагменте Послания Вассиану, близком к Апостолу 1574 г., и второй редакции Послания Курбскому).

⁹⁰ Соотношение Послания к Грозному и Второго послания Вассиану (которое написано, как полагает Р. Г. Скрынников, еще накануне побега Курбского за рубеж) иное. Сходство обнаруживается только в одном пассаже:

Второе послание Вассиану
Сочинения князя Курбского (стлб. 395)

... неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умышляша.

Послание Грозному
(Послания, с. 534)

... на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы (в других списках неслыханныя) от века муки и смерти и гонения умышля еси.

Сходство здесь настолько приблизительно, что может объясняться или припоминанием, или особенностью литературной манеры автора.

ному пришел к убедительному выводу, что оба произведения написаны Курбским сразу же после побега из Юрьева. Обратим также внимание на заголовок списка ГИМ, Музейск. собр., № 1551, где Послание Вассиану и Послание Тетерина прямо датированы «лета 7072-го» (л. 31, 34).⁹¹

Р. Г. Скрынников сделал интересное наблюдение о фразеологической близости к Первому посланию Грозному еще одного сочинения Курбского. Это — предисловие А. М. Курбского к Новому Маргариту (лето 1572 г.).⁹²

Первое послание
Грозному

1. . . . от земли божия тобою
туне отогнан бых.

2. . . . всеродно погубляя
нас.

3. . . . воевод . . . различными
смертьми расторгл еси . . . и на
доброхотных твоих и душу
за тя полагающих . . . смерти и
гонения умыслил еси.

4. . . . согласующим ти ласкате-
лем.

5. . . . днесь шепчет во уши
ложная царю.

Предисловие
к Новому Маргариту

. . . изгнанну ми бывшу без правды от
земли божии в странстве пребы-
вающу . . . разгневаясь туне . . . все-
родно, погубляти повелева-
ют . . . всеродно погубляют.
. . . доброхотствующих и
душу за царя и за общую вещь
(*res publica*, т. е. государство, — А. З.)
полагающих, заклати яко агнецов
и различными смертми рас-
терзати. . . . таковые суть ласка-
телей плоды.

. . . ложные во уши царей
шепчущие.

Неясные следы стилистической близости к Посланию царю можно найти в Послании Т. Тетерина М. Морозову.⁹³

Сходные обороты есть и в «Истории о великом князе московском» (1575 г.): «во уши шестаху», «отворивши оба ухи презрелым ласкателем», «погубил всеродне».⁹⁴ То же самое можно сказать и о Втором послании Ивану Грозному: «. . . бесчисленных воевод. . . различными смертми растерзал еси и всеродно погубил, без суда и без права, приклонивый ухо. . . ласкателем».⁹⁵

Первое послание Курбского и Музейный летописец

Недавно Э. Кинан обратил внимание на то, что Первое послание Курбского Ивану IV и Второе послание Вассиану имеют текстологические совпадения с Музейным летописцем (ГБЛ, ф. 178, № 6033, рукопись 80—90-х годов XVII в.), опубликованным В. И. Бугановым и В. И. Ко-

⁹¹ Р. Г. Скрынников пишет, что письмо Полубенского «являлось единственным документом, в котором имя адресата Курбского называлось полностью: старец Васьян Муромец» (Скрынников. Переписка, с. 31). Но в заголовке Послания Вассиану в списке ГИМ, Музейск. собр., № 1551, уже стоит: «Список с грамоты. . . к старцу Васьяну Муромцеву» (л. 31).

⁹² Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, с. 303—306. О дате см.: А. А. З и м и н. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962.

⁹³ Р. Г. Скрынников указывает на 4 места из Послания Тетерина: «. . . побежали уже по (*испр. по С*) многих нестерпимых муках», «. . . не зови. . . бес правды мучимых и прогнанных изменники», «. . . бог сердцам (*испр. по С*) зритель, волен», «. . . отцов различными смертми побили без правды» (Сочинения князя Курбского, стлб. 489—492; Скрынников. Мифы, с. 123). Но для того чтобы относить эти черты стилистической близости за счет авторства Курбского, данных все же недостаточно. Тетерин мог быть знаком с аналогичным посланием князя Андрея (писался произведение в одно время) и вольно или невольно подражать ему.

⁹⁴ Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, т. XXXI, стлб. 259, 285; ср. стлб. 212, 267, 277.

⁹⁵ Там же, стлб. 149—150.

редким.⁹⁶ Кианан также заметил, что общее место в Первом послании приходится на текст, непосредственно прилегающий к тексту, сближающему это послание с Новым Маргаритом и Исайей. Отсюда он сделал заключение, что Летописец был источником Послания.⁹⁷ Вот эти параллели:

Первое послание
Курбского⁹⁸

Не прегордые ли царства
разорили и подручны тебе
сих во всем сотворили, у них
же прежде в работе были праотцы
наши? Не предтвердые ли
грады ерманские тщанием
разума их от бога тебе данны быста?

Музейный летописец
(С. 137)

... иже тщанием разума
своего прегордыя царства
разоря, у них же довольне лет
в работе бысть росейския на-
роды, и впредь твердыя
грады германския подруч-
ны себя сотвори и литовския
люди победы.

Текст в Летописце представляется явно вторичным по сравнению с текстом Послания. Правда, общий с Летописцем отрывок Послания находится между двумя текстами Послания, общими с сочинением. На первый взгляд может показаться странным, как это составитель Летописца «вычленил» из Послания как раз тот фрагмент, который не был использован каменец-подольским монахом. Но эта странность легко объяснима. Исайю интересовали богословские сюжеты (он их и взял из Послания), а Летописца — тексты с конкретно историческим содержанием, которые, естественно, были совершенно излишни для Исайи.

Вторичность текста Летописца становится очевидной, если мы сравним его со Вторым посланием Вассиану.

Второе послание Вассиану
(Сочинения князя Курбского,
стлб. 391—394)

1. Возведем мысленное око на восток (Сл. на восток нет) и посмотрим разумным видением. Где Индея и Ефиопия? Где Египет, и Ливия, и Александрия, страны великия и преславныя, мною верою ко (Ув.: древле ко) Христу древле (Сл., Ув., нет). усвоенныя? Где Сирия, древле боголюбивая? Где Палестина, земля священная, от нея же Христос во плоти и вси пророцы, апостали? Где Евтропия... Где Рим державный... Где Италия... Где Испания... Где Медиолам, град многонародный, в нем же Амъбросии великии благочестием кормила управляя? Где Карфаген...

2. ...мы же, убогия, от древних родов мало и познаваемыя, во едином угле вселенныя живущие, и на последок века благодатию Христовою не от дел призвани.

Музейный летописец
(С. 137—138)

Возведем око мысленное и посмотрим разумным видением. Где Индея и Ефиопия? Где Египет и Александрия, страны великия и преславныя, иже древле ко Христу усвоенныя? Где Вавилон, начальный градом, иже Навходоносор созда... Где Сирея боголюбивая? Где Палестина, земля освященная, на ней же изволи сын, слово божие родитися, от нея же вси пророцы и апостоли. Где Рим превеликий... Где Карфаген и Медиолам многонародный, в нем же бывый епископ Амъбросий чудный, не убожавый ярости.

...мы же, живущие вселенныя на севере, во едином угле, едва никими познаваемы. Благодатию же Христовою почел... крещением.

⁹⁶ В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Неизвестный московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 127—167.

⁹⁷ Kritika, p. 14.

⁹⁸ Близость обнаруживается с первой редакцией Послания (нет текста «мужеством храбрости их» и читается «подручны», а не «подручных», как во второй редакции).

3. ... епискупы по великим властем сидяще, всяким преизобилнем полни суще, в церквах мног мир имуще... храми божи на лицы ея подобни частостию звезд небесных водружены; множество монастырей создан... в них же бесценное множеством преподобных мних водворяются.

... святители седеша по великим властем, всяким преизобилнем полны быша, церкви божи по лицу всея земли подобны частостию звезд небесных, монастыри же имехом множество, в них премногое множество преподобных мних водворяющихся.⁹⁹

Несомненно, что автор Летописца пользовался Вторым посланием Курбского Вассиану. Но тогда и предположение об использовании им

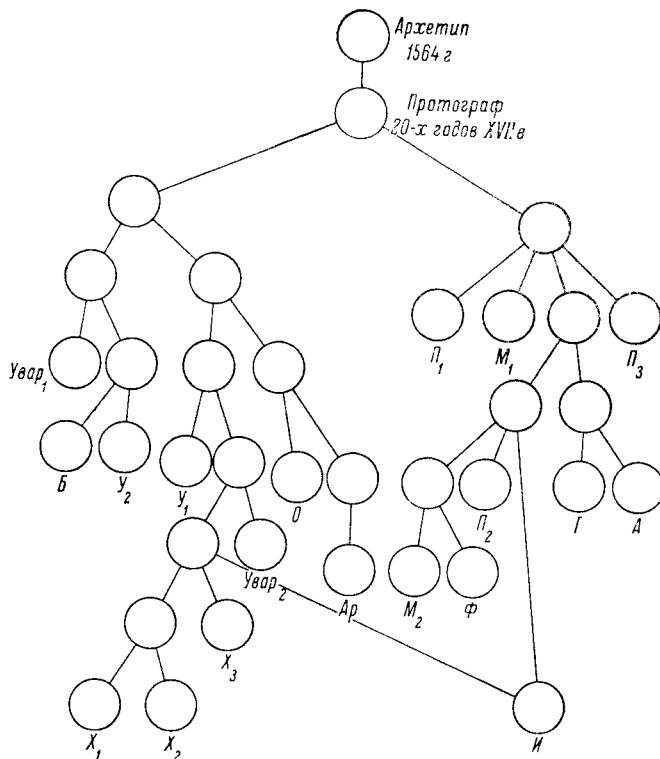

Схема соотношения списков первой редакции Первого послания князя А. М. Курбского Ивану IV 1564 г.

Первого послания Курбского Грозному будет вполне соответствовать его манере работы. Летописец, по предположению В. И. Буганова и В. И. Корецкого, составлен был во второй половине 30-х годов XVII в., когда и возрос интерес к посланиям Курбского, а Послание Курбского даже Э. Кинан, приписывающий его Шаховскому, относит к 20-м годам XVII в.; следовательно, Летописец никак не мог быть его источником.¹⁰⁰

В 20-е годы переписка Грозного с Курбским еще не стала органической частью больших компилятивно-исторических произведений. Она только еще появилась в рукописной литературе. Зато позднее она начала вклю-

⁹⁹ Далее в Летописце коротко о «воинстве» и «купцах» (эти сюжеты есть и во Втором послании Вассиану).

¹⁰⁰ Скрынников. Мифы, с. 120.

чаться в хронографы, степенные книги и другие сочинения на историческую тему, как один из важных компонентов.

Предшествующее изложение позволяет сделать вывод, что предпринятая Э. Кианом попытка перенести время составления Послания Курбского в XVII век оказалась несостоятельной. Это объясняется прежде всего серьезными недочетами его методики источниковедческого анализа. Их можно вкратце свести к следующему.

1. Неполнота использования рукописной традиции.

2. Односторонняя интерпретация палеографических наблюдений для определения времени создания Послания (сближение времени создания произведения с временем его первых дошедших до нас рукописей).

3. Незавершенность текстологического исследования рукописной традиции. Это привело автора к субъективизму в отборе наиболее предпочтительных рукописей и отдельных чтений при восстановлении архетипа Послания.

4. Фактическое ограничение анализа Первым посланием, вне разбора других памятников, связанных с именем Курбского и Грозного.

5. Недостаточное внимание к данным, противоречащим выдвинутой гипотезе (в частности, к прямым свидетельствам XVI в. о перениске Грозного с Курбским, к текстологическим несоответствиям при анализе общих мест Послания с другими произведениями, к сведениям о причинах, вызвавших побег Курбского).

6. Ошибочное представление о литературном процессе в России XVI—XVII вв.

Поэтому как бы Э. Киан ни стремился к осторожности, когда формулирует свои выводы («по-видимому», «может быть»), общая тенденция его исследования сводится к настойчивому стремлению уложить имеющийся материал в прокрустово ложе ошибочной авторской концепции, несмотря на явные несоответствия многочисленным фактам и текстологическим наблюдениям.¹⁰¹

---

¹⁰¹ Когда настоящая работа была в печати, вышла в свет обстоятельная рецензия Дж. Феннела на книгу Р. Г. Скрынникова (*Russia Mediaevalis*, t. II, München, 1975, p. 188—198). Текстологические соображения автора (о соотношении Первого послания Курбского Грозному с произведениями Исая и Хворостинина) нам представляется весьма убедительными. Ср. также: N. Andreyev. The Autenticity of the Correspondence between Ivan IV and Prince Andrey Kurbsky. — *The Slavonic and East European Review*, 1975, p. 582—588; cp.: D. Waugh. The Lesson of the Kurbskii Controversy. — *Proceedings of International Slavic Congress*, Sept. 1974; G. Orchard. Counterblast to Keenan? — *Canadian Slavonic Papers*, 1975, vol. 16, № 3, p. 548—559; см. также рецензии на кн. Э. Киана: R. Helie (*Journal of Modern History*, 1973, vol. 45, № 3, p. 223—226); W. Ryan (*The Modern Language Review*, Cambr., 1973, July, p. 716—719).

Я. С. ЛУРЬЕ

Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста)

I

Переписка Ивана Грозного с Курбским давно вошла в науку; она хорошо известна (если не в подлиннике, то в переложениях А. К. Толстого) и широким читателям; однако история этой переписки, ее смысл и назначение далеко еще не выяснены.

В историографии XIX в. письма царя и опального боярина рассматривались в основном как личная переписка, отражающая душевное состояние обоих участников. Рассказав о бегстве Курбского в 1564 г., Н. М. Карамзин сообщал: «Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю». Чисто психологическими мотивами объяснял Карамзин и написание Грозным ответного письма: «. . . царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому».¹ Сходным образом излагал историю переписки и С. М. Соловьев: «Курбский не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном; он вызвал его на словесный поединок. Иоанн, по природе своей, не мог удержаться — и отвечал».²

Рассматриваемая таким образом переписка не могла, однако, не вызвать некоторого недоумения. Считая, что побуждение Курбского при написании письма понятно, ибо он хотел «излить тирану все, что накопилось у него на сердце, чего он не смел прежде высказать», Н. М. Костомаров выражал удивление по поводу написания царем столь обширного письма Курбскому: «С какою целью писано это письмо и чего добивался царь от Курбского? Неужели он хотел, ему нужно было и он надеялся убедить Курбского признать царя во всем правым, а себя и всех опальных и замученных виновными? Но если бы у Ивана была такая цель, мы бы должны признать за ним умственный уровень еще ниже того, какой признаем теперь на основании его поступков и слов. Или уж не хотел ли Иван склонить Курбского воротиться? Но этого намерения и в письме Ивана не видно».³

Взгляд на послания Грозного и Курбского как на личную переписку до некоторой степени подкреплялся рукописной традицией, на которую опирались исследователи XIX и начала XX в. — издатель «Сказаний

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, с. 38, 40.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, тт. VI—X. СПб., 1896, с. 156—157.

³ Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. XIII. СПб.—М., 1881, с. 255—256.

князя Курбского» Н. Устрялов и «Сочинений князя Курбского» Г. З. Кунцевич.⁴ Послания царя и Курбского были известны им по поздним сборникам конца XVII в., содержащим сочинения Курбского — его «Историю о великом князе Московском» и послания разным лицам; Первое послание Грозного (и только оно одно, Второго послания царя Курбскому здесь не было) помещалось здесь между двумя посланиями Курбского, как часть переписки (это подчеркивалось и его заголовком: «Послание. . . ко князю Андрею Курбскому против его князя Андреева письма, что писал из града Волмера»). У читателя создавалось впечатление, что перед ним — материалы архива Курбского, куда, естественно, попало и где было сохранено письмо, адресованное царем своему противнику. Предназначалось ли это письмо и для других читателей, было ли оно, иными словами, публицистическим памятником? Не имея никаких данных для решения этого вопроса, исследователи XIX и первой половины XX в. его, в сущности, и не ставили.

При подготовке издания «Посланий Ивана Грозного» в 1951 г. были обнаружены списки неизвестной до этого времени редакции Первого послания Грозного Курбскому — ГПБ, Погод., № 1567, и ЛОИИ, собр. Археогр. комиссии, № 41,⁵ явно более первоначальной, чем известная прежде полная редакция Послания. В этой редакции сохранилось несколько значительных фрагментов Послания, пропущенных в остальных: рассказ об ослаблении Византии в VI—VII вв. после императора Анастасия Дикороса («Дикорота Драчянина»), рассуждение об отличии царской власти от духовной (невозможность для царя исполнения евангельской заповеди — «бьющему царя в ланиту обрати и другую») и недопустимости наместничества.⁶ Кроме того, в этой редакции не оказалось путаницы, свойственной прежде известному тексту, где большой фрагмент заключительной части, включающий обширный отрывок из Дионисия Ареопагита, попал из конца Послания в середину, в результате чего получалось так, что Дионисий Ареопагит осуждал Алексея (Адашева) за его позицию в «лифлянтском» вопросе. В новонайденной редакции этой путаницы не было: текст Послания Грозного здесь точно следовал тексту Послания Курбского, на которое царь отвечал, рассуждение о «супротивословии попа Селивестра и Алексея» логично читалось здесь в середине текста, где речь шла о внешней политике царя, а цитата из Дионисия Ареопагита, без неуместного упоминания об «Алексее» и «лифлянтах», — в конце.⁷ Все это позволило признать в новонайденном тексте 1-ю пространную редакцию, предшествующую известным прежде 2-й пространной (сохранившейся в сборниках сочинений Курбского и хронографе) и краткой редакциям Послания.⁸

⁴ Сказания князя Курбского, изданные Н. Устряловым. Изд. 3-е. СПб., 1868 (предыдущие изд.: СПб., 1833 и СПб., 1842); Сочинения князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

⁵ Сборник Археографической комиссии № 14 не был известен издателю «Сочинений князя Курбского» Г. З. Кунцевичу, но сборник ГПБ, Погод., № 1567 был привлечен им при издании Первого послания Курбского царю и его Послания Вассиану, а также посланий Тетерина и Полубенского (Сочинения князя Курбского, с. V, стбл. 1—8, 405—410, 489—492, 495—496; ср.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текстов Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), с. 537). Во втором неопубликованном томе «Сочинений Курбского», который не был нам известен при издании «Посланий Ивана Грозного» и корректуры которого сохранились в архиве ЛОИИ, содержалось описание сборника Погод., № 1567, однако Г. З. Кунцевич, как и в первом томе, совершенно не обратил внимания на своеобразие текста Первого послания Грозного Курбскому в этом сборнике (корректурa книги: Сочинения князя Курбского, т. II. — ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 30, с. 158—160).

⁶ Послания Ивана Грозного, с. 25, 27.

⁷ Там же, с. 49 и 62; ср. с. 113, 530—532, 543—544.

⁸ Там же, с. 537—544.

Первичность текста 1-й пространной редакции Послания давала основные обратить особое внимание на заголовок этого памятника, отличающийся от заголовка 2-й пространной редакции. Письмо царя характеризовалось здесь не как ответ «против. . . князя Андреева письма», а как «царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». Этот заголовок, правда, был свойствен не только 1-й пространной редакции. Он читался также (с небольшим дефектом — пропуском предлога «во») и в известной прежде краткой редакции Послания; но сама эта редакция, состоявшая главным образом из библейских цитат, читающихся и в пространной редакции, и не включавшая полемики царя с Курбским по основным светским вопросам, рассматривалась всеми исследователями как явно вторичная, — заголовок ее поэтому не привлек их внимания.

Характеристика Послания Курбскому как произведения, адресованного «во все . . . Российское царство», а также сопоставление этого памятника с выступлениями противников царя — эмигрантов, осуждавших Ивана IV в посланиях, направленных самым различным адресатам (послания Курбского в Псковско-Печерский монастырь, письмо двух других беглецов, Тетерина и Сарыхозина, юрьевскому наместнику Морозову), дали основания видеть во всех этих памятниках произведения публицистики, отражение широкой полемической кампании, развернувшейся в Московской и Западной Руси накануне опричнины.

Однако, несмотря на обнаружение двух списков 1-й пространной редакции Послания Грозного, сведения об этой редакции и об истории текста памятника в целом оставались еще довольно скудными. Оба эти списка (Погодинский и Археографической комиссии) — дефектные; в Погодинском списке нет всей второй половины текста; в списке Археографической комиссии отсутствует начало, а следовательно, и особо важный для нас заголовок. В связи с этим вопрос об истории текста Первого послания в издании 1951 г. в сколько-нибудь полном объеме не ставился; содержащаяся в этом издании стемма давала самое общее представление о взаимоотношениях основных редакций Послания.⁹ Хотя Погодинский список первой трети XVII в.¹⁰ старше по времени написания, чем все ранее известные списки Послания Грозного, но и он, как и список Археографической комиссии, не менее чем на полвека моложе Послания.¹¹

⁹ Там же, с. 558.

¹⁰ В издании 1951 г. (Послания Ивана Грозного, с. 537) автор этой статьи отождествил водяной знак Погод., № 1567 (однорукий кувшин с полумесяцем над крышкой

и литерами $\frac{P(E)}{DC}$), с филигранью, приведенной Н. П. Лихачевым под номером 4127 (1611—1612 гг.), однако недавно Д. Уо указал, что водяной знак рукописи несколько иной, чем приведенный у Лихачева (в Погод., № 1567, грубее рисунком полумесяца, который соединен с трилистником на крышке кувшина более толстой ножкой, — ср.: D. C. Waugh. Soviet Watermark Studies. — Kritika, Cambr. Mass., 1970, vol. VI, № 2, Winter, p. 99—101); однако и приведенные им водяные знаки (Гераклитов, № 504 и 509 — 1620—1621 и 1631 гг.)

также не дают точной датировки рукописи, так как на них литеры $\frac{O}{AB}$ и $\frac{P(E)}{DC}$ (нет соответствий в литерах и в водяных знаках, приведенных Р. Г. Скрынниковым: Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 8). А. А. Гераклитов указывает, что вариант филиграней этого вида (однорукий кувшин, крышка завершается полумесяцем с разными группами литер) датируется 1621—1633 гг. (А. А. Гераклитов. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 24, № 604—740; далее Гераклитов).

¹¹ Недоразумением, однако, следует считать замечание С. О. Шмидта, что все известные пока рукописи Послания «не восходят ко времени ранее середины XVII в.» (С. О. Шмидт. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-

Отсутствие современной посланиям Грозного и Курбского рукописной традиции затрудняет решение ряда вопросов, относящихся к истории переписки.

Как передавались и распространялись послания обоих авторов? Уже Н. М. Карамзин, а вслед за ним и другие историки, говоря о переписке Грозного с Курбским, привлекали рассказ конца XVII в. (Латухинской Степенной книги) о том, что Курбский отправил Первое послание царю в Москву со своим слугой Василием Шибановым; Шибанов публично на Красном крыльце вручил послание Ивану; Грозный пробил дерзкому гонцу ногу острым концом жезла («осном») и, стоя перед пригвожденным Шибановым, выслушал письмо своего врага.¹² Но независимо от степени достоверности этого рассказа (мы еще к нему вернемся), он явно не может объяснить путей распространения остальных посланий Курбского, царя и других лиц, связанных с разгоревшейся полемикой: обычные способы передачи писем были, очевидно, иными и не столь эффектными, как тот, который описан в Степенной книге. Вызывала сомнения и традиционная атрибуция посланий. Возражая авторам, отмечавшим публицистический талант и широкую образованность Ивана Грозного, С. М. Дубровский писал, что при отсутствии автографа царя «действительное авторство» его сочинений не доказано: «Можно предполагать, что образованность и грамотность лиц, писавших для Ивана IV, готовивших для него материалы, некоторыми историками выдаются за образованность самого Ивана IV».¹³

Отсутствие современной рукописной традиции породило и более широкие сомнения по поводу переписки Грозного и Курбского. Сомнения эти были высказаны недавно американским исследователем Э. Кинаном в его монографии «Апокрифические сочинения Курбского—Грозного». Относя всю переписку и ряд сочинений обоих авторов к XVII в., Э. Кинан ссылался не только на отсутствие рукописей XVI в.; важнейшую роль в его построении сыграло обнаруженное им любопытное совпадение текстов между Первым посланием Курбского и сочинениями («Жалобой» и «Плачем») западнорусского инокa Исайи, приехавшего на Русь в 1561 г. и попавшего в заточение.

Считая сходные тексты у Исайи первичными, а у Курбского — вторичными, Э. Кинан отметил, что «Плач» Исайи имеет точную дату — 1566 г.; к этому же времени, по его мнению, относится и «Жалоба» Исайи. Если это так, то Послание Курбского Грозному не могло быть написано ранее 1566 г. Но по своему смыслу оно должно было появиться сразу после бегства воеводы в апреле 1564 г. в Волмер. Ответное письмо Грозного имеет прямую дату — 5 июля 1564 г. Следовательно, заключает Э. Кинан, данные этих посланий не соответствуют действительности, — это не подлинная переписка 1564 г., а апокрифы, созданные позже, уже в XVII в.¹⁴

Однако для того, чтобы обосновать свою основную гипотезу, Э. Кинану следовало бы, во всяком случае, серьезно рассмотреть три возможности, которые он не опроверг.

политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 33). Даже по датировке Уо (см. предыдущее примечание) список Погод., № 1567 (как и некоторые другие), относится к 20—30-м годам XVII в.

¹² Текст рассказа Латухинской Степенной книги см.: Сказания князя Курбского, с. 340; ср.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, с. 38.

¹³ С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV. — ВИ, 1956, № 8, с. 123.

¹⁴ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Camb. Mass., 1971, p. 17—46 (далее: Keenan.).

1) «Жалоба» Исайи, с которой в основном совпадает Послание Курбского, написана не в 1566 г., а ранее — между 1561 и 1564 гг. Ряд аргументов в пользу такой датировки был высказан недавно Р. Г. Скрынниковым, принявшим основное текстологическое построение Э. Кинана (влияние Исайи на Курбского), но отвергшим предложенную им датировку «Жалобы».¹⁵

2) Не Исайя оказал влияние на Курбского, а, напротив, Послание Курбского служило источником для Исайи. Э. Кинан не привел убедительных аргументов в доказательство первичности текстов Исайи. Между тем, Курбский, военачальник царя, естественно, мог писать, что его кровь, пролитая за Ивана IV, вопиет к богу; при обращении монаха Исайи к митрополиту ссылка на «пролитую кровь» звучала необоснованно и неуместно.¹⁶

3) Как Послание Курбского, так и сочинения Исайи восходят к общему источнику. Совпадающие тексты этих памятников мало конкретны по содержанию и могли быть помещены в самых различных контекстах (некоторые из них близки к Библии).¹⁷ Заимствование образов и выражений из более ранних произведений — обычное свойство средневековой письменности, не знавшей понятия авторской собственности; историк древнерусской литературы нередко обнаруживает, что целые разделы известных памятников (часто весьма выразительные) были развернутыми цитатами и реминисценциями из других авторов.

Но если исходная текстологическая гипотеза Э. Кинана, как мы видим, недостаточно аргументирована, то предложенная им реконструкция дальнейшей истории «апокрифической переписки» представляется совсем невероятной. Автором мнимого «Послания Курбского» был, по его мне-

¹⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 11—19. Р. Г. Скрынников полагает, что «Жалоба» Исайи (включавшая, по его мнению, и последующий текст «Объяснения» и «Предсказания», которые Э. Кинан считал отдельными памятниками) была ответом на неизданный «Лист» (письмо), помещенный в том же сборнике ГПБ, О. XVII.70, после сочинений Исайи; поскольку «Лист» этот имеет дату — 1562 г., ответная «Жалоба» также может быть датирована 1562 г.; вообще тексты расположены в сборнике О. XVII.70 в обратном хронологическом порядке: 1) Послание (1567 г.); 2) «Плач» (1566 г.); 3) «Жалоба» (1562 г.); 4) «Лист» неизвестного (1562 г.). При всей заманчивости этой датировки, она, конечно, предположительна (не доказано, что «Жалоба» — ответ на «Лист», что ответ этот должен был быть написан сразу же после письма, и т. д.). Объясняя совпадение Послания Курбского с «Жалобой» Исайи заимствованием Курбского у Исайи, Р. Г. Скрынников склонен объяснять совпадение с «Плачем» у Исайи иначе — наличием общего источника (евангельского текста Матф. X, 42, лишь в общих чертах сходного с Посланием Курбского и «Плачем» Исайи). Между тем, более естественно предполагать одинаковую причину совпадения текстов обоих авторов. В недавно опубликованной рецензии на книгу Р. Г. Скрынникова Дж. Феннел убедительно доказал не только наличие прямых совпадений между «Плачем» Исайи и Посланием Курбского, но и явную первичность соответствующего текста у Курбского и вторичность — у Исайи (см. рецензию Дж. Феннела: *Russia Mediaevalis*, 1975, t. II, p. 191—195), а это обстоятельство, в свою очередь, делает наиболее вероятным влияние Курбского на оба сочинения Исайи (см. прим. 16).

¹⁶ Ср.: Н. Е. Андреев. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал (*The New Review*), Нью-Йорк, 1972, № 109, с. 270—271; Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 204. Недостаточная убедительность текстологической аргументации Э. Кинана в пользу первичности текста Исайи и вторичности текста Курбского справедливо отмечена А. А. Зиминим в статье «Первое послание Курбского Ивану Грозному» (настоящий том, с. 188—191). Если считать текст Курбского первичным, а текст обоих сочинений Исайи — вторичным, то датировка «Жалобы» 1562 годом, предложенная Скрынниковым, может привести к выводу, что Курбский писал свое послание царю до 1562 г., т. е. более чем за два года до своего бегства, что, конечно, совершенно невероятно.

¹⁷ Помимо отмеченной Р. Г. Скрынниковым фразы, сходной с Евангелием (см. выше, прим. 15), укажем еще сходство одного места («истязати. . . до влас») с Псалмами (см. ниже, с. 225).

нию, Семен Шаховской, написавший его в 1623—1625 гг. как письмо Михаилу Федоровичу Романову; однако, вернув себе царскую милость, Шаховской не отправил это письмо, а переделал его в Послание Курбского Ивану IV.¹⁸ «Ответ Грозного» был написан в конце 20-х—начале 30-х годов Шаховским или кем-то из близких к нему лиц, причем в двух вариантах: сперва — в краткой версии, а затем — в пространной, где дается ответ на все основные тезисы первого «Послания Курбского».¹⁹ Продолжение этой переписки относится, по мнению Э. Кинана, к значительно более позднему времени — 70—80-м годам XVII в. Второе послание Грозного Э. Кинан связывает с кругами, близкими к сподвижнику Алексея Михайловича Артамону Матвееву: Второе и Третье послания Курбского (и его «Историю о великом князе Московском») он считает делом рук лиц, близких к фавориту царевны Софьи — Василию Голицыну.²⁰ В чем же смысл и цель этой сложной литературной мистификации, длившейся, согласно Э. Кинану, около 7 десятилетий? Допустим, что Шаховской, сочинив свое оскорбительное послание Михаилу, затем испугался и переделал его в письмо Курбского Грозному. Но для чего совершалась вся дальнейшая работа? Зачем было самому Шаховскому и близким к нему лицам, написав письмо за Курбского, брать на себя затем роль Грозного и излагать прямо противоположные взгляды? Зачем было включаться спустя полвека в эту странную литературную «игру» Артамону Матвееву, а затем Голицыну? Для того чтобы написать послания Ивана IV и Курбского (как и «Историю» Курбского), включающие сотни бесспорных исторических фактов XVI в., авторам XVII в. необходимо было изучить и привлечь множество летописных и иных источников. Зачем они все это делали? Ответа на эти вопросы мы у Э. Кинана не находим.

Концепция Э. Кинана вызвала многочисленные возражения со стороны ряда авторов, как советских, так и зарубежных.²¹ Однако, не доказав основных положений своей работы, Э. Кинан все же поставил перед наукой ряд важных вопросов, на которые предшествующие исследователи не обратили должного внимания. Нового исследования требует не только литературная история Первого послания Курбского (и его взаимоотношения с сочинениями Исаи и других авторов), но и история всей остальной переписки, ее рукописная традиция, «конвой» и т. д.

Выше мы уже указывали, что поздние списки Первого послания Грозного дошли до нас в сборниках, состоявших в основном из сочинений Курбского, что дает повод считать, что текст их мог восходить к оригиналу, посланному Иваном IV своему противнику. Каков состав более ранних сборников, содержащих это Послание? Из двух списков 1-й пространной редакции, привлеченных в издании 1951 г., наиболее ранний — ГПБ, Погод., № 1567, — также представлял собой сборник, содержащий послания Курбского, правда, не все его послания к царю, а лишь Первое, и, кроме того, Послание Курбского старцу Печерского монастыря Вассиану, послание Тетерина и Сарыхозина Морозову и послание в Юрьев польского гетмана Полубенского, также связанного с Курбским. Такой состав этой рукописи дал основание для предположения, что в основе ее лежал сборник, составленный где-то в районе Печер и соседнего Юрьева

¹⁸ Keenan, p. 31—45, 73—76.

¹⁹ Keenan, p. 76—84.

²⁰ Keenan, p. 85—88.

²¹ Кроме указанных уже работ Р. Г. Скрынникова, Н. Е. Андреева и Д. С. Лихачева, ряд статей приведен А. А. Зиминым (настоящий том, с. 176 и 201); ср. также рец. Кинана на книгу Скрынникова: *Kritika*, Camb. Mass., 1973, vol. X, № 1, Fall, и ответ Р. Г. Скрынникова: *Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв.* — РЛ, 1974, № 3, с. 114—129 (далее: Скрынников. Мифы).

(куда адресовано большинство посланий), — вероятнее всего, в Печерском монастыре.²² Аналогичным «печерским сборником» оказался и новый список 1-й пространной редакции, обнаруженный автором настоящей статьи уже после издания 1951 г., список БАН, Тек. пост., № 230: Посланию Грозного здесь предшествуют те же послания, что и в ГПБ, Подг., № 1567, за исключением Послания Курбского Вассиану.²³

А. А. Зимину удалось обнаружить еще два «печерских сборника» (ГИМ, собр. Уварова, № 1584, и ГБЛ, ф. 178, Муз. № 4469, — оба 30-х годов XVI в.), в которых, кроме названных посланий Курбского, содержится еще его краткая записка в Печерский монастырь, но нет зато наиболее важного для нас памятника — Послания Грозного Курбскому.²⁴ Опираясь на наблюдения над составом сборников, включающих переписку Курбского с Грозным,²⁵ Э. Кинан сделал попытку распределить все списки, содержащие переписку, по хронологическим группам и «гроздьям» (clusters). Первую из этих «гроздей», по его схеме, составляют списки, где Первое послание Курбского (в составе «печерских сборников» и вне их) не сопровождается Посланием Грозного; вторую «гроздь» — списки, включающие Первое послание Грозного в краткой редакции, — она состоит из 5 списков, из которых *все*, по-видимому, были созданы примерно в одно время). Пространная редакция Первого послания «обнаруживается во многих копиях, написанных в течение долгого периода», однако наиболее ранняя «гроздь» этих списков соединяет послание Грозного лишь с Первым посланием Курбского царю.²⁶ Выводы, которые делает автор из этой классификации (в частности, его предположение о том, что краткая редакция Послания Грозного предшествовала пространной), не представляются, как мы увидим, достаточно убедительными;²⁷ однако вопрос о путях складывания дошедших до нас сборников, включающих Первое послание Грозного и остальную переписку, заслуживает внимания. Достаточно вероятным представляется, в частности, предположение (высказанное еще А. А. Зиминим) о том, что в первоначальном тексте «печерского сборника» Послание Грозного отсутствовало и было вставлено туда позже. Но кем и из какого источника? А. А. Зимин считал, что оно было добавлено в Москве «из царской канцелярии» в 20-е годы XVII в. с целью «противопоставить писаниям изменника Курбского концепцию Ивана Грозного».²⁸ Такое предположение, если оно верно, указывало бы на иной источник проникновения в письменность Послания Грозного, чем тот, на который могли наталкивать «сборники Курбского», — не из личного архива Курбского, а из царского архива в Москве. Но при обоих вариантах речь идет, очевидно, о включении Послания Грозного в читательские сборники лишь в XVII в., через много десятилетий после его написания. Предназначалось ли это писание для читателей (а не только для Курбского) и в XVI в.? Было ли оно, иными словами, с самого начала задумано как публицистический памятник?

В литературе последнего времени высказывались сомнения по этому вопросу. В полемической книге о переписке Грозного с Курбским Р. Г. Скрын-

²² Послания Ивана Грозного, с. 540.

²³ Я. С. Л у р ь е. Новые списки «Царева государева послания во все его Рос-
сийское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 306 (далее: Лурье. Новые списки).

²⁴ Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 81—82 и 85.

²⁵ Keenan, p. 7—9, 87 (tab. 3), 103—142 (Appendix I, — составлен Д. Уо), 192—194 (п. 1).

²⁶ Keenan, p. 9—10 (курсив Э. Кинана).

²⁷ См. ниже, с. 214—221.

²⁸ Сочинения И. Пересветова, с. 83; ср.: А. А. З и м и н. Первое послание Курб-
ского Ивану Грозному (настоящий том, с. 182).

ников, отвергая точку зрения Э. Кинана на послания обоих авторов как на произведения XVII в., пришел, однако, к выводу, что Послание Грозного не было при своем создании публицистическим памятником, написанным в «агитационных целях». Если прежде Р. Г. Скрынников соглашался, что Грозный (как и Курбский) предназначал свое Послание для «всего Российского царства», то теперь он полагает, что стремление царя «сделать подданных судьями» в своем споре с Курбским противоречило бы «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных, самых знатных из которых он рассматривал как своих холопов».²⁹ С этим связан и взгляд Р. Г. Скрынникова на заголовок 1-й пространной редакции «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его. . .». Сравнив этот заголовок с развернутой и торжественной формулой (с упоминанием «скиптродржания Российского царства»), которой начинается Послание, Р. Г. Скрынников характеризует этот заголовок как «короткий и вполне происходящий»; он полагает поэтому, что заголовок «имел литературное происхождение и принадлежал позднейшим переписчикам Послания».³⁰

Но если осмысление Послания Грозного как публицистического памятника, адресованного во «все Российское царство», принадлежит переписчикам XVII в., а в действительности не было рассчитано на широких читателей, то перед нами опять встает поставленный еще Н. И. Костомаровым вопрос о назначении этого Послания. Кого же все-таки хотел сделать Грозный судьями в возникшем споре, к кому он в действительности обращался? К самому Курбскому? Но в инструкциях своим послам в Польшу, начиная уже с 1565 г., он неизменно приказывал им ни «с Курбским, ни с ыными которыми изменники никоторых речей не говорити»³¹ и отклонять всякие попытки переговоров с их стороны. Для чего же тогда было написано это обширнейшее сочинение (превышающее объемом всю остальную переписку), сочинение, которое сам Р. Г. Скрынников именуется «книгой», предполагая, что царю при написании ее «помогал целый штат помощников»?³² Неужели же вся эта работа предназначалась лично для Курбского? И в чем действительно хотел и мог убедить его царь?

Для того чтобы ответить на вопрос о смысле и характере Первого послания Грозного Курбскому, необходимо, очевидно, вновь обратиться к рукописной традиции этого памятника и его литературной истории.

II

Новое исследование литературной истории Первого послания Ивана Грозного Курбскому требует прежде всего сопоставления текста его списков (включая, естественно, найденные после 1951 г.) и редакций.

1-я пространная редакция Послания известна нам теперь в 5 списках: 1) ГПБ, Погод., № 1567; сборная рукопись XVI—XVII вв.; тетрадь с текстом Послания датируется первой третью XVII в.¹ (далее: *П*); 2) БАН, Тек. пост., № 230; сборная рукопись первой половины XVII в.; тетрадь

²⁹ Скрынников. Переписка, с. 81; ср.: Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 109.

³⁰ Скрынников. Переписка, с. 80.

³¹ Сб. Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892, с. 322—323, 468, 593, 778.

³² Скрынников. Переписка, с. 87.

¹ Ср. выше прим. 11 раздела I.

с текстом Послания датируется первой третью XVII в.² (далее: А); 3) ЛОИИ, ф. 11 (собр. Археограф. комиссии), № 41; тетрадь с текстом Послания датируется первой половиной XVII в.³ (далее: К); 4) ГПБ, Погод., № 1311; сборная рукопись XVI—XVIII вв.; тетрадь с текстом Послания датируется второй половиной XVII в.⁴ (далее: В); 5) ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121 (по описи — № 2350); сборная рукопись XVII—начала XVIII в.; тетрадь с текстом Послания датируется серединой или второй половиной XVII в.⁵ (далее: Т).

Новый список послания 1-й пространной редакции Т до сих пор не был известен в науке; ускользнул он и от внимания автора этой статьи в 1951 г.⁶ Наличие Первого послания Грозного в этом списке впервые отметил Д. Уо, однако он не имел возможности ознакомиться с его текстом. Д. Уо указывает, что ГПБ, куда он обратился, сообщила ему, что текст Послания в сборнике Титова представляет собою «плохую, позднюю копию», в основном соответствующую версии «сборников Курбского». ⁷ Эта информация, к сожалению, совершенно не соответствует действительности. Уже заголовок послания в Т («. . . послание. . . на крестопреступников. . . о их измене») не свойствен «сборникам Курбского» и встречается лишь в 1-й пространной и краткой редакциях. Дальнейший текст (охватывающий только первую половину послания) ⁸ с несомненностью указывает на принадлежность списка к 1-й пространной редакции: здесь сохранились фрагменты текста, характерные именно для этой редакции и отсутствующие во всех остальных,⁹ — об истории Византии после императора Анастасия (л. 375 об.), об отличии царской власти от духовной и недопустимости наместничества (л. 380).

Мы уже отмечали основные особенности, позволяющие считать текст 1-й пространной редакции первичным по отношению к текстам остальных редакций Первого послания Грозного; далее мы вновь обратимся к отношениям между этими редакциями. Пока же остановимся на особенностях отдельных списков 1-й пространной редакции, позволяющих выделить во всяком случае одну особую группу в ее пределах.

Эта группа — списки П и А, принадлежащие по своему составу к так называемым «печерским сборникам». Своеобразие текста ПА особенно

² Ср. Лурье. Новые списки, с. 306. Водяной знак — двурукий кувшин с полумесяцем над крышкой и с буквами $\frac{C}{GC(GP)}$. А. А. Гераклитов относит этот вариант филигрании к 20—40-м годам XVII в. (Гераклитов, № 793—836), но соответствующих букв в его альбоме нет. Р. Г. Скрынников отождествляет филигрань этой рукописи с филигранью из рукописного альбома Т. В. Диановой в ГИМ, датированной 1635/36 г. (ср. Скрынников. Переписка, с. 9).

³ Водяные знаки — однорукий кувшин с полумесяцем над крышкой и буквами $\frac{1}{VB}$ (ср.: Тромонин, № 1157—1638 г., — на репродукции Тромонина сохранилась буква В в нижнем ряду) и лилия в гербовом щите, над которой буквы MD (ср.: Тромонин, № 490, — 1637 г.; ср.: Гераклитов, с. 20).

⁴ Ср.: Лурье. Новые списки, с. 306—307. Подробно описана Уо: Keenan, p. 119—125. Д. Уо отмечает в этой тетради два типа филигрании «голова шута» (I и IV), но, по нашим наблюдениям, это один знак — тип (по наблюдениям С. А. Клепикова, он встречается преимущественно между 1641 и 1700 гг., — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «голова шута». — Записки Отдела рукописей, ГБЛ, т. 6, М., 1963, с. 410).

⁵ Ср.: Keenan, p. 139.

⁶ В «Посланиях Ивана Грозного» данная рукопись отмечалась среди списков послания в Кирилло-Белозерский монастырь (с. 562), но, к сожалению, с неточным цифром (№ 1211).

⁷ Keenan, p. 139.

⁸ Обрывается на словах «. . . яко же Ираклия блуда» (Послания Ивана Грозного, с. 45).

⁹ Ср. выше, с. 203.

ясно обнаруживается при сравнении их со списками *Б* и *К*; список *Т* (сохранивший, как и *П*, только первую половину Послания) занимает промежуточное положение между *ПА* и остальными. При этом *Б* и *К* не обнаруживают каких-либо специфических особенностей: нам не удалось найти в них одинаковых явно вторичных чтений. В *ПА*, напротив, встречается целый ряд таких чтений. Приведем их (ограничиваясь только такими, вторичность которых очевидна из контекста или же, если соответствующие тексты представляют собой в Послании Грозного заимствования, — из сравнения с источниками).

*ПА*¹⁰

- 1) . . . государя, иже за Доном (9).
- 2) . . . писание же твое. . . вразумлено и внятно (13).
- 3) . . . в правду с вами, злобесовскими советники (14).
- 4) . . . еже убо подругу Саулю Ресфу (17).
- 5) . . . како потрясен на послед сия. Единого старца (17).
- 6) . . . Июдино же, аще и мало есть, но страшно пребысть (18).
- 7) . . . и князь Федор прародитель ваш (19).
- 8) . . . како же убо ты (*АТ* во) с Июдою предателем. . . причтешься (20).
- 9) . . . совершенен муж и силен, и же хто устне обуздает, тот и все тело (21).
- 10) . . . язык подобен огню, и же водворется. . . человеке естество языка ради. . . умучится (21).
- 11) . . . премудрость. . . земна и бесовска, душе пагубна (21).
- 12) . . . епархом же и пилатом (24).
- 13) . . . от Греческаго царства оттого же вся (26).
- 14) . . . избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от беззаконных жен (29).
- 15) . . . младенца, мене (*А* младенцам). . . хотесте света сего лишити (29).
- 16) . . . про что (*Т* почто) есмь во Израили побили (29).
- 17) . . . казнити подовластных, и мущих разум (31).
- 18) . . . по не времени юности (33).
- 19) . . . отца нашего постелю, к нам же не приклоняся, не токмо яко родительски, но ниже властельски (33).
- 20) . . . шесть лет и полнее не престаше сия злая (35).

Б К

- . . . государя Дмитрия, иже за Доном.
- . . . писание же твое. . . уразумлено внятно.
- . . . по правым вам с своими злобесовскими советники.
- . . . еже убо поят подругу Саулю Ресфу.
- . . . како потрясенно последи Хусея единого старца (ср. 2 Цар., XVII).
- . . . Июдино же, аще и мало бысть, но стройно (*К* — нестройно) пребысть.
- . . . и князь Федор Ростиславич прародитель ваш.
- . . . како ли убо ты не с Июдою предателем. . . причтешься.
- . . . совершенен муж и силен обуздаи и все тело.
- . . . язык — огонь, лепота неправде, тако язык водворется. . . всяко бо естество. . . мучатся.
- . . . премудрость. . . земна, душевна, бесовска (ср. для примеров 9—11 — Иаков, III, IV, 1—3, 8, 11).
- . . . епархом же и пилатом.
- . . . от Греческаго царства отторжесея.
- . . . избиша семдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен (ср.: Суд., VIII, 30).
- . . . младенца моего хотесте . . . света сего лишити.
- . . . про что есмь сильных во Израили побили (ср.: Первое послание Курбского).
- . . . казнити подовластных, и мущере разум.
- . . . не по времени юности.
- . . . отца нашего постелю, ногу положая на стул, к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но ниже властельски.
- . . . шесть лет и полне престаша (*К*; *Б* и пол нет).

В 5 из приведенных примеров *Т* не обнаруживает специфических чтений *ПА*: в цитате из Курбского («. . . про что есмь сильных во Израили») в *Т* сохранилось слово «сильных», пропущенное в *ПА* (пример 16), вместо бессмысленного «пилатом» (пример 12) читается «еупатом» (правителям;

¹⁰ Даем ссылки на «Послания Ивана Грозного», где текст соответствующей части Первого послания Курбскому издан по списку *П* (в скобках в тексте приведены страницы).

БК — «ипатом») и т. д. (примеры 13, 15, 19). Но в остальных случаях *T* совпадает с *ПА*; пропуск имени «Дмитрия» (пример 1); пропуск слова «поят» (пример 4) и т. д. Все приведенные примеры относятся к первой половине Послания, — до окончания списка *П*; после его окончания *T* также оказывается в ряде случаев схожим с *A*, противостоя *B* и *K*; однако в этой части (и в особенности после окончания *T*, когда остаются только списки *A*, *B* и *K*), текстологические соотношения уже не могут считаться достаточно доказательными. К отдельным чтениям *ПА*, *T*, *B* и *K* (в частности, и к таким, которые обнаруживают черты специфичности, хотя и не обязательно первичности или вторичности текстов) мы еще обратимся, когда будем говорить об отношении 1-й редакции к краткой и 2-й пространной редакции. Пока же отметим, что если списки *B* и *K* на основании имеющихся у нас данных не могут быть выделены в какую-либо особую группу и должны возводиться непосредственно к протографу 1-й пространной редакции, то списки *ПА*, очевидно, имеют единый архетип (в свою очередь, восходящий к общему источнику с *T*). Судя по составу сборников *ПА*, можно предполагать, что их архетип представлял собою уже «печерский сборник», где Первое послание Грозного Курбскому помещено вместе с посланием Курбского царю, его же Посланием в Печерский монастырь и еще несколькими памятниками.

Краткая редакция Первого послания известна нам теперь в следующих списках: 1) ГИМ, Музейск., № 1551; первая половина XVII в. (далее: *M*); 2) ГИМ, Музейск., № 2524; XVII в. (далее: *I*); ГПБ, Погод., № 1573; XVII в. (далее: *П*); 4) ИРЛИ, Пинежск., № 112; конец XVII—начало XVIII в.¹¹ (далее: *Пи*); 5) ГБЛ, собр. Фадеева (ф. 312), № 62; конец XVII—начало XVIII в.¹² (далее: *Ф*); 6) БАН, 32.8.5, собр. Петра I, 1, № 13, вторая половина XVII в. (далее: *Ст.*); 7) ЦГАДА, ф. 181 (АМИД), отд. V, р. II, № 11; вторая половина XVII в. (далее: *Ст.*₁); 8) БАН, 24.5.38 (Срезн., № 125); XVIII в. (далее: *Ис*); 9) ГБЛ, Рум. (ф. 254), № 240; XIX в. (далее: *P*); 10) ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 204), № 645; XIX в. (далее: *O*); 11) ГИМ, собр. Черткова, № 80; XIX в. (далее: *Ч*).

Из этих списков впервые привлекаются к исследованию Послания Грозного Курбскому списки *M* (см. ниже, с. 213), *Пи* и *Ф*.

Вопрос об отношении краткой редакции Послания к его пространной редакции (1-й и 2-й) до последнего времени не вызывал споров в научной литературе. Если рассматривать Первое послание Грозного как реальный ответ на Первое послание его противника (для кого бы он ни предназначался — для самого Курбского или более широких читателей), то не может быть сомнения, что такой ответ был дан в пространной редакции, где учтены все замечания Курбского. В свою очередь, Курбский (во Втором послании) отвечал именно на пространную редакцию царского послания, подвергнув осмеянию содержащиеся в ней упоминания о «телогрехх» и «постелях» (сцены с Иваном Васильевичем Шуйским, читающиеся в пространной и отсутствующие в краткой редакции). Попытка пересмотра вопроса о соотношении обеих редакций впервые была предпринята в работе Э. Кивана в связи с его взглядом на переписку Курбского—Грозного как на апокриф XVII в., создатели которого в действительности вовсе не спорили между собой, а имитировали такой спор за авторов XVI в. В пользу того, что сперва была создана краткая редакция «Псевдо-Грозного», рассматривавшая лишь часть вопросов, поднятых «Псевдо-Курбским»,

¹¹ Водяной знак — герб Амстердама под короной; рукопись писана в мастерской Афанасия Холмогорского (не ранее 1682 г.).

¹² Водяной знак — герб Амстердама; ср.: С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 20. М., 1958, № 130 (1672—1736 гг.).

а потом уже полная редакция, Э. Кинан выдвинул следующие аргументы. Прежде всего, по его утверждению, краткая редакция «сохранилась только в пяти списках, причем все они, по-видимому, были созданы около одного времени» — 30—50-х годов XVII в., списки же пространной редакции бытовали и в более поздний период (30—80-годы).¹³ Далее он утверждает, что краткая редакция содержит «гладкий и тематически единый (a smooth and thematically integral) текст», — построить его на основе полной редакции мог бы только «волшебник (wizard)». ¹⁴ Наконец, Э. Кинан сослался на ряд лучших чтений краткой редакции по сравнению с пространной.¹⁵

Возражая Э. Кинану, Р. Г. Скрынников привел несколько примеров явной вторичности текста краткой редакции по сравнению с пространной. Однако автор не провел сравнения обоих текстов на всем их протяжении, ограничившись лишь случайными примерами, данными (в совсем ином контексте) в издании 1951 г. Не учел Р. Г. Скрынников и рукописной традиции обеих редакций, из-за чего некоторые из использованных им чтений оказываются вторичными вариантами ряда списков (а не общередакционными чтениями).¹⁶

Обращение к рукописной традиции обнаруживает прежде всего, что между хронологическим распределением списков краткой и пространной редакции нет существенной разницы. Древнейший список 1-й пространной редакций (II) не моложе, а вероятно, даже немного старше древнейших списков краткой; ¹⁷ поздние списки краткой редакции, как и списки пространной, датируются не первой половиной XVII в., а второй половиной или концом XVII—началом XVIII в. (С_{т₁},¹⁸ а также неизвестные Э. Кинану списки *Ли*, *Ф*); список *Ис* относится даже к концу XVIII в.

Существенное значение для решения вопроса о взаимоотношениях обеих редакций имеет список *М* краткой редакции, обнаруженный Д. Уо. Д. Уо справедливо отметил, что «данный список занимает переходное место между известными списками краткой и пространной редакций»,¹⁹ но не указал, в каком направлении шел этот «переход»: содержал ли *М* вторичный текст краткой редакции, использованной в пространной, или же его текст, восходя к пространной, отражал именно протограф краткой редакции. Но уже некоторые разночтения списка *М*, отмеченные Д. Уо, свидетельствуют в пользу второго предположения. В рассказе об «изменных обычаях» предков Курбского в *М*, как и в пространной редакции, мы читаем: «. . . тако же и отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитрием, внуком, на отца нашего. . . многи пагубы и смерти умышлял»; в остальных списках краткой редакции слова «отец твой,

¹³ Кеenan, p. 9—10, 77; ср. выше, прим. 10 раздела I.

¹⁴ Кеenan, p. 76, 216—219.

¹⁵ Кеenan, p. 216, п. 13, 15. В прим. 13 Э. Кинан сослался на примеры, приведенные в «Посланиях Ивана Грозного» (с. 557), но там приведены образцы лучших чтений краткой редакции по сравнению со списками 2-й пространной редакции (хронографическая группа и «сборники Курбского»), — во всех этих случаях текст краткой редакции совпадает с текстом 1-й пространной и, следовательно, не может свидетельствовать о первичности краткой редакции. О примерах Кинана, приведенных на с. 216, прим. 15, см. ниже, прим. 31 раздела II.

¹⁶ Скрынников. 1) Переписка, с. 70—77; 2) Мифы, с. 126. Помещенная в «Посланиях Ивана Грозного» таблица (с. 556—557), на которую ссылается Р. Г. Скрынников, отмечает соотношение целых фрагментов краткой и пространной (*ИК*) редакций; текстуальные разночтения отмечены в ней лишь в тех случаях, когда расходятся начальные и конечные слова фрагмента; остальные разночтения не отмечались.

¹⁷ См. выше, прим. 10 раздела I.

¹⁸ Э. Кинан включил список С_{т₁} второй половины XVII в. в группу списков первой половины века на том единственном основании, что он близок по составу к списку С_т.

¹⁹ Д. Уо. Неизвестный памятник древнерусской литературы. — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 359.

князь Михайло» пропущены, и читается бессмысленное: «...также князем Дмитрием внуком на отца нашего... многи пагубы и смерти умышлял». ²⁰ Полное сопоставление текста *М* с текстом известных прежде списков краткой редакции обнаруживает еще целый ряд первичных чтений в 1-й пространной редакции и в *М* и вторичных — в других списках краткой редакции:

1-я пространная
редакция и *М*

... послание во все его Российское царство (9).

... искра благочестия доиде и до Российскаго царствия. Сего православия и истинного царствия самодержавство божиим изволением (9).

А еже писал еси: про что (*М* почто) есм я во Израили побили (29).

... весь Израиль побежден (побиев) бысть, и кiot завета господня (*М* господня нет) пленен бысть до дни Давыда царя (23).

... кто устне обуздает, то и все тело обуздает (*М* обуздан) (21).

... возвратишася в день брани зане не (так в большинстве списков 1-й пространной редакции и в *М*) сохраниша повеления (18).

... меч носит, в месть злодеем, в похвалу же добродеем (20).

В нашей же отчине, в Вифильской земле (62).

Другие списки краткой
редакции ²¹

... послание все его Российское царство ²² (124).

... искра благочестия доиде и до Российскаго царствия самодержавство божиим изволением (125).

А еже писал еси во Израили побили (127).

... весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя (129).

... кто устне обуздан (132).

... возвратишася в день брани, не сохраниша повеления (132).

... меч носит, в месть злодеем ²³ (133).

В нынешней же отчине, в Вифильской земле (136).

Полное сопоставление 1-й пространной и краткой редакций Послания с учетом всех списков дает возможность установить текстологические взаимоотношения между ними. Никак не подтверждается мнение Э. Кинана о первичности краткой редакции по сравнению с пространной; ²⁴ не подтверждаются предложенная этим исследователем стемма соотношения обеих редакций ²⁵ и его мнение о большей логичности краткой редак-

²⁰ Там же, с. 359; ср.: Послания Ивана Грозного, с. 29 и 131. Первично и отмечено Д. Уо чтение «... гонения было много и убожества» (ср.: там же) вместо «убожествовал» в других списках краткой редакции.

²¹ В скобках страницы 1-й пространной и краткой редакций в Посланиях Ивана Грозного.

²² В списке *Ли*, как и в *М*, слово «во» читается.

²³ Это чтение (ср.: Скрынников. 1) Переписка, с. 70; 2) Мифы, с. 126), таким образом, свидетельствует о вторичности не краткой редакции в целом, а лишь большинства ее списков.

²⁴ Э. Кинан считает, в частности, свидетельством первичности краткой редакции по сравнению с пространной соотношение заголовков Послания в списках краткой и 1-й пространной редакций: в трех списках краткой редакции (*И*, *П*₁, *М*) Послание озаглавлено «Царево государево послание...», а в двух других (*См*, *См*₁) титул царя дан полнее (ср.: Послания Ивана Грозного, с. 555); более полный титул читается и в списке *Б* 1-й пространной редакции (ср. об этом ниже, прим. 8 раздела III); это обстоятельство указывает, по мнению Э. Кинана, на то, что пространная редакция возникла из нескольких списков краткой (Кеелан, р. 219). Однако указанное соотношение заголовков никак не свидетельствует о первичности краткой редакции: столь же возможно и обратное соотношение, и независимое расширение заголовков.

²⁵ Кеелан, р. 155, стемма Н. Источником пространной редакции был, по мнению Э. Кинана, список краткой редакции типа *П*₁, где, согласно указанию Г. Кунцевича, искажен текст в словах: «А еже писал еси, яко безсмертен мною, и яз безсмертен быти не мною, понеже» (Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным (отдельный оттиск — РИБ, т. XXXI), стлб. 30, прим. 7; Кунцевич не употребляет «клепей», и поэтому текст указанного им разночтения не вполне ясен); в пространной редакции

ции.²⁶ Напротив, если текст пространной редакции достаточно последователен, представляя собою развернутый ответ на все, без исключения, упреки в Послании Курбского, и точно следует ему в изложении, то текст краткой редакции состоит из отдельных фрагментов, лишенных общей идеи и последовательности. Единственная система, которую смог наметить в этом хаосе Э. Кинан, заключается, по его словам, в том, что краткая редакция устанавливает некоторое число главных тем вначале (разделы 1, 2, 3 и т. д.), а затем возвращается к дальнейшему их обсуждению, переходя вновь к словам из письма Курбского.²⁷ Вопреки Э. Кинану, составитель краткой редакции отнюдь не был «волшебником» и в целом ряде случаев не мог скрыть достаточно грубых швов в созданной им композиции.

Весьма странным и непонятным в краткой редакции представляется, например, рассуждение о «предстателях», которых признают истинные христиане: «Мы убо, христиане, знаем предстатели тричисленное божество. . . , и потом предстатели имеем все небесныя силы, архангели, якоже Моисею предстатель бысть Михаил архангел. . . се убо имеем предстатели христианский» (128). Какой смысл имеет это рассуждение? В пространной редакции оно вполне понятно. Курбский назвал «христианскими предстателями» воевод, казненных Грозным; в ответ ему царь писал (в пространной редакции): «Предстатели же называешь тленных человек, подобно еллинскому блядословию. . . Сим же и ты уподобися по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати. . . Мы

нет слов: «А еже. . . мнося, и», — следовательно, она происходит от списка этого типа (Кеелан, р. 161). Но в списке *Л*₁, вопреки Г. Кунцевичу, фраза «А еже писал еси, яко безсмертен» читается полностью и без каких-либо отличий от других списков (ГПБ, Погод., № 1573, л. 64 об.), и, таким образом, весь этот вывод основан на недоразумении. Другим источником пространной редакции Послания царю было, по мнению Э. Кинана, Послание Курбского в оригинале дошедшего до нас дефектного списка ГПБ, собр. Археолог. общ., № 43 (л. 18—19 об.). Список этот отличается крайней путанностью текста (основные разделы его переставлены по сравнению с остальными списками); нескольких фрагментов Послания в нем нет. Э. Кинан полагает, что отрывки, вырезанные из Послания Курбского в оригинале Археолог. общ., № 43, были использованы для составления пространной редакции Послания царя: некоторые из текстов, вышпущенных в Археолог. общ., № 43 («свет во тьму прилагати», «чем провинили перед тобою и чем прогневали», «прегордые царства разорили», «всеродно погубляя»), читаются в пространной редакции как цитаты из Курбского, опровергаемые царем (и отсутствуют в краткой редакции); текст оригинала Археолог. общ., № 43, был, согласно Э. Кинану, «каннибализирован» для создания (склеивания?) пространной редакции царского послания (Кеелан, р. 159—161). Но в Археолог. общ., № 43, пропущена также фраза: «Али ты безсмертен, царю мнишися, и в небытную ересь прельщен», между тем, фраза эта читается в краткой редакции Послания царя даже полнее, чем в пространной; пропущена и фраза «Писана во граде Волмере, государя моего», цитируемая в обеих редакциях. С другой стороны, целый ряд выражений Курбского, опровергаемых только в пространной редакции («разумевай да разумет совесть прокаженному имущу», «святую кровь их во церквях божиих», «праги церковные», «муки и смерти, мучения и гоненья», «изменами и чарованиями» и т. д.), сохранился в Археолог. общ., № 43, и, следовательно, не был вырезан из его оригинала для создания пространной редакции. Таким образом, соответствие между пропусками в Археолог. общ., № 43, и «добавлениями» пространной редакции представляется мнимым, и влияние оригинала этого списка на пространную редакцию не подтверждается.

²⁶ «Поразительным примером» вторичности пространной редакции Э. Кинан считает противоречие между двумя оценками отца Курбского, данными царем: в одном случае он упоминает, что Михаил Курбский умышлял на Василия III «многи пагубы и смерти», а в другом говорит, что Андрей получал больше «жалования», чем его отец, «а храбраванием его хужейша», ибо совершил «измену» (Послания Ивана Грозного, с. 29 и 54); поскольку второго из этих мест (как и всего соответствующего раздела) нет в краткой редакции, в ней не оказывается этого противоречия (Кеелан, р. 82—83). Однако здесь нет противоречия и в пространной редакции: царь осуждает Михаила Курбского, но считает, что Андрей превзошел его в злодействе.

²⁷ Кеелан, р. 218.

же убо, християне, знаем предстатели тричисленное божество» и т. д. (44—45). В краткой редакции начало спора о «предстателях» было опущено и последующие рассуждения поэтому потеряли смысл.

Далее, после рассказа о старце Иванне Колове и непонятого замечания «Сих всех презрел еси», в краткой редакции следуют библейские поучения против многовластия: «Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду, им же мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию» (130). Здесь они совершенно непонятны: ни о каком многовластии перед этим ничего не говорится. Между тем, в пространной редакции перед этим речь идет как раз о многовластии: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градех и властех совладети, иде же вам быти, не подобает. И то от сего случишася в России. . . , и сам беззаконныма очима видел еси. . . К сему же и пророк рече: горе дому» и т. д. (27—28).

В другом месте краткой редакции читается рассуждение о несправедливом поведении сподвижников Курбского (таких, как Тимоха Тетерин), «свергших» навязанный им иноческий образ и вернувшихся в мир; царь грозил им «телесной и душевной погибелью» и прибавлял: «Тако же и в Цареграде множайша сего обрящещи» (134). Какие же именно подтверждения этого правила дает история Царьграда, краткая редакция не сообщает; на этом приведенное рассуждение кончается и следует совсем иной сюжет. Обратившись к пространной редакции, мы, напротив, действительно находим здесь продолжение приведенной фразы: «. . . овем убо носы урезаны, инем же во мнишеская одеянным бывшим на царство паки вскочившим, zde убо горчайшия смерти прияша, тамо же бесконечныя муки» (17). Едва ли вероятно предположить, что эта фраза, естественно продолжающая оборванный в краткой редакции текст, была добавлена в пространной редакции.

В конце Послания в краткой редакции, оправдывая жестокие поступки, совершаемые царями, Грозный сравнивает себя с царем Давидом, приказавшим убивать непокорных, не впустивших его в Иерусалим; далее говорится: «Апостол Павел сие дерзнув, ему же ты являешься учитель» (138). Что это значит? Обратившись к пространной редакции, мы обнаруживаем, что словам о Павле предшествует обширная цитата из Григория Богослова против наватянов (именно с ними Грозный сравнивал Курбского),²⁸ слишком жестоко наказывавших молодых вдов за блуд, между тем как ап. Павел отпускал этот грех «возраста ради, удобь гонимаго». «Павел се дерзнув, ему же ты являешься учитель» (т. е. «Павел решил на это снисхождение, ты же, видимо, благочестивее его») (71), — иронически заявлял Григорий своему оппоненту, фарисею. В краткой редакции начало цитаты из Григория Богослова опущено, из-за чего текст стал совершенно бессмысленным.

Такие же нарушения логики повествования и искажения обнаруживаются и при сокращении краткой редакцией отдельных фраз, сохранившихся в пространной редакции в полном виде. Некоторые из них представляют собой библейские или иные цитаты, — краткая редакция в этих случаях дальше отстоит от источника, и для того чтобы считать ее текст первичным, пришлось бы в каждом случае прибегать к маловероятному предположению о вторичном исправлении текста в пространной редакции. Приводим параллельно тексты обеих редакций (там, где текст Послания представляет собой цитату, отмечаем источник).

²⁸ Ср.: Сборник Григория Богослова XVI в.: ГПБ, Ф. I. 237, л. 598 об.; а также: Творения св. отцов. Т. III. Творения Григория Богослова, ч. III. М., 1844, с. 268—270.

Краткая редакция

Писание же твое. . . наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же обретающесея (127).

Се убо злоба обыче сама себе хапати, сам не разумея, что сладко и свет (128).

Но не закон в церкви складное (130).

Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася, всегда учащася и николи же в разум истинный прияти не могуща (132).

. . . она же не восхоте мимотекущего царствия, но пострижесея и во схиму (134).

. . . безогласных бояр у нас несть, разви друзей и советников (135).

Что же убо писал еси? Понеже убо претительно повелеваеши (136).

. . . ово же гордо, ово же страшно, дмяся выше меры (136).

Вторичность текста краткой редакции во всех этих случаях (особенно там, где фразы бессмысленно обрываются: «. . . сам не разумея, что сладко и свет. . .», «. . . разви друзей и советников. . .») обнаруживается с достаточной ясностью.³¹

Сопоставление краткой редакции с 1-й пространной не только дает основание говорить о вторичности краткой. Мы можем с достаточной

Пространная редакция

Писание же твое. . . наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же пелыни обретающесея (13).

Се убо злоба обычей сама себе хапати! Сам не разумеая, что сладко и свет и что горько и тьма, и иных поучает²⁹ (44).

Но не закон в церкви скудное (51).

Григорий Богослов. Слово на свята просвещения.³⁰

Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася. И сих отвращайся. Водима похотьми различными, всегда учащася, и николи же в разум истинный прияти могуща (22).

Второе послание Павла Тимофею, III, 1—9.

. . . она же не восхоте мимотекущего царствия, но паче нетленного, пострижесея и в схиму (59).

Безогласных же бояр у нас несть, разве друзей и советников ваших, и же и ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавья не престающе содевати (61).

Что же убо писал еси? Кто ты постави (так по спискам АБ; К хотя убо поставити) судию или учителя? Ни к чему убо власть твоя, понеже убо претительно повелеваеши (62).

. . . ово же гордо и страшно, тако же убо и ты: ово убо гордостию дмяся выше меры (62).

²⁹ Пример приведен Р. Г. Скрынниковым: 1) Переписка, с. 70; 2) Мифы, с. 126.

³⁰ ГПБ, Ф. I. 237, л. 593 об.; Творения св. отцов, т. III, ч. III, с. 265.

³¹ Утверждая, что именно краткая редакция содержит лучшие чтения, Э. Киан (Keenan, p. 216), однако, привел либо такие примеры, когда текст краткой редакции первичен по отношению ко 2-й пространной редакции (см. выше, прим. 15 раздела II), совпадая в 1-й пространной, либо указал (p. 216, n. 15) простые ляпусы списка II («орел летаем обтекши», «не страмишися раба своего», «тебя не свержесея», «Израиль побиев бысть») или К («безогласных же бояр у нас ныне»), которым, как обнаруживает проверка, соответствуют вполне правильные чтения других списков 1-й пространной редакции, здесь не отличающиеся от краткой («орли летаем обтекше», «не усрамишася раба своего», «тебя не отвержесея», «Израиль побиев бысть», «безогласных бояр у нас несть», — ср.: ГПБ, Погод., № 1311, л. 298, 300 об., 303 об., 331), либо, наконец, случаи (там же), когда первичность чтений краткой редакции сомнительна и первичными можно считать, напротив, чтения 1-й пространной редакции («венец жизни носити» — 1-я пространная редакция «венец жизни наследити»; «царей достальных истребити» — не только в 1-й пространной редакции, но и в списке М краткой редакции «царей достойных истребити»; в краткой редакции, как и в списке Л 1-й пространной редакции, «не хотех во учительстве быти» — в остальных списках 1-й пространной редакции «не хотех в детстве быти»; «змю оттуду страшну зияющую» — 1-я пространная редакция «змю оттуду страшно дышущу»).

определенностью указать и на то, какой именно вид 1-й пространной редакции был протографом краткой. Выше уже упоминалось о «печерских сборниках» (списках *ПА*) и о ряде вторичных чтений, отличающих их текст от остальных списков 1-й пространной редакции (см. выше, с. 211).

Сравнивая краткую редакцию с соответствующими фрагментами пространной, мы находим там почти все эти вторичные чтения *ПА*. Как и в *ПА*, читаем в краткой редакции: «...писание... вразумлено и внятно» (пример 2; ср. с. 127); пропущено «поят» в словах «еже убо подругу Саулю Ресфу» (пример 4; ср. с. 134); «како потрясенна последи с и я единого старца разумом» (с. 135) вместо «последи Х у с е я единого старца» (пример 5); «Июдино же, еще и мало есть, но с т р а ш н о пребысть» (с. 132) вместо «с т р о й н о пребысть» (пример 6), «князь Феодор» (с. 137) без отчества «Ростиславич» (пример 7); «силен, иже кто устне обуздан» (с. 132), вместо «силен обуздати» (пример 9); «70 сынов Гедеоновых, еже убо отб е з з а к о н н ы х жен» (с. 131) вместо «законных» (пример 14); «младенца, м е н е» (с. 131) вместо «младенца м о е г о» (пример 15); «... еже писал еси: почто есм я во Израили побили» (так в *М*; в остальных списках краткой редакции дальнейшая порча: «а еже писал еси во Израили побили», — с. 127) вместо «прочно есм я с и л ь н ы х во Израили» (пример 16).

Приведенные чтения особенно важны, так как они подтверждают вторичность краткой редакции по отношению к 1-й пространной и позволяют предполагать, что и иные многочисленные совпадения краткой редакции со списками *ПА* (где вторичность чтений не так очевидна) были результатом влияния данного вида 1-й пространной редакции на краткую (а не обратного влияния). Приведем наиболее характерные примеры таких совпадений.³²

ПА и краткая редакция

Б и К

21) ... о нем же живем и движем ся е с м ы (*Т* движем ся и есм я) (9, 124).

22) ... яко же о р е л летанием (*П* летаем) обтекши (9, 125).

23) ... не в о с х и т и х о м ни под кем же царства (10, 125).

24) ... инде рече Павел апостол, и же ты (*Т* ты ж и) сия слова презрел...: «... не перед очима точно работающе, не яко (*П* но яко; *Т* ни яко) человекоугодицы (12, 126)

25) ... что убо ему бранная храбрость (17, 134).

26) ... дабы аз ли ше словом был государь, а вы с попом во всем действе были государи (*П* государь) (23, 129).

... о нем же живем и движем ся.

... яко же о р л и летанием обтекши.

... не в о с х о т е х о м ни под ким же царства.

... апостол Павел рече, ты ж и (*К* иже ты) сия слова презрел...: «... не перед очима точно работающе, яко человеком угодицы.

... что убо п о м о же ему бранная храбрость.

... дабы аз словом был государь, а вы б с попом делом.]

³² На середине Послания, как мы знаем, обрывается текст в списке *П*, а немного дальше — и в *Т*. Но и во второй части Послания мы наблюдаем ряд случаев, когда текст *А*, в противовес остальным спискам, совпадает с краткой редакцией. Приведем примеры.³³

³² См. выше, с. 211.

³³ В этой части текст 1-й пространной редакции дан в издании 1951 г. по списку *К*, — ссылки на него даем в правой колонке; в левой — ссылка на краткую редакцию (продолжаем нумерацию примеров, данную выше, с. 211; список *Т* обычно совпадает с *ПА*; отмечаем отличия).

А и краткая редакция

27) ... предстатели имеем вся небесныи силы, архангелы, яко же Моисею (128).

28) ... подобно манихейстей ереси пиша злобе сие (128).

29) Аз же исповедаю и всем, яко не токмо тамо (128).

30) ... ига работнаго отмається, яко повелеваете мне свою волю творити (129).

31) ... ни о чем же убо не хвалюся в гордости (135).

32) ... не хотех во учительстве быти, в воли вашей (135).

33) О Иродовых (список М краткой редакции Ировых) убо жерцех — еже убо подобно псову лаянию или яди ехидны отрыганию, сему подобно писал еси (136).

34) ... паче же и нам, царем имущим, како уклонитися (136).

35) ... писание хочещи с собою во гроб вложити (136).

36) ... град Воломерь недруга нашего Жигимонтов нарицаеши (136).

37) ... еже ничим же собою владеются, понеже от всех повелеваем (136).

38) ... то не вемы паче вас. Таковый (136).

39) ... беспрестани советуеши злая (136).

40) ... ово бо лукаво, ово же ласкательно (136).

41) ... бесному подобию, колеблясь писал еси (137).

Б и К

... предстатели имеем вся небесныи силы архангелы и аггелы, яко же Моисею (45).

... подобно манихейстей злобнои ереси пиша (50).

Аз же исповедаю и всем, яко не токмо тамо (50).

... работнаго ига отмається, яко го сподие, повелеваете мне свою волю творити (51).

... ни о чем же убо хвалюся в гордости (60).

... не хотех в детстве быти, зволи вашей (61).

От Кроновых (Б кровных) убо жерцех (Б же убо жерцех рекл еси) — еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси (61).

... паче же и нам, царем, разум имущим, како уклонитися (61).

... писание хочещи во гроб вложити (61).

... град Володимерь недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши (62).

... еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабсуща, понеже от всех повелеваем (62).

... не вем: паче же в вас есть таковый (К таковая) (62).

... безпрестани советуеши пагубу (62).

... ово убо лукаво и ласкательно (62).

... бесному подобясь, колеблясь, писал еси (63).

Вторичность ряда чтений *А* и краткой редакции несомненна (примеры 29, 30, 34, 38); в остальных случаях она не может быть установлена с такой определенностью, но ни одно из чтений *Б* и *К* не может рассматриваться как явно вторичное, свидетельствующее о видовой общности этих двух списков.

Конец послания (после слов «аще на торжищех видевше раба владыце, и старцу юношу или сына отцу» — ГПБ, Погод., № 1311, л. 334 об.) отсутствует в списке *Б*; для последних страниц текста в нашем распоряжении остаются только списки *А* и *К*; однако и здесь в одном случае мы можем отметить расхождение между *А* и краткой редакцией, с одной стороны, и *К* — с другой, которое вряд ли следует считать случайным.

А и краткая редакция

... и сими (А ки ми) законнова такова человека. Ненавидство же (138).

К

... и ки ми закон Наватов человека ненавидство, иже (70; ср. с. 580).

Первичность текста *К* подтверждается в данном случае совпадением с текстом Григория Богослова (Слово на свята просвещения): «... и кы ми закон Наватов, человеконенавидство».³⁴

³⁴ ГПБ, F.I.237, л. 598 об.; ср.: Творения св. отцов, т. III, ч. III, с. 268—270.

Систематическое совпадение краткой редакции с *ПА* и особенно наличие в них ряда общих, явно вторичных, чтений дает основание считать, что вид *ПА* 1-й пространной редакции был тем источником, на основе которого была создана краткая редакция (см. схему на с. 225). Это подтверждается и составом рукописей, содержащих *ПА* и краткую редакцию, — «печерских сборников», включающих, наряду с Первым посланием Грозного, также Первое послание Курбского царю, его послание в Печерский монастырь (Третье послание старцу Вассиану) и др. Можно полагать поэтому, что источником краткой редакции был текст 1-й пространной редакции, уже входивший в состав «печерского сборника». Этот «печерский сборник», вероятно, не был вполне идентичен известным нам теперь сборникам *ПА*. Уже сборник *П* по «конвою» немного отличается от тех «печерских сборников» первой трети XVII в. (ГИМ, Увар., № 1584, и ГБЛ, ф. 178, № 4469), которые не включали Послание Грозного (см. выше, с. 208). Здесь, как и в этих сборниках, Посланию Курбского царю предшествует его же послание в Печерский монастырь, а вслед за Посланием царю помещены послание Тетерина и Сарыхозина Морозову и грамота гетмана Полубенского в Юрьев (только после этого следует ответное Послание Грозного); но краткой записки Курбского в Печерский монастырь, которой начинались первые два «печерские сборника», здесь нет. В сборнике *A* нет и послания Курбского в Печерский монастырь (но послания Тетерина и Полубенского есть). В «печерских сборниках», содержащих Первое послание Грозного краткой редакцией (*M*, *И*, *П*₁, *П*_и), «конвой» очевидно, подвергся дальнейшим изменениям по сравнению с первоначальным составом — Послание Курбского Грозному и ответное Послание царя (в краткой редакции) помещены здесь раньше остальных посланий; грамота Полубенского вообще отсутствует. В трех из этих сборников (*И*, *П*₁, *П*_и)³⁵ нет также и послания Тетерина, но сохранилась зато краткая записка в Печерский монастырь, которой нет в *ПА*. Очевидно, оригинал тех «печерских сборников», которые содержали текст 1-й пространной редакции Послания царя, близкий к *ПА*, был полнее по своему составу и этих двух списков, и списков краткой редакции: он включал, кроме переписки царя и Курбского, краткую записку Курбского в Печерский монастырь, его Послание старцу Вассиану и послания Тетерина и Полубенского. Можно ли предполагать, что и текст Послания 1-й пространной редакции, положенной в основу краткой редакции, чем-либо отличался от текста *ПА*? Для решения этого вопроса особенно существенны некоторые чтения краткой редакции в части, соответствующей первой половине текста 1-й пространной редакции, той, которая сохранилась и в *П*, и в *A* (вторая половина текста, сохранившаяся только в *A*, естественно, может отражать индивидуальные чтения *A*). В отличие от *ПА* в краткой редакции читается имя ненавистного Грозному «попа» во фразе: «... понеже с попом с Селиверстом положисте совет, дабы аз лише словом был государь» (129); в *ПА* нет «с Селиверстом» (23);³⁶ перед вопросом: «Тако ли убо на-

³⁵ Э. Кинан считает важной особенностью «конвоя» переписки Грозного с Курбским присутствие в нем «посольских повестей» или легендарной переписки Ивана IV с иностранными государями, сочиненной в XVII в. (Кеenan, р. 12—13). Однако «посольские повести» присутствуют только в списках *ИП*₁ и частично в *M* краткой редакции (ср.: Кеenan, р. 14—15); в наиболее полных «печерских сборниках» — ГИМ, Увар., № 1584, и ГБЛ, ф. 178, № 4469, — их нет. Отметим еще, что в списке *И* за Посланием краткой редакции помещено Послание царя Василия Македонянина к его сыну Льву Премудрому; тот же памятник следует за Посланием и в другом списке краткой редакции — *Ф* (ГБЛ, ф. 312, № 62); возможно, что, несмотря на отсутствие остальных элементов конвоя, *Ф* восходит к «печерскому сборнику» типа *И*.

³⁶ Ср.: Кеenan, р. 216, п. 15.

выкл еси. . . христианскому государю подобно служить?» — в краткой редакции читается приказ: «Отвещай ми» (130; в *ПА* нет, — 13). Читались ли эти слова в близком к *ПА* тексте, легшем в основу краткой редакции, или они были добавлены при составлении этой редакции? Едва ли можно ответить на этот вопрос: и имя «попа» (неоднократно упоминаемое в пространной редакции, — ср. 37—41), и обращение «Отвещай ми» составитель краткой редакции мог добавить просто по смыслу. В разделах краткой редакции, соответствующих второй половине 1-й пространной редакции Послания, обнаруживается вводное пояснение к фразе: «А еже писал еси, яко бесмертен мнюся, и яз бесмертен быти не мнюся» (132; в *A*, а также в списках *B* и *K* 1-й пространной редакции без введения: «Безмертен же быти не мнюся» — 49). Одно дополнительное чтение может быть также отмечено в притче о Карпе (Поликарпе), заимствованной в Послании Грозного из Дионисия Ареопагита. В 1-й пространной редакции притча эта читается в двух последовательно изложенных версиях — полной и сокращенной; в краткой редакции послания сохранилась только эта сокращенная (вторая) версия, но со ссылкой: «. . . в послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измирьскаго видение» (133; в *A* и *B* 1-й пространной редакции эта ссылка предваряет первую версию притчи, но читается: «. . . в послании божественнаго Дионисия о Поликарпе епископе», без слова «Измирьскаго»; в списке *K* пропущено и имя Дионисия — 57). И в этих случаях наличие у составителя краткой редакции особого текста Послания, отличное от известного нам, не обязательно. Все Послание Грозного строилось как ответ на упреки Курбского, и целый ряд абзацев начинался с соответствующих цитат из Послания Курбского; составитель краткой редакции (во всех списках которой Послание Курбского предшествует Посланию царя), считая излишне лапидарным начало одного из разделов «Безмертен же быти не мнюся», мог без труда вставить: «А еже писал еси, яко бесмертен мнюся, и яз». ³⁷ Что касается притчи о Карпе, то к ее происхождению мы еще обратимся; пока же отметим, что первоначальным вариантом притчи, восходящей к ВМЧ, была первая, полная, версия; в краткой редакции Послания сохранились вводные слова (из 1-й пространной редакции) к первой версии и механически присоединенный к ней текст второй версии притчи. ³⁸ Добавлением могло быть в протографе краткой редакции только слово «Измирьскаго» к имени Поликарпа, но дополнение это можно было взять из любого месяцеслова или из Февральской Минеи (память епископа Поликарпа — 23 февраля), где указывалось, что Поликарп был епископом измирским (смирнским).

Итак, источником краткой редакции был, как мы можем предполагать, текст 1-й пространной редакции, близкий к *ПА* и входивший уже в «печерский сборник». Если считать, что текст Послания Грозного был включен в «печерские сборники» не ранее первой трети XVII в. (поскольку к этому же времени относятся наиболее полные по составу из «печерских сборников», не включающие послание царя), то следует, очевидно, отказаться от предположения, высказанного прежде автором этих строк, что краткая редакция была составлена еще при Грозном, и, возможно, при участии самого царя, под влиянием той критики, которую подверг Первое его послание (в пространной редакции) Курбский. ³⁹ Второе послание

³⁷ Отражением более ранней традиции или дополнением к Первому посланию Ивана Курбскому могли быть в краткой редакции и слова «от века» в цитате из Курбского («неслыханные от века муки», — 127; в пространной редакции «от века» нет).

³⁸ На это обратил внимание Р. Г. Скрынников (Переписка, с. 73), не отметивший, однако, того, что титул «Измирьскаго», сохранившийся в краткой редакции, в пространной редакции (по всем известным нам спискам) отсутствует.

³⁹ Послания Ивана Грозного, с. 558.

Курбского, в котором он высмеивал «широковещательное и многошумящее» сочинение царя, не было отправлено Грозному до 1579 г. (как об этом сообщил сам Курбский⁴⁰), и неизвестно, получил ли вообще его царь и реагировал ли он как-нибудь на это послание. В отличие от 1-й пространной редакции краткая редакция Первого послания Грозного относится, очевидно, уже к XVII в. (но не позднее 30-х годов этого столетия).

2-я пространная редакция Первого послания Курбскому может быть разделена на два вида: хронографический, содержащийся в исторических компиляциях второй половины и конца XVII в., и вид, читающийся в «сборниках Курбского», — сборниках, включающих не только Первое, но и остальные послания Курбского царю, а также его «Историю о великом князе Московском». Исследование 2-й пространной редакции не является предметом настоящей работы;⁴¹ нам необходимо только отметить характерные отличия этой редакции от 1-й пространной (и краткой) и ее отношение к ним.

Характерными особенностями 2-й пространной редакции, присущими обоим ее видам, являются уже отмеченные выше существенные дефекты текста: пропуск рассказа об «оскудении греческой власти» после императора Анастасия (после слов «Анастасия Дикотра драчянина не больми начала оскудевати», ср. 85 и 24), рассуждения об отличии «святительства от царства» (после слов «разнство посническому и общежителству», ср. 88 и 27), перестановка из конца в середину большого фрагмента (начиная со слов «восхищати может иже сиру и вдовицу» — в сборниках Курбского: «иже Сидору вдовица», 109), включающего ответ на слова Курбского об его «утешении» в Польше и об Антихристе, а также упреки Курбскому, вообразившему себя «судьей или учителем», и начало обширного письма Дионисия Ареопагита Димифилу до слов «раба владыце или старцу юношу» (ср. 109—113 и 62—67). Фрагмент этот бессмысленно разрывает во 2-й пространной редакции рассуждение о «супротивословиях попа Сильвестра и Алексея» против похода на «лифлянтов». Дефекты эти с несомненностью свидетельствуют не только о вторичности текста, но и о единстве происхождения ее видов,⁴² — ясно, что столь своеобразные пропуски и пере-

⁴⁰ Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным, стлб. 135. На это наказание Курбского (которое делает сомнительным также предположение, что критика Курбского во втором послании царю отразилась на приписках Грозного к Лицевым сводам, — ср.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. — Изв. т. XXIII. М., 1947, с. 274—275) обратила внимание И. И. Карлович в семинаре по истории Древней Руси проф. Б. А. Романова.

⁴¹ Исследованию этому будет посвящена особая статья.

⁴² Вывод о вторичности и едином происхождении обоих видов 2-й пространной редакции, по-видимому, принят и Кианом (Кеелан, р. 155), однако он склонен противопоставлять хронографический вид «сборникам Курбского», считая, что «единственная реальная слабость хронографических текстов — это терзающая нервы (pervertgasking) перестановка разделов на текстологическом уровне», и приводя ряд лучших чтений хронографического вида по сравнению с 1-й пространной редакцией (the redaction preferred by Lur'e — р. 161—162). Но приведенные им примеры — это лясусы списка К («ниже мните мя децкими страшилами устрашити, яко же прежде такового и не сотвористе» вместо «ниже мните мя детскими страшилами устрашити, яко же прежде того с попом Селлвестром и со Алексеем лукавым советом прельстите мя; ниже мните, яко таковая и ныне сотвористе» в списках В и А; «серы очи» вместо «закры, зыкры, закрыты»; «сметевших» вместо «смятших», «явственно» вместо «яве», «стоя» вместо «предстоя», «сорну» вместо «ону», «Поликарпа» вместо «Поликарпу», «приемлете» вместо «просите», пропуск слов «дыхающе — дышуще», «мужей онех», «справедне»), которым соответствуют более правильные чтения не только в краткой редакции и хронографическом виде, но и в списках В и А 1-й пространной редакции. Кроме того, может быть отмечено одно разночтение, никак не говорящее о первичности хронографического вида по сравнению с 1-й пространной редакцией («глаголаху» вместо «глаголали»).

становки не могли возникнуть в обоих видах независимо друг от друга.⁴³

На какой стадии истории текста могли возникнуть эти изменения? Сравнение 2-й пространной редакции с краткой не обнаруживает никаких специфических черт близости между ними. Краткая редакция несомненно не восходила ко 2-й пространной: в ней нет следов перестановки фрагментов, свойственной 2-й пространной редакции, и после упоминания о бегстве Курбского к «Жигимонту», как и в 1-й пространной редакции, следует ответ на слова Курбского о «синклите», ошибочно попавший во 2-й редакции в середину послания (ср. 136, 124 и 109). 2-я пространная редакция также не отразила индивидуальных черт краткой, здесь нет обращения «Отвещай ми» перед словами: «так ли убо навык еси» (ср. 75 и 130), имени «Селиверста» в словах «вы с попом положисте совет» (ср. 84 и 129) и слов «А еже писал еси, яко бессмертен мнюся» перед словами «бессмертен быти мняся» (ср. 114 и 132), и т. д.

Но, не обнаруживая близости к краткой, 2-я пространная редакция в ряде случаев оказывается сходной с тем видом 1-й пространной редакции, к которому восходила краткая, т. е. со списками *ПА* («печерскими сборниками»). Как в *ПА* и в краткой редакции, здесь вместо «Х у с и я единаго старца» (пример 5) читается «с и я единаго старца» (79); как и в *ПА*, говорится, что Италия «от Греческаго царства от того же вся» (87; вместо «отгоржеса» — пример 13); совпадает и ряд других чтений (примеры 15 — «младенца се ли»; 21, 36). Совпадают с *ПАТ* и еще некоторые чтения в разделах, отсутствующих в краткой редакции.

ПАТ и 2-я пространная редакция

БК

... богу противляюща (16, 77).
 ... тако ли пригоже прямая служба
 в о и с т и н н у (35, 95).
 ... а яко же ты (II яко осуженника
 ты), собака, лжеши (35; ср.: *Переписка кн.
 Курбского с царем Иоанном Грозным,*
 с. 61, прим. 3).

... богу противни являюща
 е с я.
 ... тако ли пригоже прямая служба
 в о и н с т в у?
 ... а не яко ты, собака, лжеши.

Заслуживает также внимания одно совпадение 2-й пространной редакции с *A* во второй части Послания, где текст *П* и *T* не сохранился: в *B* и *K* царь, ссылаясь на Послание Курбского, припоминает упрек последнего,

⁴³ Послания Ивана Грозного, с. 530—545. Вопреки этому выводу, С. О. Шмидт недавно вновь вернулся к предположению, высказанному более полувека назад П. В. Вилькошевским о том, что хронографический вид («редакция В» — по П. В. Вилькошевскому, «первый вариант» — по С. О. Шмидту) и текст «сборников Курбского» (редакция *A* или «второй вариант») представляют собой две различные авторские редакции текста, первая из которых была написана 2 июля (даты «2 июля» нет ни на одном из списков 1-й или 2-й пространной редакции; дата эта, представляющая собой явно ошибочную замену «*Ѓ*» на «*Б*», встречается только на одном списке XIX в. краткой редакции, но П. В. Вилькошевский счел возможным почему-то возвести ее к «редакции В»), а вторая — 5 июля 1564 г. (С. О. Ш м и д т. Становление российского самодержавства, с. 34; ср.: П. В. В и л ь к о ш е в с к и й. К вопросу о редакциях 1-го послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. — ЛЗАК, т. XXXIII. Л., 1926, с. 74—76.). Но наличие одинаковой перестановки и связанных с нею абсурдных искажений текста делает совершенно невозможным самостоятельное авторское происхождение обоих вариантов (ср.: *Послания Ивана Грозного*, с. 533, прим. 1). С. О. Шмидт ссылается на то, что при подготовке «Посланий Ивана Грозного» составителям книги не была известна корректура неизданного второго тома «Сочинений Курбского», подготовленного Г. З. Кунцевичем (см. прим. 4 раздела I), но не указывает, каким образом эти материалы подкрепляют приведенную выше догадку П. В. Вилькошевского.

что тот, служа царю, пребывал в «далноконных (*Б*; *К* дальних конных) градех» (56; так и в тексте Послания Курбского древнейшей традиции); в *А* и 2-й пространной редакции — «дальноокольных (дальних и окольных)» (120).

Однако не во всех случаях чтения 2-й пространной редакции совпадают с чтениями *ПА*; в отличие от *ПА* и *Т* здесь (как в *Б* и *К* и в краткой редакции) читается имя государя, одержавшего победу «иже за Доном» — «Димитрия» (71; пример 1), сохранилось отчество князя Федора «Ростиславич» (81; пример 7 — в краткой редакции, как и в *ПАТ*, отчество пропущено); совпадает с *Б* и *К* и ряд других чтений (примеры 3, 4, 8, 9, 10, 11, 14, 18, 20, 22, 24, 25, 26, 27).⁴⁴

Как могут быть объяснены такие особенности 2-й пространной редакции? Очевидно, эта редакция, как и список *Т*, имела общий источник с *ПА*, но не восходила непосредственно к их протографу («печерскому сборнику»).

Поскольку *Т* совпадает с *ПА* в большем количестве случаев, чем 2-я пространная редакция, можно было бы предполагать, что архетип последней отстоял от 1-й пространной редакции дальше, чем *Т*. Однако такому построению противоречат те несколько случаев, когда во 2-й пространной редакции обнаруживаются ясно вторичные чтения *ПА*, которых нет в *Т*; например: «. . . от Греческаго царства о т т о г о ж е в с я» (пример 13; *Т* — «отторгнувся»). Для того чтобы объяснить такое соотношение списков, необходимо, очевидно, предположить вторичное влияние протографа Послания на один из интересующих нас сейчас текстов: либо архетип 2-й пространной редакции, либо список *Т* (или его оригинал) должен быть выправлен по тексту, близкому к протографу Послания (схема 1).

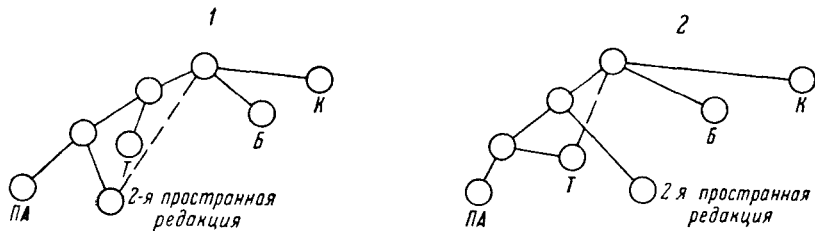

Схема 1.

Два варианта соотношения 2-й пространной редакции с 1-й пространной редакцией.

Второй вариант при имеющихся у нас сейчас данных представляется менее вероятным, чем первый: *Т* — единичный и вдобавок дефектный список; едва ли при его написании (или его оригинала) писец счел нужным обращаться к иной традиции для того, чтобы сделать частные исправления (переделать ошибочное «оттого же вся» в правильное «отторгнувся» можно было, очевидно, лишь обратившись к протографичному тексту).

Более естественным и вероятным представляется вторичное исправление ряда мест при составлении 2-й пространной редакции. Протограф этой редакции, как мы знаем, был дефектным (перестановка текста), но, вновь объединив Послание Курбского с Посланием царя, изменив заголовков (в обоих видах 2-й пространной редакции оно именуется Посланием «против его князя Андреева письма, что он писал из града Волмера»),

⁴⁴ С *БК* также совпадает чтение «имуше разум» (пример 17) в списках хронографического вида (в «сборниках Курбского» здесь дефект, ср. с. 91); в ссылке на апостола Павла (пример 24) чтение «иже ты» во 2-й пространной редакции совпадает с *ПА*, а «я ко человеком угодницы» — с *БК*.

создатель этой редакции, несомненно, старался исправить и дополнить свой текст (схема 2).

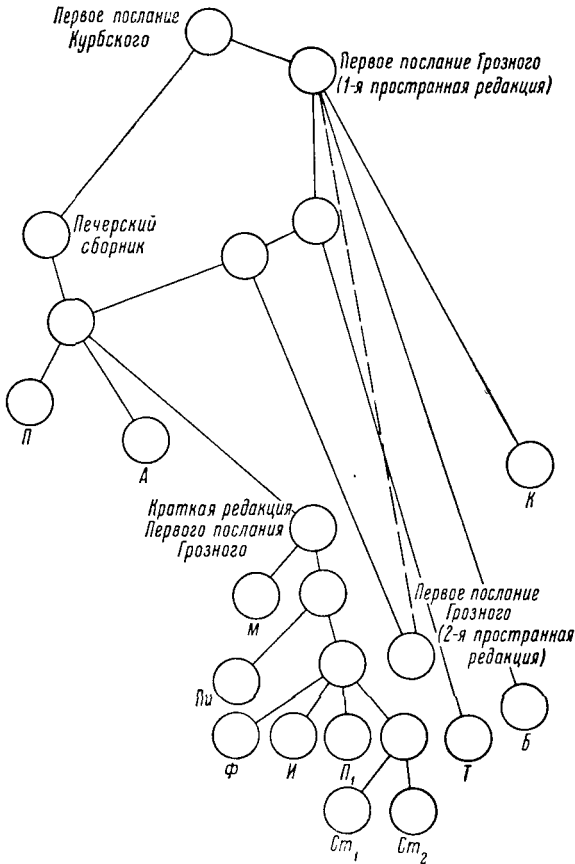

Схема 2. Происхождение основных редакций Первого послания Ивана Грозного А. М. Курбскому.

Так, в 1-й пространной редакции царь, заверяя Курбского в том, что он готов предстать перед судом Христа, говорит: «... истязание же не токмо до власти (К; АБ до властно), но и движение сердечное» (52). Такой же оборот читаем в соответствующем месте той редакции Послания Курбского, которая предшествует в «печерских сборниках» Посланию царя: «Али ты бесмертен, царю мнишися, ... не хотя уже предстати Иусу, хотящему судити... и хотяще истязати их до власти прегрешения их».⁴⁵ Но в библейском тексте, к которому, очевидно, восходит это место у Курбского и у Грозного, читается иначе: «Обаче бог сокрушит главы врагов своих, верх влас приходящих в прегрешениях своих» (Пс., LXVII, 22). В той редакции Послания Курбского, которая помещена в сборниках перед 2-й пространной редакцией, Курбский угрожает царю судьей, который будет «истязати их и до влас прегрешения»; соответственно и в ответе Грозного здесь читается: «... истязание же не токмо до влас, но и движение сердечное» (117). Мы можем поэтому предполагать, что, положив в основу текст Послания Грозного, близкий к виду ПА, составитель

⁴⁵ Ср.: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному (настоящий том, с. 176).

2-й пространной редакции подверг его редактированию на основе какого-то другого (в некоторых случаях, очевидно, более близкого к протографу) текста.

Время создания 2-й пространной редакции Первого послания Грозного может быть указано лишь приблизительно: она возникла, во всяком случае, не позднее середины XVII в., когда был написан древнейший ее список — ГИМ, Увар., № 330 (1581).

III

Наблюдения над рукописной традицией Первого послания Грозного к Курбскому дают, во всяком случае, основание для одного важного вывода: первоначальный текст памятника дошел до нас не в тех сборниках, где Послание царя помещено вместе с Посланием его противника. Уже в «печерских сборниках» читается особый вид 1-й пространной редакции Послания, включающий ряд ошибочных и явно вторичных чтений: на основе этого вида сложилась краткая и 2-я пространная (последняя, по-видимому, с привлечением дополнительного, корректирующего, текста) редакции. Что касается древнейшего первоначального вида 1-й пространной редакции, то он сохранился в сборниках, совсем не содержащих Послания Курбского — *Б*, *К* и (с некоторыми отклонениями от двух первых) *Т*. В *Б* и *К* Послание Грозного помещено в отдельных тетрадах имевших первоначально самостоятельный счет листов и не включавших других памятников; в *Т* за Посланием Курбскому следует другое послание царя — в Кириллов Белозерский монастырь.¹

Текст списков *Б*, *К* и *Т*, на наш взгляд, доказывает, что Послание Грозного проникло в рукописную традицию независимо от «печерских сборников» и в более первоначальной традиции. В какой степени текст, сохранившийся в *Б*, *К* (и частично в *Т*), может рассматриваться как оригинальный, авторский, текст Первого послания Грозного Курбскому? В тексте *Б* и *К*, как мы уже отмечали, нет явных общих ошибок; лишь одно место в их тексте (совпадающее и с *А*; текст *Т* и *П* в этой части не сохранился) вызывает сомнения и дает основание для предположения о какой-то ошибке в протографе всей 1-й пространной редакции. Это — уже упомянутая выше притча о Карпе (Поликарпе), читающаяся в 1-й пространной редакции (как и в хронографическом виде 2-й пространной редакции) в двух версиях — полной и сокращенной. В первой притче герой, который именуется Карпом, видит во сне, как наказывают неверных мужей, прельщавших христиан, и радуется этому зрелищу; Иисус Христос вступает за грешников: «. . . готов бо есмь и паки за человеки спасаемыя пострадати. . . Обаче зри, аще добре имаше и ты, еже в пропасти со змиями пребывание замении еже з богом и благами человеколюбивыми аггелы». Во второй притче герой, Поликарп, молится о гибели еретиков, получает такое же видение и настолько поглощен этим зрелищем, что не видит Иисуса, который подставляет ему плечи и говорит:

¹ Помещение в списке *П* Послания Грозного вместе с Посланием Курбского давало возможность для предположения, что оба эти памятника проникли в письменность из единого источника (например, из архива Курбского); в связи с этим автор этих строк писал в 1954 г., что отсутствие в списках *Б* и *К* Послания Курбского «служит наилучшим доказательством того, что Послание рассылалось „всему Российскому царству“» (Лурье. Новые списки, с. 309). Это замечание вызвало возражения А. А. Зимина (Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, с. 83, прим. 2) и Д. Уо (Кселан, р. 124). — действительно, оно слишком категорично: речь может идти лишь о том, что отсутствие «ковноя» в *БК* лишает основания предположение об общем архивном происхождении обеих частей переписки; в *Т* же мы обнаруживаем «ковной», объединяющий два публицистических сочинения Грозного и не включающий сочинений его врага.

«Аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, да вся в покаяние вменшу». Кончаются обе притчи одинаково — обращением к Курбскому: «И аще убо такова праведна и свята мужа, праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, колыми же паче тебе, пса смердяща, . . . не послушает» — и цитатой из апостола Иакова: «Просите и не приемлете, зане зле просите» (Иаков, IV, 3).² Могло ли это изложение двух сходных притч с одинаковыми концовками принадлежать первоначальному тексту Послания? Р. Г. Скрынников решительно возражает против такого предположения. По его мнению, первоначально в Послании читалась только первая подробная версия, заимствованная царем «из русского перевода послания Дионисия Ареопагита об измирском епископе Поликарпе», а «удвоение» притчи «возникло в результате позднейшей обработки текста царского послания книжниками и переписчиками»; что же касается Грозного, то «если признать за царем Иваном некоторый здравый смысл, . . . невозможно будет объяснить, зачем понадобилось ему в одном и том же послании дважды повторять одну и ту же тираду против „пса“ Курбского. Такой прием не мог не вызвать у адресата ничего, кроме насмешки».³ Если принять это предположение, придется предположить, что «позднейшая обработка текста царского послания книжниками и переписчиками», о которой идет речь, была присуща уже протографу всех известных нам списков 1-й пространной, а за нею и всех последующих редакций и совершилась, во всяком случае, до 20—30-х годов XVII в. Но справедлив ли этот вывод? Уточним прежде всего, какой именно источник был использован при написании Послания Грозного. Послание Дионисия, которое цитируется в Послании Грозного, вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, не имело никакого отношения к епископу Поликарпу Измирскому, — это было то самое послание Дионисия Ареопагита Димофилу из ВМЧ, которое цитировалось и в конце Послания 1-й пространной редакции (во 2-й пространной редакции часть этой цитаты, как мы знаем, ошибочно попала в середину). Ссылка на «послание божественного Дионисия о Поликарпе епископу» перед притчей о Карпе объясняется, вероятно, тем, что в Минеях (за 3 октября) перед посланием Дионисия Димофилу («Димофилу рабу 8-е») было помещено послание (на ту же тему) Дионисия Поликарпу («Поликарпу святителю 7-е»)⁴ Итак, первая притча взята из ВМЧ; вторая — из неизвестного источника. Но кто мог удвоить эту притчу или поместить две сходные притчи рядом? Обязательно ли это должны были сделать переписчики в XVII в.? Сопоставляя дату Первого послания Грозного Курбскому (5 июля 1564 г.) с летописными известиями, Р. Г. Скрынников показал, что в период написания этого письма (между началом мая 1564 г., когда стало известно о бегстве Курбского, и 5 июля) царь путешествовал (был в Никитском монастыре и дворцовых селах под Можайском и Вязьмой), и справедливо предположил в связи с этим, что Иван «не мог один составить целую книгу в течение четырех-пяти недель» и, «вероятно, ему помогал целый штат помощников».⁵ Помощникам этим было, очевидно, поручено сделать выписки

² Считая список А (БАН, Тек. пост., № 230) передающим «лучший и наиболее исправный текст Послания Грозного первой редакции» (Скрынников. Переписка, с. 9; мнение это, как мы видели, не подтверждается сравнением текстов), Р. Г. Скрынников признает правильным чтение А, где дается в данном случае ссылка на ап. Павла, а ссылку на ап. Иакова в других списках и краткой редакции объясняет опиской (там же. с. 76). Сравнение с Библией обнаруживает, что ссылка на Иакова верна, а на Павла — ошибочна.

³ Скрынников. Переписка, с. 76—77.

⁴ ВМЧ, октябрь 1—3. СПб., 1870, стлб. 742—750.

⁵ Скрынников. Переписка, с. 87.

из многочисленных литературных источников, на которые намеревался сослаться царь. Эти книжники, помогавшие Грозному в срочном написании его обширного сочинения, так же легко могли удвоить притчу, как и позднейшие переписчики. Никакого явного логического ляпсуса и абсурда (вроде того, который получился во 2-й пространной редакции при разделении текста из Ареопагита) в помещении рядом двух сходных притч не было, — они не совпадали буквально и даже существенно различались между собой (в первой притче героиней — Карп,⁶ во второй — Поликарп; в первой — грешники прельщают христиан в «безбожие», во второй они — «еретики», «смятшие божественную службу»; различны и слова Христа в обеих притчах);⁷ повторение сходной концовки могло восприниматься как риторический прием, не чуждый Грозному, — вспомним многочисленные повторения формулы — «се ли сопротивно разуму?» — в Послании и заявление самого царя: «Речеши ли убо, яко едино слово обращаю семо и овамо, пишу?». Что же касается Курбского, то в своем ответе он как раз осмеивал склонность царя «хватать» «ото многих священных словес» «преизлишно и звягливо», — среди прочих ляпсусов (которых он не стал перечислять) он мог иметь в виду и удвоение притчи из Дионисия Ареопагита.

В дошедшей до нас рукописной традиции текст, читающийся в *Б*, *К* и отчасти в *Т*, может, во всяком случае, рассматриваться как первоначальный вид 1-й пространной редакции. Тем больше интереса представляет заголовок Послания в этих списках. В *К* он не сохранился; но в *Б* и *Т* заголовок, совпадая с уже известным нам по «печерским сборникам», оказывается более обширным: «послание» (в *Т* — «царево послание») исходит здесь от «государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси» (*Т* добавляет — «самодержца») и адресовано «во все его Великия Росии государство» (*Т* — «во все Росийское государство») ⁸ «на крестопреступников (*Т* его) князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене». Таким образом, смущавшая Р. Г. Скрынникова «прозаичность» заголовка в *ПА* («царево государево послание») как раз не характерна для древнейшего вида, — и царь, и его государство именуется здесь более развернуто и торжественно. Принадлежит первоначальной

⁶ Отметим, кстати, некоторые неточности в изложении Р. Г. Скрынникова: пересказывая текст притчи в Послании по списку *К*, изданному в 1951 г., он пишет, что «некто Карп муж принял на Крите епископа Поликарпа и рассказал ему видение», добавляя, что в списке *А* (БАН, Тек. пост., № 230) «кия мужа, рассказавшего миру о видении, исправлено с Карпа на Поликарпа» (Скрынников. Переписка, с. 74). Однако и в *ВМЧ*, и в Послании Карп рассказывает притчу не Поликарпу, а Дионисию Ареопагиту, а переделка имени Карп на Поликарп в списке *А* — не «исправление», а ляпсус (связанный с уже отмеченной путаницей во второй притче), ибо у Дионисия всюду речь идет не о епископе Поликарпе, а о критянке Карпе (в другом месте первой притчи в списке *А* правильно — Карп).

⁷ Заметим, кстати, что в *ВМЧ*, на которые опирался Грозный в своем Послании, притча о Карпе тоже приводилась дважды, сперва в тексте послания Дионисия Ареопагита Димофилу (*ВМЧ*, октябрь 1—3, стлб. 764—767), затем в проложном рассказе о Дионисии (*ВМЧ*, октябрь 1—3, стлб. 788—790), однако второй текст не совпадает со второй версией притчи в Послании Грозного.

⁸ Это совпадение *Б* и *Т* в адресате послания («государство» вместо «царство» в *ПА*) представляется нам еще более важным, чем совпадение в титуле. Полный титул в заголовке встречается еще в двух списках краткой редакции (в *Ст* и близком к нему *Ст₁*; ср. выше, прим. 18 раздела II). Однако (поскольку оба названных списка не обнаруживают иных черт совпадения с 1-й пространной редакцией) мы не можем с определенностью сказать, сохранился ли здесь первоначальный заголовок протографа или же полный титул царя был проставлен переписчиком XVII в. по привычке. Однако в списках *Б* и *Т* предполагать такое вторичное исправление текста нет оснований, — и потому, что текст этих списков, как мы видели, во многих случаях оказывается первичным по сравнению с *ПА*, и потому, что здесь (в отличие от названных списков краткой редакции) совпадают слова — «во все его Росийское (великия Росии) государство».

традиции, заголовок этот (независимо от того, исходил он от царя или от его канцелярии) имеет значение важного исторического источника: перед нами достаточно раннее и аутентичное свидетельство о том, что Послание было адресовано «во все Российское государство» и носило характер обличения «крестопреступников».

Мы вновь возвращаемся, таким образом, к вопросу о назначении и путях распространения переписки Грозного и Курбского. Тот факт, что многие произведения эпистолярного жанра XV—XVI вв. были не только памятниками личной переписки их авторов, но и публицистическими произведениями, рассчитанными на многих читателей, подтверждается множеством примеров и никак не может считаться «модернизацией», привнесенной исследователями XX в. Послания Вассиана Рыло, Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Даниила, Максима Грека вскоре после их составления переписывались во множестве сборников и использовались другими авторами как формулярные образцы. Отличие посланий Грозного и Курбского от этих посланий состояло только в том, что Геннадий, Иосиф и другие, очевидно, рассматривали своих непосредственных адресатов как людей, к которым они обращались в первую очередь, стремясь передать и внушить им какие-то конкретные идеи; предполагать такие намерения у Курбского и Грозного едва ли возможно.⁹ Жанр «открытых писем», в которых адресат является не собеседником автора, а предметом обличения, в мировой литературе представлен прежде всего сочинениями Цицерона: недаром Курбский счел нужным приложить к одному из своих ответных посланий царю два произведения Цицерона — «сопротив Антонию» и «сопротив Клаудиусу».¹⁰ Знаком ли был этот жанр русской литературе XVI в.? Один пример такого «открытого письма» XVI в. (и притом предшествующего переписке Курбского с Грозным) мы, во всяком случае, знаем. Это — «Ответ кирилловских старцев» на послание Иосифа Волоцкого Василию III, замечательный публицистический памятник, автором которого с достаточным основанием считается Вассиан Патрикеев. «Старцы» обращались к «господину старцу Иосифу», иронически сравнивали его с библейскими пророками, сирашивали: «Почто не испытаешь своей святости?» — и выражали огорчение из-за того, что Иосиф, в отличие от древних святых, не взошел на костер вместе со своими врагами, еретиками.¹¹ Но все эти соображения и советы имели совершенно такой же риторический и публицистический характер, как и обращения и советы царя Курбскому (или Курбского царю): перед нами не диалог собеседников, а обличение. Создавая свою переписку, Курбский и царь имели, как мы видим, образец и в русской литературе своего времени.

Черты «открытых писем» обнаруживаются и в посланиях Курбского в Печерский монастырь, близких по времени к его переписке с царем. Особенно ясны эти черты в Третьем послании Курбского в монастырь, написанном уже после его бегства в 1564 г. «Коиx напастий, и бед, и наругания, и гонения не претерпех!» — упрекал Курбский монахов. «Многажды в бедах своих ко архиереом, и ко святителем, и к вашего чина преподобию со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах, и валяхся пред ногами их, и землю слезами омаках, и ни малые помощи, ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от

⁹ Ср.: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, с. 340, прим. 1; Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 507—508.

¹⁰ Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным, стлб. 137—145.

¹¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 250—253.

них потоковники их кровем нашим наострители явишася». Как и в Послании царю, Курбский заявлял: «Бог судитель праведный и крепкий между вами и мной» — и грозил «себе в руку вложить» это «писаньеце», приближаясь «ко вратом смертным».¹² Таким образом, и здесь перед нами не послание, предназначенное для убеждения адресата, а прежде всего — обличение.

Как и любые авторы «открытых писем», Курбский и Грозный, конечно, не исключали и даже предполагали их прочтение формальными адресатами — теми, кого они обличали. Но публицистический по преимуществу характер этих посланий, естественно, означал, что главной целью их написания было обращение к более широким читателям. Как же передавались и распространялись послания обоих авторов? Мы уже упоминали сказание конца XVII в. о Василии Шибанове, вручившем царю на Красном крыльце послание своего господина и подвергнутом за это пытке. Сказание это явно противоречит летописному известию середины XVI в., что Шибанов после бегства его господина был захвачен воеводами близ Юрьева, и оно не становится достовернее, даже если мы теперь знаем, что версия об обращении Курбского «к государю к Москве с человеком своим с Васкою Шибановым» существовала уже в 20-х годах XVII в. (она читается на заголовке одного явно вторичного списка Послания Курбского).¹³ И Курбский, и его русские и польско-литовские сподвижники (Тетерин и Сарыхозин, Полубенский) отправили, как мы знаем, целый ряд писем на Русь: можно ли предполагать, что каждый из посланцев, перевозивший эти письма, по прибытии открыто заявлял о своей миссии (как это сделал Шибанов, согласно Латухинской Степенной книге) и тем самым обрекал себя на верную гибель? Уже С. Б. Веселовский писал, что «Курбскому не было надобности жертвовать своими верными слугами» для отправления в Москву своих посланий.¹⁴ Противники Грозного из-за рубежа несомненно могли пользоваться иным, достаточно доступным в то время методом отправления на Русь того, что уже в начале XVII в. получило название «подметных», или «прелестных», писем. Совершенно ясно, что авторы таких писем (например, Курбский при написании своих посланий в Печерский монастырь) не только допускали, но и предполагали возможность их достаточно широкого прочтения.

К счастью, в нашем распоряжении имеются и прямые данные о том, как организовывал Курбский передачу и распространение своих сочинений в пределах Русского государства. В нескольких «печерских сборниках», как мы уже отметили, сохранились не только послания Курбского в Печерский монастырь, но и его краткая записка, адресованная, очевидно, в Юрьев, где он просит, «бога ради», вынуть какое-то положенное «в избушке», «под печью, страха ради смертного», «писание», «одно в столбцах, а другое в тетратях», — «и вы то отошлите любо к государю, а любо ко Пречистой в Печеры».¹⁵ Р. Г. Скрынников, обративший внимание на эту записку, высказал в своей книге ряд предположений. По его мнению, среди «писаний», оставленных Курбским в тайнике, было его второе послание в Печерский монастырь, которое боярин написал еще на Руси, но не решался передать адресату;¹⁶ он предполагал, что записку о место-

¹² Письма князя А. М. Курбского к разным лицам (отдельный оттиск — РИБ, т. XXXI). СПб., 1913, стлб. 47—51.

¹³ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси (в печати).

¹⁴ Неизданная статья С. Б. Веселовского — Архив АН СССР в Москве, ф. 620, л. 85.

¹⁵ Письма князя Курбского к разным лицам, стлб. 1—2.

¹⁶ Скрынников. 1) Курбский и его послания в Псково-Печерский монастырь, с. 100—103; 2) Переписка, с. 34—35.

нахождении «писаний» привез на Русь тот же самый «человек», который (как упоминается в третьем послании печерским старцам) ездил также в Печерский монастырь «бити челом о потребных животу», и что человеком этим был Василий Шибанов. По мнению Р. Г. Скрынникова, Шибанов, пойманый в русских пределах, указал тайник с бумагами Курбского и таким образом, по терминологии летописного рассказа, сказал «изменные дела» своего господина, сделав это, однако, «по приказу самого Курбского». Р. Г. Скрынников предположил, наконец, что после ареста Шибанова сам царь послал своего посланца — Плещеева в Озерище за грамотой (Первым посланием) Курбского.¹⁷

Многие из этих предположений являются, конечно, простыми догадками.¹⁸ Несомненным остается один факт: уже после своего бегства (когда и составлена приведенная записка) Курбский имел средства для сношений с Русью и использовал их для передачи и рассылки каких-то «писаний». Каких именно? Точного ответа мы дать не можем, но совершенно ясно, что, судя по второму, а также третьему посланию в Печерский монастырь и Посланию царю, составленному сразу после бегства. «дело государственное», которое Курбский прежде не решался разглашать «страха ради смертного», а теперь сам хотел послать «к государю» (прямо или через Печерский монастырь), должно было быть для царя (как сказал потом сам Грозный) «горчайше полыни». Началась полемика, обращенная «во все Российское государство»; и это обстоятельство не мог не учитывать царь при создании ответа.

Но склонен ли был царь вести подобную полемику? Не противоречила ли она, как предполагает Р. Г. Скрынников, «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных»? Нет, не противоречила. Достаточно обратиться к тексту Первого послания царя Курбскому, чтобы убедиться в том, что, именуя всех своих подданных «рабами» и заявляя, что «доселе русские владатели не истезуемы были ни от кого, но вольны были подвластных своих жаловати и казнити»,¹⁹ Грозный одновременно настойчиво убеждал читателей в своей справедливости и величайшей заботе о «православных». «И тако ли пастырю подобает, еже не рассмотрети о неустроении подвластных своих?» — спрашивал он Курбского.²⁰ «А в ьных землях сам узриши, елико содевается злым злая: там не по здешнему!». Уверяя, что казнит он только «супротивных», а «доброхотных» жалует «своим великим всяким жалованьем»,²¹ царь ставил такую мудрую «обозрительность» себе в особую заслугу: «Како ж и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем ни зверски яритися, ниже безсловесно смиритися?».²² Более того, благо своих подданных Иван объявлял главной целью и смыслом своего существования: «На род же христианский мучительных сосудов не умыш-

¹⁷ Скрынников. Переписка, с. 92—94.

¹⁸ Следует отметить, что в своей последней статье Р. Г. Скрынников согласился с аргументами Э. Кинана, что если бы царь послал за грамотой Курбского в Озерище, то не успел бы написать ответ в начале июля; в связи с этим Р. Г. Скрынников пришел к решению «пересмотреть отношение к легенде о Шибанове» (Скрынников. Мифы, с. 124). Но, согласно этой легенде (Латухинской Степенной книги), как мы знаем, Шибанов передал царю послание на Красном крыльце, между тем, по летописному рассказу (достоверность которого Р. Г. Скрынников признает), Шибанов был захвачен воеводами близ Юрьева. Очевидно все-таки, что рассказ о вручении письма в Москве следует считать легендарным.

¹⁹ Послания Ивана Грозного, с. 44.

²⁰ Там же, с. 19.

²¹ Там же, с. 31.

²² Там же, с. 18.

ляем, но паче за них желаем противу всех враг не токмо до крови, но и до смерти пострадати».²³ «Аз убо верую, яко о всех согрешениях суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и подвластных мне дати ответ, аще моим несмотрением погрешат».²⁴ Как мы видим, «аристократизм» и самовластие Грозного прекраснейшим образом сочетались с самой широкой демагогией. Ясно, что подобные декларации, проходящие через все Послание, адресованы были не Курбскому, а именно «подвластным», тому «христианскому роду», которому надлежало воспринимать их с вниманием и доверием. О том, что Послание «на крестопреступников» было ответом не только на первую «эпистолию» Курбского, может свидетельствовать то место в Послании царя, где, высмеивая намерение своего врага найти «утешение» от своих «скорбей» в Польско-Литовском государстве, он писал: «Паче же и утешен не можеша быти, понеже тамо особь каждо о своем попечении имея. Кто убо может избавить тебя от насильных рук или от обидящаго восхитити тя возможет, иже сиру и вдовице суду не внемлюще». Вторая из этих фраз звучит как цитата, но эта цитата не из Послания Курбского Грозному, а по-видимому, из послания Курбского (второго) в Печерский монастырь, где тот упрекал покорных Ивану IV священников (опираясь на библейский текст, — Исайя, I, 23), что они «не вдовиц и сирот заступают», и восклицал: «. . . кто угасит и кто братию от таковых и толь лютых бед избавит? . . . Кто нас утешит и кто заступит от таковых нетерпимых бед и различных напастей?».²⁵

Но если Послание царя, как и писания его врагов были адресованы «во все Российское государство», то, естественно, встает вопрос, наиболее резко поставленный Э. Кинаном, но встававший, очевидно, и перед другими исследователями. Почему Послание царя не вошло в официальные документы времени Грозного? Почему оно вообще не сохранилось ни в одном списке XVI в.? Отчасти ответ на этот вопрос дает судьба всей светской рукописной традиции XVI в. Она чрезвычайно бедна; ряд светских памятников, написанных в XVI в., дошел до нас только в списках XVII в., — таковы сочинения Пересветова, «Казанская история» и др. (отсутствие их в рукописях XVI в. вызывало, как и в случае с перепиской Курбского и Грозного, сомнения в их аутентичности); многие светские памятники, известные уже в рукописях XV в., «выпали» из традиции XVI в. и вновь появляются лишь в XVII в. (Повесть о Дракуле, «Стефанит и Ихнилат», Повесть об Акире и др.).

Но может быть указана и еще одна причина отсутствия в рукописях XVI в. Послания Ивана IV на его «крестопреступников». Чтобы понять эту причину, это послание следует сопоставить с памятником, близким к нему по происхождению, — с официальной летописью Грозного, сохранившейся в составе Лицевых (иллюстрированных) сводов XVI в. В научной литературе были отмечены совпадения между некоторыми рассказами в Послании и Лицевых сводах — об изгнании Шуйскими митрополита Иоасафа, об истязании Ф. Воронцова и т. д.²⁶ Исследователи обратили внимание на своеобразную судьбу последнего тома Лицевого свода, охватывающего события времени Ивана IV и дошедшего до нас в двух редакциях — в виде Синодального списка и так называемой «Царственной книги». Уже в Синодальном списке рассказы о некоторых событиях царствования Ивана IV подверглись радикальной редакторской правке: в нескольких местах парадный полуустав основного текста был вычеркнут

²³ Там же, с. 60—61.

²⁴ Там же, с. 50—51.

²⁵ Там же, с. 62; ср.: Письма князя Курбского к разным лицам, стлб. 37, 39, 41.

²⁶ Д. Н. А л ь ш и ц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, с. 269—270.

и заменен текстом, записанным скорописью на полях. Составитель «Царственной книги» учел эту правку и аккуратнейшим образом внес ее. Но этими исправлениями дело не ограничилось. Тексты в «Царственной книге» опять оказались недостаточно удовлетворительными, и тот же редактор скорописным почерком внес новые исправления и дополнения в незавершенную еще книгу. Актуальный политический характер этой редакторской работы очевиден: речь шла об острейших событиях времени Грозного (боярские мятежи в годы его детства, политические события 50-х годов XVI в.); тем более интересно, что работа над Лицевыми сводами осталась незавершенной — текст Синодального списка оканчивался 1566 г., текст «Царственной книги» был оборван еще ранее — на 1553 г. На 1566 г. официальное летописание на Руси прервалось и более уже не продолжалось; от последующего периода до нас вообще не дошло общерусских летописей.

В чем причина столь срочных переделок официального летописания? Исследователи убедительно связывали эту редакционную работу с резкими изменениями политики Грозного, опалами и казнями в годы опричнины. Уже Д. Н. Альшиц обратил внимание на два связанных по содержанию, но существенно противоречащих друг другу рассказа Синодального списка и «Царственной книги» о событиях во время болезни царя в 1553 г. В приписке к Синодальному списку под 7062 (1554) г. сообщается о тайном заговоре князя Лобанова-Ростовского, возникшем во время царской болезни, но разоблаченном лишь год спустя. В «Царственной книге» появилась иная приписка к заключительному рассказу 7061 (1553) г., где говорится уже не о тайном заговоре, а об открытом мятеже (которого не знало предшествующее летописание) во время болезни царя. Среди участников этого «мятежа» назван ряд лиц, которых Синодальный список не только не считал мятежниками, но даже упоминал в числе людей, расследовавших в 1554 г., по поручению царя, заговор Лобанова-Ростовского; очевидно, люди эти ко времени составления «Царственной книги» попали в опалу и из «положительных» персонажей превратились в «отрицательных».²⁷ Для нас сейчас наиболее интересно одно из этих лиц: казначей Никита Фуников-Курцев, осужденный и казненный по «изменному делу» в 1569—1570 гг.

Но если к 1569—1570 гг. официальное летописание пришлось срочно переделывать, а потом и вовсе прекратить в связи с резкой переменой судьбы упомянутых в нем официальных лиц, то не мог ли по той же причине устареть и стать нежелательным и другой официальный памятник — Послание царя «во все Росийское государство»? Обратившись к Первому посланию Грозного, мы легко можем убедиться, что и в нем в качестве положительного персонажа выступает по крайней мере один человек, чья репутация пережила резкое изменение в официальном летописании, — казначей Никита Фуников. Оправдываясь по поводу обвинения Курбского в «гонениях», царь писал: «Гонения же на люди воскладаете: вы ли убо с попом и с Алексеем не гонили? . . . Что же о казначее нашем Никите Афонасьевиче? По что живот его разграбите, самого же в заточение много лет, в дальних странах, во алчбе и нагоде держасте?».²⁸ До 1569 г. Никита Афонасьевич Фуников-Курцев был невинной жертвой «избранной рады»; с этого года он стал не менее «злобесным изменником», чем Курбский и его друзья. Очевидно, Послание «во все Росийское государство» к 1569 г. так же нуждалось в переделках, как и официальное летописание. Но стоило ли его переделывать? Прошло 5 лет, полных «измен», кровавых рас-

²⁷ Д. Н. А л ь ш и ц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — ИЗ, т. XXV. М., 1948, с. 279—280.

²⁸ Послания Ивана Грозного, с. 52.

прав и широчайшего «перебора людшек» (как выражался впоследствии сам Грозный). Первое послание Курбского уже не было свежим публицистическим памятником, едва ли кто-нибудь решался о нем вспоминать. Если даже официальное летописание, ведшееся в течение многих веков, Грозный предпочел не переделывать вновь, а просто прервать, то тем более он не стал создавать новой редакции Послания на «крестопреступников».

Резкие политические перемены в годы опричнины, превращавшие актуальные публицистические памятники в устаревшие и вредные, — вот, по нашему мнению, главная причина недостаточно широкого распространения и отсутствия в доступной нам традиции XVI в. Первого послания Грозного Курбскому. Но послание это не совсем исчезло. Оно сохранилось, очевидно, не только в списках, использованных при составлении «печерских сборников» 20-х годов и «сборников Курбского» конца XVII в. Существовала и иная традиция Послания, в которой оно выступало как отдельный памятник, имевший хождение по «Российскому государству» независимо от Послания Курбского.

Ю. Д. РЫКОВ

К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV

Переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского вызвала в последнее время оживленный интерес как у специалистов-исследователей, так и у всех любителей истории России. Поводом для этого интереса послужил выход в свет книги профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана, посвященной исследованию происхождения данной переписки.¹ В своей работе Кинан пришел к выводам о позднейшем происхождении писем царя Ивана и князя Курбского. Согласно концепции Э. Кинана, «переписка» Курбского и Ивана IV возникла в XVII в. Отправным моментом для такого суждения является Первое послание князя А. М. Курбского к царю Ивану Грозному. По мнению американского ученого, это Послание было сочинено известным русским писателем князем С. И. Шаховским в 20-е годы XVII в.

Основой для такого построения послужили отмеченные Э. Кинаном совпадения ряда текстов в Первом послании Курбского к царю и в сочинениях каменецподольского монаха Исаяи, известных под названием «Плач» и «Жалоба» на греческого митрополита Иоасафа. Эти сочинения Исаяи американский историк отнес к 1566 г. Возможность заимствования сходных текстов через третий, общий, источник Э. Кинан отвел по той причине, что такие тексты не обнаружены в настоящее время. Сравнив послание Курбского к царю и сочинения инока Исаяи, Э. Кинан пришел к выводу, что автор Послания использовал в качестве источника произведения Исаяи. Тем самым Э. Кинан поставил под сомнение традиционную датировку Первого послания Курбского (1564 г.), что дало ему основания считать его позднейшим литературным сочинением.

Концепция Э. Кинана была подвергнута широкому обсуждению.

Полемизируя с американским историком, Р. Г. Скрынников предположил, что «Жалоба» была не самостоятельным сочинением, а составной частью одного недатированного послания заключенного в узнице монаха Исаяи. Оно явилось «ответом на „Лист“ неизвестного литвина, помеченный июлем 1562 г.». Исходя из этого, Р. Г. Скрынников сделал вывод, что ответное послание «можно датировать второй половиной 1562 г.». Вывод Э. Кинана о влиянии «Плача» инока Исаяи, точно датированного 1566 г., на письмо князя Андрея Р. Г. Скрынников признал недоказанным. Объясняя установленную Э. Кинаном близость текстов Курбского и Исаяи, Р. Г. Скрынников в целом продолжал исходить из тезиса, что сочинения каменецподольского монаха послужили источником для автора Послания к Ивану IV. Правда, Р. Г. Скрынников заметил, что не следует

¹ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambr. Mass., 1971 (далее: Keenan).

полностью исключать возможность использования одного и того же текста обоими авторами из одного или двух сходных источников, как это делает Э. Кинан.²

В литературе указывались и другие возможные объяснения спорного вопроса. Так, Д. С. Лихачев в рецензии на книгу американского исследователя писал, что Исайя «либо повлиял на Курбского, либо, вернее, сам испытал его влияние».³ Н. Е. Андреев в статье по поводу монографии Э. Кинана выдвинул иную возможность, объясняющую близость текстов: «... или общий протограф, или Исайя знал текст Курбского».⁴

В статье западногерманской исследовательницы И. Ауэрбах об изучении произведений Курбского указывается, что Курбский теоретически мог цитировать Исайю, но в таком случае фактически опять остается вопрос об источнике Исайи, потому что заключенный в тюрьму монах вряд ли, пожалуй, имел причину плакать из-за своей несправедливо пролитой крови. Исследовательница указывает на сходство ряда цитат у Исайи и Курбского с текстами отдельных псалмов и высказывает мнение о том, что эти места могли быть процитированы, например, из перевода Максима Грека, потому что словосочетание «неумытный судья» принадлежит к любимым выражениям последнего. Исайя оставил после себя краткую заметку о жизни Максима Грека, а Курбский всегда считал себя учеником Максима Грека.⁵

Вопреки мнению американского историка Э. Кинана, совпадающие места Первого послания Курбского к Ивану IV и сочинений каменец-подольского монаха Исайи имеют параллельные тексты в третьем источнике. В этой связи в своей заметке мы возвращаемся к вопросу об источниках Первого послания князя А. М. Курбского к Ивану Грозному.

В свое время еще издатели сочинений князя Курбского Н. Г. Устрялов и Г. З. Кунцевич обратили внимание на то, что князь Андрей в первой «эпистолии» к царю Ивану ссылается на текст Второзакония.⁶ Примечательно, что данный текст не обнаруживается ни у Исайи, ни у князя И. А. Хворостинина, предисловие которого «К читателю» Э. Кинан рассматривает также как один из источников Первого послания Курбского царю. Такой текст обнаруживается в тексте послания князя С. И. Шаховского царю Михаилу Федоровичу в связи с предполагавшимся замужеством царевны Ирины. По отзыву Э. Кинана, он имеет «поразительное сходство» с текстом Первого послания, приписываемого Курбскому.⁷

² Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 11—19 (далее: Скрынников. Переписка).

³ Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 204.

⁴ Н. Е. Андреев. Минная тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал (The New Review), Нью-Йорк, 1972, № 109, с. 271 (курсив Н. Е. Андреева).

⁵ I. Auerbach. Kurbskij-Studien. Bemerkungen zu einem Buch von Edward L. Keenan. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., 1974, Bd. 22, H. 2, S. 203—204 (далее: Auerbach. Kurbskij-Studien). Указанная в рецензии И. Ауэрбах нумерация псалмов отличается от нумерации их в русских и славянских псалтырях. Разница вызвана тем, что тексты славянской и русской Библии следуют греческому переводу, сделанному в III—II вв. до н. э. Западные же издания книг Священного писания основываются на нумерации псалмов, которая дана в еврейской, или масоретской, Библии. Отличается в еврейской Библии и в переводах с нее название Книги царств. Ссылку И. Ауэрбах на I Книгу Самуила (I. Sam, XVI, 7) следует понимать как ссылку на I Книгу царств. См. о нумерации псалмов и названиях книг в кн.: Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1968, с. 999.

⁶ Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, ч. II. СПб., 1833, с. 260, прим. 7; Сочинения князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 8, прим. а (далее: Сочинения князя Курбского).

⁷ Kritika. Camb. Mass., 1973, vol. X, № 1, p. 21.

Второзаконие

Да не входит каженик и скопец в сонм господень. Ниже да внидет блудородный во храм господень до десятого рода. Да не внидет амнатитин и моавитин в храм господень и даже до века.⁸

Курбский

В законе господни в первом писано: моавитин и аммонитин и выблядок до десяти родов во церковь божию не входят» и прочая.⁹

Шаховской

Писано бо есть в законе божи: моавитини аммовити всяк иноплеменник да не внидет в церковь божию.¹⁰

Из сопоставления видно, что между текстами Курбского и Шаховского имеется лишь некоторое сходство. Если предположить, что автором Послания Курбского был Шаховской, тогда надо думать, что князь Семен при сочинении Первого послания Курбского обращался к Библии. Текст, приведенный в Послании Курбского, значительно полнее передает текст стихов Второзакония. В Послании к царю Ивану, как и в Священном писании, говорится о том, что рожденный от блуда не может войти в церковь, как и его сородичи до десятого колена. У Шаховского этого момента нет. Зато у князя Семена говорится, что всякий иноплеменник, подобно моавитянину и аммонитянину, не может войти в церковь. Во Второзаконии нет обобщенного указания на «иноплеменника». Вместе с тем и у автора Послания к Ивану IV имеются отклонения в передаче библейского текста. В приведенных отрывках в Послании Курбского и в Послании Шаховского имеется сходное выражение «в церковь божию», отсутствующее в указанных стихах Второзакония, но это выражение следует рассматривать как распространенный богословский штамп,¹¹ который не может служить аргументом. Все указанное выше позволяет признать предположение о единстве происхождения Послания Шаховского и Первого послания Курбского маловероятным. Разнобой в передаче одного и того же библейского текста логичнее объяснить тем, что оба автора цитировали текст Второзакония независимо друг от друга и, очевидно, по памяти.¹²

В тексте первой «эпистолии» к царю Курбский еще раз прямо указывает на свое знакомство с библейскими текстами. «Слышах от священных писаний, хотящая от дьявола пущенну быти на род христианский прогубителя (в других списках: погубителя), от блуда зачатого, богоборнаго Антихриста, — пишет князь в постскриптуме своего письма, — и видех ныне ситклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, и выгубил уже сильных во Израили, аки делом Антихристу: не пригоже таким потакати, о царю!»¹³

Параллельный с этим текст находится во Втором послании Курбского к старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву: «А ждут, богоборныя, вместо Христа — Антихриста, хотяща

⁸ Второзаконие, XXIII, 2—3.

⁹ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), с. 536 (далее: Послания).

¹⁰ А. Г о л у б о в. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1892, с. 159.

¹¹ См. это выражение в библейских текстах: Евангелие от Матфея, XXVI, 61; Первое послание ап. Павла к коринфянам, I, 2; X, 32; XI, 16, 22; XV, 9; Второе послание ап. Павла к коринфянам, I, 1; VI, 16, и др.

¹² Дьяк Т. Васильев говорил о Шаховском как о человеке, разумеющем божественное писание (см.: И. Ф. Г о л у б е в. Два стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 398). В послании, авторство которого приписывается С. И. Шаховскому, «встречаются частые ссылки на „божественное писание“: Евангелие, Апостол, Псалтырь и другие книги, причем цитаты я в н о д а ю т с я автором на память» (там же, с. 399).

¹³ Послания, с. 536; ср.: Сочинения князя Курбского, стлб. 7—8.

пущена быти от отца их дьявола на прельщение и пагубу роду христианскому». ¹⁴

По библейским преданиям, Антихрист должен непосредственно явиться перед вторым пришествием Христа и страшным судом. ¹⁵ Приход Антихриста подготавливается его предшественниками, людьми, враждебными богу. Появление множества таких людей говорит о наступлении «последнего времени». ¹⁶ О том, что Антихрист будет рожден от незаконной связи, на Руси было известно издавна. В «Богословии» Иоанна Дамаскина, переведенном Иоанном, экзархом Болгарским, в главе «о Антихристе» сказано: «...не сам убо то диявол будеть человек по господню вочеловечению, да не будеть, но родит ся человек той от блуда и подоимет все действо сотонино». ¹⁷

Упомянув в постскриптуме своего письма к царю об Антихристе и о подобном последнему «сигклите», губящем «сильных во Израили», Курбский, очевидно, хотел напомнить, что страшный суд, которым он угрожал царю, уже близок. Ссылка же Курбского на Второзаконие имеет своей целью подкрепить справедливость высказывания о том, что «потакать» делам незаконнорожденного вельможи «не пригоже».

В свое время издатель сочинений князя Курбского Н. Г. Устрялов в комментариях к тексту указал, что под «сигклитом», кажется, имеется в виду «царский любимец того времени» Ф. А. Басманов, который «славился мужеством полководца, но был ненавистен народу, как злейший опричник». ¹⁸ По более правдоподобному мнению Р. Г. Скрынникова, под незаконнорожденным вельможей подразумевается боярин А. Д. Басманов, один из руководителей будущей царской опричины. ¹⁹

Приведем еще одну параллель к текстам Первого послания Курбского Грозному и Библии.

Князь Андрей, обвиняя царя в избииении «сильных во Израили», бросил ему упрек в том, что он тпщится «со усердием свет во тьму прелогати и сладкое горько прозывать». ²⁰ Данный текст восходит к книге пророка Исайи: «Горе глаголющим лукавое доброе и доброе лукавое, полагающим тму свет и свет тму, полагающим горькое сладкое и сладкое горькое». ²¹ Буквального совпадения текстов письма Курбского и Библии здесь нет. Курбский, по-видимому, привел указанный выше текст, чтобы намекнуть Ивану IV на то, что того ждет горе.

Иван Грозный в своем ответном «широковещательном» послании постарался отвести обвинение Курбского, заявив, что его корреспондент, «сам не разумея, что сладко — свет, что горько — тма, иных поучает». ²²

¹⁴ Сочинения князя Курбского, стлб. 402.

¹⁵ См.: Книга пророка Даниила, VII, XI, XII; Апокалипсис, XII, XIII, XVII и XX; Евангелие от Матфея, XXIV; Евангелие от Марка, XIII; Евангелие от Луки, XVII, XXI и др.

¹⁶ См.: Первое соборное послание ап. Иоанна, II, 18.

¹⁷ ГБЛ, собр. Егорова, № 125, л. 202 об. — 203. Самый ранний список «Богословия» Иоанна Дамаскина в славянском переводе экзарха Иоанна из числа известных нам в отечественных хранилищах относится к XIII в. (см.: А. В. Горский и К. И. Невострюев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, с. 288). Как известно, в последние годы жизни А. М. Курбский с помощью князя М. А. Оболенского сделал новый перевод книги И. Дамаскина (см.: М. Оболенский. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. — Библиографические записки, М., 1858, № 12, стлб. 355—366).

¹⁸ Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, ч. II, с. 260, прим. 6.

¹⁹ Р. Г. Скрынников. 1) Начало опричины. Л., 1966, с. 202—203; 2) Переписка, с. 53—55.

²⁰ Послания, с. 534; Сочинения князя Курбского, стлб. 2.

²¹ Книга пророка Исайи, V, 20.

²² Послания, с. 43—44, ср. с. 103—104; Сочинения князя Курбского, стлб. 68.

К намеку Курбского параллельных мест в сочинениях Исаии и послании Шаховского нет. Зато мы находим употребление указанного текста пророка Исаии в другом послании Курбского, написанном 21 марта 1575 г. в Ковеле и адресованном польскому шляхтичу Кодиану Чапличу. В этом письме князь Андрей обвинил Чаплича в том, что последний, «не читаючи», похулил «многия святыни» Иоанна Дамаскина, не постыдившись «боговидца Исаи пророка словес: „Горе предлагающему свет во тму и тму во свет, и глаголющему сладко горко и горкое сладко“ и прочие».²³ Отличия указанного текста в письме Курбского к Чапличу от текста книги пророка Исаии свидетельствуют о том, что князь Курбский процитировал текст библейского пророка, очевидно, по памяти.

В Первом послании Курбского царю имеется еще ряд свидетельств знакомства князя с библейскими текстами. Беглый боярин пишет царю о том, что «разсеченный от тебе, у престола господия стояше, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнаннные от тебе без правды от земли ко богу вопиим день и ночь на тя!».²⁴ Здесь содержится напоминание царю-мучителю о суровом возмездии, с явными намеками на библейские тексты. Так, в одном из евангелий мы читаем следующий текст: «Рече же господь: слышите, что судия неправды глаголет; бог же не имать ли сотворити от мщения избранных своих, вопиющих к нему день и ночь, и долготерпя о них. Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре».²⁵ В книге Второзакония имеется иной текст, напоминающий об отомщении и бога за «кровь сынов».²⁶ В Апокалипсисе Иоанна Богослова говорится о том, что когда агнец божий снял пятую печать, то под алтарем оказались «души избивенных за слово божие и за свидетельство, еже имеяху», которые «возопиша гласом великим глаголюще: доколе, владыко святыи и истинный, не судиши и не мстиши крове нашея от живущих на земли?».²⁷ В тексте Псалтыри говорится о том, что господь воздаст отомщение за пролитую кровь, помнит и не забывает голоса убогих.²⁸ В Псалтыри мы находим и выражение «без правды».²⁹

Напоминаний о том, что казненные, заточенные и изгнанные молят у бога отомщения, мы не находим ни у монаха Исаии, ни у С. И. Шаховского. Подобное напоминание помещено было Курбским в текст письма к царю потому, что он выступил перед ним в роли защитника не только самого себя, но и всех подвергшихся царским репрессиям.

В своем письме Курбский спрашивает царя, почему он на «доброхотных своих и душу за него полагающих» учинил неслыханные казни и замыслил гонения.³⁰ И опять князь Андрей использует в качестве оружия против царя библейские цитаты. Своим вопросом Курбский хочет показать царю, что он нарушил христианскую заповедь любви к ближнему, потому что «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положи за други своя».³¹

В письме Курбского Ивану IV имеется текст: «Он есть — Христос мой, седяше на престоле херувимстем, одесную величества во превысо-

²³ Сочинения князя Курбского, стлб. 443—444.

²⁴ Послания, с. 536; Сочинения князя Курбского, стлб. 6.

²⁵ Евангелие от Луки, XVIII, 6—8.

²⁶ Второзаконие, XXXII, 43.

²⁷ Апокалипсис, VI, 9.

²⁸ Псалтырь, IX, 13; XVII, 48, LVII, 11, LXXVIII, 10, и др.; ср.: Auerbach. Kurbskij Studien, S. 206, Anm. 25.

²⁹ Псалтырь, XXVII, 20; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25.

³⁰ Послания, с. 534; Сочинения князя Курбского, стлб. 2.

³¹ Евангелие от Иоанна, XV, 13; ср.: Первое соборное послание ап. Иоанна, III, 16.

ких, — судитель между тобою и мною». ³² Э. Кинан обнаружил здесь текстологическое сходство с предисловием «К читателю», приписанным князю И. А. Хворостинину, и объяснил это сходство тем, что текст Послания Курбского заимствован из этого предисловия. ³³ Оппоненты концепции Кинана показали, что тут действительно наблюдается сходство, но объясняется оно тем, что Хворостинин сам, очевидно, использовал Послание Курбского. ³⁴

Часть указанного текста Послания Курбского восходит опять-таки к библейскому тексту. В Послании ап. Павла к евреям говорится, что Христос «сидел одесную престола величества на высоких». ³⁵ Сходный текст содержится и в переводе Максима Грека. ³⁶ Этот текст апостольского послания был использован Максимом Греком позднее в его «Исповедании православной веры». Только в нем Максим Грек вместо «на высоких» написал «в вышних». ³⁷

Таким образом, из рассмотренного выше ясно видно, что использование библейских текстов в Первом послании царю Ивану характерно для самостоятельной литературной манеры князя Курбского. Отдельные слова и выражения его также близки библейской лексике.

Рассмотрим теперь установленные Э. Кинаном совпадения в Первом послании Курбского и в сочинениях каменецподольского монаха Исаяи. ³⁸ Э. Кинан и Р. Г. Скрынников, как известно, дают однозначное объяснение этому текстуальному сходству: составитель письма к царю использовал текст инок Исаяи. ³⁹

Приведем совпадающие фрагменты из «Жалобы» Исаяи, Первого послания Курбского Ивану IV и обнаруженные нами некоторые параллельные тексты из Библии.

«Жалоба» инок Исаяи	Первое послание Курбского	Библейские тексты
... не с очей на очи, якож(е) ес(ть) обычай правде бездодвно не- подобными словы своими мене облыг- гал. За благая моя воздал ми злая, и за возлюбление мое непримирител (ь)ну нена- вист(ь) и кров(ь) моя, яко вода, пролитая туне, вопиеет к богу	... изменами и чаро- вани иными неподоб- ными облыгая пра- вославных... А диты без смертен, царю, мнишися, и в небыт- ную ересь прельщен, аки не хотя уже пред- статие неумытному судье, надежде христьянской, бо- гу начальному Иисусу, хотяще- му судити вселен- ней в правду, паче	И словесе ненавистными облоуша мя и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, обоблаха мя, аз же моляхся: и по- ложиша на мя злая за благая и нена- висть за возлюб- ление мое. ⁴⁰ ... и умножишася нена- видящие мя без правды: воздающими злая возблагая обоб-

³² Послания, с. 535; Сочинения князя Курбского, стлб. 3.

³³ Кеenan, p. 26—28; Kritika, p. 16.

³⁴ Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный... с. 205; Скрынников. 1) Переписка, с. 19—23; 2) Мифы и действительность Московии XVI—XVII веков. (Ответ профессору Эдварду Л. Кинану). — РЛ, 1974, № 3, с. 119—120 (далее: Скрынников. Мифы).

³⁵ Послание ап. Павла к евреям, I, 3; ср. VIII, 1.

³⁶ ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 118, л. 432 об.; ГБЛ, собр. Егорова; № 30, л. 554, и др.

³⁷ Сочинения Максима Грека, ч. I. Казань, 1859, с. 33. Это сочинение, по-видимому, было написано писателем «в тверском заточении» (см.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969, с. 166). Разнотчение может объясняться тем, что Максим Грек цитировал по памяти указанный текст.

³⁸ См.: Кеenan, p. 21—26.

³⁹ Кеenan, p. 23; Скрынников. Переписка, с. 19, 67.

⁴⁰ Псалтырь, CVIII, 3—5; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25.

моему. А ли бес-
мертен мниш(ь)
себе, аки не хотя
уже предстати
доброму пастырю и истинному учителю и неумытному судии, надежи христианской, бо гоначал(ь)ному Исусу, хотящемоу судити вселенной в правду и истязати всяко колено до влас прегрешения их. Днесь аз в темницы и слова ради истиннаго Христова во юзах, яко злодей, зле сражу. Бог сердца зрител(ь) в разуме моем прилежно смыслях и совест(ь) мою свидетеля поставлях, исках и зрех, мысленне обращааяся, и не вем себе и не наидох, в чем бых, пред ким съгрешил или кому чим повинен в чужей и незнаемей земли.⁴¹

же не обинуяся пред гордым гонителем и хотяще истязати их до власти (*в других списках до влас*) прегрешения их, яко же словеса глаголюют? Он есть — Христос мой, седяше на престоле херувимстем, одесную величества во превысоких, — судитель между тобою и мною. . .

И воздал еси мне злая воз благая (*в других списках за благие*) и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зрител(ь) — во уме моем прилежно смыслях и совесть мою свидетеля поставлях, и исках, и зрех мысленне и обращааяся, и не вем себе, и не наидох ни в чем пред тобою согрешивша.⁴²

га ху мя, зане гонях бла-
гостыню.⁴³

И рече господь: что сотворил еси сне; глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли.⁴⁴

Проляша кровь их, яко воду, окрест Иерусалима, и не бе погребай.⁴⁵

Обаче бог сокрушит главы врагов своих, верх влас проходящих в прегрешениях своих.⁴⁶ Зане устави ест(ь) день, в онь же хочет судити вселенной в правде.⁴⁷

И рече господь Самуилу: не зри на лице его, ниже на возраст величества его, яко уничижих его: понеже не тако зрит человек, яко зрит бог: яко человек зрит на лице, бог же зрит на сердце.⁴⁸

⁴¹ ГПБ, Q. XVII, 70, л. 179; Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мниха камнячанина Исаяи. — ПДПИ, № CLXXXI. СПб., 1913, с. 6—7.

⁴² Послания, с. 534—535; Сочинения князя Курбского, стлб. 2—4. Выражение «воз благая» передано нами раздельно по той причине, что слова «возблагая» нет в древнерусском и церковнославянском языке, а есть предлог «воз», тождственный предлогу «за» (ср. греч.: ἀντὶ), и прилагательное «благая», равнозначное прилагательному «хорошая», «добрая» (см.: Срезневский. Материалы, т. I, стлб. 109—110, 371). Ошибочная передача указанного выражения имеется также в издании Первого послания Курбского Г. З. Кушневичем (см.: Сочинения князя Курбского, стлб. 3, прим. 12) и в издании духовной грамоты Ивана IV (см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 426).

⁴³ Псалтырь, XXXVII, 20—21; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25. На этот псалом наше внимание обратил Н. Б. Тихомиров, которому мы приносим большую благодарность. Он же отметил, что данный стих читается в составе Шестопсалмия почти каждодневно на заутрене. Приведем здесь еще несколько параллельных текстов: 1) «Воздаша ми лукавая воз благая и безчадие души моей» (Псалтырь, XXXIV, 12); 2) «. . . и рече Иосиф домостроителю своему: востав, гони вслед мужей и постигни их, и рцы им: что яко воздасте (ми) злая за благая» (Бытне, IIIV, 4); 3) «Еда воздают ся злая за благая, яко глаголаша словеса на душу мою и мучительство свое сокрыша ми» (Книга пророка Иеремии, XVIII, 20).

⁴⁴ Бытне, IV, 9.

⁴⁵ Псалтырь, LXXVIII, 3; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25.

⁴⁶ Псалтырь, LXVII, 22.

⁴⁷ Деяния апостолов, XVII, 31. Приведем здесь еще несколько параллельных текстов: 1) «И господь вовек пребывает, уготова на суд престол свой. И той с судити и пмать в селенной в правду, судити имать людем в правоте» (Псалтырь, IX, 8—9); Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25); 2) «От лица господня, яко грядет, яко грядет судити земли: с судити в селенной в правду, и людем истинною своею» (Псалтырь, XCV, 13); 3) «От лица господня, яко грядет, яко идет судити земли: с судити в селенной в правду, и людем правостию» (Псалтырь, XCVII, 9; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 206, Anm. 25).

⁴⁸ Первая книга царств, XVI, 7; Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 205.

Из сопоставления приведенных выше текстов ясно видна их взаимосвязь. Сравнение пролитой крови с водой, которое находится в посланиях Курбского и Исайи, имеет параллель в библейском тексте о крови христиан, пролитой в Иерусалиме язычниками. Образ крови, вопиющей к богу, находится в связи с ответом бога Каину, убившему своего брата Авеля. Желание бога судить людей и истязать их «до влас прегрешения» также находится в связи с Библией. При этом в Деяниях апостолов имеется текст, дословно совпадающий с фрагментами из сочинений Исайи и Курбского. Выражение «бог сердцам зритель», являясь переосмыслением, восходит к Священному писанию. Почти буквальное сходство с текстом псалмов царя Давида имеют выражения Исайи и Курбского о воздаянии их врагами зла и ненависти за добро и «возлюбление».

Итак, можно сделать заключение, что ряд совпадающих текстов в «Жалобе» Исайи и в Первом послании Курбского восходит к Псалтыри, Деяниям апостолов, I Книге царств.

Р. Г. Скрынников справедливо отметил, что трудно найти стилистическое сходство текстов Первого послания Курбского и сочинений Шаховского, которое Э. Кинан считает одним из аргументов в пользу того, что Послание Курбского писано князем Семеном.⁴⁹ Э. Кинан отметил, что письмо Курбского и произведения Шаховского также роднит употребление в них сходных необычных выражений, таких как «неумытный судья» и «бог сердцам зритель».⁵⁰ Р. Г. Скрынников охарактеризовал эти выражения как краткие богословские штампы, которые «едва ли являются достаточным доказательством связи между Посланием Курбского и прозой Шаховского» и еще менее «доказывают, что „Послание Курбского“ написал Шаховской».⁵¹ Теперь можно говорить о том, что выражение «неумытный судья» существовало в XVI в. еще до бегства князя Андрея в Литву. В слове Кирилла, архиепископа александрийского, «О покаянии» упоминается о боязни перед «неумытным судьей» на «страшном и неумытном судище». Слово это, как явствует из надписи под заглавием, было «преведено от греческаго(о) на русский Максимом иноком греком в лет(е) 50-м 8 тысящы», т. е. в 1541/42 г.⁵²

Выражение «неумытный судья» многократно используется и в целом ряде оригинальных сочинений Максима Грека.⁵³ Употреблялось оно и позднее, после бегства Курбского, но до начала писательской деятельности князя С. И. Шаховского. Во вкладной записи архиепископа вологодского и великопермского Ионы от 15 декабря 1593 г., писанной по листам Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, сказано, что похитителя книги из монастыря «судит страшный, неумытный судья, егда на грознем и праведнем суде своем судити придет всяческым и воздаст комуждо по делом его истинный бог наш».⁵⁴

⁴⁹ Скрынников. 1) Переписка, с. 44—45; 2) Мифы, с. 122—123.

⁵⁰ Кеenan, p. 41.

⁵¹ Скрынников. Переписка, с. 45.

⁵² ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 523, л. 259—259 об.; ГБЛ, собр. Румянцева, № 265, л. 318; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 201, л. 491, и др.

⁵³ См.: Сочинения Максима Грека, ч. I, с. 130, 141; ч. 2. Казань, 1860, с. 137, 146, 179, 181, 361, 374, 376, 408; ч. 3. Казань, 1862, с. 16. И. Ауэрбах по рукописи ГПБ, F. I. 425 отметила дважды выражение «неумытный судья», которое она нашла в текстах произведений Максима Грека (Auerbach. Kurbskij-Studien, S. 203, Anm. 19). Приведенные Ауэрбах цитаты имеются в печатных текстах творений Максима Грека (см.: Сочинения Максима Грека, ч. 2, с. 179, 181). Отметим также употребление Максимом Греком выражений «безмытный судья» и «страшное неумытное судии второе пришествие» (см.: Сочинения Максима Грека, ч. 2, с. 137, 147).

⁵⁴ С. И. Сметанина. Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 367, прим. 1.

Выражение «бог сердцам зритель» восходит к тексту одного из стихов I Книги царств. У Шаховского это выражение передано в несколько иной форме, чем у Курбского: «З р и т е л ь тебе господь. . . , з р и т в с е р д ц ы твоим неоскудное ни тщеславное ко всем подаяние» и «з р и т е л ь господь».⁵⁵ Сходное выражение с текстом письма Курбского находится в письме сподвижников князя Андрея в эмиграции Т. Тетерина и М. Сарыхозина к царю Ивану IV: «. . . и в том, государь, с е р д ц а м з р и т е л ь, волен б о г. Он бо есть, зрит всех вину и правость сердечную».⁵⁶ Отражение того же библейского текста находим и у публициста XVI в. игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина. В одном из своих посланий он пишет, что «страшное и всевидящее око небесного царя всех человек с е р д ц а з р и т и помышления веси».⁵⁷

Князь Курбский использовал отдельные фразы из числа совпадающих с «Жалобой» Исаи не только в Третьем послании своем к старцу Псковского Печерского монастыря Вассиану Муромцеву,⁵⁸ но и в «Истории о великом князе московском», написанной почти спустя 10 лет после бегства из России. В этом сочинении князь Андрей, завершая первую часть, писал: «Тако же и мы вкратце написахом малую часть, яко прежде много рехом, все оставляюще б о ж и ю с у д у нелицеприятному, х о т я щ е м у воздати с о к р у ш и т и г л а в ы в р а г о в с в о и х, а ж и д о в л а с п р и х о д я щ и х в о п р е г р е ш е н и я х с в о и х, с и р е ч ь о т о м с т и т и н а м а л е й ш у ю о б и д у у б о г и х с в о и х о т п р е с и л ь н ы х».⁵⁹ Мы видим, что здесь, как и в Первом послании Курбского, читается выражение «до влас», а не «верх влас», как в тексте LXVII псалма, но в целом текст ближе к тексту псалма.

Р. Г. Скрынников привел одну из параллелей к совпадающим выражениям первого письма Курбского к Ивану IV и «Плача» Исаи, написанного в 1566 г. Исследователь обратил внимание на текст стиха 42 из гл. XII Евангелия от Матфея.⁶⁰

В «Истории» А. М. Курбского находится параллельный текст к совпадающим местам в «Плаче» Исаи, в Первом послании Курбского Ивану IV и к евангельской цитате, указанной Р. Г. Скрынниковым. В «Истории» говорится: «И якоую мзду зде получиша от того лютого и безчеловечного царя! Едали Христос не воздаст им («новоизбиенным мученикам», — Ю. Р.) и не украсит венцы мученическими таковых, яже обещал и з а ч а ш у с т у д е н ы я в о д ы о т д а т и м з д у?»».⁶¹

Самое определение «мздовоздатель» не является также чем-то оригинальным: оно находится в тексте Послания ап. Павла к евреям. В Послании этом говорится о том, что Христос верующим «и взыскующим его м з д о в о з д а т е л ь б ы в а е т».⁶² Современник и учитель Курбского Максим Грек также называл Христа в своих сочинениях «богачейшим мздовоздавцем».⁶³ В некоторой степени параллельным текстом к совпадающим местам сочинений Исаи и Курбского является текст Апокалип-

⁵⁵ И. Ф. Голубев. Два стихотворных послания. . . , с. 410, 413.

⁵⁶ Послания, с. 537: ср. Сочинения князя Курбского, стлб. 491; Скрынников. Перешиска, с. 39.

⁵⁷ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, с. 184.

⁵⁸ Кеenan, р. 29—30; Скрынников. Переписка, с. 23, 24, 27, 28, 66—67.

⁵⁹ Сочинения князя Курбского, стлб. 274.

⁶⁰ См.: Скрынников. Переписка, с. 13, прим. 28.

⁶¹ Сочинения князя Курбского, стлб. 352—353.

⁶² Послание ап. Павла к евреям, XI, 6.

⁶³ Сочинения Максима Грека, ч. 2, с. 411.

сиса, в котором говорится: «И се гряди скоро, и мзда моя со мною, воздаст и комуждо по делу его».⁶⁴

Исходя из установленного выше факта, что использование библейских текстов в Первом послании к царю Ивану IV характерно для самостоятельной литературной манеры князя Андрея, можно предполагать, что в той же манере написаны и те места послания, которые имеют сходство с сочинениями каменецподольского инока Исаяи. В пользу этого предположения говорит также и то, что в аналогичной манере нашим писателем писаны и другие его оригинальные сочинения.⁶⁵ Особое место среди них занимает Третье послание Курбского к инокку Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанное, очевидно, одновременно с Первым посланием к царю.⁶⁶ В Третьем послании к Вассиану Курбский, в частности, приводит мнение одного архиерея, который учил: «Не надобе. . . глаголати пред цари не стыдися о различных законопреступных делах их, неудобь бо стершима ярость их человеческому естеству».⁶⁷ Курбский восстает против этого еретического учения⁶⁸ и требует обличения его. В доказательство своей правоты он ссылается на примеры пророков, апостолов, святых отцов и вспоминает одну из христианских евангельских проповедей, цитируя ее.⁶⁹ Сходный протест содержится и во Втором послании Курбского к Вассиану. Там же приводится и аналогичная евангельская цитата, указываемая, вероятно, по памяти.⁷⁰

Князь Курбский, очевидно, не случайно в посланиях Вассиану упоминания о наставлениях пророков, святителей и делал ссылку на Евангелие. Священное писание давало яркие примеры того, как древние пророки бесстрашно обличали неправедных и беззаконных царей, говоря им правду в лицо.⁷¹ (Курбский горько переживал отсутствие в России святителей, способных обличить законопреступность царя, проливающего кровь своих подданных. В письмах к Вассиану Курбский с резкой критикой обрушился на царя Ивана, его приближенных и иосифляниское духовенство, подражая ветхозаветным пророкам. Князь Андрей своими обличениями хотел побудить иноков Псково-Печерского монастыря к открытому политическому протесту против Ивана Грозного.⁷² Подражание древним пророкам можно усмотреть и в Первом послании Курбского к царю, в котором автор, «не стыдися», резко обличает Ивана IV в беззаконии и пролитии крови и бросает ему угрозу божьего «страшного суда».

Итак, мы рассмотрели два случая совпадения выражений у Исаяи и Курбского и отметили близость целого ряда из них к библейским текстам. Наличие эпитета «непримирительную» у Курбского и Исаяи перед словом «ненависть», отсутствие этого эпитета в Псалтыри, другие рази-

⁶⁴ Апокалипсис, XXII, 12.

⁶⁵ См. примечания к «Сочинениям князя А. М. Курбского» в издании Г. З. Кунцевича, с отсылками на библейские тексты.

⁶⁶ См.: Р. Г. Скрынников. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 113; 2) Переписка, с. 36, 67.

⁶⁷ Сочинения князя Курбского, стлб. 395.

⁶⁸ Еретическим это учение выглядит, очевидно, потому, что оно противоречит тексту Псалтыри: «И хощах в широте, яко заповеди твоя възсках: и глаголах о свидениях твоих пред цари и не стыдяхся» (Псалтырь, СХVIII, 45—46).

⁶⁹ См.: Сочинения князя Курбского, стлб. 408; ср.: Евангелие от Марка, VIII, 38; Евангелие от Луки, IX, 26.

⁷⁰ См.: там же, стлб. 395—396; ср.: Евангелие от Марка, VIII, 38.

⁷¹ См. I—IV Книги царств.

⁷² См.: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — Послания, с. 472; Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма. . . , с. 108—109.

тельные совпадения Послания Курбского и сочинений Исайи и их отличия от библейских текстов ясно говорят, что произведения обоих писателей находятся между собой в связи.⁷³

Сочинения князя Курбского свидетельствуют о том, что «государев изменник» хорошо знал Священное писание. Этот вывод вполне согласуется с показанием самого князя Андрея, писавшего в «эпистолии» к Чапличу о том, что «от радости нашей во священных писаниях, по силе нашей, научени и утверчени в вере христианской благочестивых догматов».⁷⁴ Использование библейских текстов и выражений является характерной литературной манерой Курбского в Первом послании к Ивану Грозному. Сама по себе такая манера не случайна: в эпоху феодализма, по меткому выражению Ф. Энгельса, библейские тексты имели «во всяком суде силу закона».⁷⁵ Князь Андрей и использовал в своей «эпистолии» библейские тексты, чтобы с их помощью обличить «законопреступность» Ивана IV; он выступает в качестве своеобразного пророка от имени всех «неповинно» казненных, брошенных в тюрьмы и «прогнанных без правды».

Послание князя Андрея царю Ивану текстологически близко к сочинениям каменецподольского монаха Исайи. Произведения Исайи и Курбского обнаруживают ряд общих вариантов, отличающихся от параллельных библейских текстов. Наличие таких вариантов говорит о том, что сочинения Курбского и Исайи были так или иначе связаны между собой. Вопрос о взаимоотношении сочинений Исайи и Курбского не может считаться решенным окончательно. Ни Э. Кинан, ни Р. Г. Скрынников не дали достаточно убедительных аргументов в пользу тезиса о том, что составитель письма к царю пользовался сочинениями Исайи.⁷⁶

Если считать, что Курбский использовал при написании письма к царю сочинения Исайи, то придется предположить, что произведения заточенного в тюрьму монаха были у беглого князя в Вольмаре. Между тем, письма Исайи являются очень редким литературным памятником. В настоящее время известен только один сборник, содержащий в своем составе списки этих писем.⁷⁷ Использование богословских текстов является характерной манерой Курбского как писателя. Есть и другие доводы и соображения против такого соотношения текстов.⁷⁸

Более вероятно, что Исайя использовал письмо Курбского, которое он мог получить или от его соотечественников из Литвы, или от окружения царя. Известно, что Исайя имел сношения с земляками. Сохранился список с «Листа», который был написан в Московской земле на Вологду в июле 1562 г. неизвестным. В этом «Листе» сообщалось, что узника Исайю навестит некий «брат».⁷⁹ Подобные сношения соотечественников с Исайей, конечно, могли иметь место и позднее. С другой стороны, известно, что царь Иван вместе с семьей с 21 сентября по 27 декабря 1565 г. находился

⁷³ Те же самые отличия от совпадающих мест Исайи и Курбского характерны и для Толковой Псалтыри, переведенной в 1519 г. Максимом Греком (см.: ГБЛ, собр. Овчинникова, № 63, л. 205 об., ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 86, л. 69, 271 об.—272 и др.), и для Псалтыри, переведенной в 1552 г. для Нила Курлятева тем же Максимом (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 62, л. 70, 122 и др.).

⁷⁴ Сочинения князя Курбского, стлб. 437.

⁷⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, с. 360.

⁷⁶ См. статью А. А. Зимина «Первое послание Курбского Ивану Грозному» (настоящий том, с. 176—201).

⁷⁷ ГПБ, Q.XVII.70.

⁷⁸ А. А. Зимин. Первое послание. . . , с. 188—193.

⁷⁹ ГПБ. Q.XVII.70, л. 180; Д. И. Абрамович. К литературной деятельности. . . с. IX—X; Скрынников. Переписка, с. 16—17.

в объезде. Первоначально Иван IV поехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, «а от Троицы в Александровскую слободу, а из слободы в Переяславль, в Ростов, в Ярославль, на Вологду».⁸⁰ Как известно, в 1566 г. в ростовской темнице узник Исаяя написал свой «Плач»,⁸¹ который в одном месте обнаруживает сходство с текстом Послания Курбского к Ивану IV. В указанном рукописном сборнике этот текст помещен перед текстом «Жалобы» Исаяи.⁸² Отдельные места «Жалобы» и Послания Курбского имеют большое текстуальное сходство. По предположению Н. Е. Андреева, с царским объездом могло быть связано ознакомление Исаяи с письмом Курбского, которое хранилось в канцелярии Ивана IV.⁸³

Самым простым и логичным представляется вариант, что и Исаяя, и Курбский использовали третий, общий источник, но нам в настоящее время он неизвестен.

Таковы наши предварительные соображения, объясняющие взаимосвязь текстов произведений Курбского и Исаяи. Для решения вопроса о их взаимоотношении необходимо дальнейшее источниковедческое исследование с привлечением новых научных данных.⁸⁴

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, с. 399.

⁸¹ ГИБ, Q. XVII.70, л. 177; Д. И. А б р а м о в и ч. К литературной деятельности. . . , с. 4.

⁸² ГИБ, Q. XVII. 70, л. 178 об.; Д. И. А б р а м о в и ч. К литературной деятельности. . . , с. 6.

⁸³ См.: Н. А н д р е е в. Мнимая тема, с. 272.

⁸⁴ Уже в процессе издания нам удалось найти еще одну параллель к «необычным выражениям» Курбского. Выражения «зритель, государь, сердца бог» и «бог сердца весть» употребил Иванец Фуников в стихотворном юмористическом «Послании дворянина к дворянину», написанном, как полагает И. И. Смирнов, «вскоре после подавления восстания Болотникова, вероятней всего, — весной 1608 г.» (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М., 1951, с. 541—542). Автор считает своим долгом поблагодарить А. А. Зимина за ценные советы и замечания, высказанные им при подготовке этой заметки к печати.

Р. И. ДМИТРИЕВА

О структуре Повести о Петре и Февронии

Произведение о муромских святых Петре и Февронии после канонизации их в 1547 г. было признано житием и получило распространение в письменности как «Повесть от жития святых новых чудотворцев муромских Петра и Февронии». О житийных функциях произведения говорят и подзаголовки внутри текста некоторых списков второй редакции, с включенными в них пометами ритуального назначения. Однако принадлежность Повести житийному жанру является чисто формальной. Еще В. О. Ключевский характеризовал Повесть о Петре и Февронии как произведение, по существу не имеющее ничего общего с традициями этого жанра: «Легенда о Петре, под которым, по-видимому, разумеется умерший в 1228 г. в ипостаси муромский князь Давид Юрьевич, не может быть названа житием ни по литературной форме, ни по источникам, из которых почерпнуто ее содержание; в истории древнерусской агиографии она имеет значение только как памятник, ярко освещающий неразборчивость, с какою древнерусские книжники вводили в круг церковно-исторических преданий образы народного поэтического творчества».¹ Содержание и художественная структура этого произведения не укладываются в рамки житийного канона. Слишком значительные отклонения его от житийного жанра были ясны уже и в XVI в. Митрополит Макарий не включил Повесть о Петре и Февронии в состав Великих Минеи Честий. И в том же XVI в. начали вносить изменения в содержание Повести, пытаясь приблизить ее к жанру жития. Над нею, в частности, трудился будущий патриарх Гермоген в бытность свою в Казани.

Нетипичность Повести о Петре и Февронии как жития ощутима с первого взгляда. Не требуется больших усилий, чтобы заметить в ней ряд отступлений от агиографического канона. Если рассматривать Повесть как житийное произведение, то ее следует отнести к житию биографического типа. Согласно правилам ведения рассказа (выработанным на основании византийских канонов), этот тип рассказа, помимо наличия предисловия и послесловия, должен был строиться по следующему плану: восхваление родины и родителей святого, сведения о проявлении святости в юности, искушение, служение богу, кончина и посмертные чудеса.² Конечно, во многих случаях житийные тексты в той или иной степени отклонялись от этой схемы. Содержание Повести о Петре и Февронии особенно трудно согласовать с требованиями канона жития биографического типа.

¹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 287.

² С. В. Полякова. Византийские легенды как литературное явление. — В кн.: Византийские легенды. Л., 1972, с. 247—248; Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пгр., 1914, с. 16—17; Д. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, с. 104—105.

Из всех переработок Повести наиболее приближенными к житийному канону являются Причудская редакция и Проложная статья. Характерно, что редакторы этих переработок, независимо друг от друга, включают почти в одинаковых выражениях необходимые для жития сведения о родителях и юношеских годах князя Петра.

Проложная статья³

Сей благочестивый князь Петр родися от благочестиву родителю и святу корене и наказан бысть в добре исповедании и целомудрии во граде Муроме и праведно власть свою правя.

Причудская редакция⁴

Сей же благородный и благочестивый великий князь Петр родися от благочестиву родителю в Муроме граде и воспитан бысть от нею в добре наказании, в страхе божии, посте и молитве, и всех добродетели прилежав. Часто ходяше святыи по святым церквам, молящися богови о своем спасении, милостыню и любов много к нищим творяще господа ради.

Сопоставление этих переработок с первоначальным вариантом Повести наглядно показывает, насколько первоначальный вариант не согласуется с требованиями агиографического канона. Составитель Причудской редакции, стремясь приблизить произведение к житию, должен был прибегнуть к самостоятельному переложению фабулы, а автор Проложной статьи, исключив событийный ряд, ограничился общими фразами о благочестивом образе жизни святых.

Повесть о Петре и Февронии выходит за рамки житийной тематики; в ней рассказывается о жизни святых в основном в аспекте их взаимоотношений. Таким образом, содержание Повести находится в противоречии с агиографическим жанром, который предписывал изображение идеализированных стереотипных героев без какой-либо их психологической характеристики.

Содержание Повести было определено существованием предания о жемчужбе князя на крестьянке. Это, видимо, послужило той реальной основой, на которой строился рассказ о Петре и Февронии. В народном сознании прочно запечатлелась память о том, что крестьянская девушка, вылив князя, вышла за него замуж. Это, в свою очередь, вызвало ассоциации со сказочными мотивами о браке социально неравных партнеров. И таким образом предание было объединено с народной сказкой о мудрой девушке. Для объяснения причин княжеской болезни был использован другой классический сказочный мотив — борьба со змеем. Насколько очевидной является нетипичность Повести о Петре и Февронии как жития, настолько ясна связь ее с фольклорными источниками. Еще Ф. Буслаев в своем исследовании «Песни древней Эдды о Зигурде и муромская легенда» привел параллели к Повести из западноевропейского и славянского эпоса,⁵ указав на использование в ней сюжетов о змеборчестве и вещей деве. М. О. Скрипиля провел тщательное сопоставление содержания Повести с фольклорными материалами и установил, что в ней были использованы два не зависящих друг от друга устных произведения — славянское сказание или песня об огненном летающем змее и легенда о Февронии из села Ласково, возникшая на основе сказки о мудрой деве.⁶

³ ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 85 об.

⁴ Р. П. Дмитриева. Особая редакция Повести о Петре и Февронии. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 204.

⁵ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 287—300.

⁶ Этой теме посвящены следующие работы М. О. Скрипиля: 1) Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести (рукопись докторской диссертации); 2) По-

В настоящей работе не делается попыток пересмотреть вопрос о том, какие конкретные фольклорные источники были привлечены для написания Повести, а ставится лишь задача определить, как использован в ней фольклорный материал и насколько привлечение сказочных сюжетов отразилось на ее жанровой природе.

Повесть о Петре и Февронии легко делится на несколько самостоятельных эпизодов, что позволило Д. С. Лихачеву сравнить ее построение с иконописными клеймами: «Это статические кадры, своего рода житийные клейма, которые запечатлевают Февронию в тех или иных положениях, в тех или иных зрительно ясных положениях».⁷

Первая часть Повести имеет назначение вступления — это объяснение заболевания князя Петра. Основана она на фольклорном сюжете змеборчества. Волшебного-героические сюжеты о змеборчестве зафиксированы в классической сказке с основной функцией борьба—победа.⁸ Структура этого типа сказки состоит из следующих звеньев: 1) беда (недостача), 2) предварительное испытание героя, завершающееся получением чудесного помощника, 3) основное испытание героя — борьба—победа, 4) приобретение ценностей (обычно женитьба на царевне). В центре внимания при изложении всех событий находится личность героя. Система поведения его определена социально-нравственными идеалами и традиционными нормами поведения. Личность сказочного героя отчетливо определяется в предварительном испытании; при совершении подвига уже действует не столько герой, сколько приобретенное им волшебное средство.

Обратимся теперь к эпизоду Повести о Петре и Февронии, в котором описывается борьба князя Петра со змеем, и сопоставим его со сказками на тему о змеборчестве. Для сравнения используем две сказки: «Хрустальная гора» из сборника А. Н. Афанасьева⁹ и «Удивительный мужичок» из числа сказок, собранных И. А. Худяковым.¹⁰ Для сопоставления необходимо выделить во всех трех произведениях основные элементы сюжетного построения — набор функций в их иерархической последовательности (табл. 1). Набор функций и их последовательность совпадают во всех трех произведениях. Некоторое своеобразие имеется в функции предварительного испытания в сказке «Удивительный мужичок». Ход действия в ней усложнен наличием ложного героя.

Как видно из приведенного сопоставления, сюжетная схема и основные функции в этом эпизоде Повести следуют точно за сказкой. Однако в Повести имеется целый ряд деталей, которые нарушают сказочное по-

весть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 131—167 (далее: Скрипиль. Повесть); 3) Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. — Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 11—12, с. 35—39. Недавно вышла статья С. К. Росовецкого, в которой заново пересматривается вопрос о фольклорных источниках Повести о Петре и Февронии (Вопросы русской литературы, Львов, 1973, вып. 1 (21), с. 83—87).

⁷ Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 495.

⁸ Сравнительное сопоставление сказочного сюжета с Повестью в настоящей работе основано главным образом на следующих теоретических исследованиях: В. Я. Пропп. Морфология сказки. М., 1969; Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новак, Д. М. Сегал. Проблемы структурного описания волшебной сказки. — Труды по знаковым системам, IV. Тарту, 1969 (Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 236), с. 86—135. Изложение содержания Повести о Петре и Февронии дается по 1-й редакции произведения. Текст Повести цитируется по изданию: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии. (Тексты) — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 225—247.

⁹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. I. М., 1957, № 162.

¹⁰ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издание подготовили В. Г. Базанов и О. В. Алексеева. М.—Л., 1964, с. 4.

Т а б л и ц а 1

Сказочные функции в их последовательности	«Хрустальная гора»	«Удивительный мужичок»	Повесть о Петре и Февронии
Недостача (беда)	Змей забрал царскую дочь	Змей забрал царскую дочь	Змей летает к жене князя Павла
Предварительное испытание героя, получение помощника и волшебного средства	Герой выручает сокола, который снабжает его волшебным средством	Герой отпустил на свободу удивительного мужичка, который в дальнейшем помогает ему в борьбе и с ложным героем, и со змеем	Князь Петр получает агриков меч
Борьба—победа	Герой победил трех змеев и освободил царевну	Герой победил трех змеев и освободил царевну	Петр, победив змея, освободил жену Павла от его посещений
Приобретение ценностей	Герой женился на царевне	Герой женился на царевне	Вместо приобретения ценности князь Петр получил болезнь

строение произведения. М. О. Скрипиль провел сравнения этой части Повести с рядом фольклорных произведений, в которых встречается змеборческая тема, и пришел к следующему заключению: «Можно предполагать, что в основу первой части Повести о Петре и Февронии легло определенное русское народно-поэтическое сказание или песня об огненном летающем змее, причем в таком составе компонентов, в каком ни одно из произведений этого цикла не сохранилось в фольклоре поздних записей».¹¹ Дело заключается не только в том, что поздние записи не сохранили нам источник, но также в том, как этим источником воспользовался автор Повести о Петре и Февронии. Сюжетная схема и ряд деталей безусловно ведут нас к сказке, но творчество автора Повести не ограничивалось только механическим подражанием сказке. Он, как увидим дальше, выходил за рамки жестких правил, создавая оригинальное произведение, хотя и использовал при этом сюжет сказки на змеборческую тему.¹²

В сказке развитие сюжета определено состоянием героя и его деятельностью при столкновении с помощниками и антагонистами. «Все функции описывают ход событий односторонне — с точки зрения героя».¹³ Действия героя и его характер определены в сказке социально-нравственными идеалами и формальными моделями поведения (правилами игры). Проявляются эти нормы поведения в волшебной сказке в функции предварительного испытания героя, которое завершается получением чудесного помощника. Предварительное испытание не только дает инструмент для решения в дальнейшем конкретной задачи, но служит проверкой достоинств героя или знания им норм поведения. «В предварительном испытании

¹¹ Скрипиль. Повесть, с. 148.

¹² Мысль о том, что русская литература ранней поры (до XVII в.) «использует лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в резкое противоречие с книжными жанрами», высказана Д. С. Лихачевым в статье «К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе» (РЛ, 1958, № 2, с. 11).

¹³ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки, с. 96.

герой обнаруживает свои качества, а в основном он уже пользуется готовыми средствами, которые действуют за него. Личность героя отчетливее манифестируется не в подвигах (здесь действует средство), а в типе поведения (т. е. в предварительном испытании).¹⁴

Обратимся к сказкам, которые уже сопоставлялись с Повестью о Петре и Февронии по своим основным функциям. Так, в сказке «Хрустальная гора» царевич откликнулся на просьбу сокола разделить павшую лошадь, за что получил дар превращаться в сокола и муравья. Царевич здесь действует согласно сказочным правилам игры — он должен сделать добро по отношению к дарителям. В дальнейшем при помощи этого дара царевич побеждает трех змеев. В сказке «Удивительный мужичок» помощником-дарителем выступает названный в заглавии персонаж, которого Иван-царевич выпустил на свободу. В благодарность за это удивительный мужичок помогает царевичу в борьбе с ложным героем и змеем.

В основном испытании в борьбе со змеем герои той и другой сказки ведут себя одинаково — проявляют непреклонную твердость, не колеблясь вступают в бой и при помощи полученных волшебных средств убивают своих противников без каких-либо осложнений.

В пределах того же сюжетного построения Повесть о Петре и Февронии дает совсем иную картину поведения главного героя. Действия его не соответствуют тем правилам, которые устанавливаются законами построения волшебной сказки. К функции предварительного испытания в Повести о Петре и Февронии должен быть отнесен момент, когда князь Петр получает агриков меч. Явившийся в виде отрока ангел указывает князю Петру в церкви место, где лежит этот меч. Для получения чудесного оружия Петру не приходится преодолевать препятствий или выполнять чьих-либо требований и условий, в результате которых сказочный герой проявляет свои достоинства. Указавший место хранения меча ангел исчезает, а Петр, взяв меч, приходит в покои своего брата. Здесь читатель не может составить себе представления ни о храбрости, ловкости, доброте, ни о других добродетелях героя. Таким образом, момент приобретения волшебного средства в Повести о Петре и Февронии не сохраняет одного из главных признаков волшебной сказки. Скорее, он ближе житийной ситуации, когда в житийном чуде через ангела предопределяется поведение героя.¹⁵

Действия сказочного героя определяются и направляются различными медиаторами, — герой отвечает реакцией на всякую акцию других персонажей. Роль медиаторов в Повести о Петре и Февронии очень ограничена. К акции подобного рода можно отнести появление князя Павла в начале; в соответствии со сказочными законами он выступает в роли отправителя. Князь Павел, обратившись к Петру, называет имя победителя (Петр) и оружие, с помощью которого змей будет убит. Князь Петр воспринимает это как возложенный на него долг, и «нача мыслити, не сумняся мужественне, како бы убити змия». И далее князь Петр действует самостоятельно, руководствуясь только желанием выполнить долг перед братом. Получив в руки агриков меч, он ждет встречи со змеем.

Встреча Петра со змеем соответствует сказочной функции, определяемой как основное испытание. В волшебной сказке (согласно законам ее

¹⁴ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958.

¹⁵ М. О. Скрипиль, ссылаясь на армянский народный эпос «Давид Сасунский», высказал мнение, что мотив меча в храме является распространенным и что он появился в результате соприкосновения сказки и христианской легенды (М. О. Скрипиль. Опыт изучения древнерусской историко-бытовой повести. — Рукопись докторской диссертации, с. 126).

построения) поведение героя predetermined предварительным испытанием, — герой не колеблется, не выбирает, по преимуществу действует волшебное средство. Повесть о Петре и Февронии здесь еще в большей степени, чем при описании предварительного испытания, отклоняется от сказочного построения. В Повести именно встреча со змеем является наиболее трудным и напряженным психологическим моментом для героя, так как ему приходится преодолевать свои сомнения и быстро принимать решение. Сложность положения князя Петра и острота переживаний заключаются в том, что он должен убить змея, имеющего облик его брата, которого Петр любит и ради которого готов рисковать жизнью. Поэтому он должен собрать все свое мужество и проявить твердость духа, чтобы решиться ударить змея мечом. Именно в этой части эпизода князь Петр является наиболее деятельным; боясь ошибиться, он пытается точно установить, где находится его брат.

Итак, Повесть о Петре и Февронии при описании подвига Петра также отклоняется от сказочной структуры. Отличия Повести от сказки настолько принципиальны и значительны, что, безусловно, эта часть ее никак не может быть отнесена к жанру волшебной сказки.

Типичным концом волшебной сказки является вознаграждение героя, чаще всего сказка завершается свадьбой. «И хотя импульс, приводящий в действие сказочный сюжет, далеко не всегда относится к герою, одной только ликвидацией „общественной неадекватности“ (например, убийство демонического существа) сказка закончиться не может — гармонизация еще не достигнута. Необходимо, чтобы это получило завершение в биографии героя, — например, получить полцарства и невесту».¹⁶ Отсутствие полного сказочного благополучия означает нарушение жанра волшебной сказки, она отклоняется в сторону сказки или богатырского типа (например, на змеборческую тему — «Никита Кожемяка»), или новеллистического.

Завершение эпизода борьбы со змеем в Повести о Петре и Февронии с точки зрения структуры волшебной сказки является неожиданным. Вместо того чтобы получить вознаграждение за подвиг, князь Петр приобретает тяжкое заболевание, которое обрекает его на мучительное существование.¹⁷ Данное отклонение особенно наглядно свидетельствует о творческом обращении автора с используемыми им источниками. Эпизоду борьбы со змеем в сюжетном построении всей Повести предназначена роль вступления, в котором объясняется происхождение болезни Петра. В основной части Повести в центре внимания оказывается новый герой — Феврония, которая избавляет Петра от болезни. Момент появления нового героя свидетельствует, что в этом месте завершается использование одного из источников.

Таким образом, можно констатировать, что в эпизоде борьбы князя со змеем схема построения сюжета Повести связана с волшебной сказкой, но развитие его идет самостоятельным путем, не зависящим от законов, действующих в жанре волшебной сказки.

Центральная часть Повести о Петре и Февронии, рассказывающая историю отношений между Петром и Февронией, также построена на использовании народно-сказочных мотивов. Еще Ф. И. Буслаев отметил,

¹⁶ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки, с. 127.

¹⁷ М. О. Скрипиль отметил, что мотив заболевания от крови змея не встречается в цикле сказаний об огненном летающем змее, и предположил, что это относится к творчеству автора Повести, который таким путем завершил объединение двух сюжетов (М. О. Скрипиль. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести, с. 208—209).

что одним из главных источников Повести послужила сказка о мудрой деве.¹⁸ Вслед за ним А. Н. Веселовский подтвердил эту же мысль.¹⁹ М. О. Скрипиль провел тщательные поиски источников и пришел к заключению, что «все основные части сюжета и главнейшие мотивы сказки о мудрой деве находят себе соответствие в Повести о Петре и Февронии».²⁰ Однако он считал, как уже говорилось выше, что автор Повести использовал не сказку, а легенду о Февронии из с. Ласково, возникшую на основе сказки и устных преданий.²¹ На наш взгляд, и легенда из Ласкова, и Повесть о Петре и Февронии привлекают одно и то же предание о лечении князя крестьянской девушкой, но сказка, использованная в Повести о Петре и Февронии, никак не связана с легендой из Ласкова.²² Так или иначе, в той части Повести, где главной героиней является Феврония, основным источником послужил один из вариантов сказки о мудрой деве. Как и в случае со сказкой на змеборческую тему, попытаемся проследить, насколько Повесть в своем структурном построении в этой части близка сказке и чем от нее отличается.

Исходя из классификации сказочных сюжетов по функциям, сказку о мудрой деве следует отнести к типу сказок с основной функцией задача — решение. Обратимся к схематическому построению набора функций сказок этого типа, подводя под схему сюжет конкретных сказок и сюжет Повести о Петре и Февронии. Для сопоставления (табл. 2) привлечем две сказки — «Семилетка»²³ и «Стрижена девка»,²⁴ которые М. О. Скрипиль относил к числу сказок, близких к прототипу Повести о Петре и Февронии.²⁵

Распределение содержания сравниваемых произведений по схеме сказочных функций показывает, что не только названные сказки, но и Повесть о Петре и Февронии формально можно разбить на сегменты по функциям сказки о свадебных испытаниях. Сказка о свадебных испытаниях построена на оппозиции «низкий — высокий». Эта оппозиция в данном сюжете выражена в социальном плане: «крестьянский — царский». Действие сказки подобного рода построено на переходе героя из низкого состояния в высокое, при этом обычно герой переходит в более высокий социальный статус не просто в силу сюжетных условностей, он получает то, что ему хотелось иметь. Движение это определяется тем, что герой обладает внутренней истинной высокой сущностью, которая раскрывается в ходе действия и которая позволяет ему в конечном счете проникнуть в мир «высокого».

Сказки «Семилетка» и «Стрижена девка» в общесюжетном плане и используют эту оппозицию. Обе героини в начале находятся на низкой социальной ступени — они являются дочерьми крестьян. Кроме того, в той и другой сказке героини не отличаются внешними привлекательными качествами невесты. Про героиню в сказке «Стрижена девка» сказано:

¹⁸ Ф. Буслаяев. Песни древней Эдды о Сигурде и муромская легенда. — В кн.: Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 297.

¹⁹ А. Н. Веселовский. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброкке. — ЖМНП, 1871, апрель, с. 95—142.

²⁰ М. О. Скрипиль. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести, с. 152.

²¹ Скрипиль. Повесть, с. 158, 160.

²² Об этом см.: Р. П. Дмитриев. Древнерусская Повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов. — РЛ, 1974, № 4, с. 90—99.

²³ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова, № 120.

²⁴ Сказки Красноярского края. Сборник М. В. Красноженовой. Под общей редакцией М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937, № 27.

²⁵ Скрипиль. Повесть, с. 149—151.

Т а б л и ц а 2

Сказочные функции в их последовательности	«Семилетка»	«Стрижена девка»	Повесть о Петре и Февронии
Недостача (беда; неблагоприятное состояние героя)	Попытка отобрать у отца Семилетки телушку; в споре на суде Семилетка помогает отцу правильно ответить	Барин заезжает к крестьянину и не застаёт его дома, дочка крестьянина инсказательно объясняет отсутствие отца	Заболевший князь Петр ищет врача. Феврония привлекает к себе внимание слуги князя своими умными ответами, выясняется, что она может вылечить князя.
Предварительное испытание	Воевода дает Семилетке невыполнимые задания; Семилетка остроумно отвечает	Барин дает стриженной девке невыполнимые задания; она остроумно отвечает	Петр дает Февронии невыполнимые задания; она остроумно отвечает
Основное испытание	Семилетка является к воеводе, выполнив все поставленные им условия, следствием чего явилось ее замужество	Стрижена девка является к барину, выполнив все поставленные им условия; выходит замуж за барина	Феврония исполняет просьбу князя Петра вылечить его; он берет ее замуж
Дополнительное испытание	Семилетка нарушает условие не вмешиваться в дела воеводы (решает спор между мужиками); воевода изгоняет ее, но соглашается отдать то, что ей всего дороже; она увозит его самого; воевода примиряется с тем, что она умнее его	Стрижена девка решает спор между мужиками; барин за это изгоняет ее, но соглашается отдать то, что ей дороже всего; она увозит его самого; барин примиряется с тем, что она умнее его	Бояре изгоняют Февронию; она просит разрешить ей взять с собой самое дорогое — князя Петра. В княжестве после их отъезда возникает борьба за власть. Петра и Февронию просят вернуться в Муром; они возвращаются

«У старика дочь хитрая была, а стриженная». Происхождение названия сказки «Семилетка» связано с тем, что в первоначальном варианте сказки героиня в момент отгадывания задач воеводы еще не достигла совершеннолетия,²⁶ таким образом, она тоже не могла привлечь внимание воеводы девичьей красотой.²⁷ Благодаря обнаруживаемому в ходе развития действия превосходству в уме героини этих сказок привлекают к себе внимание и в конце концов переходят в более высокий социальный статус — одна становится женой воеводы, другая — женой барина.

²⁶ В варианте сказки Афанасьева, № 328 (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3. М., 1957), царь Семилетку берет к себе во дворец после удачного решения ею задач, но женится на ней только тогда, когда она становится взрослой.

²⁷ Согласно законам построения волшебной сказки, герой, осуществляющий своей судьбой медиацию между миром «высокого» и миром «низкого», иногда имеет парадоксальные черты. Часто эти черты осмысляются как видимость, скрывающая истинную «высокую» сущность, которая дает герою право проникнуть в мир «высокого» (Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки, с. 108).

Хотя избранные для сопоставления с Повестью о Петре и Февронии тексты в своей структуре и сохраняют некоторые черты волшебной сказки, но в целом они не принадлежат к этому жанру.²⁸ Если обратиться к системе персонажей сказок о мудрой деве, то в них легко обнаруживаются значительные отклонения от правил волшебной сказки. Здесь отсутствуют такие важнейшие персонажи, как вредитель и даритель, фактически действуют только два лица, которые объединили в себе обязанности других персонажей: жених (воевода, барин) является одновременно объектом и испытателем, на героиню (мудрую крестьянскую девушку) перешли обязанности помощника. Активность героя (героини) в волшебной сказке находится в обратнопропорциональной связи с необходимостью чудесной помощи. В наших сказках вещая мудрость, свойственная героиням, заменяет чудесного помощника, отсутствие которого говорит о нарушении жанра волшебной сказки.

Отклонения от жанра волшебной сказки наблюдаются и при рассмотрении отдельных сказочных функций. Согласно правилам волшебной сказки, начало ее определяется нанесением вредителем ущерба, который ликвидируется в ходе развития сказки ее героем. При этом надо отметить, что для классической волшебной сказки со свадебными испытаниями нанесение ущерба выражается в нарушении семейной ситуации, отсутствие которой указывает на переход к авантюрно-новеллистическим сюжетам.²⁹ Зачин сказок «Семилетка» и «Стрижена девка» не имеет признаков волшебной сказки. Если в «Семилетке» как семейную недостачу еще можно определить спор отца Семилетки из-за телушки, то в «Стриженой девке» нет никакого намека на ситуацию семейной недостачи. В ней действие начинается с иносказательных ответов героини барину, в которых она объясняет причину отсутствия в доме отца.

Несоответствие нормам волшебной сказки наблюдается и в Повести о Петре и Февронии. Ни героине, ни ее семье не наносится никакого ущерба, а сам испытатель (князь Петр), ущерб которому был нанесен ранее, обращается за помощью к героине. Это свидетельствует не только о том, что здесь нет соответствия законам волшебной сказки, но также и о том, что Повесть отклоняется и от основного своего источника — сказки о мудрой деве. Сюжету сказки о мудрой деве соответствует диалог слуги князя с Февронией, которая привлекает к себе внимание своими иносказательными ответами. По сравнению со сказкой эта часть Повести осложнена мотивом болезни князя.

В функции предварительного испытания, согласно развитию сказочного сюжета, герой должен выполнить требуемые от него действия при соблюдении определенных правил поведения. Только в этом случае он получает волшебное средство, чтобы в дальнейшем достигнуть победы. Именно в этот момент проявляет герой наибольшую активность и обнаруживает свою истинную высокую сущность. В наших сказках героиня не получает никакого волшебного средства, но зато демонстрирует свое основное высокое качество — мудрость, которая в дальнейшем заменит

²⁸ В упоминаемой уже неоднократно статье «Проблемы структурного описания волшебной сказки» отмечены пути перехода волшебной сказки в другие ее виды. Эти данные позволяют определить своеобразие структурного построения интересующих нас сказок и проследить отклонения от структуры волшебной сказки как сюжетов о мудрой деве, так и Повести о Петре и Февронии. Такой сложный путь выявления своеобразия сказок о мудрой деве определен тем, что проблема структуры других видов сказок, кроме волшебной, в научной литературе недостаточно разработана.

²⁹ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др. Проблема структурного описания волшебной сказки, с. 126.

ей волшебное средство. Отсутствие чудесного помощника объясняется большой активностью героини, которая одерживает верх благодаря своей сообразительности. В силу этого предварительное испытание утратило характерные черты волшебной сказки и не имеет принципиальных отличий от основного испытания. В первом случае проверяются ум и сообразительность героини и таким образом выясняется то средство, при помощи которого она может победить своего антагониста. Во втором случае (в момент основного испытания) повторяется то же самое, только в результате последнего состязания героиня проникает в мир «высокого» (выходит замуж за воеводу или барина). Повесть о Петре и Февронии в части, соответствующей моменту предварительного испытания, отклонений от сказки не имеет. Здесь наблюдается полное совпадение в развитии их сюжетов.

В функции основного испытания сказки «Семилетка» и «Стрижена девка» имеют, пожалуй, еще большие отклонения от законов построения волшебной сказки, чем в функции предварительного испытания. В противоположность правилам волшебной сказки, где к этому моменту все поступки героя уже предопределены и за него действует волшебное средство, в «Семилетке» и «Стриженой девке» для героини основное испытание является наиболее ответственным, и результат целиком зависит от правильно принятого ею решения. Именно здесь она должна проявить максимум сообразительности. Героине важно не ошибиться при соблюдении поставленных условий. В сказке «Стрижена девка» этот момент особенно сильно подчеркнут тем, что героиня в поставленных для нее условиях рискует жизнью. Характер действий мудрой девы в основном испытании не отличается от ее поведения в предварительном испытании: она выполняет поставленные перед ней задания. Однако правильное выполнение заданий в основном испытании имеет решающее значение для дальнейшей ее судьбы. Таким образом, отнесение наибольшей активности героини к моменту основного испытания произошло в силу того, что героине ее собственный ум заменяет волшебное средство.

Тот раздел Повести о Петре и Февронии, который соответствует функции основного испытания, в целом соблюдает особенности сюжета о мудрой деве: момент предугадывания и момент последующей женитьбы. Но полного соответствия со сказкой здесь нет. Включенный в Повесть мотив болезни князя меняет в деталях построение сказочного сюжета. Князь Петр женится на Февронии не потому, что она привлекла его своим умом, а потому, что вылечила его. Условия ставит не испытатель (князь) героине, она сама получает согласие князя жениться на ней, если вылечит его. Сообразительность Февронии проявляется в том, что она предугадывает нарушение слова со стороны князя.

К функции дополнительного испытания в рассматриваемых сказках надо отнести эпизод изгнания героини после замужества. Включение этой функции в волшебную сказку позволяет провести проверку на идентификацию героя. Смысл такого дополнительного испытания заключается в контроле авторства того подвига или действия, которое герой совершает в основном испытании. Эта ситуация возникает в двух случаях: 1) при самоустранении героя, 2) при притязаниях самозванца на роль героя.³⁰ Какой же из этих вариантов наблюдается в сюжетах о мудрой деве? Эпизод изгнания героини из дому после замужества тяготеет к тому виду дополнительного испытания, когда идентификация героя проводится через притязания самозванца. Ложного героя в наших сказках нет. Однако

³⁰ Там же, с. 130.

антагонист героини (барин или воевода) объединяет в себе действия других персонажей волшебной сказки, в данном эпизоде он выполняет роль ложного героя. В чем это выражается? Жена нарушает условие не вмешиваться в его дела по управлению воеводством (или округом): она в отсутствие мужа справедливо решила спор между мужиками. Барин (или воевода) изгоняет свою жену, боясь ее соперничества. По своему положению, имея право вершить суд, барин (или воевода) должен быть мудрее всех. Жена его, легко и умно решая его дела, ставит под сомнение его право вершить суд. По существу получается, что барин оказывается как бы в роли самозванца, претендующего на репутацию самого умного.

В дополнительном испытании герой волшебной сказки должен доказать, что именно он совершил подвиг. В нашем случае подвиг заключается в том, что героиня в поставленных перед ней условиях проявляет большую сообразительность, чем ее антагонист. И в эпизоде, который можно отнести к дополнительному испытанию, повторяется то же самое — героиня опять оказывается сообразительнее и дальновиднее своего супруга (в изгнание она берет с собою «самое дорогое»). В конечном счете супруг примиряется с тем, что жена умнее его.

Следует признать, что подведение эпизода изгнания героини под функцию дополнительного испытания является наиболее условным, что свидетельствует об еще более значительном удалении этой части сюжета от мудрой девицы от жанра волшебной сказки. Дело в том, что в чистом виде в дополнительном испытании наблюдается только момент контроля авторства, а не проявление свойств героя. В сказке о мудрой девице героине нет необходимости доказывать, что именно она отгадала загадки испытателя, этого у нее никто не оспаривает. В данной ситуации героиня опять показывает свою сообразительность, что, по существу, является повторением имевшего место в предыдущих функциях проявления основного свойства героини. Объясняется это все той же особенностью — объединением свойств героя и волшебного средства.

Таким образом, в функции дополнительного испытания, как и в других функциях, рассматриваемые сюжеты уходят от жанра волшебной сказки, но рудименты его прослеживаются и в последнем эпизоде. Сюжет о мудрой девице в конечном счете ведет свое происхождение от волшебной сказки. Поэтому, в одних случаях больше, в других — меньше, здесь можно обнаружить элементы структуры этого жанра.

Часть текста Повести о Петре и Февронии, соответствующая функции дополнительного испытания, еще больше, чем сюжет о мудрой девице, отклоняется от норм волшебной сказки. Хотя этот эпизод Повести и использует сказочный источник (на что указывает обращение Февронии к боярам с просьбой разрешить взять с собою «самое дорогое»), но построен он не на соперничестве между Февронией и князем (как должно быть, если соотносить его со сказкой), а на конфликте между Февронией и боярами. В этой части автор Повести значительно отклоняется от своего основного источника — сказки о мудрой девице.

Сопоставление структуры сюжета о мудрой девице и структуры волшебной сказки выявило их различия. Как уже говорилось выше, в сказках «Семилетка» и «Стрижена девка» использованы предикаты соперничества и превращения низкого в высокое. Соперничество доминирует в этом сюжете, продвижение героини к цели проходит в борьбе двух партнеров — кто из них в заданных условиях докажет превосходство своего ума. Сегментированное построение волшебной сказки здесь преобразовано так, что каждый из выделенных сегментов подчинен единой теме — соперничеству в проявлении ума. Непрерывность и единство действия, выражаю-

щихся в этом соперничестве, и обуславливают структурное построение этих сказок как новеллистических произведений.³¹

Сюжетное ядро — брак крестьянской девушки со своим господином и умение ее сохранить приобретенное высокое положение.

Действие в той и другой сказке развивается совершенно синхронно; композиционно они построены одинаково (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Композиция	«Стрижена девка»	«Семилетка»
Зачин	Барин из разговора со стариком выясняет, что дочка его заранее предсказала ответы старика барину; этим она заинтересовала его	Решая спор о телушке, воевода задает задачи спорящим братьям; за бедного брата эти задачи правильно решила его дочь Семилетка; Воевода заинтересовался Семплет ой
Завязка	Загадывая загадки стриженной девке, барин убеждается в ее мудрости и женится на ней с условием, что она не будет вмешиваться в его дела	Воевода задает Семилетке задачи, в решении которых она оказывается хитрее воеводы; покоренный ее сообразительностью, воевода женится на ней с условием, что жена не будет вмешиваться в его дела
Узел	Стрижена девка нарушила условие, разрешив спор между двумя крестьянами; барин ее изгнал, но удовлетворил просьбу взять с собой «самое дорогое»	Семилетка нарушила условие, разрешив спор между двумя мужиками; воевода ее изгнал, но удовлетворил просьбу взять с собой «самое дорогое»
Развязка	Барин примирился с тем, что жена его хитрее	Воевода еще раз убедился в мудрости Семилетки и примирился с ней
Концовка	Вернулись домой, «стали жить-поживать»	Вернулись домой, «стали жить да поживать»

Единство действия и новеллистическая замкнутость сюжета в рассказе о замужестве крестьянской девушки определены темой о превосходстве ума. Действие начинается с того, что крестьянская девушка своим умом привлекла внимание воеводы (барина). Напряжение новеллы возрастает, когда воевода проверяет сообразительность девушки, задавая задачи и ставя определенные условия для появления ее в его доме.

Наиболее напряженным моментом новеллы является дальнейшее испытание героини, после того как она вышла замуж (перешла в более высокий социальный статус); теперь ей важно сохранить свое высокое положение. Поэтому узлом новеллы надо считать тот эпизод, в котором воевода изгоняет свою жену, причем замкнутость сюжета подчеркивается тем, что даже нарушение условия брака связано с проявлением главного качества героини — ее ума. Теряя свое высокое положение, — это наиболее трудный момент для героини, — она проявляет максимум сообразительности и тем самым восстанавливает все свои завоевания. Момент снятия напряжения начинается тогда, когда она увозит с собой «самое дорогое».

³¹ При описании структуры новеллистического построения рассказа в данной работе использована терминология, заимствованная из статьи М. А. Петровского «Морфология новеллы» (в кн.: *Arspoetica*. 1. Сборник статей Б. И. Ярхо, А. М. Пешковского, М. А. Петровского, М. П. Столярова, Р. О. Шор. М., 1927, с. 69—100).

Есть такие варианты сказки, в которых отсутствует эпизод изгнания.³² В этом случае узловым надо считать момент, когда воевода приказывает героине явиться к нему с соблюдением определенных условий.

Если в волшебной сказке развитие действия идет от сегмента к сегменту, которые связаны между собой только тем, что в них решается судьба одного и того же героя, то в нашей новеллистической сказке все время присутствуют два лица — герой и его противник и действие в каждом сегменте обусловлено событиями предыдущего. Напряженность новеллы и ее целостное содержание определяются соревнованием в проявлении ума между партнерами, которые находятся в неравном положении (героиня в более низком социальном статусе, ее противник — в более высоком, последний диктует условия соревнования).

Не только сюжет, но и жанр были заданы автору Повести о Петре и Февронии сказкой о мудрой деве. Единство и напряженность сказочного повествования, построенного на противопоставлении действий партнеров, смысл борьбы которых заключается в том, кто из них окажется сообразительнее в определенных условиях, перенесены были в Повесть. Однако Повесть не является одним из вариантов сказки о мудрой деве. В нее по сравнению со сказкой включен дополнительный материал,³³ который органично слился с сюжетной линией основного источника, в результате чего возникло литературное произведение, подчиненное своим собственным законам сюжетосложения.

Повесть о Петре и Февронии построена так, что ее можно характеризовать как единое повествование о жизни героев, начиная с обстоятельств их женитьбы и до последних дней. В то же время она воспринимается как цепь рассказов о наиболее ярких событиях из жизни этих героев.

Действительно, Повесть легко разбивается на части, каждая из которых имеет самостоятельное сюжетное назначение, каждую можно рассматривать как рассказ, структура которого ближе всего новелле. Это касается и вступительной части, основанной на сюжете волшебной сказки. Автор перевел ее в тот жанр, в котором написана вся Повесть (табл. 4).

Таблица 4

Первый рассказ Повести

Vorgeschichte	сюжетное ядро	Nachgeschichte
Появление змея и объяснение, почему Петр должен его убить	Борьба князя Петра со змеем	В результате борьбы со змеем князь Петр заболевает
Композиция		
Зачин	Змей летает к жене князя Павла	
Завязка	Выясняется, что убить змея может только князь Петр	
Узел	Князь Петр должен убить змея, имеющего облик его брата	
Развязка	После удара мечом змей является в своем настоящем облике	
Концовка	Князь Петр заболел	

³² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3, № 328.

³³ По мнению М. О. Скрипиля, автор, стремясь придать произведению историко-бытовую трактовку и агнографическую интерпретацию, включил в Повесть (наряду с темой змеборчества) мотив врачевания, а мотив нарушения условий брака заменил мотивом недовольства бояр крестьянским происхождением Февронии, включил также эпизод превращения Февронией хлебных крох в фимнам и эпизоды «о деревьях» и «о «преставлении в один час» (Скрипиль. Повесть, с. 163—167).

Напряженность рассказа начинается с того момента, когда князь Павел внушает своему брату Петру, что он должен убить змея. Петр сначала находится в растерянности, не представляя, каким образом он может выполнить возложенную на него задачу. Получив оружие, он ждет встречи со змеем. Сосредоточенность героя на этой мысли позволяет ему легко догадаться о способности змея являться в чужом облике. Напряженность в рассказе поддерживается передачей внутреннего волнения героя и его сомнений о правильности догадки. Наибольшей напряженности изложение достигает тогда, когда Петр убеждается, что он должен ударить мечом змея, имеющего облик брата. Развязка наступает в тот момент, когда умирающий змей принимает свой настоящий облик («Змий же явися, яков же бяше и естеством»).

Надо отметить, что в узловой части рассказа автор преимущественно пользуется диалогом. Эта особенность построения Повести характерна и для последующих эпизодов. Именно через диалог наглядно передаются переживания героя. Автор Повести, переводя в жанр новеллы фольклорный рассказ на змеборческую тему, использует главный прием организации сюжета новеллистической сказки о мудрой деве, в которой развитие действия целиком строится на диалоге. Кстати, следует отметить, что в узловой части каждого рассказа автор не скупится на подробности — вводит в рассказ разного рода детали конкретной обстановки, в которых развивается действие. И диалог, и бытовые подробности в рассказе несут большую смысловую нагрузку. Поэтому точность передачи текста в деталях имеет существенное значение для сохранения всей тонкости композиции произведения.

Концовка первого рассказа построена так, что она не столько подводит итог, сколько служит зачином для дальнейшего изложения. Согласно сказке, герой должен быть вознагражден, а князь Петр вместо этого заболевает и не может найти избавления от своего недуга³⁴.

Отношение второго рассказа к своему источнику совсем иное, чем в первом случае. Здесь заимствуется не только сюжет сказки, но и ее художественная структура. Завязка в том и другом произведении совершенно одинакова — напряженность повествования начинается с обнаружения мудрости героини. Узел новеллистического построения Повести тоже соответствует сказочному: состязание в уме между царем и Семилеткой переносится на взаимоотношения между Петром и Февронией (Петр тоже требует от Февронии решения невыполнимых заданий для доказательства ее ума; табл. 5).

Однако в целом этот эпизод Повести строится из более сложных конструкций, нежели в сказке. В сказке идет речь только о том, кто кого перехитрит. Победа достается Семилетке; царь, покоренный ее умом, оставляет ее у себя и в дальнейшем женится на ней. В Повести состязание между Петром и Февронией идет одновременно в двух планах: не только в сообразительности, но и в благородстве. Феврония обещает вылечить князя, но лишь в том случае, если он женится на ней. Она держит свое слово, а князь его нарушает. Феврония оказывается не только умнее князя, но и благороднее его. Она сохраняет благородство и достоинство в сложном для нее положении. Даже свое условие она высказывает в деликатной форме: «Аще бо не имам быти супруга ему,

³⁴ Возможно, такая концовка этого эпизода была подсказана автору сказкой на змеборческую тему героического типа. Концовка сказки о Никите Кожемяке объясняет происхождение борозды на земле как результат состязания Кожемяки со змеем (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. I, № 148). В Повести о Петре и Февронии соответственно объясняется происхождение заболевания князя Петра.

Т а б л и ц а 5

Второй рассказ Повести		
Vorgeschichte	сюжетное ядро	Nachgeschichte
Мудрая дева Феврония может вылечить князя Петра	История замужества Февронии	Приезд Февронии в Муром и женитьба на ней князя Петра
К о м п о з и ц и я	Повесть о Петре и Февронии	Сказка о мудрой деве ³⁵
Зачин	Посещение слугой князя Петра дома Февронии	Царь загадывает братьям загадки для решения их спора о жеребенке
Завязка	Выясняется мудрость Февронии; она может вылечить князя в том случае, если он возьмет ее в жены	Загадки правильно решает дочь бедного брата Семилетка
Узел	Состязание в уме между Февронией и князем (решение задач); Феврония лечивает князя; он, нарушая данное слово, отказывается взять ее в жены	Состязание в уме между царем и Семилеткой
Развязка	Возвращение князя и окончательное его излечение	Семилетка доказывает царю, кому должен принадлежать жеребенок
Концовка	Феврония становится княгиней и приезжает в Муром	Когда Семилетка выросла, царь женился на ней

не тебе ми есть врачевати его». Петр находится в значительно более выгодном положении, в котором легче сохранить независимость и достоинство. Социальное неравенство партнеров неоднократно подчеркивается в этом эпизоде. Уже в разговоре Февронии со слугой князя на ее слова: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и», — слуга напоминает о высоком положении князя: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе. Аще кто уврачует и, князь мой даст ему имение много». Пренебрежительное обращение князя с крестьянской девушкой выражается как в том, что он, требуя от нее лечения, уже заранее решил нарушить слово («Како князю сущу, древолазца дщи пояти себе жену!»), так и в форме, в какой переданы были ей невыполнимые задания («Си девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть»). Высокомерие князя проявляется также и в том, что, отказавшись жениться, он посылает Февронии дары, желая от нее откупиться.

Наивысшего напряжения действие достигает тогда, когда Феврония отвергает дары князя. Таким образом, в развитии конфликта в искусном сочетании большую роль играют обе линии сюжетного построения. Разрядка наступает с возвращением князя Петра к Февронии для полного исцеления. Князь оказывается побежденным («И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания»). И в момент победы в характере поведения Февронии подчеркивается ее сдержанное благородство,

³⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3, № 328. Чтобы яснее была видна композиционная законченность этого эпизода Повести как единого целого, приводим здесь композицию Сказки о мудрой деве в варианте, сюжет которого укладывается в рамки этого эпизода Повести.

она не возмущается поступками князя, а кротко принимает его («Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван»»). Беззащитная Феврония выходит победительницей, не роняя своего человеческого достоинства.

Концовка эпизода не содержит неожиданной заключительной остроты (pointe), но, как и в первом случае, скорее является связующим звеном со следующим рассказом («Такою же виною бысть Феврония княгини. Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей оставляюще»).

Т а б л и ц а 6

Третий рассказ Повести		
Vorgeschichte	сюжетное ядро	Nachgeschichte
Недовольные Февронией бояре требуют ее изгнания, она просит отпустить с ней и князя Петра	Изгнание из Мурома Петра и Февронии	Возвращение Петра и Февронии в Муром
Композиция	Повесть о Петре и Февронии	Сказка о мудрой деве ³⁶ (вторая часть)
Зачин	Бояре недовольны низким происхождением княгини	Барин женился на Стриженой девке с условием, что она не будет вмешиваться в его дела
Завязка	Бояре требуют изгнания Февронии; она получает разрешение уйти вместе с князем; князь соглашается	Стрижена девка нарушает условие, барин требует, чтобы она ушла от него, взяв с собой то, что ей мило
Узел	В пути князь Петр начинает сомневаться — правильно ли он поступил, оставив Муром	Стрижена девка увозит спящего барина (кульминация в момент его пробуждения)
Развязка	На следующий день нагнавший Петра и Февронию посланец из Мурома просит их вернуться	Стрижена девка объясняет мужу, что она поступила согласно его разрешению — увезла с собой то, что ей мило
Концовка	Петр и Феврония возвращаются в Муром и правят в нем до конца дней своих	Барин и Стрижена девка возвращаются в согласии домой

В рассказе об изгнании тоже использован сказочный сюжет (табл. 6). Подобно сказочной героине, Феврония увозит с собой князя как самое дорогое, поэтому ей и удается благополучно вернуться назад. Однако и в этом эпизоде Повесть значительно отличается от сказки. Сюжет сказки построен на конфликте барина с женой, и напряженность рассказа держится на том, сможет ли героиня перехитрить своего противника. Положение Февронии сложнее положения сказочной героини. Конфликт возникает не между Февронией и ее мужем, а между Февронией и боярами, которые не хотят примириться с крестьянским происхождением княгини. Героиня хотя и перешла в более высокий социальный статус, но положение ее отнюдь не является прочным. В зачине новеллы бояре пытаются настроить князя Петра против Февронии, обращая его внимание на крестьянские привычки княгини. Имеется в виду эпизод с превра-

³⁶ Сказки Красноярского края, № 27.

щением хлебных крох в фи́миам.³⁷ В завязке новеллы они уже открыто требуют от князя изгнания Февронии. Инертность и пассивность князя Петра делают ее беззащитной перед боярами. Ум и благородство Февронии в этой сложной для нее ситуации выражаются в том, что она не вступает в борьбу с боярами за свое княжеское звание, а стремится сохранить только самое дорогое для себя — привязанность князя Петра. Диалог на пиру воссоздает контраст и в устремлениях, и в поведении бояр и Февронии. Разъяренным боярам («аки пси лающе»), с их корыстными тайными целями («киждо бо от бояр в уме своем дрѣжаше, яко сам хочет самодержец быти»), противостоит кроткая и сдержанная Феврония, выразившая только одно пожелание — покинуть Муром вместе с князем («Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра»).

Положение Февронии становится трагичным, когда князь Петр начал сомневаться, правильно ли он поступил, оставив княжество ради жены. Поэтому кульминационной точкой как этой новеллы, так и всей Повести в целом надо считать часть рассказа, где говорится о том, как герои, покинувшие свое княжество, останавливаются в пути на ночлег («Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезу»). Кстати, следует обратить внимание на тонкость психологической наблюдательности автора Повести: безусловно, тоску по дому острее всего князь должен был испытывать вечером, когда стали устраиваться на ночлег в походных условиях.

Таким образом, напряженность повествования в конечном счете и в Повести, и в сказке определяется взаимоотношениями главных героев. Однако в сказке суть дела заключается только в большей сообразительности одного из героев. В Повести отношения между Петром и Февронией построены на иной основе. Петр уезжает с Февронией добровольно, целиком положившись на решение жены. Когда князь, проявив малодушие, начинает сомневаться в правильности своего поступка, то, естественно, вина за этот поступок падает на Февронию. Феврония в этой обстановке должна была не перехитрить князя, а помочь ему преодолеть колебания. На сомнения князя она отвечает: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленник всему, не оставит нас в нищете быти». Для того чтобы укрепить веру князя в правильности их решения оставить Муром, она совершает чудо со срубленными деревьями. Но в данном случае автор Повести оказался недостаточен последовательным. На протяжении всей Повести поведение героини определяется одними и теми же особенностями — в каждом случае она находит выход из затруднительного положения только благодаря своему уму и такту. Это автор и старается лишней раз подчеркнуть. Так, он включает в Повесть новеллистический сюжет на тему «все женщины одинаковы», в котором рассказывается о том, как один из приближенных князя, находившийся во время путешествия в одной лодке с Февронией, «възрев на святую с помыслом».³⁸

³⁷ Еще П. В. Владимиров полагал, что здесь в Повести использован сказочный мотив о мудрой вещице женщине (П. В. В л а д и м и р о в. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, с. 146). М. О. Скрипиль, возражая П. В. Владимирову, высказал мнение, что «интерпретация этой картины в Повести агнографическая» (Скрипиль. Повесть, с. 164). В настоящее время С. К. Росовецкий происхождения этого эпизода, не колеблясь, связывает со сказочным мотивом о превращении остатков в чудесные предметы (С. К. Р о с о в е ц к и й. К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии». — Вопросы русской литературы, вып. 1 (21), с. 55). Следует обратить внимание на то, как еще один введенный в Повесть фольклорный мотив органично слит с художественным замыслом новеллы об изгнании героини, — с помощью его наглядно раскрываются взаимоотношения действующих лиц и сложность положения героини.

³⁸ Новеллистический сюжет на тему «все женщины одинаковы» является широко распространенным. Особенно близким Повести о Петре и Февронии по конкретным

Эта новелла к развитию основного конфликта прямого отношения не имеет, тем не менее она выполняет вполне определенные функции: в ней дается конкретное представление о путешествии героев и подтверждается характеристика героини как мудрой женщины. В концовке новеллы об этом сказано следующим образом: «Той же человек, уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к кому таковая помышляти».

В эпизоде с выросшими за ночь деревьями Феврония достигает нужного ей результата не в силу своего мудрого поведения, а как обладающая особым даром чудотворения.³⁹ Включение в Повесть этого дополнительного, по сравнению со сказкой о мудрой деве, материала, определено было той новой трактовкой сюжета об изгнании героини, которую дал ему автор. В этой части повествования необходим был наиболее яркий пример поведения героини, показывающий ее прозорливость и мужество, которые помогли бы сохранить как веру Петра в правильность принятого им решения, так и его привязанность к Февронии.

Спад напряженности в этом рассказе наступает с момента появления вельмож из Мурома, речи которых наглядно демонстрируют победу Февронии в ее конфликте с боярами: «Господи княже! От всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас, сирых, но възвратиши на свое отечество. Мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Кииждо их хотя державъствовати, сами ся изгубиша. А оставши вси с всем народом молят тя, глаголюще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господствует женами нашими, ныне же с всеми дома своими раби ваю есмы, и хоцем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!» Истинная роль Февронии в победе над вельможами для окружающих остается скрытой, поведение героини является традиционным, проявления торжества нет, концовка в спокойных тонах сообщает о возвращении Петра и Февронии в Муром.

Таблица 7

Четвертый рассказ Повести		
Vorgeschichte	сюжетное ядро	Nachgeschichte
Петр и Феврония, решив умереть одновременно, заказали себе единый гроб	Описание смерти героев	Попытка похоронить героев врозь не увенчалась успехом
Композиция		
Зачин	Петр и Феврония ушли в монастырь, рассчитывая умереть одновременно и быть похороненными вместе	
Завязка	Князь Петр готовится к смерти	
Узел	Феврония не готова к смерти, так как она шьет воздух	
Развязка	Феврония решает не допивать воздух, чтобы умереть одновременно с князем	
Концовка	Люди хотят разъединить их после смерти, но бог не допускает этого	

деталю является псковский рассказ о княгине Ольге. Об этом см.: Скрипилю. Повесть, с. 158—159. На параллельность использования этого сюжета в Декамероне Боккаччо и в Повести о Петре и Февронии упомянуто в работе С. В. Савченко «Русская народная сказка» (Киев, 1914, с. 44—46).

³⁹ М. О. Скрипилю полагал, что эпизод «о деревьях» имеет фольклорное происхождение (Скрипилю. Повесть, с. 165). Однако мотив о выросших из палок деревьях с наименьшим основанием можно считать заимствованным из агиографической литературы. В одном из эпизодов Жития святого Георгия рассказывается о том, как по требованию царя Магнетия святой Георгий обратил доски 14 седалищ в цветущие деревья (Византийские легенды, с. 298, прим. 5 и § 8).

Напряженность этой новеллы (четвертого рассказа) основана на том, что Февронии приходится делать выбор между данным князю Петру словом и богоугодной деятельностью (табл. 7). Когда князь Петр прислал к Февронии сказать, что он умирает, она в это время вышивала воздух для соборного храма. Феврония стремится завершить свою работу и просит Петра подождать ее. Но когда выясняется, что Петр уже не может ждать, она решается оставить незавершенным богоугодное дело, чтобы сдержать данное Петру слово умереть вместе. Как и в предыдущем рассказе, Феврония выбирает для себя главное, поступившись второстепенным. А главным для нее является согласие с Петром. В концовке рассказа подтверждается правильность принятого Февронией решения: бог вопреки существующему иноческому правилу соединяет героев после их смерти. Эта новелла имеет большое значение для осмысления содержания Повести в целом, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, Повесть о Петре и Февронии состоит из четырех новелл, посвященных наиболее ответственным и драматическим моментам из жизни героев. Пятая новелла («все женщины одинаковы») является частным эпизодом и включена в состав одной из центральных новелл. Их объединение в единое произведение определяется не просто чисто внешними признаками. Дело заключается не только в том, что в каждой новелле речь идет об одних и тех же героях и что каждая новелла искусно соединена со следующей. Повесть о Петре и Февронии является единым целым, потому что она подчинена единой мысли, содержит замкнутый смысл описания жизни героев. Повесть в полном своем объеме тоже подчинена структуре новеллы, и объединение отдельных частей в ней проведено по принципу трехчленной композиции (табл. 8).

Таблица 8

Композиция Повести о Петре и Февронии

Зачин	Объяснение причин болезни князя Петра и поиски врача
Завязка	В результате излечения князя Петра Феврония выходит за него замуж и становится княгиней
Узел	Низкое происхождение Февронии является причиной оставления Петром княжения и отъезда его из Мурома вместе с Февронией; наивысшей напряженностью всей повести является момент, когда князь Петр начинает сомневаться в правильности своего решения
Развязка	Благополучное возвращение героев в Муром и счастливое правление княжеством в дальнейшем
Концовка	Смерть героев и похороны их

Композиционное построение Повести показывает, что центральной ее темой является история взаимоотношений между Петром и Февронией и сохранения согласия между ними, несмотря на враждебное для героини окружение. Социальное неравенство создало те препятствия, которые героям пришлось преодолевать до самой их смерти.

Структура произведения в целом, как и сюжет, была задана автору сказкой о мудрой деве. Развитие действия в Повести, как было показано выше, имеет прямые параллели со сказкой. Таким образом, новеллистическое построение Повести находится в зависимости от сказочного сюжета о мудрых ответчиках. Но этот сюжет в Повести был значительно преобразован, поэтому в ее композиции могли произойти значительные сдвиги. Напряженность действия в Повести определяется не одной конфликтной линией, как в сказке, а пересечением двух линий. Это пере-

сечение конфликтных линий разных заинтересованных сторон не помешало автору Повести сохранить четкую стройность композиции.

Последний рассказ Повести, посвященный описанию смерти героев, уже не имеет никакого отношения к сказке о мудрой деде. Он задуман как эпилог ко всему произведению и выполняет функцию новеллистической концовки. Хотя в нем и утверждается мысль о святости Петра и Февронии, однако построен он не на принципах житийного канона. Автор и здесь продолжает традиции новеллистического повествования. Эта концовка Повести помогает читателю яснее понять новые идеи, вложенные в ее содержание. В рассказе подводятся итог взаимоотношений между Петром и Февронией. К концу своей жизни они пришли в полное согласие. Благодаря уму, такту и благородству Февронии их совместная жизнь оказалась счастливой.

Включенный в этот рассказ эпизод с описанием погребения героев содержит характерную черту новеллы — неожиданную заключительную остроту (*pointe*). Он помогает осмыслению содержания всей Повести. События, описанные в этом эпизоде, подтверждают правильность поведения Февронии. Феврония не дошла воздúх из-за того, что решила умереть одновременно с Петром. Можно подумать, что она поступила небогато. Но из дальнейшего выясняется, что она поступила именно так, как следовало поступить. Люди похоронили Петра и Февронию врозь, имея в виду, что «во мнишестем образе неугодно есть положить святых въ едином гробе». Однако бог соединил их, выполнив пожелание святых, хотя оно и не соответствовало церковным правилам. Этим актом подтверждается и святость героев, и правильность их поступков, совершенных при жизни. Бог не только оправдывает, но и благословляет все поступки героини. Типичная для жития идея прямого служения богу (выпивание воздúха) здесь отступает перед идеей служения своему ближнему (верность данному Петру слову).

Четкость композиционного построения повести О Петре и Февронии подчеркнута четкостью организации художественного текста. Все четыре новеллы Повести по приемам изложения полностью совпадают между собой. Диалог в них занимает доминирующее и центральное положение.⁴⁰ В каждой новелле зачин и концовка изложены лаконично, лишены конкретных деталей, в них отсутствуют какие-либо речи персонажей. Как некоторое отступление от правила можно назвать только зачин третьей новеллы, где косвенной речью передано недовольство бояр низким происхождением Февронии. Центральная часть композиционного построения (завязка, узел, развязка) во всех новеллах содержит речи персонажей. В каждом случае речь какого-либо из них предваряет дальнейшее действие, является отправным моментом для последующего нарастания напряженности повествования.

Перечислим речи персонажей в завязке каждой из новелл. В первой новелле князь Павел своим обращением к жене вызывает все дальнейшие

⁴⁰ Значительная роль диалога в развитии сюжета средневековой новеллы неоднократно отмечалась в научной литературе. (В. В. О л е в с к а я. Сто новых новелл — первый сборник французской новеллы. — Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, М., 1969, № 324, с. 137). Е. В. Дущечкина в статье «Организация речевого материала в „Житии“ Михаила Клопского» пишет о ведущей роли диалога в художественном построении произведения: «Михаил Клопский в тексте „Жития“ характеризуется не столько через описание его поведения (о поведении его в Клопском монастыре говорится мало), сколько посредством изображения его „речей“» (Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1971, с. 14). «Житие» Михаила Клопского тоже имеет явные признаки новеллистического построения.

действия по выяснению причин смерти змея. Вслед за ним в диалог вступают между собой жена князя Павла и змей и далее — князь Петр и юноша, указывающий Петру местонахождение меча. Во второй новелле завязка начинается с диалога между Февронией и слугой князя Петра, в ходе этой беседы становится очевидным вещей ум Февронии и ее умение врачевать.⁴¹ В третьей новелле причиной дальнейших действий оказывается злобная речь бояр, вызывающая сначала словесную, а затем уже и действительную реакцию Петра и Февронии, — они покидают Муром. В четвертой новелле завязкой является сообщение Петра через посредника о том, что он умирает. Как и во всех предыдущих случаях, эта акция испытателя (в данном случае Петра) влечет за собой реакцию героини.

Еще более активную роль в развитии действия приобретает диалог в узловой части каждой новеллы. Именно при помощи диалога создается наивысшая напряженность новеллистического повествования, в диалоге видна вся острота ситуации.

В первой новелле трудность положения князя Петра и его волнение становятся очевидными в объяснении его с братом и слугами. Во второй новелле в узловой части доминирующим является диалог между Петром и Февронией, который передается через посредника (слугу). Напряженная ситуация складывается из-за объяснений условий лечения князя. Пренебрежительные речи князя Петра создают впечатление полной безнадёжности претензий Февронии. Именно характер ответов и реплик князя Петра подчеркивает социальное неравенство героев и право сильного нарушать условия договора. В третьей новелле кульминационный момент очень четко определяется одним только восклицанием князя Петра: «Како будет, понеже волею самодержьства гоньзнув?». Этот вопрос вызывает не только словесные заверения Февронии, что бог их не оставит, но и совершение ею чуда. Напряженность ситуации четвертой новеллы тоже полностью передана в диалоге между Петром и Февронией. Здесь все действие собственно заключается только во взаимных просьбах героев.

Значение диалога в построении всех новелл Повести демонстрируется тем, что главные персонажи в узловой части новелл являются ведущими участниками диалога. В развязке диалог используется очень скупо. Для наглядности перечислим участников диалога на протяжении всей Повести в порядке их вступления в диалог (табл. 9).

Таблица 9

Композиция	Первая новелла	Вторая новелла	Третья новелла	Четвертая новелла
Зачин	—	—	—	—
Завязка	Павел, его жена, змей, Петр, отрок в церкви	Феврония, слуга	Бояре, Феврония	Петр
Узел	Петр, слуга, Павел	Петр, Феврония, слуга	Петр, Феврония	Петр, Феврония
Развязка	—	Петр, Феврония	Вельможи	—
Концовка	—	—	—	—

⁴¹ Именно иносказательный характер ответов Февронии и раскрывает особые качества героини. Аналогична роль «речей» Михаила Клопского, отнесенная Е. В. Дущечкиной в упомянутой выше статье к третьему типу: эти «речи» окружающим кажутся бессмысленными, «но „на высшем уровне“ они означают святость» Михаила, — Е. В. Д у ш е ч к и н а. Организация речевого материала. . . , с. 15.

Диалог является настолько существенным элементом Повести о Петре и Февронии, что соблюдение точности в передаче его имеет большое значение для сохранения содержания. Искажение диалога или сокращение его отражается на повествовании, ведет к разрушению новеллистической структуры произведения. Этим объясняется устойчивость текста центральных частей каждой из новелл. При огромном рукописном наследии списков Повести Первой редакции, переписывавшихся в течение XVI—XX вв., текст в них остается стабильным, число смысловых разночтений незначительно.

Четкая художественная структура произведения и совершенство изложения не позволяют включать в него дополнения или что-либо исключать.⁴² Это в известной мере определило постоянство текста первоначальной редакции. Точность передачи текста Повести о Петре и Февронии имеет существенное значение для сохранения художественной канвы, даже незначительные случайные искажения и пропуски ведут к ее разрушению. Так, из диалога между Петром и Февронией об условиях лечения в одном из вариантов Повести, к которому восходит и список собр. МДА, № 224, выпало несколько фраз, в результате чего утратилась та мягкая форма выражения условий лечения, которая характеризовала деликатность Февронии, разговор в целом стал слишком прямолинейным:

Список собр. Хлудова,
№ 147

«Повежь ми, девица, кто есть хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и възмет имяне много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотя и врачевати, но имяна не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его».

Список собр. МДА,
№ 224

«Повежь ми, девица, хто есть хотя уврачевати? И дам ему имяна многу». И рече девица: «Аз убо имяна не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его».

Значительную роль диалога, необходимость точной его передачи ощущали и последующие редакторы Повести. При попытках редактирования текст диалога менялся меньше всего, — в противном случае искажился бы художественный смысл. При отказе от диалога произведение утрачивало конкретное содержание. Это наглядно видно на примере Проложной редакции.

Обращение к последующим обработкам текста Повести о Петре и Февронии лишний раз позволяет убедиться в совершенстве ее первоначального варианта. Повесть безупречна по логике изложения и художественной стройности. Каждое предложение и каждая фраза в ней необходимы и находятся на месте. Последующие обработки, преследующие цель либо перевести повесть в жанр канонического жития, либо придать ей боль-

⁴² Именно по этой причине (помимо текстологических наблюдений) нельзя согласиться с мнением В. Ф. Ржиги, что автор Повести о Петре и Февронии и редактор списка собр. МДА, № 224, — одно и то же лицо (см.: В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая. — ЛЗАК за 1923—1925 годы, вып. 33. Л., 1926, с. 130). Добавления, внесенные в текст редактором, нарушают динамику новеллистического повествования. В первой новелле в узловой части он прибавляет рассуждение о любви князя Петра к брату, сопровождаемая его цитатой из Иоанна Богослова. Это добавление дидактического характера мешает целеустремленности рассказа. Во втором случае редактор списка собр. МДА, № 224, включает сообщение об изумлении и радости Петра и его свиты по случаю выросших за ночь деревьев. Однако это упоминание о радостных эмоциях Петра является преждевременным, оно нарушает целостность повествования. Дело в том, что спад напряжения наступает не во время обнаружения выросших деревьев, а с момента обращения прибывших из Муром вельмож. Третье добавление — подробности в концовке третьей новеллы, но для углубления смысла новеллы они ничего не дают, являются излишними.

шую беллетристичность, безусловно значительно уступают по художественным достоинствам первоначальному варианту.

Таким образом, Повесть о Петре и Февронии имеет двойную структурную организацию. Она составлена из нескольких отдельных новелл, но объединение их в единое целое не является случайным и только формальным. Отдельные новеллы привлечены как материал для построения единой трехчленной композиции. Целостность произведения определяется проведением через сюжет единой мысли о всемогуществе любви, которая преодолевает все препятствия, встающие у нее на пути.

Основной конфликт произведения вырастает из борьбы между социально неравными силами. С одной стороны находится Феврония с ее крестьянским происхождением, с другой — значительная группа людей, владеющая большой социальной силой (бояре). Князь Петр вначале выступает как один из самых привилегированных членов этой группы, в дальнейшем он занимает промежуточное положение. (В сказке несколько иная расстановка сил: там крестьянка противостоит только царь, барин или другое лицо, занимающее верхнюю ступень социальной лестницы). Побеждает слабая сторона, побеждает силой ума, такта и благородства. (В сказке берет верх крестьянка благодаря своему уму и сообразительности).⁴³ Конец Повести, как и сказки, счастливый: побеждает тот, кому сочувствует читатель. Однако в читательском восприятии Повесть в отличие от сказки не имеет прямолинейного оптимистического звучания. Обусловлено это тем трудным положением героини Повести, в которое она поставлена обстоятельствами. Внутреннему благородству Февронии противостоит жестокая сила, которая продолжает ей противодействовать и после замужества, и даже после смерти. Мысль автора Повести более сложна, более реалистична и жизненна, чем замысел сказочника. Февронии надобно не только один раз победить, но — и это самое главное — сохранить свое высокое положение в условиях постоянного противодействия.

Противопоставление двух борющихся сторон в произведении подчеркнуто их различной манерой поведения. Героиня при всех обстоятельствах ведет себя одинаково — сдержанно и благородно, уступая и не настаивая. Контрастом этому является поведение противоположной стороны.

Благородство чувств и поведения героини, данное в Повести в контрастном сочетании с противостоящей ей силой, придает произведению черты мягкого лиризма и поэтичности. Д. С. Лихачев сравнивает Февронию с «тихими ангелами» Рублева, а произведение в целом относит к особому стилю в изображении человека,⁴⁴ — к стилю психологической, или эмоциональной, умиротворенности. Он характеризует его в сопоставлении с экспрессивно-эмоциональным стилем: «Экспрессивный стиль в литературе сталкивается со стилем сдержанным и умиротворенным, отнюдь не шумным и возбужденным, но не менее психологичным, вскрывающим внутреннюю жизнь действующих лиц, полным эмоциональностью, но эмоциональностью сдержанной и глубокой».⁴⁵ Д. С. Лихачев полагает, что возникновение этого стиля связано с какими-то малоизвестными областными культурными традициями в сочетании с фольклорным влиянием. Помимо Повести о Петре и Февронии, элементы этого стиля наблю-

⁴³ О некоторой стереотипности и примитивности черт героев сказки говорится в статье Н. И. Савушкиной «Изображение внутреннего мира человека в русской социально-бытовой сказке» (Фольклор как искусство слова. Психологическое изображение в русском народном поэтическом творчестве, вып. 2. М., 1969, с. 68—84).

⁴⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 104—106.

⁴⁵ Д. С. Л и х а ч е в. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 92.

даются в летописных рассказах о смерти Михаила Александровича Тверского и князя Ивана Красного. Проведенное в данной работе сопоставление Повести о Петре и Февронии с фольклорными источниками свидетельствует о том, что сдержанная эмоциональность привнесена в произведение помимо сказочного источника, — хотя, вероятно, ход творческой мысли автора и был определен обращением его к народному творчеству.

Следует обратить внимание на литературные параллели Повести о Петре и Февронии, относящиеся ко времени русского Предвозрождения. Много точек соприкосновения наблюдается между Повестью о Петре и Февронии и повестями о Дмитрие Басарге и о Дракуле. Все эти произведения посвящены теме состязания в мудрости. В Повести о Петре и Февронии и в Повести о Басарге говорится о значении мудрости в добрых поступках, о победе ума над силой. В третьей повести речь идет о коварстве ума в сочетании со злой силой; герой ее воевода Дракула в начале рассказа определяется как «зломудрый». Общность между этими произведениями заключается не только в близости тематики, но и в близости художественной структуры, которая в каждом данном случае была определена источниками, использованными при создании этих памятников. В основу сюжета Повести о Басарге положен анекдот о мудром советнике или ответчике.⁴⁶ В Повести о Дракуле использовано несколько анекдотов-новелл.⁴⁷ Новеллистическая сказка лежит в основе Повести о Петре и Февронии. Повесть о Петре и Февронии вобрала в себя характерные черты своей литературной эпохи и гармонично их сочетала.

⁴⁶ Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текста М. О. Скрипиля. Л., 1969, с. 11—38.

⁴⁷ Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964, с. 69—70.

С. МАТХАУЗЕРОВА

Две теории текста в русской литературе XVII в.

Одна из самых важных проблем русской литературы XVII в. — проблема перехода «древней» литературы в «новую». Я вижу в этом переходе не внезапную ломку старых традиций, не насильственное вторжение совершенно чуждых элементов, а напротив, очень сложный процесс взаимопроникновения и сосуществования разнообразных художественных тенденций, отражающих противоречия общественного развития. Русская литература XVII в. представляет собой единый поток сложных литературных явлений, исторически подвижный и живой.

В данной статье я буду ориентироваться на тот диалектический принцип в историческом развитии, о котором пишет в «Философских тетрадах» В. И. Ленин: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей. . . есть *суть* диалектики. . . (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)».¹ История XVII в. зафиксировала такой момент, когда можно непосредственно ощутить раздвоение единого потока сложной и богатой русской культуры.

22 и 24 августа 1667 г., во время церковного собора в Москве, состоялись встречи двух знаменитых деятелей русской культуры — Симеона Полоцкого и протопопа Аввакума. Симеон Полоцкий прислан был к Аввакуму с тем, чтобышний раз попытаться убедить его в неправильности и вредности его взглядов.² Но встречи эти не принесли желаемого результата. Мы должны поставить вопрос, насколько спорящие могли сойтись в своих взглядах и насколько они вообще понимали друг друга. Ведь они были представителями двух разных культурных и эстетических направлений! Не то, чтобы они совсем не понимали друг друга. Симеон Полоцкий хорошо знал, что является содержанием всего культурного сознания Аввакума, — и, в то же время, Аввакум осознавал все тонкости логики, определявшие мышление Симеона Полоцкого. Но они не сошлись, они не нашли общей платформы, на которой можно было бы сойтись, не нашли общего языка.

Запись этих споров не велась. Мы не знаем, о чем говорили собеседники, но очевидно, что в этот момент они мобилизовали все свои силы, чтобы выразить себя в своих противоположных взглядах. Разговор шел, видимо, о догматах, но прения безусловно имели также литературный аспект: ведь спор касался таких чисто литературных вопросов, как отношение к тексту, способ его толкования, теория перевода и т. д. Они не сошлись просто-напросто ни в чем, так как Аввакум, вспоминая об этой

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, с. 316—317.

² В эти дни к Аввакуму приходили Симеон Полоцкий и Артамон Матвеев, в последний раз уговаривая его отказаться от старой веры. См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые. . . под редакцией Н. Субботина, т. V. М., 1879, с. 117—118.

встрече, написал: «С философом чернецом zelo было стязатися много: разошлись яко пьяни, не мог я поесть после крику».³ И Симеон Полоцкий иронически отзывался в своих стихах о тех, которые всю «мудрость в себе заключенну мнят».⁴

В чем состояла «несовпадаемость» точек зрения обоих знаменитых людей XVII в.? Как получился этот «неразговор», который является образцовым случаем несостоявшегося обмена мыслей, когда каждый из спорящих стоит на своем и не хочет, да и не может перешагнуть в духовный и интеллектуальный мир своего собеседника?

Было бы односторонне видеть во встрече двух антагонистов только конфликт западной схоластической образованности, представителем которой был Симеон, и той части московского духовенства, которая отрицала подобную образованность. Так когда-то попытался объяснить роль Симеона Полоцкого в русской культуре Иерофей Татарский. Доказательством невежества московских книжников он считал следующую цитату одного из авторов XVI в.: «Еллинских же борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах, учуся книгам благодатного закона».⁵

Сегодня, после многих новых работ, в особенности после превосходной работы А. М. Панченко о русской культуре XVII в.,⁶ никто уже не станет говорить о необразованности московских книжников этого периода, хотя таких цитат, какие приводит И. Татарский, у Аввакума и других старообрядцев можно найти сколько угодно. Они выражают не программу московских книжников, а только полемическую защиту ими о с о б о г о т и п а их образованности, «начитанности».

Дело в том, что московские книжники до раскола не успели обосновать свою теорию «начитанности» как цельную, всеобъемлющую культурную концепцию, в том числе эстетическую и литературную. Но мне кажется, что сомневаться в существовании такой концепции нельзя, хотя часто она выражена только намеками, а отдельные положения ее разбросаны в полемических статьях. У московских книжников, а затем расколоучителей безусловно было свое четкое представление о «беззависимой отеческой» науке.⁷ В их сознании, видимо, это представление укоренилось настолько прочно, что до поры до времени они не нуждались в его точном определении или анализе. Только столкновение с критицизмом никоновской реформы и влиятельной науки Киево-Могилянской академии заставило московских книжников формулировать свою точку зрения на характер и смысл образования. Развернутых теорий, какими располагали ученые монахи юго-западной Руси, московские книжники опять-таки не создали. Они писали прежде всего «обороны» и «защиты», лишь изредка ссылаясь на выводы своих авторитетных учителей. Но мы все же попытаемся извлечь из отдельных фрагментов цельную и законченную эстети-

³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция Н. К. Гудзия. М., 1934, с. 420.

⁴ «Не буди общник расколы творящим, / всю мудрость в себе заключенну мнящим, / а в самом деле пребезумным сущим» (Симеон Полоцкий и др. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), с. 216).

⁵ И. Татарский и др. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Очерк исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.

⁶ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

⁷ Этому вопросу я коснулась в статье: Simeon Polockij a jeho pojetí textu. — Československá rusistika, Praha, roč. XVIII, 1968, č. 1, s. 22—26. О «беззависимом отеческом» толковании говорит дьякон Федор Иванов в Письме собору 1666 г. (см.: Материалы для истории раскола . . . , т. VI. М., 1881, с. 3).

ческую концепцию, которую отстаивал протопоп Аввакум в момент встречи с Симеоном Полоцким. Эту концепцию мы сопоставим с эстетикой юго-западных монахов и писателей, представителем которых был Симеон Полоцкий.

1. Концепция текста

Прежде всего надо определить концепцию текста, как она выработалась ко времени раскола и последующих догматических споров. Из полемической литературы вытекает, что применительно к этой эпохе можно говорить о двух противоположных концепциях текста. Одна наиболее ярко выражена в челобитных суздальского попа Никиты и романово-борисоглебского попа Лазаря царю Алексею Михайловичу по поводу никоновской правки книг,⁸ другая — в «Жезле правления», где Симеон Полоцкий опровергает эти челобитные.⁹

Полемические возражения Никиты и Лазаря имеют свою логическую основу. Текст они принимают как нечто данное, как откровение, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Так, Лазарь приводит ряд цитат из патристической литературы, из Кирилла Александрийского, Василия Великого и Иоанна Дамаскина о том, что «не подобает изменять ни мало что».¹⁰ Истинность текста проверяется его повторяющимся восприятием, а не сравнением (как утверждал патриарх Никон) с другим текстом. Никита жалуется, что в исправленных книгах произвольно и напрасно искажается первоначальный текст, а нарушение одной лишь буквы, по представлениям Никиты, нарушает весь текст в целом.

Такую концепцию текста можно назвать с у б с т а н ц и о н а л ь н о й, так как слово само по себе здесь равняется обозначаемой субстанции, предмету; слово и бог составлены из одной материи,¹¹ и читать такой текст — значит войти в сферу влияния той же материи, так что исчезает разница между субъектом и объектом восприятия. Такое отношение к тексту имеет в славянской письменности долгую традицию. Оно прокламировалось в многочисленных списках трактата черноризца Храбра «О письменех»,¹² по которому буквы были даны славянам свыше, от бога. Но окончательно оно выработалось на русской почве прежде всего в процессе борьбы против правки книг и в соприкасающихся ей полемических спорах. Всякая правка, в конечном счете, всегда вызывала острый протест. Уже со времен суда над Максимом Греком подчеркивается мысль о том, что каждое исправление буквы текста является нарушением его содержания. Борисоглебский поп Лазарь приводит свидетельства отцов и учителей церкви, «яко предания их не подобает изменять ни мало что», в част-

⁸ Материалы для истории раскола . . . , т. IV, ч. 1. М., 1878, с. 1—285.

⁹ Симеон Полоцкий. Жезл правления. М., 1667.

¹⁰ Материалы для истории раскола . . . , т. IV, ч. 1, с. 234.

¹¹ Такое понятие текста связано с так называемым «вторым южнославянским влиянием», о котором пишет Д. С. Лихачев в своей работе «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (М.—Л., 1962, с. 48—52). Филологические труды Константина Костенецкого, отражающие «обожжающее» отношение к буквам и словам, напечатаны в кн.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896, с. 366 и сл. Константин высоко ценил Евфимия Болгарского.

¹² Трактат черноризца Храбра «О письменех» часто встречается в рукописных сборниках XVI—XVII вв., например в сборниках ГПБ, Q. XVI. 2, ГИМ, Синод., № 354, и др. Он переписывался также в составе различных азбучников, вошел в «Азбуку» Василия Бурцева, напечатанную в 1637 г. Этот трактат был одним из самых авторитетных научно-догматических произведений древнерусской культуры.

ности — цитату из Иоанна Дамаскина: «Аще и мало что отметаает от закона, весь отметаает закон».¹³

В отличие от субстанционального понимания Симеон Полоцкий дал рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. Он использовал полемику с раскольниками для того, чтобы применить принцип критического отношения к тексту. В отдельных статьях своего трактата он объявляет, что «правда» текста состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний.

Разница двух концепций текста сказалась, например, в споре о том, можно ли бога называть тьмою. Никита Добрынин во второй «жалобе» возражает против следующей фразы никоновской книги «Скрижаль»: «Лучши имагь именовати бога тму и невидение, нежели свет». Как представитель субстанционального понимания текста, Никита не признает возможности называть бога тьмою. Симеон Полоцкий, напротив, пользуется этим расхожим примером не только для того, чтобы показать невежество Никиты (это — цитата из Дионисия Ареопагита), но также для объяснения, что название субстанции, естества может меняться в зависимости от точки зрения наблюдателя и что объект может дополниться также свойством, исходящим от субъекта, причем перемена никак не касается сущности объекта. Бог остается светом, говорит Симеон, потому что это доказано словами Христа («Аз есмь свет») и Иоанна Богослова («Бог свет есть»). Дальше он продолжает: «Но свет есть неприступный и невидимый. . . , по сем убо неприступству и невидению в наших глаголется быти тма очесех, а не во своем божественном естестве, в нем же свет есть». Светлым остается и солнце, хотя слепой или крот его не видят и солнце им кажется тьмой. «Но незаконный Никита, яко невежда сего разсудити не умея, — заключает Симеон Полоцкий, — яко не по естеству своему бог именуется тма, но по нашей немощи, не могущей бога постигнути».¹⁴ Симеон Полоцкий считается с критическим субъектом, который стоит между словом и обозначаемым объектом; восприятие текста, по его концепции, является соотношением трех компонентов: слово—объект—субъект.

Итак, в спорах XVII в. мы можем найти следы двух противоположных концепций текста — субстанциональной и релятивистской.

2. Теория перевода

Выделяя две теории перевода, получившие выражение в догматических спорах XVI—XVII вв., я хочу оспорить тривиальную мысль о том, что старообрядцы в своих возражениях против правки книг цеплялись лишь за мелочи. Мне хотелось бы дать посильное определение двух теорий, четко выразившихся в этих спорах, и внести таким образом свою скромную филологическую лепту в познание культуры XVII в.

¹³ Материалы для истории раскола. . . , т. IV, ч. 1, с. 235. Здесь же Лазарь цитирует Василия Великого («. . . от здравья веры и малое преложив, всю веру повредил есть») и Кирилла Александрийского («. . . аще кто от исправления и утвержденных богоносными отци подвинет хотя мало что, и к тому таковое несть нарещи се исправление, но преступление и поправление повелению и на бога нечестие»). Дьякон Федор Иванов пишет, что «нынешние переправщики. . . яко мыши огрызуют божественная писания» (Материалы для истории раскола. . . , т. VI, с. 32—33).

¹⁴ Симеон Полоцкий. Жезл правления, л. 45. Здесь же Полоцкий говорит о заинтересованном, «ревнивом» отношении Никиты к тексту: «Ревнует малоумный Никита, но безумно. Ибо, не ведя и не постигая силы и разума словес предложенных, ересь быти именуют, еже есть ложь явственное» (л. 46).

Ко времени собора 1666 г. в связи с двумя концепциями текста обозначились две зеркально противоположные теории перевода.¹⁵ Они называются прежде всего в различном отношении к работе переводчика.

Перевод в понимании Симеона Полоцкого входит в разряд умственной работы, которая имеет воспитательное значение, но также ценна и сама по себе. Перевод — это «оправдание делом»,¹⁶ это труд, которым человек оправдывает свое существование и старается усовершенствовать мир так, чтобы он был подобен образу творца. Симеон Полоцкий подчеркивает, что источник его литературной работы — не только «божие наставление и пособие», но и его собственное «трудоположение».

Если Симеон Полоцкий считает перевод богоугодным занятием, доступным каждому, то для московских книжников перевод — дело высокого назначения. Не всякий может им заняться — и не по своему личному решению. Человек должен быть «призван» к этому. В данном случае московские книжники опирались на небольшой, но очень распространенный круг научной литературы, которая считалась «отеческой». В своем понимании перевода они исходят из взглядов, высказанных в «Прологе» Иоанна Экзарха Болгарского. «Пролог» дошел до нас в многочисленных сборниках,¹⁷ — он часто переписывался не в качестве предисловия к «Богословию», а как самостоятельный трактат, как авторитетное пособие, очень важное для переводчиков и книжников вообще. Иоанн Экзарх рассказывает здесь о своих колебаниях относительно перевода Иоанна Дамаскина. Он хотел по примеру Константина и брата его Мефодия «учительская сказания преложити». «Сия же помышляя, — пишет Иоанн Экзарх, — у б о я х с я». Он боялся впасть в грех, и только после того, как много раз приходивший к нему «инок Дукс» и упрасивал, и приказывал «переложити учительская сказания»,¹⁸ испугался и другого греха — лени и стал переводить Иоанна Дамаскина. Мотив призыва, «понуждения» часто повторяется в древнерусской письменности. Исаия, переводчик Дионисия Ареопагита, был «понужден» митрополитом Феодосием. Максима Грека призывает перевести Псалтырь Нил Курлятев.¹⁹ Аввакум пишет Житие по настоянию Епифания.²⁰

Симеон Полоцкий, напротив, решил перевести Псалтырь сам! Он прямо говорит об этом. Когда он готовил для «Вертограда многоцветного» стихотворение «Псалом», ему «впаде во ум псалмы покаянныя преложити стихотворне».²¹

Такое отношение к переводу расходится с убеждениями старомосковских книжников, опиравшихся на авторитетную «отеческую» литературу. Возражая против новопечатных книг, Федор, Никита, Лазарь, Авраамий, Аввакум, справщик Савватий и другие не дали систематического изложения своей позиции. Однако в их «оправданиях» угадывается целенаправленная теория, в основе которой лежит идея абсолютного перевода. В славянской традиции эта идея восходит к Константину, первому перевод-

¹⁵ Ср. мою статью: Simeon Polockij a jeho pojetí textu, s. 22—26.

¹⁶ А. М. П а н ч е н к о. Русская стихотворная культура XVII века, с. 167—173.

¹⁷ Трактат «Иоанна презвитера, Эксарха Болгарского, предисловие к книзе философстей святого Иоанна Дамаскина, иже и преложи ее от еллинскаго языка в словенский», входит в состав рукописных сборников БАН, Тек. пост., № 107 (откуда взяты все нижеследующие цитаты), ГБЛ, Музейн., № 950, ГПБ, Q. XVI. 2, и др. Трактат напечатан в кн.: К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824, с. 129—132; И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины. . . , с. 320—324.

¹⁸ БАН, Тек. пост., № 107, л. 2.

¹⁹ Ср.: БАН, 16.7.21, л. 165.

²⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 53.

²¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, с. 212.

чику на славянский язык, попытавшемся объяснить свой метод в трактате, который первоначально был написан по-гречески и от славянской версии которого дошел только один листок.²² Константин, по-видимому, подчеркивал свое намерение переводить по возможности точно, но сохранял за собой право на свободный перевод в случаях, когда между греческим и славянским языками оказывались расхождения.²³ Константин, вероятно, также предпочитал дословной точности передачу значения, смысла оригинала.²⁴

Такие же мысли повторяются в «Прологе» Иоанна Экзарха.²⁵ Идея абсолютного (по отношению к смыслу) перевода сформулирована здесь совершенно ясно: в греческом и славянском языках слова не равнозначны, «иже бо глагол во одном языке красен, то в другом не красен». ²⁶ Если в одном языке слово «страшно» или «честно», то в другом — «не страшно» и «не честно», если в одном языке оно мужского рода, то в другом — женского, одному выражению соответствуют два и т. д. Поэтому следует переводить не слова, «но разума нужно блюсти», «бо разума ради прелагаем книги сия, а не точию глагол ради». Итак, основой теории перевода является мысль, что перевод, одинаково точный в отношении и выражения, и содержания, невозможен, значит — надо ориентироваться на «разум», т. е. значение. Выражение ставится ниже содержания (это «глас нагий», «писмено неразумное», «слог тщетный» ²⁷ и «глагол неведомый»), ниже смысла, поэтому в первую очередь нужно заботиться о «внутреннем разуме». ²⁸

Попутно возникает вопрос, на который пока еще нельзя дать окончательный ответ. Не в этих ли воззрениях следует искать причину того, что в Древней Руси при переводе с греческого стихи не осмыслились как стихи? Ведь здесь недвусмысленно отвергается самодовлеющий интерес к «гласу», «писмену», «слогу» и «глаголу». Для окончательного ответа

²² Ср. реконструкцию А. Вайяна: А. V a i l l a n t. La préface de l'Evangeliaire vieux-slave. — *Révue des études slaves*, Paris, 1948, 24, p. 5—20.

²³ F. D v o r n í k. Byzantské misie u Slovanů. Praha, 1970, s. 132.

²⁴ По взглядам на искусство перевода он примыкает к той традиции, которая восходит еще к Горацию: «nec verbum verbo» (о теориях перевода см. в кн.: Jiří L e v ý. České teorie překlada. Praha, 1957, s. 23). Такой взгляд прямо противопоставит крайней позиции, принятой в связи с еврейской Торой, которая считается непереводаемой, так как в ней семантическое значение имеют даже порядок и длина слов, количество существительных женского и мужского рода, и всякое нарушение текста неизбежно искажает смысл написанного. Константин, наоборот, признавал принципиальную возможность перевода, но подчеркивал необходимость сохранения смысла оригинала.

²⁵ О том, каким уважением среди старообрядцев пользовался Иоанн Экзарх, см. в статье: Н. С. Д е м к о в а. Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. — *ГОДРЛ*, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 367—373.

²⁶ БАН, Тек. пост., № 107, л. 4 об.

²⁷ В самом старшем списке слова «тщетный» нет: «. . . прилежащем же к стухиям и к писменем неразумным и складом и глаголом неведомым» (цит. по кн.: К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Екзарх Болгарский, с. 131; так же звучит этот фрагмент в работе: И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины. . .). В рук. ГПБ. Q.XVI.2 слово «тщетный» присутствует: «. . . предлежащим же к составлению и к писменем неразумным и словом тщетным и гласом неведомым» (л. 8 об.). То же добавление находим в списке XVII в. БАН, Тек. пост., № 107: «. . . и прилежащим же к составлению и к писменем неразумным и слоговом тщетным и глаголом неведомым» (л. 3 об.).

²⁸ Этот термин, видимо, также добавлен в поздних списках как переосмысление первоначального «вдушный» (ср.: И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины. . ., с. 323; К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Екзарх Болгарский, с. 131). Вероятно, только в XVI в., в связи с борьбой против «внешней мудрости», понятие «вдушный разум» было переосмыслено как «внутренний разум». Об этом свидетельствуют два списка XVI в., выполненных рукой митрополита Даниила (К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Екзарх Болгарский, с. 131), а также список: БАН, Тек. пост., № 107, л. 3 об.

нужно сверить с подлинником, например, древнерусский перевод стихотворного «Шестоднева» Георгия Писиды²⁹ и, может быть, также других произведений. Хочу напомнить, что греческий «Алфавитарь» переведился без сохранения азбучного акростиха, на что указал в свое время Н. М. Каринский.³⁰ Я могу привести еще несколько аналогичных фактов. «Алфавит повелевающий» и «Четверостишная желанья» Симеона Нового Богослова³¹ переведены не стихами, без соблюдения стихного акростиха (алфавит начинается со слова «Начаток»). Максим Грек также не сохранял размер в своих переводах гекзаметра и пентаметра.³² Утрата алфавитного порядка в переводах с греческого особенно интересна по той причине, что славянские образцы азбучного жанра были широко распространены в Древней Руси.³³ До окончательного решения этой проблемы необходимо исследовать целый комплекс вопросов, относящихся к древнерусскому стихотворству.

Как кажется, многие из возражений Никиты, Лазаря, Аввакума, Савватия против правленных книг надо понимать в свете изложенной выше теории перевода. Расколоучители сетуют, что в новопереведенных книгах искажен «разум», т. е. значение, во имя какого-то грамматического правила или «глагола недоведомого», что, по их мнению, подлежит осуждению.

Какое отношение к переводу мы находим у Симеона Полоцкого? Он также подчеркивает «разум», смысл переводимого, но требует и точного перевода «речения», т. е. выражения: «Преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесоже оставляя».³⁴ Требуя, таким образом, от перевода и «разума», и «речения», Симеон признает возможность усовершенствования прежних и создания новых переводов, в которых меняются слова, но не смысл.

Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзе подлежащей зриши, —
Не слов измену точно разсуждая,
но в тех разума единство лобзая.³⁵

Итак, Симеон Полоцкий уравнивает «речение» и «разум», заботясь — в духе пицероновской традиции — о правильном переводе и мысли, и выражения; но «речение» он переводит не дословно, а старается найти его эквивалент. Для этого необходимо знать грамматику, риторику и диалектику. Переведенный текст должен иметь такие качества, как «сладость пения», «сладкое и согласное пение», «лагодение и сладкопение», которыми читатель может «веселиться духовно». Концепция Симеона Полоцкого дает переводчику большую свободу: переводчик может нарушать первоначальный текст, ему разрешено «во исполнение разума или стихов» добавлять слова или исключать их, если они «не вмести-

²⁹ Премудрого Георгия Писиды Похвала к богу о сотворении всея твари. Изд. И. А. Шляпкина. — ПДП, вып. XXXII. СПб., 1882 (по рук. ГПБ, собр. Толстого, № 144, лл. 24—78).

³⁰ Н. М. Каринский. Византийское стихотворение «Алфавитарь» в русском списке XI века. — ИОРЯС, т. III, 1930, с. 259—261.

³¹ См. рук. ИРЛИ, Дрвлекхранилище, колл. В. Н. Перетца, № 104, статьи 10 и 11.

³² Максим Грек. Сочинения, т. III. Казань, 1862, с. 288—289.

³³ Некоторая литература о русских азбучовниках приведена в моей кн.: S. Mathanová. Ruský zdroj monologické románové formy. Praha, 1961, s. 58—71.

³⁴ Симеон Полоцкий. Жезл правления, л. 56. Его теория отличается от той, которую отстаивал чудовский инок Евфимий, выступавший за дословный перевод «разума и речения»: «Яко подобает истинно преводити имны церковныя от слова до слова и ничто разума и речений, многотрудно умышленных святыми отцы, пременяя» (ГИМ, Синод., № 287, л. 68).

³⁵ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, с. 215.

паша в стихи мерою». ³⁶ Симеон Полоцкий отстаивает теорию перевода-компенсации, т. е. убавления и добавления при учете равноправия «разума» и «речения».

Теория перевода-компенсации противостоит теории абсолютного перевода.

3. Интерпретация (толкование) текста

Стремясь выделить диалектические полюсы того единого исторического потока, каким является русская литература XVII в., я пришла к выводу, что старомосковские книжники, в том числе Аввакум, Лазарь, Федор, Авраамий, опираются на старинную славянскую форму «вопрос—толк» ³⁷ и отстаивают, таким образом, символическое значение текста. Это, конечно, не мешает им по-своему толковать текст и придавать ему своеобразное символическое значение. От тех, кто собирался его судить, дьякон Федор требовал символических толкований текста, подтверждающих их богословскую квалификацию. Аввакуму, в свою очередь, удалось вместить в свою литературную биографию весь окружавший его реальный мир и найти ему объяснение в соответствующих символах. Весь спор с никонианами в «Житии» Аввакума является «толком» тех символов, которые известны по книгам. Даже мелочи повседневной жизни — «курочка черненькая» и ловля рыбы, — все это имеет отношение к сокровенному слову Писания и святоотеческого предания.

Наоборот, Симеон Полоцкий — поэт притчи. Притча позволяет ему опоэтизировать громадное количество сюжетов из мировой истории, священной, античной и средневековой, и все это применить в качестве правоучения к своему толкованию текстов. Что касается символических толкований, то они у Симеона Полоцкого сравнительно редки. Еще В. Попов писал, что символизация текста встречается у него не так часто, как у других авторов, и что он предпочитает метафору и сравнение. ³⁸

4. Образное оформление текста

Пространственно-временные отношения. Играют очень важную роль в каждой эстетической концепции, так как определяют внутренний строй и образную систему всякого произведения. Это своего рода временная фикция, которая лежит в основе всякого повествования, но которой мы не ощущаем. Мне уже приходилось частично говорить об этом в статье о функции времени в древнерусских жанрах ³⁹ и в докладе о темпоральных отношениях в древнерусской повести. ⁴⁰ Не повторяя того, что было написано в данных статьях о временной сети в конкретных произведениях, я коснусь некоторых теоретических предпосылок понимания времени, его философского толкования и грамматического оформления.

Общезвестен факт, что некоторые старомосковские книжники, и в особенности старообрядцы, часто высказывали отрицательное отношение

³⁶ Там же, с. 214.

³⁷ О двух основных традициях толкования текста см. в кн.: Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича. СПб., 1892.

³⁸ В. Попов. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886.

³⁹ С. Матхаузерова. Функции времени в древнерусских жанрах. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 227—235.

⁴⁰ S. Mathauserová. K temporálním vztahům ve staroruských žaurech. — Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Varšava 1973). Praha, 1973, s. 151—157.

к грамматике как средству углубленного познания и понимания текста.⁴¹ Но такого рода изречения не следует понимать дословно. Кроме того, не все старообрядцы относились отрицательно к грамматике как таковой. Авраамий, наоборот, ссылался на нее; но он имел в виду не новые грамматики западнорусского происхождения, а трактат «О восьми частех речи», так называемое «осмическое слово», которое, вслед за митрополитом Даниилом, он приписывает почитаемому старообрядцами Иоанну Экзарху Болгарскому. Чернец Савватий также отвергает именно новые грамматики, прямо заявляя, что никоновские справщики «книги портят», потому что «свела их с ума» их «несовершенная грамматика»,⁴² которая неспособна постичь тонкости книжного языка. И в этом Савватий был прав, так как семантические оттенки глагольных грамматических форм книжного языка были сложнее тех грамматических категорий, которые учитывались в новых пособиях.

Ни «Донатус», переведенный с латыни в XVI в. Дмитрием Толмачом,⁴³ ни «Грамматика» Мелетия Смотрицкого⁴⁴ вообще не содержат философского определения времени. Они дают только эмпирически-прагматическое определение глагольных временных форм, что не могло удовлетворить московских книжников. Напротив, трактат «О восьми частех речи», на который они опирались и который считали каноническим, имел так называемое мосхопульское, своего рода философское, определение времени (от имени Мануила Мосхопулоса, грамматика XIII—XIV вв.). Время здесь считается субстанцией, созданной вместе с миром: «Время же есть спротязаемо мира съставление, в нем же всяко мерится, движение ли звезд, ли живот, ли что таковых, отсюду и действия речи, и страсти речи, и посреднее действия и страсти речи в временах бываемыя времена глаголются».⁴⁵

Старомосковские книжники чувствовали, а в некоторых случаях даже осознавали, что в новых грамматиках не хватает категорий, способных постичь тонкости книжного языка, и поэтому ориентировались они на «Осмическое слово» с его философским определением времени. Есть своя доля правды в том, что новые грамматики казались им «мелкими» и «не-совершенными», хотя бы в отношении времени.

Здесь можно напомнить, что ни философы, ни физики, занимавшиеся проблемой времени, обычно не считали полезным объяснить что-либо грамматическими категориями, восходящими к эмпирико-прагматическим наблюдениям греческого филолога I в. до н. э. Дионисия Фракийского. Грамматическое время не может быть философски интерпретировано. Чтобы оправдать себя перед лингвистами за вмешательство в их сферу, я хочу подчеркнуть, что литературоведение также нуждается в своем объяснении времени, а именно, в состоянии предложить лингвистика. Литературоведение должно искать свой собственный подход.

Мне кажется, что в споре о правке книг в середине XVII в. как раз и отразился этот литературный аспект понимания времени.

⁴¹ Во время розыска Федор Иванов как отвечал на вопрос, знает ли он философские и грамматические книги: «На что мне тья книги чести поганых философов, которые . . . о тщетной мудрости упражнялися?» (Материалы для истории раскола. . . , т. V, с. 54).

⁴² Материалы для истории раскола. . . , т. VII. М., 1885, с. 271—273.

⁴³ Этот перевод напечатан в кн.: И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины. . . , с. 812 и сл.

⁴⁴ Грамматика Мелетия Смотрицкого первым изданием вышла в 1619 г. в Евю; в 1648 г. она была перепечатана в Москве.

⁴⁵ Цит. по изд. в кн.: К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Экзарх Болгарский, с. 171 (по списку митрополита Даниила начала XVI в.).

Уже в XVI в., в пору филологических изысканий Максима Грека и последующего суда над ним, можно наблюдать стремление закрепить за определенными формами глагола значение вечности, беспредельности, безначальности и бесконечности (например, «сый» и «бѣ», т. е. формы причастия и аориста), а за другими — «мимошедшего», имеющего начало и конец (все остальные глагольные формы). Это значит, что одни формы способны выражать вечное пребывание, а другие — лишь пребывание тленное, человеческое. Подобное осмысление отдельных глагольных форм сказалось и в повестях XVII в.

Утверждение такого семантического значения глагольных форм можно обнаружить уже в судном деле по поводу правки книг Максимом Греком. В протоколах несколько раз говорится о том, что он «писал о Христе, яко сидение Христова одесную отца мимошедшее и минувшее», так как «седе одесную отца» он заменил на «седев одесную отца» (в других местах — «седевшого» и «сидел еси»).⁴⁶ В нарушении временных форм уличает никоновских «справщиков» Никита Добрынин: вместо «быст» в новых книгах напечатано «был еси». Лазарь приводит 6 поновлений текста, Федор — два, чернец Савватий пишет целый трактат о том, что исправленные Никоном книги нарушают понятие вечного времени, и указывает 8 примеров такого нарушения.⁴⁷ Некоторые из этих примеров повторяет Аввакум.

Наиболее развернутую форму спор о понимании времени приобрел в похвале «славянскому языку», которую написал, по-видимому, инок Евфимий и которая является уже не богословским, но философским трактатом о том, что такое «сый».⁴⁸ Евфимий подчеркивает, что «сый» — это точный перевод греческого «Ο ΩΝ», обозначающего беспредельное существование, которое в богословии именуется богом. Но в сущности, если исходить из анализа трактата в целом, «сый» является понятием Платоновской философии. Понятие «ΤΟ ΩΝ» отличается от понятия «ΟΝΤΟΣ ΩΝ», эссенция отличается от экзистенции, так как первое понятие представляет собою мир сущих идей, недоступный чувственному познанию, в то время как второе обозначает мир отражений, единственно и подпадающий чувственному восприятию. В своей похвале инок Евфимий подчеркивает, что только славянский язык посредством глагольных форм способен точно передать греческие онтологическо-грамматические категории. Как видим, в отчаянной борьбе с новыми течениями представители славяно-греческой ориентации, невольно сходясь в некоторых вопросах с раскольниками, опираются даже на греческую античную философию. На философские понятия Платона Евфимий ссылается также в своих рассуждениях о бесконечности и ее выражении в «стихиях» (ΣΤΟΧΕΙΑ) «альфа» и «омега».

Евфимий, таким образом, задним числом философски обосновывает возражения Федора, Никиты, Савватия против правки книг и делает эти возражения до конца продуманными. Смысл их таков: в славянском переводе надо соблюдать разницу между миром беспредельным и миром «мимошедшим»; о первом можно говорить лишь в онтологическо-грамматических категориях, выражающих вечное существование; такими категориями являются формы «сый» и «бѣ».

⁴⁶ Н. Н. Покровский. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, с. 90 и сл.; ср.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2. М., 1900, с. 712.

⁴⁷ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862, с. 27.

⁴⁸ Эта похвала («Рассуждение, учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии»), в которой доказываются преимущества славянской речи по сравнению с латинским и польскими языками, напечатана в кн.: М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб., 1899, Приложения, с. VI—XXVI.

Размежевание вечного существования и тленной жизни касалось также изобразительного искусства. Например, на иконе XVII в. из собрания Русского музея изображается Никола «в житии», но Троица — «в бытии».

В общем инок Евфимий был прав, подчеркивая преимущество славянского «сый» по сравнению с латинским и польским переводами указанного греческого слова, которое в этих языках не имеет эквивалента и поэтому передается описательно: «который есмь», «который еси», «который есть», «который был», «который будет». На самом деле, в латинской традиции нет специальных глагольных форм, которые позволяли бы различать вечное существование и существование тленное. Однако, несмотря на усилия московских книжников XVI в., затем старообрядцев и, наконец, чудовского монаха Евфимия, несмотря и на другие попытки в том же роде, в литературном языке нового периода не удалось сохранить это осмысление и актуализацию славянских глагольных форм. Но историческая ценность подобных попыток очевидна. Русская художественная мысль поднялась здесь до высокого уровня и проявила себя вполне самобытно.

Выходит, что Федору и Никите, которых Симеон Полоцкий в своем полемическом «Жезле правления» называл «безумными», было присуще четкое ощущение философских основ проблемы времени, когда они требовали сохранить форму «несть конца» и возражали против формы «не будет конца». Чернец Савватий также не без оснований ратовал за формы «бываше» вместо «бывал еси», «седе» вместо «седел еси». Авраамий, в свою очередь, защищал старые традиции, ополчаясь против новой «несовершенной» грамматики, которая неспособна постигнуть мысль и дать ей соответствующее выражение. Наконец, инок Евфимий выступил уже с развернутой теорией значения глагольных форм, связанной с философско-онтологическими категориями. Правда, все это были напрасные усилия, так как живая разговорная речь одержала несомненную победу в борьбе за новый литературный язык. Но остаются историческим фактом опыты перенесения категорий книжного славянского языка в новую литературную сферу, в частности — в повести XVII в.⁴⁹ Эти опыты необходимо изучать в широком культурном контексте.

Так, например, представление о вечном мире как о беспредельном пространстве, где нет движения, где действие не происходит, а как-то длится, было очень тесно связано со всей образной системой именно этого типа эстетической концепции.

В а и м о о т н о ш е н и я о б р а з о в. Художественный мир, созданный по закону данной эстетической концепции (это платоновский мир подлинной, идеальной красоты), заполнен идеальными константами, неподвижными и неизменными, достигшими высшего предела. Мир Аввакума заполнен константами «миленький», «черненький», «чудненький», «бедненький». В мире продолжателя Аввакума, Семена Денисова, этот принцип абсолютизировал: в его «Винограде Российском» имеются одни элативные формы — «предивный», «пречюдный», «всепредобрый», «всепресладкий», «прежестокый», «прегорький», «препелынный», «всехрабрый», «преславный».⁵⁰ Здесь нет ни превосходной, ни сравнительной степени. Подтверждение этих наблюдений я нашла в трактате «Книга о исправлении неких погрешностей в речениях, бывших в преждепечатных книгах минеях», где отмечается, что славянские переводы неправильны в отно-

⁴⁹ Анализ темпоральных отношений нескольких русских повестей XVII в. я изложила в докладе на VII конгрессе славистов в Варшаве (см. прим. 40).

⁵⁰ Текст «Винограда Российского» я пользовалась в списке ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр., № 130.

шении степеней сравнения.⁵¹ Причина этого, видимо, следующая: абсолютный мир не нуждается в сравнении и мере, в нем ничто не имеет ни меры, ни времени, ни качества, в нем есть только беспредельность — без конца и без начала. Следовательно, в этом мире нет и движения, есть только абсолютное существование, то самое «сый». «Обнаружив» в новой философии отсутствие категории «сый» и соответствующей категории «экзистенция», западноевропейский идеализм стремился заполнить это «белое пятно» экзистенциализмом. Интересно, что М. Хайдеггер в «*Sein und Zeit*» приводит как раз ту же платоновскую мысль, которую использует инок Евфимий.⁵²

Миру вечных идей, устойчивых символов, аллегорий, идеальной красоты Симеон Полоцкий противопоставил совершенно другой мир, основанный на иной эстетической концепции, которую можно отнести уже не к платоновским понятиям пространства или красоты, а к понятиям аристотелевским. Аристотель выдвигает вперед движение и процесс за счет статических количеств, и в его понимании пространство — иерархия мест. «Физис» Аристотеля есть универсальный строй, который и проявляется как иерархия мест. Иерархия делает возможным движение к высшему назначению. Что такое все сложные конструкции «книжиц», поздравительных и триумфальных стихотворений Симеона Полоцкого, как не иерархизация вещей? Орел Российский в центре Солнца, Музы, приносящие свои поздравления будущему царю. . . Все члены царской семьи и все чины в строгом порядке выражают соболезнования по поводу смерти царицы Марии Ильиничны или царя Алексея Михайловича. . .

У Симеона Полоцкого обостренное чувство иерархии. Такого чувства явно недоставало, например, братьям Лихудам, судя по их приветствию Петру I.⁵³ Симеону Полоцкому, наоборот, была присуща способность создавать ощущение универсального порядка, который направлен куда-то ввысь, к пределам совершенства. Это основная и новая черта его творчества. Другая черта — это стремление к мере, к поискам соизмеримости вещей.

Насколько значительную роль играет мера в творчестве Симеона Полоцкого, видно из того, что в «Вертограде многоцветном» он посвящает ей несколько стихотворений; здесь же в виде отрезка приводится соотношение меры тела Иисуса, креста и титла Христова.⁵⁴ Пафос меры чувствуется также в его силлабической версификации. Его стих — это, в сущности, метр, которым мерится мир, его «краесогласие» — это форма соизмеримости вещей, чего, по-видимому, еще нет в двоестипных посланиях поэтов «приказной школы».⁵⁵ Объяснение того, что такое мера, Симеон Полоцкий дает в нескольких стихотворениях, как и объяснение того, что такое время. Само собой разумеется, что у Симеона нет того раздвоения времени, каковое мы встречаем у Аввакума. Конечно, Симеон Полоцкий сохраняет в своих стихах все формы церковнославянского глагола — аорист, перфект, имперфект; видимо, он признает за ними даже определенное значение: об Агари он говорит, что она «родила», а о Сарре — «роди». Сказать наоборот он не может. Но в рифмах Симеона Полоцкого эта семантическая разница не сохраняется. Здесь он как бы щеголяет разными формами прошедшего времени, пользуясь ими для того, чтобы избежать

⁵¹ БАН, 34.3.14, л. 23 об. Трактаг напечатан Н. Никольским: ПДЦ, вып. СХV. СПб., 1896.

⁵² М. Heidegger. *Sein und Zeit*. Halle, 1934, S. 1.

⁵³ См.: БАН, собр. Петр. гал., № 66, инв. № 3847 (Похвальное слово братьев Лихудов Петру I по случаю взятия Азова и возвращения в Москву в 1696 г.).

⁵⁴ БАН, 31.7.3, л. 318.

⁵⁵ Это термин А. М. Панченко.

ритмического однообразия клаузул. Время у него — уже единое, «цивилизированное» время.

Х а р а к т е р о б р а з о в. С и е р а р х и е й и м е р о й т е с н о с в я з а н о и п о н я т и е д в и ж е н и я. О б р а з ы С и м е о н а П о л о ц к о г о д и н а м и ч н ы. Э т о п р е ж д е в с е г о м е т а ф о р а, д и н а м и з м к о т о р о й (п о с р а в н е н и ю с с и м в о л о м) з а к л ю ч а е т с я в т о м, ч т о о н а и з д в у х с о е д и н е н н ы х з н а ч е н и й в ы в о д и т з н а ч е н и е т р е т ь е, н о в о е. Х а р а к т е р м e т a ф o p a С и м e o н a П o л o ц k o г o м о ж н о o п р e д e л и т ь, с р a в н и в а я o б р a з н у ю т к а н ь «В е р т o г р a д a м н o г o ц в e т н o г o» с «В и н o г р a д o м Р o с с и й с к и м» С e м e н a Д e н и с o в a. «В и н o г р a д» з a п o л н e н с и м в o л a м и, o б р a з a м и и з м и р a и д e a л ь н ы х в e щ e й. З н a ч e н и e с i м v o л o в c к р ы т o и д a л ь ш e н e p a c k p ы в a e т s я. С i m v o л у к р a ш a e т s я э л a т и в н o й ф o p м o y э п и т e т a. В «В e р т o г р a д e м н o г o ц в e т н o м» ц a p c т в у e т м e t a ф o p a. В e р т o г р a д — э т o м и p, в e р т o г р a д a p ь — ц a p ь, и б o г, и ч e л o в e к. В e р т o г р a д — н e «п р e ч ю д н ы й», н o «м н o г o ц в e т н ы й». В с e я в л e н и я в н e м м o ж н o и з м e p и т ь, и x «м н o г o», и o н и «p a з н ы e».

Чтобы пополнить противостоящие ряды двух эстетических концепций, напомним еще об идеях прекрасного. В «Беседе четвертой» (об иконном писании)⁵⁶ Аввакум отстаивает мысль об идеальной красоте, материализация которой является эстетическим тормозом. Симеон Полоцкий, напротив, выдвигает принцип уподобления действительности, принцип общественной пользы, «сладости» и приятности. У Симона Ушакова и Иосифа Владимирова, известных теоретиков русской иконописи XVII в., уже прямо говорится об отражении действительности в искусстве.

Итак, мы подводим итоги. Какой вывод мы можем сделать? Для истории русской культуры XVII в. характерно диалектическое «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»: существуют две противоположные эстетические концепции, два полюса, между которыми совершает свое движение живая литература этого времени.

К о н ц е п ц и я т е к с т а

Субстанциональная

Релятивистская, критическая

Т е о р и я п е р е в о д а

Идея «абсолютного» перевода
«Внутренний разум»

Перевод-компенсация
«Разум» и «речение»

И н т е р п р е т а ц и я (т о л к о в а н и е) т е к с т а

«Вопрос — толк»

Притча

С ф о р м л е н и е т е к с т а

Статическое пространство
Время вечное и тленное
Символ
Элативные формы

Движение, иерархия, мера
Единое «цивилизированное» время
Метафора
Степени сравнения

Э с т е т и ч е с к а я] к а т е г о р и я п р e к р a с н o г o

Идеальная красота, чувствами не постигаемая

Красота как гармония, соотношение

Если бы каждую из этих концепций мы снова диалектически разделили, то отразили бы всю историческую сложность литературного процесса XVII в. и содействовали бы объяснению таких его парадоксальных явлений, как старообрядцы-силлабики или неожиданная «умеренность»

⁵⁶ Жизнь протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения 1960, с. 135—137.

Симеона Полоцкого, вызванная существованием «отеческой» эстетической мысли, о чем пишет А. М. Панченко.⁵⁷

В заключение хочется предупредить, что было бы ошибкой принимать две рассмотренные эстетические концепции за столкновение некоего западного и восточного образа художественного мышления. Диалектическую противоположность, подобную обнаруженной здесь, можно наблюдать еще в античной культуре. Она имеется и внутри каппадокийского кружка. Такое же столкновение и известное преодоление противоположностей можно проследить и в трудах Августина, и в трудах Фомы Аквинского. В какой-то мере этот конфликт, по наблюдениям Н. К. Никольского, сказался и в послании Климента Смолятича пресвитеру Фоме. В Италии XVI в. он чувствуется в споре Савонаролы со сторонниками Ренессанса, а в России XVII в. — при соприкосновении двух эстетических концепций, репрезентированных Аввакумом, с одной стороны, и Симеоном Полоцким — с другой. Резкое первоначально столкновение постепенно сменилось взаимопроникновением обеих эстетических концепций; этим взаимопроникновением и определяется дальнейшее развитие русской литературы.

---

⁵⁷ А. М. П а н ч е н к о. Русская стихотворная культура XVII в., с. 201.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. А. ДМИТРИЕВ

Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве»

I

«Истягну» или «И стягну»?

Начиная рассказ о походе Игоря, автор «Слова о полку Игореве» дает такую характеристику воинской доблести своего героя: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ».¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» и большинство современных изданий «Слова» принимают прочтение «истягну», предложенное уже первыми издателями. Основное значение слова «истягнути», подтверждаемое конкретными языковыми данными, согласно «Словарю-справочнику», — «вытянуть». Приводятся также все возможные однокоренные параллели: «истягнутися» — протягиваться, «истязати» — проверять, испытывать; спрашивать, расспрашивать; допрашивать; требовать; мучить, пытаться; брать; изымать, отнимать.²

При значении «истягнути» — вытянуть наиболее убедительное толкование данного отрывка «Слова» дано И. Д. Тиуновым, которое и приводится в «Словаре-справочнике». И. Д. Тиунов так объясняет значение «истягнути» — вытянуть в рассматриваемом отрывке из «Слова»: «Утолстившееся, пригущенное от долгого употребления лезвие стального орудия (топора, косы) кузнец разогревает на огне и отковывает тоньше — оттягивает (современный технический термин), вытягивает, а затем оттачивает на бруске. Здесь образ из кузнечного дела и оба глагола „истягнути“ — „поострити“, без насилия над их основным значением, выступают в профессионально-реалистическом смысле».³ При всей убедительности и остроумности толкования И. Д. Тиунова, в нем имеется один существенный недостаток: примеров из древнерусских текстов на такое значение слова «истягнути» — нет.

Многие переводчики и комментаторы «Слова о полку Игореве», оставляя написание «истягну», переводят и комментируют это слово исходя из значений слова «стягнути» — стягнуть, затянуть; переносно — обуздать, связать.⁴ Т. е. Игорь «стянул» (обуздal, укрепил, скрепил, препоясал) свой ум (душу) своею крепостью (волей, силой, отвагой).

¹ Текст «Слова» цитируется по изд.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967.

² Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова, вып. 2. Л., 1967, с. 165.

³ И. Д. Ти у н о в. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., с. 196.

⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. III, вып. 2, с. 856.

Впервые «истягну» на два слова разделил Дм. {Дубенский: «Истягну — два слова, отделя союз и, — стягну (от коренного тягну) — стягаю, стягиваю».⁵ То, что в «Слове о полку Игореве» употреблен глагол «стягнути» с союзом «и» перед ним, — «и стягну», — считали Вс. Миллер,⁶ Е. В. Барсов,⁷ А. А. Потебня,⁸ В. Н. Перетц.⁹ Слово «стягну» толковалось всеми этими исследователями в контексте памятника в своем переносном значении. «Связать ум крепостию — значит укрепить, закалить его».¹⁰ «И ум опоясал он крепостию своею».¹¹ «Ум здесь *mens* в смысле воли, намерения, решимости: стянул крепостию — крепко стянул, крепко препоясал решимость, т. е. твердо решился».¹² «Переключаемо це місце в „Слові“ так: „той, хто вгамував волю своєю силою (міццю)“, або, може, „зміцнив“».¹³ В. Н. Перетц привел к этому образу «Слова о полку Игореве» убедительную параллель из Иосифа Флавия: Веспасиан «приим умъ в свою крѣпость и ста крѣпко исполчився».¹⁴

По мнению И. Д. Тиунова, одним из важных аргументов в пользу того, что в «Слове о полку Игореве» был употреблен термин «истягну», является свидетельство текстов «Задонщины». Он пишет: «Поведание Софонии и Сказание о Дмитрие Ивановиче — свидетели более ранних списков „Слова о полку Игореве“ — своим „истезавше“ поддерживают исконность начертания „истягну“».¹⁵ Но тексты «Задонщины» в данном случае едва ли могут свидетельствовать о предпочтительности именно такого чтения: оборот «истезавше» также можно разделить на два слова — «и стезавше», где «стезавше» — производное от «стягнути».¹⁶ Князь Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич «и стезавше ум свои крѣпкою крепостию, и поостриша сердца свои мужеством» (так в У); в С: «. . . и стезавше умы свои крепостею, и поостри сердце свое мужеством». Список И1 подтверждает бóльшую возможность именно такого начертания, так как в нем имеем: «. . . стяжав умъ свои крѣпостию, и поостриша сердца своя мужеством». (В списке К—Б соответствующий отрывок сильно изменен: «. . . поостриша сердца свои мужеству, ставше своєю крѣпостию», хотя «ставше» скорее говорит о том, что и Ефросин в перерабатываемом им тексте «Задонщины» читал либо «стезавше», либо «стежавше». В остальных списках «Задонщины» этого отрывка нет».¹⁷

⁵ Дм. Дубенский. Слово о полку Игореве Святыславля пестворца старого времени. М., 1844, с. 13.

⁶ Вс. Миллер. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, с. 188.

⁷ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, с. 142—144.

⁸ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Харьков, 1914, с. 15.

⁹ В. Перетц. Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної України—Руси XII віку. Київ, 1926, с. 143—144.

¹⁰ Вс. Миллер. Взгляд на Слово о полку Игореве, с. 188.

¹¹ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, с. 144.

¹² А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, с. 15.

¹³ В. Перетц. Слово. . . , с. 143.

¹⁴ Там же.

¹⁵ И. Д. Тиунов. Несколько замечаний. . . , с. 196.

¹⁶ Тексты «Задонщины» цитируются по изд.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 535—556.

¹⁷ Вс. Миллер, принимая чтение «Задонщины» «истезавше», считал, что автор «Задонщины» не понял текста «Слова о полку Игореве». Он пишет: «Значение глагола „стягну“, не было понято автором Сказания о Дмитрие Ивановиче, где нашему месту соответствуют слова „истезавше ум свой крепкою крепостию и поостриша сердца свои мужеством и наполни ратного духа“. Глагол „истязати“ — значит выспрашивать, вытребовать, вымогать, выпытывать, — а что бы значило: истязать свой ум крепостию?» (Вс. Миллер. Взгляд на Слово о полку Игореве, с. 188). Списки «Задонщины» даны по принятым в науке условным сокращениям.

Останавливаясь на значениях глагола «стягнути», Вс. Миллер писал: «Сътагнѣти встречается в ц[ерковно]слав[янском] и в собственном значении „связать“ (например узами) и в переносном значении „укреплять“. Срав[ни] в словаре Миклошича: „стегну (аор.) расслаблена“.¹⁸ В словаре церковнославянского языка в статье на глагол «стягнути» значение слова определяется как «то же, что стягивать», и в виде примера дается следующая фраза: «И стягнеши слово судное кольцами, яже на нем, с кольцами верхних риз. Исх. XXVIII, 28».¹⁹ Приведенный текст из Библии, как кажется, лишний раз подтверждает правильность чтения «и стягну», а не «истягну» в «Слове».

Мы можем привести конкретный пример употребления в древнерусском тексте глагола «стягнути» в значении «укрепить». В рассказе Жития Иоанна и Логгина Яренских, по редакции Сергия Шелонина (середина XVII в.),²⁰ об исцелении расслабленной, которая после молитвы у гроба святых «востает убо от гроба на нозе свои», мы читаем такое описание эмоций исцеленной: «Воздевает убо руце горе, возвышает глас, вопиет, яко же Хананыни, высрпъ же к богу похвалныя песни возсылая, с т я г н у в ш е м у ю молитвами своего раба, яко же расслабленнаго словом повелевшему одр свой взяти».²¹

Итак, написание «истягну», данное в первом издании и Екатерининской копии «Слова о полку Игореве», следует читать как два слова: союз «и» и глагол «стягнути». В этом отрывке памятника, как отмечал А. А. Потемня,²² повторяется союз «и», и он должен читаться: «. . . до нынѣшняго Игоря, иже и стягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ».

II

«Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбываетъ»

В «Золотом слове» Святослав, задав риторический вопрос: «А чи дивося, братие, стару помолодити?» — сам же и отвечает на него: «Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбываетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду».

В переводах «Слова», предшествовавших переводу первого издания, словосочетание «въ мытехъ» было переведено «на охоте»: «Когда сокола на охоте спускают. . .».²³ В бумагах А. Ф. Малиновского оно оставлено без перевода, лишь изменена грамматическая форма: «Когда сокол в мыту бывает. . .».²⁴ В первом издании дан такой перевод: «Когда сокол перелиняет. . .».²⁵ Три этапа перевода отражают поиски значения непонятого слова: сначала домысел в рамках контекста, затем сознание, что до-

¹⁸ Там же, с. 188.

¹⁹ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, т. IV. СПб., 1868, с. 509.

²⁰ Сергей Шелонин (ум. в 1667 г.), сначала инок Соловецкого монастыря, в 1647/48 г. — архимандрит Ипатьевского монастыря, затем снова монах Соловецкого монастыря, книгохранитель монастырской библиотеки, — человек высокого книжного образования, писатель. См.: П. З н а м е н с к и й. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века. — Православное обозрение, 1882, февраль, с. 282—314; апрель, с. 666—686; Л. А. Д м и т р и е в. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 225—230.

²¹ ГПБ, собр. Погодина, № 728, лл. 42—42 об.

²² А. А. П о т е м н я. Слово о полку Игореве, с. 15.

²³ См.: Л. А. Д м и т р и е в. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 323 и 345. [Перевод в бумагах Екатерины II и перевод конца XVIII в.].

²⁴ Там же, с. 355.

²⁵ Там же, с. 366.

мысел неверен, но так как значение слова не найдено, оно оставлено без перевода, и, наконец, определение значения слова «мыть» как «линька птицы». Толкование оказалось верным: такое значение слова «мыть» подтверждалось языковыми параллелями и соответствовало смыслу фразы в природоведческом плане — перелинявший, возмужавший сокол более отважен.²⁶ В. Н. Перетц привел лексическую параллель к фразе «Слова» о соколе «въ мытехъ» из другого древнерусского памятника, из Повести об Акире Премудром: «Егда бо сокол трех мытей бывает, он не даст ся с гнезда своего взяти».²⁷

О. В. Творогов,²⁸ рассмотрев фразу о соколе «трех мытей» в Повести об Акире Премудром, установил, что она появилась в третьей редакции повести (XVII в.) и что в ряде списков встречается чтение, еще более близкое к тексту «Слова о полку Игореве», чем приведенное у В. Н. Перетца. На основании всех известных ему списков Повести об Акире О. В. Творогов реконструировал возможное архетипное чтение этой фразы в Повести: «Коли сокол трех мытей, тогда не даст в обиду гнезда своего».²⁹ Наблюдения над употреблением слов о соколе «трех мытей» в Повести об Акире Премудром дали Творогову основание высказать предположение — не является ли чтение «въ мытехъ» «Слова» результатом искажения (добавим — или неправильного прочтения) первоначального написания «г мытей», где «г» — обозначение цифры 3?³⁰

Статья О. В. Творогова была вызвана замечанием А. А. Зимина о том, что фраза «Слова о полку Игореве» о соколе «въ мытехъ», из которой получается, как считает А. А. Зимин, что сокол «в период линьки проявляет особенно воинственные наклонности»,³¹ — неправильна: линьку птицы, как и животные, переносят болезненно.³² Поэтому пассаж о соколе «трех мытей» в Повести об Акире Премудром, по мнению А. А. Зимина, дает «лучшее чтение этого фрагмента, чем фраза о „соколе въ мытехъ“ из „Слова“».³³

Р. О. Якобсон, посвятивший специальную статью данному отрывку «Слова»,³⁴ приходит к выводу, что словосочетание «въ мытехъ» не может обозначать понятия в «период линьки». Говоря о справедливости замечания В. П. Петруся о невозможности приурочить образ мощи и силы сокола к периоду, когда он «мытится», Р. О. Якобсон замечает, что предложенная В. П. Петрусем конъектура «лишена малейшего правдоподобия, а главное — совершенно излишня, потому что статья не учла хронологического, календарного значения присущего формам множественного числа *мыти, мытей, мытехъ*».³⁵ «Значение словосочетания *соколь въ мы-*

²⁶ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова, вып. 3. Л., 1969, с. 127—129.

²⁷ В. Н. Перетц. Слово... , с. 270.

²⁸ О. В. Творогов. «Сокол трех мытей» в Повести об Акире Премудром. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 111—114.

²⁹ Там же, с. 112.

³⁰ Там же, с. 114.

³¹ А. А. Зимин. Когда было написано «Слово»? — ВЛ, 1967, № 3, с. 145.

³² О слабости, болезненности птиц в то время, когда они «мыться» — линяют, писал В. П. Петрусь. Понимая выражение «Слова» «въ мытехъ» как обозначение периода линьки, В. П. Петрусь выдвинул свое толкование этого отрывка. Он предлагает «мыть» читать как «мыть» — пошлаина, дань, и так переводит рассматриваемый пассаж: «Когда сокол берет дань с птиц (т. е. охотится), он бьет их на большой высоте, не давая своего гнезда в обиду», — см.: В. П. Петрусь. Соколь въ мытехъ. — Ученые записки Кировского педагогического института, 1957, вып. 2, с. 103—105.

³³ А. А. Зимин. Когда было написано «Слово», с. 145.

³⁴ Р. О. Якобсон. Сокол в мытехъ. — Јужнословенски филолог, Београд, књ. XXX, 1973, 1—2, с. 124—134.

³⁵ Там же, с. 128.

тъхъ, — пишет Р. О. Якобсон, — недвусмысленно ясно. . . Сочетание *соколъ въ мытѣхъ* явно соответствует по форме и значению таким ходовым выражениям, как рус[ское] *человек в летах*, „пожилой, немолодой“.³⁶ Он так переводит эту фразу: «Если сокол не раз линиял (т. е. если сокол в летах) он высоко взбивает (угоняет) далече ввысь» птицу».³⁷ Фразу о соколе «трех мытей» в Повести об Акире Премудром Р. О. Якобсон считает и по грамматическим, и по стилистическим, и по смысловым показателям (в контексте) безусловно восходящей к тексту «Слова о полку Игореве». Остановившись на вопросе об отношении фразы о соколе с предшествующей ей («А чи диво. . . стару помолодити?»), он пишет: «Уже Н. Ф. Грамматин уловил, что связь двух смежных образов — „старому омолодиться“ и „не раз перелинявший сокол“ — выигрывает в убедительности, так как „сокол, перелинявши, одевается молодыми перьями“ (цитата из Н. Ф. Грамматина, — Л. Д.), иначе говоря, омолаживается».³⁸

Итак, мы видим, что и в том случае, если принимать выражение «въ мытѣхъ» как обозначение «в летах», то для того чтобы согласовать фразу о соколе с предшествующей ей, выражение это приходится толковать расширительно, видеть за ним определенный подтекст. Т. е. фраза о соколе во всем контексте данного отрывка включает в себе мысль о том, что и немолодой человек, подобно соколу, побывавшему «в мытѣхъ», может обновиться, стать сильным и грозным. По-видимому, здесь скрывалась какая-то аллегория, фраза эта имела символическое значение.

Р. О. Якобсон считает, что термины «трех мытей» в Повести об Акире и «въ мытѣхъ» «Слова о полку Игореве» «относятся друг к другу совершенно так же, как термины „стольких-то лет“ и „в летах“».³⁹ Но во всех случаях в Повести об Акире сохраняется цифра 3. Это, конечно, не случайно, и едва ли можно этот оборот полностью отождествлять с определением «стольких-то лет». Поэтому высказанное О. В. Твороговым предположение, что и в «Слове» шла речь о соколе «трех мытей», как мне представляется, вполне заслуживает внимания. А фраза о соколе «3 мытей», становящемся сильным и грозным, находит интересную параллель в древнерусской письменности, до сих пор, как будто, не привлекавшую к себе внимания.

В статье «Физиолога» об орле мы читаем: «О орле. Давид глаголетъ: Обновиться, яко орля, уношь твоя. Физиолог рече о орле: яко аще състареешь, отяжчаега ему очи и ослепнетъ, что убо створить: възыщеть источника воды чисты и възлетитъ на въздух солнечныи и изожьжеть криле свои и тму очию своею и снитъ на землю и погрузитъся в воде трижды».⁴⁰ Такой же текст об орле находится и в Толковой Палее.⁴¹ Хорошо известно, какое большое влияние имел «Физиолог» на мировоззрение, на представления средневековых людей о мироздании, как широко использовались легенды и представления «Физиолога» в древнерусской письменности.⁴² В одном из списков (XVII в.) Моления Даниила Заточника восходящая к «Физиологу» сентенция об орле по тексту и смыслу еще более близка к рассматриваемому отрывку «Слова»: «Орел убо егда состаретъся и отягчатъся очи ему, и бывает слеп, и възлетит на въздух,

³⁶ Там же, с. 127.

³⁷ Там же, с. 128.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Изд. ОЛДП, 1890, с. 196.

⁴¹ Там же, с. 201.

⁴² См.: А. Карнеев. Материалы и заметки. . .

и обрет источник воды чисты, и погрузится в нем трикраты: тогда оставит слепоту свою во источнице том. Тогда юн бывает орел, высоко летая, яко царь над птицами». ⁴³

Приведенные тексты не дают оснований говорить о непосредственной связи между пассажами о соколе «трех мытей» Повести об Акире и соколе «въ мытехъ» «Слова», с одной стороны, и статьей «Физиолога» о возрождающемся орле — с другой. Но едва ли чисто случайно совпадение между представлением о храбрости сокола «трех мытей» и возвращении к орлу молодости и силы после того, как он трижды омоеся в «источнике воды чисты». Думается, что ассоциативные связи между этими образами у средневекового читателя должны были возникать даже в том случае, если они непосредственно и не связаны друг с другом.

За фразой о «перемытившемся», перелинявшем, соколе, по-видимому, стояло не биологическое явление (определенный возраст птицы), а средневековые представления об особой храбрости и отваге, о возрождении молодой силы сокола, который прошел «три мыти». Представления эти основывались на естественно-фантастических преданиях о свойствах и повадках зверей и птиц, таких, как рассказ «Физиолога» об орле.

---

⁴³ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 103.

В. А. ЗАХАРОВ

Что означает «... до куръ Тмутороканя» в «Слове о полку Игореве»?

Фраза «Слова о полку Игореве» «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя»¹ не раз привлекала к себе внимание исследователей. Слова «дорискаше до куръ Тмутороканя» не получили достаточно четкого толкования и до сих пор объясняются и переводятся по-разному. Мы попытаемся раскрыть смысл данного места, учитывая как лексические, так и исторические данные.

Многие исследователи переводят выражение *до куръ* как 'до петухов', считая что в Древней Руси оно было «одним из суточных терминов и соответствовало поздней ночи»,² «указывало о времени, когда поют петухи, на исходе ночи».³ При этом многие ссылаются на упоминание этого слова в Галицком и других евангелиях XI—XII вв.:⁴ «... и абие кур възгласи» — ἀλέκτωρ ἐφώνησεν (Матф. XXVI, 74), «коур възпеть» (Марк XIV, 68; ср. Лука XXII, 60; Иоанн XVIII, 27). Греч. ἀλέκτωρ переводилось также словом 'кокоть' — петух: «и кокоть ходя в кокошехъ благодушен» (Притчи Соломона XXX, 31). Впервые толкование 'до петухов' дал Н. М. Карамзин. К нему присоединился Я. Пожарский, затем Н. Ф. Грамматин, И. Малышевский, Д. Н. Прозоровский, Н. Алябьев;⁵ так же объясняет эту фразу большинство советских исследователей, считая, что Всеслав за ночь («до пения петухов») добегал из Киева до Тмуторокани. Это толкование обуславливается представлением о Всеславе как о князе, занимавшемся волхвованием, колдовством («въ ночь влъкомъ рыскаше»).

Существует и иное понимание этого оборота — как определения географического, а не временного. Первые издатели словосочетание «до куръ Тмутороканя» перевели: 'До Курска и до Тмутаракани'.⁶ Ряд исследователей объясняет выражение *до куръ* не в смысле определенного географического наименования, а в значении жилого места, поселения. И. Снегирев (1838 г.) слово *кур* «сближал со словом курень, что значит селение».⁷

¹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 54.

² Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. 3. М., 1889, с. 416.

³ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова, вып. 3. Л., 1969, с. 37—38.

⁴ В. Перетц. Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України—Руси XII віку. Київ, 1926, с. 298. Примеры употребления *куръ* в значении 'петух' в рукописях XI—XVII вв. приводятся В. Л. Виноградовой в кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», с. 37.

⁵ См.: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве... т. 3, с. 417—419.

⁶ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 324, 347, 356, 367.

⁷ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве... с. 417.

Д. Д. Мальсагов, считая, что это выражение «нельзя понимать в значении 'до петухов'», предполагает, «что „до курь Тмутороканя» — значит 'до родовых поселений Тмутараканя', не самого города, может быть, а области Тмутараканя».⁸

Наличие в «Слове о полку Игореве» тюркской по происхождению лексики не подлежит сомнению. Выявлению и объяснению ориентализмов «Слова» посвящено немало специальных работ (П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова, В. А. Гордлевского, А. Зайончковского, К. Менгеса и др.). Есть все основания относить к лексике тюркского происхождения и слово *куръ*, так как оно имеет генетическую и семантическую связи с тюркскими основами. В древнетюркском языке было слово *qır* 'устраивать', 'сооружать',⁹ *kürä* 'грести', 'сгребать'.¹⁰ В алтайских языках *küre* 'грести землю', а также 'земляной вал', 'насыпь'.¹¹ В тюркском языке имеется слово *курап*, которое имеет значение 'собрание жилищ'.¹² В монгольском языке слово *kuran* (*gürien* ~ *gürejen*) означает ограду, огороженное место, становище, стан.¹³ Рашид ад-Дин объясняет слово *курап* как 'собрание домов в поле'¹⁴ и говорит, что в то время куран состоял из тысячи домов или кибиток.¹⁵ Перс. *кюрэ* 'уезд', 'округ', по-видимому, дало рождение арабскому слову *кур*, *кура*, мн. ч. от ед. *карийстун* 'деревня'.¹⁶ Отсюда происходит позднейшее *курень* (из тюркского *кюрэн*),¹⁷ что означает 'селение', 'часть города'.¹⁸ Интересно сопоставить тюрк. *кюрэн* с греч. *γῦρα* (*γῦρος*) 'округ'. *Скур* как нарицательное означает 'населенный пункт', 'селение' или 'город', 'страна'. В Армении,

⁸ Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Грозный, 1959, т. I, вып. 2, с. 152.

⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 467.

¹⁰ Там же, с. 348.

¹¹ Н. А. Баскаков, Т. М. Гошак ова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, с. 100. Ср. кумык. *кюрэн* 'загон для скота'; *кюрэн* 'юрты в степи, построенные по кругу', а также татар. *кур* 'строить', 'сооружать' (см.: Русско-кумыкский словарь. М., 1960, с. 226).

¹² Шейбаниада. История монголо-тюрков на ошагитском диалекте, изданная И. Березиным. — В кн.: Библиотека восточных историков, т. I. Казань, 1849, с. 29—31, прим. 35 (далее: Шейбаниада).

¹³ Шейбаниада, с. 29; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1895, стлб. 918. В чагатайских текстах слово *кур* имеет следующие значения: 'стена', 'строение', 'защита' (см.: Л. Э. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, с. 73).

¹⁴ Рашид ад-Дин пишет: «... значение *курена* есть 'кольцо' (круг). В древнее время племя сходилось на каком-нибудь месте в виде кольца, а глава его находился в середине круга подобно точке: это называлось *курень*» (см.: Ф. И. Эрдаман. К истории Чингис-хана. — ЖМНП, ч. XLIV, 1844, № 10, с. 48).

¹⁵ Необходимо отметить, что само название *Тмуторокань* производится из двух древних тюркских титулов — *таман* и *таркан*, что в переводе означает 'определенный титул' (см.: Древнетюркский словарь, с. 529, 538, 539, 648; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 21, 25, 65—66; И. Г. Дობродомов. Тмуторокань и Тамань. — Русская речь, 1973, № 5, с. 133). И. Березин прослеживает в этимологии слова *Тмуторокань* следующие тюркские элементы: *түмэн* 'десять тысяч', *иргэн* 'народ'; *түмэтирген* 'десятьтысячники' (тума народа) (см.: Шейбаниада, с. 31). Вокруг таких укрепленных пунктов находилось подвластное население, главным образом — прихлынувшие из степей Азии тюркские кочевники с кибитками и табунами (см.: В. Смирнов. Что такое Тмутаракань? — ВВ, т. XXIII. Пгр., 1923, с. 46).

¹⁶ Ф. И. Эрдаман. Следы азиатизма в Слове о полку Игореве. — ЖМНП, ч. XXXVI, 1842, № 9, с. 20—21.

¹⁷ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, с. 417.

¹⁸ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 425; Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. 2. Киев, 1908, с. 330.

с присущей для армянского языка трансформацией, термин *кур* звучит как *gul*, *guğ* и тоже обозначает 'селение'.¹⁹

Таким образом, почти все варианты основы *кур* употребляются в значениях 'строить', 'сооружать'. Отсюда происходят слова типа *qur+iw* 'строение', 'постройка'; эта форма могла быть заимствована в адаптированном виде *qur=iw* > *кура*, так как *куру* в русском языке обозначало бы то же слово в вин. п. Тюркские слова на *-iw* в русском языке, как правило, заимствуются в форме на *-а*.²⁰ В этом виде *кур* звучит, как нам кажется, и в «Слове о полку Игореве». В пользу такого предположения говорят и исторические факты, свидетельствующие о возможном пребывании князя Всеслава Полоцкого в Тмуторокани.

Князю Всеславу Полоцкому автор «Слова» уделяет много внимания. Больше того, всех русских князей он делит на две неравные части — на «Ярославлих внуков» и на «Всеславлих». Действительно, полоцкие князья составляли несколько обособленную династическую ветвь и на общем фоне других русских князей Всеслав Брючиславич (1044—1101 гг.) выделялся своим беспокойным нравом.²¹ Кратко остановимся на событиях, связанных с полоцким князем.

Шестидесятые годы XI в. были временем борьбы Ярославичей с Ростиславом Владимировичем за обладание Тмутороканью.²² Всеслав Полоцкий, воспользовавшись этим, в 1065 г. нападает на Псков, а в 1066 г. — на Новгород. Ярославичи, покончив с Ростиславом, двинулись на усмирение полоцкого князя, и 3 марта 1066 г. на Немиге произошла «сеча зла», Всеслав бежал.²³ Ярославичи не стали преследовать Всеслава, а отступили за Днепр. 10 июля 1066 г. Изяслав, Святослав и Всеволод пошли на клятвopеcтупление — «целовавше крест честный» — обратились к Всеславу с предложением о перемирии. Всеслав поверил, переехал с детьми Днепр, был схвачен и посажен в Киевский поруб. В 1068 г. три Ярославича — Изяслав, Всеволод и Святослав — потерпели поражение в битве с половцами на Альте. Киевляне, вернувшись в город 15 сентября, «створиша вече на торговищи» и потребовали от Изяслава выдать им оружие и коней для продолжения войны с половцами. Князь отказал, и горожане, «идоша на гору, с вечера, и придоша на двор Коснячков, и не обретше его, стаща у двора Брючиславля» — торгового подворья

¹⁹ Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы. (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). — В кн.: Н. Я. Марр. Избранные произведения, т. 5. М.—Л., 1936, с. 163—164. Аристакэс Ластивертци пишет о разорении большого города Окоми «с относящимися к нему деревнями и хуторами». В подлиннике *Гюл* — наиболее общий термин для обозначения деревни, села (см.: Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. Памятники письменности Востока. Т. XV. М., 1968, с. 61, 146, прим. 24). В вайнакских языках *кур* 'квартал, населенный представителями рода' (см.: Д. Д. Мальясов. О некоторых непонятных местах «Слова о полку Игореве», с. 152).

²⁰ Ср., например, алт. *ajwulu* — букв. 'медвежий', — название селения, которое в русском языке в адаптированном виде звучит *Айула*, так как *Аюулу* соответствует винульному падежу. Пользуясь случаем, привожу искреннюю благодарность Н. А. Баскакову, который обратил наше внимание на эти и другие примеры из тюркских языков.

²¹ В. Е. Данилевич. Очерк Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, с. 63—65.

²² С 1050 по 1064 г. в Тмуторокани правил Глеб Святославич, которого в 1064 г. выгнал Ростислав. Святослав пошел на помощь своему сыну: «Ростислав же отступил кроме из города». Глеб вновь занял тмутороканский престол, но не успел Святослав вернуться в Киев, как Ростислав вторично изгоняет Глеба, который вынужден был вернуться к отцу в Киев. Ростислав пробыл в Тмуторокани до своей трагической смерти 3 февраля 1066 г. Глеб в третий раз возвращается на княжение (см.: В. Н. Татищев. История российская, т. 4. М.—Л., 1964, с. 153; Повесть временных лет, т. 1. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 111—113).

²³ ПВЛ, т. 1, с. 112.

полоцких князей, вокруг которого сосредоточивались лица некиевского происхождения, — «и реша: „Пойдем, высадим дружину свою ис погребя“».²⁴ Под «дружиной», как считает Л. В. Алексеев, нужно подразумевать если не самого Всеслава, то, вероятнее всего, его дружину, схваченную на Рши, после его пленения.²⁵ Всеслав был освобожден восставшими из поруба и посажен на киевский великокняжеский стол. Изяслав бежал из Киева в Польшу к своему шурина, польскому королю Болеславу Храброму. «Всеслав же седе Кыеве месяц 7».²⁶ Великое княжение киевское Всеслава нашло отражение и в «Слове»: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше».²⁷

Тем временем Изяслав с помощью польского короля Болеслава Храброго двинулся на Киев. Всеслав, оставив киевлян у Белгорода, тайно бежал ночью в Полоцк.²⁸ 2 мая 1069 г. Изяслав вступил в Киев²⁹ и в том же году, изгнав Всеслава из Полоцка, посадил там сына своего Мстислава.³⁰ После такого поворота дел Всеслав решился на захват новгородского стола, но едва достигнув Кзени, пригорода Новгорода, он был наголову разбит 23 октября 1069 г. ратью новгородского князя Глеба, только что прибывшего из Тмуторокани.³¹ В Полоцк Всеслав возвращается лишь в 1071 г.³²

Где же был этот князь-изгой в течение двух лет? Ответ на поставленный вопрос, по-видимому, и дает «Слово о полку Игореве», повествующее о том, что «Всеславъ князь. . . изъ Кыева дорискаше» до города Тмуторокани.³³ Всеславу пришлось скрываться от гнева князей: Тмуторокань была тем городом, где князь-изгой мог найти надежное убежище в тот период, когда междоусобная борьба князей за этот город, именно в силу его отдаленности от русских центров, вступала в свою последнюю фазу. Вскоре Тмуторокань подпала под влияние Византии, а затем перешла во владение половцев.³⁴

²⁴ ПВЛ, т. I, с. 112—114.

²⁵ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белорусии в IX—XIII вв.). М., 1966, с. 247.

²⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 173.

²⁷ Это косвенное указание говорит о самой первоначальной фазе великого княжения, когда новый князь должен был устанавливать взаимоотношения «со всею князей» (см.: Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 454).

²⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стлб. 173; т. II. СПб., 1908, стлб. 162—163; Н. Г. Березков. Хронология русского летоисания. М., 1963, с. 227.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, с. 188; ПСРЛ, т. I, вып. 1, стлб. 168—169; т. II, стлб. 118—122; В. Н. Татищев. История российская, т. 4, с. 155.

³⁰ ПВЛ, т. I, с. 116.

³¹ В. Н. Татищев. История российская, т. 4, с. 155; В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, 1939, т. 2, с. 252.

³² ПСРЛ, т. II, стлб. 163—164.

³³ А. И. Полканов. К вопросу о конце Тмутороканского княжества. — Известия Таврического общества истории, т. 3. Симферополь, 1929, с. 40—42. Наше предположение подтверждается и тем фактом, что в Тмуторокани в это время, по-видимому, никого из князей не было. Глеб Святославич, судя по надписи на тмутороканском камне, был там еще зимой 1068 г. (см.: В. А. Захаров. К вопросу о подлинности тмутороканского камня. — История СССР, 1969, № 5, с. 211—213).

³⁴ Русские летописные сведения о Тмутороканском княжестве полностью прекращаются на 1094 г. (см.: ПВЛ, т. I, с. 148—151). Архиепископ Феофилакт, живший на рубеже XI—XII вв., говорит о проникновении Византии в области, где в тот период времени существовали «греческие города между рекой Танаис и Мэотидским озером» (см.: А. П. Кождан. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Босфора в конце XII в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 96. В 1117 г. русское население покинуло под давлением половцев Белую Вежу, примерно в это же время ушли русские и из Тмуторокани (см.: ПВЛ, т. I, с. 202).

В «Слове о полку Игореве» три раза говорится о поездках Всеслава Полоцкого. Первые два реальных события известны нам по летописям — это приезд на Немигу в 1067 г. и бегство из Белгорода в 1069 г. У нас нет никаких оснований сомневаться в достоверности третьей поездки, о которой говорит лишь «Слово». Однако следует отметить, что в указанном фрагменте речь идет не о каком-то «молниеносном походе Всеслава Киевского в Тмуторокань» в поисках союзников или наемников, а может быть, и табунов коней, которых так недоставало киевлянам в 1068 г., как это считает Б. А. Рыбаков.³⁵ Поездка туда после 1 ноября 1068 г., видимо, не могла состояться, так как Всеслав бежал из Киева в конце апреля — начале мая 1069 г.³⁶ Поездка в Тмуторокань во время его семимесячного великого княжения неминуемо кончилась бы потерей Киева,³⁷ которым Всеслав, конечно, дорожил.

Из приведенных нами лингвистических данных видно, что слово *кур* встречается в тюркских языках в значениях 'поселение', 'населенное место', 'город' и т. д. *Курь* в рассматриваемом нами фрагменте «Слова о полку Игореве», вероятнее всего, тюркского происхождения, о чем убедительно свидетельствуют генетические и семантические связи этого термина с многочисленными тюркскими языками, а также известная исследователям насыщенность «Слова» лексикой древнетюркского (половецкого, огузского) происхождения. В связи с этим мы считаем, что слово *курь* употреблено в «Слове о полку Игореве» для исторического уточнения, что Всеслав был именно в городе Тмуторокани,³⁸ а словосочетание *до курь* следует рассматривать как множественное число в винительном падеже от слова *кура* 'строение'.

Рассмотренный фрагмент «Слова о полку Игореве» мы предлагаем переводить следующим образом: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева дорыскивал до города Тмутороканя».

Однако еще в середине XII в. засвидетельствовано существование в половецкой Матрахе династии Олуабас, в которой исследователи, не без основания, видят наследников Олега Святославича — Ольговичей (см.: Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. — КСИИМК, вып. 43. М., 1952, с. 19).

³⁵ См.: Б. А. Рыбаков. 1) Русские датированные надписи XI—XIV вв. Свод археологических источников. Серия Е1-44. М., 1964, с. 18; 2) Русские летописцы. . . , с. 454—455.

³⁶ Изяслав вступил в Киев 2 мая 1069 года (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стлб. 173).

³⁷ Ср.: Л. В. Алексеев. Половецкая земля. . . , с. 248.

³⁸ Любопытно отметить, что в первой половине XIX в. Тамань называли «куреном»: «Тамань носит название и имеет герб города, по настоящему же своему учреждению — это курень (разрядка наша, — В. З.), как и все остальные» (И. Покон. Черноморские казаки. СПб., 1858, с. 62).

Б. И. ЯЦЕНКО

Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве»?

Современники автора «Слова» еще, возможно, помнили о трагической судьбе Бориса Вячеславича, князя-изгоя, погибшего в битве на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. Поэтому автор не отступает от главной темы рассказа о мужественном Олеге Святославиче, который «мечем крамолу коваще» в борьбе за черниговскую отчину, и говорит о князе Борисе мельком, рассчитывая на исторические познания читателей: «Бориса же Вячеславича слава на судь приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя».¹

События, на которые автор «Слова» только намекает, полнее освещены в летописях. После смерти Святослава Ярославича (1076 г.) князь Изяслав с помощью поляков возвращается на Русь и начинает мстить Святославичам за свое изгнание из Киева в 1073 г. Олег, отозванный из Волыни, живет в Чернигове под надзором Всеволода. Его положение очень ненадежно: в любое время он мог стать жертвой заговора Изяслава и Всеволода Ярославичей.

В апреле 1078 г. князь Олег уходит в Тмуторокань, чтобы силой добиться получения удела в Русской земле. Но фактически отчинную войну вслед за Всеславом Полоцким начинает князь Борис в мае 1077 г. Воспользовавшись временными затруднениями Всеволода Ярославича, на которого с запада наступал Изяслав с поляками, Борис входит в Чернигов и княжит там 8 дней, до подхода Владимира Всеволодовича из Киева. Потерпев неудачу, князь Борис бежит в Тмуторокань. Уже в следующем году он вместе с Олегом возвращается в Чернигов, но в решающей битве гибнет. Тмутороканские князья были разбиты.

Об этом сообщает Ипатьевская летопись: «... первое убиша Бориса сына Вячеслава, похвалившася велми».² То же находим в Лаврентьевской,³ Никоновской⁴ летописях, в Московском летописном своде конца XV в.,⁵ в летописных сводах 1497⁶ и 1518 гг.⁷ и во Владимирском летописце.⁸ Считают, что Борис — сын Вячеслава Ярославича (Олег перед боем обращается к Борису: «... пошлыве с молбою к строема

¹ Текст «Слова о полку Игореве» в статье цитируется по изданию: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

² ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 192.

³ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 201.

⁴ ПСРЛ, т. IX—X. М., 1965, с. 108.

⁵ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 11.

⁶ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 23.

⁷ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 177.

⁸ ПСРЛ, т. XXX. М.—Л., 1965, с. 49.

своима»).⁹ Значит, Олег и Борис — двоюродные братья, племянники Изяслава и Всеволода.

Но вот интересное сообщение под годом 1079-м в Вологодско-Пермской летописи (XV—XVI вв.): «Того же лета убиен бысть Изяслав Ярославич з Борисом Святославичем у града Чернигова»,¹⁰ т. е. под Черниговом погиб не сын Вячеслава, а сын Святослава. Олег и Борис — родные братья. Этот факт отражен и в «Истории российской» В. Н. Татищева.¹¹ Еще больше запутывает проблему Софийская I летопись, где в статье под годом 1079-м читаем: «Того же лета убиен бысть Изяслав Ярославич с Борисом Святославичем, бьяся по Всеволоде со Олгом Святославичем и с Борисом Вячеславичем у града Чернигова». ¹² Такое же сообщение в Новгородской V ¹³ и Никаноровской ¹⁴ летописях.

Несмотря на то что здесь явный анахронизм, — сообщается о битве под Черниговом под годом 1079-м, после описания гибели Романа Святославича, — тем не менее возникает проблема: кто был убит под Черниговом — Борис Вячеславич или Борис Святославич?

М. В. Ломоносов, как и В. Н. Татищев, относит князя Бориса к детям Святослава Ярославича.¹⁵ Другие историки XVIII в. тоже считают, что под Черниговом погиб Борис Святославич. Ничего не разъясняют и родословные книги XVIII в., которые говорят и о Борисе Святославиче, и о Борисе Вячеславиче.¹⁶

Но обратимся к более ранним источникам. В Любецком Синодике, например, Бориса Святославича нет, хотя автор перечисляет всех князей из рода Святослава Ярославича, которые владели Черниговом.¹⁷ Правда, Филарет Гумилевский в своей Родословной черниговских князей называет второе имя князя Романа — «Роман Борис Святославич». ¹⁸ Но если даже второе имя Романа было Борис, он не мог занимать Чернигов в 1077 г. Повесть временных лет недвусмысленно констатирует: «. . . седе Борис в Чернигове месяца мая в 4 день, и бысть княженья его дни 8, и бежа Тмутароканю к Р о м а н о в и». ¹⁹ «Красныи» Роман, воспетый Бояном, был убит половцами в переяславской степи в 1079 г. Наконец, в Изборнике Святослава 1073 г. изображен Святослав Ярославич с сыновьями Глебом, Давыдом, Олегом, Романом и младенцем Ярославом. Князя Бориса среди них нет. Если даже он родился после 1073 г., то не мог принимать участия в политических событиях 70-х годов XI в.

Значит, автор «Слова» не ошибся: под Черниговом погиб именно Борис Вячеславич. Но и здесь многое неясно: почему, например, Борис Вячеславич не включен в Любецкий Синодик, ведь он был черниговским князем? Кажется, лучше всего этот вопрос решен у Р. В. Зотова: «Неупоминание в Синодике о некоторых известных по летописи князьях, владевших в разное время Черниговом (Всеволод Ярославич, Владимир Всеволодович Мономах, Борис Вячеславич), показывает. . . , что, по понятиям

⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 192.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 44.

¹¹ В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 92—93.

¹² ПСРЛ, т. V, вып. 1. Л., 1925, с. 147.

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. 1. Пгр., 1917, с. 136.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 27.

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, с. 349.

¹⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, ч. I. М., 1787, с. 19, 51, 53; см. также: Родословныя владетельных князей российских [6 г. и м.], роспись I, III.

¹⁷ Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

¹⁸ Там же, с. 245.

¹⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 190.

составителя Синодика, они не имели права быть помещенными в Синодике черниговских князей, как не происходившие от Святослава Ярославича Черниговского».²⁰

Очень противоречивы сведения о самом Вячеславе, который родился в 1036 г. (по некоторым источникам — в 1033 или 1034 г.) и умер в 1057 г. В одних родословцах Вячеслав старше Игоря, брата своего, женат на Оде, графине штадесской.²¹ В «Бархатной книге» Вячеслав младше Игоря.²² Если учесть, что Вячеслав Ярославич был посажен отцом в Смоленске, где не было еще епископии, а Игорь княжил во Владимире-Волынском, где епископия была одной из старейших (992 г.), то напрашивается вывод, что Вячеслав — самый младший среди Ярославичей. М. В. Ломоносов фиксирует, что на графине Оде был женат Святослав Ярославич.²³

Однако эти неувязки еще ничего не доказывают, потому что не так важно, на ком был женат Вячеслав. Основное противоречие возникает именно в том случае, если согласиться, что князь Борис был сыном Вячеслава Ярославича. Самый младший среди внуков Ярослава, «седе Борис в Чернигове». И горожане приняли его охотно. Здесь историческая загадка. Возможно ли, чтобы Чернигов — вторая столица Руси — принял князя, который мог рассчитывать только на незначительный удел или даже на роль подручного? Разве могли горожане подвергнуть себя такому неслыханному унижению? По наследственному праву, установленному Ярославом Мудрым, сын Вячеслава Ярославича не мог претендовать на Чернигов.

От смерти Святослава и до возвращения Изяслава с сыновьями на Русь — с декабря 1076 г. по июль 1077 г., — когда Всеволод Ярославич был великим киевским князем, право на Чернигов в династии Ярослава могли иметь только Святославичи. Поэтому позднейшие летописцы решили, что названный без отчества Борис, пытавшийся утвердиться в Чернигове в мае 1077 г., был сыном Святослава Ярославича Черниговского и Киевского. Но никто из Святославичей не делал попытки обосноваться тогда в Чернигове, а самого князя Бориса Святославича вообще не существовало. Эта замечательная ошибка свидетельствует, что любые претензии сына Вячеслава Ярославича (если у него и был сын) на Чернигов считались невозможными, противоречащими существу сложившихся отношений.

Однако летописный Борис Вячеславич и м е л п р а в о на Чернигов. Чрезвычайно ценное свидетельство Мономаха: «Ходихом том же лете со отцем и со Изяславом биться Чернигову с Б о р и с о м и победихом Бориса и Олга».²⁴ Мономах явно считает Бориса старейшим, главным врагом в битве за Чернигов.

Почему же? Если князь Борис родился, когда Вячеславу Ярославичу было хотя бы 18 лет, то в 1078 г. Борису Вячеславичу было 24 года. Олег был на два-три года старше, и, как сын старшего Ярославича, он имел право на старейшинство. Но, по свидетельству Мономаха, в битве на Нежатиной Ниве старейшим был князь Борис. Летопись с некоторой симпатией рассказывает об Олеге, который не хотел этой битвы. Однако Борис не слушает разумного совета: «... яз им противен всем. И похвалився велми».²⁵ Это «яз им противен всем» имеет, по всей видимости, более широкое значе-

²⁰ Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому Синодику... с. 180.

²¹ Родословный владетельных князей российских, роспись I.

²² Родословная книга князей и дворян российских... с. 14.

²³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 349.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 248.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 192.

ние. Вещий Олег, завоевав северян и заставив их платить дань русинам, а не хазарам, сказал: «. . . аз им противен, а вам не чему»,²⁶ т. е. «я им враг, а не вам». Борис заявляет, что он враг всем князьям — сынам и внукам Ярослава, стоящим перед ним на поле битвы: Изяславу и Всеволоду Ярославичам, Ярополку Изяславичу и Владимиру Всеволодовичу.

Таким образом, князь Борис: не принадлежал к семье Святослава Ярославича; имел право на Чернигов, и Мономах считал его главным врагом в борьбе за Чернигов; был старейшим среди тмутороканских изгнанников; объявил себя врагом всех Ярославичей.

Не исключена возможность, что князь Борис, хотя он косвенно и назван в летописи племянником Изяслава и Всеволода Ярославичей, вообще не принадлежал к внукам Ярослава. Общеизвестно, что только два Владимировича — Изяслав и Ярослав — дали начало отдельным династиям русских князей. А другие? Ведь у Владимира I было 12 сыновей. В ПВЛ указано, что от Рогнеды «роди 4 сыны: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 тчери; от грекине — Святополка, от чехине — Вышеслава, а от другое — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба»,²⁷ — так в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской летописи Мстислав «от другое» «чехини» не назван, но против сноски к словам «а от другия Святослава» на поле приписано: «Станислав».²⁸

М. В. Ломоносов придерживается первого перечня, в котором два Мстислава, но делает одну очень существенную поправку: «чехиню», которая родила Вышеслава, он ставит перед Рогнедой.²⁹ В этом есть своя логика: если Вышеслав — сын старейший, то и «чехиня» была, видимо, первой женой Владимира Святославича. Но примечательность положения именно в том, что перечень, в котором Вышеслав назван сыном «чехини», третьей жены Владимира, сохранился во всех известных летописях. Кроме уже названных Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, тот же перечень находим в Софийской I, Никоновской, Симеоновской, Львовской летописях, летописных сводах 1497 и 1518 гг., Владимирском летописце и др. В Мазуринском летописце, например, указано: «. . . третья княжна чехиня, от тоя име Вышеслава».³⁰ И в другом месте: «. . . старейший Вышеслав, иже от чехини родися».³¹ В рассказе о крещении летописец перечисляет сыновей Владимира в ином порядке: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав.³² В этом месте Лаврентьевская летопись, как и некоторые другие, противоречит сама себе: исчезает один Мстислав, освобождая место старейшему Вышеславу, появляется Станислав. Вряд ли возможен иной вывод, кроме одного: рассказ о рождении сыновей был не совсем верно отредактирован.

Переработка текста, однако, не затронула старейшинства Вышеслава и не была направлена против него. Видимо, здесь были другие соображения, и редакторы просто не обратили внимания, что с т а р е й ш и й Вышеслав стал сыном т р е т ь е й жены Владимира. Если же несоответствие и было позже замечено, то мало кого интересовало, так как Вышеслав Владимирович не оставил следа в политической истории Руси. И нас в данном случае интересуют лишь мотивы редакционной работы лето-

²⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 17.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 80.

²⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 67 и прим.

²⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 258.

³⁰ ПСРЛ, т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968, с. 42.

³¹ Там же, с. 46.

³² ПСРЛ, т. I, стлб. 124.

писцев. Конечно, старейший Вышеслав был сыном Рогнеды Рогволодовны, как показано у В. Н. Татищева.³³ И не только потому, что Рогнеда была все-таки первой женой, но и потому, что Владимир I мог посадить в Новгороде только потомка Рогволода. Полочане, увлекаемые идеей восстановления былого единства кривичей, в XI—XII вв. не раз пытались включить Новгород в сферу своего влияния.³⁴ Присутствие в Новгороде Вышеслава Владимировича создавало иллюзию единства и предотвращало активное вмешательство варягов из рода Рогволода в дела Руси. Из этих же соображений Владимир I посадил в Новгороде после смерти Вышеслава не Святополка, а Ярослава, внука Рогволода.

Вышеслав ошибочно поставлен в середине перечня в рассказе о рождении сыновей. Но для «ошибки» были какие-то основания. Если Вышеслав — сын Рогнеды, то кого из сыновей Владимира родила третья жена — «чехиня»? В какой город он был определен великим князем? Владимир Святославич посадил своих сыновей на уделы в Новгороде, Полоцке, Ростове, Владимире-Волынском, Муроме, Тмуторокани и др. И ни одна из летописей не упоминает Чернигов. Только у В. Н. Татищева, который использовал не дошедшие до нас летописи, находим, что князь Владимир посадил в Чернигове Вячеслава, сына третьей жены — «чехини».³⁵

Этот факт многое объясняет. Поэтому, нам кажется, необходимо тщательно проанализировать свидетельства «Истории российской» В. Н. Татищева. Прежде всего совершенно исключено, чтобы факт был вымышлен В. Н. Татищевым, который не мог подозревать о существовании этой проблемы и нигде не упоминает потомков какого-нибудь князя Вячеслава в XI в. Более того, В. Н. Татищев считает, что ко времени прихода Мстислава Тмутороканского к Чернигову (1024г.) Вячеслав Владимирович, возможно, уже умер.³⁶

Но это предположение ни на чем не основано. Скорее всего, Вячеслав вынужден был покинуть Русь во времена кровавого вокняжения Святополка Окаянного. Обратим внимание, что Святослав Владимирович, которого настигли в Карпатах убийцы, бежал не в Чехию, к родственникам матери, а в Венгрию, к тестю, венгерскому королю. Вполне возможно, что в Чехии* уже был Вячеслав Владимирович.

Мстислав Владимирович, сын другой «чехини» (и это очень важно!), легко занял черниговский престол не потому, что там умер князь. Есть все основания предполагать, что с 1015 по 1024 г. черниговцы сидели без князя. Когда Святополк привел в 1018 г. на Русь Болеслава I, поляки разошлись «по городомъ на кормъ».³⁷ Это привело к всеобщему недовольству и восстанию русинов, которые перебили польские гарнизоны. Сомнительно, чтобы в этих условиях в Чернигове мог удержаться кто-либо из князей. Поэтому горожане были рады приходу Мстислава Тмутороканского, который и стал основателем независимого Чернигова.

Наконец, изъятие имени Вячеслава Владимировича из летописей — лучшее доказательство того, что этот князь не умер в неизвестности, не исчез бесследно из политической жизни Руси XI в. А его попытки вернуть отчизну неизбежно должны были столкнуться с интересами других княжеских родов, втянуть в конфликт и чешских князей.

Возможно, князь Борис и был сыном Вячеслава Черниговского, внуком Владимира I? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить

³³ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 56.

³⁴ В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1974, № 2, с. 47—49.

³⁵ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 56, 63.

³⁶ Там же, с. 240.

³⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 130.

развитие международных и внутренних межкняжеских отношений. Прежде всего, есть ли в летописях какое-нибудь упоминание об обострении русско-чешских отношений? Да, такая запись есть, единственная в XI в. В 1076 г. великий князь Святослав послал против чехов русские войска во главе с Владимиром и Олегом.³⁸ Хотя летопись рассматривает поход в Чехию как военную помощь полякам, все же нужны были основания для конфликта со стороны русинов. Видимо, вмешательство чехов в русские дела было очень серьезным и нежелательным: такими могли быть территориальные претензии и требования о праве наследования.

Конфликт между Русью и Чехией почти совпал по времени с попыткой Бориса Вячеславича утвердиться в Чернигове. Тогда же Всеволод Ярославич, вышедший навстречу Изяславу и полякам с огромным войском, поспешил примириться со старшим братом и добровольно уступил ему Киев. Ярославичей объединили общие интересы и общая тревога. Та же острая тревога звучит в обращении Изяслава к Всеволоду, который в августе 1078 г. был разбит Борисом и Олегом и приехал к брату за помощью. Князь Изяслав сказал: «... аще будеть нама причастье в Руской земле, то обема, аще лишена будеде, то обема».³⁹ Изяслав как будто уверен, что оспаривается не только право на Чернигов, но и великокняжеская власть. Вполне понятно, что племянники не могли представлять такой угрозы для Ярославичей, тем более — претендовать на Киев. Остается согласиться, что Мономах сказал правду: главной опасностью был князь Борис.

С «крамолой» Бориса Вячеславича совпало и усиление военной активности польского короля Болеслава II Смелого. В 1073 г. поляки не приняли изгнанного из Руси Изяслава Ярославича, «показавше ему путь от себе».⁴⁰ И это закономерно. Болеслав не хотел выступать против тестя своего Святослава. А весной 1077 г. Болеслав оказывает Изяславу всяческую помощь и сам возглавляет войска, вторгшиеся в пределы Руси. Поддержав Изяслава, злейшего врага Святославичей, Болеслав Смелый тем самым навлек на братьев своей жены смертельную опасность. Видимо, для такого шага были очень серьезные причины. Во всяком случае, такую же действенную помощь Болеслав оказал Изяславу и в 1069 г., когда киевляне пригласили на престол представителя другой династии — князя Всеслава Брячиславича. Может быть, в 1077 г. возникла аналогичная ситуация? Обращает на себя внимание тот факт, что перед походом на Русь Болеслав ходил против чешского князя Вратислава.⁴¹

Нет оснований отождествлять поход Болеслава II с походом русских князей, которые были посланы Святославом Ярославичем в помощь не Болеславу, а князю Владиславу. Однако между двумя походами (русским и польским) на чехов есть какая-то связь: оба похода были направлены против чешского князя Вратислава. Примечательно, что интересы Ярославичей и поляков объективно совпадают по двум направлениям: в борьбе против чешского князя Вратислава и против «крамолы» князя Бориса. Не исключена возможность, что Борис Вячеславич опирался на помощь чешских князей. Все это наталкивает на мысль, что князь Борис не принадлежал к внукам Ярослава, а был сыном Вячеслава Владимировича. Поэтому утверждения Бориса в Руси так боялся Болеслав II, который вел войну с Чехией.

Борис Вячеславич, претендуя на Чернигов, строго придерживался отчинного права, которое практиковалось на Руси во времена Владимира I

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 199.

³⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 191—192.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 183.

⁴¹ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 248.

и Ярослава Мудрого. После того как Изяслав был изгнан и Святослав стал великим князем киевским, Чернигов переходит к Всеволоду Ярославичу. Но умирает Святослав, Всеволод утверждает в Киеве, а Чернигов должен перейти во владение не к племянникам или сыновьям Всеволода, а к двоюродному брату — Борису Вячеславичу, тем более что Вячеслав Владимирович, его отец, был черниговским князем. Поэтому и приняли Бориса черниговцы. Вслед за этим договор Изяслава с Всеволодом нарушил складывающиеся отношения, обернулся заговором против князя Бориса и Святославичей, которые невольно стали временными союзниками в борьбе против Ярославичей.

Святослав Ярославич, изгнавший старшего брата из Руси, понимал, что его княжение не очень популярно и, возможно, непрочно. Однако, пока Чернигов находился под его контролем, он мог маневрировать. Даже возможное возвращение Изяслава не подорвало бы его положения черниговского князя. Но появление Бориса Вячеславича и его претензии на Чернигов могли лишить его, Святослава, отчины. И, видимо, еще тогда, в 1076 г., в период похода против Чехии, были предприняты меры, чтобы изъять из Киевской летописи упоминание о Вячеславе, которому Владимир I отдал Чернигов. Но редактирование текста было сделано небрежно. Летописец уже с самого начала столкнулся с почти непреодолимой трудностью: Вячеслав был единственным сыном третьей жены Владимира — «чехини». И если выбросить упоминание о Вячеславе, то как быть с княгиней? Ведь общеизвестно, что у Владимира Святославича было до крещения 6 жен. Уменьшить это число редактор не осмелился. Наконец, было найдено не совсем удачное решение — подменить Вячеслава Вышеславом, поскольку имена похожи. Так старейший сын Владимира стал сыном третьей жены.

Но на этом злоключения редактора не кончились: нужно было придумать еще одного сына Рогнеды, так как Вышеслав стал сыном «чехини». Летописец избрал имя «Мьстислав», не заметив, что это имя уже упомянуто среди сыновей Владимира. Ипатьевский летописец устранил неувязку, заменив Мстислава, сына «чехини», Станиславом, но допустил новую грубую ошибку: оставшийся «Мьстислав» оказался старшим братом Ярослава. В рассказе о крещении придуманный «Мьстислав» не появился; Вышеслав, как и подобает, возглавил перечень, а место изъятых Вячеслава занял Станислав, которому Владимир I отдал вроде бы Смоленск.

Станислав, сын второй «чехини», так и не нашел своего постоянного места в летописях — иногда он исчезает, иногда появляется рядом со Святославом и даже Мстиславом, своими единоутробными братьями; некоторые летописи (С1, Ипатьевская, Вологодско-Пермская, летописные своды 1497 и 1518 гг.) совсем вытесняют Мстислава. В перечне сыновей, крещенных Владимиром, Станислав занимает десятое место. Если он назван вместо Вячеслава, то, значит, последний был намного моложе старших братьев. Младший из Владимировичей — Судислав — умер в 1063 г., пережив своего отца на 48 лет. Вячеслав Владимирович мог быть не старше Судислава. Поэтому Борису Вячеславичу было в 1077—1078 гг. не больше, чем младшим из Ярославичей, — 40—45 лет.

После изъятия имени Вячеслава Владимировича из летописей среди князей XI в. остался единственный Вячеслав — сын Ярослава Мудрого, князь смоленский. Летописная традиция неминуемо должна была связать Бориса Вячеславича именно с Вячеславом Ярославичем. Только в XV—XVI вв. историки-летописцы Московского государства пришли к правильному выводу, что князь Борис Черниговский не может быть сыном Вячеслава Ярославича. Но они не нашли лучшего решения, как

заменить Вячеславича несуществовавшим Борисом Святославичем. Все это внесло значительную путаницу в освещение исторических событий 70-х годов XI в.

С точки зрения конца XII в., борьба и гибель князя Бориса были незначительным эпизодом. А династия Ольговичей утвердилась в Чернигове, оказывала большое влияние на политическое положение всех князей и земель. Поэтому автор «Слова» выдвигает Олега на первый план, как наиболее последовательного борца за отчину. Но знал ли автор «Слова» о происхождении Бориса Вячеславича? Похоже, что знал.

В «Слове» изложен не столько факт смерти Бориса Вячеславича, сколько отношение автора к этому факту; довольно выразительно очерчены контуры проблемы. Автор придерживается летописного толкования исторического события («... слава на судъ приведе» — «... убиша Бориса... похвалившегося велми»), но именно в «Слове» нашли свое отражение изъяты из летописей обстоятельства и мотивы политической борьбы.

Д. С. Лихачев, анализируя данные о Борисе Вячеславиче, заметил, что в этом месте «Слова» «суд» может иметь два смысла: 1) наказание божие за похвальбу; 2) битва на Нежатиной Ниве, которая была «судом божим» между противоборствующими сторонами.⁴² Действительно, здесь не только говорится о гибели князя Бориса (в другом месте «Слова» о смерти сказано просто: никому «суда божия не минути»), — «суд» имеет политический смысл. Если летописец, придерживаясь религиозной морали, сосредоточивает внимание только на том, что князь Борис был наказан за похвальбу, то автор «Слова» рассматривает вопрос шире. «Суд» у него имеет реальное воплощение в политической жизни и быту XI—XII вв., когда правда и право иногда определялись в боевых поединках и испытаниях. Подобный пример есть и в Киевской летописи. Изяслав Мстиславич, идя в 1151 г. на битву с Юрием Суздальским, заявил: «... се уже мы идем на суд божий».⁴³ Князья оспаривали право на Киев, причем у Юрия было больше прав, чем у его племянника Изяслава. Но киевляне приняли Изяслава.

Таким образом, автор называет битву на Нежатиной Ниве «судом» именно потому, что в ней оспаривалось право на Чернигов. Святославичи еще не претендовали на эту отчину. Олег почти год (в 1077—1078 гг.) был полуголостем-полупленником в Чернигове, Всеволод давал в его честь обеды, так как не боялся за свою власть. Право на Чернигов имелось только у Всеволода, а также у Бориса Вячеславича, но непродолжительное время. И тогда же князь Борис сделал попытку утвердиться в Чернигове. Горожане приняли его в мае 1077 г., когда у него было право на Чернигов, и, не желая отступать, приняли в августе—сентябре 1078 г. Возникла ситуация, которую могла разрешить только «битва-суд».

Князь Борис Вячеславич выступает в этой «битве-суде» один — только его «слава на судъ приведе». Олега здесь нет, или, вернее, он где-то на втором плане. Такая позиция автора «Слова» поразительно совпадает со свидетельством участника битвы Владимира Мономаха: «... ходихом ... битися Чернигову с Борисом и победихом Бориса и Олга». В летописном изображении битвы поведение Олега более чем странно: фактически он предал князя Бориса в самый решительный момент. Но похоже, что тактика Олега одобрена летописцем.

Автор «Слова» начинает рассказывать о событиях «старого времени» с описания героических деяний Олега. Рассказ о нем начат с более позд-

⁴² Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, с. 411.

⁴³ Летопись по Ипатьскому списку. СПб., 1871, с. 300.

него периода, когда Олег обосновался в Тмуторокани и оттуда угрожал Всеволоду и Владимиру (1083—1094 гг.). Затем автор возвращается к битве на Нежатиной Ниве и как бы противопоставляет двух союзников: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе». Этот литературный прием — нарушение хронологической последовательности — является убедительным свидетельством, что автор искал аргументы для утверждения права именно Олега на Чернигов. Значит, у него были серьезные опасения быть непонятым.

Князь Борис явно не пользуется симпатией автора «Слова», и эту неприязнь можно объяснить только тем, что князь претендовал на черниговский престол. Но проиграв «битву-суд», князь Борис подтвердил право Олега на Чернигов. Действительно, гибель Изяслава Ярославича и Бориса Вячеславича открывала путь Всеволоду в Киев, а Святославичам — в Чернигов.

Борис Вячеславич погиб «за обиду Олгову, храбра и млада князя». Здесь автор «Слова» дает характеристику Олегу в сравнении с князем Борисом, уже старшим воином. И это вполне оправданно, так как автор возвращается в этом эпизоде к молодым годам Олега, к началу его бурной деятельности. Поэтому слова «храбра и млада князя» могут относиться только к Олегу, а не к князю Борису, о котором автор «Слова» пишет с оттенком неприязни и осуждения.

То, что Борис Вячеславич оказался не племянником, а двоюродным братом Ярославичей, в некоторой степени меняет традиционную оценку исторического кругозора автора «Слова о полку Игореве», а также наши представления о политических силах и стимулах, которые действовали в отчинных войнах 70-х годов XI в. Автор «Слова» не возлагает ответственность за разорение Руси на Олега Святославича. Для него эпоха Олеговых походов так же велика, как «вѣчи Трояни» и «лѣта Ярославля». Это видно хотя бы из того, что Олег ступаетъ въ златъ стремя, т. е. собирается в поход, и автор подчеркивает славу его походов из Тмуторокани, а не позор. Организатором раздора был князь Борис Вячеславич, который, по мнению автора «Слова», и заслуживает порицания.

Гибель князя Бориса Вячеславича и особенно смерть великого князя Изяслава, которая произошла при довольно странных обстоятельствах, могли быть тщательно подготовленным политическим убийством. Но политический крах Бориса, сына Вячеслава Владимировича Черниговского, закономерен. Слишком далеко ушла Русь в своем развитии со времен Владимира I, укрепилась и выросла могучая династия русских князей, потомков Ярослава. Династические браки связывали дом Ярославова со многими монархиями Европы.

В 1054 г. произошел раскол христианства на католическую и православную церкви. Русское духовенство, Всеволод Ярославич ориентировались на византийскую церковь и враждебно встречали всякое вмешательство римского папы и католических стран в русские дела. Ни Борис Вячеславич, опиравшийся на чешских князей, ни Изяслав Ярославич, дважды приводивший поляков и искавший покровительства у папы, не нашли поддержки и сочувствия в Русской земле. Еще в 1069 г. Феодосий Печерский предупреждал князя Изяслава о пагубности его ориентации на иноверцев во внешней политике, предостерегал о возможных последствиях этой политики. Опасная конфронтация с могучими католическими соседями угрожала независимости Руси, поэтому князь Борис фактически не поддерживали даже мятежные Святославичи. Эти политические отношения наиболее полно отразились в «Слове о полку Игореве».

М. Ф. ГЕТМАНЕЦ

По следам князя Игоря

«Слово о полку Игореве» со времени его открытия и до наших дней продолжает оставаться в центре внимания ученых самых различных специальностей — историков, литературоведов, лингвистов, искусствоведов, географов и мн. др. То и дело вспыхивают острые споры по большим и малым проблемам, в ходе которых проясняются имеющиеся в достаточном количестве так называемые темные места, высказываются интересные научные гипотезы, выдвигаются новые проблемы. Одной из таких проблем, оказавшихся в центре внимания исследований последнего времени и ставших предметом острой научной дискуссии, является выяснение географии событий 1185 г. Несмотря на усилия ученых многих поколений, до сих пор не установлен маршрут движения русских дружин до г. Изюма, не выяснен путь следования русского войска в половецкой степи, неизвестно местонахождение рек Сюурлий и Каялы, вблизи которых, как об этом свидетельствует летопись, трагически завершился поход русских князей. В наиболее значительных трудах последнего времени известных советских ученых В. Г. Федорова,¹ К. В. Кудряшова² и Б. А. Рыбакова,³ специально посвященных этой теме, выдвинуты совершенно различные варианты. Хотя авторы изучили и обобщили огромный исторический, историко-литературный и историко-географический материал, их трудам явно недостает конкретных данных, характеризующих географию края и топографию похода, которые можно получить только в результате кропотливого обследования предполагаемых мест событий. Совершенно правильно заметил на сей счет В. Г. Федоров: «В целях более объективной и широкой постановки вопроса считаю необходимым высказать следующее: полагаю, что только местные исследования и отчасти археологические раскопки дадут нам возможность подтвердить местонахождение загадочной Каялы».⁴

Насколько нам известно, работы по комплексному исследованию мест, связанных с походом Игоря, проводились в 1939 г., однако были прекращены в связи с Великой Отечественной войной. Экспедиция, организованная Государственным Литературным музеем, обследовала в течение лета местность в нескольких районах, соответствующих наиболее авторитетным научным предположениям: в районе Изюма—Святогорска—Славянска, в районе р. Кальмиус, в районе р. Кагальник и в районе рр. Белой Калитвы и Быстрой. По своим целям и задачам экспедиция имела разведывательный

¹ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956 (далее: Федоров. Кто был автором).

² К. В. Кудряшов. Про Игоря Северского, про Землю русскую. М., 1959 (далее: Кудряшов. Про Игоря Северского).

³ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971 (далее: Рыбаков. «Слово»).

⁴ Федоров. Кто был автором, с. 102.

характер и в результате предварительного ознакомления с весьма обширной территорией должна была установить наиболее вероятный район для последующего изучения.⁵

Большую работу по изучению истории земель в бассейне Северского Донца и географии похода князя Игоря провел изюмский краевед Н. В. Сибилев (ныне покойный), имя которого упоминалось в отчетном докладе экспедиции. В результате археологических раскопок ученый-энтузиаст открыл десятки древних городищ, собрал ценнейшие сведения об этом крае в эпоху Киевской Руси, высказал интересные соображения и гипотезы о пути следования Игоря и месте гибели русских войск. Некоторые открытия Н. В. Сибилева вошли в научный обиход и получили всеобщее признание (например, установление на местности р. Сальницы), а другие остаются неизвестными, так как результаты его более чем двадцатилетних трудов опубликованы только частично.

Учитывая важность топографических изысканий для установления пути Игоря и района военных действий, мы в течение 1970—1974 гг., с учетом данных, добытых Н. В. Сибилевым и экспедицией 1939 г., провели тщательное изучение местности в районе между Изюмом и Славянском. В самом начале мы поставили перед собой задачу определить дорогу, которая связывала в старину эти два города. Основанием для такой реконструкции были историко-географические материалы, рассказы жителей, но в первую очередь — характерные особенности местности. С данными этой реконструкции мы соотнесли сведения топографического, географического, военно-тактического и топонимического характера, содержащиеся в летописях и «Слове о полку Игореве», с тем чтобы установить наиболее вероятный путь следования дружины Игоря. Однако перед тем как сообщить результаты изысканий, следует высказать наше отношение к некоторым спорным вопросам.

Почему мы пошли из Изюма на Славянск? Почему считаем, что описанные в «Слове» события происходили в этом районе?

Как известно, некоторые историки XIX в. (Н. А. Аристов, А. В. Лонгинов и др.), а в наше время — В. Г. Федоров полагают, что князь Игорь направился из Изюма в юго-западном направлении, в район слияния рр. Орели и Орельки. Убедительную критику этого, так называемого Орельского, варианта дал Б. А. Рыбаков в упомянутой выше книге, справедливо указав, что подобное утверждение находится в противоречии с географией и не учитывает тех данных исторических источников, которые могут быть ориентирами при определении маршрута. «Против Орельского варианта говорит то, — пишет Б. А. Рыбаков, — что в этом случае Игорь по существу в о з в р а щ а л с я б ы на Русь с заходом в пограничную степь».⁶ Действительно, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, каким нелогичным был бы путь Игоря от Изюма к Орели, ибо для того, чтобы напасть на орельских половцев, ему не нужно было заходить в Изюм, делать крюк в несколько сот километров.

В 1892 г. А. В. Лонгинов предложил так называемый Самарский вариант, отнеся события Игоревы похода еще глубже в половецкую степь — к месту слияния рр. Орля и Волчей (притока Самары). Этот вариант поддерживает Б. А. Рыбаков, внесший в него ряд весьма существенных поправок, по сути ничего не оставляющих от построений Лонгинова. Прежде всего он перенес предполагаемое место действия к востоку, к вер-

⁵ По следам похода князя Игоря Северского. В научной комиссии по «Слову о полку Игореве» при Государственном Литературном музее. — Исторический журнал, М., 1940, № 10, с. 157—158.

⁶ Рыбаков. «Слово», с. 237.

ховью р. Самары, в район вполне вероятной досягаемости русских полков (у Лонгинова — он был удален от Сальницы более чем на 130 км). Соответственно с этим Б. А. Рыбаков отказался от предположений Лонгинова о рр. Каяле и Сюурлий и предложил свою гипотезу. По его мнению, Сюурлием следует считать приток Самары Гнилушу, а что касается Каялы, то Рыбаков, подобно некоторым ученым, считает ее рекой символической, вымышленной, не существующей.

Б. А. Рыбаков категорически отбрасывает все варианты, привязывающие события Игорева похода к бассейну Северского Донца и Дона, — по его мнению, битва произошла, в бассейне Днепра. В защиту своей концепции ученый выдвигает новый и неожиданный аргумент: обращение Ярославны в своем плаче к Днепру. «Вызывает удивление, — пишет Б. А. Рыбаков, — что до сих пор при всех попытках определения театра военных действий никто из исследователей не привнес во внимание явного и непреложного свидетельства „Слова о полку Игореве“ о „макрогеографии“ похода Игоря. Таким свидетельством является плач Ярославны. . . Находясь на берегу Сейма, притока Десны, впадающей в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, если река Каяла находилась в бассейне Днепра».⁷

Выдвинутый ученый аргумент представляется нам неубедительным по двум причинам. Во-первых, в том же плаче Ярославны упоминается не только Днепр, но и Дунай: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бербрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм его тѣлѣ».⁸ Во-вторых, такое специфическое прочтение только одного, вырванного из контекста, географического названия не учитывает характера художественного мышления автора и структуру образов плача. Ведь Ярославна обращается последовательно к ветру, к Днепру, к солнцу с просьбой помочь князю и его воинам, а это неопровержимо подтверждает риторический характер обращения.

Подавляющее большинство ученых, изучавших историю похода 1185 г., привязывает события к бассейну Дона и Северского Донца. В советское время такая точка зрения получила убедительное обоснование в трудах К. В. Кудряшова, много лет посвятившего исследованию этого вопроса. Несмотря на то что ученый несколько раз менял свои взгляды при определении места битвы русских дружин с половцами, избранный им район поисков между Изюмом и Славянском представляется нам единственно правильным.

Летописи и «Слово о полку Игореве» совершенно точно указывают, в бассейне какой реки происходили события. В Ипатьевской летописи читаем: «Идушим же им к Донцю реки»; «И то рек, перебрете Донець, и тако приида ко Осколу»; «Хотяхуть бо бьющеса дойти реки Донця». В Лаврентьевской летописи упоминается Дон: «А ноне поидем по них за Дон».⁹

Очень характерно, что ни в одной из летописей при описании событий похода 1185 г. р. Днепр не упоминается.

Не менее определенные сведения на сей счет дает и «Слово»: «. . . а всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону»; «Игорь к Дону вои ведеть»; «Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому»; «Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго»; «. . . на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго», и т. д., и т. п.

⁷ Там же, с. 222.

⁸ Здесь и далее текст «Слова» цитируется по кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁹ Здесь и далее текст Ипатьевской летописи приводится по: ПСРЛ, т. II. М., 1962; текст Лаврентьевской летописи — по: ПСРЛ, т. I. М., 1962.

Слово «Дон» встречается в тексте 17 раз, а сама река является как бы живым участником событий, одним из героев этого произведения. Дон где-то здесь, рядом, он является одним из важных ориентиров движения. Днепр же упоминается автором «Слова» всего дважды: в одном случае — в плаче Ярославны, а в другом — в связи с тем, что в нем утонул юный князь Ростислав.

Совершенно очевидно, что отрывать события от Дона, от Донца, переносить их в бассейн Днепра или какой-нибудь другой реки нет оснований.

Второй сложный вопрос, который стал предметом острых споров, — скорость движения русских дружин в половецкой степи. Как известно, время похода в днях расписано летописцем довольно точно, а сведений о пройденных расстояниях фактически нет. Упоминаемые названия рек — Сюурлий и Каяла — давно исчезли с географической карты, поэтому не могут быть в настоящее время ориентирами. Вот почему, если бы знать скорость движения, то при наличии данных о времени можно было бы установить район военных действий и место гибели войска Игоря. Однако при определении движения войск ученые столкнулись с серьезными трудностями, так как летопись не дает точных сведений о составе русской рати. Одни полагают, что она состояла только из конницы, поэтому предлагают повышенные нормы суточных переходов, другие допускают участие в походе пеших войск и считают, что темп движения был более умеренным. В ученых трудах можно найти интересные сведения из русской истории о различных переходах войск и скорости их движения, примеры времен гражданской войны, ссылки на боевые уставы Советской Армии, любопытные экскурсии в область военно-тактических проблем, однако эти разыскания никаких результатов пока не дали, да и вряд ли могут дать. Достаточно сказать, что удаление Игоря от рубежей Русской земли определяется в научной литературе в диапазоне от 40 до 400 км.

При решении вопроса о скорости движения недостаточно учитываются, на наш взгляд, те военно-тактические задачи, которые решались войском на различных этапах похода, а также те конкретные условия — время года, время суток, рельеф местности, состояние дорог, — в которых протекал поход. В истории военного искусства, к которой обращаются авторы за аргументами, можно найти любые примеры, удобные для обоснования той или иной концепции, однако все они свидетельствуют об одном: скорость передвижения войск всегда диктуется конкретной обстановкой и в зависимости от нее может в значительной степени отклоняться от так называемых средних норм.

В понимании общих целей и задач похода, несмотря на несовместимость географических гипотез, у новейших советских историков, можно сказать, выработалась единая точка зрения, которая наиболее отчетливо изложена в книге В. Г. Федорова: «Учитывая, что Игорь рассчитывал главным образом на внезапность нападения и отсутствие значительных сил у половцев и что поэтому собранное Игорем войско было немногочисленным, можно предположить. . . , что от Сальницы Игорь не мог направиться в глубь половецких степей и что бои с половцами произошли на ближайших рубежах».¹⁰ Эту точку зрения полностью разделяют Б. А. Рыбаков и К. В. Кудряшов. Следует с удовлетворением отметить, что сторонников больших расстояний и стремительных маршей на сотни километров среди исследователей географии «Слова» становится все меньше и меньше, поиски места битвы ведутся в радиусе 40—80 км от г. Изюма.

¹⁰ Федоров. Кто был автором, с. 68.

Многие исследователи, высказываясь против Славянского варианта, ссылаются на то, что небольшое расстояние между Изюмом и Тором (всего 50 км) якобы противоречит данным летописи, что дружины Игоря шли «борзо». В связи с этим К. В. Кудряшов, сторонник Славянского варианта, вынужден был обосновывать очень низкие нормы суточных переходов конных и пеших войск, а р. Сюрлий искать у самого Тора. Полученные нами результаты изучения местности и древних дорог рассеивают все сомнения на этот счет и делают совершенно ненужными какие-либо натяжки. Для правильного понимания вопроса о скорости движения войска следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, перед выходом в степь Игорь получил от своих разведчиков сведения, что половцы несут усиленную сторожевую службу и что время для похода неблагоприятное: надо или ехать «борзо», или возвратиться.

Сложившаяся обстановка требовала от русских большой осматрительности, осторожности и вместе с тем — быстроты действий. После первого сражения, успешно закончившегося для русских, Игорь сразу же предложил идти обратно «через ночь». Это свидетельствует о том, что поход планировался как кратковременный и быстрый. Второе обстоятельство: на первом этапе войска двигались ночью. А скорость движения любого войска в ночных условиях, тем более при отсутствии торной дороги, не может приравняться к нормам дневных переходов. Третье обстоятельство: составной частью войска в древности был обоз, который, как свидетельствуют военные историки, оказывал существенное влияние на быстроту передвижения. «Быстрота движения зависела от степени загруженности войска обозом, — пишет Б. А. Рыбаков. — В обозах шло продовольствие, фураж, а иногда и оружие, которое воины надевали непосредственно перед боем. Вопреки установившемуся мнению, русские войска никогда не передвигались в кольчугах, панцырях и шлемах. Это тяжелое вооружение везли особо и надевали только перед лицом опасности».¹¹

Совершенно ясно, что в ночных условиях и по бездорожью обоз быстро продвигаться не мог, это сдерживало и всадников, которые не могли от него оторваться.

И, наконец, еще одно, пожалуй самое важное, обстоятельство: расстояния, пройденные русским войском, на самом деле были значительно большими, чем те, которыми оперируют исследователи. Нельзя определять протяженность пути Игоря по карте, с помощью линейки и циркуля. Необходимо учитывать ту непреложную истину, что древние дороги не были такими прямыми, как современные, что в связи со сложным рельефом, обилием крутых подъемов, заболоченных низин и зарослей войска продвигались извилистыми путями и прошли значительно больше, чем расстояние между Изюмом и Славянском по прямой линии.

В исторической литературе до сих пор по-настоящему не изучен вопрос об оперативном плане похода, о тех тактических целях, которые решались на различных его этапах. На основании летописных данных обычно излагается только боевой порядок полков при первом столкновении с половцами на р. Сюрлий. Нельзя считать, что бой завязался при случайной встрече с врагом. Как свидетельствуют летописные источники, военные действия всегда тщательно планировались. Переходя кордон родной земли, русские князья знали расположение основных половецких кочевий, местонахождение оборонительных рубежей, имели сведения

¹¹ Б. А. Рыбаков. Военное дело (стратегия и тактика). — В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 407.

о дислокации основных сил врага. Как известно, Игорь придавал большое значение разведке и перед выходом из Изюма получил важные сведения о половцах.

По данным Н. В. Сибилева, в полосе продвижения русских дружин, на правом берегу Северского Донца, в XII в. было три крупных половецких городища, которые ученый назвал по имени современных населенных пунктов Теплинским, Сидоровским и Маякским.¹² Сопоставляя географию этого района с летописным рассказом о походе 1111 г. Владимира Мономаха, он пришел к выводу о том, что Теплинское городище — упоминаемый в летописях г. Шарукань, Сидоровское — г. Сугров, а Маякское — г. Балин. Мы не будем здесь говорить, насколько убедительно предположение Н. В. Сибилева о местонахождении древних половецких городов, — этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, в данном случае нам важно подчеркнуть, что такие крупные поселения существовали и что русские князья, несомненно, именно по ним хотели нанести удар. По свидетельству Н. А. Аристова, изучавшего историю половцев, кочевники «не были устроителями городов и, занимая оставленные другими народами городища, не могли укреплять и отстаивать их».¹³ Безопасность городов обеспечивалась степной конницей, а в случае ее поражения они становились легкой добычей. Кроме постоянных поселений, у половцев было много летних кочевий в местах, удобных для выпаса коней, где они жили в походных кибитках, называемых в летописях вежами. Главное поселение половцев, живших в этом районе, находилось на берегах р. Тор. Здесь была резиденция хана Кончака, и здесь же, к слову говоря, находился в плену князь Игорь. Расстояние между половецкой «столицей» и границей Северской земли по прямой составляло всего 50 км. Совершенно ясно, что в пограничных районах с Русью проходил оборонительный рубеж с хорошо организованной сторожевой службой. По тем скудным сведениям, которые попадают в исторических источниках, организацию половецкой сторожевой службы можно представить таким образом. В непосредственной близости от русских рубежей действовали конные дозоры, которые вели наблюдение за степью и особенно за дорогами (русские «сторожеви», которых Игорь посылал в разведку, сообщили: «Видихомся с ратнымы. Ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять»). На высоких курганах находились постоянные половецкие посты наблюдения, с которых условными знаками подавались сигналы об опасности на оборонительный рубеж, а оттуда — в глубокий тыл. Обнаружив неприятеля, половцы в течение короткого времени могли оповестить хана и привести в состояние боевой готовности большое войско. Каким же был половецкий оборонительный рубеж? К сожалению, в литературе мы не нашли никаких сведений по этому вопросу. Однако на основании имеющихся данных о жизни и быте этого народа, о тактике половецких войск в бою, с учетом сведений об оборонительной тактике в древности других народов, можно составить определенное представление и об этом рубеже.

Основу его составляла водная преграда, обычно — река с высоким берегом, удобным для обороны. Второй важный элемент — высокий курган или гряда господствующих над местностью холмов. Со стороны противника должна быть открытая, хорошо просматриваемая местность, не позволяющая войску скрытно подойти к линии обороны. Учитывая

¹² М. В. Сибілев. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, Київ, т. 4, 1950 (далее: Сибілев. Археологічні пам'ятки).

¹³ Н. Аристов. О земле половецкой. Киев, 1877, с. 12.

небольшое расстояние между столицей хана и Изюмом, можно предположить, что оборонительный рубеж половцев находился на таком удалении от границы, которое исключало внезапное появление русских. Во всяком случае отрезок пути от Изюма до рубежа должен быть больше одного ночного перехода. Принимая во внимание, что сторожевую службу несли значительные силы, со своими табунами коней, домашним хозяйством, вежами и т. д., в полосе обороны должны были быть пастбища и хорошая питьевая вода.

Нам представляется, что упоминаемая в летописи, до сих пор остающаяся неизвестной р. Сюурлий и была тем оборонительным рубежом, который прикрывал половецкую степь со стороны Изюма. Вот почему, отправляясь в экспедицию, мы поставили своей целью найти между Изюмом и Славянском такое место, которое отвечало бы всем изложенным выше требованиям. Мы внимательно осмотрели прежде всего Сальницу — реку, от которой, согласно летописи, начинался путь Игоря в половецкую степь. Сейчас это небольшой ручей, впадающий в Северский Донец в центре города у большого моста. В этом месте в старину был удобный брод, известный в исторической литературе под названием Изюмского перевоза. После основательных историко-географических изысканий В. Н. Татищева, А. В. Лонгинова, К. В. Кудряшова и Н. В. Сибилева вопрос о Сальнице большинством советских ученых признан окончательно решенным. Заслуживают внимания очень интересные наблюдения изюмского краеведа В. Маркина, объясняющего наличие брода именно у этой реки: Сальница протекала по низменной песчаной местности, издавна называемой здесь Песками, и, впадая в Северский Донец, образовывала большие наносы песка.¹⁴ К сожалению, некоторые ученые, изучавшие географию событий только по литературным источникам, на своих картах и схемах показывают Сальницу не как левый, а как правый приток Донца, т. е. в том месте, где в действительности находится Изюмский курган. Они, очевидно, основываются на данных Книги Большому Чертежу, хотя в ней допущена ошибка, на которую в свое время указал Н. В. Сибилев. По его мнению, ошибка произошла оттого, что в районе Изюма Северский Донец делает крутой поворот на север и направление его русла прямо противоположно основному направлению течения реки.

От Сальницы мы пошли по шоссе на знаменитый Изюмский курган (называемый горой Кременец), который в XII в. был пограничной вехой между Русью и половецкой степью. В 4 км от кургана протекает речка Каменка, правый приток Северского Донца, миновать который Игорь никак не мог. В летописях ничего не сказано о том, что войска перешли какую-либо речку до Сюурлия. На этом основании можно предположить, что дружины пошли левым берегом Каменки, к ее верховью, общее направление которой соответствовало направлению движения войска в сторону Тора. Движение по долине давало целый ряд преимуществ: во-первых, река была хорошим ориентиром в ночных условиях; во-вторых, люди и кони имели в достатке питьевую воду, столь необходимую в трудном походе; и, наконец, река защищала левый фланг войск от внезапного нападения (рис. 1). Наше предположение подтверждается косвенными данными летописей, Книги Большому Чертежу и других историко-географических памятников: в летописях при описании походов князей всегда в качестве географических ориентиров называются реки, по рекам в Книге Большому Чертежу сделаны росписи важнейших сухопутных дорог. Есть еще одно подтверждение, что старая Торская дорога шла долиной Каменки. Как известно, населенные пункты возникали в древности вблизи

¹⁴ В. Маркин. Шеломян-Крем'янець. — Радянське життя, 1970, 1 сентября.

от важнейших коммуникаций, однако вдоль современного шоссе на протяжении 22 км нет ни одного населенного пункта, что является необычным для здешних густонаселенных мест. Оказывается, что села тянутся цепочкой вдоль Каменки и других впадающих в нее речушек. Все это позволяет сделать вывод о том, что древняя дорога Изюм—Славянск шла долиной Каменки, затем поднималась на невысокое плато местного водораздела, спускалась к р. Голая Долина и затем шла по ровной и широкой долине этой реки до самого Тора.

Совершенно очевидно, что Каменка, протекающая в непосредственной близости от Русской земли, не могла быть оборонительным рубежом половцев. Следующая водная преграда — р. Голая Долина. По нынешнему шоссе от г. Изюма до с. Долина, расположенного на этой реке, — 25 км, однако старой, описанной выше, дорогой надо было пройти не менее 35 км.

Первое, что бросается в глаза при изучении рельефа местности у с. Долина, — большой курган, возвышающийся с бывшей половецкой стороны, у подножия которого сооружен величественный памятник в честь воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Эти места были ареной ожесточенных сражений.¹⁵ Кровавопролитные бои на берегах затерявшейся в степи речушки говорят об особом характере местности, представляющей большой интерес с военно-тактической точки зрения. В настоящее время в долине создана целая система запруд, что изменило внешний облик реки. В беседах с жителями мы пытались выяснить, что представляла собой речка раньше и как она называлась в старину. Речку до образования системы проточных прудов очень многие помнят, и называлась она как-то по-иному, чем Голая Долина, но старого названия никто припомнить не мог. Все жители говорили о том, что речка возникла из мощных источников, бьющих из меловой горы, не замерзающих даже в самые лютые морозы. Осмотр источников показал, что вытекают они из меловой горы. Некоторые из них были затоплены при образовании прудов, другие оказались на поверхности. Если учесть, что на протяжении веков происходило заливание долины реки черноземными грунтами, что уровень ила поднимался все выше и выше, то, очевидно, 7—8 веков тому назад воды били из горы и по ее склонам текли в долину, образуя ручей, превращавшийся по мере движения в речку. Длина р. Голая Долина — около 25 км, впадает она в р. Сухой Торец. Эти места, богатые хорошей водой, обширными пастбищами, удобные для обороны, несомненно привлекали к себе кочевников. И по своему географическому положению, и по расстоянию от Сальницы, и по военно-тактическим соображениям р. Голая Долина вполне могла быть тем оборонительным рубежом, который охранялся выдвинутым вперед половецким войском. Мы внимательно обследовали дорогу от Изюма до Славянска и другого подобного, столь удобного для обороны, места не нашли. Таким образом, как нам кажется, есть достаточно оснований для отождествления р. Голая Долина с летописной рекой Сюрлий. Наша гипотеза подтверждается и заново проведенными топонимическими изысканиями.

Расшифровкой слова «Сюрлий» занимались очень многие. Одни (Аристов, Федоров и др.), основываясь на «Истории» Татищева, в которой название «Сюрлий» в одном из вариантов заменено «Суугли», отождествляют ее с Орелью, так как в летописи эта река по-русски называлась Угла. К. В. Кудряшов справедливо указал, что нет достаточных оснований для отождествления этих названий, потому что во всех списках

¹⁵ В. И. Чуйков. В боях за Украину. Киев, 1972

Ипатьевской летописи и в первой неопубликованной редакции «Истории» Татищева река называется Сюрлий.

Другие (их большинство, в том числе и Кудряшов) видят в этом слове татарское «суярлы», обозначающее 'слияние рек' и 'разлив воды'. Столь расширительное толкование слова давало повод для самых неожиданных уподоблений: на географической карте между Доном и Днестром, пожалуй, не осталось таких слияний двух рек, которым не присваивалось название Сюрлий.

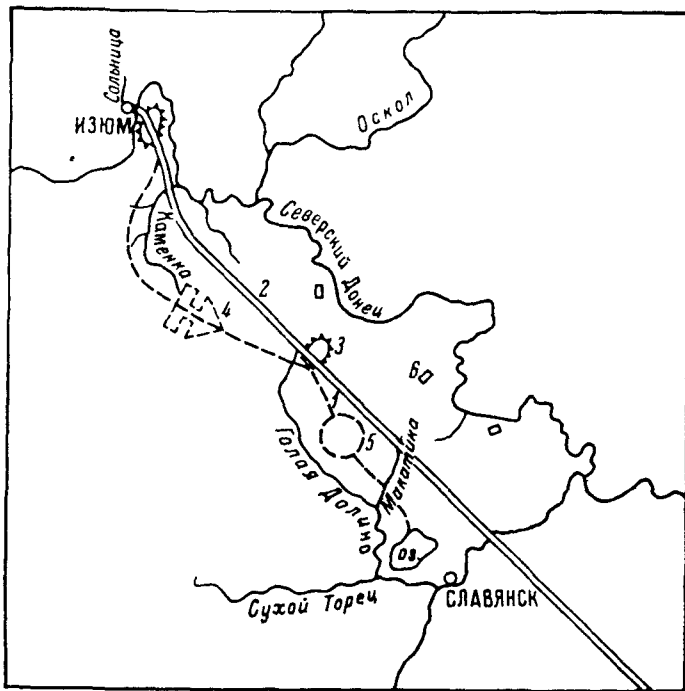

Рис. 1. Путь Игоря в половецкую степь.

1 — путь князя Игоря; 2 — современное шоссе; 3 — курганы;
4 — рубеж сосредоточения; 5 — место окружения; 6 — городища XII в.

Б. А. Рыбаков предложил иное толкование этого слова: «Название реки Сюрлий, — пишет он, — связано с тюркским словом „süjür“ ‘мош-кара’; следовательно, мы должны видеть в ней небольшую, заболоченную, ‘комариную’ реку».¹⁶

Предложенный вариант расшифровки загадочного названия не отражает каких-то характерных, специфических особенностей реки, которые давали бы возможность по ним опознать современную речку.

Беседы с жителями с. Долина, исследование реки и источников натолкнули нас на иное прочтение этого слова. В слове «Сюрлий» отчетливо видны три элемента: «Сю-ур-лий». В первых двух без искажения сохранились тюркские слова 'вода' и 'бить', третий элемент — русифицированный суффикс «-лы (-ly)», служащий для образования прилагательных. Украинский лингвист И. В. Муромцев, автор книги о топонимике рек бассейна Северского Донца, на многих примерах показал, что тюркский

¹⁶ Рыбаков. «Слово», с. 273.

суффикс «-лы (-ly)» на славянской почве путем выравнивания по аналогии с русскими формами видоизменяется в «-ла», «-ло», «-ай», «-ий».¹⁷

В одном из самых авторитетных лексиконов тюркских наречий — словаре В. В. Радлова — мы встретили следующую любопытную конструкцию: «су ур!» ‘поливай!’.¹⁸

Таким образом, «Сюурлы—Сюурлий» означает ‘бьющая, поливающая, разливающаяся вода’. Думается, что этот гидроним тюркского происхождения, запечатленный древней летописью, относится к числу редких слов, сохранивших изначальный смысл и малоискаженную форму.

Надо сказать, что сделанный ранее перевод слова — ‘разлив воды’ несколько не противоречит и нашему толкованию, однако ему придается несколько иной оттенок: разлив воды не как разлитая вода, а как разливающаяся, льющаяся вода.

Почему же слово «Сюурлий» не сохранилось в народной памяти и ни разу не упоминается в позднейших летописях? Возможное объяснение заключается в том, что после татаро-монгольского нашествия в этом районе коренным образом изменилась демографическая и военная обстановка. Половцы были согнаны со своих кочевий и исчезли как этническая группа. Огромные степные пространства между Причерноморьем и Московской Русью превратились в «дикое поле», своего рода нейтральную полосу между Русью и агрессивными татарскими государствами, особенно крымской Ордой. Ареной ожесточенных сражений в XIV—XVI вв. становятся русские земли на границе Московского государства по линии Тула—Рязань—Муром, а земли по Тору, Самаре, Орели, где обычно происходили битвы русских с половцами, надолго утратили свое военно-стратегическое значение. Из летописей вовсе исчезли названия таких незначительных рек, как Сюурлий и Каяла, а более крупные упоминаются очень редко. Вот почему к началу заселения земель «дикого поля» в XVII—XVIII вв. многие старые названия оказались забытыми. Согласно данным И. В. Муромцева, название «Голая Долина», отражающее физико-географические особенности околоречной поймы, фиксируется с XVII в. В документах XIX в. встречается вариант «Моросовка», который происходит, по его предположению, от фамилии владельца местных угодий, так как сохранились в этих местах и другие подобные топонимы (Моросов лес, Моросов яр).

Впервые отождествил р. Голую Долину с Сюурлием украинский археолог Н. В. Сибилев. Правда, в обоснование своей гипотезы он не привел никаких аргументов, кроме одного: «Прийти к такому выводу автору помогло тщательное изучение пути Игоря Северского».¹⁹ Хотя в его гипотезе больше интуиции, чем научных аргументов, однако это — интуиция ученого-краеоведа, как никто другой знавшего эти места, и поэтому не считается с ней нельзя.

Теперь давайте попытаемся восстановить тактический рисунок первого этапа операции.

Вечером 9 мая 1185 г. перед заходом солнца русские дружины начали переправку через Северский Донец с таким расчетом, чтобы спуск по противоположным склонам Изюмского кургана, хорошо видимый с полувечной стороны, проходил в условиях темноты. Тактическая задача войск состояла в том, чтобы под покровом ночи как можно ближе продвинуться к оборонительному рубежу противника и затем днем развернуть наступление на охраняемые им позиции. Дружины шли всю ночь, с одной-двумя

¹⁷ И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (бесейн Сіверського Дінця). Київ, 1966, с. 39, 40, 74.

¹⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4, ч. 1. СПб., 1911, с. 743—744.

¹⁹ Сибилев. Археологічні пам'ятки, с. 107.

кратковременными остановками для отдыха, а перед рассветом в верховье Каменки сделали большой привал, напоили и покормили коней, позавтракали, надели доспехи и, приняв боевой походный порядок, выступили по направлению Сюрля, до которого оставалось еще 18 км. Войска двигались неторопливо, выставив со всех сторон усиленные дозоры, и были готовы в любой момент перестроиться для боя. Продвижение русской рати в открытой степи не прошло незамеченным: «Заутра же пятыку наставшу, во обеднее веремя, — сообщает летописец, — устретоша полкы половецькие: бяхуть бо до них доспеле, веже свое пустили за ся, а сами собравшея от мала и до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюрля». Однако такая ситуация не была неожиданностью и для русских: вряд ли они, идя с раннего утра до полудня по вражеской территории, рассчитывали на внезапное появление в стане врага. Неожиданность нападения Игоря на половцев имела не тактический, а стратегический характер, т. е. фактор неожиданности состоял в том, что удар наносился по району, где не было главных сил неприятеля, где на определенное время было обеспечено превосходство русских. Вполне вероятно, что до наступления рассвета русские войска смогли бы достичь р. Сюрля, но такой цели Игорь не мог ставить, так как это привело бы к тому, что к рубежу обороны половцев дружины пришли бы утомленными и недостаточно организованными. Историки военного искусства справедливо утверждают, что бои в древности, несмотря на различные тактические хитрости, носили открытый характер и проводились в дневное время, поэтому Игорь, идя «борзо», думал о предстоящем сражении и берег силы воинов.

Второй этап операции — день 10 мая — битва с половецкими войсками, обороняющимися Сюрляй. Главная задача войск на этом этапе состояла в том, чтобы разгромить половецкое прикрытие, совершить быстрый рейд по ближайшим тылам, взять «полон» и вернуться в свои пределы. На основании Ипатьевской летописи военные историки весьма обстоятельно осветили расстановку войск и ход боя.²⁰ Русские войска были выстроены в два эшелона: первый эшелон — полк Владимира Игоревича (слева) и полк черниговских ковуев (справа); второй эшелон — полк Игоря (в центре), полк Святослава Ольговича (слева) и полк Всеволода Святославича (справа). Перед началом боя от всех полков были выделены конные лучники — «стрелци», которые, по обычаю того времени, начинали сражение. Половцы также выстроили два эшелона: одни полки стояли у самой реки, а основные силы поодаль. Ход битвы в летописи описан так: «. . . выехаша ис половецьких полков стрелци и пустивше по стреле на русь и тако проскочиша. Русь же бяхуть не переехали еще реке Сюрля. Поскочиша же и ти половци, силы половецькие, которые же далече реки стояхуть. Святослав же Ольгович и Володимерь Игоревич и Ольстин с коуи стрелци поткоша по них. А Игорь и Всеволод помалу идяста, не роспустяста полку своего. Передний же ти русь биша е, имаша. Половце же пробегоша веже и русь же, дошедше вежь и ополонихася. Друзии же ночь приехаша к полком с полоном».

Как видно из приведенного отрывка, в преследовании неприятеля участвовали три полка — Святослава, Владимира и Ольстина. Полки Игоря и Всеволода — и это очень важно, — хотя не принимали участия в погоне, но не оставались на месте, а продвигались вперед («помалу идяста»). Совершенно очевидно, что князья заранее условились о времени и месте сбора войск. Думается, что, преследуя половцев, русские

²⁰ См.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948; А. А. Строков. История военного искусства, т. I. М., 1955; Е. А. Рязин. История военного искусства, т. II. М., 1957.

не только захватили их вежи, но и нанесли удар по ближайшим их поселениям. Согласно данным Н. В. Сибилева, недалеко от Сюурлия находились три городища: Теплинское — в 6 км, Сидоровское — в 8 км, Маякское — в 16 км. Вполне вероятно, что Игорь поручил трем своим полкам развивать наступление в направлении этих городищ. Судя по тому, что полк Святослава вернулся позже других и оказался наиболее утомленным, можно предположить, что именно он атаковал самое отдаленное городище. В связи с рассматриваемым вопросом заслуживает внимания мнение В. Г. Федорова как военного специалиста: «Отметим, что набег молодым князьям, ввиду того что кони устали во время ночного перехода, никоим образом не мог быть продолжительным. Можно предположить, что он не превышал 10—15 верст».²¹

Итак, второй этап похода Игоря — схватка на р. Сюурлий, преследование отступающих войск, удар по ближайшим поселениям, захват добычи (рис. 2).

После окончания операции, очень успешной для русских, единственно правильным завершением ее было бы отступление из пределов половецкой земли. Князь Игорь, опытный полководец, но, очевидно, недостаточно твердый в своих решениях человек, предложил ехать «ныне же. . . через ночь», однако Святослав и Всеволод уговорили его заночевать в степи, ссылаясь на то, что люди и кони утомлены. Эта ночь с 10 на 11 мая в половецкой степи оказалась роковой для русских воинов.

Третий этап операции — день 11 мая, ночь с 11 на 12 мая, утро 12 мая — битва русских дружин с превосходящими силами противника в условиях окружения. Если первые два этапа операции развивались в соответствии с тактическим планом Игоря, то на третьем инициатива перешла к половцам и тактика русских определялась сложившейся обстановкой.

Несмотря на особое внимание, проявленное историками к этому этапу военных действий, многие важные вопросы до сих пор остаются невыясненными. Какой приняли порядок русские войска в условиях окружения? Почему князь Игорь решил пробиваться к Донцу? Какова была схема тактических действий половецков? На все эти вопросы, да и на многие другие литература не дает ответа.

Можно предположить, что полки Игоря и Всеволода, не участвовавшие в погоне, составлявшие оплот войска, перейдя Сюурлий (Голую Долину), продвинулись на какое-то расстояние и сделали остановку в условленном месте для отдыха, учета пленных и добычи. Где же остановились полки? Километрах в 15 от верховья Голой Долины в нее впадает речка Макатиха, пересекая степь с севера на юг и создавая вторую водную преграду на пути к Тору. В летописи нет данных о том, что войска Игоря и Всеволода после Сюурлия переходили речку, поэтому вполне вероятно, что они остановились, не доходя Макатихи. Между Голой Долиной и ее притоком Макатихой находится широкое ровное поле, очень удобное для размещения значительных масс войск, а угол, образуемый этими реками, прикрывал наиболее опасные направления, откуда могли появиться половецки. Именно в этом месте, защищенном с востока и юга, открытом с севера и запада, изобилующем питьевой водой и травами, и мог заночевать князь Игорь со своим войском. Небезынтересным является также вопрос о том, как расположились полки в степи. Вряд ли можно сомневаться, что осторожный Игорь разместил их на ночлег в соответствии со схемой основного боевого порядка, «челом» к половецким тылам, с таким расчетом, чтоб на случай тревоги каждый был на своем месте.

²¹ Федоров. Кто был автором, с. 70.

На рассвете 11 мая русские войска обнаружили, что они окружены со всех сторон половцами, «ак борове». В создавшихся условиях русские заняли круговую оборону и решили пробиваться к Северскому Донцу. Что представляла собой круговая оборона в то время и как она строилась? В военно-исторической литературе есть сведения о тактических приемах построения войск в XII в. Так, советский историк Е. А. Разин на основании древней рукописи характеризует тактику арабских войск, при-

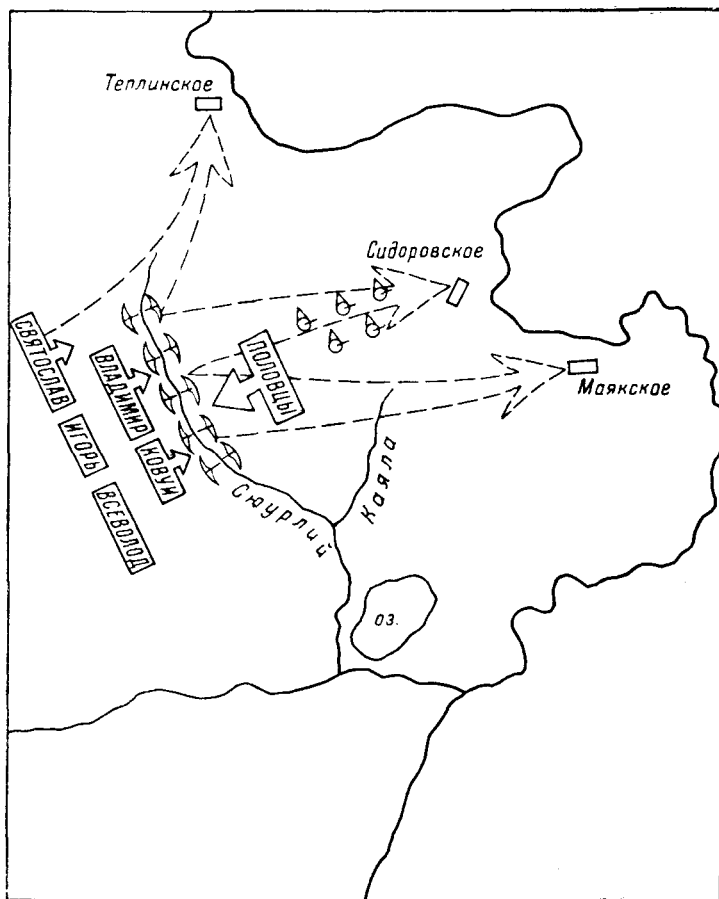

Рис. 2. Битва на р. Сюрлий.

менявших 7 фигур построения в зависимости от обстановки. Описанные фигуры очень напоминают формы боевых порядков русских войск, известных нам по летописным источникам, и дают основания говорить, что методы ведения боя в то время у разных народов были почти аналогичны. Среди названных 7 фигур есть фигура под названием «круг», которая применялась тогда, когда войска находились в окружении подавляющих сил противника. Арабский автор пишет, что этот боевой порядок «дает возможность создать круговую оборону, поддержать взаимно друг друга и одержать победу».²² Правда, этот же боевой порядок назван им самым слабым. Вероятная схема перестройки русских войск в «круг» показана на рис. 3. Как и в битве на р. Сюрлий, полки выстраивались

²² Е. А. Р а з и н. История военного искусства, т. II, с. 120—122.

в два эшелона, а впереди каждого из них стояли конные лучники. Хотелось бы обратить внимание на такую деталь: правым соседом ковуев в круговой обороне был полк Всеволода. Эта деталь поможет нам по-новому осмыслить одно из любопытных свидетельств летописи и «Слова», которое до сих пор никем не принималось во внимание.

Давайте попытаемся представить себе зрительно русское воинство и место, которое оно занимало. Если исходить из численности русских войск в 5—6 тысяч, как считает большинство историков, и их построения в два плотных кольца (стрельцы не составляли сплошной линии), то нетрудно рассчитать длину окружности и площадь круга. Допустим, что 1 тысяча лучников была выделена в первую линию, значит, в двух сплошных кольцах было по 2—2.5 тысячи всадников, стоящих стремя к стремени. Если ширину пространства, занимаемого всадником, принять за один метр, то общая длина окружности составит 2—2.5 км, а диаметр соответственно — 600—800 м.

Вокруг этого кольца, опоясанного рядами красных щитов, оцетившегося острыми пиками, стояло многочисленное войско кочевников, предвкушая скорую победу. Это раннее утро 11 мая поэтически описано автором «Слова о полку Игореве»: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя туча съ моря идуть, хотяъ прикрыты 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! . . . Половцы идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты».

Половцы не решались с ходу атаковать русских, а издали обстреливали их из луков. Обстрел был длительным и мощным, — не случайно автор «Слова» сравнивает его с дождем и ветром. После обстрела русских полков стрелами на них набросилась конница, вооруженная копьями. Летописец сообщает, что князь Игорь, оценив обстановку, решил пробиваться к Донцу. По берегу Донца, до которого было всего 5—6 км, в то время рос густой лес (здесь сохранились леса до сих пор), который давал надежное укрытие для войск. Историки военного искусства Древней Руси справедливо утверждают, что достаточно было войску, чувствующему себя более слабым, «заложиться» лесом, чтобы оказаться в безопасности.²³ Совершенно очевидно, что в тех трудных условиях решение Игоря было единственно правильным и характеризует его как опытного полководца. Однако половцы разгадали замысел русских и выставили на этом направлении мощный заслон. Почувствовав в первой схватке силу и стойкость полков Игоря и предвидя нелегкую победу, они решили оттеснить русских от воды (от Сюурлия).

Таким образом, кольцо русских воинов сжималось с севера и юга (см. рис. 3) очень сильными группировками врага, цель одной состояла в том, чтоб не дать возможности войскам Игоря уйти в лес, а цель другой — отрезать их от реки, лишить воды и таким способом подорвать боеспособность. Битва продолжалась весь день 11 мая, ночь и утро 12 мая. Русские сражались самоотверженно, проявляя стойкость и отвагу. «И тако бишася крепко ту днину до вечера, — пишет летописец, — и мнозии ранени и мертви быша в полках руских; наставши же ноци субботнии, и поидоша бьучися». Последние слова указывают на то, что русские, яростно сражаясь, постепенно отходили под натиском половцев.

²³ См.: Б. А. Рыбаков. Военное дело . . . , с. 408.

По мнению военных историков, рукопашные бои в древности не были длительными.²⁴ Поэтому бой Игоря с половцами, продолжавшийся три дня (если считать и битву у р. Сюрлий), мог обратить на себя особое внимание современников.

Военные историки свидетельствуют также, что с момента начала бегства одного из полков организованное сопротивление прекращалось.²⁵ Вот почему, когда черниговские ковуи «возмятошася» и «побегоша», Игорь понял, что это начало катастрофы, и сделал все возможное, чтобы ее предотвратить: раненный в руку князь, сняв шлем, пренебрегая опасностью,

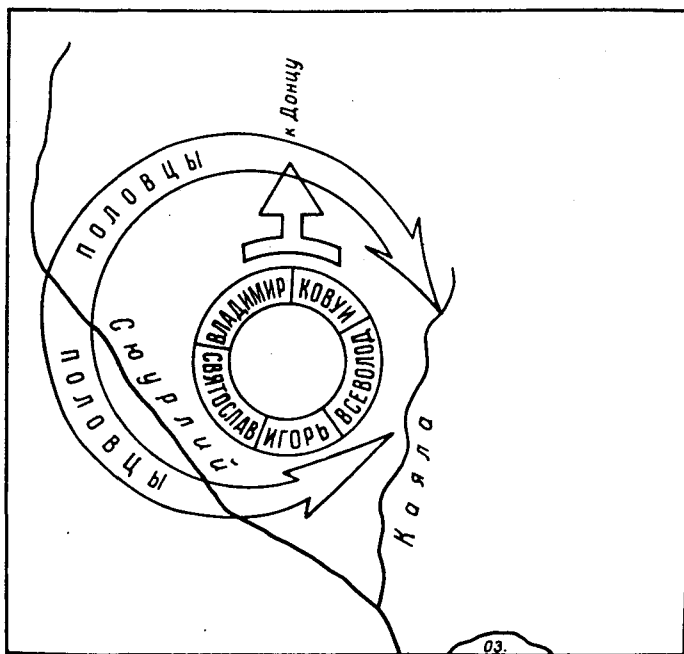

Рис. 3. Битва в условиях окружения.

бросился в дрогнувшие ряды, чтобы остановить бегущих, воодушевить их личным мужеством, но было уже поздно. В образовавшуюся брешь хлынули половцы, пленили Игоря и полностью дезорганизовали оборону русских полков. Началось беспорядочное бегство, закончившееся полным разгромом.

Выше, характеризуя круговую оборону русских полков, мы подчеркнули, что соседом черниговских ковуев справа, вероятнее всего, были воины Всеволода. Находясь в расположении ковуев в момент пленения, Игорь, вне всякого сомнения, мог видеть на близком расстоянии своего брата, сражающегося на берегу Каялы. Эта, безусловно, невыдуманная, деталь, отмеченная и автором «Слова», и летописцем, дает дополнительные данные для того, чтобы приурочить финал событий к р. Макатихе. Однако проблема Каялы является настолько важной, что на ней следует остановиться особо.

Как известно, в отношении этой загадочной реки высказывались самые различные догадки. Перечислять все предложенные варианты нет необ-

²⁴ А. М. К и р п и ч и к о в. Битви стародавньої Русі (IX—XIII ст.). — Український історичний журнал, 1969, № 10, с. 81.

²⁵ А. М. К и р п и ч и к о в. Битви стародавньої... , с. 81.

ходимости, так как довольно полный свод их дан в упоминавшейся книге Федорова. Мы остановимся лишь на трех последних гипотезах советских историков.

В. Г. Федоров, сторонник Орельского варианта, Каялой считает небольшую речку Кривель, протекавшую вблизи слияния Орели с Орельской. Наше отношение к Орельскому варианту было обосновано в начале статьи, поэтому нет смысла опровергать эту гипотезу.

К. В. Кудряшов несколько раз менял свои предположения: в 1937 г. он отождествлял Каялу с Кальмиусом, в 1946 г. — с Макатихой, а в 1959 г. отказался от Макатихи в пользу р. Каменки, протекающей в 4 км к югу от Изюмского кургана. «Указанную реку Каменку (точнее, Мокрую Каменку) мы и считаем настоящей Каялой, — пишет историк, — ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием „Каялы“ в значении каменистая».²⁶ Нам представляется, что при решении такой сложной задачи основываться только на данных лингвистики (притом весьма приблизительных, так как буквальный перевод слова — не 'каменистая', а 'скалистая') и игнорировать множество других важных показателей нельзя. Как было отмечено, Каменка протекает всего в 4 км от Изюмского кургана, бывшего пограничным пунктом русской земли. Между тем, в летописях и «Слове» неоднократно подчеркивается, что события происходят среди земли половецкой, что Игорь далеко зашел к морю.

Б. А. Рыбаков, приводя ряд новых аргументов, категорически настаивает на точке зрения Барсова, согласно которой Каяла — символическая река печали, и призывает отказаться от поисков ее на географической карте. Ученый по-новому объясняет этимологию тюркизма «каялы», считая, что он означает 'печаль', и обращает внимание на то, что в Ипатьевской летописи это слово встречается не в повествовательной, а в риторической части, добавленной, по его мнению, позднее. Хотя соображения Б. А. Рыбакова высказаны в очень категорической форме, они не могут убедить нас в том, что в «Слове» и в летописи Каяла не является конкретным географическим названием. Автор «Слова» 6 раз упоминает Каялу, и в большинстве случаев это слово не дает оснований для истолкования его как образа-символа. Например: «Ту ся кошмь приламати, ту ся саблямь потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на ꙗꙗлѣ, у Дону великаго!».

Название р. Каялы стоит здесь в одном ряду с географическим названием известной реки, которое как бы уточняет место действия. Трудно предположить, что художественная мысль автора соединила здесь конкретное понятие и слово-символ. Второй пример: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы». Как справедливо заметил К. В. Кудряшов, эпитет «быстрая» к «реке покаяния» неприменим и противоречит символическому толкованию. Совсем не вяжется с истолкованием Каялы как образа-символа прямое указание автора «Слова» на то, что Каяла — река половецкая.

В летописи Каяла названа, хотя и в риторической части, но лишенной символического смысла: «И тако, во день святого воскресения, наведе на ня господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы». В этом случае мы имеем обычный для летописца оборот речи, не содержащий иносказания и символики: удачи и неудачи всегда объяснялись промыслом божьим. Думается, что следует согласиться с выводом К. В. Кудряшова: «Отказ от поисков географической реки Каялы походит на признание бессилия найти ее на карте, но для такого

²⁶ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 46.

безнадежного вывода. . . нет оснований».²⁷ Мы внесли бы в заключение историка такое существенное уточнение: найти р. Каялу не на географической карте, а на местности, потому что поиски на карте, как показывает многолетний опыт, положительных результатов дать не могут.

Произведенное обследование местности убедило нас в том, что гипотеза Н. В. Сибилева, согласно которой быстрая Каяла — это современная речка Макатиха, является наиболее вероятной из всех предложенных учеными. «Эта речка (вернее, ручей, 7—8 км длиной), — писал Н. В. Сибилев, — начинается в Маякском лесу и впадает в р. Голая Долина — половецкий Сюурлий. Русло Макатихи глубокое, берега довольно высокие для ручья, крутые, прижатые один к другому в виде миниатюрного каньона, по дну которого быстро течет небольшая, но полноводная речка. Берега Макатихи поросли густым кустарником, а берега Голой Долины только кое-где имеют небольшие лесные острова. . . Итак, приведенные выше соображения дают основания утверждать, что бой закончился возле Славянских озер, а начался, наверное, на берегах быстрой р. Макатихи, которая и есть та «быстрая Каяла», которая упоминается в летописи и в «Слове о полку Игореве».²⁸

Как уже было сказано, гипотеза Н. В. Сибилева была поддержана и развита К. В. Кудряшовым в ряде статей 1946—1947 гг. и в книге «Половецкая степь», вышедшей в 1948 г. Несмотря на то что автор не производил местных изысканий, а строил свою концепцию на основе данных украинского археолога и топографических карт, «вариант Кудряшова» (так несправедливо по отношению к Сибилеву он был назван) произвел тогда в науке довольно сильное впечатление. Известный географ академик Л. М. Берг в отзыве на книгу заявил, что вопрос о Каяле можно считать окончательно решенным. Академик Д. С. Лихачев в историческом и географическом комментарии к «Слову» признал его наиболее обоснованным. Полностью принял гипотезу о Макатихе-Каяле военный историк А. А. Строков. Однако в 1959 г. К. В. Кудряшов в книге «Про Игоря Северского, про Землю русскую» отказался от Макатихи на том основании, что ни в названии реки, ни в ее гидрологической характеристике не находила подтверждения такая важная ее примета, как каменистость. Вот что он писал: «Недавнее гидрологическое обследование интересующего нас района выявило, что речка Макатиха — это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой заболоченный намытый черн о з е м, и хотя сток воды имеет „крутое падение“, но „далеко не совершенен. Это приводит, с одной стороны, к заболачиванию, с другой — к образованию ступенек с небольшими водопадами“. Приведенная характеристика Макатихи означает, что это не „каменистая“ река и, значит, ее нельзя считать Каялой».²⁹

Выводы ученого, конечно, логичны, однако в них нет основного довода: перед тем как выдвигать в науке очередной вариант, надо было изучить те важнейшие данные, которые являются фундаментом концепции. В данном случае гидрологическая характеристика реки является одним из решающих аргументов, без которого нельзя строить никаких гипотез.

Проведенное нами тщательное и разностороннее изучение Макатихи, ее берегов и всего прилегающего района дало такие результаты, которые позволяют высказать твердое убеждение в том, что эта речка — есть летописная Каяла.

Какие же данные дают основание для такого вывода?

²⁷ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 46.

²⁸ Сибильов. Археологічні пам'ятки, с. 110, 112.

²⁹ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 45.

Гидрологические. Специалисты-гидрологи, обследовавшие Макатиху по поручению К. В. Кудряшова, составили совершенно правильную, научно объективную характеристику этой речки. Мы не обнаружили ничего такого, что противоречило бы заключению гидрологов, однако у нас сложилось впечатление, что свою задачу они понимали слишком узко, безотносительно к той большой проблеме, которая интересует историков. Иначе они не могли бы не заметить, что район Макатихи очень каменистый, что все проселочные дороги, ведущие к небольшому с. Глубокая Макатиха, усеяны камнями. Откуда появилось такое обилие камней вблизи небольшой степной речушки? Оказывается, на берегах Макатихи с давних пор существуют каменные карьеры и именно здесь добывался и добывается камень. С помощью местных жителей нами найдены два старых заброшенных карьера на крутых склонах русла Макатихи. Один из них, расположенный ближе к устью, разрабатывался еще совсем недавно, в 20-е годы. Житель с. Глубокая Макатиха И. И. Шарбан сообщил, что он в детстве с отцом на волах возил камни на строительство дома и дороги. О другом, древнем, карьере, расположенном примерно в 800—1000 м вверх по течению реки, рассказал П. П. Савченко. В годы его детства, перед империалистической войной, в лесу на склонах холмов были видны пещеры — следы каменных выработок. Вместе с другими детьми (некоторые из них — жители этого же села) он ходил в подземелье и видел там темные каменные коридоры. Об этом карьере существует много легенд, связывающих его с эпохой турецкого владычества. Сейчас в этих местах пещер не видно, однако на поверхности много камней, ям, поросших лесом, встречаются выходы каменных пород. Взятые нами образцы были представлены для заключения на кафедру минералогии и петрографии Харьковского университета. Специалисты утверждают, что они относятся к разряду известняков с примесью доломитизированных и глинистых пород и являются очень устойчивыми к разрушающему воздействию внешних факторов. Структура пород и характер их залегания дают основания говорить как о вполне вероятном об их скалообразном выходе в прошлом на поверхность.³⁰

Итак, самая главная примета Каялы — скалистая — находит подтверждение, если исходить из особенностей рельефа берегов Макатихи.

Вторая важная примета этой реки — быстрая. Применима ли она к небольшому современному ручью? Характеристика, составленная гидрологами, которую приводит К. В. Кудряшов, не оставляет никакого сомнения в том, что течение ее было быстрым: сток воды имеет крутое падение, образуются небольшие водопадики и т. д. Нам приходилось наблюдать этот ручей в пору весеннего половодья: он напоминал скорее горный поток, чем степную речку. О характере течения реки в древности можно судить и по очень крутым склонам берегов, и по узкой, напоминающей ущелье, долине. Весьма красноречивым является название села — Глубокая Макатиха, расположенного на этой реке. Таким образом, можно с полным основанием говорить, что Макатиха была действительно быстрой.

Нельзя пройти мимо еще одной приметы Каялы, которой не отмечают исследователи: Каяла была небольшой и малозначительной рекой. Недаром она не упоминается в летописях, кроме одного случая, и не отражена в позднейших историко-географических источниках. Между тем, названия таких рек этой же географической зоны, как Тор, Сухой Торец, Орель, Орелька и др., встречаются довольно часто. Очевидно, что они были значительно большими, чем Каяла. Сравнительное изучение современного

³⁰ Пользуюсь случаем и выражаю благодарность доценту кафедры Ю. А. Борisenko за проведенный анализ образцов.

состояния названных рек дает представление о том, какой была и какой могла стать Каяла. Степные реки Сухой Торец, Орелька и некоторые другие почти высохли, только в период таяния снегов они обретают подобие рек. Макатиha, представляющая собой небольшую, пересыхающий в летние месяцы ручей, вполне соответствует общей эволюции рек этого района. Если она сохранилась до наших дней, то это объясняется прежде всего тем, что протекает в значительной своей части в лесу и что крутые склоны долины периодически питают ее талой и дождевой водой.

Военно-тактические. В летописях и в «Слове» совершенно отчетливо говорится о том, что русские дружины были разбиты на Каяле, что именно здесь, на этой реке, погибло русское войско. Летописец и автор «Слова» проявляют удивительное единодушие в описании трагического финала похода. С горестными словами летописца о том, что господь навел плач и горе на р. Каяле, перекликается взволнованный рассказ о битве автора «Слова»: «Бишася день, бишася другыи; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Совершенно естественно у исследователя должны возникнуть вопросы: почему именно на Каяле погибли русские войска? Какое место отводилось этой реке в тактическом плане половцев?

Речка Макатиha не только дает ответы на эти вопросы, но позволяет воспроизвести картину завершающего этапа сражения.

В Лаврентьевской летописи сказано, что половцы сначала отеснили русских от воды, чтобы люди и кони изнемогли от безводья, а потом прижали их к реке: «Ратнии устремишася на нь и притиснуша и к воде и бишася с ними крепко, и бысть сеча зла велми». В рассматриваемом нами географическом районе эти сведения могут быть осмыслены так: половцы сначала отеснили дружины Игоря от Голой Долины (Сюурлия), а потом прижали их к крутым склонам Макатиhi (Каялы). Стремление половцев прижать русских к реке с обрывистыми и крутыми берегами — очень распространенный в древности тактический прием ведения боя, а в условиях данной конкретной местности он был (с точки зрения головцев) наиболее целесообразным. Очень любопытна следующая топографическая деталь: с открытой степи, примыкающей к Макатиhe, где, по нашим предположениям, происходила битва, река не видна. Глубокая долина появляется совершенно неожиданно. Вполне вероятно, что дрогнувшие ковуи могли бежать именно в эту, незащищенную (как им казалось) половцами сторону. Приманкой для бегущих был и лес, покрывающий сейчас часть долины к северу от с. Глубокая Макатиha.³¹ В свете сказанного становится ясным, почему так яростно сражался на берегу Каялы буй тур Всеволод: Каяла была подготовленной врагами западней. Сброшенных в узкую долину всадников и пеших в упор расстреливали половцы, выстроившиеся на противоположных скатах. Основная масса русских воинов была убита или пленена здесь, не случайно автор «Слова» говорит о том, что Игорь «погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия». Какая-то часть воинов во главе с Всеволодом пробилась через вражеский заслон и вышла из окружения, однако на их пути, как об этом сообщает летописец, встало озеро.

Итак, речка Макатиha не только совершенно естественно вписывается в военно-тактическую обстановку завершающего поход сражения, но и помогает глубже осмыслить сведения, приводимые в исторических источ-

³¹ О том, что в глубокой древности в этих местах были леса, говорит Д. И. Багалей, — см.: Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, с. 13.

никах, о том, почему на берегу Каялы был такой яростный бой и почему именно здесь погребло русское войско.

Историко-географические. В летописях и в «Слове» содержатся сведения о ряде географических объектов, составляющих целостную систему, которая должна быть основой при определении района военных действий. Вот эти объекты: Сальница—Курган—Сюурлий—Донец—Каяла—озеро. Выше мы охарактеризовали эти объекты, сопоставили с местностью и высказали предположение об их нахождении. Невыясненным остался только один из них — озеро (море). Проблема озера-моря относится к числу самых сложных. Некоторые исследователи не исключают возможности выхода отступающих войск к Азовскому морю, однако большинство считает, что речь может идти только об озере, расположенном где-то неподалеку от места последнего сражения. Что же нам известно об озере и о море? Сведения о них дает только один источник — Ипатьевская летопись. Давайте внимательно вчитаемся в эту часть летописного повествования и попытаемся уяснить логику летописца: «Держим же Игорь виде брата своего Всеволода крепко борющася и проси души своей смерти, яко да бы не видил падения брата своего. Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста и бяху бо ся идуще вокруг при езере».

Таким образом, летописец довольно подробно описывает конец битвы: Игорь попал в плен, Всеволод неистово сражался до тех пор, пока в руках у него было оружие; и последний боевой эпизод — бой Всеволода у озера. Следующий за этим сообщением горестный вывод о том, что в день святого воскресения господь «навел горе» на р. Каяле, не оставляет сомнения в том, что Каяла была раньше озера и что основные трагические события произошли на этой реке. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что о мужественных действиях Всеволода рассказывается на основе зрительных восприятий Игоря: «Игорь виде брата своего Всеволода крепко борющася». Непосредственное зрительное восприятие события чувствуется и в таких словах: «. . . и бяху бо ся идуще вокруг при езере». Пленение Игоря, последняя схватка на Каяле, бой отступающего Всеволода у озера — события, следующие одно за другим, между которыми не могло быть значительных временных промежутков. Все это дает основания для таких предположений: во-первых, упомянутое озеро должно находиться недалеко от Каялы; во-вторых, озеро должно быть видимым из района Каялы; в-третьих, озеро должно быть большим, но с просматриваемыми округлыми берегами, так как о море с бесконечными берегами нельзя сказать — «шел вокруг моря».

А как же понимать заявление летописца о том, что «прочии в море истопоша»? Нельзя не заметить при внимательном чтении летописи, что упоминание о море содержится в заключительной части, которая говорит о печальных итогах похода. Автор, рассказав о походе, описав ход последней битвы на Каяле и заключительный эпизод ее — сражение Всеволода у озера, сообщает, к каким ханам попали в плен русские князья и сколько воинов сплослось. Это уже не описание событий, а сообщение итоговых сведений о результатах похода. Не случайно между этими частями автор вставил довольно пространственный покаянный монолог Игоря, в котором князь вспоминает о своих грехах перед господом богом и людьми. Вот почему мы считаем, что в данном случае слово «море» лишено такого конкретного значения, как слово «озеро». Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают, что слово «море» употреблено здесь как синоним слова «озеро».

Изложенными выше соображениями мы и руководствовались в поисках озера в районе Макашихи. Представив мысленно обстановку, мы спусти-

лись в долину реки и поднялись на ее противоположный высокий склон, с которого хорошо видна часть г. Славянска, устье Макатихи, слияние Голой Долины с Сухим Торцом. Первое наблюдение состояло в том, что отсюда совершенно не видны те соленые озера, которые Н. В. Сибилев считал местом окончательной гибели войск. Эти озера, находящиеся в курортной зоне города на расстоянии 6 км, закрыты высоким плато. Наше внимание привлек хорошо видимый к югу от Макатихи на западной окраине Славянска водоем, находящийся на территории нынешнего Рыбкомбината.

Согласно литературным данным и сведениям местных жителей, здесь, в районе слияния Голой Долины и Сухого Торца, с незапамятных времен существуют два озера, которые во время весеннего паводка широко заливают низменность, образуя огромное озеро-море. К. В. Кудряшов, ссылаясь на сообщения газет, указывает, что последнее наводнение в этих местах было в 1937 г.³² Исследователь Славянских озер А. В. Гуров отмечал как одну из важнейших их примет наличие в дне провалов в виде воронок, называемых в народе «топылами». Образование провалов ученый объясняет деятельностью подземных вод, размывающих каменную соль, залегающую здесь мощными пластами. Через эти воронки происходит засаливание пресных вод в озерах. В его работе есть следующее любопытное сообщение: «В настоящее время провалы в виде воронок. . . наблюдаются в области распространения пермских красных глин около х. Макатихи».³³ Несмотря на то что Рыбкомбинат, занимающийся разведением ценных пород рыб, создал систему искусственных запруд, изменивших облик озер, несколько сохранившихся «топыл» позволяют судить о том, где было раньше дно озера.

Внимательное изучение местности между Макатихой и Славянском показывает, что, если исходить из тех данных, которые нами изложены, то возможно только такое решение проблемы озера-моря: небольшая часть русского войска, пробившаяся во главе с Всеволодом через Каялу-Макастиху, отступала к озеру в устье р. Голая Долина, которое находится от Макатихи на расстоянии 4—5 км. Внушительные размеры озера (события происходили весной), а также соленый привкус воды могли дать повод участникам похода называть озеро морем.

Все перечисленные нами географические объекты согласуются с военно-тактическими данными, а расстояния между ними соответствуют оптимальным нормам суточных переходов. Вот как выглядят пройденные расстояния и соответственно скорость передвижения русского войска в свете наших топографических разысканий: Сальница—верховья Каменки (ночной марш) — 17—18 км; верховья Каменки—Сюурлий — 18 км; Сюурлий—место ночлега в степи — 9—10 км; место ночлега — р. Макастиха (отступление под натиском половцев) — 6 км; Макастиха—озеро — 4—5 км. Таким образом, от Сальницы до Макастихи войска прошли примерно 50 км. Однако полки Владимира, Святослава и ковуев, участвовавшие в погоне после первого сражения, которая, как мы считаем, велась в разных направлениях, прошли, если учитывать их маршрут туда и обратно, километров на 15—25 больше. Для того чтобы составить представление о норме суточного перехода, необходимо подсчитать, сколько километров прошли дружины с вечера 9 мая по вечер 10 мая, т. е. от Сальницы до места ночлега. Оказывается, что полками Игоря и Всеволода было пройдено 45—46 км, а полками Владимира, Святослава и ковуев значительно

³² К. В. Кудряшов. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М., 1947, с. 70.

³³ А. В. Гуров. Вейсово (Маяпкое) соленое озеро в Славянске. Харьков, 1896, с. 10.

больше, не менее 60—80 км. Мы считаем, что эти цифры вполне подтверждают версию о походе как быстром набеге и дают конкретное объяснение, почему Святослав настаивал на том, чтобы заночевать в степи.

Л и н г в и с т и ч е с к и е. Лингвистические данные, на наш взгляд, могут учитываться при атрибуции географических объектов только в том случае, если они не противоречат всем другим сведениям исторических источников. Основываться только на них, вырывая их из системы остальных сведений, ни в коем случае нельзя. Название «Каяла» (кстати, как справедливо заметил Б. А. Рыбаков, в летописи оно употреблено в своей первичной, не русифицированной форме — «Каялы») обычно переводят как 'скалистая', хотя в научной литературе чаще пользуются синонимом 'каменистая'. Между тем, эта замена ничем не оправдана, так как в тюркских языках слово «каја» означает 'скала', а камень имеет совсем другое название — «taşch». Как уже отмечалось, эта замена объясняется неверием исследователей в то, что берега степной речки могут быть скалистыми.

Мы считаем, что гидроним «Каяла» следует переводить в точном соответствии со значением этого слова в тюркских языках, т. е. словом 'скалистая'.

До сих пор никто из исследователей не проявил интереса к гидрониму «Макачиха», хотя оно довольно давно встречается в научной литературе. Несмотря на внешне «русский вид», этот гидроним не поддается расшифровке с точки зрения русской этимологии. Между тем, тюркские языки подсказывают весьма любопытную разгадку этого слова: «макатты», «макаттыр» означает 'богатырь', 'герой'. Характерно, что в местном украинском и русском (!) произношении это слово звучит так: «Макачиха». Вполне возможно, что тюркское название «Макачиха» в сочетании с существительным женского рода «река» дало на русской почве форму «Макачиха». Не явились ли победоносные для половцев события на р. Каяла причиной того, что река получила новый «титул», который постепенно вытеснил старое название? Во всяком случае, древнее тюркское слово донесло до наших дней немое свидетельство того, что с этой рекой связаны какие-то богатырские, героические, с точки зрения тюркских народов, дела.

Вместо выводов

Итак, проведенное изучение местности между Изюмом и Славянском подтвердило версию Н. В. Сибилева о месте битвы русских с половцами и о местонахождении рек Сюурлия и Каялы. Наши полевые исследования позволили не только укрепить эту гипотезу новыми данными, но и внести в нее ряд существенных уточнений, относящихся к начальному и завершающему этапам движения русского войска в половецкой степи.

К сожалению, никакими археологическими данными, относящимися к походу Игоря, наука не располагает. Достоверность сведений Н. В. Сибилева, основанных на рассказах местных жителей, о том, что при строительстве железнодорожной ветки в 1894 г. от Славянска к курорту на соленых озерах обнаружено было множество скелетов и древнего оружия, подтвердить не удалось.

Нам представляется, что преувеличивать роль археологических исследований при решении проблемы географии похода нельзя, так как военные события проходили в степи, вдалеке от известных в древности городов, и не могли оставить прочных материальных следов. Самые достоверные сведения о походе Игоря может дать единственный свидетель его — древняя русская земля. Вот почему разгадку тайн похода следует искать только путем скрупулезного сопоставления исторических, географических, топографических и других сведений, содержащихся в «Слове» и летописях.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии

В 1972 г. во время завершения работ по исследованию древнерусских граффити в Софийском соборе в Киеве открыта интересная надпись XII в. Граффито находится в северной части хоров собора, на северной стене, как раз напротив столба с надписью Олисавы — матери Святополка Изяславича¹ (см. рисунок, а). В свое время, когда изучалась надпись Олисавы, рассматриваемое граффито было еще зашпаклевано, хотя отдельные буквы были видны. Читалось всего лишь одно слово «Володимирия». Надпись в целом казалась совершенно безнадежной в смысле расшифровки. Но после удаления шпаклевки XIX в. удалось прочесть следующий текст² (см. рисунок, б).

Надпись повреждена обломом штукатурки справа, в результате чего утрачены окончания некоторых строк. В первой строке испорчено выбоиной в штукатурке начальное «С». В третьей строке слева читается «ТРА» — окончание слова «сестра», первой буквой которого оканчивалась вторая строка. Из-за царапин и выбоин не читается шестая строка. Здесь можно разобрать только одно слово «раба». Немного выше основного текста надписи читается слово-приписка, выцарапанная той же рукой: «Володимирия», т. е. супруга Владимира.

В целом граффито читается: «Се была (в Софии, — С. В.) многопечальная Андреева сноха, Олега сестра и Игоря и Всеволода. Написал Ванко (Иванко?) — поп человек владыки. . .».

Особенности палеографии надписи следующие. Написана она довольно крупным почерком, высота букв колеблется от 1 до 2 см. Строки записи идут наклонно, постепенно поднимаясь слева направо. Буква «N» написана с перекладиной, опускающейся с самого верха левой мачты почти что до самого низа правой; «Б» — с коромыслом, не достигающим еще верхнего уровня строки; «Ч» — в виде чаши на высокой ножке (особенно в слове «члвеко»). Из начертаний, встреченных в надписи, только одно «Ж» (в слове «Всеволожа») написано в 5 приемов и может быть отнесено к XIII в.,³ хотя буква довольно симметрична. Следует также отметить написание слова «Всеволожа» без «Б» после «В» в первом предупредительном слове, т. е. точно так же, как в записи о Бояновой земле.⁴

Начертания букв «N», «Б», «Ч», таким образом, свидетельствуют в пользу довольно раннего времени появления надписи, во всяком случае — не позднее XII в. Немного противоречат этому только написания «Ж» и

¹ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, с. 74, рис. 6.

² Шпаклевка из надписи была удалена художником-реставратором А. Ф. Ерко.

³ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, с. 115.

⁴ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской, с. 69.

отчасти «В», имеющие слишком большую верхнюю часть, характерную для полууставной буквы.

В надписи, несомненно, идет речь о каких-то значительных особах. На это указывает месторасположение ее на хорах собора, где в древности во время церемоний находилась княжеская семья и куда вход для посторонних был закрыт. Кроме того, имена в граффито упомянуты без каких-либо дополнительных комментариев. Мы уже имели возможность наблюдать, как в других граффито собора князя упоминаются просто по именам, например в надписи о мире на Желяни Святополк Изяславич, Владимир Мономах и Олег Святославич названы: Святополк, Владимир и Олег.⁵ Поэтому с уверенностью можно утверждать, что имена, упоминаемые в граффито, являются княжескими.

О ком же идет речь в надписи, кто такая «многопечальная Андреева сноха», посетившая собор, и кто ее братья: Олег, Игорь и Всеволод? На первый взгляд кажется, что в надписи говорится о супруге Владимира Мономаха, которая приходилась снохой (женой сына) его отцу Всеволоду (Андрею) Ярославичу. Это представляется правдоподобным и благодаря слову «Володимирья», дописанному над основным текстом. Именно так, по именам князей, летопись довольно часто называет их жен. Так, например, под 1097 г. упоминается «Всеволожая» — вдова Всеволода Ярославича,⁶ а под 1107 г. сообщается о том, что умерла «Володимирья» — супруга Владимира Мономаха.⁷ Однако текст надписи противоречит указанной идентификации. Из граффито следует, что «Андреева сноха» была сестрой Олега, Игоря и Всеволода, а это не согласуется с известными биографическими данными о Владимире Мономахе. Правда, у Мономаха было несколько жен. Н. Карамзин полагал, например, что их было три и первая из них — Гита Гарольдовна, дочь английского короля Гарольда.⁸ И. М. Ивакин считал, что у Мономаха было только две жены.⁹ Можно было бы допустить, что одна из его жен имела какое-то отношение к Олегу Святославичу и его сыновьям Всеволоду и Игорю. Но в таком случае «Андреева сноха» не могла быть названа в граффито сестрой Игоря и Всеволода — сыновей князя. Необходимо также заметить, что Всеволод был старше Игоря Ольговича, и поэтому следовало бы ожидать написания его имени первым, а не вторым, как в граффито. По указанным причинам считаем, что событие, зафиксированное в надписи на стене собора, следует отнести к несколько более позднему времени и связать с другими историческими лицами.

«Андресвой снохой» и «Володимирей» могла быть названа княгиня — супруга Владимира Андреевича, сына Андрея Владимировича (Доброго), княжившего в 60-х годах XII в. в г. Дорогобуже на Волыни. Кстати, следует заметить, что этого князя летопись иногда называет просто «Андреевич» по его отцу Андрею Владимировичу.¹⁰ Точно так же в граффито супруга Владимира Андреевича названа «Андреевой снохой».

Супруга Владимира Андреевича Дорогобужского упоминается в Ипатьевской летописи без имени под 1171 г. (годом смерти князя), где она названа просто «княгыни». Ее имя неизвестно, как неизвестно и из ка-

⁵ Там же, с. 25.

⁶ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 175.

⁷ Там же, с. 186.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1816, с. 34 и прим. 240.

⁹ И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его «Поучение». М., 1901, с. 206, 207.

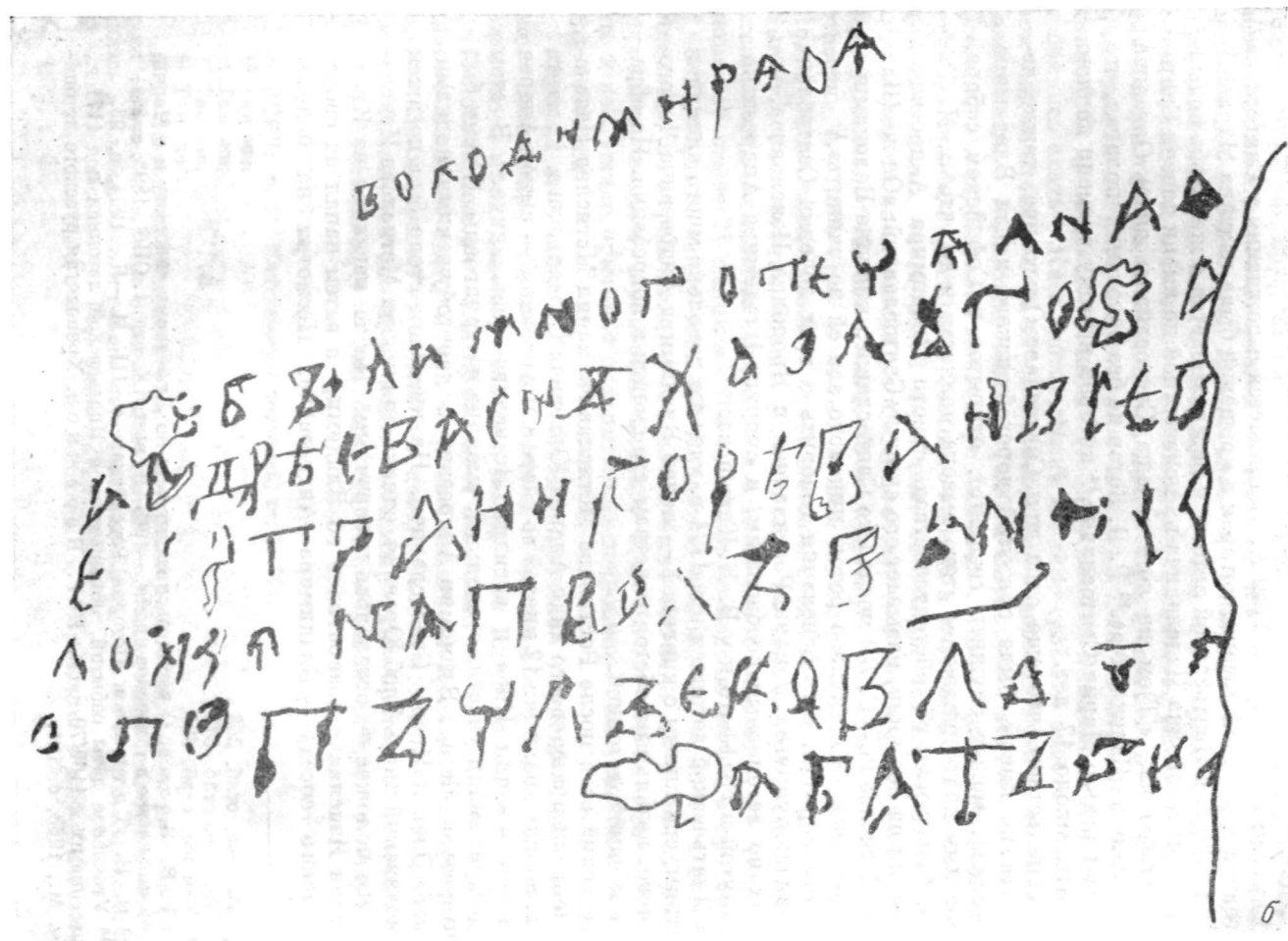
¹⁰ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908, стлб. 543, 544, 546.

Софійський собор в Києві. Надпись с пменами вдовы Владимира Андреевича Дорогобужского и ее братьев: Олега, Игоре и Всеволоде Святославичах.

a — надпись.

Володиміраа
 [с]ѣ вѣдѣмногопѣуана[а ?]
 д[н]дрѣванизхазадгош[с]
 е[с]градингорѣванск[о]
 ложка напвалъ [в]анн[с]
 о попъ улѣеко влѣк[н]
 —дѣатѣвѣ—

б — прорись.

Рис. 16 (продолжение).

кой ветви княжеского рода она происходила. Из рассматриваемого граффито следует, что у нее было три брата с именами: Олег, Игорь, Всеволод. Из князей — современников Владимира Андреевича — указанным требованиями отвечают лишь сыновья Святослава Ольговича: Олег, Игорь и Всеволод.

О дочерях Святослава Ольговича известно следующее. Согласно летописному сообщению под 1148 г., одна из его дочерей стала супругой Романа Ростиславича Смоленского: «В то же время Ростислав Смоленский проси дчери у Святослава у Олговича за Романа сына своего Смолиньску, и ведена бысть из Новгорода в неделю по водохрещах месяца геньваря в 9 день».¹¹

В другом известии, под 1149 г., упоминается о рождении у Святослава Ольговича еще одной дочери, которая в крещении была названа Марией.¹²

Под 1166 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о женитьбе волынского князя Ярополка Изяславича на неизвестной по имени дочери Святослава Ольговича: «(Т)ом же лете ведоша Святославлю дчерь Олговича за Ярополка за Изяславича».¹³ Р. В. Зотов не без основания полагал, что здесь идет речь о Марии Святославне,¹⁴ которой к этому времени должно было быть около 17 лет.

Свидетельством, что еще одна дочь Святослава Ольговича, также неизвестная по имени, была супругой дорогобужского князя Владимира Андреевича, может служить граффито, открытое в Софийском соборе. Интересным подтверждением этого вывода является и то, что В. Н. Татищев, повествуя об обстоятельствах смерти Владимира Андреевича, без ссылки на источник, называет его супругу Святославной: «Он же (Владимир Мстиславич, — С. В.) послал ко Святославне, княгине Володимировой, обещався ей с тяжкою ротою никакого зла ей не учинить».¹⁵

Таким образом, есть основания говорить о трех дочерях Святослава Ольговича: супругах Романа Ростиславича и Ярополка Изяславича, известных по летописным сообщениям, и супруге Владимира Андреевича, упомянутой в граффито и у В. Н. Татищева.

В Ипатьевской летописи под 1171 г. уделено довольно много внимания событиям, связанным с княгиней — женой Владимира Андреевича Дорогобужского, печальным обстоятельствам его смерти и погребения. Но обратимся к самой летописи.

Киевский стол после Ростислава Мстиславича занял Мстислав Изяславич, вопреки праву своего дяди Андрея Юрьевича Суздальского. 12 марта 1169 г. войска коалиции 12 князей во главе с Мстиславом — сыном Андрея Юрьевича — взяли Киев и изгнали Мстислава Изяславича.¹⁶ В этом походе принимали участие суздальцы, смоляне и черниговцы. С ними был и интересующий нас Владимир Андреевич с дорогобужскими полками, а также Олег и Игорь Святославичи. На киевском столе был посажен переяславский князь Глеб Юрьевич, однако при жизни Мстислава Изяславича его положение оставалось непрочным. После изгнания из Киева Мстислав Изяславич возвратился во Владимир, а затем напал на своего ближайшего соседа — Владимира Андреевича. Несмотря на болезнь

¹¹ Там же, стлб. 368.

¹² Там же, стлб. 376.

¹³ Там же, стлб. 525.

¹⁴ Р. В. З о т о в. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — ЛЗАК, вып. IX, отд. 1. СПб., 1893, с. 271.

¹⁵ В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, с. 93.

¹⁶ Уточнение даты событий, помещенных в Ипатьевской летописи под 1171 г., и отнесение их к 1169/70 г. см.: Н. Г. Б е р е ж к о в. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 181.

князя, которая не позволила ему возглавить оборонявшихся, взять Дорогобуж Мстиславу не удалось, и он ограничился разорением более мелких городов княжества. 28 января 1169 г. Владимир Андреевич умер. Услышав об этом, безземельный князь Владимир Мстиславич, живший в г. Полонном, явился к Дорогобужу и стал вести переговоры о том, чтобы войти в город. Обращаясь к дружине покойного князя, он говорил: «. . . целую к вама крест и к княгини вашей, якоже ми на вас не позрети лихом, ни на ятровь свою, ни на села ее ни на ино ничтоже».¹⁷ Переговоры завершились клятвой-крестоцелованием. Владимир Мстиславич поклялся не делать ничего дурного ни дружине, ни вдове покойного. Однако войдя в город, он позабыл все свои обещания, захватил имущество умершего князя, а княгиню выгнал из Дорогобужа. Княгиня с телом мужа направилась в Вышгород, намереваясь похоронить его в Киеве. Но вышгородский князь Давыд Ростиславич не пустил ее в Киев, ссылаясь на то, что получил ночью известие о приближении Мстислава Изяславича, который находился уже в г. Васильеве. Давыд обратился к княгине со словами: «. . . како ты могу ятры пустити» — и посоветовал, чтобы в Киев с телом князя шла дружина покойного.¹⁸ Но дружинники Владимира Андреевича побоялись ехать в Киев, который они недавно грабили вместе с Мстиславом Андреевичем. Тогда игумен Киево-Печерского монастыря Поликарп, присланный в Вышгород князем Глебом Юрьевичем вместе с игуменом Киевского Андреевского монастыря Симеоном, чтобы «доправити Володимира до Киева», обратился к Давыду с просьбой отпустить для сопровождения покойника часть своей дружины. Поликарп ссылаясь на то, что «. . . не кто ни конь доведа ни стяга донеса», т. е. некому коня повести и знамя понести.¹⁹ На это Давыд, не желая отпускать своих дружинников, отвечал: «. . . того стяг и честь с душею ищъла».²⁰ Получив такой ответ, Поликарп и Симеон вместе с духовенством, среди которого были клирики Вышгородской церкви Бориса и Глеба («ото ти попове Мученичьскы»),²¹ отвезли тело Владимира Андреевича в Киев и похоронили его в Андреевском монастыре 21 февраля 1169 г. в первую неделю поста, в субботу.²²

Эти события, ввиду того что Владимир Андреевич около трех недель оставался непогребенным, а его вдова была выгнана из Дорогобужа и ограблена, видимо, произвели сильное впечатление на современников, что и послужило причиной сравнительно подробного описания на страницах летописи.

Автором этой записи Б. А. Рыбаков считает игумена Киево-Печерского монастыря Поликарпа, имевшего отношение к киевскому летописанию и принимавшего участие в погребении Владимира Андреевича.²³

В летописном рассказе привлекает внимание то, что Владимир Мстиславич называет вдову князя «ятровью своею», а Давыд Ростиславич — «ятры». Если первому из князей она действительно приходилась «ятровью» (женой брата), так как ее муж был его двоюродным братом, то второму — Давыду Ростиславичу — она была теткой. Однако следует вспомнить,

¹⁷ ПСРЛ., т. II. Ипатьевская летопись, стлб. 547.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стлб. 548.

²¹ Там же.

²² В Ипатьевской летописи ошибочно указано другое число события — 15 февраля, на что в свое время обратил внимание Н. В. Степанов. Правильная дата сохранилась в Хлебниковском списке летописи. См.: Н. Г. Березков. Хронология русского летописания, с. 181, прим. 127; с. 182.

²³ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 54, 55.

что одна из дочерей Святослава Ольговича была супругой Романа Ростиславича, а следовательно, его родной брат — Давыд Ростиславич — мог назвать жену Владимира Андреевича «ятры», так как она приходилась родной сестрой жене Романа.

В надписи на стене Софийского собора идет, таким образом, речь о жене Владимира Андреевича, имя которой, как и в летописном рассказе 1171 г., не упоминается, — названа она только по супругу «Володимирия». Хотя граффито и не называет имени княгини, оно позволяет уточнить ее родственные связи. Она была, как мы установили, дочерью Святослава Ольговича. Ее родные братья: Олег Святославич (ум. 1180 г.), Игорь Святославич и Всеволод Святославич. Старший из них — Олег Святославич — был князем северским. Игорь Святославич (1151—1202 гг.), также князь Северский, — главный герой «Слова о полку Игореве». Всеволод Святославич (род. ок. 1155 г., ум. в 1196 г.) — младший из братьев, князь трубчевский и курский. В «Слове» он назван «яр тур» и ему дана яркая характеристика удалого воина: «Яръ туре Всеволоды стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харлужными. Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя».²⁴

Братья, упомянутые в надписи на стене собора, были внуками Олега Святославича (Гориславича «Слова»), родоначальника Ольговичей, «Ольгова хороброго гнезда».

Начальные слова надписи «Се была многопечальная Андреева сноха» свидетельствуют о посещении княгиней Софийского собора вскоре после смерти Владимира Андреевича. Оно могло быть вызвано необходимостью традиционного поминания умершего на 9-й или 40-й день. Что касается 9-го дня, то он не может быть принят, так как тело князя в это время еще не было погребено и находилось на пути к Киеву. Более вероятным казалось бы поминание на 40-й день. Но в 20-х числах февраля 1169 г. к Киеву подошел Мстислав Изяславич с братом Ярославом и ненадолго занял город. Его осада Вышгорода, который защищал Давыд Ростиславич и где в это время находилась вдова Владимира Андреевича, окончилась неудачей. Под натиском полков Глеба Юрьевича и Давыда Ростиславича ему пришлось возвратиться на Волынь, где он вскоре и умер. Мстислав Изяславич покинул Киев 13 апреля 1170 г.²⁵ Простой подсчет показывает, что поминание Владимира Андреевича на 40-й день должно было быть в марте месяце. В это время Киев еще находился в руках Мстислава Изяславича и посетить Софийский собор княгиня не могла. Она находилась в Вышгороде вплоть до ухода Мстислава Изяславича из Киева. Таким образом, посещение собора супругой Владимира Андреевича, а значит и написание надписи могло произойти только после 13 апреля 1170 г. Крайней датой, ограничивающей время написания граффито, по-видимому, может служить 1180 год — год смерти Олега Святославича, старшего из братьев, несомненно упомянутых в надписи при их жизни.

Запись на стене собора сделал «Ванко — поп человек владыки». Автор граффито, видимо, был клириком Софийского собора, сопровождавшим княгиню. Правда, можно было бы предположить, что «владыкой» надписи являлся игумен Поликарп или Симеон, о которых речь шла выше. И все же в стенах Русской митрополии — Софийского собора назваться «человеком владыки» скорее могло лицо из окружения киевского митрополита.

²⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. I. А—Г. М.—Л., 1965, с. 17.

²⁵ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания, с. 182.

Поп Ванко (Иванко), написав запись на стене собора, сослался на родственные связи княгини с Ольговичами. Он рассудил, что назвать ее только снохой Андрея Владимировича Доброго и сестрой одного Олега Святославича будет недостаточно для того, чтобы было понятно, о ком идет речь в надписи. Ссылка в граффито на трех братьев Святославичей, вероятно, объясняется тем, что событие происходило до похода Игоря и Всеволода на половцев в 1185 г., описанного в летописи и «Слове». После этой битвы князья-участники, несмотря на поражение, несомненно приобрели громкую известность на Руси, и автору надписи вполне достаточно было бы упомянуть только одного Игоря — брата вдовы Владимира Андреевича.

Открытое на хорах Софийского собора в Киеве граффито, таким образом, является ценным памятником древнерусской письменности, дополняющим и уточняющим наши сведения об исторических лицах и событиях на Руси второй половины XII в.

Генеалогическая таблица

Владимир Всеволодович Мономах (ум. 1125 г.)

Мстислав (ум. 1132 г.)   Изяслав (ум. 1096 г.)   Святослав (ум. 1114 г.)   Роман (ум. 1119 г.)   Ярополк (ум. 1139 г.)   Вячеслав (ум. 1154 г.)   Юрий (ум. 1137 г.)   Андрей (Добрый) (ум. 1141 г.)

Владимир, князь Дорогобужский (ум. 1169 г.), супруг княгини, упоминаемой в граффито   Ярополк

Олег Святославич (ум. 1115 г.)

Всеволод (ум. 1146 г.)   Игорь (ум. 1147 г.)   Глеб (ум. 1133 г.)   Святослав (ум. 1165 г.)   Иван (ум. 1148 г.)

Олег (ум. 1180 г.)   Игорь (ум. 1202 г.)   Всеволод (ум. 1196 г.)   дочь, с 1148 г. — супруга Романа Ростиславича   «Володимирья» — супруга Владимира Андреевича   дочь, с 1166 г. — супруга Ярополка Изяславича (Мария?)

Примечание. Курсивом набраны имена лиц, упоминаемых в граффито.

И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

Из истории работы А. Н. Майкова над переводом «Слова о полку Игореве»

(По архивным материалам)

По мнению специалистов, перевод «Слова о полку Игореве», сделанный А. Н. Майковым, является одним из наиболее удачных. Он был напечатан в 1870 г. с предисловием и примечаниями переводчика.¹

Вот как Майков рассказывает о возникновении мысли о переводе «Слова»: «Напал на него случайно: старшему сыну в гимназии пришла пора его проходить; думаю, памятник чудесный, дай, сам с ним прочту — и начал разбирать по екатерининскому тексту, изданному Пекарским, без знаков препинания, написано все сплошь в одну строку.² Стал делить на части, руководясь единственно ходом творчества самого певца. Прочел, восхитился построением — но для справки о темных местах взял русские переводы, чорт возьми! Все не так делают и понимают, дробят памятник, он является чем-то бессвязным, глупыми отрывками».³

Неслучайно один из вариантов предисловия к переводу был написан в форме письма к сыну. Он озаглавлен: «Вместо предисловия. Моему сыну» — и начинается словами: «Хотелось бы мне, милый мой Коля, чтобы ты хорошенько понял драгоценнейший памятник нашей старины — „Слово о полку Игореве“. Не зная, как объяснить его тебе хорошенько и передать, как я его понимаю, — я решился перевести его на нынешний наш язык».⁴

Начало работы над переводом относится к середине 1860-х годов, но интерес к замечательному памятнику литературы Древней Руси возник задолго до этого. В черновом тексте одного из примечаний Майкова (к «злату слову» Святослава) читаем: «Еще с 1844 года, когда я принялся за изучение русской старины и за „Слово о полку Игореве“, мне казалось, что „златое слово Святослава, со слезами смешено“ кончается здесь» и т. д.⁵

Работа Майкова над переводом «Слова» заслуживает специального исследования. В его архиве сохранилось несколько редакций как самого перевода, так и предисловия и примечаний к нему, много черновиков,

¹ Заря, 1870, № 1, с. 81—146.

² Майков имеет в виду издание: П. П е к а р с к и й. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Приложение к т. 5 «Записок имп. Академии наук» (СПб., 1864, № 2).

³ Черновик письма к своему сослуживцу по Комитету цензуры иностранной и биографу М. Л. Златковскому (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 168, А. Н. Майкова, № 17304/С1Х6 11). Приведенный отрывок пересказан Златковским в кн.: Аполлон Николаевич Майков. Биографический очерк. СПб., 1888, с. 50.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СV165, л. 81, см. также л. 71.

⁵ Там же, л. 160.

содержащих вычеркнутые и не вошедшие в печатный текст места, которые представляют бесспорный интерес. Человек весьма образованный, много читавший, Майков стремился овладеть исследовательской литературой как о «Слове», так и об истории Древней Руси вообще, древнерусской литературе и искусстве. Он хотел не только усвоить прочитанное, но и выработать самостоятельный взгляд на мировоззрение человека Древней Руси, форму «Слова», его жанровые особенности и т. д.

В черновиках имеются дополнительные сведения о трудах, которыми Майков пользовался, характеристики отдельных исследователей. Отмечу, например, теплые слова о П. Н. Рыбникове (л. 12 об.—13 об. и др.).

Майкова очень занимал вопрос о личности древнего певца-поэта и среде, из которой вышло «Слово о полку Игореве», — он много думал на эту тему. Интересно начало одного из вариантов предисловия. Майков начинает издалека. Он пишет: «Читая в детстве моем историю Карамзина, я с особенным любопытством остановился на рассказе его в первом томе, как греки, воюя с аvaraми в VI веке, захватили у них в плен троих чужеземцев, имевших вместо оружия кифары или гусли. На вопрос императора, кто они? — они отвечали: „Мы — славяне, к аvarам попали в плен, с оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в нашем отечестве, а песни да гусли — все наше веселье“. Эти певцы очень меня заинтересовали: так мне и хотелось узнать: какой вид они имели? как были одеты? а главное — какие песни они пели и что в этих песнях прославляли?».⁶ Дальше речь идет о сочинении Ю. Венилина «Древние и нынешние болгары», о русских летописях и пр., и опять-таки с этой точки зрения: что говорится в них о певцах.

Решительно отвергая мысль о неподлинности «Слова о полку Игореве», Майков выдвигает некоторые свои соображения, лишь частично отразившиеся в печатном тексте.

Заслуживает внимания и то место предисловия, в котором поэт — конечно, бегло да притом в импрессионистической, субъективной манере, — протягивает нити от «Слова» к классической русской литературе. Привожу этот отрывок.

«В заключение не могу не отдать отчета в одном впечатлении, которое я вынес, долго занимаясь „Словом о полку Игореве“. Несмотря на семь веков, отделяющих нас от его певца, — он чрезвычайно близок к нынешней нашей литературе. Его поэма — точно зародыш, таящий в себе все лучшие качества последней. В этих образах князей — Осмомысла Галицкого, от престола которого грозы текут по землям, Всеволода Суздальского, что „мог бы Волгу веслами раскрошати, а Дон шеломами вылити“, Романа, что в замыслах возносится высоко, как сокол ширяся на ветрах, высматривая добычу, — слышится что-то родственное державинским изображениям екатерининских орлов. В описании битв тоже. Во всем же здоровом тоне поэмы, в этом кованом языке, на который древность наложила какую-то свою, особую, вековую печать, в этой поэзии действительности — как бы чувствуется пушкинская стройность, определенность, сдержанность и меткость выражений. Далее, эти описания природы, эта жизнь степи, в ее мрачном виде, вся эта прелестная идиллия бегства Игоря, эти «дятлы тѣктом путь к реке казуют», вся речь Игоря к Донцу — как он лелеял князя на серебряных берегах своих, — во всем этом таится как бы зародыш лучших страниц Турген-

⁶ Там же, л. 95; см. также л. 11 и ф. 168, № 17855/СХ16 3. В окончательном тексте об этом сказано гораздо короче и не в начале.

нева... [а этот сарказм, полный любви, — не ожил ли в Гоголе?].⁷ Чувствуется, несмотря на перерыв многих веков, один и тот же гений в творчестве русских людей тогда и ныне». ⁸

Работая над переводом, Майков обращался за советами к ученым и литераторам 1860-х годов и читал им перевод и предисловие.⁹ В архиве поэта сохранился ряд писем по этому поводу, — его (в черновиках) и к нему. Некоторые из них публикуются ниже.

1

А. Н. Майков — К. Н. Бестужеву-Рюмину

Вторник, 19 [сент.]ября 1867

Вот, любезнейший Константин Николаевич, мое «Слово о полку Игореве» с предисловием и примечаниями. Как я старался во всем этом сохранить тон (?), чтобы не было претензии, то не только не буду в претензии, но прошу Вас просмотреть все, не жалея карандаша. Близко к сердцу мне дело, а не мое маленькое Я. Возлагаю на Вас упование не только как на ученого, но, главное, как на ученого, не утратившего живой эстетический вкус и любовь к поэзии. Но — нельзя ли не откладывать просмотра, и — или доставить мне поскорее, или написать по почте, когда явиться для выслушания Ваших замечаний и приговора.

Весь Ваш

А. Майков.

Автограф — № 24906/СЛХХХб 35.

О поэтическом чутье Бестужева-Рюмина Майков писал и через много лет, в письме к М. Л. Златковскому. Бестужев-Рюмин к тому же прекрасно знал литературу.¹⁰ Познакомившись в середине 1860-х годов, Майков и Бестужев-Рюмин надолго сохранили дружеские отношения. В 1888 г., поздравляя Майкова с пятидесятилетием его литературной деятельности, Бестужев-Рюмин писал: «Я же имею счастье не только знать Вас лично, но и пользоваться, смею надеяться, Вашим дружеским расположением; этим счастьем я наслаждаюсь уже более 20 лет». В том же письме он следующим образом отозвался о переводе «Слова»: «Вы угадали, как передать современному читателю „Слово о полку Игореве“». ¹¹

Сохранилось еще одно — более раннее — письмо Майкова к Бестужеву-Рюмину о «Слове о полку Игореве», от 27 мая 1867 г. (под тем же шифром). Майков упоминает здесь о чтении своего перевода Бестужеву-Рюмину накануне, благодарит за «внимательное прослушание» и просит разрешения прислать исправленную рукопись для просмотра. «Кому я ни показывал мой труд, — пишет Майков, — ни от кого столько пользы не приобрел, как от Вас».

⁷ Слова, заключенные в квадратные скобки, зачеркнуты Майковым.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СV16 5, л. 52.

⁹ См., например: А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. [Б. м.], 1956, с. 101, запись от 13 октября 1867 г. (похвальные слова о читанном у него переводе: «Это прекрасный труд»); письмо Майкова к К. Н. Страхову 1868 г. с приглашением на чтение предисловия: «И не уведомите ли Белова? <...> Будут Георгиевский и Галахов» (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 747, № 21).

¹⁰ См.: Е. Шурло. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899, с. 269—285. На с. 276 этой книги говорится, между прочим, и об его отношении к поэзии Майкова.

¹¹ Русский вестник, 1888, № 6, с. 304.

2

А. Ф. Гильфердинг — А. Н. Майкову

15 февр<аля> <1868?>

Весьма жалею, добрейший Аполлон Николаевич, что Вас отбили у моих Четвергов. Гости и гости мои будут сетовать.

Тем не менее я готов великодушно простить Вам Вашу измену и поделиться с Вами моими заметками о «Слове о полку Игореве», заметками, которые, впрочем, — и это несколько сбавляет цену моему великодушию, — вероятно, ни к чему не пригодятся.

Они готовы. Милости прошу пожаловать вечером (только не очень рано) в субботу или в понедельник. В субботу застанете и днем. Не пожелаете ли пригласить и К. Н. Бестужева, как специалиста?¹² В таком случае погрудитесь его уведомить.

Преданный Вам

А. Гильфердинг.

Автограф — № 16474/CVII6 10.

3

А. Н. Майков — И. И. Срезневскому

<1868>¹³

Не знаю, что меня заставляет писать Вам, много и много уважаемый мною Измаил Иванович! Но томящее меня чувство требует исхода; беспрестанно, как в бреду, я говорю с Вами; авось ли перестану, как напишу, и если не передумаю, отошлю к Вам мой монолог. Вы имеете особенный дар меня мучить. По наивности своей от Вас я ожидаю указаний и совета; вместо того Вы два раза изрезывали мое сердце. И каким мучительным способом: Вы прежде задушите меня массою самых благоуханных цветов похвал, красноречия; ворочаюсь я под этой непривычной для меня громадой и тщетно стараюсь понять, в чем же дело; но цветы все с шипами, — и в результате я задыхаюсь, исцарапан, а толку не добьюсь. Когда я Вам читал в первый раз мой перевод «Слова», я из-под этой массы цветов вынес, однако, такое заключение: Вы хотели, мол, сказать мне, что я недостаточно изучил памятник, который передаю, — и углубился в него более, прочел все, что мог достать, составил о нем свое мнение, — худо ли, хорошо ли, мнение вышло все-таки мое, довольно оригинальное. Из того, что Вы его не оспариваете, значит, все-таки Вы даете ему право гражданства. Читаю теперь (у Гильфердинга) — Ваши цветы еще душистее, язвы мои еще глубже. Я просто уже вижу, что эти цветы мне говорят, что мой труд никуда не годится: больше я ничего не мог понять. Вы в пример поставили мне былинку Толстого: прочел и нашел, что это в одеждах Мономаха в бармах и венце — одетый шут, т. е. мысль, годная для «Искры»,¹⁴ одета в великолепный костюм. Поучительного ничего я не нашел. Вы мне представляли какую-то картину вечности, — а я имел в виду только навести лоск на старую картину, в которой потухли краски. Словом, я ничего не понял, но руки у меня опустились, труд свой я возненавидел, начал было переписывать его, да со дня того чтения у Гильфердинга подойти к своему столу не могу, чтоб не увидеть там чего-то ненавистного. Сумей я согласить Ваши противоречия между тем, что из уст Ваших слышу и что сердцем чувствую, я бы успокоился. Но между тем и другим такая бездна, что я теряюсь. Уничтожить свой труд не решаюсь, заниматься им более — противно. . . , о вдохновении, для того погребном, речи быть не может. . . Вам не верить — до этого не дошел. Но неужели же в последнем — исход!

Зажмуря глаза, кидаю письмо свое в ящик почтовый. Скорее, скорее, а то раздумую.

Автограф — № 16687/CVII6 8.

Речь идет о стихотворении А. К. Толстого «Змей Тугарин», впервые напечатанном в «Вестнике Европы»¹⁵ под заглавием «Былина». Было ли письмо переписано и отправлено или Майков все же раздумал его послать — неясно.

¹² Речь идет о К. Н. Бестужеве-Рюмине. Гильфердинг был с ним в дружеских отношениях.

¹³ Дата установлена на основании упоминания в письме «былины» А. К. Толстого.

¹⁴ «Искра» — сатирический журнал с карикатурами, выходивший в Петербурге в 1859—1873 гг. Майков не раз являлся объектом его нападок.

¹⁵ 1868, № 2.

Поэт познакомился с И. И. Срезневским еще в первой половине 1850-х годов. Несколько его писем к Срезневскому опубликовано в статье О. И. Срезневской «Художественные произведения И. И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще».¹⁶ Поэт и переводчик Н. В. Берг писал в своих воспоминаниях о лете 1853 г.: «В Петербурге я сошелся ближе с Петром Александровичем Плетневым <...>. Он пригласил меня прожить у него несколько дней на исторической его даче в Лесном <...>. С Плетневым и Изм. Ив. Срезневским (жившим там же, в Лесном, шагах во ста от плетневской дачи) мы ходили пешком в Парголово, к Аполлону Николаевичу Майкову, только что женившемуся».¹⁷

В письме к своему биографу М. Л. Златковскому Майков рассказал о том, как отправился к Срезневскому с первым наброском своего перевода: «Пошел к Срезневскому показать и просить объяснить темные места. Срезневский отказался: сами добивайтесь. Я рассердился, назвал ученых собаками, леж<ащими> на сене, и ушел подзадоренный, твердя про себя: ну так я тебе покажу! и стал читать все к нему относящееся. Соловьева, летописи, все, что писано о „Слове“, сравнивать его с древнейш<ими> памятниками других народов».

4

В. И. Кельсиев — А. Н. Майкову

⟨1867 или 1868⟩

☞ Вы вчера ушли — а мне в чужом пиру похмелье досталось. Сбили Вы меня с толку Вашим чтением, и чем я больше о нем думаю, тем правей Вы мне кажетесь. Терпеть не могу писать писем, но душе невтерпеж приходится — вот какое соображение меня мучит:

СЛОВО О ПЛЪКУ

Почему *слово*? Откуда в русском или в каком славянском *слово*? Ведь это *oratio*, *речь*; это вовсе не то, что *старина*. Уже самое такое заглавие и самое намерение «начяти старыми словесы» указывает на книжника, читавшего похвальные *слова* византийцев. *Слово о стых* отец, *слово* о бедном и богатом Лазаре, *слова* Кирилла Туровского. Если это так, если слово СЛОВО — идет отсюда, то, разумеется, Ваше чтение верно, потому что оно необходимо, и разгадка ритма Вами найдена.

Был бы я здоров и не лежала бы жена — я бы сегодня был у Вас еще и еще толковать об этой поэме.

Весь Ваш

Василий Кельсиев.

Автограф — № 16821/СВИПБМ.

«Ваше чтение» — это чтение предисловия Майкова к переводу. Кельсиев, по-видимому, лишь сформулировал то, что услышал от Майкова. В одном из черновых вариантов предисловия находим такое рассуждение: «Отчего оно названо „Словом“? „Словом“, а не „старинной“? Не ясно ли тут знакомство с „похвальными словами“ византийской литературы, как со „словами“ святых отцов, так и светскими?».¹⁸ Можно предположить, правда, и обратное, — что письмо Кельсиева предшествует этой редакции предисловия. Подобный взгляд на жанр «Слова» был обоснован в наше время И. П. Ереминым в его исследовании «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“».¹⁹ Впоследствии Майков изменил свою точку

¹⁶ Памяти Измаила Ивановича Срезневского, кн. 1. Пгр., 1916.

¹⁷ Посмертные записки Николая Васильевича Берга. — Русская старина, СПб., 1891, № 2, с. 277.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СВИБ 81, л. 119 об.

¹⁹ См.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). — МЛ., 1966, с. 144—163.

зрения, и приведенные выше слова не вошли в окончательную редакцию предисловия. Здесь вообще вопрос о жанре «Слова» прямо не поставлен. Однако на первой же странице читаем: «Перед нами былины явились уже чисто, так сказать, в московской редакции и в этом виде гораздо ближе к нам, чем к „Слову“ < . . . » Но если бы можно было снять с них московский слой, то, я уверен, они оказались бы гораздо ближе к „Слову о полку Игореве“, чем к нам». И дальше: «Одна из таких песен о Дажь-божьих внуках есть „Слово о полку Игореве“. Но и от современных ей былин, при всем своем духовном родстве с ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не в народе, но в другой, высшей сфере общества».²⁰

По поводу слов Кельсиева о «разгадке ритма» следует опять-таки напомнить предисловие к переводу, где Майков указывал: поэма «очевидно, писана, и писана мерною прозой, приспособлявшеюся, вероятно, к пению, по образцу, может быть, церковных канонов и псалмов, только на другие мотивы. Высказываю здесь мое предположение о внешней форме „Слова“, потому что вопрос, как оно писано, прозой или стихами, долго занимал наших критиков и все строили множество догадок: собственно тут ни проза, ни стихи. Мне кажется, что если читать „Слово“ нараспев, то мы более всего подошли бы к настоящему делу».²¹ См. еще л. 117 черного варианта: «. . . поэмы, писанной, так сказать, кованой прозой, и именно писанной, а не сложенной, как складывал Вещий Боян свои песни». Считая, что «Слово» написано «мерной прозой», Майков перевел ее, однако, пятистопным хорсем.

5

В. И. Кельсиев — А. Н. Майкову

«Дата?»

Ни одного текста из писания нет в «Слове» — стало быть, певец был более чем плохой грамотей: если он и был на архиерейском дворе, то книжное учение почти вовсе не усвоил. Он был скорей даровитый гуляка, сумевший петь не по-бояновски, но в то же время, из вражды к тогдашней respectability, не взявший умышленно ни одного текста. Такие личности я видал. . . Подумайте.

Ваш

Кельсиев.

Автограф — № 16821/СVIII6 1.

Майков придерживался иного мнения относительно среды, из которой вышел автор «Слова» (княжеский двор и дружина), и иначе оценивал его «книжное учение»: «Певец, очевидно, уже силен в книжном учении; не чужд, может быть, знакомства с какими-нибудь классическими творениями, — если не из первых рук, то, может быть, чрез своих ближайших предшественников».²² Впрочем, и сам Кельсиев в первом письме называет его «книжником»

6

А. Н. Майков — Ф. И. Буслаеву

«Начало 1870 г.»

Позвольте мне представить Вам оттиск моего перевода «Слова» о П^{олку} Иг^{ореве}, труд, которым я увлекся и над которым проработал четыре года. Подношу Вам его как ученик учителю. Этим я исполняю простой долг благодарности, потому что

²⁰ Заря, 1870, № 1, с. 82, 93.

²¹ Там же, с. 98.

²² Там же, с. 97.

Ваши драгоценные труды, Ваши указания много послужили мне в объяснении темных мест «Слова» и того загадочного для нас мира, откуда оно вышло. Примите мое приношение как дань благодарности за все, что сам получил от трудов Ваших.

Черновой автограф — № 16656/CVIIб 7. Сверху надпись: «Буслаеву».

7

А. Н. Майков — А. Н. Афанасьеву

«Начало 1870 г.»

Я уже раз беспокоил Вас письмом моим. Вы были так добры, что не оставили его без ответа, за который не знаю как Вас благодарить.²³ Теперь же позвольте представить Вам труд, для которого я решился когда-то Вас беспокоить. Каков бы он ни был, но Вы на него можете посмотреть уже как на плод Вашего громадного труда «Воззрения славян на природу». Эти три тома должны войти в плоть и кровь исследователей наших древностей. В этом лабиринте арийских верований и юрист, и историк, и филолог должны найти новые горизонты своей науки, смысл отрывочных фактов. Не могу не вспомнить при этом случае, как один француз, Фюстель de Coulange, воспользовался этим миром для объяснения древнего права в сочинении «La cité antique»,²⁴ — и обидно, право, что никто из наших юристов не последовал его счастливой мысли и не предпринял изучения древнего русского права в обстановке тех религиозных верований, которые давали смысл и содержание всем явлениям жизни! Когда я читал Куланжа, мне так и кидались в глаза совершенно новые выводы и аналогии с русским правом. Неужели оттого, что у нас мало читают? А читают мало! И теперь встречается мне много образцованных людей, которые и понятия не имеют о Ваших «Воззрениях», — впрочем, после моей «одно слово нрзб.» приобретали Вашу книгу и благодарили меня. Я уже не говорю, насколько мне помог Ваш труд при переводе «Слова о полку» и «Гореве»! Вы это увидите сами, если удостоите его прочтения.

Черновой автограф — на том же листке, где письмо к Буслаеву; отделено от него чертой. Адресат не указан, однако он без труда устанавливается благодаря упоминанию исследования А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

Принципы «мифологической школы» оказали большое влияние на Майкова в пору его работы над переводом «Слова о полку Игореве» (см. предисловие к переводу, в котором поэт не раз ссылается на Афанасьева). Впоследствии Майков более критически отзывался о «Поэтических воззрениях», равно как и о немецком «мифологе» Максе Мюллере, — см. его письма к сыновьям 1890—1891 гг.²⁵ Здесь читаем: «Но думаю теперь, и меня не ввела ли в заблуждение теория Макса Миллера о Солнце <...>, нет ли в ней натяжек»; «Но у него <Афанасьева> понятия и образы всего мира <...> приурочены к теории М. Миллера»; «...уж очень узко принятая натяжка на Макс-Миллерову теорию Солнца, без отношения к историческому, частному у каждого народа, элементу».

Публикуемые материалы представляют интерес не только для биографа и исследователя творчества Майкова, но и для истории восприятия и изучения «Слова о полку Игореве» в 1860-е годы.

²³ Ни копия этого письма к Афанасьеву, ни ответ на него Афанасьева в архиве Майкова не сохранились.

²⁴ Речь идет о сочинении знаменитого французского историка Н.-Д. Фюстель де Куланжа (1830—1889 гг.) «La cité antique». В 1867—1868 гг. почти одновременно вышли два русских перевода: Гражданская община античного мира. Исследование о богослужении, праве, учреждениях Греции и Рима. Пер. Е. Корша. М., 1867, а также: Древнее общество. Обзор культуры, права и учреждений Греции и Рима. Пер. Н. Бабкина. СПб., 1867—1868 (в т. 2 этого издания вместо «культы» — «верований»).

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 168, № 17002/CVIIIб 10, письмо от 16 ноября 1890 г. и № 17892г/СХIб 4, л. 97, письмо от 1 августа 1891 г.

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

Из истории переводов «Слова о полку Игореве» на польский язык

(Отзыв С. Н. Палаузова о переводе А. Красинского)

В конце 1856 г. в Петербурге был издан стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» на польский язык, выполненный Адамом Красинским (1810—1891 гг.), известным филологом, участником польского восстания 1863 г. Переводчик в предисловии к своему труду обращал внимание читателя на предпринятые им попытки внести большую ясность в переводимый текст, особо выделив 8 мест. Места эти таковы: 1) замышление, 2) истягну ум. . ., 3) синее вино с трудом смешено, 4) поганых толковин, 5) аки пардуже гнездо, 6) заря свет запала, 7) на канину зелену папо-лому постла, 8) хоботы пашут.¹

Анонимный рецензент в 1857 г. отметил: «Новый, ныне вышедший перевод достоин внимания как попытка между прочим и объяснить темные места». ² Особое внимание рецензент уделил второму, третьему и последнему случаям, оговорив неправильную ссылку Красинского на словарь Ф. Миклошича при толковании слова «хобот».

Однако еще до выхода в свет упомянутой нами рецензии попытки Красинского прояснить смысл некоторых мест древнерусского памятника стали предметом рассмотрения известного историка С. Н. Палаузова (1818—1872 гг.), занимавшего тогда должность чиновника особых поручений при Министерстве народного просвещения. Рассмотрение польского перевода было поручено Палаузову в связи с ходатайством Красинского о поднесении его книги императору Александру II. Приводим текст заключения Палаузова, до сих пор не публиковавшийся.

Господину Министру Народного Просвещения.

Чиновника особых поручений
надворного советника Палаузова.

РАПОРТ

Ваше Высокопревосходительство, поручив мне рассмотрение перевода на польский язык Слова о полку Игоря, приготовленного и изданного каноником Красинским под заглавием: *Pieśń o półku Igora*, изволили приказать вместе с тем представить также и заключение, может ли этот новый перевод нашего древнерусского стихотворения удостоиться чести быть поднесенным Его Императорскому Величеству.

Песнь о полку Игоря была уже два раза переводима на польский язык Гудебским и Белёвским. Новый перевод Красинского превосходит два первые не одним верным

¹ *Pieśń o półku Igora. Starostawiański poemat z XII wieku, przekład ks. Adama Stanisława Krasinśkiego. Petersburg, 1856, s. XII—XIV.*

² ИпоРЯС, т. VI, 1857, вып. 1, с. 80—81.

переложением подлинника, переданного языком легким, облеченным в звучную и изящную форму стиха; но переводчик присоединил к тексту несколько своих примечаний, объясняющие самые трудные и самые темные места этой поэмы. Лучшее критическое издание на русском языке, обогащенное подробными примечаниями и объяснениями, — издание Дубенского (Москва, 1844), — не удовлетворяет объяснениям смысла тех немногих, но темных мест, которые находятся в Слове о полку Игоря и которые весьма удачно объяснены Красинским. Чтобы оценить вполне труд сего последнего с экзегетической точки зрения, осмеливаюсь обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на следующие места.

1. В Слове о полку Игоря Святослав рассказывает сон, виденный им во время болезни, что ему, лежащему на тесовом ложе, подавали синее вино с трудомъ с мѣшено. Слово трудъ в приведенных Дубенским (стр. 119) объяснениях первых издателей «Слова» переводилось: с ядом смешанное. Сам Дубенский затрудняется дать положительного объяснения этому выражению. Красинский приблизился более к истине и открывает, что слово труд есть известная в Малороссии трава конитруд (*gratiola officinalis*), имеющая лекарственное действие во время желудочного расстройства.

2. В том же сне Святослав видит, что на него сыпали тѣщими тулы поганыхъ тлѣковинъ великый жемчугъ на лono, т. е., как передает Дубенский (стр. 121): «сыпали пустыми колчанами из поганых ступ крупный жемчуг на постелю». Слово толковины, ссылаясь на Карамзина, открывшего это выражение в Вольнской летописи, объясняли раковинами, но этим объяснением смысл текста нисколько не выигрывает. Объясняли его также (Дубенский) из языка словацкого и моравского от tuku, чешского tuku, польского tuka, т. е. толку, толчу, но и этим не могли придать смысла подлиннику. Польский же переводчик объясняет слово толковины — заговариванием, волшебством — *zamawiania, guślarstwa*, и что может происходить от слова толковать.

3. По русской земли прострошася половцы аки пардуже гнѣздо — по русской земле рассеялись половцы, словно гнездо барсово (пер. Дубенского, [стр.] 129). Пардужъ почти все издатели «Слова» объясняли словом барс и тут же выставляли сомнение, каким образом зашли парды в русскую землю. Еще Белѣвский отметил это выражение и объяснил его словом куропатка. Порода этих птиц и теперь известна в Малороссии под именем пардва, и сравнение будет живописно верно: половцы рассеялись по русской земле, как куропатки, подвигшись с своего гнезда.

4. Выражение «Слова»: нъ розинося имъ хоботы пашуть — самое темное и необъяснимое в целой поэме. Русские издатели этого памятника в критических к нему примечаниях сами сознаются в трудности объяснить его (Дубенский, стр. 206). По общепринятому толкованию выражение это заключает в себе насмешку, иронию на князей Древней Руси. Пожарский слово хоботы поясняет русским чоботы, и, по его мнению, значит, что, сделавшись могущими (т. е. князья), стали в сапогахъ землю пахать. В общей связи переложение это не будет иметь никакого смысла. Яснее толкование Красинского. Он говорит, что хоботъ — по словарю Миклошича — означает узкую полосу земли и переводит так: розинося, т. е. волю пашут землю оружием Владимира (о котором идет речь), и в переносном смысле значит, что оружие, т. е. сила, мужество, было обращено в плуг, изнеженность мирных условий сельской жизни.

Вообще г. Красинский новым своим переводом имел преимущественно целию внешнюю, изящную обработку «Слова» в польском его переводе, а не критическое издание этого памятника. Но несмотря на это небольшое число новых объяснений, приложенных им к переводу, придают сему последнему еще ббльшую цену, и он вполне может удостоиться высокой чести быть поверженным к стопам Его Императорского Величества.

С. Н. Палаузов.

7 Декабря 1856 г.³

Комментируя рассмотренные С. Н. Палаузовым предположения Адама Красинского, следует сказать следующее.

Konitrud (из *konitrut*, ср. *trutikonь) — слово западнославянское, преимущественно чешское. Означает оно вид губоцветного растения (*gratiola*). В русском и украинском языках оно не зарегистрировано.

Трудъ/трутъ, трждъ 'проказа', 'болезнь', 'порча', 'вред', слово общеславянское. Ср. укр. *отрута* 'яд', 'отрава'.

³ ЦГИА, ф. 735, оп. 4, ед. хр. 130842, л. 1—4.

Таким образом, противоречия с толкованием Дубенского эти данные не представляют: лекарства нельзя противопоставлять яду, все дело в дозировке и цели.

Толковины в значении 'заговоры', 'волшебство' в лексикографии опоры не имеют.

Пардва 'бекас' (Scolopax), 'белая куропатка' (Lagopus); укр. *вісчарик*, *баранець*, *баранчик*, *хавка*.

Слово *хобот* на основании словаря Ф. Миклошича (1850, с. 193) было истолковано Красинским несколько расширительно, но не ошибочно: им была использована многозначность древнегреческого слова *ὄβρα*, указанного лексикографом в качестве соответствия славянскому слову.

На основании рапорта С. Н. Палаузова Александр II в 1856 г., 12 декабря, пожаловал Адаму Красинскому бриллиантовый перстень.⁴

---

⁴ Там же, л. 5. См. также: *Polski Słownik Biograficzny*, t. XV, z. 2 (65), s. 166—168.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Книга академика В. Н. Перетца
«Слово о полку Игоревім —
пам'ятка феодальної України — Русі XII віку»

(К 50-летию издания)

Почти в двухвековой истории изучения «Слова о полку Игореве» важную роль играли монографические исследования памятника, принадлежавшие крупным ученым-филологам. Среди монографий, знаменующих собой существенные этапы в истории изучения «Слова», стоит и книга академика В. Н. Перетца, со времени создания которой прошло столетие. Монография В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве. Памятник феодальной Руси XII века»¹ была закончена автором в 1924 г. и вышла в свет в переводе на украинский язык в 1926 г.² Во вступительной заметке «От автора», датированной сентябрем 1925 г., В. Н. Перетц отмечает итоговый, обобщающий характер этого труда, говоря, что в основе его лежат прочитанные им в Киевском, Ленинградском и Самарском университетах лекции по «Слову» и многолетние исследования стиля древнерусских памятников письменности. Все остальные работы В. Н. Перетца по «Слову о полку Игореве» и хронологически, и тематически группируются вокруг этой книги: они либо предшествуют и сопутствуют ей, либо появились немного позже как дополнения и уточнения к ней.³

¹ Так книга называлась в русском авторском тексте. Рукопись этого текста находилась в архиве В. П. Адриановой-Перетц, который в настоящее время передан в Рукописный отдел ИРЛИ. Цитаты из монографии даются по русскому тексту В. Н. Перетца (все они сверялись с украинским переводом по книге). Далее, при цитировании, в тексте, в скобках, указываются страницы книги.

² В. Перетц. Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. Київ, 1926.

³ В. Н. Перетц. 1) Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Sertum bibliologicum» в честь проф. А. И. Малеева. Пгр., 1922, с. 137—145; 2) К изучению «Слова о полку Игореве». I. Новейшая литература о «Слове» (1911—1923). — ИОРЯС, т. XXVIII, 1924, с. 145—199; 3) К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия; III. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 23—55; 4) К изучению «Слова о полку Игореве». IV. Эпиграфы в «Слове о полку Игореве» и в устной традиции. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, с. 143—204; 5) Адшуканні і нагляданні у беларускай народнай тварчасьці. I. «Слова аб паходзе Ігаравым» і беларуская песенная традыцыя. — Записки аддаелу гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры, Менск, 1928, кн. 2, Працы класы філелегіі, т. I, с. 247—253; 6) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. — В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. — СОРЯС, т. CI, 1928, вып. 3, с. 10—14; 7) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, т. III, 1930, кн. 1, с. 289—309. Отдельные части работы «К изучению „Слова о полку Игореве“» были в 1926 г. изданы вместе отдельной книгой.

Определяя задачи своей монографии, В. Н. Перетц писал: «Многое в этой книге покажется читателю недоговоренным, фрагментарным, слишком лаконически выраженным. Но позволяю себе думать, что обилие фактического материала, дающего повод к выводам и наводящего на размышления, — ценнее праздного и претенциозного красноречия. Я верю, что и учитель, и студент, и просто любитель старины — сумеют извлечь из собранного мною материала то, что облегчит им понимание „Слова“ в исторической перспективе» (с. V). Стремление дать исчерпывающий фактический материал определило построение монографии: одну треть ее объема занимает историко-литературоведческий очерк — исследование «Слова о полку Игореве» как памятника литературы конца XII в., две трети — текст памятника и комментарии к нему.

Издание текста «Слова» В. Н. Перетцем — оригинальный текстологический эксперимент. Основываясь на показаниях лиц, видевших рукопись «Слова», учитывая особенности орфографии первого издания и Екатерининской копии, используя достижения текстологии своих предшественников и свои собственные наблюдения, В. Н. Перетц воспроизводит два текста «Слова о полку Игореве». Один — текст памятника в прочтении исследователя. В основе его лежит первое издание, в которое внесены исправления по данным Екатерининской копии, выпискам из «Слова» в бумагах А. Ф. Малиновского и в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также наиболее убедительные конъектурные поправки. Второй — гипотетический текст «Слова» начала XV в., т. е. тот, который мог читаться в рукописи, предшествующей списку, приобретенному А. И. Мусиным-Пушкиным. Этот гипотетический текст «Слова» по существу повторяет первый, но здесь восстанавливается возможный внешний вид его в рукописи: вводятся написания под титлом, выносные буквы, надстрочные знаки. Он разделен на 38 равных отрывков. С заглавием и концовкой такой текст в рукописи форматом в 8° должен был занимать 19 листов по 18 строк на каждой стороне листа: объем, характерный для полууставных рукописей в 8° начала XV в.

Восстанавливаемый текст начала XV в. весьма гипотетичен, что уже отмечалось в литературе по «Слову»,⁴ но заслуживает внимания как реконструкция не только содержания не дошедшей до нас рукописи, но и ее орфографии, и графического оформления. Публикация представляет собой «трехэтажную» конструкцию: верхняя, бóльшая, часть страницы — реконструируемый текст гипотетического списка «Слова», набранный славянским шрифтом; под ним обычным шрифтом (с сохранением «ѣ» и «і») — «Слово» в прочтении издателя; в подстрочных примечаниях — текстологический аппарат. Необходимо подчеркнуть, что публикация основана на строго научных данных лингвистики, палеографии, текстологии. Для В. Н. Перетца вообще характерен очень осторожный подход к тексту «Слова», он был решительным противником всяких домыслов и фантазий. В статье «Новейшая литература о „Слове“», рассматривая «Материалы и заметки по древнерусской литературе» А. И. Соболевского, В. Н. Перетц, в частности, писал: «Мнение почтенного автора замечаний об обилии пропусков в дошедшем до нас тексте „Слова“ кажется нам несколько преувеличенным. Нам кажется, что лучше — не следуя за скептическими взглядами Потехина — стараться понять то, что дает нам текст „Слова“, чем гадать о том, чего в нем нет».⁵ Следует особо от-

⁴ См.: Н. К. Гудзвй. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 46—48.

⁵ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». I. Новейшая литература о «Слове», с. 9.

метить, что все изменения в тексте памятника не только существенно конъектурного характера, но и чисто орфографические имеют в подстрочном аппарате указание на авторов предложенных чтений. Например, заменяя слово первого издания и Екатеринбургской копии «который» на «который» (во фразе «Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи: которыи дотечаше»), он отмечает, что это прочтение было предложено Вс. Миллером. Такого рода отметки характеризуют не только научную щепетильность и добросовестность исследователя, но и дают наглядное представление об истории текстологии «Слова». Можно только сожалеть, что в последующих изданиях этот принцип не соблюдался с такой педантичностью, как в книге В. Н. Перетца: исправления типа приведенного отмечались, но авторство таких исправлений не обозначалось. В статье 1947 г. «„Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении» И. П. Еремин, охарактеризовав текстологический эксперимент В. Н. Перетца как безупречный, отмечал, что издание текста «Слова» В. Н. Перетца представляло собой «исчерпывающий свод всего того, что было сделано в этом направлении русской филологической наукой».⁶

За прошедшие столетия после выхода в свет книги В. Н. Перетца изучение «Слова» ушло далеко вперед, собрана масса новых материалов, расширяющих наше представление о реалиях «Слова», об упоминаемых в нем исторических лицах и событиях, о языке памятника. Однако, несмотря на это, свод комментариев к «Слову» в книге В. Н. Перетца не потерял своего значения и сегодня. В 1929 г. Г. Ильинский в рецензии на книгу В. Н. Перетца писал: «Автор... сделал опыт нового строго критического и методического издания памятника, осветив почти каждое слово его текста подробным комментарием. В результате автор дал русской науке давно желанную энциклопедию „Слова о полку Игореве“, как бы *summa summagum* продолжающей расти как снежная лавина литературы о драгоценном памятнике, и потому эта книга будет долго служить незаменимым справочным пособием не только по вопросам, касающимся самого „Слова“ и его текста, но и по многим другим, более или менее смежным проблемам и памятникам древнерусского книжного и устного творчества».⁷ И сегодня, наряду с лучшими последними комментированными изданиями «Слова о полку Игореве», книга В. Н. Перетца остается энциклопедией памятника, и каждый его исследователь и издатель обращается к ней. В. Н. Перетц в своей книге не только собрал все имевшиеся к тому времени в литературе комментарии и толкования «Слова», но дал и свои собственные изыскания. Наиболее ценной частью его комментариев явились многочисленные стилистические и языковые параллели к «Слову» из древнерусских оригинальных и переводных памятников и фольклорных текстов. Большое значение и важность этой особенности комментариев В. Н. Перетца прекрасно почувствовал Г. Ильинский, который писал в названной выше рецензии: «Благодаря этим сопоставлениям отныне для редкой фразы или выражения „Слова“ нельзя будет указать более или менее точного эквивалента в других писанных и устных памятниках русской литературы. Все же параллели, взятые вместе, доказывают, что поэтический стиль „Слова“ гораздо менее оригинален, чем полагали до сих пор, и что он тысячами нитей связан со многими произведениями предшествующей и современной ему литературы. А если так, то должны окончательно потерять почву все еще изредка появляющиеся в научных сочинениях подозрения насчет подлинности

⁶ ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 16.

⁷ Г. И л ь и н с к и й. Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве». (По поводу труда академика В. Н. Перетца). — *Slavia*, роѣ. VIII, 1929, љ. 3, s. 649—650.

„Слова“». ⁸ Продолжением и развитием этой проблемы, по существу впервые широко поставленной и научно обоснованной в книге В. Н. Перетца, явились работы по «Слову» В. П. Адриановой-Перетц — ее статья «Фразеология и лексика „Слова о полку Игореве“»⁹ и книга «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков».¹⁰

Читателей книги В. Н. Перетца прежде всего и более всего интересовал свод комментариев, что отодвинуло на второй план начальную часть книги, скромно озаглавленную вступлением — «Вступ». А между тем, этот раздел книги, несмотря на свой сжатый характер, является обобщением многолетних занятий ученого «Словом о полку Игореве» и отражает состояние науки о «Слове» в 20-е годы нынешнего столетия. «Вступление», основанное на обширных исторических и филологических материалах, собранных в книге в своде комментариев, рассматривает целый ряд вопросов литературной истории памятника.

В. Н. Перетц уделяет много внимания текстологии «Слова о полку Игореве», истории открытия рукописи, датировке погибшего Мусин-Пушкинского списка, точности воспроизведения древнерусского текста в первом издании и Екатерининской копии (параграфы: второй — «Як „Слово“ відкрито», третий — «Коли написано рукопис „Слова“», четвертый — «Точність вид. 1800 р. та Катер. копії»). Исследователь подчеркивает, что открытие рукописи «Слова» в конце XVIII—начале XIX в. объясняется не только счастливой случайностью, но и исторической закономерностью. Именно в этот период возникает широкий интерес к прошлому русской истории, развивается бурная собирательская деятельность. Сравнивая данные о времени списка «Слова», приведенные видевшими рукопись, с орфографическими особенностями ее, о которых можно судить по первому изданию и Екатерининской копии, В. Н. Перетц датирует Мусин-Пушкинский список началом XVI в.

С проблемой рукописи «Слова» тесно связан вопрос о рукописной традиции памятника в древности, чему посвящен пятый параграф «Вступления» — «Доля „Слова“ в рукописній традиції». В. Н. Перетц считает, что списков «Слова» существовало немного, о чем свидетельствует единственность дошедшего до нас списка. Но отражение знакомства в древнерусской письменности со «Словом о полку Игореве» все же говорит о бытовании в древности нескольких списков произведения. В. Н. Перетц полагает, что, кроме приписки к Псковскому Апостолу 1307 г. и «Задонщины», бесспорно отразивших текст «Слова», «Слово о полку Игореве» повлияло на рассказ Ипатьевской летописи о походе Игоря. По его мнению, запись Псковской I летописи под 1514 г. о битве под Оршей, построенная на тексте «Задонщины», некоторыми оборотами свидетельствует о том, что автор этой записи знал и «Слово». Можно предполагать отражение знакомства с текстом «Слова» в одной из редакций Жития Александра Невского (редакции Василия-Варлаама). В одном, в настоящее время неизвестно где находящемся, списке «Моления» Даниила Заточника также нашел отражение текст «Слова». Сопоставление заимствований из «Слова о полку Игореве» в древнерусских памятниках с дошедшим до нас текстом «Слова» дает В. Н. Перетцу основание утверждать, что в известных нам памятниках были использованы такие списки, в которых имелись разночтения по сравнению с Мусин-Пушкинским списком.

⁸ Там же, с. 650—651.

⁹ В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 13—126.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

Теме «„Слово о полку Игореве“ и фольклор» посвящен десятый параграф «Вступления» — «„Слово“ и народная словесность». В. Н. Перетц убедительно показал, что в ряде случаев отдельные пассажи «Слова о полку Игореве», обычно объяснявшиеся влиянием на него устной поэтики, совпадают с приемами произведений книжной традиции. Вместе с тем исследователь охарактеризовал как «неотразимый аргумент» «факт действительного совпадения стилистических элементов „Слова“ с такими же в живой народной песне» (с. 65). Совпадения эти, как он считал, должны объясняться воздействием памятников письменности на народную песню: «„Слово“ (и м. б. недошедшие и сходные с ним памятники Древней Руси) в течение веков непосредственно или через посредство ряда подражаний (вспомним о Сказании и Поведении о Мамаевом побоище, повести об Азове, повести князя Катырева-Ростовского о смуте) передавало свою поэтическую фразеологию народному, устному творчеству» (с. 67). Для научных построений В. Н. Перетца было характерно преувеличение влияния книжной традиции на устную, что дало основание критикам¹¹ усмотреть в его концепции отражение теории аристократического происхождения фольклора, сторонником которой он на самом деле никогда не был.

В. Н. Перетц выступал против гипотезы об устном происхождении «Слова», опровергая всем собранным материалом утверждения тех, кто считал «Слово» записью устно-эпической поэмы. В настоящее время тот факт, что «Слово о полку Игореве» — памятник литературного творчества, — общепризнанная истина, не могущая вызвать сколько-нибудь серьезных возражений. И в данном вопросе В. Н. Перетц оказался абсолютно прав. Вместе с тем, преувеличивая роль книжной традиции в развитии песенного творчества, придавая огромное значение книжной традиции в поэтике «Слова», В. Н. Перетц отнюдь не отрицал и воздействия на «Слово» традиции устно-поэтической. Он говорит о том, что «Слову» предшествовали и сопутствовали устно-эпические похвальные песнопения, прославлявшие подвиги и деяния князей, и книжно-героические воинские повести. В «Слове» нашли отражение — писал он — традиции «литературных памятников, с одной стороны, и с другой — запаса преданий о походах и междуусобиях, без которого невозможны были те эпизоды „Слова“, где повествуется об Олеге Святославиче, Всеславе и ряде других героев своего времени» (с. 60).

Очень существенным в методологическом отношении являлось требование В. Н. Перетца учитывать то обстоятельство, что произведение XII столетия сопоставляется с фольклорными текстами в записях XVIII—XIX вв. Это напоминание заставило исследователей осторожнее подходить к сопоставлениям «Слова о полку Игореве» с фольклорными текстами, глубже заняться рассмотрением вопросов о возможном виде устного народного творчества в древний период. Все это, бесспорно, сыграло важную роль в дальнейшей разработке вопроса о связи «Слова о полку Игореве» с устным народным творчеством.

Нельзя, наконец, не отметить, что и в комментариях к книге, и в статье «Эпитеты в „Слове о полку Игореве“ и в устной традиции» исследователем был собран богатейший материал параллелей из устного творчества к тексту «Слова», которым пользовались и пользуются до сих пор все, затрагивающие вопрос о связи «Слова» с фольклором, в том числе и критики В. Н. Перетца.

¹¹ См.: Ю. Соколов. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Литературный критик, 1938, № 5, с. 85; Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 286—293.

С проблемой взаимоотношения «Слова» с устным народным творчеством тесно связан вопрос о языческих богах в «Слове о полку Игореве». Ему уделено внимание в одиннадцатом параграфе книги «Поганські боги в „Слові“». В. Н. Перетц не согласен с точкой зрения сторонников мифологической школы, преувеличивавших значение мифологической стороны «Слова». Предположение о том, что «в конце XII века, спустя два столетия по принятии христианства, верхний класс общества сохранял еще веру в древних богов», он характеризует как «большую натяжку» (с. 70). По мнению В. Н. Перетца, к этому времени «языческое прошлое стало уже достоянием истории: боги — не бесы и не чудища» (с. 72). Остановившаяся на взглядах по этой проблеме Е. В. Барсова, В. Н. Перетц пишет: «По-видимому, Барсов готов зачислить и этого автора (т. е. автора «Слова», — Л. Д.) в разряд „двоеверных“ людей, приобщившихся к христианству, но не порвавших окончательно с язычеством. Может быть, такое толкование и правдоподобно, психологически и эстетически, но, к сожалению, в пользу его нельзя собрать никаких документальных данных и даже сколько-нибудь прочных аналогий» (с. 74). Столь решительное утверждение В. Н. Перетца не может быть принято безоговорочно. В опубликованной посмертно в ТОДРЛ статье В. Л. Комаровича «Культе рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.»¹² приведены интересные материалы, показывающие сохранение в междукняжеских отношениях включительно по XIII столетие каких-то элементов языческих верований. Но, видимо, можно говорить именно лишь о элементах, пережитках двоеверия в высших слоях общества XI—XIII вв., а не о самом двоеверии.

Принимая во внимание бесспорно высокую культуру автора «Слова», его книжную образованность, мы должны рассматривать вопрос о языческих богах очень осторожно. В. Н. Перетц неправ, отвергая всякую возможность проявления двоеверия у автора «Слова», но столь же неверно видеть в языческих богах «Слова» только двоеверие его автора, считать плач Ярославны языческим по своей сути заклинанием. Авторские пассажи в «Слове о полку Игореве» о Дажбожьих внуках, веках Трояна, ветрах — Стрибожьих внуках, обращения к силам природы в плаче Ярославны носили скорее поэтический характер, но отнюдь не отражали язычески-ритуальных воззрений автора. Во всяком случае, при рассмотрении вопроса о языческих элементах в «Слове о полку Игореве» необходимо считаться с соображениями по этому вопросу В. Н. Перетца, — они не потеряли своего значения и теперь.

* В монографии вопрос о связи «Слова о полку Игореве» с библейскими текстами не рассматривается. Но в разделе комментариев приведено большое число лексических и стилистических параллелей к тексту «Слова» из древнейших славяно-русских переводных библейских книг. На основе этих и дополнительно собранных материалов В. Н. Перетц написал несколько статей, посвященных проблеме соотношения текста «Слова о полку Игореве» с текстами библейских книг.¹³ Кратко охарактеризуем взгляды ученого на этот важный и до него, по существу, не ставившийся в науке вопрос.

В статье 1930 г. «„Слово о полку Игореве“ и древнеславянский перевод библейских книг», подводившей итоги разысканий ученого по этой проблеме, В. Н. Перетц писал, что в результате своих наблюдений он пришел к выводу, «что, кроме библейской лексики, кроме отдельных, случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и веро-

¹² ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 84—104.

¹³ См. выше, прим. 3.

ваний, в „Слове“ нашли себе место и другие библейские мотивы, которые по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора „Слова“.¹⁴ Вывод этот представляется слишком категоричным, и, по-видимому, ученый был ближе к истине в более ранних статьях на эту тему, в которых он писал об ограниченном круге совпадений между «Словом» и библейской литературой. Не все обнаруженные В. Н. Перетцем параллели убедительны, но в большинстве приводимых им сопоставлений нельзя не видеть явных совпадений между отдельными пассажами, образами «Слова» и текстами древних переводов библейских книг.¹⁵ Параллели эти едва ли могут свидетельствовать о том, что перед нами заимствования в «Слове» библейской лексики и образности, но они убедительно показывают, что целый ряд поэтических фигур и образов «Слова», имея оригинальное самостоятельное значение, входят как закономерное явление в поэтическую систему своей эпохи. Это помогает глубже вникнуть в поэтику «Слова» и подтверждает древность памятника.

Как для монографии о «Слове о полку Игореве», так и для всех статей В. Н. Перетца по «Слову» характерен строгий научный подход к решению вопросов литературной истории произведения. В. Н. Перетц справедливо критиковал целый ряд исследований «Слова о полку Игореве» за наличие в них чисто эмоциональных заключений и высказываний, основанных не на научных доказательствах, а на субъективных впечатлениях. Требование полной объективности, строгой научной обоснованности выдвигаемых гипотез, особенно по отношению к «Слову о полку Игореве», актуально и сейчас. Разумеется, с рядом положений, выдвинутых в монографии и статьях В. Н. Перетца, в настоящее время мы согласиться не можем. Но эти несогласия — результат развития науки, они не умаляют значения книги В. Н. Перетца и других его трудов по «Слову о полку Игореве». И обращение к работам В. Н. Перетца по «Слову» не только за фактическими справками, но и по существу затрагиваемых в них вопросов побуждает более пристально взглянуть на целый ряд, казалось бы, окончательно решенных положений, дает толчок к новым поискам.

Среди специалистов по «Слову о полку Игореве» не раз возникало предложение переиздать книгу В. Н. Перетца, как наиболее исчерпывающий свод комментариев к «Слову». Едва ли, однако, было бы сейчас целесообразным переиздавать этот труд. За время, прошедшее после выхода его из печати, в области комментирования было сделано очень много нового, и назрела необходимость создания нового полного свода всех имеющихся комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» со дня выхода в свет первого издания по настоящее время. Фактической и методической основой для такого рода издания должна послужить книга В. Н. Перетца.

¹⁴ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг, с. 307—308.

¹⁵ Приведу несколько примеров из В. Н. Перетца, чтобы проиллюстрировать их убедительность. К фразе «Слова» «. . . и стягну умь крѣпостию своею» в параллель приведены такие библейские тексты: «Бог препоясай мя силою», «препоясал мя еси силою на брань» (оба примера из Псалтыри); «препоясавшися в чресла помышления вашего» (из Послания ап. Петра); «немощнии препоясашася силою» (из Книги «Судей»). К фразе «Слова» «Древо съ тугою къ земли приклонилось» дается следующий текст из Книги пророка Иезекииля: «Съмрчеся о нем (царе египетском) дуброва и вся древа польская о нем раслабшася». К «Уныша бо градомъ забрала» — «плачите въплююще врата градная» (из Исайи); «Възпи сердце их к господеву, забрала Слоня да излеют, яко водоточиа, слезы день и ночь» (плач Иеремии), и т. п.

Г. М. ПРОХОРОВ

**Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита
в древнерусской литературе
(Проблемы и задачи изучения)**

1. В 1371 г. на Балканах инок Исая закончил свой перевод с греческого языка на славянский корпуса сочинений, приписываемых Дионисию Ареопагиту (ученику апостола Павла, первому афинскому епископу), с комментариями к ним Максима Исповедника, предпринятый им по «принуждению» митрополита сербского Феодосия. В своем замечательном предисловии¹ Исая пишет: «Бою же ся рещи, яко аз преложих свягата Дионисиа», говорит о «тяжести прелагания» с греческого «в наш язык», вспоминает о добрых временах, «егда божественныя убо церкви и Свягата Гора раеви подобне цветяху, яко же некий сад при источницех присно напаяем», — когда он начинал свой перевод, и рассказывает о наступлении «злейшего всех злых времен» — речь идет о завоевании Сербии турками, — когда он заканчивал «преложение».

Проблема первая: почему именно в третьей четверти XIV в. возникла потребность в такой неоглядной и сверхтрудной работе, как этот перевод? Почему — не раньше и не позже?

2. Еще в XIV в. или в самом начале XV в. перевод инокa Исая сделан известен на Руси. Древнейший из сохранившихся русских его списков — это: ГБЛ, МДА фонд. (ф. 173), № 144, 429 бум. л. — выполнен рукой митрополита Киприана (стало быть, до 1406 г., года его смерти). Письмо здесь гораздо более небрежно, чем в Лествице 1387 г. (ГБЛ, МДА фонд., № 152), где Киприан явно подражает щеголеватой греческой каллиграфии, но более аккуратно, чем в им же написанной Псалтири с воследованием (ГБЛ, МДА фонд., № 142).

Предисловия Исая в Киприановом списке нет, но перевод здесь Исая.

Текст Дионисия Ареопагита, выделяемый колонкой «запятых» на полях и словом «Лежащее» (перевод греческого *κείμενον*), идет попеременно с комментариями Максима Исповедника, помечаемыми словом «Толкование»; отыскать соответствующие места текста и комментария помогает цифровая разметка.

В списке Киприана часто попадаются разного рода и характера маргиналии. Многие из них принадлежат к числу толкований Максима Исповедника: когда они не очень велики, Киприан помещает их на полях рядом с толкуемым местом. В комментариях встречаются и чертежи, иллюстрирующие мысль: по большей части это — нисходящие из одной точки линии (перевернутый веер), поясняющие деление рода на виды, например деление «сущих» на «неживотных» и «живых»; живых — на «бесловесных

¹ См.: Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссиею. I. Великие Минеи Четии, октябрь 1—3. СПб., 1870, стлб. 263—266.

и по (т. е. ниже, — Г. П.) нас» (животных), словесных «в теле» (людей) и «бесплотных и паче (т. е. выше, — Г. П.) нас» (ангелов) (л. 26 рукописи). Многие из маргиналий можно принять за принадлежащие писцу-митрополиту; так, Леонид, автор описания рукописей Московской духовной академии, пишет о Киприановом списке сочинений Дионисия Ареопагита: «...на полях много примечаний митр. Киприана, в которых или объясняется смысл речи, или значение слов».² На верхнем поле л. 65 об., например, читаем: «скутавати — рекше покрывати»; на нижнем поле л. 155: «В сем тлъковании являет, яко вещь (вещью называется здесь материя в самом широком смысле, — Г. П.) не преднаста, потом же от нее бог сътвори виды, но въкупе — вещь и виды. Точию премудрыи словом едином вещь предзрят одн(у)»; на л. 422 об.: «Киклади глаголетъ Окружныя острове». Примеров таких можно было бы привести множество.

3. В ГПБ сохраняется другой, еще более ранний, чем Киприанов, список сочинений Дионисия Ареопагита — Гильф., № 46, 1°, 368 л. Это сербская рукопись XIV в., происходящая, как показывают записи 1579, 1711 гг. и XIX в. на листах, наклеенных с внутренней стороны на крышки переплета, из Монастыря архангелов Михаила и Гавриила в г. Колашине (Герцеговина). Список замечателен прежде всего датировкой водяного знака («змея») его бумаги — 1370—1371 гг.³: сам перевод, как мы помним, был завершен Исайей в 1371 г. По-видимому, это одна из ближайших по времени копий к переводчицкому оригиналу, к списку самого Исайи (ведь должен же был таковой существовать!).

Замечательна эта рукопись и в другом отношении — размещением текста Дионисия Ареопагита и текста комментариев: первый написан крупно, в столбец, захватывающий две трети рабочего пространства страницы, второй помещен на оставшейся трети у наружного края листа, написан тем же почерком, но гораздо мельче. Потому здесь, — в отличие даже от списка митрополита Киприана, не говоря уж о более поздних копиях, — невозможно спутать комментарий и комментируемое и очень легко найти, что к чему относится. Соответствующие места там и тут располагаются, как правило, рядом и аккуратно размечены буквенной цифирью. Иногда комментарий продолжается на нижнем поле страницы (см., например, л. 15 об., 165 об., 231 об.), иногда — особенно в конце глав или в конце произведений — распространяется на всю ширину рабочей части страницы, следуя за комментируемым текстом (см., например, л. 19 об.—20, 20 об.—21, 21 об.—22, 30 об.—31 об.). Но благодаря тому, что и в этих случаях (т. е. всегда) комментарий написан значительно более мелко, чем сам текст, не различить их невозможно.

Одной из основных, самых насущных задач, связанных с корпусом сочинений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита, в древнерусской литературе, точнее — в славянских литературах, является издание Исайино перевода. Существующее сейчас издание его в составе Великих Минеи Четиих митрополита Макария⁴ выполнено по поздним для этого перевода спискам (XVI в.) и в высшей степени трудно для восприятия, — потому в первую очередь, что комментарии Максима Исповедника напечатаны так, как и написаны в положенных в основу издания рукописях, вперемежку с текстом Дионисия, разрывая его зачастую посреди фразы.

² Леонид, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 2. М., 1887, с. 33.

³ В. А. Мошин. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга в Государственной Публичной библиотеке. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 414.

⁴ ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 266—787.

Печатать надо в два столбца, применяя для толкований Максима Исповедника более узкую колонку и более мелкий шрифт, как это сделано в рукописи ГПБ, Гильф., № 46. В «подвале», в примечаниях, следует, когда это необходимо для понимания, приводить выражение греческого оригинала и давать его перевод на современный русский язык.

4. В списке ГПБ, Гильф., № 46, на полях встречаются, как правило, небольшие и мелко написанные той же, что и вся книга, рукой заметки. Сравнивая их с маргиналиями Киприанова списка, убеждаемся в их тождестве. Значит, они не принадлежат Киприану, а восходят либо к переводчику Исае, либо еще дальше — к грекам. Несколько примеров таких заметок: «Събрание (имеется в виду *συλλογισμός* — «силлогизм», — Г. П.) разумей zde еже от любопремудрець глаголемо» (МДА, № 144, л. 66 об.; Гильф., № 46, л. 52); «Творит в вещи, в древе рекше, одр или стол: древо — вещь, вид — стол и одър» (МДА, № 144, л. 108 об.; Гильф., № 46, л. 89); «Храм бо покрова ради бывает, покров же храма не отлучается» (МДА, № 144, л. 145; Гильф., № 46, л. 121); «Добраа, рекше, одежда, храмове и инаа многоразличнаа добраа» (МДА, № 144, л. 168; Гильф., № 46, л. 139 об.). Заметок таких в целом очень много, некоторые из них предельно кратки («брехателно» — МДА, № 144, л. 175; Гильф., № 46, л. 144 об.), другие весьма пространны (к примеру: «Аще ли же и повинет кто о ком, глаголя: есть нечто от сущих лъжа, — тъмно и тънко будет, а негли будет. Аще бо кто то речет козлоелене быти, аще и мнитса некако бысть, поистине лъжа есть. Лъжа же, явившеся, разрушися, и с вещью, рекше козлоеленом: ни бо есть козлоелен, ни же бысть; и действием бо и чювением лъжа есть», — МДА, № 144, л. 174; Гильф., № 46, л. 143 об.). В издании все эти маргиналии (кстати сказать, в списке Гильф., № 46, их больше, чем в Киприановом, — МДА, № 144) следовало бы воспроизводить тоже на полях, т. е. не объединяя с комментарием, поскольку многие из них являются комментарием к Максиму комментарию.

Несколько листов в начале рукописи Гильф., № 46, утрачено; текст начинается сразу со второй главы сочинения «О небесном священноначалии». Потому невозможно сказать, открывался ли этот список предисловием переводчика.

5. Согласно краткому обзору собрания рукописей Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко (ХГНБ), там сейчас находится манускрипт самого переводчика Исаи — «сборник творений Дионисия Архопагита 1371 г., принадлежавший сербскому иноку Исае», — ХГНБ, № 819168.⁵ Умозаключение о принадлежности рукописи иноку Исае сделано было, однако же, только на основании присутствия в ней переводчицкого предисловия, — Н. П. Жинкин принял его за приписку, стало быть, за автограф переводчика. На деле рукопись датируется водяным знаком бумаги («голова быка», по альбому Н. П. Лихачева, № 1173, 1174—1492 г., № 3516 — 1473 г., № 3517 — 1481 г.; по альбому Брике, типа № 14802 — 1476 г.), последней четвертью XV в.

6. Исайин перевод Дионисия Архопагита с толкованиями Максима Исповедника получил на Руси большее распространение, чем можно было бы предполагать, учитывая крайнюю сложность и порой затемненность — особенно в буквальном славянском переложении — смысла этих

⁵ См.: Н. П. Жинкин. Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 577; известие Н. П. Жинкина повторяет «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР», — см.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 218.

текстов. Весьма любопытно и то, что со временем интерес к произведениям Ареопагита не уменьшался на Руси, а возрастал, и довольно резко. Собрания рукописей ГБЛ, ГИМ и БАН насчитывают 4 списка XV в.,⁶ 11 списков XVI в.,⁷ 23 (!) списка XVII в.,⁸ 6 списков XVIII в.⁹ и три списка XIX в.¹⁰

К этому следует прибавить, что в 1675 г. монахом Чудова монастыря Евфимием корпус сочинений Дионисия Ареопагита был переведен заново и подготовлен к печати, но почему-то так и не напечатан (хранится в Синодальном собрании рукописей). Сто с лишним лет спустя монахом Моисеем был сделан и издан в Москве новый перевод книг «О небесном священноначалии» и «О церковном священноначалии» (в 1787 г.). В 1825 г. в журнале «Христианское чтение» (№ XX) было издано сочинение «О таинственном богословии». В XIX в. эти сочинения неоднократно переиздавались; неизданным на русском языке остался лишь трактат «Об именах божиих», самый большой и трудный.

7. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита составляют книги «О небесной иерархии» (или — «священноначалии»), «О божественных именах» (или «Об именах божиих»), «О церковной иерархии» (в славянском переводе: «О церковническом священноначалии»), «О таинственном богословии» и 10 посланий к разным лицам.

В тексте этих существующих произведений встречаются упоминания о других, неизвестных нам, сочинениях того же автора: «О ангельских свойствах и чинах», «О душе», «О праведном и божественном оправдании», «О божественных гимнах» (в славянском переводе — «песнях»), «Об умных же и чувственных», «О богословских образах» («О богословных подыображениях»), «Об образном богословии» и «О символическом (или «знаменательном») богословии».

Книги «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» можно рассматривать как одну группу, а книги «О божественных именах» и «О таинственном богословии» — как другую; перед сочинением «О божественных именах» должно было находиться сочинение «О богословных подыображениях», а за ним, как ясно из его окончания, должно было следовать сочинение «О символическом богословии», о котором мы знаем также из Послания к Титу-иерарху (§ 1).

8. Те сочинения с именем Дионисия Ареопагита, что дошли до нас, стали известны в 532 г. в Константинополе на частном соборе: на них как на сочинения в высшей степени авторитетного автора сделали ссылку североане (умеренные монофизиты). Председательствовавший на этом соборе эфесский епископ Ипатий усомнился в их подлинности. С тех пор и по наши дни сомнение — сомнение в том, что они действительно написаны упомянутым в Деяниях апостолов (XVII, 34) Дионисием Ареопагитом, — неотвязный спутник этих произведений.

Основания для сомнений практически не меняются. Состоят они, коротко говоря, в следующем. Во-первых, сочинений Дионисия Ареопагита не знали писатели первых пяти веков, в том числе Евсевий и Иеро-

⁶ ГИМ, Воскр., № 75, 76; Увар., № 264 (162); ГБЛ, ф. 256, № 93 (1491 г.).

⁷ ГИМ, Барс., № 211; Муз., № 3457, 3465; Увар., № 263 (163, 47), 520 (165); Чуд., № 203; ГБЛ, ф. 304, № 123; ф. 310, № 178; БАН, Устюжск., № 7, 9; 31.6.24.

⁸ ГИМ, Един., № 4 (1637 г.); Увар., № 368 (164, 49), 50 (166); Барс., № 212, 213; Синод., № 54, 55; Усп., № 10, 11; Чуд., № 204; Хлуд., № 51; ГБЛ, Опт., № 478; Муз., № 479, 480, 4437, 9190, 1345, 9069, 4842; БАН, Арханг., № 435; Устюжск., № 8; Арх.-С., № 126.

⁹ ГИМ, Сим., № 5; Епарх., № 236; ГБЛ, ф. 178, № 1345; Шибан., № 7; БАН, 45.13.14; Арханг., № 436.

¹⁰ ГИМ, Сим., № 6 (1828—1829 гг.), № 1 (1831 г.); ГБЛ, Опт., № 479.

ним, которые, как считают, имели случай их упомянуть и упомянули бы, если бы были с ними знакомы. Во-вторых, трудно отождествить некоторых из упоминаемых Дионисием Ареопагитом (так я буду продолжать называть этого автора) лиц: он часто говорит как о в высшей степени уважаемом им и широкоизвестном учителе о некоем Иерофее и иногда цитирует его; упоминает он также неких Иуста и Варфоломея; ниоткуда больше эти лица неизвестны. Тимофея, ученика и спутника ап. Павла, автор называет ταις — «чадо», Тимофей, между тем, стал христианином прежде Дионисия Ареопагита и ко времени написания книг, в которых он упоминается, должен был находиться в зрелых, если не в преклонных годах. В-третьих, Дионисий Ареопагит знает Апокалипсис и Евангелие от Иоанна, написанные, когда он, т. е. реальный Дионисий Ареопагит, должен был быть глубоким стариком (точно время его смерти неизвестно: около 95 г., при императоре Домициане, или около 120 г., при императоре Адриане); обнаруживается у него также цитата из Послания Игнатия Богоносца к римлянам («любовь моя распялась»), написанного не раньше 107—115 гг. В-четвертых, в книге «О церковной иерархии» автор рассказывает о древних учителях и древних преданиях, между тем как если он действительно Дионисий Ареопагит, то он — современник первых христиан. В-пятых, в том, что автор говорит об устройстве храмов, о богослужении, обрядах, церковнослужителях и монахах (он часто называет их, как Филон Александрийский, «терапевтами»), усматривают немало черт более позднего времени. В-шестых, столь же анахронической, возможной только в значительно более позднее время, чем I—начало II в., кажется полнота и разработанность богословско-философской системы Ареопагита; считают, что «таких сочинений, каковы ареопагитские, в первом и начале второго века писать было еще не для кого».¹¹ В-седьмых, очень сложный, индивидуально-своеобразный, смелый и изысканный язык этих произведений плохо увязывается с литературой эпохи Дионисия Ареопагита — как христианской, так и языческой. Подозрительно использование богословских терминов, которые стали употребительными с III—IV вв. И, наконец, в сочинениях Дионисия Ареопагита усматриваются не только идейные, но и текстуальные совпадения с «Первоосновами теологии» язычника-неоплатоника V в. Прокла. Все это побудило называть интересующего нас автора П с е в д о - Д и о н и с и е м Ареопагитом и считать его писателем второй половины V в., пытавшимся совместить неоплатонизм с христианством.

Ортодоксальность автора, впрочем, вне сомнений: «Что касается до религиозной системы ареопагитских сочинений, то в ней все очевидно ложные и противные христианскому понятия устранены. Так, в ареопагитских сочинениях мир представляется непосредственным творением бога; материя не признается причиною и источником зла; признается воскресение тел, и тело не почитается источником зла и греха в человеке; правильно, хотя и кратко, раскрывается учение о св. Троице, о воплощении Сына божия и прочем. Все вообще религиозное воззрение их писателя чисто христианское и православное. Но так как писатель, по-видимому, не успел освободиться из-под влияния неоплатонической философии, то его изложение некоторых частных предметов христианского учения носит явные следы влияния оной».¹²

Но, помимо особенностей «изложения некоторых частных предметов христианского вероучения», — безразлично, живи автор ареопагитских

¹¹ И. Смирнов. Русская литература о сочинениях с именем св. Дионисия Ареопагита. — Православное обозрение, М., 1872, с. 855.

¹² Там же, с. 869.

сочинений в I—II вв. или в V в., — эти произведения — произведения переходной эпохи, они обладают таким общим качеством, которое возбуждает к ним особенный интерес именно в переходные эпохи. Известно их влияние на таких мыслителей, как Иоанн Скотт Эригена, Николай Кузанский, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола. Не случаен, конечно, резкий рост интереса к Дионисию Ареопагиту в православных странах в XIV в., в эпоху исихастских споров: и Варлаам Калабрийский, противник мистиков-исихастов, и Григорий Палама, их защитник, — оба они постоянно ссылались на «божественного Дионисия», цитировали его, искали в нем опору для своих прямо противоположных утверждений. Кризисная эпоха «византийского гуманизма», «христианского гуманизма», «предвозрождения» и одновременно «православного возрождения» окрашена сильнейшим влиянием сочинений Дионисия Ареопагита; и именно в это время возникает потребность в переводе их на славянский язык и они получают доступ к новой громадной читательской аудитории. Следующий «пик» интереса к ним — уже на Руси — приходится, как показывает приведенный мною выше обзор русских их списков, на следующую, переходную, идеологически-кризисную эпоху — XVII век.

Сочинения с именем Дионисия Ареопагита — явление особое и значительное в общеевропейской культуре, и поэтому историки древнерусской культуры не должны и впредь оставлять без внимания и обсуждения сам факт их появления и присутствия в древнерусской литературе. Это — едва ли не важнейшая, связанная с Ареопагитом, задача славистов-медиевистов.

9. Хотя сомнения в авторстве Дионисия Ареопагита возникли, как я уже сказал, одновременно с открытием приписываемых ему сочинений в VI в., возобладала и господствовала вплоть до XV в. точка зрения на них как на подлинные его сочинения. О причине этого я скажу ниже. Автор был отождествлен не только с первым афинским епископом, но и с просветителем Галлии Дионисием (Сан-Дени) Парижским. Как следствие — большой интерес к ареопагитским сочинениям в Парижском университете. Серьезное влияние оказали они, в частности, — особенно своим учением о зле как о лишенности блага, о чем-то несамостоятельном — на Фому Аквинского. С XVI в. вновь и все громче раздаются голоса сомнения в авторстве Дионисия (Георгий Трапезундский, Феодор Газа, Лоренцо Валла, Эразм Роттердамский, Лютер). Решающие усилия по исключению ареопагитских сочинений из числа произведений I—II вв. сделали в XIX в. ученые протестантских стран.

Неоднократно предпринимались попытки указать «настоящего» автора книги и писем, составляющих занимающий нас корпус. Но все они остаются на уровне предположений. Вообще сильной стороной скептиков является именно отрицательная: наиболее основательны у них поводы для сомнений. Наиболее же слабы они при попытках дать свое положительное объяснение появлению на свет этих, как они должны признать, подделок (ибо говорить о ложной атрибуции здесь нет возможности). Самой связной, цельной и впечатляющей из «положительных» картин по-прежнему остается та картина, которую создают сами эти произведения с комментариями к ним Максима Исповедника. И потому всегда, наверно, будут существовать и «отрицатели отрицателей», считающие, что они меньше ошибутся, веруя в подлинность сочинений Дионисия Ареопагита.

Именно комментарии Максима Исповедника (ум. в 662 г.) преодолели в свое время сомнения скептиков и позволили ареопагитским сочинениям стать важной составной частью европейской средневековой культуры — как византийско-славянской, так и западноевропейской, а затем и культуры Возрождения. И эта картина — представление о том, как возник корпус сочинений Дионисия Ареопагита, — тоже неотъемлемая

часть всей средневековой культуры, в том числе и русской, и имеет для историков культуры самостоятельную ценность. Что же она собой представляет?

10. Как мы знаем из Деяний апостолов (XVII, 13—33), Павел во время своего второго миссионерского путешествия, около 50 г., спасаясь от разгневанных иудеев, покинув своих спутников Силу и Тимофея, ушел из Верии в Афины. Там он решил их дождаться, чтобы вместе с ними следовать в Коринф, административный центр римской провинции Ахайя. Увидав в Афинах множество алтарей и статуй, Павел «возмутился духом» и начал проповедовать в тамошней синагоге и на площади. «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним» (XVII, 18). Заинтересовавшись его учением, они пригласили Павла в ареопаг и попросили высказаться подробнее, ибо «афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (XVII, 21). Но Павел постарался связать тему своей речи с известными им учениями: «Афиняне! . . . прохода и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: „Неведомому Богу“ (τῷ ἀγνώστῳ Θεῷ). Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедаю вам» (XVII, 22—23). Павел говорил далее об акте творения, о том, что все живет и существует постольку, поскольку «участвует» в боге («Им мы живем, и движемся, и существуем», — XVII, 28), о необходимости богопознания и покаяния, о воскресении мертвых и праведном суде. «Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (XVII, 32). Некоторые все же уверовали в его слова и продолжили с ним встречи — «между ними был Дионисий Ареопагит» (XVII, 34). Таковы касающиеся Дионисия Ареопагита сведения из Деяний апостолов.

Читая ареопагитские сочинения с их утверждением полной непознаваемости бога, можно вспомнить слова о «неведомом боге», которыми связал свою проповедь с афинской культурной реальностью Павел. Равным образом мысль, что все движущееся и существующее движется и существует постольку, поскольку участвует в боге, мы находим подробно развитой у Дионисия Ареопагита. И это кажется естественным именно для упомянутого в Деяниях апостолов Дионисия Ареопагита.

В комментариях и комментариях к комментариям мы находим разъяснения и того, что такое афинский ареопаг, и где он собирался, и почему так назывался, и каковы были его функции и роль в городском самоуправлении, и каково было положение Афин под властью римлян.¹³ Дионисий был членом этого верховного судилища.

Будучи обращен в христианство Павлом, Дионисий «пестунствует же ся учительски от Ерофея Великаго, яко же глаголетъ сам»,¹⁴ «по Павле научен бысть святым Иерофеем»;¹⁵ Павел был их «общий наставник и руководъ», ибо «и святой Иерофей святым Павлом научен бысть». ¹⁶ Дионисий мог общаться с Павлом и после ухода того из Афин — в течение полугодового пребывания Павла в Коринфе (см.: Деяния апостолов, XVIII, 11). Из седьмой книги «апостольских заповелений» известно, что Дионисий «от Павла христоноснаго афиняном веровавшим» был поставлен в епископы.¹⁷

Тимофей, один из спутников Павла, стал впоследствии эфесским епископом. Выходцу из провинции (см.: Деяния апостолов, XVI, 1), ему прихо-

¹³ См.: ВМЧ, октябрь 1—3, стлб. 267—269.

¹⁴ Там же, стлб. 269.

¹⁵ Там же, стлб. 434.

¹⁶ Там же, стлб. 429.

¹⁷ Там же, стлб. 269—270.

дилось туго в прениях с тамошними греческими философами: Эфес был одним из крупнейших центров греческой философской мысли, там «и ионийская философия съставися».¹⁸ И Тимофей обращался за помощью к афинянину Дионисию. «Иже в Ефесе любопремудрьци въпрашаху святаго Тимофея о неких вещех, а наипаче от внешней премудрости. Святыи же Тимофей сиа от них стражда, въпрашааше святаго Дионисиа о сих — яко художна в любопремудрьстве. И елико того въпрашааше, толико его подвизаше в еже писати к тому божественных словеса».¹⁹ Этим объясняется, почему все 4 дошедшие до нас книги Дионисия Ареопагита обращены им к «съсвященнику Тимофею»: «Пишетъ же множайшая к треблаженному Тимофею, святаго апостола Павла ученику, ефесскому епископу».²⁰ Одним из поводов написать сочинение «О божественных именах» была присылка Тимофеем Дионисию «списаний» св. Иерофея с просьбой объяснить их — «сказати и разделить яже скупореченная святым Иерофеем».²¹

Находится в комментариях объяснение и того, почему Дионисий, став христианским епископом, продолжал именоваться Ареопагитом: «Подобает ведети, яко познания (это ошибка, должно быть: «прозвания», — Г. П.), яже имяху, елини еще сущи, святыи сии и по обращении к Христу бес студа приписоваху себе. Се бо и съи „Ареопагита“ наричетъ себе. И божественный Иустин в иже „К еллином“ слове „Иустина, — приписа, — Философа“».²²

Первые 4 из 10 посланий Дионисия Ареопагита адресованы «Гаию рабу», по-гречески — «терапевту» (θεραπεύτης), т. е. монаху. Максим Исповедник полагает, что это тот самый Гаий, которому «третье послание написа божественный евангелист Иоанн».²³

В седьмом послании, «Поликарпу святителю», смирнскому епископу, Дионисий Ареопагит вспоминает, как он с философом Аполлофанием наблюдал в «Солнчиграде», египетском Гелиополе, противоестественное затмение солнца «воспятившейся», а затем вернувшейся к нормальному ходу по небу луною, бывшее в страстную пятницу. Комментируя последнее, десятое, послание Дионисия — Иоанну Богослову на о. Патмос, Максим Исповедник вспоминает и послание к Поликарпу, чтобы рассчитать хронологию последних сочинений и жизни автора: «Есть же разумевати от послания сего и от еже к святому Поликарпу, седмому сущу, быти великаго Дионисия, егда сия писаше, летом неким девять десятем. В еже бо к святому Паликарпу (послании, — Г. П.) глаголетъ, в Египте в Солнчиграде пребывая, узрети през естество бывшее оскудение солнца в спасеное распятие господне, еже бысть в 18 лето Тивериева царства. . . . затьчен же бысть святыи Иоанн в Патмо-остров, иже есть един от Кикладен, в конечное лето Доментянова царства. Царствова же съи 15 лет и месяц 5. Събирает же ся от 18 лет Тиверия, егда оскудение бысть, даже до скончания Доментяна лет 64 и негде месяц 7. Да положим же и божественнаго Дионисия, егда яже в распятие господне (затмение, — Г. П.) виде, быти 25 летом, за еже мною. . . , яко быти всех всего девять десятем 6 лет».²⁴

Сочинение «О божественных именах» обнаруживает знакомство автора с Апокалипсисом Иоанна Богослова, написанным, как известно, во время ссылки на о. Патмосе. Комментатор по этому поводу замечает: «Достоитъ знаменати (т. е. достойно внимания, — Г. П.), яко приемлетъ Откровение,

¹⁸ Там же, стлб. 575.

¹⁹ Там же, стлб. 271.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стлб. 434.

²² Там же, стлб. 375.

²³ Там же, стлб. 734.

²⁴ Там же, стлб. 784.

иже в святых Иоанна Евангелиста святыи сий Дионисие, тамо бо есть рече-ние се. А яко же бе в Патме божественный евангелист, иде же откровение виде, ведяше святыи Дионисие. И сие навикнути имаши от десятого послания, его же посла к Богослову писания». ²⁵ Отсюда следует, что и свои богословские книги, по крайней мере сочинение «О божественных именах», Дионисий должен был писать «сосвященнику Тимофею» в возрасте уже около ста лет.

11. Максим Исповедник, как я уже сказал, сыграл решающую роль в признании реальности авторства Дионисия Ареопагита. Он ответил на ряд вопросов, вызывавших сомнения. Почему Дионисия не знали Евсевий и Ориген? «Ей, глаголють, но несть писал тоговех списаний Евсевий Памфилов и ни же Ориген. К ним же достоить рещи, яко много, многа оставил есть Евсевий не прешедшая в руки его. . . Ориген бо не вем, аще всех — едва же четырех (других авторов, — *Г. П.*) въспомянул есть». ²⁶

Относительно черт сходства между ареопагитскими сочинениями и произведениями неоплатоника Прокла Максим Исповедник замечает: «Должно есть ведети, яко неции от внешних любопремудрець, и паче Прокл, творенми многоащи блаженаго Дионисиа приемлють в словес писание и самеми же теми речьми», т. е. утверждает, что не автор занимающих нас произведений заимствовал у Прокла и других «внешних любопремудрець», а те у него: «Тать бо диавол и наша износить словеса к своим его пророкам. . . не ныне токмо, но и прежде Христова пришествия обычно есть сущим внешняя премудрости наша красти. Елма же неции глаголють не быти святаго (Дионисия Ареопагита, — *Г. П.*) списания, но некоего иже последи бывших, нуждьно тем и отреченных некого и безместных того полагати, налагающая такова себе, яко съжительствовати апостолом и послылати (послания, — *Г. П.*), с ними же ни же бысть когда, егда ти бяху, ни же посылаше. А еже умыслиги проречение к апостолу Иоанну, в заточении сущю, яко възвратитися имать паки в Асийску землю и обычная учити имать, — се странно чюдо славна мужа и пророчю славу неистове ловащаго. А еже и глаголати тому в самое то время спасеня страсти в Солниграде, вкупе сущю с Аполофаниемъ, видети и сълюбопремудрствовати о солнечном оскудении, яко не по естеству, ни же по обычаю тогда бываемым, глаголати же тому еже с апостолы быти в изношении святых мощей святяи Мария Богородица, и словеса произносити Иерофея, своего учителя, от иже о ней надъгробных слов, умышляти же и послания и словеса яко к учеником апостольскимъ възглашенная, — коликаго безместна есть се и зарения и по прилучении человеку, а не точию мужю только възведенному и по обычаю и разуму — и еже превъзйти чювственная вся и умным совокупитися добротам и тех ради, яко мощно, — богови!». ²⁷ Т. е. фальсификатор не смог бы, считает Максим Исповедник, писать столь гениально. «Гений и злодейство — две вещи несовместны».

«Како детя (παῖς) наричетъ божественаго Тимофея великий Дионисие, достоить възыскати. Или убо, яко мню, — рассуждает Максим Исповедник, — за еже превъзшед того леты се глаголетъ и любопремудрством преимея, яко и привъпрашатися от того, яко же являють сиа в руках списания. Аще бо и прежде святаго и божественаго Дионисия верова святыи Тимофей, яко же Деяния святых апостол являють, но убо внешним наказаниемъ доволнейши бе великий Дионисие». ²⁸

²⁵ Там же, стлб. 407.

²⁶ Там же, стлб. 271.

²⁷ Там же, стлб. 273—274.

²⁸ Там же, стлб. 296.

По поводу цитаты в книге «О божественных именах» из послания Игнатия Богоносца к римлянам Максим Исповедник замечает: «И от сего неции нещують оболговати удобне настоящее списание яко не суще быти божественнаго Дионисия, понеже Игнатия глаголють последнейшаго тому быти: како же может кто последнейших въспоминати? Ложно же и се мнимое им. Святыи бо Павел, просветивый Дионисиа, последни бо бе лето святаго Петра; по нем же Игнатие епископ бываеъ антиохийскый, преложышуся Петру в Рим. Прижит же святыи Павел время много, просветивый Дионисиа, и Дионисие по немь поживе. Евангелист же Иоанн при Дометиану заточен бысть в Патмо, ему же въсписуеть Дионисие. Игнатие же прежде Дометияна мучен бысть. Сего ради — прежднейший Дионисия». ²⁹

Максим Исповедник не только защитил веру в принадлежность корпуса ареопагитских сочинений Дионисию Ареопагиту, но и авторитетно засвидетельствовал безукоризненное православие их автора. Одно из такого рода его примечаний: «Знаменай же непорочное же православие великаго православнаго Дионисия». ³⁰

Историкам древнерусской культуры и литературы нет нужды и возможности оценивать действительность аргументации Максима Исповедника в настоящее время. Для нас важно то, что она была действительна в изучаемое нами время. Как неотъемлемая часть корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, в том числе его славянского перевода, она и сама заслуживает нашего внимания.

12. Хорошо познакомиться с содержанием сочинений Дионисия Ареопагита в переводе инока Исаяи, не прибегая к их греческому оригиналу, невозможно: предварительно необходимо познакомиться с использованной в нем философской терминологией. Пока трудно сказать, в какой мере она изобретена самим Исайей в процессе перевода (я думаю, в небольшой, хотя он старается переводить каждое слово, чего мы сейчас не стали бы делать, а Дионисий не только широко пользуется философскими терминами, но часто изобретает их сам). Это должно показать изучение других переводов того же и предшествующего времени.

Приведу примеры переложения философских терминов.

- ἡ ὕλη, материя — «вещь» (см., например, стлб. 503).
- τὰ παραδείγματα, прообразы — «приказния» (см., например, стлб. 552).
- ἡ ἀναλογία, аналогия, пропорция — «мера» (стлб. 553).
- παντελής, абсолютный, законченный, неограниченный — «отнудьный» (стлб. 596).
- παντελής, совершенно — «свесма» (стлб. 562).
- ἀπολύτως, безотносительно, абсолютно — «отпущенне» (стлб. 586).
- ἡ ὁλότης, цельность, целостность — «конечность» (стлб. 596).
- ὁ ἔρωс, любовь, эрос — «рачительство» (стлб. 562).
- ὅλως, совершенно, вообще, совсем — «отнудь» (стлб. 401).
- ὁ κόσμος, порядок — «утварь» (стлб. 605).
- ἡ ἀύγη, сияние, блеск — «заря» (встречается очень часто).
- ἡ ἀνυπαρξία, небытие, отсутствие — «небытьство» (стлб. 640).
- ἡ συγχεφαλαίωσις, подведение итога — «сгглавизньство» (стлб. 651).
- τὰ θεάματα, виды — «позори» (стлб. 666).
- ἀσχημάτιστον, лишенный образа, бесформенный — «неприличный» (стлб. 699).
- κατοφατικῶс, утвердительно — «наньглаголателне» (стлб. 740).
- ἡ ἔξις, устойчивое состояние, свойство — «имство» (стлб. 279, 316, 401, 443, 493).

Этот словарик можно продолжить. Надо сказать, что когда вчитываешься в перевод инока Исаяи (в начале это очень трудно без помощи греческого оригинала), то постепенно начинаешь привыкать к употребляе-

²⁹ Там же, стлб. 464.

³⁰ Там же, стлб. 675.

мой в нем терминологии. Этому весьма способствуют встречающиеся в комментариях определения, как например: «Имство же есть качество пребыва-тельно» (стлб. 279, 316, 443, 493, ср. стлб. 401), «Отпущенна убо глаголетъ яже не по отвержении и истязании имен или знамений глаголемая, но от всех сущих и разумеваний престаем и отпущением събираемая» (стлб. 719). Многое становится ясным и по контексту. Чтение Дионисия Ареопагита, даже в славянском переводе, постепенно захватывает — захватывает остротой умозрения, ошеломляюще смелым размахом антитез, головокружительными взлетами мысли.

Особая работа должна быть посвящена месту произведений Дионисия Ареопагита в «ноосфере», умственной культуре Древней Руси, — именно изучению их содержания как некоего умозрительного целого в соотношении с содержанием других крупных явлений русской средневековой культуры, в первую очередь, конечно, — явлений литературы (включая переводную), но не только. Целесообразным представляется привлечение и явлений изобразительного искусства. В частности, фрески и иконы на тему Софии-Премудрости не могут быть анализируемы без учета содержания Девятого послания Дионисия Ареопагита к Титу-иерарху.

Без внимательного изучения ареопагитских сочинений не могут быть достаточно полно изучены и такие вопросы, как представления Древней Руси о человеке и о мире.

Таковы те проблемы и задачи изучения славянского перевода корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, какие мне представляются наиболее важными и неотложными. Я могу ошибаться в частностях. Несомненно же одно: пополнение наших историко-культурных сведений знанием славянского Дионисия Ареопагита — труд во всяком случае благодарный.³¹

---

³¹ Образцом по полноте исследуемых вопросов могут для славистов служить труды грузинских ученых над древнегрузинским переводом XI в. сочинений Дионисия Ареопагита. См.: С. Я. Енук а ш в и л и. Труды Петра Ивара (Псевдо-Дионисия Ареопагита). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1963.

Н. В. ПОНЫРКО

Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума

В давно уже известном послании дьякона Феодора от 1 сентября 1669 г., адресованном семейству протопопа Аввакума, есть строки, оставшиеся не понятыми исследователями.

Между тем строки эти по-новому ставят вопрос об атрибуции такого значительного памятника ранней старообрядческой литературы, как Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу.

Идея равенства людей, крайне непримиримое и дерзкое отношение к царю, выраженные в этом сочинении, не раз привлекались для характеристики взглядов Аввакума.¹ Однако, как следует из письма дьякона Феодора, Пятая челобитная может служить в равной мере и для характеристики взглядов (заметим сразу — и стиля) другого старообрядческого писателя, а именно — самого дьякона Феодора.

Дело в том, что автором значительной части Пятой челобитной следует считать дьякона, а не протопопа Аввакума. Это можно заключить из следующих строк письма Феодора семейству Аввакума: «И отец Аввакум посылает царю послание с сотником старым. Сотник емлет у него. Чаю, и аз пошлю. А список к вам послан с Поликарпом вашим. До показанных откровений отцу о царе и о себе — мое о Христе счинение. А те тайны Христовы сам писал отец до конца и посем — уже что отродится от рога того злаго».²

То, что дьякон имел здесь в виду именно Пятую челобитную, не вызвало сомнения ни у издателя послания Феодора,³ ни у издателей челобитной Аввакума.⁴

Нас в этом убеждает и указание на сотника (существуют списки, где Пятая челобитная озаглавлена: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 года ис пустозерския темницы»),⁵ и упоминание «откровений» Аввакуму о царе и о себе (без сомнения, имеются в виду видения, о которых идет речь во второй половине челобитной: о врачевании Аввакумом язв царя, «распространении» тела Аввакума, вместившего в себя «небо и землю и всю тварь», явлении Аввакуму Христа и Богородицы в темнице на Угреше).

¹ Н. С. Демкова. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 385; А. Н. Робинсон. 1) Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 31; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 72.

² Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 68.

³ Там же, с. 308, 322, прим.

⁴ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), с. L; Жизнь протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., 1960, с. 414, прим.

⁵ П. С. Смирнов. Предисловие. . . , с. L.

Трудно понять, чем объясняется то, что письмо не было до сих пор истолковано как прямое указание на участие дьякона Феодора в составлении Пятой челобитной. Я. Л. Барсков, публикуя текст, так разделил фразу, что не знал, к чему отнести слова «мое о Христе счинение», и задавался вопросом, не имеется ли здесь в виду «Послание ко всем православным о Антихристе».⁶

В дальнейших работах интересующая нас фраза вовсе не подвергалась толкованию.

Между тем существует только один правильный и естественный путь ее прочтения, выраженный с помощью предложенной нами пунктуации. Феодор говорит, что «до показанных откровений отцу о царе и о себе» челобитная царю представляет его сочинение, а «откровения», или, как он их в другой раз называет, «тайны Христовы», писал сам Аввакум.

Что имеется в виду под «откровениями» и «тайнами» — было уже сказано.

Обратившись к тексту Пятой челобитной, мы увидим, что он стилистически и по содержанию распадается на две разнородные части.

Первая часть представляет собой страстное обличение царя. Именно здесь произносится знаменитое: «Господи убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий»;⁷ здесь ответственность за расправу со старообрядцами перекладывается с плеч духовных властей на плечи царя: «Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны»; «Несть бо уже нам к ним (духовным властям, — *Н. П.*) ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит»;⁸ здесь царь укоряется за то, что не дал узникам «праведного суда» с их противниками. Заканчивается эта часть тирадой по поводу царя повеления не погребать пустозерских узников в случае их смерти по христианским обрядам. Последняя фраза этой части вполне могла бы быть заключительной: «Аще ж не обратитесь, то вси погибнете вечно, а не временно».⁹

Обращает на себя внимание то, что здесь автор челобитной выступает от лица всех пустозерских сидельцев, текст выглядит как скрытый диалог между царем и всеми пустозерцами: «Воистину, царь государь, г л а г о л е м ти: смело дерзаете», «. . . мы страждем и умираем, и крови своя проливаем»; «Аще правдою спросиши, и мы скажем ти о том»; «Здесь ты н а м праведного суда со отступники не дал»; «А еже н а с не велишь умерших у церкви погребать»; «И елико ты н а с оскорбляеши больше и мучиши и томиши, толико м ы тебя любим, царя, больше».¹⁰

Язык первой части вполне книжный, без характерной для Аввакума фразеологии, просторечных оборотов, нет и следов Аввакумова «вяканья».

Особые черты отличают вторую часть челобитной. Начинается она, как и было сказано, с «откровения» Аввакуму о царе и о себе, видения о врачевании протопопом язв на теле царя. И сразу же читатель окунается в знакомый мир Аввакумовой фразеологии: «Прости, Михайлович, свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниже

⁶ Я. Л. Барсков. Памятники. . . , с. 323. Фраза Феодора передана Я. Л. Барсковым следующим синтаксическим построением: «А список к вам послан с Поликарпом вашим, до показанных откровений отцу о царе и о себе, мое о Христе счинение, а те тайны Христовы сам писал отец до конца, и посем уже что отродится от рога того злаго» (с. 68).

⁷ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стлб. 757.

⁸ Там же, стлб. 758, 760.

⁹ Там же, стлб. 761.

¹⁰ Там же, стлб. 758—761.

притворяясь говорю: в темнице мне, яко во гробу сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей тако».

Стиль этот сохраняется на всем протяжении второй части челобитной: «Глупы веть оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивые глаголы, горе им бедным будет».¹¹

В отличие от первой части челобитной Аввакум здесь выступает только от своего собственного имени, он находится как бы наедине с царем, и диалог их — интимный диалог: «Царь государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чудеса господня».¹² Нет и тени того всеобщего представительства, которое имело место в первой части. Речь идет конкретно об Аввакуме и ни о ком больше, о его личных отношениях с царем: «Яко ж присылал ко мне Юрья Лутохина и рекл он Юрье усты твоими мне на Угреше: разсудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христос. И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне тако любо: ты царствуй многа лета, и я мучуся многа лета».¹³

Больше того, отношения с царем выражены здесь в иной тональности, нежели в первой части. Уверения относительно любви Аввакума к Алексею Михайловичу несколько противоречат духу первой части, где о царе говорится только резко и обличительно.

Зато позиция первой части вполне соответствует абсолютно непримиримому отношению дьякона Феодора к царю, выраженному им в письме к семье Аввакума: только дьякон Феодор решился в это время назвать царя «рогом Антихристовым»; из письма также видно, что Феодор меньше всего надеялся на милость царя и способность его право рассудить пустозерцев¹⁴ (что и выражено в первой части челобитной).

Стиль и позиция обеих частей челобитной разнятся между собой. Сам по себе этот факт ничего бы не значил (так как возможен сознательный перебив стилистических приемов и сопоставление разных позиций у одного автора), если бы не существовало сообщения дьякона Феодора о своем участии в написании челобитной. Граница проходит именно там, где указал Феодор. Это обстоятельство заставляет смотреть на различие характеров двух частей как на подтверждение сведения о принадлежности сочинения перу двух авторов.

Принцип совместной работы был принят среди пустозерских узников. Незадолго до Пятой челобитной, а может быть, одновременно с ней, были написаны два произведения дьякона Феодора: «Ответ Иоанну» и «Книга — Ответ православных».¹⁵ Дьякон Феодор слыл за знатока священного писания. Инок Авраамий даже считал его «паче иных в божественном писании потрудившимся».¹⁶ Это и определило роль дьякона Феодора в пустозерском писательстве.

«Ответ Иоанну» примечателен тем, что подписан был и протопопом Аввакумом: «Сие протопоп Аввакум чел и сие разумел истинно».¹⁷ Любопытно, что среди списков послания Иоанну выделяется редакция, атрибутируемая А. К. Бороздиным Аввакуму (помещена Субботиным среди сочи-

¹¹ Там же, стлб. 761, 766.

¹² Там же, стлб. 763.

¹³ Там же, стлб. 762.

¹⁴ Я. Л. Барсков. Памятники... с. 68—70.

¹⁵ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. с. 2—3. Здесь отмечено, что оба послания писаны ранее последней трети 1669 г.

¹⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VII. М., 1885, с. 261.

¹⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, с. 79.

нений Аввакума),¹⁸ от редакции Феодора она отличается концом, написанным в манере, позволившей видеть другого автора.¹⁹ П. С. Смирнов также считал автором этого фрагмента Аввакума и поместил отрывок из послания дьякона Феодора среди сочинений Аввакума.²⁰

О «Книге — Ответ православных» известно, что она составлена по поручению всей «горькой братии» и от общего их имени рассылалась «за руками» Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания.²¹ Об этом произведении протопоп Аввакум писал в своем житии: «Еще же от меня и от братьи дьяконово списание послано в Москву, правоверным гостинца, — книга „Ответ православных“ и обличения на отступническую блудню».²² Прямое участие Аввакума и других пустозерских узников в сочинении Феодора представляется вероятным. И. М. Кудрявцев отмечает значительное количество использования и цитирования одних и тех же текстов в «Ответе» и в сочинениях Аввакума и считает несомненным участие Аввакума в составлении «Книги — Ответ православных».²³

Сказанное подтверждает мнение о том, что сотрудничество авторов было среди пустозерских писателей распространенным приемом и ставит Пятую челобитную в ряд коллективных сочинений.

Надо ли говорить, что сочинение дьякона Феодора, будучи включенным в произведение, под которым подписался протопоп Аввакум, может служить для характеристики взглядов и позиций самого Аввакума. Раз протопоп пускал в мир челобитную от своего имени, стало быть, он разделял все выраженные в ней мысли.

Новая атрибуция, однако, позволяет по-новому взглянуть на роль другого старообрядческого писателя, дьякона Феодора. Прекрасная в своей дерзости фраза: «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий» — принадлежит Феодору, и если ею иллюстрировали взгляды протопопа Аввакума о равенстве людей, то в гораздо большей степени она годится для характеристики взглядов самого Феодора.

Таким образом, мы можем расширить рамки творчества дьякона Феодора и включить в него вошедшую в Пятую челобитную филиппику против царя, которую по выразительности следует расценивать как одно из лучших сочинений дьякона.

¹⁸ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. V, М., 1879, с. 224—230.

¹⁹ А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум. СПб., 1898, с. 160.

²⁰ Памятники истории старообрядчества, с. LXXXIV.

²¹ См.: Я. Л. Б а р с к о в. Памятники. . . , с. 68; И. М. К у д р я в ц е в. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — Записки Отдела рукописей, 1972, вып. 33, с. 150.

²² А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 169.

²³ И. М. К у д р я в ц е в. Сборник XVII в. . . . , с. 173.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Мальшева)

От редактора отдела

Отдел «По рукописным собраниям» данного тома почти целиком состоит из материалов Древлехранилища Пушкинского Дома. Первая часть его содержит отчеты о летних экспедициях 1974 г. сотрудников Пушкинского Дома, Архива АН СССР, студентов и преподавателей Ленинградского университета, доставивших рукописи в Древлехранилище. Вторую часть составляют статьи об отдельных рукописях Древлехранилища и статья болгарского ученого Георгия Данчева о списках «Молитвы Богородицы» Дмитрия Кантакузина в архивохранилищах Советского Союза.

1974 год был для Древлехранилища не только юбилейным — ему исполнилось 25 лет, но и очень результативным. Его фонды пополнились 432 рукописями XV—XX вв. За последнее десятилетие это второй, по количеству приобретений, год. Обилие нового и весьма ценного материала позволило Древлехранилищу провести 29 января 1975 г. совместно с Сектором древнерусской литературы специальное научное заседание с 10 докладами и сообщениями, посвященное итогам собирательской работы 1974 г.

1974 год был знаменателен для Древлехранилища еще и потому, что оно получило новое, просторное, светлое помещение с прекрасным видом на Неву, имеет теперь свой читальный зал и отдельную комнату для старопечатных книг и справочной библиотеки.

Комплектование Древлехранилища в 1974 г., как и прежде, проходило в основном по двум направлениям.

Пополнение с помощью экспедиций. Север по-прежнему оставался главным объектом поисков. Участникам экспедиций удалось найти и доставить в Ленинград 116 рукописных книг XV—XX вв. Наиболее плодотворной была поездка в Вологодскую область.

Поступления от коллекционеров и держателей письменной старины. В 1974 г. от них получено 316 рукописей XV—XX вв., причем большинство безвозмездно. Рукописи прислали с Дальнего Востока, из Сибири, с Урала, Поволжья, Белоруссии, Украины, Прибалтики и ряда других мест страны. Во многих городах теперь имеются друзья Древлехранилища, которые активно разыскивают для него нужные материалы. Из них хочется отметить М. А. Белокрыса (Улап-Удэ), А. Д. Милова (Казань), И. И. Федорова (Денисковичи Брянской области), В. П. Сергеева (Москва), Ф. М. Тютина (Свердловская область) и Ф. Г. Шклярова (г. Ветка Гомельской области). Все эти лица бескорыстной помощью значительно пополнили в 1974 г. фонды хранилища.

Но особенно большую услугу оказали ему в 1974 г. И. Н. Заволоко (Рига) и Н. К. Величко (Москва). Первый подарил 166 рукописей XV—XX вв., второй — 22 рукописные книги XV—XX вв. Обе коллекции содержат первоклассные памятники древнерусской письменности, редкие

списки литературных произведений, неизвестные сочинения прошлого.

Древлехранилище поддерживает постоянные связи с коллекционерами и держателями старины, разыскивает новые имена, ведет их учет, и это общение с ними, как показывают итоги 1974 г. приносит свои результаты.

Публикуемые во второй части отдела статьи — лишь небольшая доля того, что было написано в 1974 г. на материалах Древлехранилица. Приятно отметить, что интерес к Древлехранилищу с каждым годом растет, а с ним — и использование его ценных фондов.

В 1974 г. Древлехранилище перешагнуло свой первый 25-летний рубеж. Пожелаем, чтобы следующее 25-летие было для него еще более плодотворным.

Н. В. ПОНЫРКО

Экспедиция 1974 г. в Тарногский район Вологодской области

Вторая по счету экспедиция Пушкинского Дома в Вологодскую область была посвящена обследованию Тарногского района. Давняя известность его как старинного центра старообрядчества и соседство с неистощимой памятниками древней письменности Архангельской областью позволяли надеяться на то, что поиски рукописей здесь не окажутся бесплодными.

Некогда близ этих мест проходил важный торговый путь, соединявший Архангельск с Москвой. Тарногские крестьяне вплоть до начала XX в. занимались сплавной торговлей хлебом в Архангельске. Постоянные связи поддерживало население Тарноги со своими северными соседями и в области культуры. Как можно судить по сведениям Вологодских епархиальных ведомостей, в начале нашего века волости, окружавшие Тарногский городок, были наполнены мощными старообрядческими общинами филипповского и федосеевского толков, поддерживавшими прочные связи со старообрядцами Москвы и Петербурга.¹ К этому можно добавить, что связи с архангелогородскими единоверцами были не менее тесными.

Благодаря экспедициям Пушкинского Дома в Архангельскую область хорошо известен Черевковский старообрядческий центр. В собрании Древлехранилища имеется несколько рукописей, связанных с деятельностью черевковской старообрядческой общины в конце XIX—начале XX в. Обследуя Тарногский район, нам удалось установить в прошлом тесную связь больших групп местного старообрядчества с черевковской общиной. Старики, память которых сохранила события начала века, утверждают, что общение было постоянным.

Естественно предположить при этом миграцию книжного фонда. Во всяком случае, книгописная манера, характерная для рукописей XVIII—XX вв., обнаруженных в Тарногском районе, во многом близка к манере исполнения рукописей Красноборского и Северодвинского собраний ИРЛИ.

Наша работа велась в сельсоветах Верховском (группа деревень: Сергеевская, Яфаново, Полениха, Сивково, Цыбуниха, Тырныниха, Дорониha, Наумовская, Подкуст, Баранья, Перишино, Олиховская, Угол, Поча), Верхне-Спасском (деревни Гавриловская, Верхне-Паунинская, Горка, Хабаровская, Якурино, Зацышино, Слободка, Петрушино, Овсянкино, Шибаниха, Ярковская, Борок), а также в районе Заборья и Илезы.

Интересные и разнообразные по составу рукописи, найденные во время экспедиции, заставили вспомнить о том, что известный знаток старины, собиратель древних книг и реставратор Ф. А. Каликин был родом из Тар-

---

¹ Вологодские епархиальные ведомости, 1905, № 7, с. I—IV.

ногского района и что найденные вновь рукописи, возможно, примыкают по происхождению к давно уже известным исследователям древнерусской письменности по собраниям ОЛДП, В. Г. Дружинина, Ф. А. Каликина, и Н. П. Лихачева в БАН, ГПБ, ИРЛИ, ЛОИИ. Ведь мы знаем, что когда в 1906 г. Ф. А. Каликин приехал в Петербург и познакомился здесь с В. Г. Дружининым и Н. П. Лихачевым, то начал под их влиянием собирать рукописи для коллекционеров столицы. Неудивительно поэтому, что в Тюребери (Тюреберью называется группа деревень, расположенных по течению живописной речки Кокшеньги), на родине Ф. А. Каликина, нами было найдено меньше всего книг. Из рукописей, приобретенных здесь, отметим сборник XIX в., содержащий «Житие Алексея человека божия» в новейшей редакции, несколько старообрядческих статей (некоторые из них являются сочинениями местных филипповцев), избранные кондаки и тропари.

Незначительное количество находок компенсировалось воспоминаниями старожилов, близко знавших Каликина, помнивших его отца, также большого знатока старины. В Тюребери особенно свежа память о старых временах, знание старообрядческого быта. Это связано с тем, что в прошлом район оставался почти сплошь старообрядческим, чего нельзя сказать о других местах, где староверов было мало.

Далее нами было обследовано Верховье — гнездо деревень, многие из которых стоят на берегу Уфтюги.

Авдотье Михайловне Армеевой из Верховья я обязана тем, что многие рукописи, еще сохранившиеся в деревнях Верховского и Заборского сельских советов, перешли в собрание Пушкинского Дома. Среди них — несколько сборников старообрядческого содержания и традиционного церковно-служебного состава; любопытная рукопись с деяниями старообрядческого собора в г. Кимры; синодик Иова-патриарха, дополненный поминаниями погибших за Русскую землю и пострадавших за благочестие в Соловецком монастыре, в Пустозерске и др. Расположение Авдотьи Михайловны и ее содействие облегчили мою работу.

Интересные находки были сделаны в деревне Березняк Илезского сельсовета. Здесь удалось обнаружить следы крестьянской библиотеки. В последнее время владельцем большей части ее был ныне покойный Дмитрий Сергеевич Бакшеев. Рукописи, приобретенные у Марии Егоровны Другашковой и Григория Алексеевича Попова, имеют приметы принадлежности их некогда фамилии Бакшеевых. Сохранившиеся на многих книгах записи убеждают в том, что библиотека была родовой. Имя Бакшеева встречается уже на документе XVIII в. — на удостоверении об отпуске для прокормления (покормежной записи), выданной крестьянину Важеских дворцовых волостей Илезской волости Ивану Миронову Бакшееву в 1780 г. 1833-м годом отмечено постановление мирского схода об оброке в отношении крестьянина д. Коротковской Ивана Филипповича Бакшеева. На рукописи XVIII в. «Златой бисер» стоит владельческая запись Ивана Иванова Бакшеева 1852 г., сделанная рукой его сына Михайла. Такая же запись — на руководстве по арифметике, рукописи XVIII в. Еще на одной рукописи XVIII в. находим современные ей пометы Ивана Миронова Бакшеева.

Состав библиотеки, которую можно отнести к фамилии Бакшеевых, весьма разнообразен по содержанию. Он представляется особенно замечательным, если вспомнить, что речь идет о крестьянской библиотеке. В нее входили и документы актового характера (покормежная запись, копия челобитной крестьян Кокшеньгской чети Илезской волости царям Иоанну и Петру Алексеичам о земле и препирательстве из-за нее с крестьянами Тотемского уезда), Повесть об Азовском сидении («сказочная» редакция)

в списке XVIII в., литературный сборник конца XVIII в., содержащий сочинения Ломоносова, Чулкова, Фенелона и др.

Примечательно, что среди рукописей, принадлежавших Дмитрию Сергеевичу Бакшееву, обнаружилась «История о гишпанском министре Вильгельме и о детях его» в списке 70—80-х годов XVIII в. Это приобретение следует считать особенно ценным потому, что до сих пор сочинение было известно в единственном списке, по которому и опубликовано П. Н. Берковым и В. И. Малышевым в т. IX ТОДРЛ под названием «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии».² Отличие в заглавии объясняется тем, что первый список был дефектным, в нем отсутствовали начало и конец, и в связи с этим исследователи вынуждены были сами дать название памятнику. Благодаря новой находке мы знаем теперь авторское заглавие повести и обладаем полным ее списком.

Любопытно отметить, что первый список «Истории», приобретенный В. И. Малышевым в 1950 г., происходит из Великого Устюга Вологодской области. Район Великого Устюга находится по соседству с Тарногским, и, стало быть, обе рукописи имели общий район бытования и при этом переписаны приблизительно в одно и то же время (первый список также датируется 80-ми годами XVIII в.).

Наиболее ранняя из приобретенных нами в эту поездку рукописей — Пролог конца XV—начала XVI в. (мартовское полугодие). Он написан в два столбца, на бумаге размером в лист. XVI-м веком датируется сборник богослужебного характера, приобретенный у Марии Егоровны Другашковой. Из рукописей XVII в. отметим Сказание о Гришке Отрепьеве, писанное скорописью конца XVII в. Среди немалого количества рукописей XVIII в. — отрывки таких популярных в старину произведений, как Повесть о царице и львице, Повесть о Петре Златые ключи. Руководство по арифметике (XVIII в.) и трактат о пользе прививки коровьей оспы (10-е годы XIX в.) переписаны с печатных изданий. На последнем имеется копия предписания Вологодской удельной конторы читать предлагаемое сочинение крестьянам и убеждать их в необходимости прививать оспу детям.

Из старообрядческих сочинений обращает на себя внимание уже упомянутая рукопись постановлений беспоповского (филипповского) собора 1903 г., бывшего в г. Кимры. В собрании Ф. А. Каликина в ИРЛИ есть список этого же памятника, но менее полный. В нем недостает большей половины «деяний» собора. Почерк обеих рукописей, формат, качество бумаги и украшения, сделанные таким новейшим методом, как перенесение на поля цветочного узора из переводных картинок, убеждают в том, что оба списка вышли из-под пера одного переписчика.

Всего из Тарногского района было привезено 49 рукописей и несколько старопечатных книг. Краткое научное описание их имеется в Дрeвлехранилище.

Экспедиции 1973 и 1974 гг. показали, что у населения Вологодской области, в основном потомков старообрядцев, сохраняется еще немало ценных памятников письменной и печатной старины. В интересах науки они должны быть возможно скорее собраны в государственные хранилища. В первую очередь об этом должен позаботиться Пушкинский Дом, имеющий Вологодское собрание, насчитывающее ныне 78 рукописей XV—XX вв.

² ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 408—426.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Поездка за рукописями в Латвию

В 1974 г. Пушкинский Дом продолжил археографическое обследование южных районов Латвии, начатое два года назад. В июле была отправлена экспедиция в составе автора этих строк и аспиранта сектора устного народного творчества А. Н. Розова. Экспедиция ставила целью разыскание и приобретение для Дрвলেখранилища Пушкинского Дома древнерусских рукописей, а также собрание данных по истории местного книгописания.

В отличие от прошлых поездок, ограничивавшихся в основном Даугавпилсским и Резекненским районами, нынешняя экспедиция расширила места поисков, побывав также в ряде населенных пунктов Краславского, Лудзенского, Екабпилсского районов Латвии, а также Браславского района Витебской области, Зарасайского и Игналинского районов Литвы. Указанные районы Белоруссии и Литвы географически соседствуют с Латгалией, а русское население их имеет общие исторические корни с расселением русских в Латгалии. Мы надеялись поэтому найти у местных старожилов интересующие нас материалы.

Проживающие здесь, в инонациональной среде, русские являются потомками старообрядцев беспоповцев старопоморского толка. Здесь до сих пор кое-где сохраняются элементы старинной русской культуры, печатные и рукописные славянские книги. Почти все рукописи, привлечшие наше внимание, нам удалось получить в дар или купить, но многие интересные в историческом плане книги приобрести все же не удалось.

Среди собранных экспедицией материалов останемся прежде всего на тех, которые были найдены непосредственно в Латгалии. Из г. Резекне от А. Т. Бурова мы привезли литературный сборник конца XVII в. (№ 82),¹ содержащий повести о поваре Ефросине Терпеливом, о юноше, спасшем свою мать, «Наказание о почитании книжном», иноческие поучения и др. В нем же имеются орнаментированные заставки. У А. И. Кудряшова (Даугавпилс) были приобретены рукописи XVIII в. с повестями Никодима Типикариса о видении некоего пьяницы — монаха Троице-Сергиева монастыря, «О римском отпадении», Видение благовещенского протопопа Терентия, отрывки из Степенной книги (№ 85), Житие и чудеса Василия Нового (№ 83). От А. Г. Волкова (Даугавпилс) мы получили сборник (№ 93), содержащий праздничные слова и поучения, повести о кущце христоробивом, о Мурине-древосеце, Житие Кирика и Улиты, Поучение об иконах и иконоборцах Леонтия, папы Римского, и др. Ирмосы и сборную рукопись, содержащую Житие Марии Египетской (№ 92), приобрели у Е. С. Шорст (Юдовка). В г. Ливаны от К. А. Константиновой мы получили 7 рукописных книг, входивших в состав библиотеки покойного двинского наставника А. И. Екимова. Среди них сборник (№ 87), содержащий

¹ Цифра в скобках означает шифр рукописи Латгальского собрания Дрвলেখранилища.

жития Симеона Столпника, Парасковьи Пятницы, Алексея человека божия, Иоанна Богослова, Димитрия Селунского, слова и поучения на праздники отцов и учителей церкви, сказания о бегстве в Египет, об убиении младенцев Иродом и мн. др. Один из сборников местного письма (№ 98) датирован 1890 г.

Около 10 рукописей, пополнивших Латгальское собрание в результате нашей экспедиции, было найдено в Браславском районе Витебской области Белорусской ССР. В местечке Кублицино от М. Ф. Попкова мы получили сборник-конволют XVII в. (№ 81), принадлежавший местной общинной библиотеке. В его состав входит полный экземпляр Минеи общей, изданной в Москве в 1618 г., с записью от того же года о приобретении книги Сольвычегодской церковью Ильи-пророка «казенными деньгами». Рукописная часть конволюта содержит богослужебные тексты, каноны, уставы, акафисты, писанные в последней трети XVII в. Несколько рукописей получены в д. Кириллино от А. И. Мосюлина. В одной из них (№ 86) содержится повесть Дионисия Ареопагита о Карпе и двух грешниках, повесть о видении некоему епископу апостола Андрея, слова, поучения и др. В сборной рукописи (№ 89) содержатся Притчи Варлаама, Извещение от Ангела Макарию Пустыннику, Слово о сошествии Предтечи во ад, Поучение «как не лениться чести книг», Прение Петра с Симоном Волхвом, Эпистолия Иисуса Христа в Рим, Повесть Никодима Типикариси и другие произведения. От него же получен настенный лист с роспетыми на крюках стихирами евангельскими (№ 90).

В предместье городка Шарковщина у М. Е. Соловьева мы приобрели несколько рукописей, в одной из которых (№ 95) содержится Прение живота и смерти, ответ Андрея Первозванного на вопрос апостола Варфоломея об Адаме и Каине, слова о древе креста господня, о двух разбойниках, распятых с Христом, и другие произведения. В другом сборнике (№ 101), переписанном в исходе XIX в. местным книгочеем Трифоном Гришманом, имеется Повесть о снах царя Мамера, Мучения Кирика и Улиты, Житие Филарета Милостивого. Еще в одном сборнике (№ 105) начала нынешнего столетия находится Беседа трех святителей, Повесть о цареградском боярине, чудом обрештем власы и бороду, поучения против пьянства и сквернословия, повести из Великого Зеркала, и др.

Пополнились в этом году и певческие рукописи Латгальского собрания. Они были приобретены у старожила г. Дукштас (Игналинский район Литовской ССР), собирателя-книжника Н. М. Сорокина. Крюковые рукописи, традиционные по содержанию, местной переписки, нотация знаменная, текст раздельноречный, имеется Демество, Путь, варианты роспевов. Встречаются в этих книгах и орнаментированные заставки, и рамки в красках, и инициалы. От Н. М. Сорокина получена рукопись 1906 г. (№ 107), содержащая Слово Иоанна Златоуста о злых женах, похвалу Илье-пророку, слова Иоанна Дамаскина, старообрядческое слово на память Илье-пророку (местное произведение). «Беседу с попом» — также местное старообрядческое протиединоверческое сочинение — нам удалось достать в д. Смелины Зарасайского района Литовской ССР у И. А. Герасимова.

Всего Латгальское собрание Древлехранилища Пушкинского Дома увеличилось в результате нашей экспедиции на 29 рукописей XVII—XX вв. В основном это сборники литературно-исторического состава, повторяющие многие особо популярные в здешней среде произведения. Большинство найденных рукописей местного происхождения, расцвет латгальской книгописной традиции падает в основном на прошлое столетие. Наша экспедиция подтвердила необходимость археографических поисков в данных районах.

В. П. БУДАРАГИН

На Северной Двине и в верховьях Пинеги

Экспедицией 1974 г. мы предполагали завершить археографическое обследование Верхнетоемского района Архангельской области. Прежде всего нас интересовали районы, еще не посещавшиеся археографами. Это были населенные пункты, наиболее удаленные от основной транспортной магистрали — Северной Двины, до которых добраться можно было, как известно, лишь при благоприятных погодных условиях.

18 июня экспедиция (в составе И. И. Гумницкого и В. П. Бударagina, впоследствии к ней присоединился корреспондент газеты «Советская культура» А. С. Миловский) вылетела в Котлас. Утром следующего дня мы были уже в Верхней Тойме, откуда в тот же день удалось на самолете попасть в верховья Пинеги. Эти места интересовали нас по двум причинам. С берегов Пинеги за 12 лет поисков в Древлехранилище поступило более 500 рукописей XIV—XIX вв., преимущественно литературного и исторического содержания. Правда, в деревнях выше Суры экспедиция 1969 г. не нашла ни одной рукописи,¹ но обследуемый район мог в равной степени быть связан и с северодвинской рукописной традицией. Сведения об этом у нас имелись.² Были даже конкретные адреса владельцев старинных «славянских» книг.

Обследование мы начали с деревень Горковского сельсовета. Горка — общее название для 16 деревень, растянувшихся на 35 км по обоим берегам Пинеги.

В д. Керга и в ближних деревнях Лохома и Бор ни рукописей, ни старопечатных книг не оказалось.

Затем мы обошли деревни Горка, Слуда, Мошканово, Монастырь, съездили за 25 км в д. Вадюга, но не нашли ни одной старопечатной или рукописной книги. Район был явно не старообрядческий, и мы решили лететь на Выю.

Деревни Выйского сельсовета расположены по берегам Пинеги и ее притока р. Выи. Места живописные. Встречаются дома с росписями. Но ничего, что могло бы заинтересовать археографов, не удалось обнаружить и в этом районе. Мы видели лишь два старообрядческих издания начала века в одной из дальних деревень у старушек-скрытниц. О старообрядцах как в Горке, так и на Вые вообще довольно смутное представление. Это те, кто жили на Двине и ниже по Пинеге.

После неудачи и в этом, новом для нас, районе мы вернулись на Северную Двину. Здесь местом нашей работы стало с. Нижняя Тойма. Находки предыдущих двух экспедиций свидетельствовали о развитой книжной традиции этих мест и позволяли надеяться на результативность дальнейших

¹ Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова. Отчет о пинежской экспедиции 1969 г. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 323—324.

поисков. Надежды эти подтвердились. Именно в Нижней Тойме были сделаны основные наши приобретения. Вновь пополнился архив местного художника, писца и переплетчика Василия Ивановича Третьякова. Иван Андреевич и Анна Григорьевна Третьяковы, бережно сохраняющие все связанное с памятью дяди, передали нам 77 листов рисунков и прорисей, принадлежавших Василию Ивановичу. Среди них — рисунки неизвестных художников конца XVIII—начала XIX в., образцы творчества самого В. И. Третьякова, часть листов — произведения кургоминского художника конца XIX в. П. И. Бурмагина, с которым, очевидно, был тесно связан В. И. Третьяков. Среди рисунков обнаружилось письмо Василия Ивановича 1899 г. с его шутивным автопортретом.

Этим не ограничились наши находки в гостеприимном доме Третьяковых. Анна Григорьевна передала нам еще рукописный сборник последней четверти XIX в., в состав которого вошли повести о Царе Аггее и царевне Персике, два списка мучения Кирика и Улиты, стихи о молодом иноке, о двух старицах, о втором пришествии Христовом, сатирическая газета из ада, выписки из Златой цепи, Египетского патерика и др. Иван Андреевич, когда-то помогавший своему дяде переплетать книги, подарил нам изготовленный из оленьего рога инструмент для накатки и тиснения басм на коже переплета.

В соседней деревне Березник мы приобрели сборную рукопись XVIII—XIX вв., переплетенную топецким мастером И. С. Точиловым. Представляет интерес находящийся здесь список Службы двинской красногорской иконе Одигитрии с пространной записью о исправлении и дополнении службы в 1698 г. и о том, что второй канон службы «сочинися трудом царственных московския типографии смотрителя и еллино-греческия школы учителя Феодора Поликарпова». Из других памятников отметим «Слово воспоминательное о св. чудотворцах, в России воссиявших», Семена Денисова; службы Александру Свирскому (на крюках) и новым русским чудотворцам; Житие Марии Египетской; «Извещение всем христоименитым людем» Батманова (местное полемическое старообрядческое сочинение); список 105 источников Кирилловой книги; вероисповедание старообрядцев Преображенского кладбища, и др.

От нижнетоемского краеведа С. Г. Третьякова мы получили Страсти Христовы в списке конца XIX в. с 11 миниатюрами, выполненными пером и чернилами, и Псалтырь 40-х годов XIX в. местного письма с изображением царя Давида и несколькими заставками. Хранитель местного краеведческого музея Р. С. Сенчукова передала нам Устав о христианском житии 1875 г. Удалось пополнить сведения об известном нижнетоемском художнике, писце и мастере книжного переплета Егоре Игнатьевиче Меньшикове. Мы привезли, в частности, его фотографию 1909 г., — роспись на стекле рамки выполнена самим художником. Результатом поисков в д. Прилук явилось Житие Николы Чудотворца в списке XVII в., служба в пасхальную неделю последней четверти XIX в. и переписанная уже в XX в. молитва архангелу Михаилу.

Безрезультатной оказалась наша поездка в верховья р. Нижней Тоймы в д. Качем. В свое время это был крупный местный центр старообрядчества, потом жители стали переселяться ближе к Двине. Не исключено, однако, что отдельные находки здесь еще возможны.

Следующим местом наших поисков стали деревни Афанасьевского сельсовета Заборье, Усть-Юмиж и Юмиж. Здесь мы надеялись пополнить по крайней мере наши представления о книжной продукции местных переписчиков В. С. Вежливцева и Д. И. Торотина. Однако единственным нашим приобретением в Юмиже была платежная книжка крестьянина Сольвычегодского уезда Василия Борового за 1870—1915 гг. В Усть-Юмиже,

в доме основных наших адресатов, хозяева были заняты. Что за книжное собрание хранится у них, осталось неизвестно. Судя по рассказам жителей, рукописи и книги из этих деревень сосредоточивались в последнее время у некоего жителя из Афанасьевского, переехавшего года три тому назад в Москву.

Последним районом, обследованным экспедицией, было с. Тимошино. Деревни образуют здесь непрерывную двенадцатикилометровую цепочку, и на все деревни осталось 4 старообрядческих дома. Известно, правда, что несколько человек переехали в с. Красноборск. Исчерпывающую археографическую характеристику району дал 85-летний А. М. Поляков: «Была где-то тетрадошка со стихами про Иоасафа, да не нашел. Ребятишки все лазают. Та вот вроде рукой писана. А книги все поздние. У нас раньше книг вообще почти не было. Потом привозить стали, уже новой печати». Действительно, почти все книги, что мы видели, были изданиями старообрядческих типографий начала века.

В Тимошино удалось приобрести лишь два небольших сборника-конволюта XVIII в. В первом из них наряду с печатными текстами — «Кратким правоучением», сокращенным катехизисом с добавлением повседневных молитв (М., 1721), «Священной историей для малолетних детей» (СПб., 1775, без конца), «Российским царским памятником» (СПб., 1785, только титульный лист) — сохранились рукописные отрывки из генадиевского Стоглава (с 64-й главы), поучения Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста к юношам; стихотворение Карiona Истомина о смерти (из его букваря, — М., 1696); четырехстрочные вирши о крещении, покаянии, причащении, священстве, браке и др., а также молитва Богородице со ссылкой на «новопечатный троязычный» букварь, изданный в 1725 г. Второй сборник-конволют содержит Азбуку, напечатанную в 1787 г. в Клинцовской типографии Якова Железнякова, и переписанные в конце XVIII в. «Молитву на учение грамоте» и «Наказание ко учителем».

После экспедиции этого года на территории Верхнетоемского района Архангельской области практически не осталось «белых пятен» для археографов. Находки, хотя и незначительные, позволяют, однако, расширить наши представления как о нижнетоемской рукописной традиции, так и о книжности на Северной Двине в целом. Думается, что поиски в этом районе еще могут быть продолжены, так как некоторая часть древнерусских рукописей сохраняется у населения и по сей день.

Н. С. ДЕМКОВА, Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

Поиски рукописей на Северной Двине летом 1974 г.

С 19 по 28 июля 1974 г. археографы Ленинградского университета¹ вновь работали на Северной Двине в Виноградовском районе Архангельской области, завершая, параллельно с экспедицией Пушкинского Дома,² археографическое изучение этого некогда богатого старинной книгой центра. Еще раз были тщательно обследованы деревни Заостровья, Сельца, Тулгаса (15 деревень), а также Топса (20 деревень), где все еще сохранился тонкий слой старообрядческой книжной культуры. В отличие от работ прежних лет в этом районе, когда можно было рассчитывать на «случайных» владельцев старинной рукописной книги, не нуждающихся в ней (заброшенная, она лежала на поветях долгие десятилетия),³ теперь пришлось иметь дело только с книголюбями, в основном старообрядцами, с пизтетом хранящими все книги церковной печати.

Находясь в местах, очень хорошо известных археографам Пушкинского Дома и ЛГУ, мы еще раз убедились в тщательности и корректности работы наших товарищей, немало сделавших для сохранения двинской рукописной книги в фондах Дрeвлехранилища ИРЛИ АН СССР и не «закрывших» этого района для последующих исследований.

В итоге десятидневной работы экспедиции Северодвинское собрание Дрeвлехранилища пополнилось 16 единицами хранения. Самая старшая рукопись из привезенных — певческая (крюковая) рукописная книга третьей четверти XVII в., содержащая Литургию Иоанна Златоуста и каноны (на пасху, Богородице и др.), основная же часть приобретений представляет собой рукописи (или даже фрагменты из них) значительно более позднего времени — конца XIX в.: уставы (№ 316, 318,), святыцы (317), апокрифические тексты, обычно имеющие хождения в крестьянской среде, — «Сон Богородицы» (№ 310, 326), «Сказания о 12 пятницах» (№ 322), «Притча Варлаама о еретичех» (№ 314) и др. Особый интерес представляют рукописи местной писцовой традиции конца XIX в.: нам в этот раз удалось привезти в Дрeвлехранилище несколько рукописей П. Г. Сысоева (устав, «Сон Богородицы»), переданных археографам его дочерью М. П. Осокиной (Топса). Среди немногочисленных находок этого года — крестьянские письма 10—20 годов XX в., текст заговора «на супротивныя»

¹ В экспедиции участвовали сотрудник ЛГУ Н. С. Демкова и студентка филологического факультета Е. М. Шварц, а также выпускники ЛГУ, теперь научные сотрудники — Е. Н. Мещерская (ИВАН СССР) и Е. К. Пиотровская (ЛОИИ СССР АН СССР).

² См. выше отчет В. П. Бударagina.

³ См. отчеты предыдущих экспедиций: Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, М. В. Рождественская. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 431—436; Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., с. 404—407, В. П. Бударagina. Северодвинские находки. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 356—358.

(автограф П. Зыкова), тексты нескольких духовных стихов («Уж вы голуби», «Умоляла мать родная»). Из печатных книг, полученных экспедицией, следует выделить Октоих 1618 г. (печати «Псковитяна Ианикиты Фофанова»), прекрасной сохранности, и Евангелие 1715 г. с 8 гравюрами (книги переданы в Научную библиотеку ЛГУ им. Горького).

По полученным сведениям, существует летописная история с. Тулгаса, которая ведется более 200 лет (сведения проверить не удалось, однако нам был указан адрес ее современного хранителя).

До работы на Двине члены экспедиции обследовали также с. Варзугу на Терском берегу Белого моря (12—16 июля с. г.), где познакомились с богатейшей песенной традицией Русского Севера, в частности — с еще существующими в исполнении старшего поколения духовными стихами. Были сделаны записи (на магнитофонную пленку) старых духовных стихов: «О Лазаре и богатом», «О сколь горько», «О Варлааме и Иоасафе» и др. Кроме того, были просмотрены все книги, сохранившиеся в известной Варзугской Успенской церкви XVII в. (все книги поздней церковной печати), получено подтверждение о существовании Варзугской летописи в начале XX в., создание которой местные жители связывают с именем Николая Ивановича Каварнина (умер в 1941 г., когда ему было за 70 лет).⁴

Если район Варзуги совершенно бесперспективен в археографическом отношении, то районы Северной Двины все еще не исключают возможности новых находок — если не рукописей древней традиции, то старопечатных книг и продукции местных крестьянских книгописных центров.

---

⁴ Возможно, что новейшая летопись Варзуги попала в архив известного этнографа В. В. Чернолусского: по воспоминаниям дочери Н. И. Каварнина Ф. Н. Каварниной, рукопись «летописи», размером в 4°, В. В. Чернолусский увез с собой в 30-е годы XX в.

Усть-цилемская обработка Повести об Акире Премудром

Среди сохранившихся древнерусских списков Повести об Акире Премудром, датируемых XV—XIX вв. и разделенных исследователями на 4 редакции,¹ следует особо отметить текст, дошедший в сборнике XIX в. под № 67 из Печорского собрания² Древлехранилища Пушкинского Дома. Из этого сборника В. И. Малышевым уже был опубликован текст Повести о царевне Персике,³ поэтому мы опускаем палеографические детали и подробности, которые он привел в своей статье.⁴ По мнению В. И. Малышева, этот сборник написан известным усть-цилемским книжником и переписчиком Иваном Степановичем Мяндиным (1823—1894 гг.).⁵

Интересующий нас текст памятника рассматривается В. И. Малышевым как «печорская обработка Повести, отличная от всех напечатанных».⁶ Как можно теперь судить, исходя из предложенной Н. Н. Дурново и дополненной О. В. Твороговым классификации редакций Повести, усть-цилемская обработка выполнена на основе третьей русской редакции. Отличительными чертами ее является общее сокращение текста памятника, что, вероятно, было сделано в целях его понимания и приближения к литературным вкусам и представлениям читателей XIX в. Наибольшему сокращению подверглась правоучительная часть, т. е. все морально-этические наставления Акира Анадану (которых в третьей русской редакции насчитывается не менее 70 и которые составляют почти одну треть объема всего текста), сведенные к обобщающей фразе: «научи всякой премудрости и добродѣтели, и како чтити отца и мать, и любовь имѣти ко всѣм, никого не оклеветати, || . . ни дерзу быти, ни гнѣвливу, но паче милостиву и тиху быти и прочая» (л. 198 об.—199). Сокращено и число загадок, которые должен отгадывать Акир в Египетском царстве (вместо трех только одна — о постройке небесного города). Кроме того, подверглись сокращению и некоторые сюжетные линии, а также опущены имена отдельных персонажей

¹ О редакциях «Повести» см.: А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913, с. 345—347; Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. К истории «Повести об Акире». М., 1915, с. 25—28; Переводная беллетристика XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, гл. IV, с. 163—180.

² В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 115—118.

³ В. И. Малышев. Усть-цилемская обработка Повести о царевне Персике. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 326—337.

⁴ Там же, с. 326—327.

⁵ Биографические сведения о И. С. Мяндине и характеристику его писательской деятельности см.: В. И. Малышев. 1) Старинные переплеты и рукописные находки. — РЛ, 1960, № 4, с. 189; 2) Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 567—569; 3) Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 442—443.

⁶ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 117.

(иногда они заменены другими). Так, например, не назван царский палач Анбугил и отсутствует разговор с ним Акира о том, как в давнее время он спас отца Анбугила от смертной казни (вместо этого введена целая группа приближенных царя Синографа (Синогрифа), которая и исполняет его приказание). Нет эпизодов, связанных с приходом в Алевицкое царство посла египетского фараона Елтеги, а сам египетский фараон именуется «поганским царем». Нет описания трогательной встречи Акира и его жены Феодулии после освобождения царского советника из темницы. В то же время отмечены воинские заслуги Акира и особое расположение к нему царя после того, как Акир воспитал разумного отрока Анадана и «вдаде его . . . царю Синогрифу в даръ честен». В текст Повести внесены также отдельные замечания о царице, жене Синографа, и др. По мнению В. И. Малышева, «редактора интересовал вопрос о народном царе, правителе».⁷ Мы можем отметить, что в данном тексте особо подчеркнуты и некоторые «демократичные» черты отношения царя к своим подданным, например беспокойство Синографа о судьбе Акира или встреча книжечя Синографом вместе со своими приближенными после возвращения того с победой от «поганого царя».

Подвергся изменению язык и стиль Повести. Так, например, Синограф неоднократно называется «великодержавным царем», Анадану поручены «великие государственные должности», у Акира в темнице сидит «по уголовным делам злодей» и т. п.

Вероятно, редактором обработки интересующей нас Повести был И. С. Мяндин. Как известно, с его именем связывают переделки нескольких повестей, известных древнерусским книжникам: о Басарге, о царевне Персике и др.⁸ По-видимому, общее сокращение текста Повести об Акире было вызвано тем, что сборник имел маленький формат, в 16-ю долю листа, и предназначался для карманного ношения. Редактору важно было сохранить основную линию сюжета — линию напрасно оклеветанного мудреца Акира своим неблагодарным воспитанником, племянником Анаданом. Текст Повести об Акире в усть-цилемской обработке представляет несомненный интерес для истории развития столь популярной в мировой литературе темы о непостоянстве человеческой судьбы, о непрочности земного величия, волновавшей всегда читателей.⁹ Ниже мы публикуем текст Повести об Акире в усть-цилемской обработке. Он издается по списку третьей четверти XIX в. из Печерского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома, № 67, л. 197—219 об.¹⁰

Повѣсть о Акирѣ Премудромъ¹

л. 197

В земли Ливиистѣи бѣ нѣкто мужь у царя Синографа разумень зѣло и премудръ, именованъ Акиръ, имѣя у себя злата, и сребра, и камня многоцѣннаго, и конѣи борзыхъ, и витязѣи храбрыхъ многое множество, а дѣтей

⁷ Там же, с. 33.

⁸ Там же.

⁹ О возникновении первоначального сюжета Повести см.: А. Д. Григорьев. Повесть. . . , с. 55—57.

¹⁰ В Хранилище древних рукописей Пушкинского Дома находится списанный участниками археографической экспедиции 1973 г. в Усть-Цилемский район Коми АССР Н. С. Демковой и Е. М. Шварц еще один текст Повести об Акире. Он обнаружен в сборнике, который также переписан И. С. Мяндиным. По нашим предварительным наблюдениям, и этот текст отражает усть-цилемскую обработку Повести, при этом он имеет ряд разночтений. Однако вопрос о взаимоотношении его с публикуемым текстом должен быть рассмотрен особо, так как не исключена возможность нахождения новых списков усть-цилемской обработки Повести.

¹ Для передачи особенностей письма И. С. Мяндина при публикации текста были сохранены все случаи употребления им ъ, ѣ, ѝ.

- л. 197 об. не имея || ни женска, ни мужеска полу, ибо жена его бесплодна бысть, именем Феодулия. И начаста богу молитися о даровании дѣтища имъ наслѣдника, яко да научитъ его всякой премудрости, и душевной и тѣлесной добродѣтели, и да будетъ великому нашему царю Синогрифу в послуженіе, || а мнѣ, отцу своему, радость и веселие, а по смерти наслѣдникъ моему имѣнью. Господь же бог, услыша молитвы ихъ и слезы, посла имъ ангела своего возвѣстити, да не все слезы проливаютьъ, зане бесплодны суть, но аще рече: «Хощете, да будетъ вамъ утѣха в старости, возми сестри || сына Анадана, и воспитаи яко же и рожденнаго, и научи всякой премудрости и разуму философскому». Тогда Акирь по глаголу ангелову взя сына сестры своей; воспита и научи всякой премудрости и добродѣтели, и како чтити отца и мать, и любовь имѣти ко всѣм, никого не оклеветати, || не усудити,^а ни дерзу быти, ни гнѣвливу, но паче милостиву и тиху быти и прочая. Егда же прииде Анаданъ в совершенныи возрастъ и изучиса всеи философской премудрости и разуму, вдаде его Акирь, отецъ его, царю Синогрифу в даръ честен. Его же царь приемъ от Акира и видѣ зѣло разумна отрока и до || брородна, одари Акира богатыми дары. И почти его выше всѣхъ князей и боярь, к тому же постави Акира над всѣмъ войском, ибо в то время воеваху иноплеменницы окрестныхъ странъ и вельми нападающе на Ливийское царство. Акирь же премудрыми своими распоряженіи всѣхъ отрази и пово || ева яко многия и данники я сотвори царю Синогрифу, сего ради сопостати и противнии зѣло убояшася и не токмо воевати страны царя Синогрифа покушающеся, но и помыслити не смѣюще. Царь же Синогрифъ, велие благодарение богу возсылая, и премудрому военачальнику Акиру честь великую принося, || и оттолѣ паче всѣхъ почиташе премудраго Акира, и дары многоцѣнными удовляше его. Злокозненныи же врагъ дияволъ не могши терпѣти в добродѣтели мужа сияюще и любима и почитаема от царя же и от вельможъ. Вложи зависть Анадану, нареченному сыну Акирову, злую зависть на отца || своего Акира, и нача помышляти, еже бы како его погубити, но пронырливый дияволъ, вложивый се, той и время избрѣтъ к погубленію Акирову. Анаданъ же у царя Синогрифа в то время бысть^в велицѣи почести за многую премудрость, но и паче за вѣрную службу отца его Акира. И сего ради бѣ поручено || ему великия государственныи должности; помысли убо в себѣ учинити нѣкое зло коварствомъ сицевым. Во единъ от днии наставши ноци, егда вси людие града того от царя и до меньшихъ упокоишася, яко же обычай есть^о в глубоконощіе всемъ спати, абие написа Анаданъ от имени царя к Акиру сице || вую епистолию: «Акиру Премудрому, военачальнику и совѣтнику моему, радоватися, вѣмъ азъ твою ревностную службу и попечение о нашемъ царствіи, яко не щадиши живота своего, сего ради хощу в сии часъ вскорѣ собрати все воинство и стати противу царьскихъ чертоговъ мои во всемъ вооруженіи || якоже и на брань, да сего ради паче от мене большія почести сподобиши». Яко написа лукавыи Анаданъ сию коварную епистолию, абие умоли нѣкоего от царьскихъ служителей да со всякою тайною вдасть ю Премудрому Акиру. Егда же получивши ону, лжи исполненую грамату, л. 203 Акирь зѣло удивися || и надолзѣ помышляше в себѣ, что ради тако изволися царю Синогрифу искусити раба своего в вѣрности к нему, но обаче не смѣ ослушатися, абие повелѣ собрати все воинство, и самъ выеде на бранномъ конѣ своем. Егда точию ощути Анаданъ се ополчение, абие возбуди царя Синогрифа и рече ему: || «О великодержавный царю, что нынѣ спиши, виждь его же возвысил еси паче всѣхъ великородныхъ князей и вельможъ, и почте дары многоцѣнными, что творить, вооружается противу

^а Так в ркп.

^о есть вставлено на полях ркп.

державы твоя. Се Акирь, любимецъ твой, стоитъ внѣ дворца с вооруженнымъ войскомъ, плѣнители ты || хочетъ». Се же слышавъ, царь Синогрифъ скоро вскочи от одра своего в велицѣ страстѣ. И узрѣ абие Акира стояща вооружена и все ополчение яко на брань уготовашася, зѣло убояся, абие вскорѣ посла 300 избранныхъ своихъ да отсѣчется Акиру глава, а тѣло его в рѣку воврещи, а главу принести || к нему на извѣщение. Егда таковое повелѣние возвѣстиша со многими слезами и рыданиемъ Премудрому Акиру. Онъ же бысть надолзѣ яко изумлень, послѣди же в себѣ пришедь и рече к посланнымъ на отсѣчение главы его: «О добродороднии и великодушнии воини, азъ о смерти моеи нимало не пекуся, но царя моего || Синогрифа сожалѣю, ибо вижу многихъ враговъ. И по смерти моеи онъ лишится своего царства, но ежели примитѣ мое предложение, то можетъ царь Синогрифъ еще дожить до смерти в царствии своемъ». Слуги же и воини согласишася. Тогда рече имъ Акирь: «Есть у меня по уголовнымъ деламъ злодѣи, я предаю вамъ на отсѣ || чение вмѣсто меня. И на его мѣсто я буду сѣдѣть в темницѣ». Егда сие услышаша от Акира, радости многия наполнишася. И абие вскорѣ сие на дѣло произведоша. И царю Синогрифу, гнѣвомъ дышущу, главу разбоиничю показаша. И егда промчеса сие Акирово убие- ние в царствии Ливитскомъ, || мнози печалию уязвишася не токмо про- стии, но и сановитии. Тогда сие доиде вслухи и до иноплеменныхъ враговъ, яко услышаша Акирово убие- ние, абие вси на Ливийское царство, аки хищнии волцы, устремишася, но обаче нѣ смѣюще еще воиною воору- житься, но посылають некия послы с цѣлюю || нѣкихъ хитросплетен- ныхъ загадокъ во мнѣнии аще нѣсть Акира, то предложенныя загадки разрѣшати не могутъ, посему уже и царства лишитися подобаетъ. И яко же ощути царь Синогрифъ враговъ нашествие и таковое предложение, к тому же и царицыно лишение зѣло рыдая и неутѣшно плакаше, || и яко услыша единою глаголюща царя Синогрифа в своей его ложницѣ, нѣкто из близкихъ слугъ глаголы плачевными и весьма трогательными сице: «Кто не удивится моему неразумию, како погубихъ столь премудраго вое- начальника Акира. И естли бы живъ былъ мой любимы дядюшка Акир, врази мои не бы смѣли || и близъ моего царствиа явитися. Нынѣ же, о лютѣ мне подсмѣянъ бываю, но и царства, и супружницы лишаюся». И ина многа изглаголавъ с горестию. Тогда слуга оный радости наполнивша о перемѣнѣ царевѣ ко Акиру абие скважнею малою весьма тихо прогла- гола к царю: «Акирь живъ». Царь же нача прислушиватися || к потаен- нымъ словамъ слуги онаго. Онъ же вторично рече то же слово: «Акир живъ». Тогда царь больши устреми в ту страну слуха, егда услыша третии гласъ, подобенъ первымъ, и абие призва царь придверника онаго, и с тихостию нача вопрошати, и глагола ему: «О доблии и вѣрнии слуго, чесо днесъ глаголалъ еси внѣ дверей стоя не || ужели Акирь Премудры живъ?», — слуга же, видя прилѣжное цареву вопрошение, рече ему: «О державный царю Синогрифе, мнѣ нѣтъмися, яко Акирь живъ». Сия слышавъ царь радости многия исполнивша, рече тому слузѣ: «О вседоблии юноше, извѣсти ми воистину, гдѣ хранимо есть таковое сокровище || драгоцѣнное, веди мя к нему, абие да вскорѣ узрю его и приму прощение, егда како не помянет моего зла». Слуга же скоро идоша с царемъ в темницу. И яко царь узрѣ Акира, зѣло возрадосася. И от радости многи слезы излиа, рече: «О дра- гая главо, Премудрый Акире, не помяни моего зла, но прости ми, молю тя, и днѣсь || от враговъ нападающихъ и расхитити хотящихъ помози ми и не остави до конца погибнути», — сия и ина многая царь изрече со многими слезами. Тогда отвѣща ему Акирь⁶ и рече⁷: «Вѣси ли, о царю, како азъ еще живъ сии остался, предвидѣхъ бо, яко по умертвии моемъ будутъ

⁶⁻⁷ и рече вставлено на полях.

4. 210 нападати на державу твою врази || и сего ради вмѣсто себѣ предахъ смерти одного преступника». Сия слыша царь от Акира, велие благодарение воздаде всѣмъ соблювшимъ жизнь его и даровавшаго паки мудраго военачальника. По семь нача молити царь Акира, да восприимет паки свое звание и облечется во отмщение врагом. Акирь же моление царево не ослушався ||
4. 210 об. ^дмоления царева^е, скоро повелѣ приготовить потребное число воиска, и всякия орудия и запасы. Самъ же яко нѣкий инъ из вельможъ царьскихъ, а не сам той Акирь еде пред полкомъ в той градъ, гдѣ назначено отгадывать предложенныя загадки. Царь же Синогриф со своею царицею быша
4. 211 во мнозѣ покои и надѣждѣ на Акира, || но прости народи, нѣ вѣдуще сего, сѣгущеще и тужаще. Врази же их, егда ошутыша пришествие послов царя Синогрифа, радости многия наполнишася, мняще их пришедших с преданиемъ царства и молениемъ о пощадѣ. Но Акирь под названіемъ посла сказа царю тоя страны, рече: «Азъ не о пощадѣ приидохъ молити, но на предложенныя || вами загадки отвѣтъ подати. Аще ли мы не можемъ сотворити, то предаемъся в вашу волю со всѣмъ царствомъ нашим. А отгадаемъ вами предложенныя загадки, вы должны намъ предатися в подданничество». Таковое смѣлое разглагольствие посла царя Синогрифа зѣло удивиша царя поганска. И вопросы его: «Како || ты смѣло хощещи разрѣшити мой загадки, кои, по мнѣнію моему, кромѣ прежде бывшаго у васъ Акира Премудраго никто не можетъ разрѣшити». Тогда отвѣща Акирь и рече к царю: «Азъ самъ от Акира главу отягъ, и в то время высмотрѣхъ всѣ его мозги и умныя замыслы. И сего ради надѣюся, яко господь мнѣ поможет ||
4. 212 об. се исполнити точию, се условие надобно хранить неразрушимо». Царь же поганскій надѣяхся на свои хитросплетенныя загадки, утверди сие при многихъ владѣтельныхъ государяхъ прирече же и се: «Аще нѣсть Акира в живыхъ, то мои гадания не разрѣшатся, и царство Ливийское будетъ моимъ, и царь Синогрифъ моимъ слугою, || а его прелѣстная царица будетъ служанкою». Но Акир сего не возлюбил и рече к царю: «Не уловивши птицу — не употребляя в пищу, а не совершивъ подвига — не похваляясь, а лучше скорѣе объяви твоя гадания. И мы будемъ ти отвѣщати». Тогда царь поганскъ нача сказывати своя гадания и рече: «Слыши, посланиче царя Синогрифа, мое || предложение сипцевое — да созижещи в три дни градъ на воздухѣ; сие слышавъ Акирь, ослабився и рече: «Азъ твое предложение исполню в точности, ибо на сие имѣю довольно мастеров. Точию мнѣ заготовъ лѣсу и материаловъ в три часа и представ на мѣсто строения, сверхъ того, самому тебѣ измѣритъ и у || казать мѣсто на помѣщение города». Таковое премудрое отвѣтствование слышавъ, царь изумися, но обаче обѣщася доставити Акиру все потребное, в 3 часа, точию аки^ж дабы постройку города начал прежде. На сие онъ, мудрый здатель, рече к царю:
4. 214 об. «Вѣдомо буди ти, о царю, никий же мастер не на отведенномъ мѣстѣ || господиномъ не можетъ начати постройку, также и не имѣя лѣсу и материаловъ заготовленныхъ». Царь же удивися таковымъ мудрымъ отвѣтамъ, аби приказа в скоромъ времени изготовити все потребное, точию мѣсто указать аще можаше, но измѣрити не думѣяшеся и рече Акиру: «Азъ пространство в воздухѣ на со || оружие города опредѣлити не могу, а лѣсъ и материалы готовы, точию приступи к работѣ, а в величинѣ я не буду спорить». Тогда поемъ Акирь величайшую птицу и привязавъ к оной небольшой деревянной сосудъ. И посади малаго отроча с молоточкомъ и повелѣ просити лѣсу и кирпичей, велегласно рыча: «Подаютъ лѣс || и подавайте кирпичи». Сие услыша царь и прочіи людие, зѣло удивившася. Тогда Акирь нача понуждати царя о доставлении на мѣсто постройки лѣсу и кирпичей. Царь же видя такое хитрое Акирово дѣйствие и не возможе отговоритися

^д — в Так в ркп.^ж аки вставлено на полях ркп.

ничим же, ни лёсь на воздух подавать не возможе, припаде к ногамъ Аки || ровым и рече: «О премудрыи совѣтнице Акировъ, нынѣ буди ты господи́нь мой, а мы раби твои, яко хитрости наша прехитри днесъ. Се вся в руку твоею яко же хочещи да твориши». Тогда Акирь вземъ от царя того повинную грамоту и данию обложи. И царь одари его многоцѣнными дары, зане онъ остави его царствовать, || а не восхотѣ взяти его в плѣнъ и работати. Егда же возвратися Акирь от супостатъ со многою корыстию и многоцѣнными дары же и царскою грамотою за златою печатию, царь же Синогрифъ верѣте его с вельможи своими далече от града и проздрави с побѣдою. Акирь же такожде противу отдаде честь || и престави царю повинную грамоту, сицевое имущее надписание: «Царю царем Синогрифу радоватися, посла вашего азъ искусих в моихъ загаткахъ, тщание имѣя воеже брани минути, но обманухся, помыслихъ Акира умерша, того ради и понудихся востати на тя. Но аще Акирь умре тѣломъ, но душею живъ || есть, и мню, яко Акир никогда не умиралъ. Сего ради прехитриша его хитрости моя, и азъ не поневолю, но с радостию многою предаюся власти вашей. И готовъ есмь слушати вашихъ повелѣний, но и паче же благодарю вашего посла аще не онъ самъ былъ Акирь, яко не мню, чтобы не былъ тотъ Акирь у меня, || ибо, кромѣ хитрого его дѣиствия, онъ имѣлъ благородную душу и милостивное со мною обхождение. И сего ради одарихъ его по достоинству. И притомъ же присылаю вашему величеству приличныя сану твоему дары. Здравъ буди, царю Синогрифе». По прочтении же грамоты приидоша вси в полаты. Племянник же Анаданъ егда узрѣ || ³ дядю Акира⁴, нареченнаго отца своего, измѣнися лицом и позна его воистинну, но обаче яко бы не вѣдая на себѣ никакой вины, нача проздравляти его по обачию, Акирь же рече ему: «Проздравляю и тебя с новою жизнию на двухъ столбахъ с перекладкою стояти на воздухъ». Се рекъ и показа царю его ложныя грамоты. || Се же видѣвъ, царь повелѣ Анадана, любимца своего, смерти предати, то повѣсити, и каждому из простыхъ людей приказалъ Акир* приходити близь его и лежащую палицею трижды ударити с сими реченими: 1 — не рожденъ — не сынъ, 2 — не окупленъ — не холоп, 3 — без кормля и ворога не видать. Сими словами даде знать || Премудрыи Акирь, чтобы не токмо дѣти родныя, но и усыновленныя бы⁴ почитали названныхъ своихъ отцев и матерей и не оклеветали бы зависти ради, за что не токмо здѣ примутъ достойную казнь, но и по смерти муку вѣчную, сия же нас избави, Христомъ боже. Аминь.

³— дядю Акира *вписано над строкой*. * Акир *вписано над строкой*. ⁴ бы *вписано над строкой*.

С. Ф. ФРОЛОВ

Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома

Крюковой сборник Причудского собрания № 97 — древнейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома. Он написан в конце XV—начале XVI в.¹ Почерк сборника — полуустав. Рукопись имеет 260 листов, в число которых входят л. 1—3, 28—29, 259—260, позднейшей бумаги, приплетенные во время реставрации в конце XIX—начале XX в. Переплет также новый — картон, покрытый тканью с кожным корешком и уголками. На отдельных листах рукописи довольно часты поздние читательские и владельческие записи карандашом и чернилами. Нотация в рукописи знаменная, столповая, текст раздельноречный. На л. 91 об., 92, 116^о об., 136 об., 138—144, 209, 211 об., 212, 228—229, 234—236 текст не распет, хотя и был предназначен для пения. На этих листах писец специально оставил место для крюков.

Рукопись доставлена в Пушкинский Дом из г. Даугавпилса (Латвийская ССР) археографической экспедицией 1960 г.²

Певческая рукопись Причудского собрания привлекает внимание не только потому, что она является старейшей в Древлехранилище, — этот крюковой сборник сам по себе представляет значительный научный интерес.

Сборник состоит из нескольких крупных разделов: л. 4 — Указ ирмосам и канонам (л. 10 об.) на весь год; л. 30 — Октоих со свечильнами и стихирами евангельскими; л. 78 — Первый раздел неустойчивого состава;³ л. 92 об. — Стихирарь праздникам и избранным святым; л. 117 — Триодь постная и цветная; л. 198 — Второй раздел неустойчивого состава.

В каждом из этих разделов нашли отражение основные черты определенной эпохи в развитии певческого искусства Древней Руси. Поэтому, давая характеристику отдельным частям сборника, следует коснуться некоторых вопросов истории древнерусской профессиональной музыки.

Татаро-монгольским завоеванием и разорением Руси начинается второй период в истории древнерусской музыки, продолжающийся до середины XV в. В этот период, особенно в его первые десятилетия, знаменное пение переживает глубокий упадок. Разорение коснулось не только материальной, но и духовной культуры. За время с середины XIII до середины XV в. сохранилось вряд ли намного больше певческих рукописей, чем за период до монгольского завоевания. Полностью была утеряна культура конда-

¹ Филигранные рукописи — бычья голова и тиара, Брике, № 15376 — 1498 г., № 14733 — 1434 г., № 15375 — 1492 г., № 15391 — 1496 г., № 4898 — 1501 г.; E. Laucevicius, № 1443 — 1426 г.

² См.: Ю. К. Бегунов. Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1965, с. 386.

³ См. характеристику этого термина ниже.

карного пения. Только к концу периода, уже в XV в., восстанавливаются основные певческие традиции, сформировавшиеся и достигшие своего первого расцвета в эпоху Киевской Руси. В то же время с XV в. начинается новый подъем всей музыкальной культуры Руси, приведший к ее перерождению в XVI в. Респеваются новые тексты и целые певческие книги, обогащается попевочный словарь знаменного распева, зарождаются новые интонации Демества и Пути.

Изучение этого процесса затруднено, так как дошедших до нас певческих рукописей XV—начала XVI в. известно мало. Таким образом, описываемый нами певческий сборник интересен как один из немногих сохранившихся памятников музыкальной культуры этой эпохи.

Наиболее традиционными частями сборника являются Указ ирмосам и канонам и книга Стихирарь. По своему типу Стихирарь может быть отнесен к так называемым общим стихирарям, в его составе — песнопения византийским и общехристианским святым и праздникам. Стихиры русским святым отсутствуют.

Певческие книги Октоих и Триодь в сборнике представлены в своих ранних редакциях. Октоих, начальные листы которого утеряны, имеет только одну стихирю «на малой вечерни» и сокращенную подборку текстов «на велицей вечерни». В составе Триоди встречаются некоторые отклонения от окончательных устойчивых типов этой певческой книги.

Наиболее интересны в рукописи так называемые «разделы неустойчивого состава». Это понятие вводится нами для обозначения особых частей певческого сборника. В отличие от традиционных певческих книг — сборников песнопений с определенной структурой и определенными жанровыми особенностями — раздел неустойчивого состава представляет собой свободную подборку текстов разных певческих жанров. Такая подборка может носить и случайный, и избранный характер. По существу раздел неустойчивого состава является своеобразным сборником в сборнике. Следует указать, что разделы неустойчивого состава становятся неотъемлемой частью певческой рукописи во время зарождения новых певческих книг — Октоиха, Обихода, Праздников и др., т. е. с середины XV в. Такое совпадение не случайно. Роспетые тексты новых певческих книг впервые появляются именно в этих разделах рукописи. Здесь разрозненные тексты постепенно получили характерную организацию и затем выделились в самостоятельные книги. Таким образом, раздел неустойчивого состава играл роль своеобразной творческой лаборатории в певческой практике древнерусского певца.

В нашей рукописи таких разделов два.

Первый раздел неустойчивого состава включает в себя три части: л. 78 — «Последование часам на рождество Христово», л. 81 об. — «Последование часам святого богоявления» и л. 86 — Розники Ирмология. Все три части являются отрывками из двух богослужебных певческих книг. Розники обычно завершают книгу Ирмологий, известную в древнерусских рукописях еще с XII в. Это традиционные песнопения. Новыми для певческих рукописей можно считать «часы рождеству и богоявлению». В XV в. они еще не получили определенного места в книгах. Только в XVI в. «часы» станут неотъемлемой частью певческих Праздников — сборника стихир на двенадцатые праздники.

Второй раздел неустойчивого состава представляет собой необычное смешение многих певческих жанров, песнопений по самым различным видам службы. Невозможно даже четко наметить структуру раздела. Все же в этом хаотическом смешении различных произведений малых форм обнаруживается некоторая закономерность. Здесь собраны основные произведения, которые на протяжении XVI в. образуют две новые пев-

ческие книги — Праздники и Обиход. В первую из этого раздела войдут праздничные стихиры, а также все богородичны, каноны и целые подборки стихир отдельным дням года. Остальные произведения раздела тяготеют к Обиходу. Это «причастный стих»: «Да молчит всяка плоть. . .» (л. 202 об.), подборка на 8 гласов аллилуйи, «Бог господь», «Свят бог господь» и начальные строки псалмов (л. 217—219). Сюда же следует отнести произведение, исполняющееся «вместо херувимской», — «О тебе радуется» и несколько других текстов с указанием на Демество (л. 227—229).

Термин «Демество» трижды проставлен на полях л. 228—228 об. и несомненно свидетельствует о том, что помеченные им тексты должны иметь демественный распев. Очевидно, это древнейший из известных науке примеров демественного пения.⁴ До настоящего времени самым ранним образцом Демества считался приведенный в книге Н. Д. Успенского отрывок из рукописи второй половины XVI в. (ГПБ, Соловецк. собр., № 763/690).

Демественный распев рукописи записан столповым знаменем, тем самым подтверждая предположение о том, что собственно демественная нотация вырабатывается позже, возможно в середине XVI в.⁵ Кроме указания на Демество, в тексте рукописи встречается еще несколько терминов, связанных с демественным распевом: «Верх», «Низ» и «Путь» — л. 229. Терминами «Демество» помечено 6 отдельных текстов, но только первый из них распет. В остальных случаях текст не имеет нотации, хотя между строчками явно сохранялось место для крюков. В то же время в некоторых словах нероспетых текстов встречаются сокращения под титлами и выносные буквы. Интересно содержание этих текстов. Четыре последних являются текстами величаний Богородице. Второй текст близок по содержанию традиционным богородичнам, но не образует точного аналога. Первый и единственно распетый текст нам встречается впервые. Кроме не совсем понятных по смыслу начальных слов, — «Церковь и ручку ты и златую дверь», в нем значительное место занимает аненайка и несколько греческих слов, написанных по-русски: «. . .пань, пань ану ану патрость». В остальных же текстах греческих слов нет.

Термины «Верх», «Путь» и «Низ», проставленные при нероспетых текстах величаний, требуют особого внимания. Согласно гипотезе Н. Д. Успенского, употребление этих терминов свидетельствует о демественном многоголосье.⁶ В нашей рукописи, однако, как и в ряде других примеров,⁷ демественная терминология имеет совершенно другой смысл. Ремарки «Демество», «Верх», «Низ» и «Путь» поставлены при 4 совершенно различных текстах, никак не предполагающих их совместного исполнения. Можно только предполагать, что эти указания сообщают характер роспева текста и, возможно, связаны в профессиональной терминологии с представлением о различной высоте исполнения.

Факт, что в рукописи конца XV—начала XVI в. были встречены образцы раннего Демества, дает основания предполагать и дальнейшие открытия демественных распевов в рукописях этого времени. В настоящий момент примеры Демества в сборнике Причудского собрания наиболее ранние из известных науке. Поэтому старейшая певческая рукопись Древлехраанилища Пушкинского Дома является уникальным памятником музыкальной культуры Древней Руси.

⁴ Как пишет Н. Д. Успенский: «Что представляло собой демественное пение в XV веке — остается неизвестным, так как ни записей демественных песнопений, ни сообщений о нем, кроме приведенного из Воскресенской летописи, от того времени не имеется» (Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 199).

⁵ Там же, с. 213.

⁶ Там же, с. 280—281.

⁷ См. рукопись 1558 г.: ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 652/909, л. 246.

И. Н. УХАНОВА

Указ выговцев об изготовлении туесков

В Карельском собрании Древлехранилища Пушкинского Дома находится сборная рукопись (конволют) 20-х годов XVIII в. — первой трети XIX в., размером в 4°, в деревянном, обтянутом тисненой кожей переплете.¹ Она была привезена В. И. Малышевым в 1940 г. из Сум-Посада Беломорского района Карело-Финской ССР. В ее состав входят рукописные и печатные тексты. По-видимому, она ценилась читателями. Это явствует из пометы на л. 21: «1890 года сию книгу читал крестьянин Алексей Иванов Миронов. Эта книга очень полезна для чтения христиан». Общая сохранность рукописи свидетельствует о бережном к ней отношении на протяжении многих десятков лет.

Первое впечатление от книги — впечатление от ее внешнего оформления. Кожаный тисненый переплет украшен ромбовидными узорами, часто встречающимися на книгах, исполненных мастерами с Выга. Существенным дополнением к переплету служат медные застёжки, интересные по своему художественному замыслу. Каждая из них проста — небольшой прямоугольник, переходящий в круг с 6 острыми зубчиками по краю, поверхность которого декорирована глазковым орнаментом, т. е. узором в виде гравированных кружков с точкой посередине. Четкость формы и ясность композиционного решения орнамента примечательна не только для подобных мелких работ северорусских мастеров, но и для всего народного искусства Северо-Запада России. Аналогичные варианты декоративных узоров можно видеть в резном дереве, как бытовом, так и архитектурном, и других видах художественного творчества. Несомненно, что переплет был исполнен местными мастерами, скорее всего, как предполагает В. И. Малышев, над ним трудился кто-то из семьи Петровых — известных мастеров переплетного дела XVIII в.

Рукопись представляет большой интерес не только со стороны внешнего оформления, но и по содержанию. Особое внимание привлекают в ней два устава Выговского общежития. Написаны они каллиграфическими скорописными почерками: можно думать, что их выполнял опытный писец. О местной выгорацкой школе книжного дела, о переписчиках и художниках, выработавших с течением времени свой особый стиль, в настоящее время достаточно известно.² Что касается содержания, то первый устав интересен своими общими установками на правила поведения братии на церковных службах, на трапезах и т. п. (л. 15). В нем подчеркивается необходимость согласования любых действий, включая и чтение книг, со старостой: «Грамотным братиям на службах, в праздники и простыя дни

¹ Карельское собрание, № 38.

² Е. О. Поморские рукописи, их миниатюры и орнаментация. — Золотое Руно, № 10, 1907; В. М. В и п и е в с к а я. Свободные кистевые росписи. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968, с. 12, 13.

писем про себя никаких никогда писать не поущати, и весма о сем старостам запрещати. Тако же и в праздники, егда книгу читают, особно грамотным книги читать не поущати, но егда отчтут соборное чтение, тогда свободность имеют» (л. 17). Иерархичность подчинения здесь несомненна. Устав этот характеризует строгость существовавших в обители правил, которым обязаны были подчиняться все члены Выговского общежительства, особенно живущие в самом монастыре. В непосредственной связи с отмеченным положением находится и указ, написанный на соседних двух листах (л. 19, 20) и более интересный для нас по содержанию. Ниже полностью его текст.

Боголюбивым и добропослушным братьям нашим, иже за по(по)слушание на всех службах добротщательно труждающимся.

Понеже мнози от трудников летом между трудами тчатся делати ови туюски, ови крошни или ино что, делают же сия не по чину пустынному, но с прикрасами мирскими, слуду полагают, басмами басмят. Еще же и делают и раздавают неведомо куды без благословения настоящих и поставленных над ними надзирателей, противно общежителному благочинию.

Занеже святни отцы глаголют: «Все в братстве, творимое без благословения, грех есть», — чесо ради от греха онаго свобождающе трудящихся. Соборне приказываем: котории от братии восхотят делати туюски или крошни, прежде да благословятся у старост своих. А старостам смотреть о сем тщательно.

Дабы туюски оныя по обычаю пустынному деланы были, а прикрас мирских как слуды, так и басменья излишняго весма не обреталося. Такожде делающие туюски, всякой бы от них тцался в казну келарю зделать сколько возможет для братския общия потребы.

А прочия соделанныи туюски, колико зделают про свой обиход и ежели восхотят раздават кому, — со благословения отдавати должни, суть в братстве, да благословляются у казначея рубашешняго, у котораго благословляются к сродницам ходить и к сродницам ли послать чрез онаго, да посылают. Аще ли на трудах случится, у старост своих да благословляются, и ежели послать хотять к сродницам, котории определены над трудницами болшим, чрез того да посылают, а не чрез прочих стариков. А котории явятся самоволне с прикрасами мирскими, со слудю и прочими, — такковыя у них обирати, самих же на поклоны ставити и прочими подобающими запрещеньми наказовати. А котории без благословения делают и раздают начнут, — ти повинни будут соборному запрещению, аще ли не сродницам отдавати и посылат станут без благословения на то определенных, — подпадут жестокому запрещению. О сем старостам прилежно смотрити, и всем трудником накрепко казакати: да отселе туюзов и крошен без благословения ниже да делают, ниже да дерзает раздавати.

Мир же божий преимуций да сохранит вы во всяком спасительном пребывании благодатию своею. Аминь.

В указе вновь идет речь о соблюдении правил подчинения и послушания, но, что особенно важно для нас, в нем впервые затронут вопрос художественного творчества. Случай редкий. Поэтому интерес к документу проявляют не только историки и филологи, но и историки искусства. Конкретное указание на работу выгорецких мастеров в области плетения из бересты различных бытовых предметов, более того, на специфику декоративного оформления берестяных изделий, — это необычайно интересное свидетельство. Оно позволяет говорить о местном центре производства; по-видимому, стилистические особенности художественной обработки туюсков были теми же, что и в резном дереве, и в металле, и в тиснении по коже. Геометрическая орнаментация из кругов, сквозной сетки, мелких тисненых кружков, звездочек и точек по бересте в сочетании с цветной окрашенной слудюй в виде фона создавали красочную гармонию предмета, привлекавшего к себе всеобщее внимание. Из сохранившихся в музейных собраниях немногочисленных, но характерных по своей орнаментации предметов именно такого рода можно сделать заключение о специфических чертах выгорецких берестяных изделий XVIII в. Указ лишь помог уточнить хронологические рамки производства берестяных предме-

тов и закрепить четко факт существования на протяжении XVIII в. мест их производства.³

Любопытно отметить, что преимущественно крестьянский состав бра-тии Выговского общежительства⁴ выделил из своей среды людей, одаренных в художественном отношении, которые продолжили народную традицию резьбы по дереву, сохранив живость и специфическую декоративную образность прикладного искусства. Это лишний раз позволяет характеризовать Выгорецкое общежительство как разносторонний центр художественной жизни, как интересный по многим своим проявлениям центр культуры Русского Севера.

Находка этой рукописи в Сум-Посаде важна уже потому, что свидетельствует о прочно устоявшихся связях Карельского полесья с выговцами. Мы получили также возможность ознакомиться с редчайшим свидетельством, указывающим на один из видов естественно развивающегося народного искусства. Художественная обработка бересты — это творческий, созидательный процесс, требующий определенных профессиональных навыков и мастерства. Среди жителей деревень многих областей России этот вид творчества был развит. Переселенцы принесли его с собой на Выг, создав здесь свой центр производства с характерными стилистическими особенностями. Трудники, а не монахи занимались плетением, резьбой и тиснением по бересте. Против них и был направлен указ, включенный в сум-посадскую сборную рукопись XVIII—XIX вв.

---

³ И. Н. У х а н о в а. Слюда в русском народном искусстве. — В кн.: Музей народного искусства и художественные промыслы. Труды Научно-исследовательского института художественной промышленности, М., 1972, вып. 5, с. 164, 165.

⁴ Еще в 1870-х годах Е. Барсов, работая над историческим очерком о Выговской библиотеке, подчеркнул, что монахов в монастыре было немного, преимущественно там находились трудники и бельцы (Е. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. — ЛЗАК за 1872—1875 годы. СПб., 1877, вып. 6, с. 1).

Т. А. АЛИМОВА

**Два памятника письменности
Древлехранилища Пушкинского Дома
о русско-скандинавских связях XVIII—XIX вв.**

В Древлехранилище Пушкинского Дома имеются материалы о плаваниях поморов в северных водах, на Грумант—Шпицберген, на Новую Землю, о зимовках на северных островах. Определенный научный интерес представляют неопубликованные произведения, посвященные торговым связям поморов с Северной Норвегией.

Поморы издавна плавали в Северную Норвегию, заходили в небольшие норвежские города и вели там торговлю, меняли муку на рыбу. Наиболее интенсивной была торговля конца XVIII—начала XIX вв. К этому периоду относится ходовой журнал крестьянина Вадаева, хранящийся в коллекции В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, привезенный из д. Скобели Виноголадовского района Архангельской области в 1971 г. Он называется: «Сия книга щетная морская и ходовой журнал крестьянина. . . Вадаева».¹ В нем подробно описывается полное опасностей плавание судов из Кемь, с заходом в Архангельск, в Рейнскую губу, на Рейнские острова (Северная Норвегия), где стояли 18 дней и торговали. К сожалению, описания обратного хода судов из Северной Норвегии в Кемь нет.

Текст этого «Журнала» следующий.

«Сия книга щетная морская и ходовой журнал крестьянина называем Вадаева.

Х о д

Июня 1. Вышли ис Кемь способным ветром и дошли до Ронбаков. Стояли сутки, легким ветром пришли в Троицку губу, стояли 4 дня. Побережником вышли из губы. 7 июня пришли над Летни горы и над Уиску губу, и встретил ветер весьма пылок, и ходили на реи сутки, и поворот имели к Вогоживу острову, и подошел ветер север.

13-го июня. Пришли в устье Архангелское, стояли 6 дней, 20 июня пребыли в город Архангелск. Расстояния от Кемь морем до Архангелска 305 верст.

Июля 6. Вышли от города Архангелскаго, устьем Николским, был ветер восток, в устье стретил ветер побережник, стояли ночь, 7 июля вышли в море и шли 2 дни до Терскаго. Стретил ветер полунощник, на реи ходили 4 сутки.

14 июля. Пошли от Трех островов и дошли до Качковки, и встретил ветер весьма велик, у лодей мачты ломало, у нас большой парус розодрало, однако бог пособил дойти обратно в Три острова. Стояли 7 дней.

22 июля. Вышли ис Трех островов и прошли до Лумбовских. Стояли 3 дня.

27 июля. Пошли из Лумбовских, дошли до Харлова ветром востоком.

29 июля. Ветром обедником шли до Килдина, ветра было довольно. От Килдина пошли ветром шолоником, шли до Чит Паволока. Стихло. И пахнул на ночь ветер

¹ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 171, лл. 1—2 об. Упоминание о нем см.: В. И. М а л ы ш е в. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома. — РЛ, 1972, № 2, с. 180.

восток, тем ветром шли до Варгаева. От города Архангелска расстояния до Варгаева морем 1060 верст.

От Варгаева пошли августа 6 дня ветром обедником, шли мимо Хлебы. И божиим изволением ветр велик нечаянно пахнул в паруса с гор высоких, и лодейным бортом через планцьерь воды почернуло, и люки сняло, и треть лодьи воды попало, и в нужды в великой находились, однако бог спас, и дошли тем ветром 9 августа на Килвик. От Килвика ветр пахнул восток, и прошли до Гаусина, ветра было ровно. Стояли в Гаусине 2 дни.

13 августа. Прошли в Рейнску губу торговать. Стояли в ней 18 дней.

1 сентября. Пришли из губы в Рейновы острова. Стояли 5 дней.

От Варгаева морем расстояния 607 верст до Рейновых островов. Итого от Арханге(л)ска до Рейновых расстояния 1667 верст.

После этого на следующем листе рукописи (л. 3) написаны заглавие «Обратгой ход» и обращение к некоему «милостивому государю Михаилу Алексеевичу». На л. 4 об.—6 — начальные строки из молитв, приготовленные к пению.

Ходовой журнал Вадаева является одним из немногих произведений поморов, рассказывающих о маршрутах плаваний поморских судов в Северную Норвегию.

Другим интересным памятником, рассказывающим о русско-скандинавских связях прошлого, является русско-скандинавский словник-разговорник, середины XVIII в. Он находится в сборной рукописи XVIII—XIX вв. смешанного содержания.² В ее состав входит: Мучения Кирика и Улиты, Разговор Прусского короля с фельдмаршалом Венделем от 31 июля 1759 г., Словник-разговорник, Слово на перенесение мощей Германа и Сергия, валаамских чудотворцев, История об отцах и страдальцах соловецких, различные молитвы, старообрядческое сочинение о кресте и другие статьи.

Как видно из приведенных заголовков, содержание сборника весьма разнообразно, но в нем как-то выделяется небольшая тетрадка с двумя текстами совсем светского характера — Разговор прусского короля с фельдмаршалом Венделем от 31 июля 1759 г. и Словник-разговорник, написанные одним почерком.

Что представляет собой Словник-разговорник? Он состоит из нескольких листов, которые разделены на две части. В левой колонке записаны русские слова, в правой — шведские, в русской транскрипции. На л. 15, 16, 17 читаем только слова и их перевод. Для примера приведем лишь несколько таких слов.

Человек	меньшее
Мужик	бонде
Хозяин	верд
Отец	фарь
Мать	морь
День	дагь
Ночь	нат
Воскресенье	сендах
Рождество христово	кристи фердесь
Голова	гувуд
Глаза	эгон
Нос	несан
Чулки	стремперь
Сапоги	стевлорь
Корова	ку
Боран	форь

Значительно больший интерес представляет вторая часть Словника-разговорника (л. 18). Она содержит уже целые фразы из русской речи, переведенные на шведский язык.

² ИРЛИ, Древлехранилище, отд. пост., оп. 24, № 5, л. 15—18 об.

Приводим эту часть разговорника полностью.

Хто не велел делать	Ва блан летера
Как делать	Гуру скань ернь
Если что продать	Эдерь ного ти селья
Есть	Де гар
Вино есть	Эдерь бранвин
Продай молока	Селья мюлык
Нет ничего продать	Гар инген тинг от селья
Поди у другово спрашивай	Ге тил де андра фреге ефтер
Господин куды едешь	Гере вар ресар ни
Откуль едешь	Вар ифран ресар ни
Я еду ис Питера	Яг ресар ифрон Петербурх
Не видал ли мужика на дороги	Гарнь ните сий ногом бонде по веген
Севодни проехал купец	Идах ресте гань ферби кюпман
Афицера видел	Офицерень гартн
Купец денег много везет	Кукманед ферер мюке пенгарь
Украли денги вси	Алла пенгар гар стульи ифрон гоном
Ты поезжай в другую дорогу	Друскал реса тил андра бек
В евтой деревни воров много	У тигерь бюэн эрь мюке куварь
Каково в Аbove жить	Гуру дант эдерь лева и Оба
Худо жить	Ила ать лева

Как видно из тематики приведенного выше Разговорника и судя по бумаге, он, возможно, был составлен в середине XVIII в.³ человеком, причастным к торговле и разъезжающим с товарами по южной части Финляндии (см.: «Каково в Аbove⁴ жить», «Откуль едешь — я еду ис Питера»). Поскольку Финляндия в конце XVIII в. входила в состав Шведского королевства и шведский язык был официальным языком господствующего класса Финляндии, автор указанного разговорника пользовался шведским языком для общения с торговцами.

Но вернемся к содержанию сборника. Каким образом попала сюда тетрадь с документами чисто светского содержания («Разговор» прусского короля с фельдмаршалом Венделем от 31 июля 1759 г. и Словник-разговорник)? Возникает вопрос — почему среди старообрядческих и иных произведений оказался русско-шведский разговорник коммерческого содержания? Ответ на это дает приписка на л. 112. Из нее мы узнаем, что «1840 года февраля, 17-го числа, сию книгу читал и отчасти переписывал из правил святых отец предания Вытегорской волости деревни Нижней Кузьма Ксенофонт Нефедов».

Согласно этой приписке, книгой пользовались около г. Вытегры, где со времен царствования Петра I была открыта лодманская школа для поморов, существовавшая и в XVIII—XIX вв. Не исключена возможность, что в начале XIX в., когда поморская торговля с Северной Норвегией была наиболее интенсивной, лодманы-поморы из Вытегры пользовались этим разговорником во время торговых сношений с Северной Норвегией. У них-то и сохранилась эта тетрабочка, потом включенная в состав сборной рукописи XVIII—XIX вв. И поскольку шведский и норвежский языки достаточно схожи и норвежцы понимают шведский язык, поморы могли общаться с норвежцами с помощью этого разговорника.

³ Водяной знак бумаги см.: Клепиков. Филиграния, № 955 — 1743—1764 гг.

⁴ В настоящее время Або — Турку.

Г. ДАНЧЕВ

Списки «Молитвы к Богородице» Димитрия Кантакузина в книгохранилищах СССР

До недавнего времени наши представления о распространенности стихотворения «Молитва к Богородице» известного южнославянского писателя Димитрия Кантакузина (XV в.) были весьма неполными. Причиной этого, конечно, нельзя считать отсутствие научного интереса к его творчеству, привлекавшему с начала XX в. внимание целого ряда болгарских, сербских и греческих историков литературы.¹ Это обстоятельство объясняется в первую очередь тем, что списки произведений Кантакузина находятся в разных хранилищах Австрии, Болгарии, Греции, Румынии, Советского Союза, Чехословакии и Югославии.

Из известных до сих пор 9 произведений, связанных с именем Димитрия Кантакузина («Житие с малой похвалой Ивану Рыльскому», «Похвальное слово Димитрию Солунскому», «Похвальное слово Николаю Мирликийскому», «Молитва к Богородице», «Служба Ивану Рыльскому», «Избранные молитвы», «Послание к домашнику Исаяе», «Послание к Владиславу Грамматику», «Географическое описание»), самое распространенное — «Молитва к Богородице». Средневековые книжники проявляли к ней сравнительно больший интерес, чем к остальным произведениям этого писателя. По всей вероятности, это объясняется высокохудожественной формой и тем, что 308 ее стихотворных строк отвечают настроениям и мыслям балканских народов в первый век османского ига на их землях.

О сравнительно большом интересе к молитве Кантакузина свидетельствует тот факт, что она была опубликована в Москве еще в 1660 г.² Этот

---

¹ Д. Маринов. Димитри Кантакузин. — В кн.: Сборник за народни умо-творения, наука и книжнина, кн. XVIII. София, 1901, с. 74—98; Б. Ст. Ангелов. 1) Няколко нови вести за книжовното дело на Димитър Кантакузин. — Известия на Института за българска литература, София, кн. II, 1954, с. 249—262; 2) Стари славянски текстове. X. Две неизвестни творби на Димитър Кантакузин. — Известия на Института за българска литература, София, кн. VIII, 1959, с. 263—274; В. Сл. Киселков. Димитър Кантакузин. — В кн.: Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, с. 321—335; Д. Петканова-Тотева. Димитър Кантакузин — жизнена съдба и поетическо откровение. — В кн.: Старобългарска литература, кн. I. София, 1971, с. 243—261; Г. Данчев. 1) Неизвестен припис на «Похвално слово за Димитър Солунски» от Димитър Кантакузин. — Известия на Института за българска литература, София, кн. XXI, 1972, с. 67—78; 2) Карелски пренес на «Молитва към Богородица» от Димитър Кантакузин. — Трудове на ВТУ «Кирил и Методий», София, т. X, 1974, с. 345—354. 3) Сп. Радојичић. «Стиси» — две песме Димитрија Кантакузина, српског књижевника из друге половине XV века. — В кн.: Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови Сад. 1967, с. 245—248; 2) Димитрије Кантакузин. Београд, 1963; 3) Димитрије Кантакузин. — В кн.: Стара књижевност. Београд, 1965, с. 483—504; Antoin Emil T a c h i a o s. Nouvelles considerations sur l'oeuvre littéraire de Démétrius Cantacuzène. — Cyrillomethodianum, Thessaloniki, 1971, 1, p. 131—182.

² Анеологiон, сiесть цветословiе. . . М., 1660 с. 441—454.

печатный текст, как показали наши разыскания, лег в основу ряда новых списков стихотворения.

Во вступительной заметке к первой публикации «Молитвы к Богородице» 1901 г. Димитр Маринов сообщает, что ему известны два списка памятника: один — из хранилища Рильского монастыря (этот текст он издает), второй — из библиотеки Сербского литературного общества в Белграде.³ Списки, хранящиеся в русских библиотеках, он вообще не упоминает, хотя в некоторых описях славянских и русских рукописей, изданных в XIX в., такие списки указаны.

Позднее этот пробел Маринова в известной степени был заполнен Б. Ст. Ангеловым. В 1954 г., публикуя один новооткрытый список «Молитвы к Богородице», он сообщил, что памятник известен ему в 12 списках.⁴ Несколькими годами позже, публикуя похвальные слова Кантакузина Димитрию Солунскому и Николаю Мирликийскому, он указал, что ему известно 17 списков стихотворной молитвы.⁵

В сербских исследованиях о Димитрии Кантакузине и изданиях «Молитвы к Богородице» нет сведений о количестве ее списков. Только Д. Трифунович сообщил, что таких списков известно около 20, но он не дает точных данных об их местонахождении.⁶

В результате работы в рукописных отделах различных библиотек удалось выявить к настоящему времени 34 списка «Молитвы к Богородице». Они встречаются в книгохранилищах Австрии, Болгарии, Греции, Румынии, Советского Союза, Чехословакии и Югославии. К указанным Б. Ангеловым 5 спискам «Молитвы», находящимся в книгохранилищах СССР (4 — в ГПБ и один — в ГИМ), мы можем теперь добавить еще 8 списков: два — в ГПБ, один — в Пушкинском Доме, один — в БАН, один — в ЦГИАЛ, два — в ГБЛ и один — в Государственном архиве Калининской области.

Часть новооткрытых списков «Молитвы к Богородице» находится в рукописях, которые или недавно открыты,⁷ или же описаны в последнее время в машинописных описях соответствующих библиотек.⁸ Но есть и такие списки, в которых стихотворение отмечено только как «Молитва к Богородице», параллельно с другими молитвами с подобным заглавием, без указания на автора — Димитрия Кантакузина, хотя это имя и фигурирует в заглавии.⁹ В двух, обнаруженных мною списках имя Кантакузина в заглавии не названо, соответственно, оно не указано и в описях.¹⁰ Это, безусловно, затрудняет выявление списков «Молитвы к Богородице» Димитрия Кантакузина и делает обязательным полный просмотр сборников, молитвенников и каноников, содержащих разные молитвы.

Итак, из известных в настоящее время 34 списков «Молитвы к Богородице» Кантакузина 13 находятся в библиотеках и архивохранилищах Советского Союза. Мы распределяем эти списки на две редакции.

³ Д. Маринов. Димитри Кантакузин, с. 76.

⁴ Б. Ст. Ангелов. Няколко нови вести за книжовното дело на Димитър Кантакузин, с. 249—251.

⁵ Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове, с. 264.

⁶ З. Трифунович. Димитрије Кантакузин, с. 171.

⁷ Таким является список Пушкинского Дома из Карельского собрания, поступивший недавно.

⁸ Таковы оба списка, хранящиеся в ГБЛ, из собраний Оптиной пустыни и Костромской библиотеки.

⁹ Это относится к спискам БАН СССР, описанным в 1951 г. А. Н. Ковусовым и В. Ф. Покровской.

¹⁰ Один из этих списков находится в рукописи собрания Титова (ГПБ) и описан им в 1901 г. но указан как «Молитва пресвятой Богородице умилительной». Другой список помещен в рукописи с молитвами, тропарями и кондаками собрания Оптиной пустыни (ГБЛ).

Первая редакция представлена 11 списками, весьма близкими к печатному тексту издания 1660 г. И по содержанию, и по форме они почти совпадают с этим ранним изданием, а также с некоторыми, более старыми южнославянскими списками. Конечно, существуют различия фонетического, морфологического и синтаксического характера, исследование которых могло бы привести к интересным выводам об истории текста этого произведения.

Ко второй редакции «Молитвы к Богородице» относятся два списка (один в ГПБ, другой в ГБЛ), оба XVIII в. До сих пор эти списки не привлекали к себе внимания исследователей, что, вероятно, объясняется отсутствием в заглавии обоих списков имени Дмитрия Кантакузина. Вторая редакция представляет собой сильное сокращение первоначального текста стихотворения. Из 308 стихов первой редакции здесь обнаруживается всего 30 адекватных стихотворных строк, причем некоторые из них переработаны.

Наличие 13 списков «Молитвы к Богородице» Дмитрия Кантакузина в книгохранилищах СССР, большинство из которых русского происхождения, красноречиво говорит о большом интересе в России к этому произведению. Не исключена возможность, что в книгохранилищах Советского Союза найдется еще не один список «Молитвы».

Ниже привожу перечень этих списков.

Списки первой редакции

1. «М(о)л(и)тва к пр(е)с(вя)тѣи б(огоро)д(и)цѣ зѣло оумилена, творение Дмитрия Кантакузина, по стихомъ со исповѣданіемъ». Начало: «Всѣхъ ц(а)р(я) и б(о)га м(а)ти бл(а)гая» — ГПБ, собр. Погодина, № 1601. Сборник, составленный из трех рукописей XVII в., л. 121—132 об.¹¹

2. Заглавие и начало те же. ГПБ, собр. Погодина, № 1588. Сборник XVII в., л. 189—204.¹²

3. Заглавие и начало те же. ГПБ, ОЛДП, О-84. Каноник, на 173 + 119 л. XVII в., л. 61—84.¹³

4. Заглавие и начало те же. ЦГИАЛ, собр. Синод., № 1318. Сборник XVII в., л. 176—182 об.¹⁴

5. Заглавие и начало те же. Калинин, Гос. архив Калининской области, собр. Тверского музея, № 74 (2994). Молитвенник со святцами, около 1700 г., л. 190—197.¹⁵

6. Заглавие и начало те же. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 225. Сборник конца XVII—начала XVIII в., л. 164—169 об.¹⁶

7. Заглавие и начало те же. ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 42 (749). Псалтырь конца XVII—начала XVIII в., л. 241—246.¹⁷

8. Заглавие и начало те же. ИРЛИ, собр. Карельское, № 10 (497). Сборник XVIII в., л. 28 об.—48.¹⁸

¹¹ См.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, с. 234—239. Несущественные отличия в заглавии и в начальных строках здесь и во второй редакции не отмечаются.

¹² См.: там же, с. 30—34.

¹³ См.: Хр. Лопарев. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, с. 92—94.

¹⁴ См.: А. И. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего правительствующаго синода, т. II, вып. 1. СПб., 1906, с. 112—116.

¹⁵ См.: М. Н. Сперанский. Описание рукописей Тверского музея, вып. 1. М., 1891, с. 89—91.

¹⁶ См.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, т. I. М., 1888, с. 160.

¹⁷ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 1. Казань, 1881, с. 50—55.

¹⁸ См.: Описание древнерусских рукописей Пушкинского Дома, Карельское собрание, № 10 (497) (машинопись, ИРЛИ).

9. Заглавие и начало те же. ГПБ, собр. Титова, № 248 (3577). Каноник XVIII в., л. 27—32.¹⁹

10. Заглавие и начало те же. БАН, Арханг., № 553. Сборник конца XVIII—начала XIX в., л. 96 об.—103 об.²⁰.

11. Заглавие и начало те же. ГБЛ, собр. Костромской библиотеки, № 76. Сборник духовно-апокрифический конца XIX в., л. 18—27.²¹

Списки второй редакции

1. «М(о)л(и)тва прес(вя)теи б(огоро)д(и)це оумилителна». Начало: «Откуда начну плакати, о прес(вя)тая д(ѣ)во». ГПБ, собр. Титова, № 280 (958). Молитвы XVIII в., л. 39 об.—41 об.²²

2. Заглавие и начало те же. ГПБ, собр. Оптиной пустыни, ф. 241, № 749. Молитвы, тропари и кондаки конца XVIII в. (водяной знак «1788»), л. 56—57 об.²³

¹⁹ См.: Описание славяно-русских рукописей А. А. Титова. Собр. чл.-корр. Общества любителей древней письменности А. А. Титова, т. I, ч. 2. СПб., 1901, с. 138.

²⁰ См.: А. П. Ко ну со в, В. Ф. По кро в с ка я. Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 435—436.

²¹ См.: И. М. Ку д р я в ц е в, М. Б. Ша р ко в а, С. В. Ж и то м и р с ка я, Н. К. Ш в а б е. Описание собрания рукописей Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской, т. I. М., 1952, с. 148—149 (машинопись, ГБЛ).

²² См.: Описание славяно-русских рукописей А. А. Титова, с. 168—170.

²³ См.: Описание собрания рукописей Оптиной пустыни, т. IV. М., 1953, с. 53 (машинопись, ГБЛ).

Памяти Владимира Ивановича Малышева

2 мая 1976 г. на 66-м году жизни скончался заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев. В советской медиевистике он занимал особое, почетное место, на протяжении десятилетий возглавляя работу по собиранию древнерусских рукописей.

В. И. Малышев был крупнейшим русским собирателем XX в. Он начал археографическую работу еще на студенческой скамье. В 1934 г. на скромный студенческий кошт, на свой страх и риск он предпринял поездку в низовья Печоры и привез оттуда в Ленинград первые находки. Потом были новые и весьма плодотворные экспедиции, создавшие молодому ученому заслуженную репутацию мастера своего дела.

Война прервала эту деятельность. В. И. Малышев воевал на Ленинградском фронте, был тяжело ранен на Синявинских болотах, удостоен боевых наград. Тотчас после демобилизации, в 1946 г., он стал сотрудником Пушкинского Дома. На заявлении В. И. Малышева о приеме на службу тогдашний заведующий Сектором древнерусской литературы академик А. С. Орлов написал: «Прошу принять как незаменимого работника». Правильность этой характеристики В. И. Малышев доказал своей поистине подвижнической деятельностью.

Список его находок велик и великолепен. Он опубликовал второй список «Слова о погибели Русской земли». Он открыл повесть XVII в. о богатыре Сухане, образцовое исследование которой дал в одной из своих монографий. Он ввел в научный оборот много неизвестных текстов Аввакума.

Однако уникальные памятники никогда не были для В. И. Малышева самоцелью. Его интересовала прежде всего старинная крестьянская письменная культура Русского Севера. Поэтому В. И. Малышев выдвинул принцип сплошного и многократного археографического обследования северных районов. Этот принцип блестяще оправдал себя в практике. Созданные В. И. Малышевым и его учениками территориальные собрания (Печорское, Карельское, Пинежское, Северодвинское, Мезенское, Латгалское и др.) ценны не только древнерусским историко-литературным материалом, который они содержат. Эти собрания ценны и тем, что позволяют воссоздать сложную и увлекательную картину духовной жизни русских крестьян.

Для В. И. Малышева любимой «рукописной рекой» всегда оставалась низовая Печора — от Усть-Цильмы до Пустозерска и Нарьян-Мара. Занятия печорскими рукописями (В. И. Малышев собрал их больше тысячи) позволили установить местные книгописные мастерские, очертить круг чтения печорских крестьян, выявить тамошних прозаиков и поэтов. Итоги этой грандиозной работы В. И. Малышев подвел в прекрасной книге «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX веков» (1960 г.).

Печора привлекала В. И. Малышева и по другой причине: здесь, в пустозерской земляной тюрьме, Аввакум написал свое «Житие» и другие сочинения. Можно сказать, что именно в пустозерском заточении

Аввакум стал писателем. Между тем наследием Аввакума, — наряду с собиранием рукописей, — В. И. Малышев занимался всю жизнь. И к Аввакуму он подходил прежде всего как археограф. Он открывал неизвестные сочинения Аввакума, устанавливал новые факты его биографии, собирал аввакумовскую библиографию. Венцом этой работы стало издание «Пустозерского сборника» (1975 г.), содержащего автографы житий Аввакума и Епифания. Но «Летопись жизни и творчества Аввакума», которую В. И. Малышев готовил долгие годы, так и осталась незаконченной.

К древнерусским рукописям В. И. Малышев относился не как к музейным экспонатам, а как к «живой старине», важной и неотъемлемой части современной русской культуры. Он был неустанным пропагандистом этой «живой старины». Именно В. И. Малышеву мы обязаны тем, что благородным делом собирания старинного рукописного наследия, которое он когда-то начинал в одиночку, ныне заняты десятки специалистов Ленинграда, Москвы, Новосибирска и других центров. Отчеты об археографических экспедициях самого В. И. Малышева и других специалистов публиковались в «Трудах Отдела древнерусской литературы», в разделе «По рукописным собраниям». В. И. Малышев был и создателем, и постоянным редактором этого раздела. Он активно сотрудничал (еще с довоенного времени) и в других разделах ТОДРЛ.

Таким ученым, каким был В. И. Малышев, не делаются, таким ученым рождаются. Он был удивительно бескорыстным человеком. Он всегда внушал своим ученикам, что нельзя искать рукописи «для себя», что в государственных собраниях они будут и сохраннее, и доступнее для специалистов. Это бескорыстие, эта подвижническая преданность своему делу позволили В. И. Малышеву создать своего рода прижизненный памятник: Древлехранилище Пушкинского Дома, которое он основал четверть века назад и в котором теперь собрано больше семи тысяч рукописей.

А. Панченко.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
АИ — Акты исторические.
АН СССР — Академия наук СССР.
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Брикк — С. М. B r i q u e t. Les filleigraues. Paris. 1907.
ВВ — Византийский временник.
ВИ — Вопросы истории.
ВЛ — Вопросы литературы.
ВМЧ — Великие Минеи Четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Гераклитов — А. А. Г е р а к л и т о в. Филлиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. ●
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Исторический архив.
ИЗ — Исторические записки.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
Клепиков. Филлигр. и штемп. — С. А. К л е п и к о в. Филлиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев. Бум. мельн. — Н. П. Л и х а ч е в. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев. Вод. зн. — Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МДА — Московская духовная академия.
- НІЛ, НІІЛ, НІІІЛ, НІVЛ, НVЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- ПІЛ, ПІІЛ, ПІІІЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РЛ — Русская литература.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
- СІЛ, СІІЛ — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский. Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Тромони — К. Т р о м о н и н. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ
В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

1. Рукописи должны представляться в трех экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название издания (для статьи), место издания (в том числе для журнала), год, номер, выпуск (для периодических изданий), страницы (обозначая их буквой «с.»).

5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.

6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» начиная с т. XIV.

7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы» (с. 494—498).

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
— Л. А. Дмитриев (Ленинград). 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова»)	3
— Д. М. Шарыкин (Ленинград). Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов	14
— В. В. Колесов (Ленинград). Ударение в «Слове о полку Игореве»	23
— В. Ю. Франчук (Киев). Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи)	77
— В. А. Козырев (Ленинград). Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров	93
— И. Клейн (Майнц). «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы)	104
— Б. И. Яценко (Ужгород). Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве»	116
— А. Н. Робинсон (Москва). «Русская земля» в «Слове о полку Игореве»	123
— О. В. Георгогов (Ленинград). К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»	137
— Д. С. Лихачев (Ленинград). Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». (Исследование Анджело Данти)	165

А. А. Зимин (Москва). Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы)	176
Я. С. Лурье (Ленинград). Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста)	202
Ю. Д. Рыков (Москва). К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV	235
Р. П. Дмитриева (Ленинград). О структуре Повести о Петре и Февронии	247
С. Матхаузерова (Прага). Две теории текста в русской литературе XVII в.	271

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. А. Дмитриев (Ленинград). Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве».	285
В. А. Захаров (Кисловодск). Что означает «. . . до курь Тмутороканя» в «Слове о полку Игореве»?	291
Б. И. Яценко (Ужгород). Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве»?	296
М. Ф. Гетманец (Харьков). По следам князя Игоря	305
— С. А. Высоцкий (Киев). Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии	327
— И. Г. Ямпольский (Ленинград). Из истории работы А. Н. Майкова над переводом «Слова о полку Игореве» (по архивным материалам)	334
— А. П. Могиланский (Ленинград). Из истории переводов «Слова о полку Игореве» на польский язык. (Отзыв С. Н. Палаузова о переводе А. Красинского)	341
Л. А. Дмитриев (Ленинград). Книга академика В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України—Руси XII віку». (К 50-летию издания)	344
Г. М. Прохоров (Ленинград). Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе. (Проблемы и задачи изучения)	351
Н. В. Поньрко (Ленинград). Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума	362

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

От редактора отдела	366
<i>Н. В. Понырко</i> (Ленинград). Экспедиция 1974 г. в Тарногский район Вологодской области	368
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Поездка за рукописями в Латвию	371
<i>В. П. Бударгин</i> (Ленинград). На Северной Двине и в верховьях Пинеги	373
<i>Н. С. Демкова, Е. К. Пиотровская</i> (Ленинград). Поиски рукописей на Северной Двине летом 1974 г.	376
<i>Е. К. Пиотровская</i> (Ленинград). Усть-цилемская обработка «Повести об Акире Премудром»	378
<i>С. Ф. Фролов</i> (Ленинград). Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома	384
<i>И. Н. Уланова</i> (Ленинград). Указ выговцев об изготовлении туесков	387
<i>Т. А. Алимова</i> (Ленинград). Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII—XIX вв.	390
<i>Г. Данчев</i> (София). Списки «Молитвы к Богородице» Дмитрия Кантакузина в книгохранилищах СССР	393
Памяти Владимира Ивановича Малышева	397
Список сокращений	399
К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	401